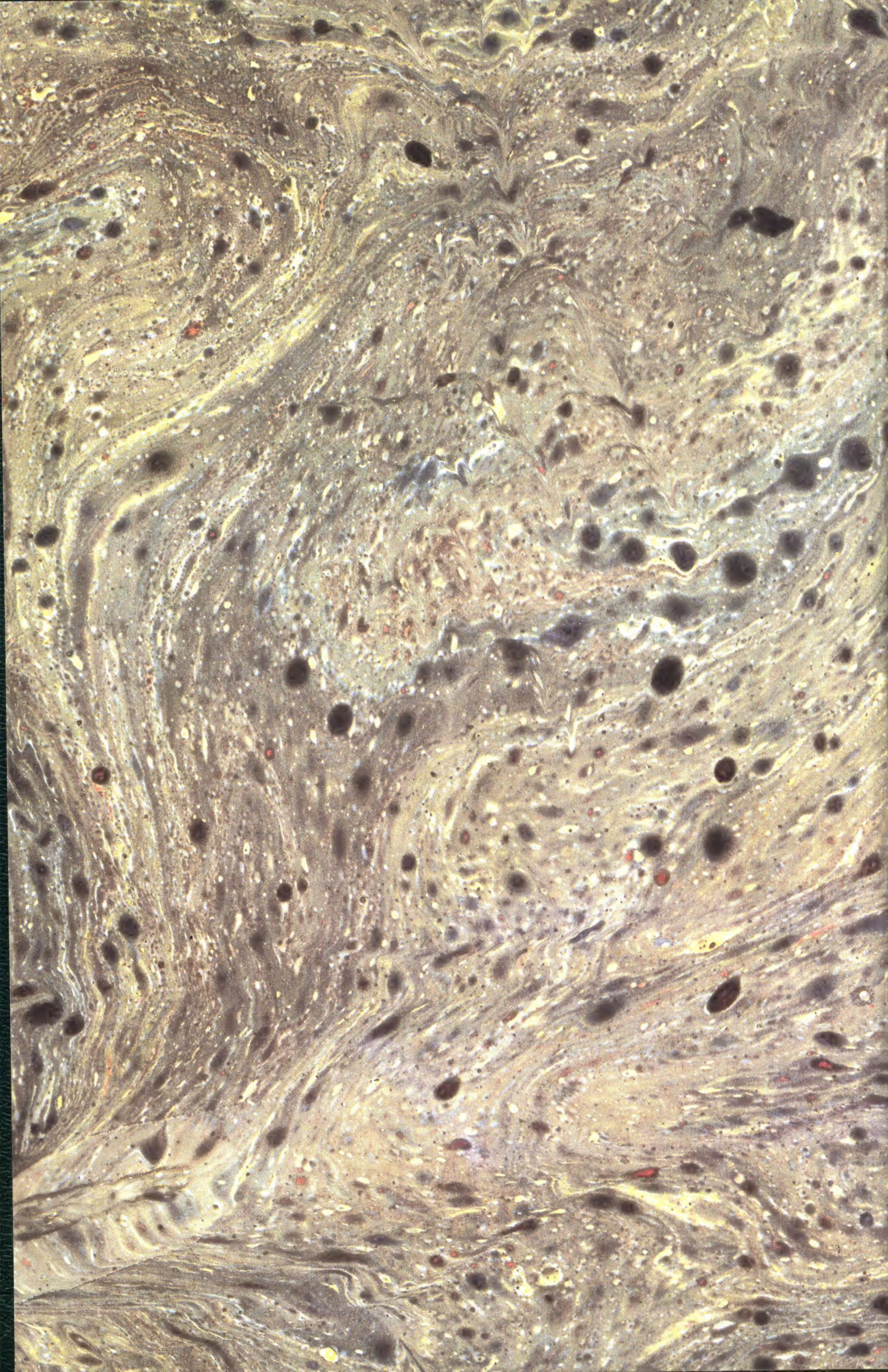
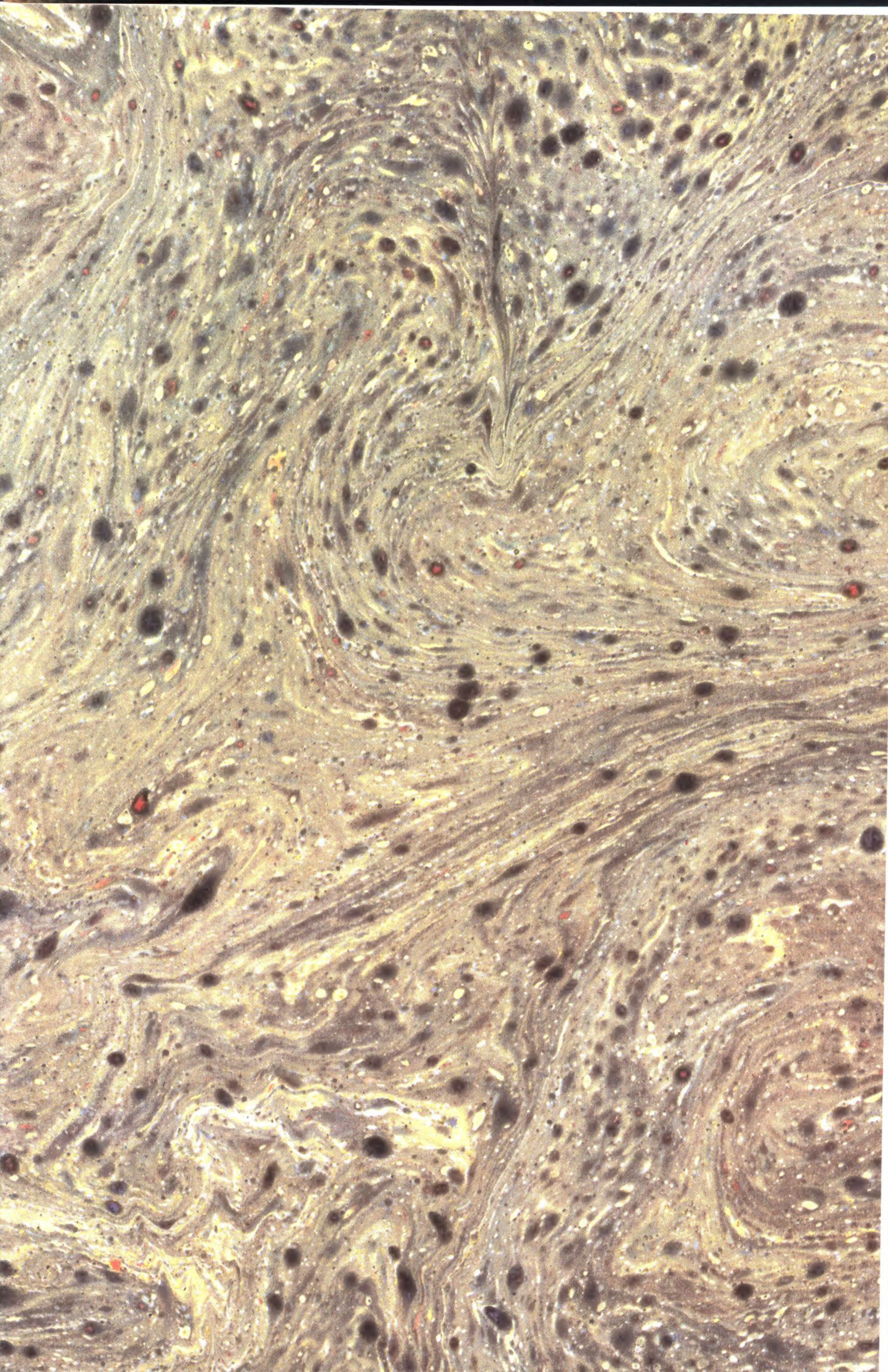
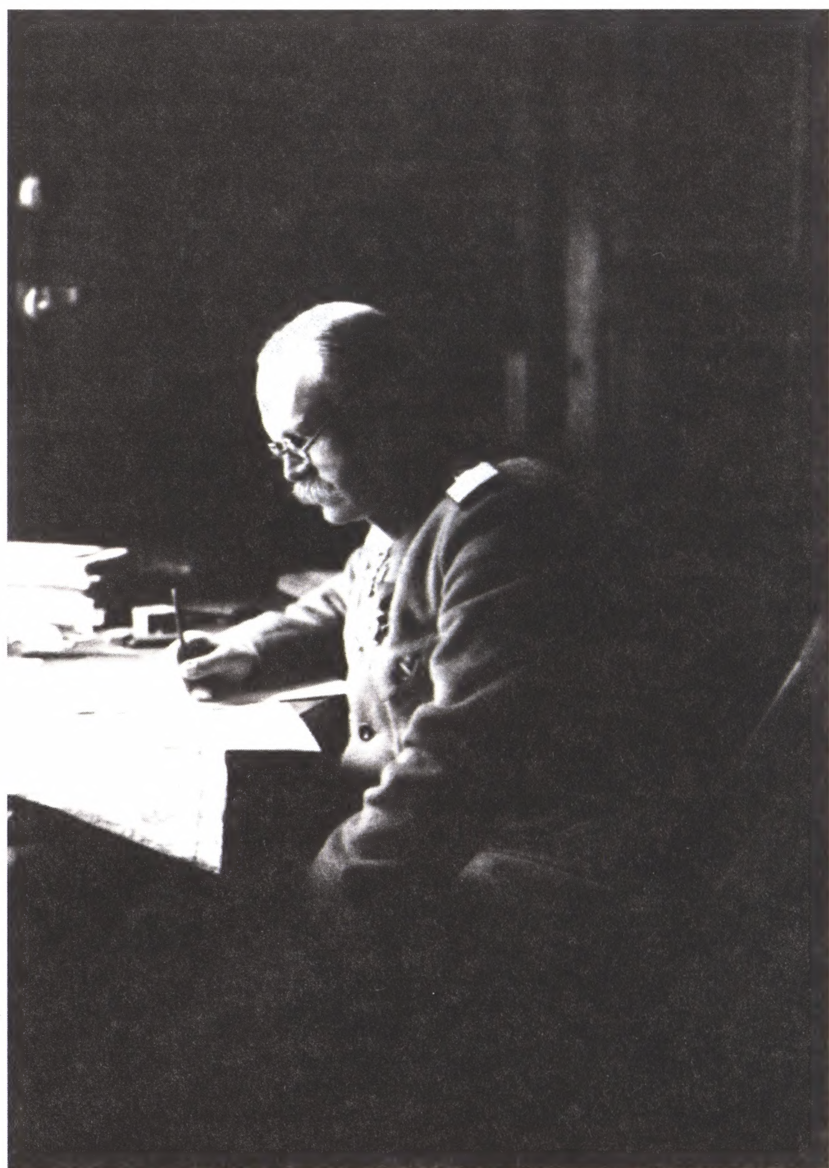
В. Ф. Джунковский

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВО им. САБАШНИКОВЫХ

В. Ф. Джунковский
ВОСПОМИНАНИЯ

Под общей редакцией
А. Л. ПАНИНОЙ

В двух томах

ТОМ ВТОРОЙ

Москва
Издательство имени Сабашниковых

УДК 947.0
ББК 63.3(2)
Д42

Археографическая подготовка текста

А. Л. ПАНИНОЙ

Предисловие и примечания

И. М. ПУШКАРЕВОЙ и З. И. ПЕРЕГУДОВОЙ

Редактор серии

А. Л. ПАНИНА

Оформление серии

С. И. СЕМЕНОВА

Издательская программа
правительства Москвы

Издание осуществлено при финансовой
поддержке правительства Москвы
к 850-летию Москвы

ISBN 5-8242-0044-00

Глава 8

1912 год
(продолжение)

Возвращение в Москву и подготовительные работы по устройству юбилейных торжеств в Бородине. — Открытие и освящение памятника Неверовскому. — Проезд иностранных миссий через Москву в Японию. Принц Генрих Прусский. — Московское общество воздухоплавания. Избрание меня председателем Общества. — Переезд мой в Бородино для личного руководства работами к юбилейным торжествам. — Бородино сто лет назад 25—26 августа. — Первый день юбилейных торжеств в Бородине 25 августа накануне 100-летней годовщины Бородинского боя. — 26 августа — 100-летие Бородинского боя. — Отъезд Государя из Бородина. — Московские торжества. — Высочайший выход в Успенский собор. — Высочайшее посещение дворян. — Иллюминация Москвы. — Высочайший смотр войскам на Ходынском поле. — Обед для волостных старшин. — Высочайшее посещение городской думы. — Торжественный обед в Георгиевском зале Кремлевского дворца для военных. — Заупокойное богослужение в храме Христа Спасителя. — Высочайший смотр учащимся. — Посещение их величествами выставки 1812 г. в Историческом музее. — Высочайшее посещение панорамы Бородинского боя. — Моя переписка с великим князем Николаем Михайловичем по поводу выставки и панорамы. — Всенародное моление на Красной площади. — Высочайшее посещение Кустарного музея. — Парадный обед в Кремлевском дворце. — Пожалование мне портрета Государя. — Отъезд их величеств из Москвы. — Обед, данный князем Александром Георгиевичем французским депутациям. Вручение мне ордена Почетного легиона. — Бородинское общество для охраны памятников. — Открытие и освящение музея-часовни в Филях. — Роспуск 3-й Думы. — Кончина И. И. Лебедева. — Заседание губернского присутствия по моему протесту о выборе А. А. Рейнбота в гласные. — Экстренная сессия губернского земского собрания. Выборы в Государственный Совет. — Трагическое происшествие с автомобилем у деревни Дурыкино. — 10-летие артистки А. В. Неждановой. — Объявление Турцией войны Сербии. — Храмовый праздник 6-ой Отдельной казачьей сотни в г. Богородске. — Болезнь наследника цесаревича. — Открытие в Москве диспансеров. — Кончина И. И. Чагина. — Освящение нового здания для калек в Москве. — Кончина П. И. Бартенева. — Открытие памятника павшим перновцам при освобождении г. Вязьмы от французов в 1812 г. — Выборы в 4-ю Государственную Думу. Малиновский. — Совещание по борьбе с хулиганством в деревне. — Кончина протоиерея К. Н. Зверева. — 50-летний юбилей Городского кредитного общества в Москве. — Кончина А. К. Терновского. — Мой отъезд в Кисловодск для лечения. — Открытие 4-й Государственной Думы. — Кончина митрополита Антония и перевод митрополита Владимира в Петербург. —

Митрополит Макарий. — Выборы в Московское уездное земское собрание. — Декларация В. Н. Коковцова в 4-й Думе. — Моя поездка в Царское Село. — Е. Н. Рощина-Инсарова. — Кончина ректора Московского университета графа Л. А. Комаровского. — Увольнение Макарова и назначение Н. А. Маклакова министром внутренних дел. — Поселок Владимиро-Джунковский. — Предложение Маклакова занять должность товарища министра. — Годичный акт в Лицее. — Мое назначение, прощание с Москвой.

Празднование было назначено на Бородинском поле сражения 25—26 августа, а в г. Москве 27—30 августа. Подготовительные работы потребовали много напряжения и были очень сложны, особенно на Бородинском поле, находящемся в пределах губернии, в Можайском уезде, почему и все заботы и вся ответственность по организации торжеств на этом поле легли на меня. В г. Москве ответственность лежала на градоначальнике, за исключением 28 августа, дня высочайшего смотра войск на Ходынском поле, находившемся в то время вне городской черты, в пределах вверенной мне губернии. Но тут моя работа была несложна — она ограничивалась только общим порядком во время смотра, выдачей билетов на трибуны и охраной окружающей местности.

В Бородине же подготовительные работы к юбилейным торжествам были весьма сложны и ответственны. Эти работы можно разделить на работы капитальные, которые начаты были еще за год до торжеств, и работы, непосредственно предшествовавшие празднествам, которые были произведены в течение августа месяца.

К первым относятся: 1) устройство шоссе от станции Бородино Александровской ж. д. до большой Смоленской дороги на протяжении около 5 верст, каковая работа была возложена на губернское земство с отпуском необходимой суммы из казны; 2) постройка особой временной железнодорожной ветки (2 версты) от станции Бородино к Бородинскому полю с сооружением особой платформы с павильоном для стоянки императорских поездов — это было возложено Министерством путей сообщения на Управление Александровской ж. д., на что были ассигнованы особые суммы; 3) на Управление Александровской ж. д. возложен был капитальный ремонт станции Бородино и устройство сквера возле станции. Здание станции Бородино было построено заново в стиле Александровской эпохи, в этом же стиле устроена была и ограда вокруг сквера; 4) возобновление укреплений и приведение в порядок Шевардинского редута и Семеновских флешей и батареи Раевского с вырубкой леса вокруг; 5) капитальная починка всех дорог на Бородинском поле сражения с постройкой новых мостов и 6) устройство новых дорог между некоторыми историческими местами — моментами боя — все эти работы четырех последних пунктов производились непосредственно под моим наблюдением, для чего в мое распоряжение командированы были две роты гренадерского саперного батальона под начальством капитана Турчина, в день юбилея произведенного в подполковники; 7) капитальный ремонт Бородин-

ского монумента и могилы князя Багратиона, командовавшего под Бородиным 2-ой Армией, и постройка нового Инвалидного домика на месте старого с устройством в нем музея — все это также производилось под непосредственным моим наблюдением и по моим указаниям, согласно представленной мною сметы; 8) капитальный ремонт Бородинского дворца и приведение в порядок дворцового парка — эти работы произведены были распоряжением императорского двора и меня не касались; 9) сооружение в разных частях Бородинского поля сражения памятников различным частям войск в воспоминание славных подвигов их предков, а также и главному герою — бессмертному Кутузову в деревне Горках, этот памятник был сооружен Военно-историческим обществом.

Ко вторым работам, которые все производились по непосредственным моим указаниям, относятся: 1) устройство площадки для парада в высочайшем присутствии у Бородинского монумента, с постановкой особого шатра и походной церкви императора Александра I; 2) устройство питательных пунктов для народа, которого ожидалось до ста тысяч; 3) устройство санитарных пунктов, амбулаторий и временной больницы; 4) устройство лагеря для волостных старшин и представителей крестьян со всей России; 5) постройка временных бараков для приезжих депутаций войсковых частей и других сословий и распределение имевшихся помещений; 6) организация перевозочных средств для приглашенных; 7) устройство кинематографа из ряда событий Отечественной войны; 8) украшение поля сражения и устройство иллюминации и 9) выработка мер охраны.

На все работы, которые производились по моим указаниям и моим распоряжениям, отпущено было 85 000 руб., и приходилось очень экономить, чтобы не выйти из бюджета. На мои личные расходы, сопряженные с разъездами и приемами, отпущено было 3 000 руб. К работе привлечено было губернское земство, которое проявило большую энергию в деле постройки шоссе, санитарных мероприятий и по украшению поля сражения. Помимо губернского земства я привлек к работе и весь многочисленный состав состоявших при мне лиц в качестве чиновников особых поручений, чинов моей канцелярии во главе с управляющим тогда канцелярией С. В. Степановым, Московское столичное попечительство о народной трезвости и, в качестве рабочих, арестантов из московских мест заключения.

От военного ведомства, с которым мне приходилось все время иметь непосредственную связь, командующий войсками генерал Плеве командировал в мое распоряжение Генерального Штаба полковника В. Н. Никольского, который явился моим ближайшим помощником по всем вопросам, возникавшим при выполнении всех работ, связанных с торжествами. Мою работу с ним я вспоминаю всегда с самой искренней признательностью. Это был очень умный,

образованный офицер Генерального Штаба, военный историк, очень способный, тактичный и прекрасный работник. Особенную помощь он мне оказал в руководстве работами гренадерских саперов по восстановлению укреплений Шевардинского редута и Семеновских флешей, которые были восстановлены полностью, по всем историческим данным. Не могу не отметить при этом безукоризненную работу саперов под руководством своего начальника подполковника Турчина — это был на редкость добросовестный работник, с глубоким знанием своего дела, пользовался он огромным влиянием на подчиненных ему саперов, которые, по-видимому, его очень любили и среди коих он пользовался большой популярностью. Благодаря этому офицеры и солдаты работали дружно, как одна семья, а саперной работы было очень много, и часто приходилось работать при неблагоприятных тяжелых условиях, а я в каждый свой приезд прибавлял им еще и еще работы, причем все мои распоряжения принимались саперами всегда не только охотно, но и радостно. Такое создавшееся отношение между саперами и мною, благодаря их командиру подполковнику Турчину, давало мне большое удовлетворение и вселяло уверенность, что все будет сделано вовремя и сделано хорошо, так что сделав необходимые распоряжения, я всегда уезжал вполне спокойно.

Через несколько лет, уже в 1916 г., когда я, будучи на войне, командовал 15-ой Сибирской стрелковой дивизией и моя дивизия прикомандирована была к Гренадерскому корпусу, в мое распоряжение поступила рота гренадерского саперного батальона — та самая, которая работала на Бородинском поле и среди коей много было еще саперов, помнивших меня. Мы встретились более чем радостно, и эта рота все тяжелые работы по укреплению позиций на фронте выполняла так же блестяще, как и в Бородине, а когда после переворота, в феврале 1917 г., во всех частях войск революция отозвалась прежде всего на саперных частях, в гренадерской саперной роте, находившейся в моем распоряжении, порядок сохранился в полной неприкосновенности и ни разу не был нарушен.

Постройка нового Инвалидного домика и капитальный ремонт Бородинского монумента потребовали много хлопот, благодаря довольно халатному отношению к этому делу со стороны строительного отделения губернского правления, которое всегда отличалось инертностью, а кроме того я имел неосторожность поручить постройку гражданскому инженеру В. В. Воейкову, безукоризненная честность которого мне была хорошо известна. К сожалению, помимо [этих] качеств, он обладал и недостатком, и энергии не проявил, испортив мне много крови своей медлительностью и неаккуратностью. Все же удалось кое-как закончить ремонт и устроить в домике небольшой музей. Мебель для музея я приобрел лично в Петербурге, в Апраксином рынке, где нашел очень подходящую красного дерева Александровской эпохи и очень недорого.

Я искал везде хороший бюст Александра I и нашел в Москве, в антикварном магазине Гобермана чудную мраморную статую во весь рост, но цена 10 000 руб. меня смутила, таких денег у меня не было, и я очень пожалел, что не мог ее приобрести. Прошло некоторое время, ко мне неожиданно приехал Л. Л. Зубалов — известный коллекционер старины и картин, очень богатый человек, и пригласил меня приехать к нему (он жил в своем доме у Красных ворот, очень замкнуто, никого не принимая) посмотреть его коллекции и картины, относящиеся к 12 году. Я поехал, и каково было мое удивление, когда я увидал у него в кабинете статую Александра I, которой я любовался в магазине Гобермана. Оказалось, что он ее приобрел. Она показалась мне у Зубалова среди чудной обстановки его кабинета еще художественнее. Когда я осмотрел все интересные коллекции, собрался уже уезжать, Зубалов меня спросил, правда ли, что я намеревался купить у Гобермана статую Александра I, и получив утвердительный ответ, обратился ко мне с просьбой принять от него эту статую для музея. На другой же день Зубалов мне ее прислал, и я поместил ее в музей Инвалидного домика, где и поныне она украшает главный его зал. Такое предупредительное, внимательное отношение ко мне Зубалова меня тем более тронуло, что он решительно отказался от какой бы то ни было благодарности, желая даже остаться неизвестным жертвователем, но на это я не согласился и приделал к пьедесталу дощечку с надписью: «Дар Л. Л. Зубалова».

При ремонте Бородинского монумента выяснилось, что памятник этот окружен крестьянской надельной землей, и потому, во всякое время, крестьяне могли ее запахать, что преградило бы доступ к памятнику. Во избежание этого я решил купить 120 квадратных саженей крестьянской земли за свой счет и от Инвалидного домика к памятнику устроить дорогу шириной в три сажени. Крестьяне мне охотно продали этот участок за 120 рублей, а саперы устроили прекрасную утрамбованную дорогу.

В следующем 1913 г., когда я, будучи назначен товарищем министра внутренних дел, покинул Москву, можайские дворяне, а также лица других сословий, проживавшие в Можайском уезде и в г. Можайске, возбудили всеподданнейшее ходатайство о помещении в Инвалидном домике, за их счет и на вечные времена, моего поясного портрета в знак благодарности за мое внимание и заботливость как губернатора к нуждам уезда. 8 марта 1913 г. последовало высочайшее Государя императора соизволение, и портрет мой был помещен в Инвалидном домике с следующей надписью под портретом:

«В восьмой день марта месяца 1913 г. последовало высочайшее Государя императора соизволение на помещение в Инвалидном домике при Бородинском монументе поясного портрета бывшего московского губернатора, ныне товарища министра внутренних дел,

Свиты его величества генерал-майора Владимира Федоровича Джунковского, о чем имеется извещение директора Измайловской военной богадельни императора Николая I на имя московского губернатора 24 марта 1913 г. за № 338.

Высочайшее соизволение это последовало вследствие ходатайства дворян Можайского уезда, а также лиц других сословий, проживающих в Можайском уезде и в г. Можайске, которые вспоминая происходившие в августе месяце 1912 г. знаменательные, в высочайшем присутствии, торжества на Бородинском поле Можайского уезда в память столетия 1812 г., в устройстве каковых принимал главнейшее и самое деятельное участие бывший московский губернатор Свиты его величества генерал-майор Владимир Федорович Джунковский, многократно посещавший для этого Можайский уезд и способствовавший устройству Инвалидного домика при Бородинском монументе, являющегося украшением Можайского уезда, ходатайствовали о разрешении поместить, за их счет, в этом домике на вечные времена портрет Владимира Федоровича Джунковского, причем ходатайство свое соединили с той великой благодарностью, которую выражает население Можайского уезда Владимиру Федоровичу Джунковскому за его постоянное внимание и величайшую заботливость к населению и нуждам уезда».

Такое исключительное внимание со стороны можайцев меня глубоко тронуло. Портрет мой висел неприкосновенным до 5 декабря 1921 г., когда музей посетил коммунист Александр Жаров и, осмотрев его, написал в книге для посетителей следующее: «Имел удовольствие быть в музее 5 декабря 1921 г. Следует отметить внешнюю вылощенную чистую физиономию музея, плоды заботливого наблюдения заведующего, и внутреннюю пустоту содержания. Имеется хорошая основа, блестящая наружность, почему бы не пополнить внутреннее содержание, чтобы сделать музей действительно драгоценной сокровищницей старины, напоминающей о историческом ходе лет в поле революционной современности. Зачем только портрет Джунковского? Это мне непонятно. Ни исторической ценности и никакой другой из себя не представляет. Рекомендую его сделать экспонатом помойной ямы, предать огню или отдать людям со старыми низкопоклонническими замашками.

Проходят века — сумасшедшие странницы,
На щитах и картинах — их былые слова...
Но не вечно же солнцу кланяться
Да золотым головам.
Спокойно сердцу биться надо
Под шелест древней тишины,
Окидывать спокойным взглядом
Картины ветхой старины.

Александр Жаров. 19 5/XII/21».

Такая надпись смутила заведующего музеем, и он поспешил убрать мой портрет.

В течение всего летнего времени, предшествовавшего торжествам, разные войсковые части ставили свои памятники на Бородинском поле в ознаменование славных деяний предков. Для сего войсковые части сносились со мною для выбора места, переговоров с крестьянами или другими владельцами для покупки соответствующего участка земли, после чего приезжали представители полков для составления актов и постановки памятников. Всех памятников было поставлено тридцать три, они были красиво разбросаны по всему Бородинскому полю.

В деревне Горках Военно-историческое общество поставило памятник Кутузову на том месте, откуда он руководил войсками, изображавший пирамидальную колонну бурого гранита. В центре колонны острием вверх рыцарский меч. На вершине — бронзовый орел с лавровым венком у ног. Постамент из глыбы черного гранита. Вокруг цоколя — белые закругленные куполами тумбы, связанные железом цепей. Под рукояткой меча — бронзовый барельеф, изображающий Михаила Илларионовича. Над барельефом высечено донесение Кутузова: «Неприятель отражен на всех пунктах». Ниже под барельефом: «Кутузов. 26 августа 1912 г.». С задней стороны: «Отсюда фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов руководил войсками в сражении при селе Бородино 26 августа 1812 г.».

Когда Военно-историческое общество обратилось к крестьянам деревни Горки с просьбой продать участок земли под памятник Кутузову, крестьяне отказали, мотивируя, что продавать усадебную землю для них невозможно, так как в будущем это может поставить деревню в безвыходное положение. Тогда Общество обратилось ко мне, и, к моему большому удовлетворению, крестьяне не только пошли навстречу желанию Военно-исторического общества, но составили даже приговор об уступке в личную мою собственность по дарственной четырехсот квадратных саженей усадебной земли в полное мое распоряжение. Таким образом суждено было, чтобы памятник Кутузову поставлен был на участке земли, поступившем по дарственной в личную мою собственность.

Перейду теперь к работам по обеспечению порядка и благоустройства во время празднеств, к которым было приступлено в августе месяце, перед самыми торжествами.

У Бородинского памятника надлежало спланировать по возможности окружающую местность, чтобы приготовить соответствующую площадку для парада и поставить у самого памятника специальный шатер в стиле «Empire» * для походной церкви императора Алек-

* Стиль «ампир» — термин, применяющийся к искусству позднего европейского классицизма, употребляется по отношению к русскому искусству первой трети XIX в.

сандра I. Затем, ввиду ожидавшегося весьма большого наплыва народа, особенно с крестным ходом из Смоленска с иконой «Одигитрии» Смоленской Божьей Матери, находившейся при войсках в 1812 г., устроены были в разных местах поля питательные пункты, оборудование которых мною было возложено на Московское столичное попечительство о народной трезвости, для чего от попечительства было направлено несколько отрядов; руководство всем этим взял на себя товарищ мой по должности председателя попечительства В. Б. Шереметев с помощью заведовавших тогда народными домами.

Для подания медицинской помощи были устроены земством амбулатории и приемный покой на несколько кроватей, кроме того, от Красного Креста прибыл отряд братьев милосердия от Серафимовского комитета для оказания в случае надобности помощи; при отряде этом находилось 8 врачей под руководством ассистента хирургической клиники Московского университета, доктора медицины Г. К. Стеблин-Каменского. Для волостных старшин и представителей населения, собранных со всех концов России в числе 5000 человек, саперы устроили и оборудовали лагерь. Тут же были устроены и столовые, оборудование коих и обслуживание взяло на себя Московское попечительство о народной трезвости. Все продовольствие на 5000 человек в течение всех дней отпускалось бесплатно. Для них же устроен был и кинематограф на открытом воздухе, так что все 5000 человек могли разместиться сразу по обеим сторонам экрана.

Постройка временных бараков для жилья была сдана мной подрядчику, честному предпринимателю, на особо выработанных по взаимному соглашению условиях. Перевозочные средства для приглашенных организованы были при посредстве «Парижского гаража», с которым я заключил условие — гараж должен был доставить в Бородино 78 автомобилей и возить гостей по утвержденной мною таксе, я же со своей стороны обязался предоставить бесплатный провоз автомобилей от Москвы до Бородина и обратно в особых товарных поездах и устроить навес для помещения автомобилей в Бородине.

Украшение поля сражения в некоторой части взяло на себя губернское земство, которое соорудило две арки в стиле «Empire» с соответствующими надписями и украшениями и поставило ряд мачт, соединенных между собой флажками. Прочее же украшение поля возложено было на особую комиссию из состоявших при мне чиновников особых поручений. Иллюминация поручена была электротехническому отделу Московского столичного попечительства о народной трезвости под руководством заведовавшего этим отделом талантливого и добросовестнейшего труженика И. И. Челнавского. Для иллюминации специально была привезена динамо-машина и устроена электрическая станция. Кроме того, от военного

ведомства в мое распоряжение командирована была прожекторная рота.

Для регистрации приезжих были устроены военное и гражданское бюро, которые и выдавали всем соответствующие билеты за моей подписью, никаких стеснений при этом не делалось, требований свидетельств благонадежности и каких-либо удостоверений не требовалось, билеты выдавались тотчас, по удостоверении личности, тут же в бюро, для чего в состав этих бюро входили лица, которые могли всегда признать в лицо являвшихся за билетами. Такие же лица были мною назначены и на пропускные пункты. Народ и все приезжие лица и богомольцы, которые не были обязаны быть на торжествах согласно церемониала, допускались беспрепятственно, как по всем путям следования их величеств, так и во время парада — им отводились места сейчас же за рядами волостных старшин и представителей крестьян, которых было до 5000 человек и которые, таким образом, составляли живую стену.

Для охранения порядка все поле было разделено на участки — в каждом участке назначен был соответствующий начальник по моему личному выбору из состава чинов полиции или Корпуса жандармов, и в их распоряжение передавался и наряд. Наряд полиции был весьма немногочисленный, так что небольшое число их чинов совершенно было незаметно. Для охранения крестного хода, шедшего из г. Смоленска в Бородино, на границу губернии командированы были конные стражники, такой же наряд был распределен по всему пути следования императорского поезда по Николаевской ж. д. от границы Тверской губернии до Москвы и по Александровской от Москвы до Бородина для охранения трехверстной полосы по обеим сторонам железной дороги вне полосы отчуждения.

Все вышеизложенное требовало много напряжения и работы. Благодаря тому, что я был окружен прекрасными работниками, добросовестнейшими сотрудниками, весьма мне преданными, работавшими не за страх, а за совесть, все удалось как нельзя лучше, и не произошло ни одного недоразумения, ни одного инцидента. Вспоминая это страдное время, мое сердце наполняется глубокой благодарностью ко всем, кто своей работой, своим старанием способствовал успеху всех подготовительных работ, столь сложных и трудных. Я затрудняюсь даже выделить кого-либо, так как все, без исключения, одинаково добросовестно отдавали все свои силы, все свое уменье, чтобы сделать лучше то, что им было поручено.

Весь август месяц мне приходилось постоянно ездить в Бородино, то на автомобиле, то по железной дороге, а с 18 августа я уже переехал совсем со всей своей канцелярией, оставив в Москве моим заместителем вице-губернатора. К числу предварительных моих распоряжений следует отнести также и мои объявления, предшествовавшие торжествам. [...]

12 августа в Бородине состоялось торжество открытия памятника на могиле Неверовского, прах коего, незадолго перед этим перевезенный из Германии, был погребен на Семеновской флеши. Памятник этот представлял из себя монумент из черного гранита с крестом наверху. На лицевой стороне была надпись: «Здесь погребен прах генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского, мужественно сражавшегося во главе своей 27-ой пехотной дивизии и контуженного в грудь ядром 26 августа 1812 года». Сзади: «Генерал-лейтенант Д. П. Неверовский сражен в 1813 году под Лейпцигом. Прах его покоился в Галле и в 1912 по высочайшему повелению Государя императора Николая Александровича перенесен на родину 8 июля того же года».

На торжестве присутствовали высшие военные чины Московского военного округа во главе с командующим войсками генералом Плеве. На меня выпала высокая честь исполнить высочайше данное мне повеление возложить от имени Государя императора на могилу Неверовского лавровый венок, перевитый Георгиевскими лентами.

После освящения памятника Плеве пожелал объехать все Бородинское поле сражения, дабы ознакомиться с произведенными саперными работами и местами постановки памятников. Объезд этот он совершил верхом в сопровождении меня и начальника штаба. Плеве был очень лихой кавалерист и не признавал другого аллюра, как полевой галоп. Но будучи страшно близорук (про него ходил рассказ, что он на боевой стрельбе, проходя мимо мишеней, расставленных на поле, здоровался с ними, принимая их за солдат), он мчался, полагаясь только на свою лошадь, которая действительно брала прекрасно препятствия, легко перепрыгивая и рвы, и заборы. Но на сей раз Плеве, не обращая ни на что внимания, мчался по полю уже не полевым галопом, а прямо карьером, так что оставил далеко за собой весь штаб, только Протопопов и я не отставали от него. И вот, во время этой бешеной скачки я вижу, что Плеве прямо летит в болото, я кричу ему изо всех сил, что впереди болото. Но он, не обращая внимания, продолжал скакать, пока лошадь не завязла, а он едва не перелетел через ее голову. Пришлось ординарцам вытаскивать и его, и лошадь. Но это его не смутило. Вылезши из болота, он таким же темпом продолжал объезд. От этой бешеной скачки, продолжавшейся около часу, у меня сделался сердечный припадок, и я пролежал после этого целый вечер.

В средних числах августа чрез Москву проследовало несколько иностранных миссий, направлявшихся в Японию на похороны японского императора [8]. Первой приехала германская миссия, с которой я встретился случайно, приехав на станцию Бородино, чтоб ехать в Москву. В это время мимо станции Бородино проходил поезд «Люкс», который и был остановлен для меня начальником станции. Когда я вошел в вагон, обер-кондуктор мне доложил, что с этим поездом в вагоне международного общества едет германская миссия

во главе с принцем Генрихом Прусским — братом императора Вильгельма II. Я отправился в вагон германской миссии, где встретил знакомого мне гофмаршала принца Генриха — графа Секендорфа и просил его доложить обо мне принцу.

Принц Генрих, с которым я встречался не раз, тотчас меня принял, был очень любезен; я извинился, что был не в надлежащей форме, так как случайно попал в поезд, в котором он ехал. Я хотел уже уйти от него, чтоб его не беспокоить, но он меня не отпустил, пригласив остаться обедать в вагоне-ресторане. Обед был накрыт на 12 персон в одной половине вагона-ресторана, в другой половине обедали пассажиры поезда. Граф Секендорф познакомил меня со всеми лицами свиты, среди них был и генерал-адъютант и флигель-адъютант императора Вильгельма и другие лица придворного звания. Все это были типичные представительные немцы. Принц Генрих посадил меня справа около себя, и еще не успели подать суп, как он уже налил мне и себе в большие фужеры шампанского. Держал он себя одновременно и развязно, и надменно, производя такой манерой себя держать не особенно приятное впечатление. Надменность его сквозила главным образом тогда, когда он говорил с лицами своей свиты. Со мной он был чрезвычайно любезен и старался как-то особенно подчеркнуть свое внимание, усердно угощая меня и подливая шампанское.

Я бывал на многих обедах и в обществе, и в полках, где всегда пили много, но этот обед в вагоне-ресторане превзошел количеством выпитого шампанского все другие обеды. Я подумал, что если они по всему Сибирскому пути будут так пить каждый день, то в хорошем виде приедут они в Японию на похороны японского императора. Я проводил принца Генриха до Курского вокзала, где его вагон передали с Александровской ж. д. по соединительной ветке.

15 августа чрез Москву проехали три иностранные миссии, направляясь в Японию, — великобританская во главе с принцем Артуром Конаутским, французская — с членом Военного Совета генералом Лебоном, и испанская. Я ездил на Курский вокзал, чтобы их встретить и проводить. Генерал Лебон должен был присутствовать на Бородинских торжествах во главе французской военной делегации от Комитета празднования столетия сражения под Бородиным, председателем которого он состоял, но в последнюю минуту он был командирован в Японию в качестве чрезвычайного посла и заменен в делегации генералом Ланглем.

16 августа состоялось общее собрание членов Московского общества воздухоплавания, на котором, за отказом генерала Плеве от председательства, я единогласно был избран председателем Общества. Такое внимание и доверие со стороны Общества меня глубоко тронули, но я не решался принять на себя такую ответственную роль, не чувствуя себя компетентным в деле воздухоплавания и боясь, что многочисленные мои занятия не позволят мне добросовестно

отнестись к новым для меня обязанностям председателя Общества воздухоплавания. Полученное мною вслед за тем письмо, совершенно частное, от великого князя Михаила Александровича — почетного председателя Общества, который в самых лестных по моему адресу выражениях просил меня не отказываться от председательства, разрешило мои сомнения, и я принял на себя обязанности председателя. Товарищем председателя в то время был князь В. А. Голицын, с которым я был в самых лучших дружеских отношениях и которого глубоко уважал за его прямые честные взгляды, с ним мне было, конечно, очень приятно работать. Канцелярия Совета Общества находилась в помещении Английского клуба, как раз против дома губернатора, что для меня было очень удобно.

Общество имело целью содействовать развитию русского воздухоплавания во всех его формах и применениях, преимущественно научно-технических, военных и спортивных. Оно состояло из членов обоего пола: почетных, действительных (учредителей), пожизненных (жертвователей), сотрудников и корреспондентов. Действительные члены избирались по рекомендации 3 действительных или почетных членов Общества общим собранием, закрытой баллотировкой. Членский взнос был 25 руб. в год. Пожизненные члены вносили единовременно не менее 500 руб., жертвователи — не менее 1000 руб.

Общество сорганизовалось 25 апреля 1910 г. За истекшие 2 с половиной года Общество оборудовало аэродром на Ходынском поле, построило 10 ангаров. Общество имело 5 аппаратов, приобретенных на пожертвования частных лиц, оно построило трибуны и павильон, имело 31 авиационный день. Общество созвало 2-ой Всероссийский съезд в 1912 г. и устроило Международную выставку воздухоплавания, на которой были представлены все последние типы аэропланов и моторов. На аэродроме организовало школу военных летчиков, из которой выпущено было 6 пилотов-летчиков. Школа поддерживалась только средствами Общества. Ко времени моего вступления в должность председателя Общество насчитывало 668 членов и распадалось на комитеты: спортивный, военный и научно-технический. Бюджет Общества в первый год существования был 27 000 руб., во второй год 50 300 руб. и в третий год 78 000 руб., каковые составлялись из членских взносов, частных пожертвований и доходов с публичных выступлений Общества.

Я продолжал числиться председателем Общества и по отъезде из Москвы. С началом войны в 1914 г. Общество значительно расширило свою деятельность, главным образом по подготовке нижних чинов летчиков, и уже в 1915 г. состоялся первый выпуск из школы охотников унтер-офицерского звания в числе 12 человек, которые все были произведены в прапорщики инженерных войск и командированы на войну.

Таким образом, Общество развивалось быстро и, к моему боль-

шому удовлетворению, скромно без всяких реклам делало свое дело, внося немалую лепту на развитие и успех отечественного воздухоплавания. Благодаря опытным сотрудникам и руководителям в военном комитете Общества, находившегося под председательством генерала от инфантерии Зуева, который до своего отъезда на войну поставил дело обучения военных летчиков на должную высоту, моя роль председателя сводилась, главным образом, к содействию Обществу по сношениям и переговорам с высшими военными и техническими органами министерств. Я оставался председателем Общества до моего отъезда на войну в 1915 г.

Вскоре после моего назначения председателем я получил депешу от великого князя Михаила Александровича, который просил меня заменить его и быть главным представителем Общества во время высочайшего парада на Ходынском поле 28 августа и сделать на аэродроме все соответствующие распоряжения по моему усмотрению. (Место для парада было выбрано как раз на аэродроме Общества воздухоплавания.)

С 18 августа я окончательно обосновался в Бородине со всей канцелярией, так как с этого времени туда стали прибывать и войсковые части, и депутации. Бородинское поле совершенно преобразилось, оно уже жило кипучей жизнью, стало неузнаваемо. Там, где еще недавно были глухой лес и болото, выросла царская Ставка с проложенной к ней от станции Бородино особой железнодорожной веткой. Царскую Ставку декорировал художник И. И. Нивинский, который отделывал Музей императора Александра III в Москве. Весь павильон был построен по рисунку архитектора Н. И. Струкова в стиле «Empire» старой Александровской эпохи. Он представлял собой три огромнейшие арки в сторону императорского поезда с лицевой стороны. Позади же находился подъезд: фронтон с колоннадой. По обе стороны — платформы для почетного караула, имевшие в длину 120 саженей. По бокам Ставки — орлы. Кругом масса зелени; вся платформа была уставлена лавровыми деревьями. Над входом в царскую Ставку устроен был род балдахина из красного бархата с золотыми шнурами и кистями. В конце платформы устроено было почтово-телеграфное отделение, в котором имелся телефон непосредственно с Москвой. Все это было устроено специально для нужд ветки и павильона. Неподалеку от последнего высилась законченная постройкой огромная арка. До самой триумфальной арки доходили украшенные сверху золотыми коронами мачты, соединенные между собой длинными гирляндами небольших флажков.

Вся дорога по пути предположенного высочайшего проезда уставлена была мачтами с флагами, перевитыми зелеными ветвями елей и украшенными гербами, а среди дороги, около моста, недалеко от Инвалидного домика построена была громадная белая триум-

фальная арка, такая же, как и перед царской Ставкой. Как арки, так и все украшения сделаны были в стиле Александровской эпохи. На арках надписи «Не нам, не нам, а имени Твоему», «С крестом в сердце, с оружием в руках, никакие человеческие силы не одолеют нас», «Имена и дела ваши будут переходить из уст в уста, до поздних родов». Перед въездом в монастырскую гостиницу построен был памятник Славы — архитектурная колонна, украшенная изображениями лафетов и ружей, с надписью: «От благодарного потомства — великим предкам».

Все эти сооружения были построены по проектам и под непосредственным наблюдением члена Московской губернской земской управы архитектора П. К. Родионова, который последние дни буквально работал не покладая рук день и ночь. Я вспоминаю о нем с глубоким уважением и благодарностью.

К 22 августа в окрестностях Бородина уже сосредоточились прибывшие части войск и депутации от военных частей, принимавших участие в Отечественной войне и Бородинском сражении. От некоторых частей войск были целые роты и эскадроны, от других только депутации, всего было представителей от 149 воинских частей. Все они разместились по берегу р. Москвы биваками, что представляло очень красивое зрелище, особенно вечером, когда зажигали костры.

25 августа в Бородино прибыл министр внутренних дел А. А. Макаров и в сопровождении меня посетил Спасо-Бородинский монастырь, затем проехал к памятнику Славы и в дом инвалидов, где я ознакомил министра с музеем. Пройдя к Бородинскому монументу, Макаров проехал на могилу Неверовского и осмотрел вновь устроенную царскую ветку. Затем посетил Бородинский дворец, памятник Кутузову, Шевардинский редут, Утицкий курган и лагерь старшин и сельских старост. Здесь министр долго беседовал с крестьянами, осмотрел их палатки, пробовал пищу, оставшись всем очень доволен. Перед возвращением в Москву Макаровым были приняты прибывшие на торжества ветераны и очевидцы войны: проживавший в Кишиневе отставной фельдфебель Аким Бентенюк, 122 лет, служивший в 53-м пехотном Волынском полку; мещанин г. Свенцяны Петр Лаптев, 118 лет, объяснивший, что он был очевидцем следования Наполеона и его армии чрез г. Свенцяны; крестьянин Могилевской губернии Гордей Тромов 112 лет, заявивший, что был очевидцем следования французских войск через село Красное, и проживавший близ г. Кирсанова Тамбовской губернии крестьянин Ирской волости Кирсановского уезда Максим Петаченков, 120 лет; последний заявил, что он — очевидец пребывания пленных французских солдат в г. Кирсанове. Министр подробно расспрашивал каждого из этих лиц о том участии, которое они принимали в Отечественной войне.

Большей частью они мало помнили и давали довольно неоп-

ределенные показания. Аким Бентенюк, самый старший из них и участник Бородинского боя, был самым разговорчивым, он рассказывал про свое участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его «шарахнуло». Когда он это рассказывал Государю, то Государь не мог сдержать улыбки.

Другой очевидец говорил, что видел Наполеона, и когда его спросили, каков он ему показался, то он ответил: «Такой молодчина, косая сажень в плечах, бородища во какая», и указал на пояс. Кроме этих ветеранов, в Москву прибыли: крестьянин Витебской губернии Степан Жук, 110 лет, очевидец Отечественной войны, и крестьянка деревни Подберезной Рождественской волости Бронницкого уезда Московской губернии, Мария Желтякова 110 лет. Эти ветераны и очевидцы войны были окружены особым вниманием. Им везде отводили лучшие помещения, они имели особые экипажи, во время торжеств им предоставляли почетнейшие места.

Весь день 23 августа шел мелкий дождь, препятствовавший работам, к вечеру дождь усилился, а ночью пронесся ураган с ливнем. Все дороги были совершенно размыты, украшения во многих местах сорваны, флаги полиняли, убранства на шоссе, у вокзала царской Ставки представляли печальное зрелище. Казалось, все труды пропали. Я впал в полное отчаяние, когда утром 24 я объехал все поле сражения и увидел полное разрушение. Дождь не унимался и продолжал идти, как бы добивая то, что еще сохранилось. Я не знал, что предпринять, а в это время у Бородинского монумента, под дождем, командующий войсками Плеве производил репетицию парада. Как только репетиция окончилась и дождь стал униматься, тысячи рабочих и солдат принялись за исправление разрушений, сделанных бурей. Саперы поправляли укрепления и дороги, войсковые части приводили в порядок свои памятники, из Москвы привезены были новые флаги, работа лихорадочно кипела. Мне не нужно было отдавать приказания. Все, сознавая важность минуты, спешили сами восстановить то, что было разрушено. Работа кипела весь день 24-го и всю ночь на 25-ое. В это самое время, 24-го днем, прибыл в Бородино Председатель Совета Министров Коковцов. Я его встретил, он сел со мной в автомобиль, и мы поехали с ним по всем дорогам и местам, намеченным для высочайшего посещения. Я был в таком отчаянии от этого стихийного разрушения, что Коковцов, видя меня в таком подавленном настроении, старался всевозможными доводами и участием меня успокоить.

Вечером 24-го погода прояснилась, Бородино оживилось, несмотря на ненастье отовсюду была слышна музыка, солдатское бодрое пение. Всю ночь на 25-ое я почти не смыкал глаз. Как только рассвело, показалось солнце, туч как не бывало. Погода обещала быть чудной. Сразу стало как-то легче на душе. На поле лихорадочная работа продолжалась, успели привезти новые флаги, украшения, все стало принимать приличный вид. Арки принялись под-

крашивать, саперы чинили дороги, исправляли лагерное расположение старшин, просушивали палатки и т. д. К 9 часам утра все было готово, только в некоторых местах несколько полинялые флажки напоминали о ливне.

Я объехал все поле и все дороги в последний раз и, переодевшись, поехал на вокзал. Я был в таком нервном напряжении, что не чувствовал никакой усталости, а между тем я не только не спал эту ночь, но и предыдущую, когда я поверял охрану по линии Николаевской и Александровской ж. д. от границы Тверской губернии до Бородина. В этой поездке меня сопровождал недавно поступивший ко мне на службу для особых поручений молодой В. А. Евреинов.

Ровно сто лет тому назад в этот день, 25 августа шли приготовления к бою. Наполеон объезжал свои войска, объезжал войска и Кутузов, подъезжая к полкам и стараясь своими словами закрепить в душе своих подчиненных нравственное одушевление, основанное на безграничной вере в Божью помощь. В это время по фронту войск проносили икону Смоленской Божьей Матери. Кутузов ее встретил и поклонился ей до земли.

Так прошел день 25 августа; в третьем часу утра 26 августа Наполеон вышел из своей палатки с тревожным вопросом: «Что делается у русских?» Получив ответ, что наши войска остаются на прежнем месте, он успокоился: заветная мечта покончить эту утомительную борьбу одним решительным ударом казалась достигнутой. В пятом часу где-то неожиданно загремела пушка, но затем все смолкло. После первого выстрела Кутузов, ночевавший в деревне Татариновой, проехал на высоту у деревни Горки. В 5 часов утра Наполеон сел на коня и поскакал к войскам, назначенным для главной атаки. «Сегодня немножко холодно, но ясно, — заметил он. — Это солнце Аустерлица», — сказал он сбежавшимся офицерам. Он ошибся — это было «солнце Бородина», т. е. того великого дня, когда гениальный полководец и его чудная армия не громили противника, а бессильно «расшиблись» о стальную грудь, защищавшую в этом бою все самое для него святое, близкое и дорогое.

В начале десятого часа я был на станции Бородино. В это время стали подходить к ней, один за другим, поезда с великими князьями, высшими чинами администрации и публикой. Скромная Бородинская станция совершенно преобразилась, стала неузнаваемой. Сооруженные вновь постройки, перестроенное старое здание станции и все службы были красиво декорированы драпировками, флагами, коврами, гирляндами из хвои и дуба и массой зелени.

На платформе выстроился почетный караул — рота его величества Лейб-гвардии Преображенского полка со знаменем и хором музыки. На правом фланге находился военный министр В. А. Сухомлинов, командующий всеми войсками, собранными под Бородиным, генерал Плеве, начальник дивизии генерал Олохов, командир бригады генерал фон Бринкен и командир полка генерал

Встреча императора Николая II на Бородинском вокзале.
На первом плане: императрица Александра Федоровна, Николай II,
В. Ф. Джунковский. Август 1912 г.

Гулевич; на левом фланге все прибывшие на Бородино генералы, адмиралы и начальники отдельных частей. У входа заняли места почетные часовые от Собственного его величества Конвоя в своих красивых ярко-красных черкесках.

В это время на перроне собрались все великие князья и высшие сановники и многочисленные представители всех ведомств; весь Кабинет Министров был налицо. Все были в летней парадной форме, в кителях. Семь казачьих атаманов с булавами в руках, в их типичных казакинах, красиво выделялись среди блестящей толпы военных. В открытой, красиво устроенной беседке находились дамы — все в белом, во главе с статс-дамой графиней Е. П. Шереметевой. В павильоне — чины московской администрации, дворянства, земства и других сословий. За беседкой, на платформе, выстроены были воспитанницы женской прогимназии и детской школы, во главе с их попечительницей графиней Уваровой. Всем порядком на платформе руководил обер-церемониймейстер барон Корф.

Ровно в 11 часов подошел императорский поезд. Раздалась команда «на караул», музыка заиграла Преображенский марш. Из салона вагона вышли Государь император, а затем императрица Александра Федоровна с великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами, наследник цесаревич и младшие великие княжны оставались в вагоне и смотрели церемонию из окон. Государь был в форме Лейб-гвардии Преображенского полка. Приняв мой рапорт, Государь, поздоровавшись с великими князьями и министрами, направился к почетному караулу, на правом фланге которого принял рапорт от генерала Плеве. Его величество сопровождало дежурство: генерал-адъютант князь С. И. Васильчиков, Свиты генерал князь Ф. Ф. Юсупов и флигель-адъютант граф А. И. Воронцов-Дашков.

Звуки гимна, крики «ура» наполнили воздух. Обойдя караул и приняв ординарцев, Государь направился к группе военных и к депутациям. Можайский уездный предводитель дворянства А. К. Варженевский, поднеся хлеб-соль, приветствовал Государя. [...] Затем Государь принял хлеб-соль от можайского уездного земства, городского управления г. Можайска, крестьян соседней Кукаринской волости и Можайского добровольного пожарного общества. Их величествам представилась также и депутация от воспитанниц педагогического персонала можайской женской школы и векшинской, во главе со статс-дамой графиней Уваровой.

По окончании обхода всех встречавших их величества и их высочества проследовали в вагон и по вновь проложенной ветке отбыли в царскую Ставку. Массы народа от вокзала к царской Ставке приветствовали их величеств единодушным «ура».

В два часа дня торжественный звон колоколов Спасо-Бородинского монастыря оповестил о выезде их величеств из царской Ставки. К этому времени около монастыря собрались огромные толпы

простого народа, волостных старшин, учащихся и других лиц. Я проехал в царскую Ставку, чтобы встретить и сопровождать их величества по пути следования. Ехал я в автомобиле, стоя, впереди их величеств, которые следовали с августейшей семьей в двух автомобилях. У Святых врат Государь был встречен митрополитом с епископами и многочисленным духовенством. Митрополит приветствовал их величества речью, в которой сопоставил настоящий момент с событиями Отечественной войны, отметив значение юбилея и подчеркнув, что Государь начинает празднование молитвою.

В предшествии духовенства их величества проследовали в соборный храм монастыря, где выслушали краткое молебствие. Протодиакон Розов провозгласил многолетие. Игумения мать Ангелина поднесла Государю икону и пирамидку из неприятельских пуль, найденных в земле на полях. Предшествуемые хором инокинь и митрополита, Государь с семьей проследовал в церковь Спаса Нерукотворного, где покоится прах убитого генерала Тучкова и его вдовы, основательницы монастыря. У могилы Государь удостоил беседы потомков Тучковых — главного смотрителя Шереметевского дома, отставного генерал-майора А. П. Тучкова и председателя Верейской земской управы П. А. Тучкова с сыновьями, подробно расспрашивая их и интересуясь степенью родства наличных представителей семьи Тучковых с двумя Тучковыми, погибшими в Отечественную войну. Тут же находилась и семья потомков графа Коновницына, памятник которому находился также в ограде монастыря. Из церкви Спаса их величества проследовали в церковь Филарета Милостивого, где скончалась Тучкова. Перед отбытием Государь с семьей пили чай в покоях настоятельницы.

Из покоев настоятельницы их величества и их высочества в три часа дня при колокольном звоне, провожаемые инокинями, отбыли из монастыря, направляясь к Бородинскому полю. Здесь по всему пути от монастыря стояли шпалерами роты «потешных», школы детей и, густой шпалерой, 5000 волостных старшин и сельских старост, среди коих были в живописных расшитых шелками кунтушах представители Седлецкой губернии, в черных, серых и белых кафтанах жители Кавказа, в кокетливых повязанных на голове башлыках грациозные гурийцы и тяжелые на вид, с азиатскими лицами татары и сыны нашей Средней Азии, в роскошных бархатных и парчовых халатах, и весь в золотой парче бухарский бакша, и в ярко-желтых шапках калмыки, — все живущие под сенью России.

А на обширном поле у Бородинского монумента уже стояли войска, расположенные покоем в три линии, фронтом к памятнику. В первой линии стояла рота дворцовых гренадер, Конвой его величества, военные училища, кадетские корпуса, гвардейская пехота и часть гвардейской кавалерии. Во второй линии — другая часть гвардейской кавалерии, гвардейская артиллерия, саперы, части гре-

надерского корпуса и артиллерии. В третьей линии — армейская пехота, кавалерия, казаки и депутация от флота.

Государь следовал на автомобиле с Государыней, наследником и великой княжной Ольгой Николаевной. В следующем автомобиле — великие княжны Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, далее министр двора и дежурство.

Подъехав к полю, их величества с августейшей семьей вышли из автомобилей. Государь сел на коня, а Государыня с наследником цесаревичем в коляску, запряженную à la Daumont. Следующую коляску заняли августейшие дочери их величеств. Рядом с коляской императрицы ехал обер-шталмейстер генерал-адъютант Гринвальд. Государь принял рапорт от генерала Плеве и стал объезжать войска. Склонялись знамена, музыка играла встречу, сменявшуюся гимном, восторженное «ура» не умолкало.

Государь ехал впереди, за ним дежурство и начальники групп, затем императрица в запряженном 4 золотистыми лошадьми цугом экипаже с наследником цесаревичем. Впереди экипажа ехал пикер * верхом в белой ливрее; два камер-казака на запятках; в следующем таком же экипаже ехали августейшие дочери их величеств. Долго продолжался объезд, и долго по необозримому полю неслось «ура» войск и звуки народного гимна. Многочисленная группа придворных лиц, Государевой свиты и начальства окружили тем временем шатер, в коем находился иконостас походной церкви императора Александра Первого.

Какой чудный вид открывался с холма от памятника. Стройные квадраты войск рисовали на поле три цветные линии, развевались знамена, блестели трубы хоров музыки. Четвертую сторону этого исполинского квадрата людей наполняли волостные старшины и за ними народ. На холмистом поле темными пятнами выступали зеленые рощи, белелись арки и флаги, вдали извивалась река, и из леса виднелась выступавшая по берегу к мосту длинная процессия, видны были тысячи народа, сверкали золотом хоругви.

Окончив объезд войск (он продолжался 45 минут), царский кортеж прибыл к Инвалидному домику. Новый небольшой одноэтажный домик в стиле «Empire», с красивым садиком, был убран флагами. Над главным входом помещен был двуглавый орел Александровской эпохи, а по сторонам инициалы императора Александра I и Николая II, немного ниже — даты: «1812—1912». В саду домика находились представители двух французских депутаций, прибывших из Франции. В состав депутации от Военного министерства Франции вошли: командир 8-го армейского корпуса дивизионный генерал Лангль де Кари, майор артиллерии господин Бюст, состоявший при канцелярии Военного министерства, капитан де

* Пикер — всадник, в обязанности которого согласно ритуалу входило пришпоривание коня и охрана экипажа.

Ранти и французский военный агент в С.-Петербурге полковник Маттон. При этой депутации состоял Генерального Штаба полковник Я. Д. Юзефович.

В состав же депутации от соединенного комитета обществ «Souvenir Français» и «Sabretache» * находились дивизионный генерал де-Торси, герцог Ауэрштедтский, граф Ларивуазиер с женой, жена генерала Георга Лебона, бывший секретарь французского посольства в С.-Петербурге господин Терно-Кампань с женой и дочерью, полковник в отставке виконт Флери с дочерью, секретарь комитета «Sabretache» господин А. Депро, барон де-Бай с женой и дочерью, известный историк господин Альберт де-Прио, полковник Ноллэ, поверенный общества «Sabretache» господин Брюн, редактор журнала этого общества — майор в отставке господин Мартен, и, кроме того, находившиеся в России в качестве прикомандированных к русским войсковым частям для ознакомления со службою полковник Колле, майор Брюссо и капитаны Ля-Верн, Першене и Рене Маршаль. При этой депутации состоял полковник Генерального Штаба В. Е. Скалон, столь трагически погибший семь лет спустя в Бресте, куда он был командирован большевиками в качестве офицера Генерального Штаба при заключении мирного договора между Германией и Советской Россией [9].

Кроме французских депутаций, в садике ожидали прибытия их величеств ближайшие лица Свиты, обер-церемониймейстер барон П. П. Корф и правитель дел церемониальной части В. В. Евреинов. Тут же находились и старики-ветераны, участвовавшие в Отечественной войне, и очевидцы этой эпохи.

Их величества подошли к Инвалидному домику в сопровождении меня. Государыня с наследником цесаревичем и августейшими дочерьми в сопровождении придворных дам и свитной фрейлины княжны Е. Н. Оболенской прошла прямо в дом. Государь же в сопровождении великих князей направился к сидевшим в саду ветеранам 12 года, удостоив стариков беседы, расспрашивая о прежней их службе и жизни. Во внимание к преклонным летам инвалидов его величество приказал им сидеть. Это всех очень тронуло, старики сидели, а Государь и великие князья стояли. Каждый из стариков вставал, когда Государь непосредственно к нему обращался.

Милостиво простившись со стариками, Государь направился внутрь Инвалидного дома и подробно его осматривал, вдаваясь во все детали. Я давал объяснения, Государь несколько раз благодарил меня, обратив внимание на строго выдержанный стиль, наглядную краткую историю, изображавшую последовательный ход событий во время Бородинского сражения и на скромную обстановку, которая ему, по-видимому, понравилась. Это мне доставило большое удовле-

* «Память Франции» и «Ножны» *(фр.)*.

творение, я был очень счастлив, выслушав монаршее одобрение, так как положил много труда и забот как по постройке домика, так и по устройству музея, домик этот я считал своим дорогим детищем. В домике я предложил их величествам и их высочествам чай, после чего, расписавшись на пергаментном листе, Государь и императрица вышли в сад, где обер-церемониймейстер барон Корф представил их величествам дам, входивших в состав французских депутаций, и всех членов оных. Беседа их величеств с членами депутаций продолжалась около получаса до того момента, пока я не доложил о прибытии крестного хода с иконой «Одигитрии».

Крестный ход этот вышел из Смоленска 2 августа и несколько дней перед этим прибыл в Колочский монастырь, где имел последнюю остановку. В Колочском монастыре была торжественная встреча иконы, после чего 25 августа утром крестный ход и многочисленное духовенство, прибывшее из Москвы, и хоругвеносцы с их старостами с 30 драгоценными хоругвями московских соборов и монастырей двинулись по направлению к Бородинскому полю. Все духовенство было в одинаковых ризах из золоченой парчи с отделкой из малинового бархата, на фоне которого был вышит золотой крест с надписью «Сим победиши». Хоругвеносцы были в праздничных кафтанах. Стройно, медленно шел крестный ход, среди которого выделялась огромная чудотворная икона Смоленской Божьей Матери, именуемая «Одигитрия», которую несли на высоких носилках. Минута была трогательно торжественная. На лицах всех было заметно сильное волнение — каждый невольно вспоминал, что ту же самую икону, сто лет тому назад, в этот же день, проносили по Бородинскому полю при совершенно исключительной обстановке, накануне величайшего из боев, когда каждый, прикладывавшийся к ней, невольно думал, что это, быть может, последний день его жизни.

Как только процессия крестного хода приблизилась к Инвалидному домику, их величества и их высочества, сопровождаемые свитой и французскими депутациями, вышли навстречу иконе. Крестный ход остановился; митрополит Владимир, подойдя к Государю, приветствовал его краткой речью. Выслушав приветствие, их величества и высочества, поцеловав крест и приняв окропление святой водой, приложились к чудотворной иконе. Войска взяли «на молитву», хоры музыки заиграли «Коль славен», крестный ход повернул к Бородинскому памятнику, их величества с особами императорского дома и лицами свиты последовали за ним, идя непосредственно за иконой. Я шел сбоку в нескольких шагах от Государя.

По прибытии их величеств и высочеств с крестным ходом на место бывшей батареи Раевского духовенство, при пении духовных песнопений, внесло чудотворную икону Смоленской Божьей Матери «Одигитрии» в походную церковь императора Александра I.

Высокопреосвященнейший Владимир, в сослужении духовенства, при стройном и чудном пении певчих, совершил панихиду по императоре Александре I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам. Необычайной торжественностью отличалась эта панихида, в открытом поле, над братской могилой многих десятков тысяч русских воинов. При возглашении вечной памяти их величества и все присутствовавшие опустились на колени. Панихида кончилась.

По окончании панихиды Государь осматривал иконостас походной церкви императора Александра I — этого памятника горячих молитв незабвенного царя Александра Благословенного, который в своих походах никогда не расставался с этой святыней. Церковь эта последнее время находилась в г. Вильно в генерал-губернаторском дворце и была как бы домовой церковью генерал-губернатора. В марте 1910 г. последовало высочайшее повеление о передаче придворно-походной церкви императора Александра I, бывшей с ним во всех походах 1812—1816 гг., из Виленского дворца во вновь сооружаемый Музей 1812 года в Москве. Этому много содействовал бывший московский генерал-губернатор, а в то время командующий войсками Виленского военного округа, генерал Гершельман.

11 мая того же года церковь была привезена в Москву и сдана особому комитету по устройству Музея 1812 года. В заседании сего комитета от 5 октября 1910 г. было единогласно постановлено — просить члена комитета Алексея Александровича Бахрушина быть попечителем этой церкви и принять ее имущество. А. А. Бахрушин согласился и принял это почетное звание. Церковь, таким образом, попала в хорошие, заботливые руки. Ко дню торжеств на Бородинском поле он перевез иконостас и утварь в Бородино и принял на себя все заботы по установлению церкви у батареи Раевского. Одновременно А. А. Бахрушин отпечатал на свои средства и выпустил в свет роскошное издание «Походная церковь императора Александра I», которое и имел счастие поднести Государю императору, императрице и наследнику. Это издание представляет собой очень ценный исторический труд, составленный священником А. Речменским, в котором изложена вся история этой церкви с подробнейшим ее описанием; издано оно было со свойственным А. А. Бахрушину уменьем и художественной чуткостью.

По осмотре походной церкви Государыня императрица с августейшими детьми отбыла в императорскую Ставку, а Государь и все великие князья, в сопровождении свиты, последовали за святой иконой Смоленской Божьей Матери. В воспоминание того, что накануне Бородинского сражения эта икона обносилась по фронту идущих в бой воинов, теперь ее вновь обнесли вдоль всего фронта представителей тех частей войск, которые с таким геройством бились в историческом бою. Впечатление необычайной торжественности создало следование Государя с блестящей свитой за иконой вдоль

фронта войск. Шествие продолжалось больше часа, так как все три линии войск растянуты были почти на 4 версты. Войска держали ружья «на молитву», хоры играли «Коль славен». На всех флангах находились начальники частей.

Приблизившись к выстроенным представителям войск, входивших в 1812 г. в состав 3-й пехотной дивизии арьергарда Коновницына, митрополит Владимир благословил эти полки точными списками с иконы Смоленской Божьей Матери. К преосвященнейшему Владимиру по очереди подходили выборные полков с командирами и полковыми адъютантами во главе. Окропив их святой водой, митрополит благословлял иконою встававших на колени командиров. Приложившись к иконе, командиры передавали ее полковому адъютанту, который в сопровождении выборных и относил ее к фронту. По окончании обнесения иконы крестный ход направился в Спасо-Бородинский монастырь, где икона была поставлена в соборном храме, а Государь император с великими князьями отбыл в Ставку при восторженных кликах войск и многочисленной толпы народа. По дороге Государь осмотрел памятник, сооруженный Кавалергардским и Конногвардейским полками.

Я проводил Государя до Ставки и приехал к себе. Войсковые части вернулись на свои биваки. Вечером в походной церкви императора Александра I совершено было всенощное бдение в честь Владимирской иконы Божьей Матери, празднуемой 26 августа. Монастырь и Инвалидный дом были иллюминованы. Все архитектурные линии всего купола соборного храма монастыря и всего фасада храма и ограды Инвалидного домика горели электрическими лампочками, также и кресты на куполе и монастырских воротах. Кроме того, у Инвалидного домика был установлен прожектор, лучи которого скользили по всему Бородинскому полю, на котором царило необычайное оживление. Толпы народа и крестьян окружали монастырь, все хотели приложиться к чудотворной иконе. Допуск начался после всенощной, в 10 часов вечера, и продолжался до 5 часов утра. Народ подходил непрерывной нитью, в полном порядке и с большим благоговением. Так окончился первый день высочайшего пребывания на Бородинском поле.

26 августа, в самый день юбилея величайшего из сражений, был опубликован особый манифест и положение о медали, устанавливаемой в память 100-летия Отечественной войны, а также и о порядке ношения медали, установленной манифестом 30 августа 1814 г., и наперсных крестов потомками лиц, имеющих на это право. Все потомки лиц, участвовавших в Отечественной войне, и все, принимавшие участие в организации торжеств, получили высочайшие награды. Митрополит Владимир при весьма милостивом рескрипте получил панагию, осыпанную драгоценными камнями. А. Д. Самарин, к моей большой радости, был назначен членом Государственного Совета с оставлением в должности губернского предводителя.

В семь часов утра 26 августа пять пушечных выстрелов с батареи, расположенной на холме близ главного монумента Бородинского сражения, известили все окружающее население о начале торжественного празднования столетия Бородинского боя. Великолепная погода необычайно благоприятствовала торжеству. С раннего утра вокруг батареи Раевского стали собираться толпы народа, все поле, что только мог охватить глаз, все кишело народом, многие пришли за десятки и более верст. А тем временем один поезд за другим подходил к станции Бородино, привозя москвичей, депутации от разных городов и учреждений.

Торжество началось литургией в соборном храме Спасо-Бородинского монастыря, в котором уже в девятом часу собрались все великие князья и лица, которые согласно церемониала должны были находиться в нем. Я проехал в императорскую Ставку, чтобы встретить их величества по выходе из вагона и сопровождать от Ставки до монастыря. К императорскому павильону были поданы экипажи à la Daumont, в которые поместились их величества, наследник цесаревич и августейшие дочери. Государь был в форме Лейб-гвардии Измайловского полка, наследник в форме своего 5-го гренадерского Киевского полка. За их величествами следовали министр двора и дежурство: генерал-адъютант Свиты князь Голицын, Свиты генерал князь Багратион-Мухранский и флигель-адъютант Орлов. Я ехал верхом впереди.

По прибытии в монастырь, их величества, выйдя из экипажа, прошли по направлению к церкви Спаса, где находилась икона Смоленской Божьей Матери. Приложившись к иконе, проследовали в собор. По окончании литургии духовенство с митрополитом во главе вышло из собора крестным ходом, в котором участвовали хоругви всех окрестных церквей и прибывшая накануне чудотворная икона. По всему пути от монастыря к памятнику шпалерами стоял народ, местные учебные заведения, представители сельского населения со всей России, земские начальники и т. д. Крестный ход растянулся на протяжении полуторы версты, толпа стояла в безукоризненном порядке, обнажив головы, в благоговейном молчании, зрелище было дивное, трогательное. Как только звон колоколов монастыря известил о начале движения крестного хода, оркестры музыки заиграли «Коль славен». Войска построены были вокруг памятника покоем в четыре линии. У памятника в живописной группе в ограде и вне ее собрались уже военные чины, не находившиеся в строю, члены Комиссии по юбилейным торжествам, предводители дворянства, председатели земских управ, весь состав Можайского земского собрания, городские головы, многочисленные депутации и т. д. Отдельную группу составляли потомки бородинских героев и ветераны 1812 года. При въезде на батарею Раевского выстроились конвойцы. На противоположной стороне, на шоссе, стояли густыми рядами сельские старосты и представители крестьян

разных губерний России. У Инвалидного домика расположились «потешные» с ружьями и масса публики и дам, не присутствовавших, по церемониалу, у Бородинского памятника.

Государь, августейшие дочери, великие князья шли за крестным ходом от монастыря до памятника больше версты. Государыня императрица с наследником цесаревичем и статс-дамой Е. А. Нарышкиной следовала в экипаже, запряженном à la Daumont. Я шел в нескольких шагах от Государя с правой стороны. Государь несколько раз подзывал меня, интересуясь разными подробностями поля.

Удивительно красивую картину представляло это шествие, особенно когда оно потянулось живописной блестящей лентой к холму и памятнику. Трогательные нежные звуки «Коль славен», оглашавшие воздух, усугубляли производимое впечатление. По установке чудотворной иконы в походную церковь началось благодарственное молебствие с коленопреклонением в память избавления от нашествия двунадесяти языков. После многолетия провозглашена была вечная память императору Александру I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам.

В это время грянул салют из восьмиорудийной батареи, расположенной на ближайшем холме. Батарея произвела три залпа, отдавая честь почившим. Со всех церквей доносился колокольный звон. Минута была чрезвычайно торжественная. Молебствие окончилось в начале первого часа. Хоругви, огибая памятник, направились обратно в монастырь, за ними и духовенство с митрополитом, а Государь с императрицей и августейшей семьей, поговорив со стариками ветеранами, в сопровождении меня, обошел памятник, читал надписи и остановился у гранитной плиты гробницы бородинского героя князя Багратиона. В это время, исполняя высочайшее повеление, генерал-адъютант Дурново, как старший в чине из потомков участников Отечественной войны, при двух ассистентах — Свиты генерал-майоре князе Багратионе-Мухранском и генерал-майоре князе Багратионе возложил на могилу князя Багратиона юбилейную медаль. Юбилейная медаль изображала портрет императора Александра I на одной стороне и имела следующую надпись на другой: «Славный год сей минул, но не прейдут содеянные в нем подвиги. 1812—1912». Такие же медали поднесены были их величествам министром императорского двора и на Владимирских лентах пожалованы были всем потомкам — участникам юбилейных торжеств.

По выходе их величеств из ограды Государь сел на лошадь, а императрица с наследником цесаревичем и великими княжнами в экипажи. В это время французской военной депутацией и соединенной комиссией обществ «Воспоминания» и «Сабреташ» по сооружению памятника французам к подножию Бородинского памятника возложены были венки: от военной французской депутации, французского Комитета 1812 года, французского Сената, француз-

ской Палаты депутатов, Парижской политехнической школы, Сен-Сирской школы и муниципалитета Парижа.

Объезд войск начался с правого фланга первой линии. Командующий войсками генерал Плеве подал Государю рапорт. За Государем следовала блестящая свита, среди них выделялись французские генералы и офицеры. Я тоже сел на лошадь и присоединился к свите. Государь объезжал войска, здоровался, склонялись знамена, звуки полковых маршей сменялись гимном, крики «ура» наполняли воздух.

Объехав войска, Государь остановился у царской палатки, а командиры полков и начальники частей перед фронтом своих частей, державших «на караул», громко, отчетливо прочли высочайший приказ Армии и Флоту: «Сто лет назад Российское воинство, велением верховного вождя своего, блаженные памяти императора Александра Благословенного, призвано было к великому и почетному долгу отстоять грудью своею достоинство великой России, неприкосновенность Отечества, честь и славу, дотоле непрестанно сопровождавшие сухопутную армию и флот.

С глубокою верою во всемогущество Божие, в полном единении со своим Государем и с покорностью перед предстоявшими неисчислимыми и тяжелыми испытаниями, преданные своему долгу армия и флот приступили к совершению великого дела, и проявленные ими беззаветные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную память и вечное уважение потомства и удивление дотоле непобедимого врага и всех народов Европы.

В сегодняшний торжественный день поминания столетней годовщины знаменательного сражения на полях Бородинских, воздаваемая вместе со мною всей Россией дань уважения и признательности к подвигам ваших предков, да укрепит в сердцах ваших сознание долга и да послужит источником к проявлению вами той же беззаветной преданности и мужества, когда промыслу Божьему угодно будет призвать Отечество к новому испытанию. Сердца ваши да пребывают в уверенности, что потомки с уважением произнесут имена ваши, и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благодарного Отечества. Николай».

Приказ по военному ведомству от 26 августа 1912 г.

«В непрестанном внимании к нуждам доблестной своей армии и в отеческой заботливости об участи как самих воинов, так и членов их семейств, особенно же тех, главы коих кровию запечатлели свою преданность Престолу и Отечеству, Государь император всемилостивейше повелеть соизволил настоящий достопамятный день 26 августа 1912 г., в который истекает столетие со дня знаменательного в Отечественную войну 1812 г. сражения под Бородиным, ознаменовать дарованием нижеизложенных милостей потомкам славных деятелей названной войны и их семействам.

1. Отделить при всех вообще кадетских корпусах 20 казенных вакансий присвоив им наименование Бородинских стипендий, для сыновей офицеров, врачей и священников, служащих и служивших в частях войск, участвовавших в Бородинской битве, или для потомков участников войны 1812 г. по мужской линии, если отцы этих малолетних пользуются общим правом на воспитание своих сыновей в кадетских корпусах. Малолетних, удовлетворяющих условиям приема на Бородинские стипендии, назначать, по усмотрению Главного управления военно-учебных заведений, в те корпуса, в коих по состоянию вакансий, представится к тому возможность, в число штатных интернов этих корпусов без дополнительного отпуска из казны на их содержание. В штате Николаевского кадетского корпуса уменьшить на 20 число штатных своекоштных интернов и добавить соответственно этому 20 казеннокоштных вакансий.

2. Увеличить при Бородинском памятнике Дом для инвалидов и службы при нем.

3. Ассигновать 100 000 руб. на выдачу пособий состоящим в покровительстве Александровского комитета о раненых раненым и увечным, служившим в воинских частях, отличившихся в Отечественную войну, а также потомкам участников Отечественной войны других частей войск, по ранам и увечьям состоящим в покровительстве комитета.

4. Семействам лиц офицерского звания, главы коих пострадали в Отечественную войну, пользующимся в настоящее время покровительством Александровского комитета о раненых и получающих пенсию и из инвалидного капитала, размер этой пенсии удвоить.

5. Семействам лиц офицерского звания, пользующихся при жизни покровительством Александровского комитета о раненых по ранам и повреждениям, полученным в Отечественную войну, но умерших не от последствий ран и повреждений, назначить пенсии из инвалидного капитала по табели, приложенной к статье 822 книги VIII Свода законов: Военные постановления 1869 г., изд. 2-е, в полном размере оклада по чину главы семьи.

6. Установить ежегодное внесение в смету расходов инвалидного капитала особого кредита в размере 5 000 руб. на выдачу единовременных пособий семействам участников Отечественной войны.

7. Увеличить размеры пособий из инвалидного капитала на воспитание детей убитых, без вести пропавших на войне, от ран умерших и отставных раненых офицеров и других чинов соответствующего звания, состоявших и состоящих в покровительстве Александровского комитета о раненых, согласно имеющего быть объявленным дополнительно приказа по военному ведомству.

8. Предоставить в изъятие из закона дочерям офицеров, раненных в Отечественную войну и не состоявших в покровительстве Александровского комитета о раненых, права на получение из

инвалидного капитала единовременных пособий в размерах не свыше годовых окладов пенсий семействам по чину главы семьи.

Подписал: военный министр Сухомлинов».

После чтения раздалась команда «К церемониальному маршу», и войска, перестроившись, стали проходить мимо своего державного вождя. Во главе войск шла рота дворцовых гренадер, очень красиво и лихо пронеслись рысью две сотни стариков Донского казачьего войска, среди которых было 108 георгиевских кавалеров в возрасте от 60 до 80 лет. Парад был на редкость блестящий, прошел он с колоссальным подъемом. Государь несколько раз благодарил войска.

По окончании парада Государыня императрица с августейшими детьми отбыла в царскую Ставку, а Государь верхом проследовал в Бородинский дворец среди огромных толп народа, наполнявших обе стороны шоссе, провожаемый несмолкаемыми восторженными кликами. В саду Бородинского дворца был накрыт завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей. Завтрак был на полторы тысячи человек.

По прибытии в Бородинский дворец Государь посетил церковь. По окончании завтрака Государь подозвал меня и сказал, что хочет подробно осмотреть все поле сражения и посетить некоторые памятники войсковых частей и предлагает мне его сопровождать и подробно ознакомить его со всеми знаменательными моментами боя и историческими местами, маршрут следования предоставляет мне, с таким расчетом, чтобы к 7 часам вечера быть на освящении памятника французов и успеть перед тем заехать в Ставку переодеться.

Такое милостивое предложение Государя было для меня совершенно неожиданно, я знал, что Государь совершит объезд Бородинского поля, и по соглашению с командующим войсками приблизительно был намечен и путь следования, но я был уверен, что непосредственно сопровождать Государя и давать объяснения будет командующий войсками Плеве, поэтому я был несколько смущен и чувствовал себя несколько в неловком положении перед Плеве, который мог заподозрить интригу против него. Эта мысль была мне очень неприятна, хотя в то же время он не мог не заметить, что я не отдал ни одного распоряжения на Бородинском поле, не доложив ему, так как считал и подчеркивал все время, что юбилей Бородинского боя прежде всего торжество военное, и на первом плане должны стоять интересы войск, и все распоряжения мои, как гражданской власти, должны поэтому согласоваться с желаниями Плеве, как командующего войсками. Как только Государь выразил мне свое желание, чтоб я его сопровождал, я доложил об этом Плеве. Он отнесся к этому очень благородно и даже сказал, что очень рад такому выбору Государя. Я поспешил затем распорядиться о своей

лошади, чтоб она была готова, и просил состоящего при мне Генерального Штаба полковника Никольского быть вблизи от меня, чтобы я мог во всякую минуту получить от него нужную справку, если бы я затруднился ответить Государю на какой-нибудь вопрос его величества о ходе Бородинского боя.

Около трех часов дня Государь сел на коня, и начался объезд Бородинского поля. Сопровождали его величество, кроме меня, министр двора, дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, дежурство, несколько великих князей и генерал Плеве. Государь все время меня расспрашивал, интересуясь малейшими подробностями. Прежде всего направились в деревню Горки, где Государь принял от местных крестьян хлеб-соль и осмотрел памятник Кутузову. Затем в течение полутора часов объезжали все поле сражения, останавливаясь перед памятниками, сооруженными отдельными частями войск. Около памятников в ожидании Государя находились депутации войск, с которыми Государь беседовал. Спросив разрешение Государя, я без предупреждения саперов направил путь следования в их место стоянки, мне хотелось таким вниманием Государя к саперам наградить их за их неутомимую самоотверженную работу. Саперы совсем не ожидали приезда Государя — кто спал в своей палатке, кто чинил белье, кто готовил себе пищу, все были раздеты и отдыхали после парада. Все повскакали кто как был. Командира их капитана Турчина не было, он ожидал Государя на Семеновской флеши. Восторг саперов был неописуемый, Государь въехал в толпу саперов и благодарил их за прекрасную работу, обращаясь к некоторым, расспрашивал кто каких губерний и т. д.

Провожаемый оглушительными восторженными криками «ура», Государь по крутому спуску спустился в овраг и, переехав вброд речку, поднялся на гору и последовал далее по полю. Перед тем как спуститься по крутой тропинке, я спросил Государя, не будет ли ему слишком круто, на что Государь, улыбнувшись, мне сказал: «Когда я достигну лет Фредерикса (ему было тогда 73 года), тогда я вам разрешу предлагать мне такие вопросы». На Семеновской флеши я представил Государю капитана Турчина. Государь выслушал его подробный доклад по поводу восстановления укреплений и осмотрел памятник Неверовскому. Поблагодарив Турчина за прекрасно исполненные работы и поздравив его подполковником, Государь направился далее.

Предстояло проехать на Утицкий курган к памятнику Лейб-гвардии Павловского полка по ту сторону железной дороги. Я предложил Государю проехать через деревню Утица, а вернуться по вновь устроенной дороге от кургана к станции Бородино, предупредив Государя, что дорога на деревню Утица отчаянная, что с полверсты даже верхом придется пробираться с трудом, но зато Государь увидит настоящую российскую деревенскую дорогу. Государь согласился, и мы направились по дороге, по которой никто не

ожидал Государя. Эти полверсты пришлось все время делать объезды громаднейших рытвин и ям, наполненных водою. Первый раз в жизни Государю пришлось ехать по такой дороге, он был очень доволен, что увидал, наконец, плохую дорогу, и даже поблагодарил меня, сказав, что если б не я, то наверно никогда в жизни он не увидал бы таких дорог, о которых слыхал только по рассказам. Я доложил Государю, что эта дорога особенно плоха, так как крестьяне ее больше не чинят после того, как у них имеется другая, вновь устроенная, хорошая грунтовая дорога. Когда Государь неожиданно появился в деревне, все крестьяне высыпали из изб, и громадная толпа баб, мужиков и детей окружила Государя, восторженно провожая до самого Утицкого кургана. С Утицкого кургана, уже по хорошей новой дороге переменным аллюром Государь проехал к себе в Ставку.

При объезде поля сражения Государь после осмотра Семеновской флеши посетил лагерь волостных старшин и представителей крестьян, собранных в числе 5000 человек со всей России. Крестьяне были выстроены впереди своих палаток, которые были расположены в 4 линии, по губерниям, а Московской губернии и по уездам, со своими земскими начальниками. Тут же находились и непременные члены, и уездные предводители дворянства. Отдельно были выстроены станичные атаманы и равнозначащие им представители инородческого населения в их национальном бытовом одеянии. Кроме того, [здесь же] находились все должностные лица и служащие Московского столичного попечительства о народной трезвости, организовавшего в Бородине питательные пункты и столовые. В конце, на фланге лагеря выстроены были арестанты, принимавшие участие в работах на Бородинском поле, — таким образом, и они удостоились видеть и приветствовать Государя. Вся местность красиво была украшена флагами и двумя арками. У одной из арок для встречи Государя собрались Председатель Совета Министров и министры внутренних дел и земледелия, генерал Глазов, как председатель юбилейной комиссии по торжествам, и А. Д. Самарин.

Когда к выстроенным во второй линии крестьянам, верхом на коне, подъехал Государь, то оглушительное «ура» огласило огромный лагерь, головы обнажились и ряды замерли в экстазе. Царь шагом проехал по всем линиям крестьян, милостиво улыбаясь, останавливаясь иногда и предлагая вопросы. Посреди лагеря депутация старейших лиц крестьянского населения Московской губернии в числе 4 человек поднесла Государю хлеб-соль на деревянном блюде с надписью: «От должностных лиц крестьянского населения Московской губернии». Государь император, принимая хлеб-соль, обратился к крестьянам со следующими словами: «Я счастлив, что вместе с вами провожу этот день знаменитой годовщины боя, где ваши деды бились со славным врагом и отстояли Родину, чему помогла вера в Бога, преданность царю и любовь к Родине. Наде-

юсь, что и вы воспитаете ваших детей в тех же заветах преданности и любви к нашей матушке России».

Могучее «ура» огласило воздух, энтузиазм был совершенно неописуемый, я много раз бывал на торжествах, но тот восторг, с которым крестьяне на Бородине встречали своего монарха, не поддается описанию. Государь два раза объехал все линии, посетил столовую, благодарил представителей Попечительства о трезвости за их образцово устроенные питательные пункты, поблагодарил арестантов, приказав сократить им всем срок наказания наполовину. Осчастливив всех, Государь отбыл при восторженных несмолкаемых криках. Государь, столь трогательной встречей в крестьянском лагере, видимо, был взволнован и, отъехав немного, поблагодарил меня, подав мне руку. Вечером всем крестьянам были розданы фарфоровые кружки, специально исполненные к юбилею, с соответствующими надписями, затем им были показаны картины из Отечественной войны в кинематографе. На другое утро, помолясь Богу, лагерь крестьян снялся. Каждый уносил в душе своей светлые и высокие воспоминания о посещении лагеря царем-батюшкой, и слова Государя, несомненно, встретили горячий отклик во всех деревнях и селах, куда они были переданы осчастливленными участниками Бородинских торжеств.

Пока Государь объезжал поле сражения, у главного памятника Бородинского боя состоялось торжественное возложение венков к подножию памятника собравшимися депутациями. Императорское Русское военно-историческое общество возложило венки от всех отделов. От ученых обществ и кружков возложено 15 венков. От г. Москвы и учреждений Москвы и Московской губернии — 14 венков, в том числе венки от Московской губернской земской управы, московского городского управления, московского Биржевого общества, купеческого сословия и других сословий и уездных городов. Венок от Москвы представлял собой серебряную пальмовую ветвь. В лаврах венка — Георгий Победоносец, под ним— серебряный свиток с надписью: «Доблестным героям, павшим на полях Бородина при защите древнепрестольной столицы Москвы в 1812 г.». От других губерний, в лице городских и земских управлений и дворянских и сословных обществ, возложено свыше 80 венков, в том числе до 60 серебряных. Все земства объединились в возложении общеземского венка, представлявшего ветвь шестиаршинной вышины: сбоку орел держит в когтях лавровый венок римского типа, в клюве— георгиевская лента с надписью: «Священной памяти 1812 г. Земства России». Роскошный венок возложила депутация от области Войска Донского во главе с наказным атаманом генерал-адъютантом Мищенко. Все венки помещены были затем в музей Инвалидного домика.

В 6 с половиной часов вечера Государь император и все великие князья выехали вновь из Ставки в автомобилях на освящение памят-

ника французов. Я сопровождал Государя, предшествуя его величеству. Памятник этот сооружен был в память павших французов по подписке среди французской нации. Памятник этот был временный, сооруженный в виде лепной модели в натуральную величину и увенчанный одноглавым орлом «Aux morts de la grande Armée» *. Настоящий памятник, посланный морем из Франции, в Россию не доехал, пароход во время бури в Балтийском море пошел ко дну вместе с памятником, таким образом, на скорую руку был сооружен временный, который и освящали. Место для французского памятника было выбрано как раз против Шевардинского редута, с которого Наполеон I руководил боем.

У подножия памятника находились венки от всех французских частей, участвовавших в Бородинском сражении, серебряный венок от русской армии, венки от русских частей и французских законодательных учреждений. По сторонам памятника живописно расположилась французская молодежь с огромными флагами русских и французских национальных цветов. У памятника собрались Председатель [Совета] Министров, военный министр, французские депутации, бывшие в только что пожалованных орденах, генералы Лангль и Торси, получившие ленты Белого Орла, французская колония Москвы, генеральный консул и масса военных чинов. Государь, встреченный кликами «Vive l'empereur!» **, проследовал на помост перед памятником, где католическое духовенство совершило траурную мессу и освятило временный памятник. После траурной мессы Государю императору поднесли медаль, специально выбитую в память сооружения памятника для поднесения его величеству и Президенту Республики. Государь и все великие князья подписали акт открытия памятника, после чего памятник был торжественно передан мне, на мое попечение как начальника губернии, я же передал его заботам и охранению собравшихся тут же должностных лиц крестьянского населения деревни Шевардино. По окончании церемонии освящения памятника Государь пешком поднялся к Шевардинскому редуту и, подробно осмотрев его и сооруженный на нем 3-ей гвардейской Артиллерийской бригадой памятник, отбыл в Ставку при восторженных кликах французов, многочисленной толпы народа и всех присутствовавших.

Вечером, в 10 часов, в императорском павильоне царской Ставки в присутствии их величеств, августейшей семьи и ближайших лиц свиты состоялся концерт духовной капеллы Ф. А. Иванова и военного оркестра Александровского училища, на который и я удостоился приглашения. Концерт носил интимный семейный характер, во время концерта подавали чай и фрукты. Около 12 часов ночи их величества со мной простились, выразив мне благодарность в самых

---

* Павшим воинам Великой армии *(фр.)*.

** Да здравствует император! *(фр.)*

сердечных милостивых выражениях за эти два дня, проведенные ими в Бородине. Осчастливленный милостивым вниманием, я вернулся к себе в монастырскую гостиницу.

В 6 часов утра на другой день я проехал в Ставку — в это время императорский поезд должен был отойти от платформы для следования в Москву. Государь и вся августейшая семья еще спали. Поезд без малейшего толчка, бесшумно, плавно отошел от императорского павильона, после чего я сел в автомобиль и по шоссе отправился в Москву, куда прибыл за час до прибытия императорского поезда.

Москва, в ожидании царского приезда, приняла праздничный вид. Дома, балконы были украшены флагами, материями; на мачтах трамвая в специально приспособленных вазах поставлены были живые цветы, везде приветственные надписи и украшения, представлявшие эмблемы, напоминавшие события Отечественной войны. Дом губернского правления, градоначальника, генерал-губернатора, губернатора, Румянцевский музей, Государственный банк, помимо украшений транспарантами, флагами, щитами, усеяны были по всем архитектурным линиям электрическими лампочками для предстоящей иллюминации. Великолепно убрано было Замоскворечье, в особенности часть, на которую открывается вид из окон Кремлевского дворца. Тут на Софийской набережной конкурировали в убранстве дома Кокоревского подворья, Харитоненко, Густава Листа, Мариинского училища, Эйнем. На доме Кокоревского подворья, кроме обычных декораций, были рельефные портреты Александра Благословенного, Кутузова, Багратиона, Платова и Барклая де Толли, все они были в венках из зелени и электрических лампочках. Празднично убрана была Красная площадь, в центре которой стоял павильон для предстоявшего 30 августа торжества. Здесь на всех мачтах были белые стяги с черными орлами и инициалами Государя; стяги обшиты были золотой бахромой и кистями. Величественно было убрано все здание Верхних торговых рядов. Помимо центральных мест, непосредственно связанных с торжествами, блестели убранством и украшениями магазины Кузнецкого моста, Мясницкой улицы, многие частные дома.

С раннего утра по всей Тверской от Брестского вокзала до Кремля выстроены были шпалерами военно-учебные заведения, войска и стояла густая толпа народа. На Александровском вокзале в ожидании прибытия императорского поезда собралось все высшее общество Москвы, придворные чины, чины высшей администрации и др. Особую группу составляли лица Свиты Государя, предки коих участвовали в Отечественной войне. К 10 часам прибыли особы императорского дома, среди них и великая княгиня Елизавета Федоровна.

Ровно в 10 часов загудел большой колокол Ивана Великого, извещая о приближении императорского поезда к Москве. Раздался радостный перезвон колоколов, дружно подхваченный колоколами

всех московских церквей. Поезд тихо подошел к дебаркадеру. В дверях вагона появился Государь, за ним Государыня императрица с наследником цесаревичем и августейшими дочерьми. Государь был в форме Екатеринославского полка, наследник в форме Киевского полка. Градоначальник и я подошли к Государю с рапортом.

Государь пошел по фронту почетного караула, знамя екатеринославцев склонилось, музыка заиграла «встречу». На правом фланге Государю поднесли рапорты командующий войсками П. А. Плеве и комендант Е. И. Вишняков. Тут же находился и военный министр В. А. Сухомлинов. Государь обошел почетный караул, принял ординарцев и пропустил караул церемониальным шагом. По обходе всех встречавших их величества направились к выходу, к которому уже был подан открытый экипаж, запряженный парой белых лошадей. При кликах «ура» Государь, императрица, наследник и великая княжна Ольга Николаевна заняли места в коляске и направились в Кремль. Во втором экипаже поместились великая княгиня Елизавета Федоровна и великие княжны Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна. За ними ехал министр двора барон В. Б. Фредерикс, в следующих экипажах и автомобилях — прочие особы царствующего дома, свита их величеств и бывшие при встрече лица. Впереди кортежа, стоя в экипаже, — градоначальник А. А. Адрианов.

По всему пути следования их величеств стоял народ, приветствовавший Государя императора и Государыню императрицу кликами «ура». Из церквей по пути следования их величеств выходило духовенство в золотых облачениях с хоругвями. Затем в церквах совершались благодарственные молебствия о благополучном прибытии их величеств. У Иверских ворот Государь, императрица, августейшие дети и другие особы императорского дома вышли из экипажей и направились в часовню Иверской Божьей Матери. Приложившись ко кресту, их величества вошли в часовню. После краткого молебствия их величества проехали в Большой Кремлевский дворец. Здесь стоял почетный караул 12-го гренадерского Астраханского полка, Государь прошел по фронту и, войдя в подъезд, проследовал на собственную половину дворца. Тотчас над Большим Кремлевским дворцом взвился императорский штандарт.

В 2 часа дня в Большом Кремлевском дворце состоялся высочайший выход их величеств в Успенский собор. Оживленную картину представляли залы дворца в ожидании выхода. В Екатерининском зале собрались придворные чины и кавалеры, придворные и кавалерственные дамы. В соседней Кавалергардской был выстроен караул от Тверского кавалерийского училища. В Андреевском зале по обеим сторонам фронта расположились: слева депутация французской армии, справа — Свита его величества. Затем, по обеим сторонам Андреевского зала военные чины, к которым с правой стороны, ближе к выходу в Александровский зал, примыкали потом-

ки участников Отечественной войны, а с другой стороны стояла французская депутация соединенных комитетов «Воспоминания» и «Sabretache». В следующем, Александровском зале, находились дамы. Наиболее многолюдным был Георгиевский зал, где налево от входа находился градоначальник, московский губернский предводитель дворянства, уездные предводители, их помощники, депутаты дворянства и в углу многочисленная группа дворян Московской губернии, рядом с ней — по большой стене Георгиевского зала находились губернские и уездные предводители дворянства других губерний, депутации от дворянства, прибывшие на Бородинские и Московские торжества, московский городской голова, гласные думы, представители других городов; рядом с ними депутации городов империи, прибывшие на торжества. В следующей группе находились представители губернского уездного земства Московской и других губерний и депутации от земств. Последней по этой стене, ближе к Владимирскому залу, стояла финляндская депутация, во главе с финляндским генерал-губернатором и генерал-лейтенантом Зейном и министром статс-секретарем Финляндии бароном Лангофом. На противоположной стороне, параллельно аванзалу, расположились: иностранные консулы, представители инородцев, участвовавших в Отечественной войне, гражданские чины до пятого класса включительно. Наконец, в другом конце зала во главе со мной расположились начальствующие лица московских административных и судебных учреждений. Во Владимирском зале, направо от входа в него, были расположены Купеческое и Биржевое общество, на противоположной стороне мещанское и ямское ремесленное сословия и при выходе из зала в Святые сени — старообрядцы. В Святых сенях собралось придворное духовенство в полном облачении.

В исходе второго часа церемониймейстер оповестил традиционным стуком жезла, что вскоре начнется выход их величеств из внутренних покоев. Тем временем в Успенском соборе собрались: Председатель Совета Министров, министры, Председатель Государственного Совета, сенаторы, статс-секретари, почетные опекуны. В Успенский же собор прибыла и великая княгиня Елизавета Федоровна.

За его величеством следовал министр двора, дежурство: генерал-адъютант Дедюлин, Свиты его величества генерал-майор Петрово-Соловово и флигель-адъютант Мандрыка; за Государыней следовал назначенный состоять при ее величестве на этот день московский уездный предводитель дворянства Базилевский. Во второй паре следовал великий князь Михаил Александрович с великой княжной Ольгой Николаевной; в третьей паре великий князь Кирилл Владимирович с великой княжной Татьяной Николаевной; в четвертой паре великий князь Борис Владимирович с великой княжной Марией Николаевной и в пятой паре великий князь Дмитрий Павлович

с великой княжной Анастасией Николаевной. За ними следовали остальные великие князья, статс-дамы, гофмейстерина Нарышкина и баронесса Фредерикс, другие придворные дамы, кавалерственные фрейлины, Свита Государя, в которой находилось много потомков участников Бородинского сражения и Отечественной войны, свита великих князей, французские генералы Лангль и де Торси.

Как только их величества вышли на Красное Крыльцо и при торжественном звоне колоколов поклонились народу, громовые раскаты восторженного «ура» понеслись с площади навстречу царю и царице. Этот раз Адрианов не повторил своей ошибки, имевшей место в мае месяце, и вся дворцовая площадка и прилегающая к ней Царская площадь были усеяны сплошь толпой народа, не одной сотней тысяч, что произвело величественное зрелище. Восторженные клики не умолкали, пока их величества не приблизились к собору, у входа которого они были встречены митрополитом Владимиром. После молебствия их величества и высочества, приложившись к мощам, проследовали в Чудов монастырь, после чего внутренним ходом в Николаевский дворец, в усыпальницу великого князя Сергея Александровича, откуда в экипажах отбыли в Кремлевский дворец.

Экипаж их величеств медленно следовал среди толп народа, окружавшего его вплотную и восторженно приветствовавшего Государя. Это было действительно полное единение и общение царя с народом.

В 5 часов дня их величества удостоили своим посещением московское дворянство в его доме Российского благородного собрания. Внутренние помещения собрания были богато разукрашены. Главное убранство было все сосредоточено в Колонном зале. Вокруг колонн стояли пальмы, у подножия коих выделялись хризантемы, лилии и другие цветущие растения. С хор спускались гирлянды. В боковых залах находились красиво сервированные столы с шампанским, крюшоном, прохладительными напитками. На эстраде отдельно стояли три стола для августейших гостей. Высочайший стол в центре.

Для встречи их величеств собралось все московское дворянство с семьями. В качестве гостей дворянством были приглашены все министры, придворные, городское управление, старшины сословий, французские делегации, все чины московской администрации и др. На задней площадке Колонного зала поместились воспитанники дворянского пансион-приюта и воспитанники дворянского Екатерининского института. Маленькие институтки держали в руках цветы. На хорах — оркестр и хор Большого театра.

В 5 часов прибыли их величества и их высочества и были встречены губернским предводителем дворянства А. Д. Самариным и всеми уездными предводителями с хлебом-солью. Государыня поднялась на лифте, специально устроенном к этому дню в Благородном собрании. На верхней площадке Государыню встретила

супруга московского уездного предводителя дворянства А. В. Базилевская, поднесшая ее величеству и великим княжнам букеты из орхидей.

Дворяне со своими семьями расположились в Колонном зале. Государь император, в сопровождении губернского предводителя А. Д. Самарина, обходил ряды дворян, беседуя со многими из них. Затем их величества заняли места за столом. Рядом с Государем сидела статс-дама графиня А. М. Апраксина, а за нею статс-дама графиня П. С. Уварова, около Государыни императрицы сидела А. В. Базилевская.

Все присутствовавшие также заняли столы, а оркестр и хор исполняли в это время номера из русских опер: «Рогнеды» Серова и «Русалки» Даргомыжского. Когда раздалась увертюра «1812 год» Чайковского, из боковых зал показалась процессия. Губернский предводитель А. Д. Самарин с двумя старейшими иногородними губернскими предводителями дворянства нес художественный стяг для поднесения его Государю от лица российского дворянства. На одной стороне стяга было изображение Нерукотворного Спаса, на другой — Георгия Победоносца. Масса дворян его сопровождала. Все поднялись. Встал и Государь и спустился с эстрады.

А. Д. Самарин обратился к Государю с речью: «Всемилостивейший Государь. Сто лет тому назад, по слову незабвенной памяти императора Александра I, весь русский народ поднялся как один человек и стал на защиту родной земли. Неудержимым потоком пронеслась тогда через всю Европу эта волна народного воодушевления и подняла славу русского имени на небывалую высоту. В эту грозную пору на долю русского дворянства выпало счастье во главе других сословий верно постоять за царя и Родину. С благоговением вспоминаем мы великие жертвы и самоотверженные подвиги наших предков, их доблестный дух живит нас.

Государь, в память об этом великом подъеме народного духа удостой милостиво принять от верного тебе российского дворянства этот священный стяг. Да будет он символом неизменной, как встарь, готовности нашей по первому призыву державного вождя Русской земли стать на защиту ее чести и славы. Да будет напоминанием о той славной године, когда в единении царя и народа сказалась вся мощь Русской земли. Царствуй, в сознании этой силы, возлюбленный наш самодержец. Сильный державный царь православный, царствуй на страх врагам».

Его величество, приняв стяг, милостиво ответил следующими словами: «С чувством глубокого умиления и признательности принял я из ваших рук этот стяг. Он будет всегда служить мне воспоминанием о живой и неувядаемой связи между российским дворянством — первым сословием России и его царями. Я уверен, что в дворянстве будет вечно жить дух верности и преданности своим Государям и беззаветной любви его и всего народа русского

к нашей матушке России. Выражаю в лице вашем первенствующему в России сословию мою искреннюю и горячую благодарность».

Слова его величества были покрыты восторженным «ура». Оркестр и хор исполнили народный гимн. Затем дворяне, окружив царя, стали петь общим хором «Боже, царя храни». Это была искренняя патриотическая манифестация, оставившая у всех присутствовавших глубокое впечатление. Стяг был поставлен за столом, сзади места его величества.

В 7 часов их величества и высочества отбыли из Благородного собрания. Перед отбытием А. Д. Самарин поднес Государю иллюстрированное издание «Московское дворянство в Отечественную войну». Народ провожал царскую семью восторженным «ура». По отъезде их величеств из Благородного собрания волоколамский уездный предводитель князь С. Б. Мещерский по поручению губернского предводителя вместе с графом П. С. Шереметевым и И. П. Шаблыкиным отвез стяг российского дворянства в Большой Кремлевский дворец. Стяг во дворце был встречен дежурным флигель-адъютантом и водружен в Знаменной комнате.

На другой день в Большом Кремлевском дворце дворянское депутатское собрание, в полном составе, принесло благодарность Государю и императрице за посещение Дворянского собрания.

Вечером Москва была иллюминована. Наиболее людные улицы были буквально залиты многоцветными огнями. Масса домов сияла электрическими лампочками, расположенными по архитектурным линиям домов. Толпы народа двигались по улицам, пока не пошел дождь. Особенно красиво выделялось высокое здание Румянцевского музея. Роскошно иллюминованы были дома по Софийской набережной.

На другой день, в 11 часу утра, Государь произвел на Ходынском поле смотр всем войскам, сосредоточенным в Москве по случаю Бородинских торжеств, а также и бывших на маневрах под Москвой. Так как эта часть Ходынского поля входила в пределы губернии, а не города, то ответственность за порядок и охрану лежала на мне, а кроме того, я, как председатель Императорского общества воздухоплавания, являлся и хозяином этой части Ходынского поля, которая составляла аэродром Общества, часть сооружений которого была приспособлена для приема высоких гостей. Павильон Общества или, другими словами, членская беседка, была очень красиво отделана, разукрашена для приема Государыни императрицы и августейших детей. Тут же около павильона был поставлен шатер, из которого ее величество и их высочества смотрели на прохождение войск.

Две грандиозные трибуны аэродрома предоставлены были для публики по билетам, которые бесплатно были розданы моей канцелярией по заранее утвержденным мной спискам. Для почетных гостей — французских делегаций, министров и прямых потомков

героев Отечественной войны, а также стариков ветеранов были построены особые ложи. В этом грандиозном смотру участвовало до 40 000 войск всех родов оружия: 112 с четвертью батальонов пехоты, 3 батальона инженерных войск, 42 эскадрона кавалерии, 6 казачьих [эскадронов] саперов, 216 легких орудия, 12 гаубиц, 24 орудия конной артиллерии, учебно-автомобильная рота и Российская добровольная автомобильная дружина. Войска были выстроены в 6 линий как раз против павильона и трибун.

Всем парадом командовал генерал от кавалерии П. А. Плеве. В 1 линии находились войска Гренадерского корпуса, во 2-й линии — 13-го Армейского корпуса, в 3-й — 17-го корпуса, в 4-й — 25-го корпуса, в 5-й линии разместилась артиллерия, а в 6-й — кавалерия. Войсками 1-й линии командовал генерал-лейтенант Мрозовский, 2-й — генерал-лейтенант Алексеев, впоследствии начальник Штаба Верховного главнокомандующего во время великой войны с Германией в бытность Государя Верховным главнокомандующим, 3-й — генерал от инфантерии Яковлев, 4-й — генерал от инфантерии Зуев, 5-й — генерал Атабеков и 6-й — генерал-лейтенант Гурко, сын фельдмаршала.

Уже в 9 часов трибуны Московского аэродрома были переполнены приглашенными на торжества. Позже на аэродром прибыли Председатель и члены Совета Министров, французские делегации, супруги высокопоставленных лиц, начальники отдельных частей, гражданских учреждений столицы, сословные представители, члены многочисленных депутаций, прибывших на торжества, и др.

За несколько минут до прибытия их величеств прибыли великие князья, а в начале одиннадцатого часа показался и экипаж Государя. Их величества с наследником цесаревичем и августейшими дочерьми подъехали к павильону. Государь был в форме Астраханского гренадерского полка, а наследник в форме Киевского имени своего полка.

Я подошел к Государю с рапортом, Государь сел на коня, а Государыня с наследником в открытый экипаж à la Daumont, запряженный четверкой рыжих лошадей, цугом по две лошади в ряд. Августейшие дочери остались в павильоне. Наступила торжественная минута, войска взяли на караул, музыка заиграла встречу, знамена по всем линиям склонились. Поздоровавшись с военным министром В. А. Сухомлиновым и лицами свиты, Государь в сопровождении министров, военного и императорского двора, дежурного генерал-адъютанта Скалона, Свиты генерал-майора Бернова, флигель-адъютанта капитана Свечина последовал к правому флангу общего построения. Здесь Государь принял рапорт от командующего парадом П. А. Плеве.

Начался объезд войск. С правой стороны экипажа ее величества ехал обер-шталмейстер генерал-адъютант Гринвальд. Далее следовали великие князья, члены военной французской делегации и свита.

Когда Государь начинал объезд следующей линии, войска предыдущей обращались назад лицом к пути следования их величеств. Объезд продолжался более часа времени, в течение коего Ходынское поле оглашалось звуками народного гимна и восторженными кликами войск. Хмурая погода к этому времени стала проясняться, а когда закончился объезд, показалось солнце, и весь парад прошел при чудной погоде.

К сожалению, во время высочайшего объезда войск произошел весьма прискорбный инцидент, оставивший тяжелое впечатление: из рядов 2-го Софийского пехотного императора Александра III полка из строя неожиданно для всех с винтовкой вышел рядовой Бахурин и быстрыми шагами направился к Государю, держа в руках прошение. В этом прошении он просил об освобождении его от военной службы в силу семейного положения. Его пытался остановить военный министр и дежурный генерал-адъютант, но он все же проскочил к Государю и был остановлен уже великим князем Николаем Михайловичем. Это удручающе подействовало на всех и значительно омрачило торжество, особенно было стыдно перед французами. Государь ни слова не сказал, объявив уже после парада выговор генералу Плеве и приказав расследовать этот инцидент. Все начальствующие лица этого рядового были подвергнуты взысканиям, а Бахурин был предан военно-окружному суду по 106 статье книги XXII Свода военных постановлений для осуждения по законам военного времени.

С житейской точки зрения случай этот мог вызвать сочувствие к виновному, но с точки зрения военных законов поступок этот содержал в себе ряд преступлений: 1. Бахурин, как всякий чин, знал отлично, что подавать жалобы и прошения в строю нельзя. 2. Еще более тяжелое преступление — оставить строй. 3. Явное сопротивление требованию начальства — военного министра, который его остановил, но тот его не послушал. Как бы драматичны ни были обстоятельства, побудившие его подать прошение, но они не могли послужить оправданием. Военная служба должна покоиться на полном отречении от личных интересов, на жертву всеми личными побуждениями и соображениями; компромиссы на этой почве могли вести к гибели и к софизмам.

Суд приговорил Бахурина к лишению воинского звания и ссылке в каторжные работы и представил приговор на высочайшее благовоззрение. 25 октября последовало высочайшее повеление о полном помиловании Бахурина.

По окончании объезда их величества и великие князья подъехали к павильону. У входа в павильон я представил Государю и императрице депутацию от Общества воздухоплавания. В составе депутации [были:] почетный член профессор Н. Е. Жуковский, товарищ председателя князь В. А. Голицын, председатель военного комитета генерал от инфантерии Зуев, товарищ председателя спор-

тивного комитета Меллер, секретарь и казначей Общества. Государь обратился к каждому с несколькими словами, интересуясь деятельностью Общества. В это время от имени Общества воздухоплавания, я поднес букеты Государыне императрице и великим княжнам. Затем Государь обошел еще три других депутации и принял хлеб-соль от крестьян села Всехсвятского.

Во время приема депутаций войска перестраивались к церемониальному маршу. Все было готово, Государь сел опять на коня и занял место впереди шатра с правой его стороны. Началось прохождение войск церемониальным маршем. После парада Государю представлялись командиры полков, адъютанты и фельдфебели шефских частей. Они выстроились у второй, от царского павильона, трибуны. Государь, объезжая их, милостиво благодарил за парад.

В половине второго часа их величества и их высочества отбыли в Кремль при восторженных кликах собравшейся многочисленной публики. «Ура» было подхвачено стоявшим по сторонам шоссе народом и сопровождало царскую семью вплоть до Кремля.

В 4 часа дня на Боярской площадке у храма Спаса на Бору в Кремле был устроен обед для волостных старшин, собравшихся на юбилейные торжества в Москву. На обеде присутствовало 13 старшин от Московской губернии и по одному от остальных губерний, 11 станичных атаманов и представители инородцев, предки которых участвовали в войне 1812 г. Меню обеда было следующее: «щи, пирог, цыплята с огурцами, сладкое». Для встречи Государя собрались министр внутренних дел, министр императорского двора и лица государевой Свиты. Государь обошел все столы, беседуя с крестьянами, и затем обратился к ним со следующими милостивыми словами: «Очень рад был видеть вас в Москве на торжествах знаменательной годовщины столетия Отечественной войны. Передайте всем вашим дома, что я надеюсь и уверен, если в будущем Господь посетит испытанием Родину, то все вы вместе со мною, как один, встанете грудью на ее защиту. За ваше здоровье и за славу и величие нашей матушки России». Громкое «ура» было ответом на слова Государя. Старшина Подольского уезда Вонифатьев провозгласил здравицу за Государя.

В 5 часов дня их величества с августейшей семьей посетили Московскую городскую думу. Чтобы дать возможность учащимся городских мужских и женских училищ видеть царскую семью, по распоряжению городской управы около здания думы сгруппировано было до 10 000 детей. Учащиеся явились со своими школьными значками, украшенными национальными лентами, и расположились по Воскресенской площади в несколько рядов группами от Иверской часовни. При детях находился педагогический персонал. На площади собралось также много народа в ожидании прибытия их величеств.

Огромная передняя в здании думы была обращена в аллею

лавровых деревьев, главная лестница вся была убрана тропическими растениям и цветами. В коридоре 2 этажа были накрыты столы для приглашенных. На эстраде у монумента императрицы Екатерины II разместились оркестр и хор учащихся в городских школах. В зале поставлены были два ларца: один — с жалованной грамотой императора Александра I Москве по окончании Отечественной войны, другой — поднесенный в 1898 г. при открытии памятника императору Александру II городскими головами московскому городскому управлению. В комнате под хорами выставлена была модель Бородинского моста и акт передачи городу памятника императору Александру II, а также портрет московского городского головы в 1812 г. Куманина. В Малой зале были размещены подарки для поднесения императрице, наследнику и великим княжнам.

В пять часов раздалось громкое восторженное «ура» 10 000 детских голосов. К зданию думы подъехали их величества с августейшими дочерьми. Высочайшие особы были встречены городским головой Н. И. Гучковым, товарищем городского головы В. Д. Брянским и членами городской управы. На верхней площадке семья городского головы поднесла Государыне и великим княжнам букеты цветов. Под звуки Преображенского марша их величества вступили в большой думский зал, в левой половине которого сгруппировались гласные городской думы, а в правой — городские дамы.

Городской голова Н. И. Гучков обратился к его величеству со следующей речью: «Великий Государь. Издревле Государи российские в дни невзгод и скорбей своего народа, равно как и в дни его радости и веселия, всегда были с ним, в среде его, одухотворенные одними с ним помыслами. Во все времена Москва, как сердце нашей Родины, была средоточием этого единения. Сто лет тому назад, в великую годину крайнего бедствия, постигшего Отечество, когда настала надобность спасти его от сильного врага, ныне в Бозе почивающий Государь император Александр I обратился с воззванием своим напервее к первопрестольной древней российской столице и не умедлил сам предстать перед оной. И Москва, следуя за своим вождем, подвигами, верностью и терпением своим показала пример мужества и величия, как красноречиво свидетельствует о том драгоценная грамота монарха, хранимая в этом священном ларце. По окончании великого бедствия монарх посетил древнюю столицу, «дабы, — как то занесено в грамоту, — ознаменовать пред целым светом незабвенные услуги ее».

Великий Государь! Следуя заветам твоих предков, ты, даровавший обновление твоему народу, ныне, в дни великой годовщины, в дни ее радости, опять, как всегда, среди него, объединенный с ним общими помыслами и общею молитвою о благе и величии драгоценной Отчизны. Сегодняшний день занесен будет в летописи Российского царства на руководство потомству и останется навсегда незабвенным в благодарной народной памяти».

В заключение своей речи Гучков просил его величество принять хлеб-соль по русскому обычаю. Речь городского головы вызвала восторженные клики «ура». Когда они смолкли, Государь произнес следующие слова: «Сердечно благодарю город Москву, в лице его городского общественного управления, за радушный прием и поднесенную мне хлеб-соль, а также за постоянную любовь и преданность. Уверен, что эти чувства передадутся и в будущие поколения и как 100 лет тому назад, Москва, а за ней и вся Россия, будет объединена вечно с ее царями. Еще раз благодарю сердечно за радушный прием, как в мае месяце, так и ныне».

Снова грянуло единодушное «ура», оркестр и хор исполнили гимн. Государь направился к группе гласных и беседовал с ними, а оркестр и хор под управлением М. М. Ипполитова-Иванова исполнили кантату «1812 год».

В то же время, когда Государь беседовал с гласными думы, ее величество с женой городского головы обходила группу дам и беседовала с ними. Затем их величества вошли в комнату, отделявшую Большую и Малую залы, где академик Р. И. Клейн при осмотре модели Бородинского моста дал их величествам объяснения. В Малой зале Государыне был поднесен ларец, украшенный драгоценными камнями, от Бахрушинской женской ремесленной школы. Наследнику цесаревичу — токарный станок от Долгоруковского ремесленного училища и плетеная мебель — от Рукавишниковского приюта. Первая Анастасьинская рукодельная школа поднесла великой княжне Анастасии Николаевне куклу в качалке и приданое для куклы, вторая городская рукодельная школа имени великой княжны Анастасии Николаевны — вышитое платье; третья рукодельная школа поднесла великой княжне Ольге Николаевне подушку; четвертая городская рукодельная школа поднесла великой княжне Татьяне Николаевне плед; великой княжне Марии Николаевне поднесено было платье от Ксениевского городского приюта. При подношении дети говорили приветствие.

Затем в угловой гостиной их величествам и их высочествам был предложен чай и фрукты. Когда было подано шампанское, городской голова провозгласил здравицу, вызвавшую восторженное «ура». Хор и оркестр исполнили гимн. Государь ответил тостом за процветание Москвы. В начале седьмого часа их величества при исполнении хором и оркестром «Славься» отбыли из здания городской думы.

В 8 часов вечера в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялся парадный обед для военноначальствующих лиц. Столы были расставлены покоем на 300 приборов. В центре были места Государя и императрицы. Влево от Государя заняли места великая княжна Ольга Николаевна, а по правую сторону Государыни великий князь Михаил Александрович. Против их величества сидел министр двора барон Фредерикс, имея справа военного мини-

стра, слева генерала Плеве. Я сидел рядом с дворцовым комендантом генералом Дедюлиным.

Меню обеда было: Potages: Tortue à l'Anglaise. Crème Printanière. Petits pâtés. Langouste à la Parisienne. Sauce Rémoulade. Selle de Chevreuil Grand. Paulardes du Mans Toulouse. Punch au Rhum. Rôti: Canetons de Rouen et Perdreaux rouge. Salades. Asperges en branches. Sauce Mousseline. Duchesses Impératrice. Napoletain Panache. Dessert *.

На следующий день, 29 августа, в день усекновения главы Иоанна Крестителя в храме Христа Спасителя — памятнике Отечественной войны, в высочайшем присутствии было совершено торжественное заупокойное богослужение по императоре Александре I, «победоносных вождях и воинах и всех, за Веру, Царя и Отечество в годину искушения мужественно подвизавшихся и живот свой положивших». Храм был переполнен, все прибывавшие размещались на отведенных местах по указанию церемониймейстера двора. На хорах были отведены места для институток и учащихся в женских учебных заведениях.

В ожидании приезда Государя из Кремля с раннего утра стояли толпы народа, в десятом часу по всему царскому пути расставлены были войска. Государь прибыл к началу литургии с августейшими дочерьми. Его величество был в форме 2-го Лейб-гусарского Павлоградского полка. После обедни отслужена была панихида, за которой поминовение было совершено по особому синодику и после императора Александра I поминались имена митрополита Платона, архиепископа Августина, князя Голенищева-Кутузова-Смоленского, князя Барклая де Толли, князя Багратиона, графа Ростопчина, убиенного иерея Петра Гаврилова и бывшего в 1812 г. городским головой Куманина. Заупокойное богослужение окончилось в 12 с половиной часов дня.

В 2 с половиной часа дня в Кремле состоялся высочайший смотр учащимся в учебных заведениях. Смотр этот представлял собой невиданное до того времени зрелище. Учащиеся расположились в шесть линий, обращенных к памятнику Александру II. Кроме того, особую линию от Архангельского собора по направлению к Боровицким воротам составили депутации в числе 600 воспитанников от различных учебных округов. Против памятника императору Александру II, ближе к Чудову монастырю и Николаевскому дворцу, занял место многолюдный хор учащихся в средних учебных заведениях, под управлением директора Московской консерватории М. М. Ипполитова-Иванова. В хору насчитывалось свыше 2 000 учащихся. У колокольни Ивана Великого стали воспитанницы жен-

* Супы: черепаховый по-английски, суп-крем «Весенний». Пирожки. Лангуст по-парижски. Соус «Ремулад». Седло косули. Курица по-тулузски. Ромовый пунш. Жаркое: утята по-руански и куропатки в красном соусе. Салат. Спаржа. Соус муслин. Груши «Императрица». Десерт по-неаполитански.

ских средних учебных заведений; на площади против Николаевского дворца и далее, к Вознесенскому монастырю и Спасским воротам, стояли учащиеся в низших начальных школах; в глубине Царской площади сосредоточились ученики земских школ, которые образовали полукруг к памятнику. Участвовавшие в параде учебные заведения явились со своими знаменами и значками; воспитанники, обучавшиеся военному строю, явились с ружьями. Учащиеся в низших школах и присутствовавшие на параде в качестве зрителей также прибыли со своими школьными значками. Особую группу, левее хора, составили московские воспитанницы 12 женских гимназий, которые должны были исполнить вольные сокольские движения. У памятника заняли места воспитанницы институтов.

В ожидании прибытия его величества собрались представители учебного округа во главе с министром народного просвещения Л. А. Кассо, а также представители московской администрации. Я ожидал прибытия Государя на правом фланге воспитанников Лицея цесаревича Николая, а потом перешел на правый фланг императорской Московской практической академии и коммерческих наук как состоявший в то время попечителем этих двух учебных заведений.

В половине третьего часа дня Государь, сев на коня, в сопровождении министра императорского двора барона Д. Б. Фредерикса, дворцового коменданта генерал-адъютанта Дедюлина и других лиц Свиты начал объезд учащихся. За его величеством следовали в коляске наследник цесаревич и великие княжны Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны.

Первыми приветствовали монарха группы учащихся от разных округов, расставленные у Большого Кремлевского дворца. Приняв рапорт от командовавшего парадом полковника Лейб-гвардии Семеновского полка Назимова, его величество направился к правому флангу первой группы, где стояли лицеисты. Едва его величество вступил на Царскую площадь, как раздались звуки народного гимна, который был исполнен двухтысячным хором учащихся, под управлением М. М. Ипполитова-Иванова. Вместе с учащимися, находившимися в строю, восторженно приветствовали Государя собравшиеся в Кремле ученики и ученицы разных школ. Детский энтузиазм был неописуемый.

Остановившись у памятника, Государь смотрел сокольские вольные движения 250 воспитанниц женских гимназий. Этот сокольский отряд был весь в одинаковых платьицах и белых вязаных шапочках. Они очень эффектно и отчетливо проделали все приемы сокольской гимнастики. Государь, по-видимому, очень остался доволен.

Соединенный хор учащихся исполнил гимн-марш, музыка М. М. Ипполитова-Иванова. В это время учащиеся построились к церемониальному маршу, который начался сейчас же после сокольских упражнений гимназисток. Во главе всех учащихся под звуки военного оркестра проходили лицеисты. На правых флангах проходили

начальствующие лица. Я проходил два раза на фланге лицеистов и на фланге воспитанников Практической академии. Государь благодарил учащихся, на что последние громко отвечали: «Рады стараться, ваше императорское величество». Обращали на себя внимание своей молодцеватой выправкой малыши земского Щелковского училища, церковно-приходских школ и Сергиево-Елизаветинского училища.

Когда кончился церемониальный марш, его величество приблизился к хору учащихся, который исполнил «Славься». Патриотический подъем охватил детей. Несмолкаемое единодушное «ура» огласило площадь; дети стали бросать вверх свои фуражки, ученицы махали платками. Восторженное настроение детей передавалось и всем присутствовавшим взрослым. При кликах «ура» его величество, окруженный детьми, оставил в четвертом часу Царскую площадь. После чего счастливые дети стали стройными рядами расходиться по домам.

Смотр прошел при благоприятной погоде; с утра угрожал дождь, но к полудню тучи рассеялись. Впечатление от этого единения царя с детьми и молодежью было огромное.

В 3 с половиной часа дня Государь с великими княжнами Ольгой, Татьяной и Марией Николаевнами посетил выставку 1812 г. в залах императорского Исторического музея. Выставка эта представляла собой коллекцию всевозможных предметов и документов, имевших отношение к Отечественной войне, и собранных особым комитетом по устройству в Москве Музея 1812 г. Так как музей ко дню юбилейных торжеств не был готов, то особый комитет и устроил выставку собранных вещей в Историческом музее.

Комитет этот учрежден был согласно высочайшего повеления 6 января 1908 г., а 19 марта того же года состоялось первое заседание комитета, и с этого же дня началась усиленная работа по собиранию предметов и документов, относящихся к Отечественной войне, по разбору и разработке поступивших материалов и розыску новых материалов и данных. Уже через год собрание музея было настолько богато, что для самого широкого распространения идей музея оказалось возможным устроить первую выставку коллекций музея. Помимо устройства этой выставки, все усилия и заботы комитета были направлены к тому, чтобы открыть музей ко дню празднования 100-летия Отечественной войны. Но по независящим от комитета причинам только в январе 1912 г. удалось получить для будущего музея соответствующее помещение в здании Арсенала в Кремле. Здание это было весьма подходящим для музея, но оно требовало настолько большого капитального ремонта для приспособления его под музей, что не могло быть и речи об открытии музея ко времени празднования юбилея.

Ввиду этого комитет и постановил, взамен открытия музея, почтить память Отечественной войны юбилейной выставкой, на кото-

рой для обозрения публики выставить как собранные музейные коллекции предметов и документов, так и предметы и документы, относящиеся к эпохе 1812 г., составлявшие частную собственность, и таким образом выяснить с возможной полнотой весь тот материал, который представлял собой драгоценную память о славной эпохе родной истории, всесторонне освещая ее.

Для осуществления выставки комитет выделил из своего состава специальное бюро, работа коего фактически началась только в марте месяце и была крайне затруднена еще внешними обстоятельствами. Наступившее летнее время, а следовательно и отсутствие большинства владельцев частных коллекций, при крайне ограниченном сроке, не дало возможности собрать многих документов и предметов, составлявших частную собственность, к тому же размеры помещения, которое могло быть предоставлено Историческим музеем под выставку, вынудили бюро постепенно отступить от первоначально широко задуманной программы выставки и значительно сузить ее рамки. Таким образом, настоящая выставка не исчерпывала того материала, который мог бы быть собран и выставлен, если б в распоряжении бюро было больше времени и более подходящее помещение.

Почти с самого начала работ бюро, одновременно с разработкой программы, решило отступить при издании каталога от установившегося шаблонного сухого перечня выставленных предметов, а сделать первый опыт издания подробного каталога с музейным описанием вещей, дабы такой каталог мог служить публике при обозрении выставки указателем и, вместе с тем, остался бы навсегда пособием для тех, кто интересуется эпохой Отечественной войны, а тем больше для тех, которые занимаются разработкой вопроса этой эпохи. И это тем более было важно, что множество вещей и документов, составлявших частную собственность, не осталось бы в музее, а вернулось бы к своим владельцам, и потому если бы подобный каталог не был бы составлен, то от этих вещей не осталось бы никакого следа на будущее время.

Ввиду этого в иллюстрированный каталог преимущественно вошли снимки с картин и предметов, составлявших частную собственность, а также и с портретов, кои были мало известны; поэтому из числа портретов Александра I в их издание и не были помещены такие известные портреты, как Волкова, Кюгельгена, Щукина, и императрицы Елизаветы Алексеевны — Монье, Виже-Лебрен и др. Что же касается портретов генералов Отечественной войны, главная забота бюро состояла не столько в стремлении не повторять хорошо известных оригиналов, сколько, по возможности, дать изображение всех главных деятелей 1812 г.

Ко дню открытия выставки состав комитета по устройству музея был следующий: председатель комитета генерал от инфантерии В. Г. Глазов; товарищ председателя и председатель исполнительной

комиссии — я; члены: Арсеньев Ю. В., хранитель Московской Оружейной палаты; Афанасьев В. А., полковник Генерального Штаба, он же секретарь комитета; фон-Баумгартен Л. Н., генерал-лейтенант, почетный опекун; Бахрушин А. А., председатель бюро выставки; Белокуров С. А., делопроизводитель Архива Министерства иностранных дел; Беляев И. С., старший делопроизводитель Архива Министерства юстиции; Варжневский А. К., можайский уездный предводитель дворянства; Воронцов-Вельяминов А. П., инженер-генерал; Воронцов-Вельяминов П. А., военный инженер; Габаев Г. С., Лейб-гвардии саперный батальон; князь Голицын В. Д., директор Румянцевского музея; Готье Ю. В., библиотекарь; Гучков Н. И., городской голова; Колесников И. А., он же казначей комитета; Колодеев И. Х., почетный мировой судья; Литвинов М. П., смотритель храма Христа Спасителя; Никольский В. П., полковник Генерального Штаба; князь Одоевский-Маслов Н. Н., заведующий дворцовой частью в Москве; Петров В. В., генерал-майор, он же хранитель музея; Позднеев И. И., архитектор храма Христа Спасителя; Поликарпов Н. П., заведующий Московским архивом Главного Штаба; Похвиснев В. Б., московский почт-директор; Савельев Л. М., заведующий Архивом Министерства иностранных дел; Самарин А. Д., губернский предводитель дворянства; Симанский П. Н., представитель императорского Русского военно-исторического общества; Судравский В. К., капитан Лейб-гвардии гренадерского полка; Трутовский В. К., хранитель Московской Оружейной палаты; Тучков П. А., председатель Верейской уездной земской управы; граф Уваров Ф. А., член Государственного Совета; Успенский А. И., директор Московского археологического института; Фалеев Н. Г., гражданский инженер; граф Шереметев С. Д., член Государственного Совета; граф Шереметев П. С.; князь Щербатов Н. С., директор московского Исторического музея; Щукин Н. И., почетный член Исторического музея; Яковлев П. П., командующий 17-го Армейского корпуса; уполномоченный для Москвы Шамин Н. А., гласный Московской городской думы; корреспонденты комитета: во Франции — барон де Бай И. А.; в Бельгии и Нидерландах — фон Зон Г. В.; в Германии — Кунке О. О.

В бюро выставки вошли 11 членов комитета, 8 членов Кружка любителей памяти Отечественной войны, 2 делегата от Франции и 4 лица со стороны. Председателем был А. А. Бахрушин, секретарем И. Н. Уманский, хранителем В. В. Петров, комиссионером и редактором каталога Божовский.

Такой значительный состав весьма вредил делу, а главное, кто тормозил дело — это его председатель генерал Глазов, который жил в Петербурге, и потому все сношения с ним бывали очень затруднительны. Кроме того, В. Г. Глазов был человеком чрезвычайно инертным, лишенным всякой инициативы, иногда же проявлявшим совершенно неуместное упрямство — все это, конечно, вредно от-

ражалось на работе комитета. Заместителем его был одно время князь Одоевский-Маслов, человек в высшей степени благородный, безупречной добросовестности, но и только; по своему характеру он не мог проявлять никакой инициативы и в этом недалеко ушел от председателя. В 1911 г. заместителем председателя и председателем исполнительной комиссии избрали меня, но и это тоже был выбор неудачный, так как я, как губернатор, чересчур был занят делами по губернии и не мог достаточно принести пользы музею. Согласился же я на просьбу членов комитета принять на себя обязанности заместителя председателя только потому, что другого кандидата не было, и я видел, что у всех руки опускаются, так как работать с Глазовым довольно было тяжело.

Я убежден, что если бы с самого основания комитета во главе его стоял бы более энергичный председатель, который бы интересовался делом устройства музея и умел бы объединять работу членов комитета и воодушевлять их, то конечно, ко дню юбилея Отечественной войны музей был бы у нас сооружен. Из всего многочисленного состава комитета на совесть работали только В. А. Афанасьев, А. А. Бахрушин, П. А. Воронцов-Вельяминов, В. П. Никольский, В. В. Петров, Н. П. Поликарпов и только, остальные или индифферентно относились к музею, или много говорили и ничего не делали. Много очень сердечного усердия к музею проявил барон де Бай — его труды были очень ценны.

Выставка, устроенная в Историческом музее, размещена была в девяти залах: 1) зал Александра I, 2) зал героев Отечественной войны, 3) зал Бородина, 4) зал Москвы 1812 г., 5) зал отступления французов, 6) зал французской армии, 7) зал Наполеона I, 8) зал 1813, 1814 и 1815 гг., 9) юбилейный 1812—1912 гг. Устройству выставки предшествовало много прений, и если б не усилия и старания А. А. Бахрушина и В. В. Петрова, которые явились душой этой выставки, она никогда не была бы готова ко дню посещения выставки Государем.

Государь прибыл на выставку в 3 с половиной часа дня, внизу в сенях его величество был встречен августейшим председателем Исторического музея великим князем Михаилом Александровичем, товарищем августейшего председателя князем Н. С. Щербатовым и другими чинами музея. На средней площадке Государя ожидали члены комитета по сооружению Музея 1812 г. в Москве с председателем генералом от инфантерии В. Г. Глазовым во главе. На верхней площадке, у самого входа на выставку, Государь был встречен председателем комитета выставки А. А. Бахрушиным и членами комитета.

В течение целого часа его величество детально обозревал выставку. Объяснения давал хранитель Музея 1812 г. В. В. Петров, великим княгиням — Трутовский. Осмотр выставки был начат с той комнаты, где главным образом собраны портреты императора Алек-

сандра I. Эта комната представляла громадный интерес не только в историческом, но и в художественном отношении, так как очень многие портреты писаны знаменитейшими живописцами той эпохи и представляли большую художественную ценность. Был целый ряд вещей, принадлежавших императору Александру I или связанных воспоминаниями с ним, например, все вещи письменного стола, находившиеся в Зимнем дворце, письменные принадлежности, книга, раскрытая на той странице, как была оставлена императором, и проч. Затем была показана шпага Наполеона, подаренная им, по преданию, императору Александру на балу в Тильзите, затем еще одна шпага, из тех, которыми всегда пользовался император Александр I.

В следующей комнате были показаны его величеству сабля Дениса Давыдова и шашка Дорохова, пистолеты Платова, звезда Тучкова, которая была на нем в момент смерти, лента, которая была на Багратионе в Бородинском бою, орден, принадлежавший Балашову и надетый на него самим Государем, снявшим его с себя. Следующие залы специально посвящены были собранию карт и планов битв, как Бородинской, так и предшествовавших ей, с расположением войск. Тут же были собраны все вещи, относившиеся к памяти героев Бородина: Кутузова, Коновницына и др., великолепно сохранившиеся различные вещи их обстановки, домашние принадлежности и проч.

Затем его величество прошел в зал французов. В этой комнате были труба маршала Нея, жезл маршала Даву, ключи от 20 неприятельских крепостей и городов, сдавшихся русским в 1813 г., сабля Орлова-Чесменского, отбитая Милорадовичем при Красном, и, наконец, сани, в которых Наполеон ехал до Вильны. В следующем зале — обмундирование французских войск и некоторые вещи, имевшие отношение к Наполеону, бюсты Наполеона и маска с него. Затем Государя очень заинтересовала витрина с коллекциями русских масонских знаков, собранных фабрикантом Бурилиным, за которую американцы предлагали 2 миллиона рублей.

Этим и кончилось обозрение выставки, и Государь с августейшими дочерьми спустился в зал стиля царя Иоанна Грозного, где на круглых столах был сервирован чай и фрукты. В соседней зале для великих княжон была устроена выставка рукоделий.

Только около 6 часов вечера Государь отбыл из музея и направился с великими княжнами на Чистопрудный бульвар для обозрения панорамы Бородинской битвы. Над входом красовалась громадная белыми буквами надпись: «Бородино». У входа в панораму Государь был встречен председателем междуведомственной юбилейной комиссии В. Г. Глазовым, автором панорамы профессором Ф. А. Рубо и заслуженным профессором генерал-лейтенантом Б. М. Колюбакиным. Пройдя внутрь здания, Государь осматривал панораму. Объяснения давали Ф. А. Рубо и Б. М.

Колюбакин. После подробного обозрения панорамы Государь отбыл в Кремль.

Панорама представляла величайшее художественное произведение. Холст панорамы имел в окружности 162 аршина и в вышину 21,1 аршин. Приготовленное в Брюсселе целое полотно (без швов) весило 3000 пудов и стоило 10 000 руб. Панорама изображала Бородинский бой в самый решительный момент, 26 августа, в 12 часов дня. Панорама разделена была на 15 секторов. Зритель как бы находился в деревне Семеновской.

На первом секторе находился Шевардинский холм с редутами, занятый французами еще 24 августа. Здесь центр французской позиции. Правее и левее были видны резервы Наполеона — старая и молодая гвардия. Перед ним на белом коне Наполеон со своею свитой. На первом плане идущие в атаку саксонские кирасиры, в лесу стоят в резерве 2-й кавалерийский корпус генерала Монбрена и одна саксонская конная батарея.

На втором секторе изображен был начальник всей французской конницы Мюрат, король Неаполитанский, со своим начальником штаба генералом Велльяром. Правее от него скакал галопом начальник 4-го корпуса генерала Латур-Мобур со штабом. Сзади в лесу — пехотные дивизии Жерара-Марона и итальянская гвардия. Еще правее, в лощине реки Колоча — пехотная дивизия Брусье. По другую сторону реки — командир корпуса принц Евгений Богарне, вице-король Италии.

На первом плане третьего сектора видно было орудие саксонской конной батареи, переходящей Семеновский ручей. Рядом — переходящая ручей, идущая в атаку тяжелая бригада. Далее в пятом делении был изображен во ржи бой саксонской тяжелой бригады и польских улан с русскими драгунами и лейб-кирасирами.

Вдали виден был левый фланг французской позиции в лощине села Бородина. Правее — укрепленный люнетом курган Раевского. По правому скату кургана принц Евгений Вюртембергский вел свою 4-ю пехотную дивизию на первую линию. Вправо от Бородина стоял командующий первой Западной армией генерал Барклай-де-Толли со свитой — генералом Бенигсеном, Раевским, Толем и др. Пред этой группой шел впереди Лейб-кирасирский полк, а за ним — ахтырские гусары и астраханские кирасиры.

Вдали изображена была деревня Горки, и пред ней Главнокомандующий русской армией князь М. И. Кутузов со свитой. На холме, позади, — кавалерийский корпус Уварова и казаки атамана Платова, движущиеся в обход левого фланга французов. Движение это побудило Наполеона сесть на коня и спуститься с Шевардинского кургана, места своей стоянки, ближе к месту боя. На втором плане — собирающаяся русская конница; правее — двигающаяся вперед первая гвардейская бригада — полки Преображенский и Семеновский. В лесу — перевязочный пункт.

Деревня Семеновская изображена была в обуглившихся, после пожара, избах. Тут на переднем плане был генерал Дохтуров со штабом. Сквозь горящие развалины деревни Семеновской наступали части русских гренадер. За деревней генерал Коновницын и остатки 8-й и 27-й пехотных дивизий, неоднократно отбивавших взятые французами Багратионовы флеши и смененных войсками Дохтурова. Позади видны были спешившиеся черниговские и харьковские драгуны. Совсем вдали, в деревне Псаревой, видна была русская резервная артиллерия (180 орудий). От Псаревой вправо двигались кирасирские полки. Каре Измайловского и Финляндского полков отбивали атаку кирасир Нансути на берегу Семеновского оврага. Между ними — русская артиллерия. Части сводной гренадерской дивизии переходили Семеновский ручей, бросаясь навстречу французской пехоте. Вдали уходила в лес отбитая французская пехота.

Красивы были Багратионовы флеши, где князь Багратион нашел геройскую смерть среди штыковой свалки. Раненный в ногу, он умер через 10 дней. С выбытием его из строя наши войска отошли за Семеновский ручей. Пред флешами — длинная линия французской артиллерии и наступающая дивизия Фриана, уже вступившая отчасти врукопашную с нашими гренадерами. Совсем вдали, из-за леса виден был дым боя у деревни Утицы на нашем крайнем левом фланге между генералом Тучковым 1-м и поляками Понятовского. Вдали, на опушке, стояла в резерве французская пехотная дивизия Маршана. На первом плане выезжала на позицию французская конная артиллерия.

Панорама исполнена была академиком императорской Академии Художеств Ф. А. Рубо. Первые этюды и изучение Бородинского поля сражения были исполнены им в апреле 1910 г. в присутствии полковников Афанасьева и князя Багратиона. Исторической частью и расположением войск по панораме руководил заслуженный профессор императорской Военной Академии по кафедре военного искусства Б. М. Колюбакин. Сотрудниками при писании панорамы были профессора Карл Беккер, Цено Димер, Мюллер и художники Мерте и Фрош. Панорама обошлась в 120 000 руб., из которых 50 000 руб. были высочайше пожалованы Государем, а 70 000 руб. отпущены из казны. Громадное здание панорамы, в 21 сажень в диаметре и 17 саженей высоты, днем освещалось верхним светом, вечером электричеством.

Спустя некоторое время я имел неприятную переписку с великим князем Николаем Михайловичем, который, посетив выставку 12-го года, остался ею очень недоволен, т. е. не самой выставкой, а устройством ее, а главное, распорядителями выставки. На этой выставке великому князю понравились эскизы Рубо для панорамы, которые были забракованы экспертной комиссией во главе с генера-

лом Колюбакиным. Великий князь находил, что эти забракованные эскизы гораздо более патриотичны, чем те эскизы, по которым исполнена была панорама по требованию комиссии. Великий князь приобрел у Рубо понравившиеся ему на выставке его эскизы и пожелал их взять с выставки. Когда мне доложили об этом, я воспротивился, находя, что, хотя великий князь и купил их, но получить он может их только по окончании выставки, так как все вещи были принимаемы на выставку с условием, что они должны оставаться на ней до конца. Поэтому я приказал ответить посланному от великого князя, что до закрытия выставки никакие предметы с оной выданы быть не могут.

В первой половине сентября я получил от великого князя письмо от 5 сентября со станции Тихорецкой: «Многоуважаемый Владимир Федорович, сообщаю Вам все подробности покупки эскизов Рубо и причины, по которым я не пожелал оставить вещей на выставке. При посещении его величества меня возмутило отсутствие каталога *, бестолковое распределение вещей по комнатам, стенам и витринам и та развязность, с которой генерал Глазов со своими сотрудниками давали объяснения высокому гостю. Лучше было вовсе не открывать выставки, чем показывать таковую в этом виде. За время первого посещения я бегло осмотрел предметы, а 3 сентября в 10 часов утра полтора часа все осматривал уже подробно. С трудом мог узнать, откуда поступали предметы, кого и что они изображают, и попутно беседовал с генералом Петровым. Прямо с выставки я поехал к антиквару Кокурину и поручил ему навести справки о некоторых продающихся вещах, а также поручил спросить Рубо, может ли он мне продать эскизы. В 4 часа Рубо появился в «Национале», и дело было устроено в пять минут.

При этом Рубо сообщил мне все мытарства, которые ему делали комитет и комиссия по постановке панорамы 1812 г. Проект его, выраженный на 6 купленных эскизах, заключался в том, чтобы показать моменты успехов русского оружия. Между прочим, он изобразил атаку Ермолова для выручки Раевского. А. П. Ермолов представлен на первом плане; это господам судьям не понравилось, потому, мол, Ермолов личность несимпатичная, а было приказано их заменить на первом плане преображенцами. Кроме того были сделаны другие изменения в том же духе. Вышла новая панорама, дающая впечатление об успехах французов, выдвинуты Наполеон, Мюрат, Латур, Мобур и т. д., а Кутузов, Барклай-де-Толли далеко на втором плане. Купленные эскизы передают другое.

Отчего я не пожелал оставить эскизы на выставке? 1. Общий хаос, неряшество. За 1/2 часа до моего прихода сорвался портрет императора Александра I, кисти Жерара, полотно разорвано во

* Каталог, о котором я писал выше, был готов к открытию выставки для публики в сентябре. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

многих местах, а рама попорчена. Лично в этом убедился. У князя Оболенского сломана рама и стекло и т. д. 2. Грубость, нелюбезность, развязность господ устроителей, за исключением Петрова, во время моего второго посещения. Даже не подали вида меня проводить и не предлагали давать мне объяснений. 3. Нахожу, кроме того, что весь набор лиц, ведающих будущий Музей 1812 года, поражает своей некомпетентностью. Начну с Глазова. Колоссальная бездарность. Далее Петров, недоучка Беляев, ведающий французским отделом * и не умеющий даже читать по-французски, секретарь г-н Д. Уманский ** или m-r d'Umanskie, ни бельмеса несмыслящий по части истории; наконец, противный Цветаев ***, которого лично достаточно изучил. А коли выставка без каталога, то и эскизы Рубо им не нужно сохранять на месяц времени для мало понимающей публики. Извиняюсь за отчаянный почерк, но в вагоне ужасно трясет. Жму Вашу руку. Весь Ваш Николай Михайлович».

Не успел я ответить великому князю, как получил от него опять, уже из Боржома, следующую открытку от 7 сентября: «Многоуважаемый Владимир Федорович, право чудеса, и не могу постичь поведения комитета выставки. Вчера здесь получил депешу от Кокурина: «После молебствия по случаю открытия выставки комитет единогласно постановил оставить эскизы и не выдавать мне до возвращения губернатора» ****. Не понимаю, при чем Вы тут, и если выставка не была даже открыта, то на каком основании задерживают чужую собственность, когда у Кокурина находится ему данное собственноручное мое предписание. Сознаюсь, я изведен и недоумеваю. Жму Вашу руку. Весь Ваш Н. М.».

Я ответил великому князю подробным письмом, объяснив ему положение дела и прося его оставить эскизы до закрытия выставки, так как они вошли в каталог, уже отпечатанный. Если же эскизы необходимы великому князю, то разрешить их оставить хотя бы на некоторое время.

Пока шла переписка, эскизы оставались на выставке, великий князь дал свое согласие, таким образом, инцидент был исчерпан.

30 августа, в последний день пребывания Государя в Москве, на Красной площади состоялось всенародное моление в память избавления Москвы от нашествия двунадесяти языков. Это торжество было едва ли не самым эффектным и грандиозным. Такого величественного зрелища Москва еще не видела, когда крестный ход с тыся-

* Французским отделом ведал барон де Бай (француз). *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

** Уманский был на редкость аккуратный делопроизводитель и прекрасный работник. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

*** Директор Музея изящных искусств. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

**** Я был в Петербурге, а до моего отъезда я отдал распоряжение отнюдь не давать с выставки вещей до ее закрытия. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

чей участвовавших в нем представителей духовенства, все в одинаковых парадных малиновых облачениях с золотом и с вытканной надписью на спинах под таким же крестом: «Сим победиши», двигался из Успенского собора, сопровождаемый царем, царицей и всей царской семьей к Красной площади, где на особом возвышении, под шатровой сенью в древнерусском стиле, совершено было молебствие.

С раннего утра Кремль и вся Красная площадь, доступ на которую был совершенно свободен, были усеяны не одной сотней тысяч народной толпы. Во всех окнах Верхних торговых рядов и ближайших окрестных зданий было море голов. Зрелище было невиданное и неописуемое по величавой красоте. По всему пути следования их величеств и крестного хода от Большого Кремлевского дворца до Успенского собора и от Успенского собора до Спасских ворот, и по Красной площади параллельно Кремлевской стене до Никольских ворот были выстроены части войск Московского гарнизона в зимней парадной форме при знаменах и хорах музыки.

В Успенском соборе в ожидании прибытия их величеств собрались все, кому надлежало присутствовать согласно церемониала. К самому началу литургии прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна и великие князья, находившиеся в Москве. Во время литургии внутренним патриаршим ходом из Кремлевского дворца в Успенский собор прибыли Государь, императрица, наследник и августейшие дочери их величеств. Государь был в форме Павлоградского гусарского полка и в Александровской ленте. Наследник в форме стрелков императорской фамилии. По окончании литургии из Успенского собора двинулся крестный ход, это было в 12 часу. Тем временем на Красной площади вокруг шатровой сени собрались лица, не участвовавшие в крестном ходу.

Как только из Успенского собора стал выходить крестный ход — загудели кремлевские колокола, а затем и колокола всех московских церквей. Музыка играла «Коль славен». Впереди несли две хоругви 1812 г., большой золотой фонарь с государственным гербом, запрестольный крест и корсунские кресты. Далее шло духовенство с иконами. Иконы сопровождали предшествовавшие их величествам два церемониймейстера с жезлами, обер-церемониймейстер барон Корф, придворные чины и кавалеры. Далее шли гофмаршал граф Бенкендорф и первые чины двора. За синодальным хором шли опять священники, высшее духовенство и митрополит Владимир. Вслед за владыкой шли их величества и наследник. За Государем шел министр двора и дежурство — генерал-адъютант Пантелеев, Свиты генерал граф Граббе и флигель-адъютант Петровский и камер-паж его величества. За Государыней — назначенный состоять при ее величестве в этот день князь Щербатов и два камер-пажа несли шлейф. Далее шли остальные особы императорского дома, придворные дамы, лица свиты и члены Совета Министров.

Когда Государь с императорской фамилией показался в Спасских воротах, мощное «ура» толпы понеслось ему навстречу, после чего на площади воцарилась благоговейная молитвенная тишина. Государь, Государыня, августейшие дети и особы императорской фамилии в предшествии митрополита и архиереев вошли на возвышение, как раз против памятника Минину и Пожарскому, под сень, у входа в которую стояли парные часовые собственного его величества Конвоя в красных черкесках. Около шатра находился хор из 3000 воспитанников средних учебных заведений и певческих хоров под управлением А. Д. Кастальского— директора Синодального училища.

Как только их величества заняли места на возвышении, протодиакон Розов с высокого помоста прочитал высочайший манифест. [...].

После чтения манифеста отслужено было торжественное молебствие, во время которого пели хор синодальных певчих и народный хор в 3000 человек. Благодарственное молебствие совершено было с коленопреклонением за избавление от нашествия двунадесяти языков. После многолетия протодиаконом была провозглашена «вечная память» императору Александру I и всем павшим в Отечественную войну и почившим вождям и воинам. При этом вся Красная площадь заколыхалась, и все сотни тысяч находившихся на ней опустились на колени. В этот момент находившиеся в стороне войска стали отдавать честь; из орудий был произведен салют, а во всех церквах— колокольный перезвон. Далее последовало возглашение многолетия державе Российской, воинству Всероссийскому и всем верноподданным. По окончании молебствия их величества и высочества отбыли при восторженных кликах народа в Большой Кремлевский дворец.

В 4 часа дня Государь и августейшие дочери их величеств посетили Кустарный музей Московского губернского земства в Леонтьевском переулке. Руководители московского земства хотели особенно оттенить первое посещение Государем одного из земских учреждений и сделать это торжество исключительно земским. Поэтому в музей не были приглашены представители других ведомств, учреждений и общественных организаций.

На верхней площадке главной лестницы собрались для встречи его величества заведовавшие отделами Кустарного музея, заведовавший музеем В. Г. Крапивин, художник Бартрам и др. На нижней площадке у входа сгруппировались: исправляющий должность председателя губернской земской управы А. Е. Грузинов, члены управы: С. К. Родионов, М. А. Нарожницкий, М. М. Людоговский, Н. Н. Писарев, председатель губернского земского собрания А. Д. Самарин, председатель кустарного совета князь А. Д. Голицын, председатель экономического совета граф В. В. Мусин-Пушкин и др.

Высокие гости— Государь с августейшими дочерьми— прибыли на автомобиле. А. Е. Грузинов, держа в руках хлеб-соль, обратился к Государю императору со следующей речью: «Ваше императорское величество. В трудные времена государственной жизни земские люди всех сословий объединялись и вставали на защиту Престола и Родины. Во времена Минина и Пожарского, в памятную годовщину нашествия Наполеона вся земля, как один человек, грудью отстояла своего царя, свою веру и независимость. Ныне земские люди всех сословий несут мирную работу на местах в пользу родной страны. Но если суровая воля судьбы того потребует, то вся земская Русь, как и встарь, грудью станет за царя навстречу военной непогоде.

Но сегодня у земства праздник мирный. Наша работа на местах почтена вниманием вашего величества. В этот знаменательный день впервые московское земство имеет высокую честь и счастье в стенах своего учреждения приветствовать верховного повелителя Русской земли и его царственную семью. И мы, московские земские выборные люди, с великой благодарностью и особым благоговением преклоняемся перед монархом, державная воля которого приобщила народ к творчеству законодательному. Память о настоящем светлом дне будет навеки занесена в летописи московского земства и даст силы и бодрость работникам на земской ниве. Мы веруем, что внимание ваше, Государь, вольет новую кровь в жизнь земских учреждений и даст им новый блеск во славу имени вашего императорского величества и во благо родного края. С чувством беспредельной любви и преданности московское земство бьет челом и просит принять нашу русскую хлеб-соль».

Приняв хлеб-соль и поблагодарив, Государь поднялся с августейшими дочерьми во второй этаж музея. Здесь показана была выставка кустарных изделий и показательных работ по кустарной промышленности. Затем Государь обошел собравшиеся в музее 33 депутации от кустарных товариществ и артелей. После приема этих депутаций, удостоившихся поднесения Государю и августейшим дочерям своих изделий, его величество с августейшими дочерьми и особами императорской фамилии сошел в нижний зал музея, где был подан чай. А. Е. Грузинов провозгласил здравицу за здоровье Государя императора, Государыни императрицы и августейшего семейства. Здравица была покрыта кликами «ура» присутствовавших.

Государь оставался в музее около двух часов. В начале седьмого часа его величество отбыл в Большой Кремлевский дворец, оставив в сердцах всех деятелей земства неизгладимое впечатление восторга и беспредельной благодарности за дорогое внимание. Государь всех прямо обворожил своей простотой и ласковым обращением.

Вечером того же дня в Большом Кремлевском дворце [был] парадный обед для высших должностных лиц и общественных

представителей. Обед был накрыт на семи столах: высочайший стол покоем на 90 приборов, на остальных столах было около 300 приборов. За четверть часа до времени, назначенного для обеда, когда все приглашенные стояли уже у своих мест, ко мне подошел скороход и доложил мне, что Государь приглашает меня к себе в кабинет. Я тотчас отправился, меня провожали любопытные взоры находившихся в зале.

Государь мне сказал, что прислал за мной, чтоб сердечно поблагодарить меня за все мои труды по устройству торжеств и за отменный порядок на Бородине и Ходынском поле и всех мне подведомственных учреждениях, и в память этих «счастливых и радостных» для него дней жалует мне свой портрет в драгоценной раме с дорогими словами, собственноручно им начертанными на портрете: «Московскому губернатору Джунковскому. Николай. 25—30 августа 1912 г. Бородино — Москва». Затем Государь, передавая мне портрет, милостиво протянул мне руку и поцеловал меня, я поцеловал Государя в плечо.

Счастливый, я вернулся в Георгиевский зал к своему прибору, все вопросительно на меня смотрели, стараясь отгадать причину вызова меня Государем, а генерал-адъютант Пантелеев, бывший ко мне весьма расположенным, подошел ко мне и спросил, не поздравил ли меня Государь своим генерал-адъютантом. Почему-то он был в этом уверен, так как слышал об этом разговоры; он остался очень разочарованным, узнав, что этого не случилось, так как он искренне желал этого. Я лично весьма сомневался, чтоб такие предположения имели основания, так как история не знала такого примера, чтоб губернатор был назначен генерал-адъютантом, а кроме того, с Бородинскими торжествами связано было начало некоторого недовольства мною со стороны императрицы Александры Федоровны, которая в первый день высочайшего приезда в Бородино была ко мне крайне милостива и предупредительна, но потом я почувствовал некоторую сдержанность относительно меня, думая, что причиной этому была та определенная позиция, на которую я встал по отношению к Распутину, о чем, конечно, друзья последнего поспешили сообщить императрице.

Я лично был вполне удовлетворен и вполне счастлив, что благодарность его величества ко мне вылилась в пожалование мне портрета— это было для меня лучшей наградой и по крайней мере не вызвало ни с чьей стороны зависти.

В 8 часов последовал высочайший выход к столу в предшествии обер-церемониймейстера барона Корфа и гофмаршала графа Бенкендорфа. Центральное место за высочайшим столом заняли рядом Государь и императрица, имея против себя министра императорского двора. По правую руку ее величества: великий князь Михаил Александрович, великая княжна Татьяна Николаевна, великий князь Борис Владимирович, статс-дама графиня Олсуфьева, великий

Император Николай II. Август 1912 г.

князь Петр Николаевич, статс-дама графиня Уварова, великий князь Михаил Михайлович, супруга обер-гофмейстера Танеева, великий князь Сергей Михайлович и т. д.

По левую руку его величества сидели: великая княжна Ольга Николаевна, великий князь Кирилл Владимирович, статс-дама Нарышкина, великий князь Дмитрий Павлович, статс-дама графиня Шереметева, великий князь Николай Михайлович, супруга Председателя Совета Министров Коковцова, великий князь Георгий Михайлович, А. Н. Унковская и т. д. Справа от министра двора — В. Н. Коковцов, слева митрополит Владимир. Сестра моя сидела между министрами юстиции и земледелия. Я — среди генералов Свиты по старшинству. Градоначальник А. А. Адрианов, назначенный в этот день в Свиту, занимал место также среди лиц Свиты.

Меню обеда было следующее: Potages: St.-Hubert, Marie-Louise. Petits patés. Sterlet de la Dvina à l'impériale. Langue de veau à la Moscovite. Gelinottes en Daube en «Belle vue». Punch Victoria. Rôti: Poulardes du Mons Doubles et Faisans. Salade. Truffes au champagne. Fonds d'artichauts. Sauce Ivoire. Péches Montreuil à la Canne. Corbeilles Parisiennes. Dessert *

Во время обеда пел хор императорского Большого театра и играли оркестр этого театра и хор трубачей Сумского гусарского, генерала Сеславина, полка. Была исполнена следующая программа: 1) увертюра «1812 год» Чайковского; 2) «Проводы масленицы» из 1 действия оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова; 3) гопак из оперы «Сорочинская ярмарка» Мусоргского; 4) увертюра к опере «Князь Игорь» Бородина; 5) русская и трепак Рубинштейна; 6) хор из 1 действия оперы «Евгений Онегин» Чайковского; 7) антракт из балета «Раймонда» Глазунова; 8) малороссийский казачок Даргомыжского; 9) хор «В бурю, во грозу» из 1 действия оперы «Жизнь за царя» Глинки; 10) вальс из балета «Лебединое озеро» Чайковского; 11) музыка из оперы «Галька» Монюшко; 12) полонез из оперы «Ночь под Рождество» Римского-Корсакова. Обед закончился в 9 с половиной часов вечера. После беседы за кофе на балконе Кремлевского дворца, против чудно освещенной разноцветными огнями иллюминации Софийской набережной, их величества, милостиво простившись с присутствовавшими, удалились во внутренние покои.

Около полуночи состоялся отъезд их величеств с августейшей семьей. Весь путь от Кремлевского дворца до Александровского вокзала и вся окружающая вокзал местность были иллюминованы. Густые толпы народа запружали тротуары и мостовые; по одной

* Супы: «Св. Губер» и «Мари-Луиз». Пирожки. Стерлядь двинская по-императорски. Говяжий язык по-московски. Рябчики тушеные в «Бель вю». Пунш «Виктория». Жаркое: цыплята «Дю Монс», двойные; фазаны. Салат. Трюфели по-деревенски. Артишоки. Соус «Ивуар». Персики «Монтрой» по-каннски. Пирожные корзиночки по-парижски. Десерт.

стороне пути стояли шпалерами военно-учебные заведения и войска Московского гарнизона. Воздух оглашался несмолкаемым «ура». Их величества с великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами прибыли на вокзал в 11 с половиной часов вечера. Наследник и великие княжны Мария и Анастасия Николаевны прибыли в императорский поезд двумя часами раньше. Одновременно с их величествами прибыла на вокзал великая княгиня Елизавета Федоровна, великие князья и особы императорской фамилии. Простившись со всеми и выразив удовольствие по поводу приема, оказанного в Москве, их величества и августейшие дочери проследовали в вагон. Императорский поезд отбыл в Смоленск при кликах «ура» собравшихся.

Так блестяще прошли Бородинские торжества. 1912 год особо должен быть отмечен в летописях Москвы и Московской губернии. В этом году торжественно были отпразднованы открытие памятника царю-миротворцу и столетие высокославного подвига русской армии — Отечественной войны и ее центрального момента — Бородинского боя.

Во всеподданнейшем своем отчете за 1912 г. я, остановившись на Бородинских торжествах, отметил ту необычайную дружную работу учреждений и лиц, которые были призваны к делу организации торжеств и приведению поля в вид, приличествующий его историческому значению и важности момента. Казенные кредиты на удовлетворение расходов, связанных с устройством торжеств, были открыты всего за месяц до торжеств, и потребовалось большое напряжение энергии для того, чтобы своевременно приготовить поле к приезду Государя и представителей населения всей страны. Конечно, многое было сделано недостаточно удовлетворительно, но отнюдь не по недостатку энергии работавших на Бородинском поле лиц, а единственно по недостатку времени и средств. Далее в своем отчете я засвидетельствовал о том, что, начиная с комитета по организации торжеств и кончая последним рабочим в поле, — все были одушевлены горячим желанием выполнить удачно, по мере сил и возможности, возложенную на них задачу.

Я особенно отметил усердие воинских частей, воздвигших в короткое время памятники-монументы своим героям-предкам; работу военного инженера полковника Воронцова-Вельяминова по постановке памятника фельдмаршалу Кутузову; гренадерской саперной роты под командой подполковника Турчина по восстановлению Шевардинского редута, Семеновских флешей и по постройке мостов; Московского столичного попечительства о народной трезвости по организации продовольственной части для крестьянских представителей и для народа и Московского губернского земства по постройке шоссе и устройству санитарной части. Я упомянул и о том содействии, которое постоянно оказывал всем работавшим на поле бывшего сражения Спасо-Бородинской женский монастырь

во главе с игуменьей матерью Ангелиной, не обошел молчанием и скромный труд арестантов по возведению крестьянского лагеря и на других работах, которым милостию Государя были смягчены наказания, наложенные на них судом. В день высочайшего отъезда я доложил Государю телеграмму с выражением верноподданнических чувств игуменьей Ангелиной с сестрами Спасо-Бородинской обители. На этой депеше Государь собственноручно начертал: «Будем всегда вспоминать с удовольствием посещение нами Спасо-Бородинской обители». Эти милостивые слова Государя я приказал отпечатать и раздать всем сестрам обители. [...]

На другой день отъезда их величеств я был приглашен князем Александром Георгиевичем на парадный обед в ресторан «Эрмитаж», который он давал в честь французских делегаций, прибывших на Бородинские торжества. Князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, был сыном князя Георгия Максимилиановича и княгини Терезии Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской, и приходился правнуком пасынку Наполеона I, Евгению Богарне, бывшему вице-королем Италии, стяжавшему боевую славу в Бородинском сражении и пользовавшемуся большой популярностью среди солдат французской армии. Вследствие этого члены Французского комитета по празднованию столетнего юбилея Бородинского боя просили князя Александра Георгиевича быть почетным председателем их комитета, каковое звание его императорское высочество и принял на себя с высочайшего соизволения.

Обед носил чрезвычайно сердечный характер, сервирован он был в колонном зале «Эрмитажа», масса цветов, преимущественно белые и красные розы, украшали обеденный стол. На обеде присутствовали и военные депутации в полном составе, и соединенная от комитетов «Souvenir Français» и «Sabretache», и представители французской колонии в Москве. Некоторые из членов депутаций были с женами, что придавало обеду еще большую нарядность и способствовало оживлению. В центре стола сидел князь Александр Георгиевич, а против него я и затем все французские гости по старшинству.

Благодаря радушию и какой-то задушевной простоте князя Александра Георгиевича (это был один из самых милых, скромных и воспитанных особ императорского дома), все гости себя чувствовали совершенно непринужденно, все время царило большое оживление, француженки весело и очень остроумно поддерживали разговор. Когда подали шампанское, то после официальных тостов, совсем неожиданно для меня (оказалось, генерал Лангль заранее испросил на это разрешение князя Александра Георгиевича), взоры французских гостей обратились в мою сторону, и генерал Лангль произнес по моему адресу целую речь в самых лестных выражениях, окончив ее словами, что в знак того огромного содействия, которое

я оказал французской нации при постановке памятника павшим французам, Президент Республики пожаловал мне орден Почетного легиона Командорского креста и что по французским обычаям полагается, чтобы орден этот был надет на шею старшей из присутствующих дам, почему он и передает этот орден госпоже Лебон. Все встали и устроили мне шумную овацию. Под аплодисменты и к моему большому смущению госпожа Лебон собственноручно обвязала мне ленту ордена вокруг шеи. После этого старший из присутствовавших кавалеров этого ордена меня обнял и поцеловал три раза. Глубоко тронутый, но смущенный всей этой церемонией и чувствуя большую неловкость от широкой ленты ордена, не позволявшей мне свободно поворачивать шею, я с нетерпением ждал конца обеда, чтобы получить возможность как следует надеть орден. После обеда еще около часу продолжалась беседа за кофе, после чего все стали разъезжаться. На другой день французы покинули Москву, по-видимому, под очень ярким хорошим впечатлением.

Для охранения памятников, поставленных на Бородинском поле сражения, образовалось вскоре «Бородинское общество охраны памятников». Это общество возникло по мысли группы лиц, работавших на Бородинском поле, и имело целью охранять поле и воздвигнутые на нем монументы героям войны, выяснять путем изысканий и исторических справок еще неотмеченные пункты и моменты Бородинского боя, приобретать в собственность земли, знаменательные в истории битвы, для постановки монументов, поддерживать пути сообщения и устраивать новые, а также содействовать прибывавшим на поле экскурсиям питомцев учебных заведений и т. д. Общество избрало меня пожизненным почетным председателем и начало свою деятельность с осени этого года. Воинские части, поставившие памятники, весьма сочувственно отнеслись к этому новому обществу и поспешили внести свои лепты на поддержание памятников.

9 сентября состоялось открытие и освящение музея-часовни на месте Военного совета, бывшего под стенами Москвы в Филях 1 сентября 1812 г., рядом с Кутузовской избой. На этом торжестве крестьянин Н. П. Богачев, обратившись к митрополиту, произнес следующую речь, которую я привожу, как весьма характерную и особенную по своему стилю: «Присутствуя здесь, мы воспоминаем, как лилась кровь защитников Отечества под стенами Смоленска, как от громов смертных трепетали поля Бородинские, как западные полчища, бряцая саблями и громыхая орудиями, подходили к Москве и как наши предки собственными руками зажгли свою столицу, и она дымясь воспламенилась, как огненное море, а сами удалились в леса и говорили: «Еще далеко до победы». Они веровали в Бога и надеялись на милосердие свыше, и вера не посрамила их. Сильный враг взял Москву, но он разбился о стену народного духа. И его полчища обратились в бегство и, утопая в пучинах снежных, замер-

зали на пути, и жалкие остатки его разбитой армии едва достигли своей страны. Такова сила веры.

В последнее время на Дальнем Востоке, за несколько тысяч верст, японские пигмеи обнажили мечи и, блистая ими, стали грозить России отнять Сибирский край, и Россия испугалась, упала духом, ибо в сердце ее стала угасать вера народная, и она заключила мир с язычниками. Таковы последствия безверия. Но теперь мы радуемся, что в сердцах русского народа еще светится вера православная. И мы видим: от стен священного Кремля крестный ход, как золотая река, простерся на сие место Военного совета. И мы пришли сюда. Что ж мы здесь делаем? Мы воздвигаем не монумент победы над врагами в дух гордости, а созидаем христианский храм любви, чтобы с алтарей церкви возносились искренние молитвы выше солнца и звезд ко престолу Вседержителя о умножении блаженства бессмертного духа защитников Отечества. И еще, чтобы в стенах святилища Господня раздавался голос: «Возлюби ближнего, как самого себя». И когда искра любви будет светиться в сердцах народов, тогда прекратится война, потому что они будут любить друг друга, как самого себя. А без христианства ни наука, ни дипломатия, ни конгрессы мира благоденствие на земле утвердить не могут, ибо искра любви зажигается от огня Духа Божия в сердцах чистых, а не мудростью людской.

Пусть созидаемый храм будет служить памятником, что Россия спаслась не наукою и не оружием, а верою народною. И если в нашем Отечестве будет процветать вера христианская, а у нас будет патриотизм, будет единство, будет наука и будет любовь к царю, и мы спасем любезную Россию — эту колыбель нашего младенчества, эту купель нашей религии, эту хранительницу церквей православных».

В конце августа последовал указ о роспуске Государственной Думы 3-го созыва, ввиду окончания полномочий членов ее, и созыве в ноябре Государственной Думы 4-го созыва в новом составе. Поэтому с сентября месяца начались усиленные работы по подготовке к выборам.

1 сентября Московское столичное попечительство о народной трезвости постигла тяжелая утрата — скончался один из заведовавших народными домами капитан И. И. Лебедев, прослуживший в Попечительстве почти с самого его основания. Он был командирован на Бородинское поле, где много работал по устройству питательных пунктов с полной энергией и свойственной ему работоспособностью. Во время одной спешной поездки лошадь опрокинула его экипаж, и он сломал себе ногу. Это было в моем присутствии; я его лично перевез в Москву и поместил в хирургическую лечебницу. Когда его нога стала поправляться, он вдруг совсем неожиданно скончался. Все его сослуживцы и я сердечно его оплакивали.

13 сентября, по моему предложению, в губернском присутствии рассматривался мой протест по поводу выборов А. А. Рейнбота гласным по Подольскому уезду и вызвал большие прения. Подольский уездный предводитель дворянства А. М. Катков горячо доказывал, что помилование Рейнбота совершенно аннулирует все его судебное дело, но большинство присоединилось ко мне, держась моего взгляда, что помилование освободило его только от материальных последствий приговора, но нравственная сторона процесса и осуждения не изменилась, и потому гласным он быть не может.

20 сентября открылась экстренная сессия губернского земского собрания, а 21-го произведены были выборы в члены Государственного Совета от земства, избран был вторично граф Ф. А. Уваров.

В этом собрании ходили по рукам стихи на председателя собрания А. Д. Самарина, в связи с августовскими юбилейными торжествами и назначением его в Государственный Совет.

Юбилей 1812—1912

Юбилей весьма приличен —
Бородинский шум и звон.
Был Самарин возвеличен
И презрен Наполеон:
Что досталось Бонапарте,
Я охотно назову:
Он проник в своем азарте
Лишь в сожженную Москву.

А Самарин с большим тактом,
У него ошибок нет, —
Бородинским влез он трактом
В Государственный Совет.
И хваля свою персону,
Видя сон свой наяву,
Рек: «Вольно ж Наполеону
Лезть не в Питер, а в Москву.

22 сентября на Петербургском шоссе, в районе Московской губернии произошла трагическая автомобильная катастрофа. Из Петербурга в Москву на 120-сильном фиате ехали три англичанина — Петер Ховкер, Реджинальд Генди, Бодерст и механик Бланки, которые намеревались сделать на автомобиле кругосветное путешествие Лондон — Петербург — Москва — Пекин и т. д. На машине было много груза, так что сидели они в страшной тесноте. Из Клина они выехали под вечер и были у деревни Дурыкино в самую темноту. Тут на шоссе был первый шлагбаум. Не подозревая его и не заметив его в темноте, они не остановили машины, и автомобиль на полном ходу налетел на опущенный шлагбаум. У Ховкера от удара о бревно шлагбаума раскрошена была челюсть и разорван язык. Бодерст успел инстинктивно соскользнуть с сиденья, и потому отделался ударом по подбородку и рукам, у механика разбитым оказался нос и один глаз. К счастию, от сильного удара мотор сломался, и машина остановилась. Пострадавших перенесли по соседству в дом Спечинских, а потом отвезли в лечебницу Посникова в Москву.

Получив об этом печальном происшествии донесение, я для его расследования тотчас командировал на место катастрофы состоявшего при мне полковника Гарденина. Виной всему оказался дорож-

ный отдел московского губернского земства, который по небрежности не озаботился надлежащим освещением местности близ шлагбаума. Я поэтому был принужден предложить губернской земской управе озаботиться устройством, в течение 5 дней, на всех шлагбаумах в пределах губернии красных сигнальных фонарей, которые прикрепить к бревну шлагбаума, посередине его. В лечебнице Посникова, после 3-часовой операции, удалось Ховкеру связать челюсть, зашить язык, и, благодаря искусству хирурга П. И. Посникова и безукоризненному уходу, все три англичанина стали быстро поправляться. Я несколько раз был у них в лечебнице, они были бодры и надеялись докончить задуманное путешествие.

25 сентября Большой театр в Москве праздновал 10-летний юбилей талантливой и выдающейся артистки императорской оперы А. В. Неждановой. Давали «Травиату». Милейшая и симпатичнейшая артистка в роли Маргариты Готье была поразительно хороша. Сочетание ее чудного голоса с необыкновенно благородной тонкой игрой производило сильное впечатление. Артистка как-то особенно была в ударе в этот день. На этом спектакле ярко сказалась необыкновенная любовь к артистке всех московских кругов — сцена в течение нескольких секунд ее чествования превратилась в сплошную цветочную выставку. Я ходил ее приветствовать во время антракта на сцену и лично поднес ей несколько лилий, перевязанных лентой.

В это время, в конце сентября и начале октября, произошли крупные политические события на Ближнем Востоке. 4 октября Турция объявила войну Сербии и Болгарии. Все симпатии были, конечно, на стороне Сербии и Болгарии, все с тревогой следили по газетам за военными действиями и радовались успехам родных нам славянских народов. 9-го октября от Иверской общины Красного Креста отправился в Сербию первый отряд для подания помощи раненым. В организации и снаряжении этого отряда и я принял участие как член совета означенной общины. Отряд этот рассчитан был на 200 коек, но мог быть доведен до 400, состав отряда — 5 врачей во главе с доктором Бабасиновым, 16 сестер и 35 санитаров. Великая княгиня Елизавета Федоровна приняла ближайшее участие в снаряжении отряда и напутствовала его в день отправления из Москвы.

5 октября, в день тезоименитства наследника цесаревича и праздника всей полиции Московской губернии, я ездил в г. Богородск, где также и 6-я Отдельная Донская сотня праздновала свой храмовый праздник. Сотня эта квартировала в самом г. Богородске и находилась в моем распоряжении. После торжественного богослужения в соборе состоялся парад как казачьей сотне, так и отряду коннополицейской стражи. Парад был блестящий, я два раза пропустил мимо себя казаков и стражу церемониальным маршем, после парада послал всеподданнейшую депешу Государю

по случаю тезоименитства наследника цесаревича с пожеланием скорейшего выздоровления его высочеству.

В это время вся Россия переживала страх за здоровье наследника, который заболел во время высочайшего пребывания в Беловеже после неосторожного прыжка, сделанного им, когда он садился в лодку. Первое время не наблюдалось никаких болезненных явлений, ни сколько-нибудь уловимых изменений в общем состоянии наследника. Но затем, в ночь на 7 сентября, в левой подвздошной впадине появилась боль и опухоль, которая, по словам докторов, явилась вследствие забрюшинного кровоизлияния. При необходимом покое и соответствующем лечении кровоизлияние это стало через три недели столь незначительным, что почти вовсе не прощупывалось, и больной уже начал делать попытки становиться на ноги. 28 сентября, желая сделать несколько самостоятельных шагов, наследник цесаревич, несмотря на самый бдительный надзор, вследствие неловкого движения упал, что и послужило поводом к новому кровоизлиянию в ту же область, проявившемуся в ночь на 2 октября. На этот раз оно заняло гораздо большее пространство, а именно: всю левую подвздошную полость и всю поясничную той же стороны, причем внутренняя граница его заходила несколько за среднюю линию живота. Подобные забрюшинные кровоизлияния, в виде последствия даже не очень сильной травмы, встречались в медицине чрезвычайно редко и представляли совершенно определенную крайне тяжелую клиническую форму (Haetomatoma retroperetoneale). Частью под влиянием всасывания излившейся крови, частью вследствие развивающегося вокруг нее реактивного воспалительного процесса, такие гематомы, т. е. кровяные опухоли, могли сопровождаться возвышенной температурой, каковая и наблюдалась у его высочества. Естественным последствием таких обширных кровоизлияний являлось значительное малокровие, требовавшее иногда немалого времени для полного его излечения, а также могло быть весьма длительное затруднение в свободном пользовании той ногой, со стороны которой была гематома, как вследствие бывшего пропитывания кровью сгибающей бедро мышцы (Muscuileo psoos) и окружающей клетчатки, так и от продолжительного давления опухоли на соответствующий нерв.

Во всей России, во всех ее уголках известие это о болезни наследника взволновало все круги, особенно ярко сказалось в Москве, где еще так недавно, во время Бородинских торжеств, все имели возможность так близко видеть дорогого для каждого русского наследника престола, любоваться им и радоваться ему. По всей России служили молебствия о здравии наследника, и каждый спешил проявить свои верноподданнические чувства. [...]

6 и 7 октября в Москве были торжественно освящены и открыты 3-я и 4-я амбулатория для туберкулезных больных, учрежденные на

средства от сбора «Дня белой ромашки» в мае месяце. Амбулатории эти принадлежали к типу диспансеров с попечительными функциями и с заботами о легочных больных, остававшихся на свободе. В каждой из этих амбулаторий было по три кабинета для больных легочным туберкулезом, аптека для бесплатной раздачи лекарств, просторная передняя, большая приемная для больных и квартира для фельдшерицы и персонала. Открытие этих амбулаторий состоялось под председательством моей сестры. Поступавшим больным оказывалась также помощь комитета улучшением жилищных условий, улучшением питания, выдачей одежды, топлива, установлением раннего диагноза чахотки, разъяснением правил личной гигиены и питания, нахождением больным легких мест службы, помещением их в больницы, приюты, богадельни и пр. Такие амбулатории должны были покрыть сетью всю Москву.

12 октября в Петербурге застрелился Свиты его величества контр-адмирал И. И. Чагин — командир императорской яхты «Штандарт». Это самоубийство вызвало очень много толков в обществе. Чагин занимал очень видное положение в морском ведомстве, ему было всего 52 года, счастливая карьера его как-то не вязалась с таким трагическим концом. Чагин окончил Морской кадетский корпус и офицерские минные классы, в 1893 г. он был назначен старшим флагманским офицером при начальнике Тихоокеанской эскадры и принимал участие в освобождении Пекина, что положило начало его блестящей карьере. Ему всегда как-то особенно везло. Когда адмирал Сеймур с европейскими войсками шел на выручку Пекина, то в отряде, в котором находился Чагин, все офицеры были перебиты. Чагин остался невредим. Во время японской войны, когда он командовал крейсером «Алмаз», ему удалось каким-то чудом прорваться через линию японских судов и со своим крейсером, вернее даже яхтой, почти без аварии благополучно прийти во Владивосток, тогда как весь флот, за исключением двух еще миноносцев, погиб; за это он получил Георгиевский крест и назначен был флигель-адъютантом. Вскоре затем он назначен был командиром императорской яхты «Штандарт». Я лично хорошо знал Чагина по Свите, по старшинству он следовал всегда за мной, и потому на всех празднествах и при принесении поздравлений в торжественные дни мы всегда шли вместе. Это был человек очень сдержанный, отлично воспитанный, держался он всегда с достоинством и был очень приятен в обращении. Я глубоко пожалел о нем, когда узнал об его трагической кончине. Считал это большой потерей и для флота, и для Государя, так как Чагин был безусловно глубоко порядочным человеком, не шел никогда на компромиссы со своей совестью, а такие люди, пользуясь своим влиянием при дворе, могли принести много пользы. Говорили, что причина самоубийства была романтическая, но я не считаю себя вправе касаться этого вопроса и тревожить его память разысканием причины, побудившей

его кончить с собой. Чагин был яркой величиной, и я могу только искренно сожалеть об его безвременной кончине.

13 октября в Москве освящено было и открыто новое роскошное здание для приюта детей слабоумных, припадочных, отсталых и калек, сооруженное Московским отделом Петербургского братства во имя «Царицы небесной». Новое здание приюта представляло из себя трехэтажный большой дом на Зубовском бульваре, специально оборудованный для несчастных калек, с последними усовершенствованиями по уходу за такими больными. Инициатором этого доброго христианского дела была графиня О. Д. Апраксина, рожденная княгиня Голицына, сестра последнего Председателя Совета Министров, во главе же приюта стояла ее помощница мать Ангелина, всю свою жизнь посвятившая Богу и этим несчастным больным детям.

22 октября в Москве скончался П. И. Бартенев — основатель первого в России исторического журнала «Русский архив» [10] и неизменный его редактор и руководитель в течение более 50 лет его существования. В течение своей многолетней литературно-издательской деятельности он собрал и обнародовал груды сырого материала, среди которого было много исключительной исторической ценности.

Он родился в 1829 г. и окончил благородный пансион в Рязани, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, который и окончил в 1851 г. «Русский архив» он начал издавать в 1863 г., а в 70-е годы этот журнал достиг уже своего расцвета; все стали им интересоваться, и он получил широкое распространение по всей России. Любимой эпохой П. И. Бартенева было екатерининское время, и этой великой государыне он и посвятил наибольшее внимание. Бартенева знала буквально вся Москва. Это был старик небольшого роста, довольно плотный, он далеко не был представителен, и смотря на его невидную фигуру, хромого, опиравшегося на костыль, можно было легко его принять за старьевщика. Он ничем не интересовался, как только историческими документами, и с жадностью следил, где ему можно было поживиться на этот счет. Он скончался 83 лет и до самых последних дней своей жизни не переставал работать над своим «Архивом» и даже в предсмертном бреду спрашивал, отправили ли в типографию гранки. Похоронили его в Алексеевском монастыре.

23 октября по приглашению общества офицеров 3-го гренадерского Перновского полка я был на торжестве открытия полкового памятника на Торговой площади в г. Вязьме, по случаю 100-летия славного освобождения этого города от французов.

В конце октября в Москве произведены были выборы в Государственную Думу 4-го созыва. Сначала были произведены выборы по г. Москве, а потом и по губернии. От города Москвы избраны были исключительно кадеты: М. В. Челноков, М. М. Новиков, В. А.

Маклаков и Н. Н. Щепкин. От губернии выборы были произведены 25 октября. На губернское избирательное собрание явился 91 выборщик из общего числа 94-х, из них 53 выборщика принадлежали к правым, а 38 к левым избирателям. Таким образом, преобладание благонамеренного элемента, казалось, было обеспечено, и я ожидал избрания правых депутатов. Но, к сожалению, расчеты мои не оправдались вполне.

Соглашение правых светских выборщиков со священниками, которые были в числе 14-ти, состоялось на условии непременного избрания одного кандидата из духовных по землевладельческой курии, каковым последними был указан протоиерей Богородского собора Голубев — крайний правый, бывший председателем местного отдела «Союза русского народа». Указание этого кандидата, сделанное, по-видимому, священниками на предварительном их епархиальном совещании, послужило одною из ближайших причин отсутствия сплоченности в действиях правых. Кандидатура священника Голубева, человека резкого и неумеренного в своих суждениях, не встретила сочувствия даже у некоторых правых и в особенности у крестьян, благодаря чему кандидат левых Ржевский получил одинаковое число голосов с отцом Голубевым и по вынутому жребию первый оказался избранным членом Думы, при этом замечено было, что и священники не все положили Голубеву направо [11].

Забаллотирование кандидата от духовенства послужило в дальнейшем основанием тому, что некоторые священники, в числе 5-6, почитая себя свободными от обязательства баллотировать вместе с правыми, не выполнившими условия об избрании Голубева, стали баллотировать по своему усмотрению и личным симпатиям, таким образом, кандидаты правых и левых по первой и второй городским куриям проходили вровную, так как присоединение 5-6 голосов давало левым почти такое же число голосов (45-46), какое оставалось у правых; только случайно перевесом одного голоса по первой курии был избран абсолютным большинством правый Петров, по второй же кандидат правых Стрепижеев и левых Каптерев получили одинаковое число голосов, жребий, так же, как и по земледельческой курии, решил выборы в пользу левого.

Не вполне согласно с правыми действовали и те крестьяне, которые обещали им свои голоса. Здесь причиною было, главным образом, овладевшее буквально всеми выборщиками-крестьянами желание пройти в Думу из-за выгоды оклада содержания. Особенно прилагал в этом отношении старание член Подольской земской управы Бородачев, против кандидатуры которого ничего не имели бы и правые, но так как указание кандидата предоставлено было самим крестьянам, а они, вследствие раздора и полного отсутствия соглашения, могли его (Шестова — правого) наметить только жребием, то раздраженный неудачей Бородачев убедил некоторых крестьян не поддерживать блока с правыми, называя произволом

с их стороны принудительное проведение намеченных кандидатов, как, например, священника Голубева и др. Раздором среди крестьян и нарушенным соглашением с правыми воспользовались левые и, обещая, по-видимому, дать им еще одно место при выборах из общего состава собрания, привлекли некоторых на свою сторону, а также и провели своего кандидата по крестьянской курии Чистова, умеренно левого. Только к концу выборов, в два часа ночи, удалось согласить отпавших священников и крестьян, и правые выборщики представились в том настоящем числе, в каком они должны были провести все выборы. Граф Мусин-Пушкин был избран 53 голосами против 37.

Что касается рабочих, то согласно партийного распоряжения социал-демократов, баллотировался только один Малиновский и был избран относительным большинством 33 голосов; всем остальным было приказано отказаться от баллотировки, несмотря на то, что некоторые и желали пройти в члены Думы. Число голосов, полученных Малиновским, точно показывает силы левых в собрании, точно так же, как число избирательных шаров графа Мусина-Пушкина — силы правых; только внутренние раздоры среди крестьянских выборщиков и отпадение священников изменило это соотношение и было причиною получения иных результатов выборов, которые ожидались.

Немаловажною причиною неудовлетворительного порядка выборов служило также, как я своевременно предупреждал министра внутренних дел, позднее назначение выборов, т. е. после выборов по г. Москве. До этих выборов левые не являли еще той сорганизованности, которую они явили позднее, не могли быть хорошо осведомлены о направлении выборщиков, не успели бы согласить нужные им крестьянский и в особенности рабочий элементы, и потому представились бы на выборах разрозненной силой, тогда как правые имели несомненно твердое большинство; отсрочка выборов дала левым возможность соединиться и при содействии рабочих и нескольких крестьян вступить даже в борьбу с правыми.

Избранными оказались: 1. Из числа выборщиков от съездов уполномоченных волостей — Чистов Алексей Иванович, хотя и имел крестьянское хозяйство, но по ремеслу своему был мыловар и в то же время заведовал небольшим мыловаренным заводом братьев Чистовых в местечке Щелкове Богородского уезда; ранее короткое время он служил осеевским волостным старшиною, но должен был оставить службу вследствие неаккуратного ведения денежных дел и даже растраты, пополненной вышеуказанными братьями Чистовыми, ввиду чего дело дальнейшего движения не получило; по убеждениям был левый, хотя уверял, что стоял за неограниченное самодержавие, и ходатайствовал перед правыми выборщиками о поддержке его кандидатуры, в то же время обещая левым занять в Думе место не правее прогрессистов. Человек он был неискренний и руководился, главным образом, побуждениями личной выгоды.

2. Из числа выборщиков от съездов землевладельцев — Ржевский Владимир Алексеевич, окончил курс Московского университета по математическому факультету, был оставлен при университете, где пробыл пять лет, а затем поступил простым рабочим на петербургский завод Сименса и Гальске и продолжал службу в отделении той же фирмы в Берлине, Будапеште и, наконец, в Москве. Это был период, когда Ржевский проявлял социал-демократические убеждения; затем произошло его поправение, и в 1916 г. * он уже числился в рядах Конституционно-демократической партии. Избранный в 1909 г. членом Московской уездной земской управы, он дал подписку в непринадлежности и к этой партии, вследствие чего был мною утвержден в этой должности, а в прошлом году и в должности председателя управы. Состоя владельцем очень большой женской гимназии в Москве, видимо, желая составить себе независимое состояние и далеко не чуждый честолюбия, нельзя было ожидать, чтобы Ржевский проявлял крайние убеждения, и я полагал, что он не будет опасен. В этом я убедился и за время его службы председателем управы: он оказался достаточно покладистым и уступчивым в своих действиях и ни разу не вызвал необходимости принятия с моей стороны каких-либо особых мер к отмене или предупреждению таких его распоряжений, которые могли бы быть признаны нарушающими порядок земской жизни или общественного спокойствия. Ржевского надлежало причислить к кадетам умеренного толка.

3. Из числа выборщиков первых городских съездов — Петров Александр Александрович, состоявший уже 15 лет можайским городским старостою, правый по своим убеждениям, к сожалению, не выделялся своими способностями и страдал пристрастием к спиртным напиткам. Он не должен был оказаться дееспособным членом Думы и мог оказаться совершенно непригодным к думской работе. Видимо, сознавая это сам, он колебался между желанием принять льстящее его честолюбию избрание и боязнью потерять то положение, которое он занимал в Можайске.

4. Из числа выборщиков вторых городских съездов — Каптерев Николай Федорович, был сыном священника, действительный статский советник, бывший профессор духовной академии, а в то время был городским старостой Сергиевского посада, известен был своими трудами, за один из которых получил даже Уваровскую премию; состоял членом-корреспондентом Академии Наук. Он был уже преклонных лет. Каптерев не проявлял особой работоспособности даже и в должности городского старосты, а потому вряд ли мог оказаться полезным членом Государственной Думы. За время службы в городском управлении Каптерев отличался крайне умеренными взглядами, во время выборов в Государственную Думу всегда голосо-

* По-видимому, описка. Правильно: 1906 г.

вал с кадетами и в эту выборную кампанию опять выставлен был ими, причем по избрании своем заявил, что в Думе примкнет к этой партии. Каптерев не представлял собой устойчивого и последовательного в своих действиях и не являлся величиной, с которой стоило бы считаться; при голосовании он, как я узнал, вопреки указаниям выборщиков кадетов, присоединялся иногда к священникам, что внесло даже смущение в кадетскую среду.

5. Из числа выборщиков съезда уполномоченных рабочих — Малиновский Роман Вацлавов, рабочий-слесарь, поляк по происхождению, шляхтич, римско-католического вероисповедания, типичный социал-демократ; держался нагло и вызывающе, публично выставляя свою принадлежность к Социал-демократической партии, и хвастался теми карами, которые он понес в свое время за свои убеждения. Когда ему было предложено баллотироваться в члены Думы, то он громко, на всю залу заявил: «По желанию Социал-демократической партии я согласен баллотироваться», что вызвало естественное смущение среди выборщиков. На рабочих имел сильное влияние и властно поддерживал партийную дисциплину.

6. Из общего состава выборщиков — Мусин-Пушкин Владимир Владимирович, граф, егермейстер высочайшего двора, состоял рузским предводителем дворянства, каковую должность занял после оставления места управляющего Дворянским и Крестьянским поземельными банками; ранее был богородским уездным предводителем дворянства. Избрание графа Мусина-Пушкина надлежало признать значительной удачей выборной кампании. Человек с большими способностями, монархист, правый, но не крайний, достаточно твердый, он должен быть отнесен к наиболее желательному элементу в Государственной Думе, как весьма работоспособный и уравновешенный.

В то время, когда происходили выборы, я и не подозревал, что Малиновский, избранный в члены Думы от рабочих, являлся одновременно и секретным сотрудником Департамента полиции, который и был поэтому крайне заинтересован, чтоб Малиновский прошел в Думу. Московское охранное отделение в лице его начальника полковника Мартынова получило от директора Департамента полиции С. П. Белецкого секретное предписание принять все меры к тому, чтоб Малиновский прошел в Думу, а так как, согласно положению о выборах в Думу, выборщиками не могли быть лица, опороченные по суду, а Малиновский неоднократно судился за кражу, то охранное отделение прежде всего озаботилось уничтожить все следы его судимости, выдав ему новый паспорт без всяких компрометировавших его отметок. Одновременно с сим охранное отделение инструктировало Малиновского, указав, как ему надлежит держать себя на выборах.

Меня полковник Мартынов не только не посвятил в эту тайну Департамента полиции, но по приказанию последнего тщательно

скрыл ее от меня. Белецкий — директор Департамента полиции, отлично знал, что я не допустил бы провоцировать Государственную Думу. Когда я в скором времени после этого был назначен товарищем министра и Департамент полиции перешел в мое заведование, то и тогда Белецкий не посвятил меня в дело Малиновского, и я, посещая Думу, и не подозревал, что во главе социал-демократической думской фракции находится секретный сотрудник подведомственного мне департамента. Я возмущался всегда его резкими выступлениями, и мне всегда было крайне неприятно сознавать, что этот рабочий с такими крайними, непримиримыми взглядами, имевший колоссальное влияние на фракцию, является ставленником Московской губернии.

Он числился секретным личным сотрудником директора Департамента полиции Белецкого, под именем «Икс». Белецкий на докладах у меня очень часто упоминал, что такие-то сведения у него имеются от «Икса», но мне и в голову не приходило, что этот «Икс» был не кто иной, как Малиновский, спрашивать же Белецкого, кто этот «Икс», я считал для дела излишним и вообще никогда не интересовался вопросами, какие у кого имелись секретные сотрудники, не снисходя до этого. Так шло все время, пока директором Департамента полиции был Белецкий; когда же мне удалось с ним расстаться и заменить его безукоризненным и кристальной чистоты человеком — В. А. Брюн де Сент-Ипполитом, то тайна департамента открылась мне.

Я, не колеблясь, решил прекратить это провоцирование Думы и, обсудив создавшееся положение с Брюн де Сент-Ипполитом, решил предложить Малиновскому сложить с себя звание члена Думы и выехать за границу. Но это, конечно, требовало большой осторожности, чтобы как-нибудь действительная причина ухода Малиновского из Думы не обнаружилась. Все это дело я поручил начальнику Петербургского охранного отделения полковнику Попову, которого я знал за отличного офицера, строго исполнительного и преданного мне. Полковник Попов устроил это дело со свойственным ему тактом, через три дня после приказания, отданного ему мною. Малиновский, подавши совершенно неожиданно для фракции заявление о своем уходе из Думы, выехал по Варшавской ж. д. за границу, сопровождаемый до границы двумя агентами. Сверх заграничного паспорта он получил по моему распоряжению годовой оклад жалованья — 6000 руб. (он получал из сумм департамента в качестве секретного сотрудника по 500 руб. в месяц).

В Думе его уход произвел большую сенсацию, особенно в социал-демократической фракции, которую он возглавлял и которая действовала исключительно по его указке. Начались толки, не был ли Малиновский провокатором, но эти толки скоро прекратились — слишком большим доверием Малиновский пользовался во фракции.

Председатель Думы Родзянко как-то в разговоре со мной спро-

сил меня насчет Малиновского о причине его таинственного исчезновения. Он подозревал, что Малиновский был провокатором, так как всегда удивлялся моей осведомленности о настроении в социал-демократической фракции Думы. Я всегда предупреждал Родзянко о всех ожидаемых выступлениях в Думе социал-демократической фракции, чтобы эти выпады, могшие повлечь к конфликту правительства с Думой, могли быть вовремя обезврежены. Я сначала отрицал, но когда он попросил меня сказать ему правду не как Председателю Думы, а просто по-товарищески, конфиденциально, то я раскрыл завесу этого дела — он сдержал слово и никому не проговорился. Так это дело до переворота и осталось тайной как для Государственной Думы, так и для всей Социал-демократической партии, — Малиновский так сумел себя поставить, что был в партии вне подозрения.

После переворота, когда дела Департамента полиции попали в руки Чрезвычайной следственной комиссии, которая расследовала дела министров и высших административных лиц, дело Малиновского вышло наружу, меня вызывали с театра военных действий для дачи показаний. Тут я узнал много интересных подробностей, которые явились следствием расследования этого дела.

Деятельность Малиновского началась с 1901—1902 гг., когда он начал сближаться с прогрессивными рабочими кругами. Около 1906 г. он был избран секретарем Союза рабочих по металлу и принадлежал к числу талантливейших ораторов, выделился своим выступлением, кажется, на съезде врачей в 1909 г., после чего был арестован в конце года, и ему было воспрещено жительство в С.-Петербурге. Он переехал в Москву и в 1910 г. поступил на службу в охранное отделение за 50 руб. в месяц, обратил на себя внимание начальника этого отделения, который оценил его недюжинные способности. Он стал получать командировки за границу, где встретился впервые и с Лениным и его приверженцами, которые обратили внимание на его агитаторские способности. В то время он был еще меньшевиком, в кругах коих пользовался огромной популярностью, его называли даже «русским Бебелем». В 1912 г., в январе, Малиновский был командирован в Париж на социал-демократическую конференцию в числе других агентов охранных отделений. Он явился на эту конференцию как видный деятель в рабочем движении от Союза металлистов. Здесь он себя проявил приверженцем партии большевиков-ленинцев и сразу занял видное положение, подкупив Ленина своим рассказом, что он лишь постепенно и после самого серьезного размышления и наблюдений решился перейти от меньшевиков к большевикам. На конференции он был избран в Центральный Комитет партии и этим комитетом был намечен в 4 Государственную Думу по предложению Ленина. Таким образом, первая мысль о проведении Малиновского в Думу принадлежала Ленину.

По возвращении своем в Москву Малиновский доложил начальнику охранного отделения о намерении Центрального Комитета партии провести его в Думу. Департамент полиции ухватился за эту мысль и, доложив министру внутренних дел, решил оказать, со своей стороны, содействие к проведению Малиновского в Думу. Таким образом он и прошел в Думу. Будучи уже избранным в члены Думы, Малиновский в конце октября 1912 г. ездил по поручению Ленина в село Зуево (на границу Владимирской губернии) под вымышленным именем Эйвальда пригласить депутата от рабочих Самойлова на конгресс в Краков. Состоя членом Думы, Малиновский произносил речи, частью составленные им самим, частью Лениным, Зиновьевым и другими лицами. Но раньше произнесения речи корректировались директором Департамента полиции. Таким образом, происходила какая-то игра между Лениным и департаментом, причем роль последнего была чисто провокаторская, тогда как Ленин и не подозревал, что Малиновский служит в охранке. Когда он, по моему настоянию, оставил Думу и уехал за границу, то в печати за границей распространились слухи о настоящей роли Малиновского. Приехав в Австрию, он явился к Ленину, и, несмотря на противоречивые объявления причины своего ухода из Думы, он был оправдан партийным судом, а появившиеся в печати и в обществе слухи о провокаторстве Малиновского были опровержены самим Лениным. Только после революции правда вышла наружу, и Малиновский был скомпрометирован в партии, которая убедилась в его провокационных действиях.

Когда наступил большевистский переворот, Малиновский покаялся перед партией и решился приехать в Москву с целью принести повинную, надеясь на снисхождение партии. Его судили в Верховном трибунале в Кремле в ноябре 1918 г. Обвинителем был Крыленко, председательствовал Дьяконов. Я в то время был арестован и содержался в Смоленске в губчека *. Меня вызвали в качестве свидетеля, привезли с конвоем в Москву; я должен был подтвердить показания, данные мною Чрезвычайной следственной комиссии правительства Керенского. Трибунал отнесся к провокационной деятельности Малиновского со всей строгостью и, не приняв во внимание его чистосердечное раскаяние, присудил его к высшей мере наказания — к расстрелу; приговор был приведен в исполнение в ту же ночь.

Так кончилась затея, начатая охранным отделением и продолженная Департаментом полиции. Кому принес больше пользы Малиновский — Ленину или розыску, трудно сказать. Думаю, что Департаменту полиции от него было пользы немного, вернее, он отвлекал внимание Белецкого от серьезных дел. Белецкий тешил себя тем, что видный представитель думской социал-демократичес-

* губернской чрезвычайной комиссии. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

кой фракции его сотрудник, а то, что это была игра с огнем и недостойная, на это он закрывал глаза.

Вернусь к событиям 1912 г. 26 октября у меня в доме под моим председательством происходило совещание, в котором принимали участие предводители дворянства и общественные деятели по вопросу о мерах борьбы с развитием в деревнях хулиганства молодежи. Дебаты по этому поводу были весьма страстные. Участники совещания разделились на три группы: первая группа стояла за ускоренное производство всех дел о хулиганстве с предварительным арестом виновных. Срок для судебного производства был намечен недельный, с тем, чтобы осужденным давался недельный срок для кассаций. Мера наказания определялась до 8 месяцев тюремного заключения. Вторая группа находила желательным все дела о хулиганстве в деревне передавать в волостные суды, которым предоставить право присуждать и к телесным наказаниям. Третья группа остановилась на заключении хулиганов в исправительные дома с принудительными работами с тем, чтобы, по примеру Запада, уклоняющиеся от работ могли бы быть подвергаемы телесному наказанию. Я решительно высказался против присуждения телесных наказаний по суду, но считал допустимым применение их в случае отказа от работ. Мнение третьей группы и было принято совещанием, с добавлением необходимости нравственного и религиозного воздействия на хулиганствующую молодежь, с усилением в отношении к ним родительской власти.

28 октября в Москве скончался настоятель Петропавловской церкви Николаевского дворца митрофорный протоиерей К. Н. Зверев на 67 году своей жизни. Я его знал очень хорошо, пока был адъютантом покойного великого князя Сергея Александровича в течение 14 лет и затем губернатором; он все время был моим духовником, и я его глубоко почитал. В то время он с 1890 г. был настоятелем Александро-Сергиевской церкви при доме генерал-губернатора, так что когда великий князь приехал в Москву и поселился в доме генерал-губернатора, то застал отца Зверева настоятелем его домовой церкви. По оставлении великим князем должности и переезде его в Николаевский дворец весь причт церкви генерал-губернаторского дома переведен был в церковь при Николаевском дворце.

Отец Константин Зверев был прекрасной жизни человек, поразительной скромности, все, знавшие его, глубоко его уважали и почитали. Великая княгиня Елизавета Федоровна в течение последних 10 дней его тяжелой болезни (у него сделалось кровоизлияние в спинном мозгу, последствием чего у него отнялись руки и ноги) почти не отходила от его кровати. Он лежал в лазарете Марфо-Мариинской обители. 31 октября его хоронили на Даниловском кладбище. Мне лично глубоко было жаль потерять такого духовного отца с такой светлой чистой душой.

30 октября в Москве Московское городское кредитное общество праздновало полувековой юбилей своего существования. После молебствия, отслуженного преосвященным Трифоном, состоялось торжественное заседание. Председательское место занял представитель Министерства финансов Д. И. Никифоров, рядом с ним поместился председатель правления Кредитного общества Н. М. Перепелкин и председатель наблюдательной комиссии В. В. Пржевальский. В первом ряду сидели преосвященный Трифон, градоначальник, я, представитель Министерства внутренних дел М. В. Иславин и другие лица.

Заседание открылось небольшой речью В. В. Пржевальского, приветствовавшего всех собравшихся; затем говорил Н. М. Перепелкин. Его выступление было встречено долго не смолкавшими аплодисментами, все его глубоко уважали, отдавая справедливость его неизмеримым заслугам. Общество при нем начало новую свою эру, при нем оно достигло наибольшего процветания. Перепелкин ознакомил собрание с историей Кредитного общества и теми успехами, которых оно достигло за 50 лет своего существования, в смысле удешевления кредита для населения и предоставления ему различных льгот. Краткая сжатая речь его, ясная по содержанию, имела большой успех, его наградили шумными аплодисментами.

Затем выступили представители министерств финансов и внутренних дел, после чего и я сказал несколько слов от имени Московского столичного попечительства о народной трезвости, которое испытало на себе отзывчивое отношение к его нуждам со стороны городского Кредитного общества. После целого ряда многочисленных депутаций, приветствовавших Кредитное общество, все перешли в соседний зал, где были накрыты столы и гостям предложен был чай. Подали шампанское и последовал ряд тостов.

Вечером в Наполеоновском зале «Яра» состоялся банкет. Первый тост за Государя и царскую семью был провозглашен представителем Министерства финансов Никифоровым, после чего В. В. Пржевальский провозгласил здоровье В. Н. Коковцова и А. А. Макарова, а Перепелкин пил за здоровье представителей администрации, в частности за меня, коснувшись моей деятельности в самых сердечных выражениях. Затем следовал ряд речей, посвященных деятельности Кредитного общества, среди них выделялась речь градоначальника Адрианова, который, подчеркнув значение единения общественных сил, одной из которых являлось городское Кредитное общество, говорил о том, как в Москве легко и приятно с ними работать. Банкет прошел с большим подъемом и одушевлением; все себя чувствовали непринужденно, затянулся он далеко за полночь. Во время банкета произвели сбор в пользу пострадавших славян; в несколько минут было собрано больше 2000 рублей.

31 октября скончался от разрыва сердца А. К. Тарновский,

старший инспектор по надзору за типографиями в Москве. Я был с ним очень дружен еще с давних времен, когда одно время мы были с ним в Пажеском корпусе; он был только на несколько лет старше меня. Когда я был назначен губернатором, то застал Тарновского земским начальником в Серпуховском уезде, где он и проживал в Рай-Семеновском, родовом имении Нащокиных, коих он был прямым потомком. В роли земского начальника он не отличался особой ревностью к работе, но благодаря отзывчивости и мягкости, которые были отличительными чертами его характера, он пользовался большой любовью среди крестьян своего участка.

От своего отца, водевилиста К. А. Тарновского, он унаследовал любовь к театру, был очень музыкален, недурно, с большим чувством играл на рояле, написал музыку для нескольких романсов. «Время минувшее», «Рвется ли сердце, ноет ли грудь» и другие принадлежали его композиции. Будучи председателем Московского столичного попечительства о народной трезвости, я привлек его к работе по театральной и музыкальной части Попечительства, и он около 2 лет исполнял обязанности председателя театральной комиссии, но должен был оставить председательство, так как административными способностями не отличался. Тем не менее его вскоре назначили старшим инспектором типографий в Москве, каковая должность также совершенно не подходила его характеру. В обществе это был милейший собеседник, всегда жизнерадостный, веселый, был прекрасный товарищ, его все очень любили, и неожиданная смерть его сильно огорчила многочисленных его друзей. Его отпевали в Москве в церкви Св. Николы «на Курьих Ножках», хоронили в имении Рай-Семеновское.

В начале ноября я уехал в Кисловодск, получив отпуск на четыре недели. Чувствовал я себя, после Бородинских торжеств, крайне переутомленным и все время стремился отдохнуть, но уехать до окончания выборов в Государственную Думу не мог. На Кавказе было очень хорошо, я прекрасно отдохнул вдали от всякой работы, и чудный кисловодский воздух меня совершенно оживил, а углекислые нарзанные ванны подлечили мое больное сердце. Я вернулся к 1 декабря вполне отдохнувшим и мог снова приняться за работу.

Во время моего лечения в Кисловодске 15 ноября в Петербурге состоялось торжественное открытие Государственной Думы четвертого созыва. Никто тогда и не предполагал, что это будет последняя Дума, что она сыграет такую роковую роль в истории России, вернее, кадетская ее партия, ставшая слепым орудием в руках истеричного Керенского, погубившего Россию.

Государственная Дума была открыта статс-секретарем Голубевым, который обратился с следующей речью: «Открывая заседание Государственной Думы 4-го созыва, я имею высокую честь объявить высочайшее повеление, данное мне его императорским величеством. (При этих словах все депутаты встали.) Государь император пове-

лел мне от монаршего имени передать членам Думы 4-го созыва всемилостивейшее приветствие».

Бывший нижегородский губернатор, член Думы А. И. Хвостов прервал слова Голубева восклицанием: «Да здравствует Государь император — самодержец Всероссийский! Ура!» Едва стихли крики «ура» всех депутатов, как член Думы Н. В. Некрасов (кадет) демонстративно возгласил: «Да здравствует конституция!» На скамьях оппозиции раздались крики «ура!», с правой шиканье. Когда все смолкло, все члены Думы, кроме оппозиции, пропели «Боже, царя храни».

По окончании манифестации Голубев продолжал: «Объявляю высочайшее повеление, данное мне его императорским величеством. Государь император повелел мне от монаршего имени передать членам Думы 4-го созыва всемилостивейшее приветствие, упование на всеобщую помощь Божию к предстоящим трудам вашим и высочайшее пожелание спокойной и плодотворной работы 4 Государственной Думе на радость его императорского величества и на пользу дорогой России». Снова повторились крики «ура», снова пропели гимн.

Затем состоялись выборы в Председатели Думы. Избран был М. В. Родзянко 251 голосом против 150. Когда Родзянко, обменявшись рукопожатием с статс-секретарем Голубевым, взошел на кафедру, правые и националисты, недовольные его избранием, демонстративно покинули зал заседания.

Родзянко обратился к членам Думы с следующей речью: «Господа члены Думы, приношу вам глубокую признательность за высокое доверие, в силу которого вам угодно было возвести меня на почетный и ответственный пост Председателя Государственной Думы. Я подчиняюсь вашей воле, твердо веря, что вы не откажетесь поддерживать меня в трудные минуты вашей общественной законодательной работы. Принимая возложенные на меня обязанности, я хорошо понимаю всю ответственность перед страной и вами и уповаю, что Господь поможет мне оправдать ваши надежды и ваше доверие.

Государственная Дума 4-го созыва приступает к своим занятиям с неизменным чувством незыблемой преданности своему венценосному вождю, за державной волей которого всегда шел и будет идти русский народ, благоговейно памятуя, что мудрым и великодушным повелением своего Государя он призван к участию в государственных законодательных трудах во славу Престола и Отечества, в осуществление величественного единения русского царя со своим верным народом. В этом сознании великая сила, и да будет оно основой наших трудов.

Господа члены Государственной Думы, я всегда был и буду сторонником представительного строя на конституционных началах, которые дарованы России великим манифестом 17 октября

1905 г. и укрепление основ которого должно составить первые и непреложные заботы русского народного представительства. Русский народ, по словам своих представителей в Государственной Думе, ждет от них напряженного внимания и неусыпных забот, стремящихся к дальнейшему развитию и укреплению воинской мощи России. Он ждет законодательных трудов, направленных к утверждению во всех слоях населения сознательного повиновения закону, к устранению в условиях повседневной народной жизни проявлений недопустимого произвола. Страна ждет от вас, господа члены Государственной Думы, законодательных мер, способствующих развитию основ местного самоуправления и народных экономических сил. Вам предстоит обширный, сложный общественный труд. Мы можем и должны достигнуть благоприятного его осуществления и разумного окончания со спокойным отношением к делу, возможно широким взаимным доверием, сплочением и уважением противоположных мнений. Будем помнить, господа, один завет, одну цель этому — благо и счастие нашей великой Родины, за славу, нерушимую целость и государственное достоинство которой мы все бестрепетно готовы положить наши силы и нашу жизнь, если суждено сгуститься в грозовые тучи тем облакам, которые ныне поднимаются на мировом горизонте. Во имя этого блага и счастия Родины, во имя разумного ведения предстоящей нам ответственной и сложной законодательной деятельности я призываю вас к дружной доверчивой работе, ко взаимной помощи в этих трудах, к устранению вредных раздоров и ненужных прений, а для себя еще раз прошу вашей могучей поддержки для проведения в наш совместный труд этих руководящих начал. Да поможет нам в этом Господь Бог всемилостивейший. Еще раз благодарю вас, господа, и низко кланяюсь Государственной Думе.

Господа члены Государственной Думы! Россия в последнее время с тревогой и страхом следит за известиями, приходящими о болезни Государя наследника цесаревича. Ныне здоровье его, благословением Всевышнего, поправляется, но так как председатель ваш, ныне избранный, будет иметь счастье представиться перед Государем императором, не найдете ли вы правильным своим постановлением поручить ему передать чувства верноподданнической радости по поводу выздоровления наследника цесаревича. *(Голоса: «просим, просим».)*

О дне следующего заседания будет объявлено особыми повестками. Объявляю заседание Государственной Думы закрытым».

Речь Родзянко произвела на всех членов Думы, кроме отсутствовавших правых и националистов, восторженное впечатление. То, что Родзянко говорил о конституции, привело в восторг не только кадетов, но и трудовиков. Депутат Дзюбинский взглянул на речь Родзянко как на вексель, по которому и октябристам придется платить. Социал-демократы тоже были довольны, их фракция учла это в свою пользу, отметив, что, очевидно, условия русской жизни

стали таковы, что приверженцами конституции стали даже самые умеренные политические деятели.

20 ноября произведены были выборы товарищей Председателя и остальных лиц Президиума. Товарищами Председателя оказались избранными: князь Д. Урусов 217 голосами против 178-ми и князь Волконский 298 против 78-ми. Одновременно в Думе происходили страстные дебаты по поводу проектов всеподданнейших адресов.

Думскими фракциями были разработаны и внесены в комиссию Государственной Думы следующие проекты всеподданнейших адресов.

Проект адреса октябристов

Ваше императорское величество, всемилостивейший Государь. Государственная Дума четвертого созыва, собравшаяся по воле Вашего величества, приступая к законодательной работе, приносит Вам, Государь, выражение своей верноподданнической преданности и благодарности за всемилостивейшее приветствие. Просим Вас верить, что члены Думы, в пределах своего разумения, приложат все силы для спокойной благотворной работы во славу Вашего императорского величества и на благо дорогой нам России.

Проект адреса националистов

Всемилостивейший Государь. Вашему императорскому величеству благоугодно было осчастливить нас, членов Государственной Думы четвертого созыва, милостивейшими словами привета. Позвольте заверить Вас, Государь, что неизменно жива в наших сердцах непоколебимая преданность самодержавному вождю русского народа, готовность по первому его зову сплотиться как один человек вокруг царского Престола, положить, как встарь, души свои на защиту Церкви и достоинства дорогой Родины. В законодательной работе, к которой мы призваны волей Вашего императорского величества и доверием страны, мы прежде всего будем стремиться пробудить в русском народе так долго дремавшее начало здоровой самодеятельности. К этой цели мы думаем идти по пути дальнейшего проведения в жизнь великой реформы 9 ноября, оказавшей такую широкую помощь хозяйственной инициативе земледельца, и путем передачи многих задач управления снабженным достаточными полномочиями, доверием и средствами органам местного самоуправления, и путем заботливого поощрения всех проявлений народного творчества, предприимчивости, научной и технической промышленности. Мы положим все силы и усилия, чтобы обеспечить православной Церкви подобающую ей независимость и влияние, укрепить боевую мощь России, развить народное образование, создать для административных и судебных установлений закономерность их действий, близость и доступность к населению.

Веря, что Россия, достигнув твердого единения царя с народом, прочно стоит на пути великого и славного будущего, мы хотели бы не забыть и о единокровных единоверных славянских братьях, геройски воюющих на Балканском полуострове за независимость своих соплеменников. Их дело, великое и святое, правое, есть завершение подвигов человеколюбия, совершенных русским народом по воле его венценосных вождей. Верьте, Государь, если Вам благоугодно будет завершить святое дело царя-освободителя, мы готовы, по первому зову Вашему, по примеру отцов и дедов наших, пролить кровь за братьев своих. Вы, всемилостивейший монарх, призвали благословение Божие на наши труды. Приступим к ним, уповая на милость Господню и неизменное доверие Ваше, Государь.

Проект адреса конституционных демократов

Ваше императорское величество. Вашему величеству благоугодно было в 17-й день октября 1905 г. возложить на обязанность правительства выполнение непоколебимой воли Вашей даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, установить начала народного представительства и предоставить вновь установленному законодательному порядку развитие начал общего избирательного права. 27 апреля 1905 г. Ваше величество вновь объявили первым народным представителям решение Ваше сохранить непоколебимыми установления, коими народ призван был осуществить законодательную власть в единении со своим монархом.

Более шести лет прошло со дня изъявления непреклонной воли Вашего величества, но и ныне мы, народные представители четвертого созыва, находим себя вынужденными заявить, что воля Вашего величества правительством Вашего величества досель не исполнена. Вне обычного законодательного пути, установленного основными законами, изменен избирательный закон в направлении, противоположном тому, какое предсказывалось манифестом 17 октября. Действительная неприкосновенность личности, свобода слова, совести, союзов и собраний остаются неосуществимыми, доколь исключительные положения открывают путь произволу власти. Общественная самодеятельность, самостоятельность местного самоуправления и самоопределение населяющих Российское государство народностей, все эти начала, без признания коих не может существовать современное государство, подчиняются началам подозрительным, опасным для государственности, вредным для спокойствия и права и приносятся в жертву началу безграничного административного усмотрения и обеспечивающей бюрократической централизации. Искусственный порядок, противоречащий народным интересам и не рассчитывающий на свободную и добровольную поддержку населения, приходится поддерживать внешними мерами принужде-

ния. Свободный путь к законодательству в интересах широких народных масс загражден искусственно составленным народным представительством и еще более искусственным способом составления Государственного Совета. Министерства не признают себя обязанными сообразовать свою деятельность с волей законодательных учреждений, даже и таким образом составленных. Ввиду таких непреодолимых препятствий делу обновления великой нашей России гаснет надежда в сердцах народа, слабеет вера в лучшее будущее, радость и смелость почина сменяются унынием и бездействием, и сохранившаяся энергия и потребность в живой деятельности не находят себе правильного исхода и выливаются в ненормальную форму.

Ваше императорское величество, будущность великого народа подвергается сомнению ввиду этого вынужденного и недопустимого в нашем веке застоя, замедляется свободный рост духовных и промышленных сил страны, широко развивается хищничество сильных, и целые классы населения становятся жертвами гражданской усобицы. Понижается и внешняя мощь государства в такое время, когда стране может понадобиться высшее напряжение всех ее сил, слияние всех воль в едином могучем усилии.

Ваше императорское величество, в такую минуту великим грехом, гражданским преступлением было бы скрывать от Вас, что в стране нет морального единства. Расстояние между небольшим кругом правящих и пользующихся прерогативами власти и народными массами непрерывно растет.

Ваше императорское величество, на обширной Руси нет недостатка в силах, но нужно открыть им свободный исход, нужно, чтоб закон стал на страже права, равного для всех, и чтоб перед законом одинаково преклонялись управляемые и управляющие. Нужно прекратить деятельность исключительных судов и восстановить сферу беспристрастия и неприкосновенности правосудия. Нужно снять оскорбительные перегородки национального, религиозного и сословного неравенства и уравнять перед законом права всех русских граждан. Нужно дать личности неприкосновенную сферу действий. Только тогда разовьется на свободе самодеятельность и личный почин. Нужно, чтобы весь народ действительно почувствовал себя участником в законодательном творчестве. Тогда права законодательства будут пользоваться общей моральной охраной. Нужно, чтобы власть на всех ступенях почувствовала себя ответственной. Тогда прекратится деморализация, бесконтрольность, и недопустимый произвол не станет угнетать повседневную народную власть.

Ваше императорское величество, путь этот не нов. Он предуказан великим актом Вашего царствования. О нем говорили Вам и первые русские народные представители. Это есть путь единения и доверия между царем и народом, путь, на котором осуществление прав, вытекающих из самой природы народного представительства,

тесно, неразрывно связывается с подобающим уважением к прерогативам конституционного монарха.

Принося Вашему величеству нашу верноподданническую благодарность за милостивые слова приветствия, обращенные Вами к четвертой Государственной Думе, мы приемлем смелость утверждать, что только путь осуществления манифеста 17 октября есть путь, ведущий к величию Родины и славе ее Государя».

Ни один из адресов не собрал в комиссии большинства голосов и, таким образом, ни один из них не был представлен Государю; взамен адреса группа членов Думы послала Государю верноподданническую телеграмму с выражением верноподданнических чувств.

В конце ноября в Петербурге скончался митрополит Антоний, и митрополит Владимир был переведен в Петербургскую митрополию. Я лично очень сожалел об уходе митрополита Владимира из Москвы, так как он внес очень много хорошего среди московского духовенства. Правда, он казался несколько сухим, чересчур строгим, отчего его не особенно любили, но это был глубоко религиозный монах-аскет. Во всех партиях он оставил глубокий след своей деятельности. Будучи архиереем в Самаре, во время холеры он лично посещал больницы, напутствуя умиравших, и своим одушевлением и примером побуждал духовенство к подвигам. В бытность экзархом Грузии он усердно изучал грузинский язык, очень быстро им овладел и снискал этим большое уважение среди грузинского духовенства. За время своего пребывания в Грузии он постоянно объезжал епархию, посещая самые глухие места, и очень много сделал хорошего для Грузинской Церкви. В Москве он обратил внимание на чересчур обильные закусочные столы с разными яствами и напитками для приглашенных гостей в монастырях в праздничные торжественные дни; при нем закусочные столы были отменены и вино запрещено было и вовсе подавать в монастырях на торжественных трапезах.

В Москву митрополитом назначен был престарелый архиепископ Томский и Алтайский Макарий, известный в то время своей неутомимой миссионерской деятельностью в Сибири, где он заслужил даже название «Апостола Сибири». С 1861 г. он самоотверженно предался своему любимому миссионерскому делу. Он постоянно целыми годами объезжал верхом инородческие селения, проповедуя православную веру. Он учредил в Сибири училище для псаломщиков и учителей с изучением инородческих народностей, сам перевел Святое Евангелие на туземные языки. В Москву он был назначен уже на склоне своих лет, и потому ему трудно было управлять сложной Московской митрополией; здоровье его от трудной, среди пустынь и гор, самоотверженной жизни было подорвано, и потому он не мог долго оставаться у дела и принужден был скоро уйти на покой.

Сейчас, когда я пишу эти строки, ему уже 90 лет, он живет

в небольшом уютном домике в районе Николо-Угрешского монастыря, у него парализована вся левая сторона, рука и нога, и он совершенно беспомощен, только благодаря чудному ангельскому уходу сестры милосердия, вдовы земского начальника Дефендовой, которая посвятила себя заботам о престарелом митрополите, он находится в хороших условиях. У него небольшая крошечная домовая церковь, и ежедневно в этой церкви служится всенощная и обедня, которые он никогда не пропускает, сидя в кресле, которое подкатывают в алтарь. Голова у него свежа, он всех узнает и трогательно радуется, когда его навещают, встречая всех с свойственной ему обворожительной, полной доброты и участия улыбкой. (Я его навещал в последний раз в прошлом, т. е. в 1922 г.).

К 1 декабря я вернулся в Москву, четвертого происходили выборы в председатели Московской уездной земской управы. Избран был И. Б. Месснер. Я приветствовал это назначение, так как очень уважал его, несмотря на разность наших взглядов. Это был прежде всего честнейший человек, никогда не мешавший политику с делом, весьма корректный. Земское дело он знал и очень добросовестно работал, мне с ним было очень легко.

5 декабря в Петербурге в Государственной Думе впервые в новом ее составе выступил с декларацией от имени правительства В. Н. Коковцов. Его речь произвела в общем хорошее впечатление, хотя и не вполне удовлетворила Думу, благодаря своей недостаточной определенности. Часть его речи, касавшаяся внешней политики, вызвала большое одобрение и сочувствие в думских кругах, так как звучала она твердостью и определенностью, но другая часть, по внутренней политике, вызывала, напротив, резкие осуждения, так как ничего определенного Коковцов по этим вопросам не сказал, ограничившись одними обещаниями, без всякой реальности. Да и что он мог сказать утешительного, когда наша внутренняя политика не имела под собой действительно никакой твердой основы, а настроение думских кругов по отношению к правительству в общем было отрицательное.

На 6 декабря я ездил в Царское Село, чтоб принести поздравления Государю императору по случаю тезоименитства его величества. Был обычный выход к обедне, затем завтрак. На другой день я был принят Государем отдельно, лично передал его величеству мой всеподданнейший годовой отчет и удостоился счастия поднести Государю юбилейную группу дома Романовых, работы каторжан Московской пересыльной тюрьмы. Группа эта была весьма художественно исполнена, и все, до малейших деталей, было сделано руками арестантов; Государю она очень понравилась, и его величество повелел мне передать благодарность лицам тюремного надзора, наблюдавшим за работой, и выразить каторжанам, работавшим над этой группой, удовольствие его величества по поводу их успехов в художественной работе. Я лично ездил в тюрьму и, собрав арес-

тантов, передал им слова Государя; громкое искреннее «ура» было ответом на мои слова.

10 декабря я присутствовал в Малом театре на постановке, впервые, комедии Беляева «Дама из Торжка», с Е. Н. Рощиной-Инсаровой в заглавной роли. Пьеса эта сама по себе ничего особенного не представляла, это в сущности был ряд кинематографических сцен, изображавших кокетливо настроенную незнакомку посреди увлеченных ею мужчин. Дело происходило в далекие времена, когда передвижение по России происходило в собственных экипажах, дормезах, с неизменным ожиданием на станциях и остановках на постоялых дворах. Обаятельная и безукоризненная игра Рощиной-Инсаровой сделала эту пьесу трогательно интересной. Она была поразительно хороша в роли незнакомки, особенно ей удалась оригинальная сцена ночевки в дормезе. Как мне помнится, это была последняя пьеса, которую Рощина играла в Москве. В следующем году она была уже переведена в Петербург на императорскую Александрийскую сцену, на каковой и выступила 11 ноября 1913 г. в роли Анны в драме Вл. И. Немировича-Данченко «Цена жизни».

Я познакомился с Е. Н. Рощиной в конце 1909 г., когда ее имя прозвучало в Москве в связи с постановленной в театре Незлобина «Анфисой» Леонида Андреева. Прослушав эту драму, я долго не мог отделаться от того колоссального впечатления, которое на меня произвела игра Рощиной в роли Анфисы. Это была не игра, это была сама жизнь на сцене, все ее движения, интонация голоса, манера держаться — все это было потрясающе жизненно. Она сумела из этой неблагодарной роли, можно сказать, ужасающей роли, создать образ Анфисы, не отталкивающий от себя, а напротив, привлекший к себе симпатии публики, так хорошо талантливо она изобразила в своей игре все нити душевной драмы Анфисы. Да, Леонид Андреев не ошибся, выбрав Е. Н. Рощину для исполнения заглавной роли своей драмы. Москва сразу оценила крупный талант Е. Н. Рощиной; Незлобин поспешил заключить с ней контракт, и в течение двух лет она была украшением незлобинской сцены. Ее игра меня увлекала, и я перевидал все пьесы ее репертуара.

После «Анфисы» следовала «Обнаженная» и «Тайфун». Роли Лулу в «Обнаженной» и Елены в «Тайфуне» окончательно закрепили ее славу. В течение одного зимнего сезона она сыграла «Обнаженную», кажется, до пятидесяти раз, и всегда при полном сборе. В этой дешевой мелодраме она сумела проявить всю глубину своего таланта и показать все разнообразнейшие изгибы душевных ощущений и сделать роль Лулу полной захватывающего интереса. Эти роли Лулу и Елены были сплошным триумфом Рощиной. Дирекция императорских театров невольно обратила внимание на выдающийся талант Рощиной-Инсаровой, и она получила приглашение на императорскую сцену в московский Малый театр, а в конце второго сезона переведена была в Петербург в Александрийский театр.

Рощина-Инсарова была несколько суеверна и верила в разные приметы, между прочим, в семь слонов; у ней всегда в ее уборной на туалете стояли на счастье семь слонов. Как-то раз она одного слона потеряла и была в отчаянии. Я проехал в Кустарный музей и купил там огромного слона из папье-маше, которого и послал в виде шутки в подарок Рощиной. Этот слон потом всегда путешествовал с ней и находился в ее уборных в театрах, когда она играла. Было очень неудобно его перевозить, но она все же его брала с собой. Он фигурировал и в Петербурге в Александрийском театре, куда он попал значительно уже поврежденный от постоянных путешествий и был в весьма непривлекательном виде.

В домашней своей жизни это была очаровательная хозяйка, чрезвычайно гостеприимная, милейшая и интересная собеседница и поразительной доброты женщина. Она никогда никому не отказывала в нужде. Я ее видел в последний раз в 1918 г., когда вернувшись с войны и переживая трудные дни революции, часто навещал ее и отдыхал в ее обществе, пока она не оставила Петербург, уехав с семьей покойного графа А. П. Игнатьева на юг.

11 декабря в Москве хоронили ректора Московского университета графа Л. А. Комаровского. Это был чистый, благородный человек и ученый. Дело просвещения у него стояло на первом плане, и он готов был всегда отдать все свои силы на успех этого дела, проявляя редкую добросовестность. Он стойко держался и во время беспорядков в университете, не примкнув к коллективному демонстративному уходу группы профессоров, оставшись верен науке. В свои отношения к людям он вносил большую терпимость, отзывчивость и благожелательность. Его благородный образ останется навсегда как дорогое личное воспоминание всем, кто когда-либо с ним встречался. Как христианин, это был глубоко верующий и религиозный человек.

13 декабря последовал высочайший указ об увольнении А. А. Макарова от должности министра внутренних дел и назначении министром Н. А. Маклакова — черниговского губернатора. Об уходе Макарова говорили уже некоторое время, но никто не ожидал назначения Маклакова, который среди губернаторов был одним из самых молодых, ему не было еще 40 лет; были разговоры и очень усиленные о Кривошеине, о Щегловитове, но, очевидно, Коковцов предпочитал на посту министра внутренних дел иметь менее влиятельное лицо.

Имя Н. А. Маклакова впервые заставило о себе говорить во времена Полтавских торжеств в 1909 г., когда он управлял Полтавской казенной палатой и по приглашению губернатора графа Муравьева стал во главе комитета по устройству торжеств, проявив при этом колоссальную энергию. Муравьев шефствовал, а Маклаков работал, и надо отдать ему справедливость, работал более чем добросовестно, и благодаря ему порядок действительно был образ-

цовый. Столыпин, бывший в то время Председателем Совета Министров и министром внутренних дел, обратил внимание на административные способности Маклакова и на его энергию и выдвинул его на пост черниговского губернатора. Когда же Государь в 1911 г. посетил г. Чернигов, то уже сам обратил внимание на губернатора, который ему очень понравился.

Маклаков был человеком хорошего образования, он окончил филологический факультет Московского университета; отец его был известный московский окулист, приходился он родственником и графу Л. Н. Толстому, будучи женат на внучке его сестры, с братом своим, кадетом, он определенно расходился во взглядах, придерживаясь самодержавного монархического строя. В Черниговской губернии в качестве губернатора он сделал много хорошего; благодаря его энергичным действиям губерния избавилась от бродячих разбойничьих шаек с легендарным разбойником Савицким во главе. Он все время своего управления губернией был в постоянных разъездах, успел за 2 года лично обревизовать до 180 волостных правлений, дела коих, как бывший управляющий казенной палатой, он отлично знал. Он вел упорную борьбу со взяточничеством и мордобойством, и не без успеха. Одно только у него не ладилось в Чернигове, он никак не мог столковаться с земством, по отношению которого он сразу занял непримиримую позицию. Произошло это от его прямолинейного, нетерпимого характера и горячности, свойственной его молодому возрасту. А кроме того, непременным членом по земским и городским делам у него был некто Скаржинский, человек далеко не доброжелательный, державшийся по отношению к представителям земства надменно и вызывающе и далеко не тактично. Это сильно возбуждало земских деятелей, а когда Маклаков поручил этому же Скаржинскому обревизовать городнянское земство, не имея на это по закону права, так как ревизии земских управ мог производить только лично губернатор, а не непременный член, земство вознегодовало, и в Сенат посыпались жалобы. Кроме этой ошибки Маклаков сделал и другую, отдав, не сверившись с законом, неосторожное распоряжение о выселении из сел евреев, которые жили в оных до 1881 г., и потому по закону имели на это право. В данном случае его подвел старший советник губернского правления Максимовский.

Во главе губернского земства в то время стоял Савицкий, который хотя и был октябрист, и следовательно, лицо, не оппозиционно настроенное по отношению к власти, но характер у него был чрезвычайно независимый, а самолюбив он был до крайности. Поэтому после первых бестактностей Скаржинского по отношению к земству, когда Маклаков принял его сторону, Савицкий сразу стал в непримиримую оппозицию к губернатору. Таким образом, ненормальные отношения Маклакова с земством продолжались впредь до назначения его министром внутренних дел, что, конечно, проникло

и в другие земские круги, и земская Россия настроена была против Маклакова.

Несмотря на это, назначение Маклакова было встречено скорее сочувственно. Ему лично, конечно, было очень трудно, так как он совершенно не был знаком с придворным и чиновничьим Петербургом. Он никогда там не служил, и потому он не был в состоянии ориентироваться и разбираться в сложных влияниях разнообразных сфер; вот почему с первых же шагов он стал делать невольные ошибки, попадая под влияние недостойных людей. Кроме того, он был недостаточно осторожен и не сумел учесть того, что хорошо для провинции в роли губернатора, и что неуместно для министра в столице. Так, он, вступив 25 декабря в должность министра, через несколько дней после этого посетил несколько полицейских участков. Конечно, в этом поступке не было ничего предосудительного, но для министра это было неуместно и совершенно не нужно, да и перед градоначальником неудобно. Газеты поспешили оповестить об этих поездках министра по участкам, и это вызвало о Маклакове невыгодные для него толки. В этом виновата была его молодость, которая ему и вредила. Я еще вернусь к нему, когда буду описывать мою совместную с ним работу по министерству.

В декабре месяце близ станции «Сходня» Николаевской ж. д. окончено было размежевание участка земли Саврасовской казенной лесной дачи для устройства на этом участке особого поселка для переселившихся мещан, занимавшихся кутарным столярным ремеслом. Дело это возникло еще в 1911 г., когда доверенный этих мещан, присяжный поверенный П. П. Коренев, обратился ко мне с просьбой помочь им в деле получения участка казенной земли в долгосрочную аренду. Это была группа мещан — 46 домохозяев, все они были безземельные, разбросаны были по разным деревням и селам Московского уезда, ютились у крестьян, занимаясь столярным делом. Народ все очень хороший, трудолюбивый. Никакие хлопоты их перед Министерством земледелия не привели ни к чему, всюду они получали отказы, так как мещанам по закону нельзя было иметь землю. Как последнее средство, они обратились за моей помощью.

Разобрав дело и убедившись в действительно безвыходном положении этих кустарей-мещан, я принялся лично хлопотать через министра земледелия А. Б. Кривошеина, докладывал и Государю это дело. Несмотря на резкое противодействие со стороны Московско-Тверского управления земельными имуществами, главным образом лесничего, и в связи с этим Лесного департамента, дело увенчалось успехом, и 10 мая 1912 г. последовало высочайшее повеление на отдачу мещанам-кустарям, в числе 46 домохозяев, в долгосрочную аренду требуемого количества казенной земли.

Кустари были в восторге. По распланировке участка собрали сход, постановив назвать свой поселок «Владимиро-Джунковским».

В 1913 г. поселок был уже отстроен, и кустари зажили на своих новых участках довольные и счастливые. В 1923 г., при советской уже власти, они принуждены были согласиться на переименование поселка в Акатьево. Когда они возбудили ходатайство о прирезке им земли, Земельный отдел согласился прирезать еще по 5 десятин на каждый двор из Акатьевской соседней дачи, но с условием, чтобы они переименовали поселок в Акатьево, в противном случае земли они получить не могут. Пришлось согласиться, и в Совете поселок значится официально под новым именем, но в общежитии его продолжают называть сокращенно Джунковым *.

Жители поселка трогательно отнеслись ко мне, когда я был арестован, и все время приносили мне молоко, яйца и т. д. и не раз собирали сходы и подавали приговоры с ходатайством о моем освобождении, а когда меня освободили после трех с половиной годичного заключения, приехали меня приглашать поселиться у них на лето на даче на всем готовом. Я был, конечно, глубоко тронут такой заботой обо мне, но воздержался принять это предложение, стесняясь и боясь навлечь на себя и на жителей поселка подозрение властей, которые не преминули бы усмотреть в этом агитацию с моей стороны и контрреволюцию.

Новый, 1913 г., Москва встретила бодро и радостно, в ожидании празднования 300-летия царствования дома Романовых. В Москве чувствовался патриотический подъем, особенно после счастливых для Белокаменной дней минувшего года, когда Москва два раза принимала в своих стенах Государя, когда все эти торжества в высочайшем присутствии прошли блестяще. Встречая Новый год, я и не подозревал, что эта встреча была для меня последней в Москве, что в наступающем году мне предстояла крупная перемена по службе.

В первых числах января, когда я сидел за своим письменным столом, разбирая бумаги, раздался телефонный звонок: меня извещали со станции, что сейчас министр внутренних дел будет говорить со мной из Петербурга. Вслед за этим я узнал голос Н. А. Маклакова, который, приветствуя меня с Новым годом, спросил меня прямо, не пойду ли я к нему в товарищи министра. Такое предложение, столь неожиданное, меня смутило, я не сразу ответил. Он мне начал говорить о некоторых своих планах и переменах, какие он предполагал совершить в составе министерства, и опять усиленно стал просить меня не отказываться, говоря, что он уже докладывал Государю свои предположения, и его величество их одобрил.

Поблагодарив очень за оказываемое мне доверие и не отказываясь, я просил разрешения приехать в Петербург для переговоров

* Два года спустя жители поселка вновь обратились в Земельный отдел с просьбой возвратить им название поселка, связанного с моим именем, ввиду того, что новое название не применяется. Им и было разрешено название поселка Джунковка, каковое и помещено было на всех планах. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

и выяснения некоторых вопросов ранее окончательного решения. Получив на это согласие министра, я отправился в Петербург, где и решилась моя дальнейшая участь.

В Москве ничего еще не знали о сделанном мне предложении, так как о разговоре Маклакова со мной я предупредил только своих близких и управлявшего тогда моей канцелярией Степанова.

Мне было ужасно жаль расставаться с Московской губернией и Москвой, где я чувствовал себя так хорошо, чувствовал себя хозяином, чувствовал свой авторитет среди крестьян и рабочих и где ко мне все так хорошо относились, доверяли мне, где за девять лет моего губернаторства не было ни одной черной точки; жаль было очень покидать Москву, которую я любил всей душой и в стенах которой я провел более двадцати лет лучшей поры моей жизни.

И все это мне приходилось менять на нелегкую, полную интриг петербургскую жизнь, окунуться в удушливую чиновничью атмосферу северной столицы, где я знал, что мне предстоит сильнейшая упорная борьба с разными влияниями и натисками разных сфер. Кроме того, меня страшили очень те функции по заведованию делами полиции всей империи, которые были связаны с должностью товарища министра, мне предложенною. Мысль, справлюсь ли я с этой нелегкой задачей, меня страшно мучила. И несмотря на все это, садясь в вагон, чтобы ехать в Петербург, я в душе своей почти решил принять новую должность, если только министр согласится с моими условиями.

Я решился на предстоящий мне тяжелый труд прежде всего из чувства долга, не считая себя вправе отказываться, тем более, что мне казалось, что именно в этой области — охране порядка в империи — я сумею принести некоторую пользу, упорядочить полицейское дело, так как очень хорошо знал отрицательные стороны в деле розыска, провокационные способы, к коим прибегала охрана, а личность нового молодого министра Н. А. Маклакова, человека свежего, еще не испорченного бюрократической атмосферой Петербурга, и которого я искренно полюбил за время нашей совместной работы в Совете по делам местного хозяйства, когда он мне показался таким чистым и честным по взглядам человеком и прямым, являлась мне как бы ручательством, что я встречу в нем, при проведении в жизнь моих взглядов в деле полиции, твердую поддержку.

Прямо с вокзала, переодевшись только у моего друга Зейме, у которого я всегда останавливался, я проехал к Н. А. Маклакову. Он встретил меня более чем дружески, и мы с ним очень долго и откровенно поговорили. Я высказал ему все свои взгляды на дело полиции, рассказал ему все темные стороны этого дела, с которыми он лично мало был знаком, изложил ему весь план намеченных мною действий по упорядочению полицейского дела и Корпуса жандармов; во всем он со мной согласился, но призадумался, как ему быть

с командиром Корпуса жандармов генерал-лейтенантом Толмачевым, так как я поставил непременным условием соединение в себе должности товарища министра по делам полиции и командира Корпуса жандармов. Я находил, что раз я беру на себя полную ответственность в этом трудном деле, то должен обладать полнотою власти, чтоб мне не приходилось постоянно входить в соглашения с командиром Корпуса по поводу того или другого перемещения офицеров Корпуса жандармов, заведовавших розыском и подчиненных, с одной стороны, Департаменту полиции и товарищу министра, а с другой — командиру Корпуса. Эта двойственность могла вызывать только трения и связала бы меня по рукам и ногам.

Маклакову это и в голову не приходило, он очень мало был знаком с механизмом дела, и потому он думал, что я заменю только его товарища по должности И. М. Золотарева, а Толмачев останется командиром Корпуса. И. М. Золотарев, чудный честнейший человек, тяготился заведованием делами Департамента полиции и просил перевести его на функции товарища министра Харузина, оставлявшего этот пост и заведовавшего делами департамента общих дел, а генерал Толмачев, наоборот, не собирался вовсе покидать свой великолепно оплачиваемый пост, при этом пост спокойный, как чисто строевой.

Согласившись с моими доводами, Н. А. Маклаков решил предпринять относительно Толмачева некоторые шаги перед военным министром и доложить Государю. Таким образом, вопрос о моем назначении остался открытым. Через два дня я опять посетил Маклакова — вопрос оказался выясненным. Военный министр категорически высказался против предоставления Толмачеву строевой должности, поэтому Маклакову пришлось сделать доклад Государю, и решено было отчислить Толмачева от должности командира Корпуса жандармов с назначением его состоять при министре внутренних дел с сохранением, по высочайшему повелению, в течение года полного содержания командира Корпуса из секретных сумм Департамента полиции.

Толмачев был удовлетворен, и я мог спокойно дать министру окончательное мое согласие на принятие мной новой должности, особенно после того, как он согласился исполнить и мою другую просьбу: избавить меня от обязанности выступать в Государственной Думе. Я сказал ему, что готов работать и выступать во всех думских комиссиях, но не в общем собрании. Маклаков охотно пошел на это, сказав, что он всегда сам будет выступать в общих собраниях, что для него это никогда не представит затруднений. Затем был решен и другой очень важный вопрос, что я буду совершенно не стеснен в своих действиях и распоряжениях по полиции, что я буду совершенно самостоятелен, но зато я всю ответственность по делам полиции и охране принимаю исключительно на себя.

В тот же день я был принят Председателем Совета Министров В. П. Коковцовым, с которым имел продолжительную беседу, доложив ему весь план будущих моих действий, который он всецело одобрил.

Затем я вернулся в Москву, куда уже дошел слух о моем предстоящем назначении, и градоначальник меня встретил на вокзале. Грустно мне было очень приехать в Москву и чувствовать, что я приехал доживать в ней последние дни, что приходится расставаться с моими дорогими, преданными мне сотрудниками. Приказа еще не было, и я вступил в должность губернатора.

13 января, в 45-ю годовщину основания Лицея цесаревича Николая, в храме лицея совершено было торжественное богослужение, после которого состоялся годичный акт. Последний раз, в качестве исправляющего должность председателя совета лицея я присутствовал на этом акте и председательствовал на нем. По окончании речи директора лицея, я обратился к присутствовавшим с кратким словом, в коем отметил, что, хотя в сегодняшний день, в связи с получаемым мною назначением, я в последний раз председательствую в совете лицея, но что с отъездом моим из Москвы я не порву связи с Катковским лицеем, за жизнью коего я и впредь буду внимательно следить. Обращаясь затем к воспитанникам гимназического отделения лицея, я выразил уверенность, что они непреложно поддержат установившуюся за лицеем репутацию и что своим поведением (ибо по поведению каждого отдельного лицеиста общество судит обо всем лицее) они проявят свою любовь и уважение к учебному заведению, где они получают воспитание, и к его славным традициям. Акт закончился троекратным исполнением хором воспитанников народного гимна, покрытого дружным «ура».

Вечером в ресторане «Эрмитаж» состоялся обычный товарищеский обед бывших воспитанников лицея, в коем приняли участие как старые лицеисты, так и студенты лицея. Я не присутствовал на этом обеде, но получил следующую депешу за подписью руководителей обеда: «Владимиру Федоровичу Джунковскому. Искренне скорбя по поводу оставления Вами, в связи с назначением на пост товарища министра внутренних дел, председательствования в совете Катковского лицея, но вместе с тем радуясь за Родину, в лице Вашем обретшую непоколебимого охранителя покоя и порядка в родной стране в годину трехсотлетия царствования на Руси державного дома Романовых, бывшие и настоящие питомцы лицея, дружною семьею празднуя 45-ю годовщину основания Лицея цесаревича Николая, просят Вас верить в чувство их истинного уважения и сохранить нерушимую духовную связь с Катковским лицеем, рассадником крепкостоятелей за царя и Отечество».

Я ответил следующей депешей: «Ваша дорогая депеша меня глубоко тронула, и я не знаю, как благодарить Вас и всех собравшихся на празднование 45-й годовщины основания славного по

своим твердым заветам лицея за такое ко мне внимание, подбодрившее меня в эти минуты перед вступлением на трудный путь. Джунковский».

16 января в честь меня состоялся прощальный обед у градоначальника А. А. Адрианова; на обеде присутствовало около 70 приглашенных, это было первое официальное чествование меня, Москва начала прощаться со мной. Я был глубоко растроган всеми симпатиями, проявляемыми мне, был сконфужен, смущен. Каждый день одна депутация за другой посещали меня, напутствуя меня на новый трудный путь.

18 января последовал высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении меня товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов.

Все круги отнеслись к моему назначению сочувственно, печать, не исключая и иностранной, также поместила сочувственные статьи. Это возлагало на меня еще больше обязательств — нужно было оправдать всеобщее доверие, не скомпрометировать Москву, столь исключительно отнесшуюся ко мне при моих проводах.

20 января, как только был опубликован приказ о моем новом назначении, я обратился к населению губернии со следующим прощальным объявлением: «Державной волей Государя императора я призван на пост товарища министра внутренних дел. Покорный воле моего царя и радостный посвятить все мои силы и разумение исполнению новых, всемилостивейше вверяемых мне многотрудных обязанностей, я, тем не менее, с грустью прощаюсь с Московской губернией, ставшей мне близкой и родной за почти восьмилетнее управление ею. В ней, вместе с дорогим мне населением, я пережил тяжелые минуты народного смятения и стихийных бедствий, но в ней же, благодаря милости Бога, я был свидетелем постепенного воцарения порядка и спокойствия и укрепления народа в путях закона, в преданности Престолу и в любви к Родине.

Поставив главною задачею своего управления выполнение моего верноподданнического долга, заботы и попечение об интересах населения вверенного мне края, о возможном приближении к нему власти и доступности ее для всех без исключения, мне было бы трудно выполнять свою задачу и быть счастливым свидетелем успокоения населения и материального его преуспеяния, если бы оно само, в достойном сознании своего долга перед царем и Родиной, добровольно не пошло навстречу моим начинаниям и моим призывам к законности. Я не могу не чувствовать за это признательности к населению Московской губернии и твердо уверен, что его преданность монарху и уважение к законной власти и порядку останутся неизменным и впредь, что сделает легкой и приятной службу моему преемнику, как была приятна и мне моя служба в должности начальника губернии.

Прощаясь в этом последнем моем обращении с населением

губернии, желаю ему от всего сердца полного благополучия и успеха в деле укрепления главных основ жизни народной: веры православной, любви и преданности к самодержавному царю и Родине, повиновению закону и поставленной власти. Желаю ему также упрочения начал семейственных, трезвости и воспитания детей в духе тех же исконных незыблемых основ, которыми издревле держится Русская земля. Да живет счастливо, покойно и мирно население Московской губернии. Свиты его величества генерал-майор Джунковский. Января 20 дня 1913 г.».

19 января в Сергиевском народном доме, куда я проехал на спектакль «Лес» Островского, во время одного из антрактов меня пригласили на сцену, где собралось свыше 100 артистов и артисток, среди коих много артистов Малого театра: Яблочкина, Садовская, Падарин, Сашин, Садовский и др. Меня трогательно встретили и поднесли адрес, заключенный в папку.

20 января под моим председательством состоялось заседание Совета Попечительства о глухонемых, на котором меня избрали почетным председателем.

21 января я присутствовал на освящении памятников на могиле тюремных надзирателей, убитых каторжниками в пересыльной тюрьме в 1911 г. и погребенных на Лазаревском кладбище. Затем я объехал все тюрьмы: пересыльную, Таганскую, исправительную и женскую, посетил и тюремную больницу. Везде я прощался с тюремным надзором и благодарил их за службу и снимался в группах.

Не думал я тогда, что следующее мое посещение Бутырок и Таганки будет уже при другой обстановке, что я проживу в них в продолжении 3 1/2 лет в качестве уже заключенного.

Вечером в тот же день меня чествовали в Английском клубе прощальным обедом, носившим чисто семейный характер: присутствовали исключительно лишь только лица, состоявшие тогда членами клуба. В 7 часов вечера я был встречен составом Совета старшин клуба и собравшимися 95 членами. Поздоровавшись, я прошел в длинный боковой зал, где была накрыта закуска, а в 7 с половиной часов по традиционном докладе буфетчика, нараспев: «Обед подан», все направились в большой обеденный зал и заняли места за двумя столами: один громадный стол покоем, огибавший весь зал, стоял вдоль его стен, а другой посреди зала; в углу зала, за прикрытием тропических растений, расположился оркестр Александровского военного училища. За большим столом покоем по правую руку от меня сел старшина барон В. Д. Шеппинг и почетный опекун генерал от кавалерии А. А. Пушкин (сын поэта), а по левую сторону старшина генерал-майор В. К. Тишенинов и сенатор, действительный тайный советник А. Н. Попов; напротив поместился дежурный старшина генерал от кавалерии М. П. Степанов, московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин и старшины теперешние и бывшие: В. А. Рамих, князь М. И. Козловский,

камергер А. М. Катков, егермейстер князь В. А. Голицын, егермейстер П. А. Базилевский, П. Б. Ушаков, В. Б. Похвиснев; на крайних углах стола покоем — старшины: церемониймейстер И. П. Шаблыкин и церемониймейстер Н. И. Тютчев (внук поэта), а в конце среднего стола — кандидат в старшины капитан (преображенец) Н. П. Штер; за столами разместились: почетный опекун князь А. Б. Голицын, управляющий Государственным банком А. Б. Светлицкий, председатель правления Страхового союза А. Ф. Дерюжинский, председатель правления Киево-Воронежской ж. д. А. И. Геннерт, директор 5-й гимназии Б. А. Соколов, П. А. Абрикосов, В. А. Балашев, А. А. Берс, В. И. Барманский; В. С. Блументаль, М. И. Гостанжогло, А. С. Берс, К. Л. Бауэр, князь Н. А. Волконский, Б. Ф. Вонсяцкий, Н. К. Голофтеев, К. А. Гутхейль, А. О. Гунст, полковник Н. Я. Гарденин, директор Строгановского училища Н. Б. Глоба, Г. Н. Зворыкин, С. С. Карзинкин, князь Ю. А. Козловский, Н. Н. Коншин, К. Ф. Корженецкий, М. А. Комаров, Н. В. Кастерин, И. С. Лебедкин, подполковник С. В. Люби, Н. П. Михалев, Ф. М. Медведев, генерал-майор Н. Д. Нилов, К. М. Павлинов, Л. М. Поляков, С. А. Протопопов, С. Н. Патрикеев, генерал-майор А. А. Рейнбот, Н. С. Румянцев, камергер Ф. Н. Степанов, князь А. Д. Сидомон-Эристов, камергер Л. М. Савелов, председатель Человеколюбивого общества С. А. Спиридонов, Ф. И. Тютчев, М. А. Тимофеев, граф С. Л. Толстой, Н. Г. Фалеев, Б. Н. Шрамченко, С. С. Яковлев и другие.

Первый тост провозглашен был старейшим членом клуба А. А. Пушкиным: «За драгоценное здоровье Государя императора и всей его царственной семьи, ура!» После чего оркестром трижды исполнен был народный гимн, покрытый громкими криками «ура». Затем М. П. Степанов поднял бокал за мое здоровье; в ответном слове я благодарил членов Английского клуба и высказал, как я глубоко взволнован при виде этого многолюдного и дружного собрания членов клуба. Затем говорил А. И. Геннерт, отметивший, как я выделился среди москвичей в смуту 1905 г. Затем оригинальную по способу изложения здравицу произнес И. П. Шаблыкин: «Я пью за здоровье бывшего адъютанта незабвенного покойного князя Сергея Александровича, я пью за нашего орла-губернатора, о разлуке с которым все слои города Москвы глубоко сожалеют, я пью за почетного, дорогого гостя Москвы — товарища министра внутренних дел Владимира Федоровича Джунковского и делаю ему пожелания здоровья, так как, при этом условии, он использует все свои качества на счастие и радость Государя императора и нашей дорогой Родины».

После тостов были прочитаны телеграммы: от московского градоначальника и от недавно избранного в члены клуба Л. Б. Собинова (из Петербурга): «От души приветствую глубокоуважаемого Владимира Федоровича. Очень жалею, что не могу приехать на

сегодняшний праздник Английского клуба и лично пожелать нашему дорогому москвичу много сил и здоровья в предстоящих трудах на новом высоком посту». Затем А. Д. Самарин предложил поднять бокал за старшин клуба и А. Н. Попов — за распорядителей обеда; П. В. Ушаков (бывший преображенец) предложил еще раз выпить за меня как за бывшего преображенца. В заключение я сказал: «Позвольте поблагодарить вас всех еще раз. Я приложу все силы, все свое разумение, чтобы не заставить вас за меня краснеть. За здоровье старшин и господ членов Английского клуба», после чего с бокалом в руке я обошел всех присутствовавших и чокнулся с каждым в отдельности. По окончании обеда М. Н. Степанов произнес: «Перед тем, как встать — еще раз громкое «ура» Владимиру Федоровичу!».

Когда встали из-за обеденного стола и члены клуба разошлись, кто за карточные столы, кто в диванную комнату, я еще долго беседовал с окружавшими меня членами клуба. При прощании оркестром исполнен был туш; старшины и многие из членов проводили меня вплоть до выхода из клуба, где я еще раз откланялся и, надев фуражку, в одном сюртуке без пальто (как всегда) вышел из подъезда Английского клуба и пешком направился к себе в губернаторский дом, глубоко взволнованный необыкновенным сердечным отношением членов клуба.

24 января в два часа дня я последний раз открывал губернское земское собрание. Это было первое собрание с новым составом гласных, которых прибыло 61 человек. Гласные были приведены к присяге. Приехав в собрание, я обратился к гласным с следующей прощальной речью: «Открывая, к моему сожалению, в последний раз, губернское земское собрание и мысленно бросая взгляд на последовательную работу московского губернского земства за восьмилетнее мое управление Московской губернией, я, прежде всего, с чувством большого удовольствия не могу не отметить, что работа эта, уклоняясь в начале в связи с общественным настроением известного вам исторического момента в сторону политики и задач, не входящих в компетенцию земства, приобрела постепенно характер трезвого служения целям, предуказанным земству законодателем и заключающимся в заботах о материальном благосостоянии местного населения, здравии народном и просвещении его в духе православной веры и преданности исконным государственным началам. Не останавливаясь ни одной минуты на мысли о том, что на такую эволюцию в характер земской работы имело влияние какое-либо воздействие административной власти, и приписывая эту эволюцию исключительно повороту вправо общественных элементов, — я не могу все же не указать, что те призывы к исполнению долга, возложенного на земства, с которыми мне как начальнику губернии приходилось обращаться к земским учреждениям, не оставались без отклика и возможного удовлетворения. Вот за это внимательное отношение к моим обращениям я, прощаясь с вами, господа, не могу

не выразить моей глубокой признательности земствам московской губернии и позволяю себе надеяться, что, несмотря на случавшиеся неотвратимые в таком живом и громадном деле, как земское, недоразумения, несмотря на допущенные, быть может, иногда мною невольные ошибки, вы признаете, что моими действиями руководили исключительно сознание служебного долга и горячее желание успеха земской работе на пользу местного населения.

Позвольте же пожелать вам от всей души дальнейшего преуспевания в вашей плодотворной деятельности и счастливого выполнения тех широких начинаний, которые намечены вами за последнее время в различных областях земского дела. Желаю также вам и семействам вашим счастия в личной жизни и обращаюсь к вам с моей последней просьбой. Сохраните, в память незабвенных для всех нас дней пребывания их величеств на Бородинском поле, воздвигнутые там на земские средства две арки. Они являются одним из лучших украшений этого исторического места. Рассчитываю очень на исполнение земством моей просьбы, тем более, что построены арки капитально, и приведение их в такой вид, чтобы они могли простоять не один десяток лет, потребует очень небольшой единовременной затраты. Приветствую весь новый состав земских гласных и объявляю губернское земское собрание открытым».

В ответ на мою речь выступил председатель собрания А. Д. Самарин. «От лица всего губернского земского собрания позвольте выразить вам глубокое сожаление по поводу оставления вами должности губернатора Московской губернии. За все 8 лет, в течение которых вы стояли во главе Московской губернии, земство видело в вас твердого и справедливого носителя власти и всегда встречало у вас благожелательное отношение к истинным задачам земства. Земские деятели ценили ваше отзывчивое и живое отношение к земскому делу и вас самих, как доступного и благожелательного к земству человека. Позвольте же от лица московского губернского земства выразить вам благодарность и пожелать вам сил и здоровья на новом и многотрудном поприще вашего служения, на которое вы призваны державной волей Государя».

Будучи глубоко растроган, я мог только поклониться и сказать: «Низко кланяюсь и сердечно благодарю». Обняв А. Д. Самарина и пожав руки всем гласным, я покинул собрание, сопровождаемый дружными криками «ура».

В этот день в Москву прибыл граф Муравьев, полтавский губернатор, который должен был сменить меня на посту московского губернатора. О нем я уже писал в моих воспоминаниях за 1909 г., когда описывал Полтавские торжества. Мы встретились очень дружно, Он пробыл в Москве два дня, в течение коих я его знакомил как с составом служащих, так и с делами.

25 января мне прислали из Петербурга полное жандармское обмундирование; оно значительно разнилось от носимого мною

свитского, обращал внимание традиционно жандармский синий цвет сукна. Мне было чрезвычайно странно и как-то даже неприятно первый раз надеть этот мундир, на который в обществе привыкли смотреть с недоброжелательным чувством и который был не раз скомпрометирован. Но я надел его с полным убеждением, так как поставил себе целью в моей новой должности поднять престиж этого мундира, постараться искоренить все то, что вызывало недоброжелательное к нему отношение. Помню, какую сенсацию произвело в Москве, когда я первый раз появился на одном из вечеров в жандармском сюртуке, многие с искренним сожалением смотрели на меня. Имея два мундира, свитский и жандармский, и будучи одновременно командиром Корпуса и товарищем министра, я имел право почти всегда ходить в свитской форме, но раз я добровольно взял на себя должность командира Корпуса жандармов, я не считал себя вправе пренебрегать этой формой, как некоторые мои предшественники, когда они из опасения появиться в жандармской форме испрашивали высочайшее соизволение на право ношения общегенеральского мундира.

Отъезд мой я назначил на 4 февраля, мне хотелось в этот день годовщины мученической кончины великого князя Сергея Александровича помолиться в усыпальнице у его могилы и ехать уже к новому месту трудного служения как бы с его благословения. Все это время до самого моего отъезда пронеслось как какой-то волшебный сон. Ежедневно одна депутация за другой являлись ко мне, поднося адреса, почти ежедневно прощальные обеды; я был совершенно расстроен всеми этими исключительными знаками внимания и не находил слов для выражения всех чувств, наполнявших мою душу.

27 января, по желанию викарных епископов московских, у меня в домовой церкви губернаторского дома отслужена была торжественная обедня и после нее напутственное молебствие. Во время богослужения по собственному своему почину пела капелла Ф. А. Иванова в парадных кафтанах, та самая, которая пела на концерте в императорском павильоне в Бородине 26 августа. Служили преосвященные Трифон, епископ Дмитровский, Василий Можайский и Анастасий Серпуховский и протопресвитер Успенского собора Н. А. Любимов. К началу богослужения прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна в сопровождении своей помощницы по управлению Марфо-Мариинской обители В. С. Гордеевой; прибыли командующий войсками П. А. Плеве, градоначальник А. А. Адрианов, А. Д. Самарин, представители разных ведомств, губернских и сословных учреждений и т. д.

По окончании литургии преосвященный Трифон произнес глубоко тронувшее меня слово и от имени всех епископов благословил меня иконой Иверской Божьей Матери, сказав: «Да будет Матерь Божия помощницей вам в вашем новом и трудном поприще высоко-

го служения, а мы будем едиными усты и единым сердцем жить с вами». После же того, как я приложился к иконе, преосвященный обратился к присутствовавшим за богослужением: «Помолимся же теперь все мы усердно пред этой иконой Божией Матери, да дарует Господь Бог по молитвам пречистые Богоматери силу, энергию и крепость рабу Божию Владимиру на новом и трудном месте его служения и да сохранит его долгие годы на благо нашего дорогого Отечества».

После богослужения в трех залах губернаторского дома был подан завтрак, на котором присутствовала и великая княгиня Елизавета Федоровна. Вечером, в тот же день, в честь меня в залах Российского благородного собрания состоялся многолюдный раут, на который я приехал в 10 часов вечера с моей дорогой сестрой Е. Ф. Джунковской, разделявшей со мной скорбь моей разлуки с родной мне Москвой, и моей племянницей Н. Н. Шебашевой, также разделявшей с нами все наши горести и радости.

Зал был красиво декорирован тропическими растениями. В некоторых залах были устроены чайные буфеты с фруктами, винами, шампанским и т. д. На верхней площадке лестницы меня встретил организационный комитет по устройству раута во главе с А. Д. Самариным. В сопровождении всех встречавших, под звуки Преображенского марша, я вошел в большой Колонный зал, где мое появление было встречено рукоплесканиями. К этому времени в зале собралось до полуторы тысячи человек; здесь были представлены все сословия, от дворянства до крестьян включительно, и все ведомства.

Было подано шампанское. Стоявший у портрета Государя командующий войсками округа генерал П. А. Плеве громко возгласил тост за драгоценное здоровье обожаемого державного вождя России и всей августейшей семьи. Здравица была встречена восторженными кликами «ура», оркестр и капелла Ф. А. Иванова трижды исполнили народный гимн «Боже, царя храни». Затем губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин обратился ко мне со следующей прощальной речью: «Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Владимир Федорович. Настоящее собрание, столь необычайное по своему составу и столь многолюдное, красноречивее слов свидетельствует о том, что думает и чувствует теперь Московская губерния, расставаясь с вами. Мы все собрались здесь в единодушном желании выразить наше глубокое уважение вам, верному слуге царя и Родины, твердому справедливому носителю власти. Нас объединяет общее искреннее чувство любви к вам, как человеку редкой доброты и исключительной отзывчивости и доступности. Глубоко сожалея о предстоящей разлуке с вами, мы просим вас верить, что вам всегда будут сопутствовать наша благодарная любовь и горячие пожелания успеха на вашей новой и ответственной службе. От лица всех здесь присутствующих имею честь провозгласить: за здоровье

всеми нами уважаемого и любимого Владимира Федоровича Джунковского!»

Страшно взволнованный, я ответил: «Не нахожу слов выразить вашему превосходительству и всем вам, господа, чувства моей искреннейшей признательности за дорогое приветствие, глубоко меня тронувшее. То сердечное внимание, которым вы меня окружаете и которое никогда не изгладится в моей душе, я приписываю отнюдь не своим личным достоинствам, а приписываю тому, что нам всем удалось объединиться на одном деле честного бескорыстного служения на пользу нашей Родины и, в частности, Московской губернии. Вот это-то единение и эта дружная совместная работа и является залогом будущего преуспевания всеми горячо любимой Москвы и Московской губернии. Низко кланяюсь вам, господа, за дорогое ваше внимание ко мне, я пью за плодотворность общей дружной работы на процветание священной Москвы, я пью здоровье всех здесь собравшихся, за моих дорогих московских друзей — «ура»!

Дружное «ура» огласило огромный зал собрания. Затем, низко поклонившись, я поблагодарил всех за столь сердечно проявляемое ко мне чувство и сказал, что я поставлю себе задачей, чтобы дальнейшей своей службой оправдать оказываемое мне сейчас столь огромное внимание. Затем, по приглашению А. Д. Самарина, я прошел в Круглый зал, где был подан чай и фрукты, после чего направился по залам, подходя то к одной, то к другой группе; помню, в каком сильном волнении я обходил всех, принимая со всех сторон приветствия, подошел я и к группе крестьян — тут были старшины, сельские старосты и отдельные крестьяне. Они устроили мне шумную овацию; один из старшин произнес трогательную по задушевности речь; я им отвечал совершенно растроганный.

В это время в зале капеллою Ф. А. Иванова и оркестром Сумского полка было исполнено несколько нумеров, в числе их: «Слава защитникам, павшим за Родину», «Бородино», «По Руси», «Как поехал Александр наш» и др. Кроме того, струнным оркестром под управлением Марквардта было исполнено несколько музыкальных произведений русских и иностранных композиторов. В промежутках и под конец раута выступал русский хор г-жи Ивановой, исполнивший разные романсы и песни.

В половине двенадцатого я уехал из дворянского собрания растроганный и взволнованный. Раут этот по царившему на нем подъему я вспоминаю, как какой-то волшебный сон, но мое приподнятое настроение было сильно омрачено в душе мыслью, что в эти минуты, когда меня так торжественно чествовали, стоявший во главе этого чествования хозяин Российского благородного собрания и мой дорогой близкий любимый друг А. Д. Самарин переживал страшную душевную драму — его 6-летний сын, которого он безумно любил, был болен воспалением брюшины и был на краю смерти. Я ехал на раут, глубоко страдая за бедного отца и даже не ожидая его видеть

на рауте. Тем более вся моя душа перевернулась, когда меня встретил А. Д. Самарин, обратился ко мне с речью, сопровождал меня. Я чувствовал все, что он должен был переживать, и страшно мучился за него. Поэтому я торопился скорее обойти всех, чтобы не задерживать бедного Самарина и дать ему возможность уехать к умиравшему сыну. На другой день тяжкое испытание, ниспосланное Богом, постигло Самарина — его сына не стало. Всем сердцем переживал я горе бедного отца и никогда не забуду этих дней. 31 состоялись похороны в Абрамцеве, я присутствовал на них, чтобы отдать последний долг и помолиться за упокой светлой души младенца.

30 января я присутствовал на открытии новой чайной вблизи Ермаковского ночлежного дома, устроенной Московским столичным попечительством о народной трезвости, и в тот же вечер выехал в Сергиев Посад помолиться у раки преподобного Сергия перед отъездом к новому месту служения. Выехал я в сопровождении управлявшего моей канцелярией С. В. Степанова и чиновника особых поручений А. Б. Даксергофа. На вокзале меня встретили представители общественных учреждений Троице-Сергиевского Посада и Дмитровского уезда, местная пожарная дружина и местные кустари. Депутации поднесли мне адреса, а кустари — просфору на деревянном резном блюде своей работы. Директор мужской гимназии обратился ко мне с прощальной речью.

По пути в Троице-Сергиевскую лавру я посетил сергиевопосадское городское общественное управление, где мне были поднесены адрес и икона. Затем я проехал в Троицкую лавру, где наместником архимандритом Товием было отслужено напутственное молебствие и поднесен мне образ св. Сергия. После молебствия я зашел к наместнику Лавры и пил у него чай; во время моего разговора с ним он мне, не без наивности, сказал: «А я всегда молюсь за двух Владимиров — Владимира Карловича Саблера и вас, но когда я молюсь за вас, то говорю: «Господи, помилуй раба Божия Владимира, но не Саблера». Я с трудом удержался, чтобы не улыбнуться, поблагодарив его очень за внимание.

По дороге на вокзал, на площади я произвел смотр всей Сергиево-посадской полиции и пожарной дружины, прощаясь с ними.

Прямо из Посада я проехал в Абрамцево на похороны сына Самарина, по возвращении в Москву объехал все народные дома Московского столичного попечительства о народной трезвости.

1 февраля в Москву прибыл член совета министра внутренних дел В. Г. Кондоиди, на которого было возложено управление Московской губернией впредь до приезда вновь назначенного губернатором графа Муравьева, так как вице-губернатор Устинов после только что перенесенной им тяжелой болезни должен был уехать на юг, а управлявшие в то время казенной палатой и государственным имуществом оба были больны. Кондоиди остановился у меня,

и я в течение трех дней посвящал его во все дела, а 4 февраля я ему лично представил всех чинов губернаторского управления, и он вступил в должность. Это был очень милый и симпатичный и доброжелательный человек.

2 февраля состоялось чрезвычайное губернское дворянское собрание. Собрание было созвано для обсуждения вопроса об ознаменовании московским дворянством юбилея 300-летия царствования дома Романовых и об участии дворянства на этих торжествах по случаю этого юбилея. Собралось около 80 дворян, среди них были: губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, почти все уездные предводители дворянства, член Государственного Совета Б. В. Штюрмер, управлявший дворцовой частью в Москве князь Н. Н. Одоевский-Маслов и многие другие.

В час дня член Государственного Совета Б. В. Штюрмер и князь Н. Н. Одоевский-Маслов отправились ко мне с приглашением прибыть на дворянское собрание. Прибыв в собрание в половине второго, я обратился к губернскому предводителю дворянства А. Д. Самарину и собравшимся дворянам с следующей речью: «Я очень счастлив, что накануне моего отъезда на мою долю выпадает высокая честь открыть еще раз Московское дворянское собрание. За все время моего 8-летнего управления губернией я всегда опирался на московское дворянство, и то внимание, которое меня теперь окружает, доказывает, что я никогда не ошибся в ваших добрых чувствах ко мне. Глубоко признателен вам, во главе с многочтимым предводителем и моим другом А. Д. Самариным, за ту отзывчивость и поддержку, которую всегда встречал с вашей стороны. Низко кланяюсь вам и с грустью покидаю Московскую губернию, где мне так хорошо жилось, где я до конца дней был в полном единении с вами. Объявляю чрезвычайное дворянское собрание открытым».

Губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин ответил мне следующими словами: «Позвольте мне, ваше превосходительство, от лица московского дворянства выразить искреннее сожаление по поводу оставления вами поста московского губернатора. Я позволю себе отметить ваше сердечное и отзывчивое отношение к московскому дворянству. Как лицо, стоящее на высшем административном посту в губернии, вы проявили особые заслуги в недавно пережитое нами смутное время, когда, благодаря вашей энергии и неустанным трудам, быстро появлялся порядок повсюду, где вы появлялись. Позвольте вам в заключение выразить искреннее пожелание успешной деятельности на вашем новом высоком месте служения».

Выслушав речь А. Д. Самарина, я стал благодарить и прощаться в отдельности с каждым из присутствовавших. Когда я обошел всех, А. Д. Самарин обратился ко мне вновь: «Ваше превосходительство. Я надеюсь, что я выражу желание всего московского дворянства, если буду просить вас внести ваше имя в книги московского дворянства. Мы надеемся, что таким образом московское дворянство будет

находиться и впредь в неразрывной связи с человеком, который связал свое имя с Московской губернией и так много сделал для московского дворянства».

Я ответил: «Я так растроган, что не могу выразить того счастья, которое доставляет мне ваше предложение. Я рад тому, что жизнь моя теперь навсегда будет связана с московским дворянством, и надеюсь, никогда не заставлю его за меня покраснеть».

При выходе из собрания мне подали родословную книгу московского дворянства, и я вписал в нее свое имя. Для меня это новое внимание было совершенно неожиданно, я никогда не забуду этот счастливый день, когда я, вернувшись к себе домой, чувствовал, что отныне я навсегда связан с родным московским дворянством и вошел в его семью.

Спустя некоторое время после того я приобрел в Звенигородском уезде десятину земли и, таким образом, получил право на участие и в выборах, и во всех делах дворянских, а так как у меня еще было несколько сот квадратных саженей земли на Бородинском поле, то я получил право участия в дворянских делах по двум уездам — Можайскому и Звенигородскому.

На другой день депутация от дворян во главе с А. Д. Самариным поднесла мне постановление московского дворянства об избрании меня дворянином Московской губернии и икону-складень с изображением св. Владимира, Георгия Победоносца и ангела-хранителя, а также массивную чернильницу художественной работы. А. Д. Самарин сказал мне при этом прощальную речь, после чего я пригласил всех в кабинет и, когда подали шампанское, поднял бокал, сказав: «Младший дворянин Московской губернии — за старших».

Журнальное постановление гласило следующее: Прибыли: господин московский губернский предводитель дворянства, в должности егермейстера высочайшего двора А. Д. Самарин, господа предводители дворянства уездов: Московского — П. А. Базилевский, Коломенского — Н. В. Тихонов, Дмитровского — граф М. А. Олсуфьев, Волоколамского — князь С. Б. Мещерский, Можайского — А. К. Варженевский, Звенигородского — граф П. М. Граббе, Серпуховского — П. А. Янов, Рузского — граф В. В. Мусин-Пушкин, Верейского — К. Д. Шлиппе, Клинского — барон Шеппинг, Бронницкого — А. А. Пушкин, Подольского — граф А. М. Катков и Богородского — Н. Н. Кисель-Загорянский, господа депутаты уездов: Московского — князь В. А. Голицын, Коломенского — В. Р. Расторов, Дмитровского — Ф. И. Тютчев, Верейского — Е. М. Пржевальский, Можайского — М. М. Людоговский, Рузского — Н. С. Румянцев, Звенигородского — Н. Ф. фон-Штейн, Серпуховского — П. П. Костылев и Клинского — князь Ю. М. Козловский.

Слушали: По открытии заседания московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин доложил собранию, что перед началом чрезвычайного дворянского собрания, бывшего сего числа,

он от лица всех присутствовавших на собрании дворян предложил бывшему московскому губернатору Владимиру Федоровичу Джунковскому записаться в дворянскую родословную книгу Московской губернии, дабы укрепить свою связь с московским дворянством. На это В. Ф. Джунковский выразил свою глубокую благодарность и добавил, что почтет за особую для себя честь быть московским дворянином.

Собрание господ предводителей и депутатов дворянства, выслушав сообщение губернского предводителя и принимая во внимание всегда отзывчивое и сердечное отношение Владимира Федоровича Джунковского как к московскому дворянству, так и к его представителям, и заслуги его перед Московской губернией, особенно ярко выразившиеся в тяжелые годы смуты, когда он, не обращая внимания на свою личную безопасность, всюду являлся сам, своим примером воодушевляя своих подчиненных, и быстро восстановлял порядок, на основании 961 статьи IX тома Свода законов, изд. 1899 г., по продолжению 1906 г., постановило: не владеющего недвижимой собственностью в Московской губернии потомственного дворянина Полтавской губернии, Свиты его императорского величества генерал-майора Владимира Федоровича Джунковского внести в дворянскую родословную книгу Московской губернии и просить московского губернского предводителя дворянства освободить его от взноса платы, установленной при записи новых дворянских родов в родословную книгу».

В этот же день меня посетила депутация от московских дам; в этой депутации приняло участие 175 дам, среди коих были и дамы высшего московского общества, и принимавшие участие в разных благотворительных комитетах и обществах жены предводителей дворянства, моих сослуживцев и сотрудников и пр. Во главе их С. И. Глебова обратилась ко мне с несколькими словами прощального привета и передала мне ларец в древнерусском стиле, удивительно художественной работы. Я был совершенно растерян, только накануне меня предупредили об этом, и потому я едва успел подготовиться к такому необыкновенному приему. Я не знал, как благодарить всех, как выразить все, что я чувствовал. Моей сестре дамы поднесли вазу с роскошным букетом. Я, с своей стороны, раздал всем дамам по скромному букету фиалок.

В этот же день я прощался с родным моим детищем, Московским столичным попечительством о народной трезвости. Прощание происходило в Алексеевском народном доме. Как раз перед тем получено было высочайшее повеление о назначении графа Муравьева председателем комитета Попечительства, а меня — почетным председателем. Меня это очень порадовало; такое почетное звание закрепляло мою связь с попечительством, которому я посвятил немало труда и забот, делу которого был предан всей душой.

Вернувшись домой, я застал депутацию от императорского Мос-

ковского общества воздухоплавания в составе князя В. А. Голицына, генерала от инфантерии Яковлева, профессора Н. Е. Жуковского и князя Б. Б. Оболенского — они пришли просить меня взять обратно свой отказ от звания председателя общества. После взаимных переговоров я согласился, решено было, что князь В. А. Голицын будет приезжать ко мне ежемесячно для доклада дел по обществу.

Помимо Общества воздухоплавания, я сохранил еще за собой обязанности попечителя императорской Московской практической академии коммерческих наук по усиленной просьбе совета академии, а также и пожизненное попечительство Измайловской опытной пасеки, и пожизненное председательство в Бородинском обществе по охране памятников на Бородинском поле сражения.

4 февраля я присутствовал на заупокойном богослужении в Чудовом монастыре по великому князю Сергею Александровичу, а затем и в усыпальнице на панихиде, после чего был принят великой княгиней Елизаветой Федоровной и простился с ней; великая княгиня трогательно благословила меня и напутствовала иконой. Затем я прощался с чинами губернских и уездных учреждений, подчиненных губернатору, благодарил их за совместную службу.

Вечером, в 8 часов 30 минут, со скорым поездом Николаевской ж. д. я выехал к месту нового моего служения. Когда я приехал за 25 минут до отхода поезда, на вокзале вся платформа, все парадные комнаты были полны приехавшими меня проводить. Видя всю эту огромную массу провожавших, я с трудом сдерживал слезы благодарности, был страшно взволнован. Едва я успел обойти всех, как начальник станции доложил мне о наступившем времени отправления поезда. Я вошел в вагон, поезд тронулся, дружное «ура» раскатилось по платформе, со всех сторон слышались пожелания счастливого пути.

До Клина меня провожал клинский предводитель дворянства барон Б. Д. Шеппинг и бывшие чиновники особых моих поручений. В Клину я принял еще несколько депутаций. Проехав границу губернии (за станцией Завидово, реку Шошу), я перекрестился и мысленно поблагодарил Бога за счастливые безвозвратные годы моего губернаторства в Москве, грустно стало на душе, неизвестность того, что меня ожидает на новой трудной службе, меня тревожила.

Приехав в Петербург, я послал депешу вице-губернатору Устинову: «Приехав в Петербург, не могу не вспомнить дорогих моих сотрудников. Примите и передавайте всем учреждениям, что я никогда не забуду их отзывчивого отношения и те годы, что мы работали вместе, и их внимание при прощании со мной. Всем, всем сердечный привет. Джунковский».

По приезде в Петербург я по почте получил следующий трогательный привет от одного хитрованца, Оберталлера, постоянного

посетителя народного дома на Хитровом рынке, названного с высочайшего соизволения народным домом моего имени:

«Что могу я сказать от лица бедняков?
Что могу я дополнить, внести?
Описать, чем ты был и каков,
На последнее слово «прости».
Я не много скажу и скажу лишь одно.
Когда с полной заботой в душе,
Да, то было давно, да, то было давно,
Ты являлся в рабочей семье.
Кто с приветом к рабочим пришел?
Кто им доброе слово сказал?
Кто в Москве и создал и провел?
Это ты им трезвость создал.
Кто в волну отголосок от моря,
И не прячась, приял на себя?
Кто в минуту народного горя?
Жизнь свою отдавал ты любя.
Кто в тюрьму с утешеньем являлся,
И убийцы сдавались кому?
Воля смертников кем исполнялась?
Ты героем являлся в тюрьму.
Кто, когда по Московской губернии
Совершилось бедствие — зло
Нас постигло тогда, наводнение
Много горя и бед принесло,
Кто верхом на коне, совершая свой путь по воде
Средь затопленных изб и лачуг?
Был ты добр, справедлив и могущ.
Кто губернией, земством правя, был и добр, и суров по закону?
И любил, и щадил от себя. Оставаясь верен ты трону?
И не раз по заслугам тебя Государь награждал от себя.
И теперь он тебе от души пост тяжелый доверил нести.
Дай, Бог, силы тебе. Дай, Бог, счастья тебе,
на тяжелый ответственный пост.
Государь и народ, он помощник тебе.
Ты душою и честен и прост.

Oберталлер.

Это стихотворение нищего хитрованца своей непосредственностью как-то особенно дорого отозвалось в моем сердце.

Покинув Москву, мне предстояло еще составить последний всеподданнейший отчет за 1912 г., который мною и был лично представлен Государю. Окончил я этот отчет следующими словами: «Отозванный по воле Вашего императорского величества от управления Московской губернией для исполнения иных служебных обязанностей, я повергаю на всемилостивейшее Ваше благовоззрение этот всеподданнейший отчет в последний раз, и не смея, по долгу верноподданного, скрыть пред Вами, Государь, что я с чувством большой грусти расстался с Московской губернией, ставшей мне родной и близкой за восьмилетнее управление ею, в то же время утешаюсь сознанием, что губерния перешла к моему заместителю

в спокойном состоянии общественного настроения и сравнительном экономическом благополучии. Отнюдь и ни в коей мере не дерзая приписывать такое состояние губернии своим трудам, я приемлю смелость только радостно свидетельствовать перед Вашим императорским величеством об этом благоустроении одной из важнейших областей Вашего царства, как об очевидном результате законодательных мероприятий последних лет и наладившейся внутренней жизни страны».

Государю благоугодно было против этого места моего отчета осчастливить меня следующими собственноручно начертанными им незабвенными для меня и дорогими словами, ставшими лучшей для меня наградой на всю жизнь: «Выражаю мою искреннюю благодарность Джунковскому за примерное и блестящее управление Московской губернией».

Глава 9

1913 год

Мой приезд в Петербург и вступление в должность. — Пожар собора Св. Троицы. — Посещение Департамента полиции. — Штаб Корпуса жандармов. — Технически-строительный комитет. — Институт гражданских инженеров. — Личная моя канцелярия. — Распределение занятий. — Совещание с губернаторами по реформе полиции. — Кончина городского головы И. И. Глазунова. — Мое первое посещение Государственной Думы. — Прием Председателя Государственной Думы в Царском Селе. — Посещение памятника великому князю Николаю Николаевичу старшему в С.-Петербурге. — Романовские юбилейные торжества в С.-Петербурге. — Возвращение Государя в Царское Село. Текущие дела. — Кончина жены И. К. Григоровича. — Кончина князя Долгорукова. — Кончина А. А. Стаховича. — Кончина светлейшего князя Ливена. — Кончина полковника Шпейера. — Трагическая кончина короля эллинов. — Запрос в Думе о незаконных действиях с.-петербургского градоначальника. Маклаков. — Мой отъезд в приволжские города и Владимирскую губернию. — Приезд в Москву. — Парад Лейб-гвардии конному полку. — Мой руководящий приказ по Корпусу жандармов. — Поездка в Москву для ревизии жандармских управлений. — Юбилей Е. В. Богдановича. — Совещание у министра внутренних дел. — Кончина генерала Газенкампфа. — Пасхальный прием в Царском Селе. — Уничтожение агентуры в средних учебных заведениях. — Уничтожение агентуры в войсках. — Общее собрание Общества коммерческих знаний. — Моя поездка в Берлин. — Париж. Заграничная агентура. — Объезд приволжских городов. — Высочайшая поездка в Берлин. — Отъезд императрицы Марии Федоровны в Англию. — Паломничество Государя и его семейства в память 300-летия со дня воцарения дома Романовых. — Город Владимир. — Город Суздаль. — Боголюбово. — Нижний Новгород. — Отплытие их величеств на «Межени». — Кострома. — Ярославль. — Город Ростов Великий. — Петровск. — Переяславль Залесский. — Троице-Сергиева лавра. — Москва. — Отъезд Государя из Москвы в Царское Село. — Курьезный эпизод в казенной палате. — Отъезд из Москвы. — Возвращение мое в Петербург. — Упразднение районных охранных отделений. — Восстановление правильного соблюдения формы одежды чинами Корпуса жандармов. — Поездка в Выборг и Фридрихсгам для осмотра окрестностей высочайшего пребывания в шхерах. — Отбытие Государя в шхеры. — Освящение собора в Кронштадте. — Поездка моя в Курскую губернию. — Юбилей графа С. Д. Шереметева. — Особое совещание по вопросам о борьбе с преступностью. — Назначение полковника Никольского помощником начальника штаба. — Возвращение Государя из шхер. — Моя поездка в Крым. — Освящение рыбоводного завода. — Болезнь начальника штаба. — Мое возвращение в Петербург. — Открытие памятника адмиралу Макарову в Кронштадте. — Кончина мужа моей сестры Д. К. Гершельмана. Поездка моя в Тверскую губернию. — Мое

*возвращение в С.-Петербург. Всеподданнейший доклад. — Секретная сумма. Сокращение расходов. — Бесплатные билеты по железной дороге. — Маневры в окрестностях С.-Петербурга в высочайшем присутствии. — Парад Преображенскому полку; производство в офицеры. — Отбытие в Крым. — Реформы по охране железнодорожного пути. — Севастополь. — Ялта. Ливадия. — Пребывание мое у Л. А. Сенько-Поповского. — Приезд в Москву. Бородино. — 200-летие Александро-Невской лавры. — Мой отъезд за границу в отпуск. — Варшава. — Калиш. — Наухгейм. — Открытие памятника П. А. Столыпину в Киеве. — Наухгейм, Висбаден, Меран. — Кончина генерал-адъютанта Дедюлина. — Возвращение в Россию. — Ливадия. — Отъезд из Крыма и приезд в С.-Петербург. — Побег Брешко-Брешковской. — Назначение Похвиснева начальником Главного управления почт и телеграфов. — Назначение А. Г. Булыгина главноуправляющим учреждений императрицы Марии. — Передача Литературно-театрального музея имени Бахрушина Академии Наук. — 50-летний юбилей Московского купеческого общества. — Комиссия по реформе полиции в Думе. — Праздник Корпуса жандармов. — Возвращение императрицы Марии Федоровны из-за границы. — Мой отъезд в Ливадию. — Отбытие Государя в Севастополь. — Освящение зданий авиационной школы на Каче в высочайшем присутствии. — Возвращение в Петроград *. — Высочайший прием Родзянко. — Назначение Воейкова дворцовым комендантом. — Последние дни 1913 г.*

5 февраля утром я приехал в Петербург. На вокзале меня встретили помощник градоначальника генерал-майор Вендорф, директор Департамента полиции С. П. Белецкий с вице-директорами К. Д. Кафафовым, С. Е. Виссарионовым, П. К. Лерхе и С. А. Пятницким, начальник штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенант Гершельман, личный адъютант мой по званию командира Корпуса, ротмистр Канабеев и личный секретарь по званию товарища министра Л. А. Сенько-Поповский. Всех этих лиц я хорошо знал, кроме моего адъютанта, которого встречал только изредка.

Поздоровавшись со всеми, я сел в автомобиль с начальником штаба и отправился на Фурштадтскую, где на углу Воскресенского проспекта помещалось Главное управление Отдельного корпуса жандармов, в казенном доме, тут же были и квартиры командира Корпуса, начальника штаба и других лиц. Мой предшественник генерал Толмачев уже выехал на частную квартиру, а в моем новом помещении шел небольшой ремонт, который был закончен к 12 числу — дню переезда из Москвы моей сестры и моей племянницы, после чего я мог окончательно устроиться. Новая должность моя была обставлена очень хорошо, у меня была чудная квартира, по размерам более чем достаточная и хорошо меблированная, содержание я получал из сумм военного министра по званию командира Корпуса 12 000 руб. в год и добавочных 3 000 руб. и из сумм Министерства внутренних дел 5 000 руб. по должности товарища министра. Затем мне полагалось еще два автомобиля для разъездов, один от военного ведомства, другой от Департамента полиции.

Материальное положение, конечно, блестящее, но зато и служба требовала колоссального напряжения, полного отречения от самого себя; часто приходилось переживать такие тяжелые минуты, что

* Так в тексте.

вспоминая эти 2 1/2 года, проведенные мною на этих должностях, когда буквально ни минуты не оставалось для себя, для своей личной жизни, я сам себе удивляюсь, как я мог все это вынести. А главное, приходилось подчас работать в атмосфере далеко не доброжелательной, чувствовать всевозможные подвохи и интриги со стороны разных темных личностей, которые, примазавшись к лакомому куску — к секретному бесконтрольному фонду Департамента полиции (я говорю о некоторых офицерах розыска и чинов особого отдела Департамента полиции), под видом охраны государства делали карьеру недостойными делами и которых я, конечно, оставить на службе не мог. Но помимо разных сюрпризов, которые я мог ожидать от подчиненных мне лиц, которым мои взгляды на службу пришлись не по вкусу, приходилось еще бороться с разными общественными влияниями, озираться вокруг себя, дабы не попасть в какие-нибудь ловко расставленные сети, не подпасть под то или другое влияние той или иной общественной группы; другими словами — надо было много напряжения, чтобы остаться самим собой.

Я не успел еще приехать в Петербург, как уже почувствовал стремление некоторых групп и влиятельных лиц овладеть мною. Еще до приказа о моем назначении, еще в Москве я получил следующее письмо от князя Мещерского — редактора «Гражданина» [1]: «Милостивый государь Владимир Федорович. Позволяю себе препроводить Вам мои мысли о политическом розыске и охране, вдохновленные тем, что мне приходилось видеть близко при Шебеке, при Сипягине, при Плеве и теперь при Белецком, и ободренный тем, что Н. А. Маклаков мне сказал о том, что иные мои мысли сходятся с Вашими. К этому присоединяю одно искреннее желание: побеседовать с Вами, когда Вы прибудете в Петербург. Ввиду моих 74 лет я должен сидеть дома, и поэтому буду уповать, что Вы не откажете навестить старика в его уединении, старика, для которого Вы не незнакомец, так как я многое о Вас знаю, и это «многое» есть целая гамма самых светлых отзвуков уважения и симпатии в оценке Вашей личности. С искренним уважением и преданностью Ваш слуга князь В. Мещерский».

В то время у князя Мещерского было что-то вроде политического, вернее административного, салона; в известные дни, кажется, по четвергам, у него собирались для обмена мнений по поводу разных злободневных вопросов, обсуждения новых законопроектов, разных назначений и т. д. Ходили слухи, что Мещерский будто бы имеет влияние на Государя, который прислушивается к его мнению, и поэтому многие из министров, членов Государственного Совета и других высших лиц, не исключая и придворных, а также и провинциальных губернаторов и деятелей, считали своим долгом посещать князя Мещерского и прислушиваться к нему. Сам Мещерский, желая играть роль, старался всегда залучить к себе каждое новое лицо, и так как у него было много светлых взглядов на положение

вещей, то он ими сразу подкупал, и невольно все, кто у него бывал, подпадали под его влияние. К сожалению, и Маклаков не избег этого.

Получив письмо Мещерского, я понял, что он, очевидно, хочет сразу забрать меня в свой лагерь, и потому, хотя я и ответил ему очень любезным письмом, благодарил его за присылку номера «Гражданина» с его мыслями о розыске и охране, но прибавил, что прошу его меня заранее извинить, если я не смогу к нему заехать в ближайшие дни по моем приезде в Петербург, так как первое время я всецело отдамся ознакомлению с делами, сопряженными с моим новым назначением, и которые потребуют большого напряжения и ориентировки.

В ответ на это я получил от 2 февраля следующее письмо: «Милостивый государь Владимир Федорович. Вчера имел честь получить Ваше письмо, которое, скажу откровенно, сразу заморозило во мне то настроение, глубоко искреннее и теплое, с которым, думая о громадных трудностях и многоголовой гидре петербургской подлости, Вас ожидающих, написал Вам мое письмо. Ваше же письмо, доброе и любезное, как все исходящее от Вас, для меня, столь давно наученного читать сквозь строчки и чуять малейшие вибрации тона, запахло классическим «буду иметь вас и вашу просьбу ввиду». Но Бога ради не думайте, что я обижен и позволяю себе высказать хотя маленький, но все же упрек. Упрек я шлю себе, и если я обжегся, то виновато не пламя, обжегшее, а виноват только сунувшийся в огонь.

Сохранив в 74 года от роду свойство молодости отдаваться всецело тому первому порыву, который Шекспир назвал лучшим, я написал Вам мое письмо под влиянием всего того светлого, что об Вас мне высказал Н. А. Маклаков, а так как последний стал мне очень дорог, как чистая личность, призванная к бесконечно тяжелому подвигу борьбы, а Вас Бог призывает быть его главным помощником, то я в чистом порыве души взял и написал Вам; а написал потому, что сказал себе: я один из старейших, знающих Петербург, один из старейших, близко познавших подлинный мир Департамента полиции. Джунковский вначале будет хорошим моряком, но в неведомом для него море, отчего же это первое время не быть для него, по мере сил, маяком и вехой. Написал и обжегся, и больше ничего, кроме сознания, что сунулся в воду, не спросясь броду.

Особенно обожгла меня Ваша любезная заключительная фраза: «Как только немного осмотрюсь, не премину быть у Вас». Обожгли меня эти слова потому, что именно с тою целью я писал Вам в Москву, до приезда в Петербург, чтобы прежде, чем Вы начнете осматриваться в том лабиринте обманов невообразимых, который называется Петербург, я мог Вас снабдить, под диктовку моего многолетнего опыта и моего искреннего уважения к Вам, подорожной, до вступления в трудный путь. Момент выступления — это

важнейшая минута, это начало, решающее судьбу всего предстоящего пути. Петербург официальный, кроме подводных камней, капканов, имеет ужасное свойство болота; он засасывает в себя свежих людей, и роковой секрет этого засасывания заключается в том, что если свежий человек прямо с чистого воздуха выйдет в Петербурге в путь, не успевши или не захотевши запастись броней и руководительными и подготовительными напутственными сведениями, то, конечно, уже никогда не настанет минута, когда бы он мог, вне заколдованного петербургского бюрократического мира, искать совета или указания; он будет уже отравлен ядом этого мира, и действие этой отравы будет заключаться в том, что советы и указания он будет получать только от лгущих ему, от обманывающих его, от мнимых благожелателей и от маскированных недругов. И если бы Вы могли знать, как много образов светлых и дорогих личностей на моих глазах погибших от петербургского яда, стояли предо мною, когда, вдохновленный ими и желающий Вам добра, я писал Вам первое письмо, то Вы не ответили бы мне, как навязывающемуся докучливому просителю. Во всяком случае, так как я у конца своей жизни, то сохраните мои два письма на память о человеке, у которого, невзирая на его 74 года, по отношению к Вам от избытка сердца заговорили уста. Эти 74 года честного служения моему Государю, моему Отечеству и правде дают мне право не только желать доброго и светлого пути, но и благословить Вас на этот путь.

Вас искренно уважающий и искренно Вам преданный В. Мещерский».

Это письмо подтвердило мне мое опасение, что Мещерский хотел быть руководителем моих действий, и я был очень рад, что еще до приезда моего в Петербург мне удалось моим письмом поставить себя в совершенно независимое от его влияния положение. Приблизительно через месяц после моего приезда в Петербург я посетил Мещерского, он меня принял очень любезно, но никаких особенных деловых разговоров мы не вели. Мещерский меня понял и не настаивал больше. Надо ему отдать справедливость, он остался относительно меня благороден и продолжал сочувственно относиться к моей деятельности, а 10 февраля, коснувшись в своем дневнике в «Гражданине» моих проводов в Москве, написал следующее:

«Но и о другом отрадно свидетельствуют эти проводы генерала Джунковского в Москве. Они являются приветствием всех честных русских людей новому главе Министерства внутренних дел за первый выбор ближайшего себе помощника, обращенный к генералу Джунковскому. В этом выборе сразу обрисовалась бездна, разделяющая нынешний день от того вчерашнего, когда первый выбор мог пасть на такого человека, как Харузин. Но как бы отрадно ни было назначение генерала Джунковского, улыбка сходит с лица и складки заволакивают чело при мысли, что он перебирается в Петербург, в этот омут вечно кипящих зависти, лжи, интриг,

ненависти ко всему, что честно и правдиво, и будет иметь дело с тем Департаментом полиции, где водворилось за последние годы темное царство таких принципов, таких приемов, таких взглядов и таких побуждений, которые все, под предлогом охраны и сыска, подчинены одному лозунгу: все средства для наших целей допустимы».

А 30 мая по окончании юбилейных торжеств по случаю 300-летия дома Романовых я получил от него еще письмо: «Милостивый государь Владимир Федорович. Хотя, невзирая на мои 74 года и на мое искреннее к Вам доброжелательство, Вы моего существования не признаете, тем не менее, так как давно я своих личных интересов не признаю, я, как честный слуга России и Государя и как внук Карамзина, не могу воздержаться от удовлетворения душевной потребности Вам высказать, насколько за эти два дня под влиянием всего, что я слышал от людей больших и малых, о том, кем Вы были во время царского путешествия, я порадовался Вам и за Вас: из этих многих хвалебных о Вас отзывах сложился во мне образ Вашей личности и Ваших действий, глубоко симпатичный и новый, до того мы успели от него отвыкнуть, образ как будто последнего, но на деле первого, как представителя спокойной и твердой воли, спокойного разума, равной для всех приветливой доступности, мудрого и непоколебимого доверия к народу, благодаря чему везде, и в особенности в Москве, был отменен старый печальный лозунг: народ подальше, и, наконец, тихого, но сильного и волшебного влияния на все и всех, от которого зависели порядок и, с Божьей помощью, светлая безопасность нашего возлюбленного Государя. Да благословит Вас Бог светлыми днями на Вашем тяжелом труде за все, чем Вы явились, неслышно и незримо, но благотворно. Вот что хотел Вам сказать. Знаю, что мои слова для Вас все равно что пролет мухи, но так как для меня они не слова, а отзвуки души, то я все же хотел эти отзвуки Вам высказать. С отличным почтением и преданностию Ваш слуга князь Владимир Мещерский».

Я ответил ему письмом, искренно его поблагодарив за добрые сердечные слова, на что получил новое письмо от 3 июня: «Хотя Ваш милый отклик на мое искреннее письмо доставил мне старику большое удовольствие, искренно уважаемый Владимир Федорович, но я все-таки нахожу, [что этого] мало, чтобы прекратить ту оригинальную однобокую игру, за которой один ищет сближения с человеком без уважения к нему, а другой как будто от него уклоняется... Говоря «как будто», я уцепляюсь за надежду, что это случай и недоразумение. И если моя надежда основательна, то не придете ли Вы в воскресенье, благо день свободный, вместе с Николаем Алексеевичем *, навестить больного старика и доказать,

* Н. А. Маклаков.

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков
в рабочем кабинете. 1913-1914 гг.

что моя надежда действительно основательна. А пока верьте в искренность моего уважения и моей преданности. Ваш слуга В. Мещерский».

Получив это письмо, я на другой же день поехал к Мещерскому, чтобы поблагодарить за приглашение и извиниться, что служебные дела не позволяют мне приехать. Это была последняя попытка Мещерского подчинить меня своему влиянию.

Меня всегда страшно поражало, почему многие министры и другие лица, бывавшие у Мещерского и считавшиеся с ним, в то же время как-то скрывали это, не хотели в этом сознаться. И даже Маклаков, который был всегда со мной совсем откровенен, и тот никогда не говорил мне, что едет к Мещерскому, может быть оттого, что он знал, как я отрицательно к этому отношусь; помню, как и Кривошеин, осуждая Маклакова, как-то в разговоре со мной выражал мне свое уважение, что я устоял от натиска Мещерского и сумел поставить себя в независимое от него положение. Я, конечно, вывел из этого заключение, что Кривошеин, так же как и я, держится вдали от Мещерского. Каково же было мое разочарование, когда я узнал противоположное — оказалось, что Кривошеин не только бывает у него, но и в дружеской с ним переписке. И к чему было скрывать свои отношения? Очевидно, они все чувствовали, что делают что-то нехорошее, не заслуживающее уважения.

Возвращусь к моему приезду в Петербург. Переодевшись уже в новой квартире, я поехал к министру Н. А. Маклакову, чтобы явиться ему как непосредственному своему начальнику. Первое впечатление от беседы с ним было очень хорошее, я почувствовал безграничное доверие с его стороны, и он предоставил мне полную свободу действий. Решено было, что я вступлю в должность на другой день после представления меня Государю. Вернувшись от Маклакова домой, заехав только к градоначальнику Свиты генералу Драчевскому и к губернатору графу Адлербергу, я занялся хозяйственными делами, распределил комнаты и провел все свободное время у моей сестры, которая была замужем за начальником штаба Гершельманом и проживала в том же доме, над моей квартирой. В пять часов дня — обычное время приема у министра двора — я был у барона Фредерикса, который меня принял с свойственной ему всегда любезностью и предупредительностью.

На другой день с 8-часовым поездом я выехал в Царское Село представиться Государю. Его величество встретил меня более чем милостиво, выразил радость видеть меня на новом посту, сказал мне, что министр уже докладывал ему о всех моих взглядах и переменах, которые я намерен произвести в ведомстве, что он всецело одобряет их и желает мне сил, здоровья и успеха в моих новых трудах. Подбодренный милостивым приемом, я отправился к дворцовому коменданту генерал-адъютанту Дедюлину, который, по-видимому, был рад моему назначению и сочувственно отнесся к высказанным

ему мною взглядам по поводу охраны. Уходя от него, я просил его разрешения представить ему мои соображения о некоторых изменениях по охране во время высочайших путешествий, особенно ввиду ожидаемой поездки Государя по России по случаю юбилейных торжеств 300-летия дома Романовых. После завтрака у великого князя Павла Александровича я вернулся в Петербург и вступил в должность.

В этот день я получил от министра внутренних дел бумагу, в которой он, по должности товарища министра, поручал мне заведование делами Департамента полиции, Техническо-строительного комитета и Института гражданских инженеров [2] императора Николая I. В тот же день явились ко мне представиться председатель Техническо-строительного комитета тайный советник Новиков и директор Института тайный советник Косяков. После этого я принял всех чинов штаба Корпуса жандармов и состоявших при мне, по званию командира Корпуса, генералов и штаб-офицеров и обошел все помещения штаба, знакомясь с порядком ведения дел и распределением занятий. Ко всем же чинам Корпуса жандармов я обратился с следующим моим первым приказом № 28.

«В С.-Петербурге, февраля 6 дня 1913 г.

Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 25 января сего года, я назначен командующим Отдельным корпусом жандармов и товарищем министра внутренних дел. Вступая сего числа в исполнение возложенных на меня священной волей Государя императора обязанностей, я отчетливо сознаю, сколь трудна и ответственна предстоящая мне деятельность по командованию Отдельным корпусом жандармов, призванным охранять государственный порядок и общественное спокойствие от преступных на них посягательств. Почти вековое историческое прошлое Корпуса, отличавшегося всегда самоотверженной преданностью Престолу и Родине, не оставляет сомнения в том, что в рядах его я найду много лиц с обширным опытом и блестящей служебной подготовкой. От единодушной и энергичной помощи мне со стороны этих лиц будет, ближайшим образом, зависеть успешность выполнения Корпусом лежащего на нем важного государственного дела. Отдавая отныне последнему все свои силы и разумение, я почитаю необходимым отметить хотя бы главнейшие руководящие начала, которые, по убеждению моему, должны лечь в основу нашей общей деятельности. Полагаю, прежде всего, что чинам Отдельного корпуса жандармов надлежит всегда особенно памятовать о том, что по воле державного основателя Корпуса он входит в состав доблестной Русской армии. Присвоение чинам жандармских частей и управлений воинских званий свидетельствует о почетности и важности порученного их ведению дела, но в то же время налагает на каждого из нас обязанность строго следить за своими действиями и поступками, дабы высокое это звание не было в каком-либо отношении умалено.

Возложив на Корпус жандармов охрану государственного порядка и общественного спокойствия, закон, вместе с тем, вооружил это учреждение исключительными полномочиями, необходимыми для достижения поставленной ему цели. Но чем обширнее власть и права, доверенные монархом какому-либо лицу или учреждению, тем бережнее должны осуществляться они в жизни. Отдельный корпус жандармов призван к деятельной борьбе с противогосударственными и противообщественными элементами. Посему там, где Престолу и Отечеству грозит действительная опасность, чины Корпуса по долгу присяги и совести обязаны использовать все средства для преодоления преступных сил, действуя зорко, самоотверженно, а если потребуют обстоятельства, и беспощадно. Но дабы при использовании своих обширных полномочий не преступить пределы необходимости, все жандармские чины должны благоговейно памятовать о наставлении, данном державным основателем Корпуса первому его шефу. Течение истории изменило круг обязанностей, возложенных на Корпус при его сформировании, но священный завет милосердия, призывавший осушать слезы несчастных, да останется неизменным девизом для каждого из нас.

Обращаясь к тем способам, которыми управления и части Корпуса жандармов могут наилучшим образом осуществить поставленные им законом цели, я считаю необходимым высказать, что достижение последних будет зависеть прежде всего от степени единения на местах руководителей названных частей и управлений и начальников губерний. Всякое раздвоение в этом случае может пагубно отразиться на деле охраны государственного порядка и общественного спокойствия. Я надеюсь, что начальствующие лица Корпуса примут ныне же все меры к тому, чтобы настоящее мое указание проводилось повсеместно в жизнь.

Отметив главнейшие руководящие начала деятельности Корпуса жандармов, выражаю в заключение надежду, что в офицерской среде его я встречу те качества, которыми гордится Русская армия, — а именно — дух товарищества, взаимного доверия и благородного прямодушия в отношении к начальникам, друг к другу и к подчиненным. Отклонения от этих принципов я не потерплю. С твердой верой в испытанные знания чинов Корпуса и его самоотверженную преданность Престолу и Родине, я призываю всех к дружной и энергичной со мною работе».

Приказ этот возбудил большую полемику в газетах, особенно мои слова приказа о том, что «священный завет милосердия, призывавший осушать слезы несчастных, да останется неизменным девизом для каждого из нас». Газеты подхватили эти строки, заимствованные мною из слов императора Николая I, когда он, при учреждении Корпуса жандармов, в ответ на вопрос графа Бенкендорфа об инструкции, вынув из кармана свой носовой платок, сказал: «Утирай слезы несчастным».

И. Лопатин в «Утре России»[3] по поводу приказа написал следующий фельетон: «Есть хорошая пословица, которая гласит, что новые птицы всегда поют новые песни. В. Ф. Джунковский, совершив свой блестящий взлет из губернаторов в шефы Отдельного корпуса жандармов, несомненно явился в новой среде совершенно новою птицей. Точно колибри, попавшая в чащу сурового северного леса, или страус, забежавший из знойной привольной пустыни в темные трущобы Беловежской пущи. Оглянулся он направо, налево, в чащу жандармского леса, — показалась она ему не страшной, не сложной; и, предварительно откашлявшись, новый шеф запел свою первую песню. Пел он про то, что подчиненные его должны осушать слезы граждан, но отнюдь не заставлять их литься. Пел про долг человеколюбия, про прелесть законности, про красоту нежных душ и чувствительных сердец.

Мы слушали его песню и поражались. Из такого места и такие мотивы раздаются. Сколько в них трогательной идилличности, сколько чувства и поэзии. Кто бы мог ожидать от птицы в голубых перьях настоящего соловьиного рокота?

Правда, не совсем новую мелодию исполнял В. Ф. Джунковский. Ее главные ноты были заимствованы из слов императора Николая I, обращенных к Бенкендорфу, но это лишь придавало пению лишнюю прелесть наивности добрых старых времен, идилличности, глубоко трогательной для нас, умудренных уроками жизни, правнуков тех, при коих песня была впервые сложена.

Новый шеф пел новую песню, а темные глубины жандармского леса слушали ее внимательно, вдумчиво. Когда же умолкли последние ноты, лес зашумел всеми своими ветвями — отозвался своим суровым голосом: «Слушаем, ваше превосходительство. Постараемся исполнить». Что запоет дальше В. Ф. Джунковский, трудно сказать. Во всяком случае, густой темный лес с нетерпением ждет его новых приказов, а мы, обыватели, пытаемся угадать, кто кого раньше переделает на свой лад: жандармы своего начальника или начальник — жандармов».

Одновременно с приемом дел и ознакомлением с личным составом, очень много времени у меня отняли официальные визиты. Кроме того, пришлось представиться всем особам императорского дома, причем у великих княгинь и старших великих князей испросить особого приема чрез заведовавших дворами их высочеств. Прошло несколько недель, пока я успел всем представиться. Все отнеслись ко мне с большой предупредительностью и любезностью, все, по-видимому, были искренно рады моему новому назначению; вместо особого официального приема от большинства великих княгинь я получил приглашения прямо к завтраку. Императрица Мария Федоровна приняла меня в Аничковом дворце, до слез тронула своей особой ласковой манерой, с которой она выразила свое удовольствие видеть меня на новом посту, посадила меня, говорила

о том, как она была рада, что Москва меня так оценила и так необыкновенно провожала, и, в заключение, благословила меня на трудный путь моей новой службы. Государыня же Александра Федоровна отклонила мою просьбу о приеме, сказав графу Бенкендорфу, что она меня и так увидит, когда я буду как-нибудь у Государя. Я отлично понял, что ее величество избегает меня, будучи настроена против меня кругами, близкими к Распутину, тем более, что в это время распространился слух, будто я ударил Распутина и вытолкал его вон, когда он пришел ко мне. Но это была неправда, Распутин никогда у меня и не был, и я с ним никогда не встречался.

Официальные визиты заняли также несколько дней — пришлось явиться прежде всего военному министру, начальникам Главного и Генерального штабов, затем сделать визиты всем министрам, председателям Государственного Совета и Думы, всем товарищам министра внутренних дел и директорам департаментов и бывшим командирам Корпуса жандармов — генералам Броку, Пантелееву, фон Валю, Фуллону, Дедюлину и князю Святополк-Мирскому, которые сохранили жандармский мундир.

На второй день моего приезда в Петербурге произошел пожар, уничтоживший собор Св. Троицы на Петербургской стороне. Собор этот был построен Петром I в 1703 г. в память взятия Ньеншанца и основания Петербурга. В 1746 г. он был перестроен императрицей Елизаветой Петровной, в 1750 г. сгорел и в 1756 г. восстановлен. Пожар произошел от неисправности дымовых труб. Благодаря энергичным действиям пожарных удалось вынести из храма некоторые старинные иконы, хоругви, исторические реликвии — небольшой образ Благовещения Пресвятой Богородицы, выбитый самим Петром I из белого мрамора, чудотворную греческую икону Божьей Матери, и знамя зеленой материи с изображением Богоматери, бывшее в Азовском походе с Петром I [4], и др. предметы. Собор этот привлекал своей простотой и стариной, весь деревянный, скромный, со старинными иконами он производил какое-то особенное впечатление на молящихся.

8 февраля я впервые посетил Департамент полиции. После молебствия в шефской церкви директором Департамента С. П. Белецким мне были представлены все чины Департамента, к которым я обратился с несколькими словами, сказав, что я человек новый и потому особенно рассчитываю на дружное содействие чинов Департамента в отправлении трудных обязанностей моих по управлению всей полицией империи, при этом я высказал мои взгляды на службу, основанием коей должны быть честность, неподкупность, правдивость и глубокое сознание своего долга. Затем я обошел прекрасное помещение, занимаемое различными делопроизводствами Департамента, знакомясь с распределением дел и занятий.

Состав Департамента полиции был следующий. Директор С. П. Белецкий — совершенно не соответствовал занимаемому им высоко-

Фасад дома штаба Корпуса жандармов.
С-Петербург. 1913-1915 гг.

му посту. Получил он столь ответственную должность по близорукости бывшего министра Макарова, который оценил его работоспособность, не вдаваясь в нравственную оценку его личности. Белецкий был действительно человек поразительной работоспособности, он мог работать круглые сутки, очень быстро разбирался в делах, умел ориентироваться и приспособляться к обстановке, а что он действительно делал превосходно, что выходило у него мастерски, так это втирание очков. Это у него было доведено до совершенства. Его можно было использовать как выдающегося работника, но на самостоятельную должность во главе учреждения его ставить никоим образом нельзя было. Самое большое место, какое он мог занимать, это было место вице-директора, и на этой должности он был бы на месте. После первых же докладов я как-то невольно почувствовал сильное недоверие к Белецкому, который два раза в неделю являлся ко мне с докладом, а один раз в неделю имел доклад у министра в моем присутствии. Доклады у него длились не менее 4 часов каждый раз. После них я чувствовал себя совершенно разбитым, никуда не годным, он пичкал меня разным вздором, переутомлял меня всякой мелочью, испрашивая моего согласия на разные пустяки, стараясь этим отвлечь меня от главного, существенного. Я потерял к нему всякое доверие очень быстро и потому постепенно суживал рамки его самостоятельности, мечтая об одном, как бы с ним скорее расстаться, но это было не так легко. Предстояли юбилейные торжества 300-летия дома Романовых, высочайшее путешествие по России. Отстранение в такое время главы Департамента от должности и замена его новым лицом, когда я сам не вошел еще в курс дела, было немыслимо. Пришлось терпеть; только через год мне удалось расстаться с Белецким и вздохнуть свободно.

Вице-директорами были К. Д. Кафафов и С. Е. Виссарионов, кроме них исполняли обязанности вице-директоров еще П. К. Лерхе и С. А. Пятницкий, все они были с высшим образованием. К. Д. Кафафов заведовал административной частью, ранее служил по судебному ведомству, он не особенно любил работать, но был человеком весьма порядочным, я ему вполне доверял.

С. Е. Виссарионов, бывший прокурор, заведовал политической частью в Департаменте, был правой рукой Белецкого, не имел никаких принципов, ничем не брезгал, был большим подхалимом, а с подчиненными надменен. Зная его отрицательные стороны уже давно, я решил с ним расстаться, а, главное, хотел разъединить его с Белецким. Мне удалось заручиться согласием начальника Главного управления по делам печати на перевод его в его управление, и таким образом я от него освободился. На его штатное место вице-директора переведен был П. К. Лерхе, тайный советник, заведовавший финансовой частью. Это был безукоризненно честный человек, правовед; своим благородством и порядочностью он

Чиновники Департамента полиции. (Слева направо) сидят: исправляющий обязанности вице-директора П. К. Лерхе, вице-директор С. Е. Виссарионов, директор С. П. Белецкий, В. Ф. Джунковский, вице-директор К. Д. Кафафов, исправляющий обязанности вице-директора С. А. Пятницкий. Стоят делопроизводители. 1913 г.

выделялся среди всех чинов Департамента, держался в стороне от всяких интриг и очень аккуратно и добросовестно работал.

С. А. Пятницкий заведовал хозяйственной частью, человек он был не глупый, но какой-то забитый, собственного мнения не имел и на должность выше начальника отделения его назначать отнюдь не следовало.

Вместо Виссарионова я пригласил исправляющим должность вице-директора по заведованию особым отделом Департамента товарища прокурора статского советника Васильева. Я его не знал, но мне рекомендовали его как благородного и честного человека, а кроме того, меня прельстило то, что он одно время служил уже в Департаменте по политической части, следовательно, был знаком с механизмом этого дела. Потом мне пришлось весьма раскаяться в этом назначении, сознать свою ошибку, слишком я поторопился. Васильев оказался ленивым и мало способным к своей должности и не был чужд отрицательных приемов охраны, хотя это был человек вполне порядочный.

Из остальных ответственных чинов Департамента полиции не могу не вспомнить с особенным уважением делопроизводителя В. И. Дидерихса — казначея. Это была светлая личность, пользовавшаяся всеобщим уважением, он был безупречным работником, благодаря ему я был совершенно спокоен за финансовую часть Департамента. Я всячески старался его поощрять, скромности при этом он был необычайной.

Действительный статский советник Н. А. Фрейганг и М. И. Блажчук были докладчиками в Особом совещании по политическим делам, оба были весьма дельные чиновники, прямого характера, безукоризненной нравственности.

Прозоровский М. М. был секретарем при С. П. Белецком и не далеко ушел от своего начальника, отличаясь хитростью, интригами, по наружному же виду казался корректным, воспитанным.

Статский советник Зыбин был специалистом по разбору шифров, человек он был достойный глубокого уважения, поразительной добросовестности и усидчивости при необычайной скромности. Не было шифра, которого бы он не разобрал, я его даже возил во время войны в Ставку Верховного командования по просьбе начальника Штаба для разбора неприятельских шифров, которых никто в Штабе не мог разобрать, он же, проработав два дня, разобрал все шифры.

Остальной состав чинов Департамента (около 600) по преимуществу вполне удовлетворял своему назначению, отрицательные типы составляли значительное меньшинство, было много отличных чиновников, с которыми можно было работать с успехом, многие из них были с высшим образованием.

Все дела Отдельного корпуса жандармов сосредоточены были в штабе Корпуса, начальник коего являлся моим ближайшим помощником по управлению Корпусом, раскинутым по всей необъятной

России. Начальником штаба в то время был Генерального Штаба генерал-лейтенант Д. К. Гершельман, женатый на моей родной сестре, что было, конечно, не особенно удобно, да и он сам это не мог не сознавать, поэтому я, естественно, должен был озаботиться, чтобы подготовить ему заместителя. Помощником начальника штаба был генерал-лейтенант Залесский, не пользовавшийся доверием, поэтому нельзя было и думать о том, чтобы он заместил Гершельмана. Выбор мой остановился на полковнике Генерального Штаба Никольском, о котором я писал в моих воспоминаниях за 1912 г., когда он командирован был в мое распоряжение во время Бородинских торжеств. Я переговорил с моим шурином, который согласился на замену своего помощника генерала Залесского Никольским, чтобы в будущем можно было подготовить его на должность начальника штаба. Гершельману эта мысль очень понравилась, и я принялся за хлопоты о Никольском, которые и увенчались успехом; военный министр согласился на его назначение с оставлением его в Генеральном Штабе. К июлю месяцу Залесский назначен был состоять при министре внутренних дел, а Никольский назначен помощником начальника штаба.

Помимо начальника штаба и его помощника в штабе числилось 4 старших адъютанта: генерал-майор Маас, полковники Тимофеев и Савицкий и подполковник Яворский, затем заведующий судной частью генерал Добряков, секретарь подполковник Банковский и смотритель дома и казначей подполковник Аждер и 23 писаря. Генерал Маас был хорошим и довольно исполнительным работником, но у него было отсутствие хороших принципов и, казалось, он мало чем интересовался, хотя прошел и Академию Генерального Штаба. Полковник Тимофеев был человеком не глупым и с хитрецой. Дело знал хорошо, но чересчур всегда бывал многословен, причем трудно было отделить правду от небылиц, почему и представлял собой не особо надежного офицера. Полковник Савицкий был человеком весьма образованным, умным, отлично знал судопроизводство, но производил неприятное впечатление, будучи очень высокого мнения о себе. Подполковник Яворский был хорошим честным человеком, но по службе несколько вялый. Генерал Добряков был сухим формалистом, далеким от жизни, считавшимся только с буквой закона. Подполковник Банковский был отличным во всех отношениях, старательным, толковым, правдивым офицером, на которого всегда можно было во всем положиться. Полковник Аждер был прекрасным аккуратным казначеем, глубоко порядочным и безупречной честности офицером.

Отдельный корпус жандармов, раскинутый по всей России, состоял из следующих частей: 74 губернских жандармских управления [5], ведавших политическую часть в губерниях, 29 жандармских полицейских управлений железных дорог [6], ведавших порядок на железных дорогах, и кроме того, для несения разных нарядов

и поддержания наружного порядка 3 строевых жандармских дивизиона: в Петербурге, Москве и Варшаве, Одесской конной команды и двух пеших команд Сахалинской и Камчатской. Численность Корпуса была 12 000, из них 1000 генералов, штаб- и обер-офицеров, остальные 11 000 — нижние чины.

В Техническо-строительном комитете председателем, с которым мне пришлось иметь дело, был тайный советник Новиков. Я его знал и раньше, относился к нему с предубеждением, от которого не мог отрешиться, и потому этот комитет был мне в тягость, а кроме того, я не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы по совести заведовать им. К моему удовольствию, по прошествии года Маклаков по моей просьбе передал заведование этим комитетом другому товарищу министра, в мое же ведение отошло Главное управление почт и телеграфов [7], что мне было гораздо более по душе.

Директором Института гражданских инженеров был профессор Косяков, человек в высшей степени приятный; он был приличным директором, никогда никаких недоразумений у меня с институтом не было, он никогда не беспокоил меня мелочами, и все исходившее от него проникнуто было благоразумием и деловитостью. Я сохраняю о нем и об Институте до сих пор самое отрадное воспоминание.

Вот и весь состав, с которым мне пришлось иметь дело. Остается еще сказать несколько слов о составе личной моей канцелярии и состоявших при мне лицах. Канцелярия [8] моя находилась в ведении секретаря Л. А. Сенько-Поповского. Это был уникум в полном смысле этого слова. Такого добросовестного человека я никогда больше не встречал. Это был очень способный, образованный человек, преданный мне всей душой, правдивый, не боявшийся говорить мне правду в лицо, оберегавший меня с особой заботой, труженик каких мало и забывавший совершенно самого себя, ушедший весь в службу и в интересы, меня окружавшие. Он приходил ко мне в 8 1/2 часов утра и оставался до 6-ти, затем приходил в 9 часов вечера и уходил в 11, иногда позже, и за редкими исключениями, одинаково в воскресные и в праздничные дни. Когда я сейчас вспоминаю о нем, мне хочется писать о нем без конца, такой нескончаемой благодарностью преисполнена к нему моя душа. В помощь у него было три писца из Департамента полиции — все трое выдающиеся по работоспособности и порядочности.

По званию командира Корпуса секретарем у меня был подполковник Пискунов, тоже выдающийся офицер, способный, безупречной честности. Когда вступил в должность начальник штаба полковник Никольский, Пискунов был назначен старшим адъютантом штаба и сделался правой рукой Никольского.

Личный мой адъютант ротмистр Канабеев ничего собой не представлял и мало соответствовал своему назначению. Вскоре он был заменен капитаном Штером, который в качестве адъютанта,

В. Ф. Джунковский (в центре) в группе чиновников канцелярии товарища министра внутренних дел.
Слева направо: князь В. Шаховской, князь Урусов, В. Ф. Джунковский, Л. А. Сенько-Поповский, К. Гюнтер. 1913-1915 гг.

главным образом по представительной и распорядительной части в путешествиях, вполне меня удовлетворял. По уходе Пискунова секретарем был назначен князь Шаховской, бывший адъютант великого князя Константина Константиновича. Это был плохой службист, но человек глубоко порядочный, симпатичный, очень приятный собеседник.

Время мое было распределено следующим образом: вставал я всегда в 7 часов утра и в 8 часов принимался за занятия, в 9 часов у меня начинался прием и продолжался до 11, когда являлся с докладом начальник штаба; в час дня я завтракал, а с 2 часов начинались доклады: директора Департамента полиции два раза в неделю, председателя Техническо-строительного комитета и директора Института гражданских инженеров один раз в неделю и Особое совещание по политическим делам, под моим председательством, один раз в неделю; в 7 1/2 часов я обедал, а с 9-ти садился заниматься. Вечером разбор поступивших бумаг, подписывание их и т. д. брало у меня не менее 3-4 часов. Если приходилось ехать в театр, то обед бывал в 7 часов, а вечерние занятия откладывались до возвращения из театра. По службе приходилось ездить в театр каждый раз, когда в театр приезжал Государь, императрицы или наследник, мне тогда сообщали по телефону, и я тотчас отправлялся в театр и занимал свое служебное кресло — первого ряда, оставаясь до отъезда их величеств из театра. К министру я ездил в определенные дни два раза в неделю: один раз, чтобы присутствовать при докладе директора Департамента полиции и один раз с личным докладом по Корпусу жандармов. Директор Департамента полиции докладывал министру те дела, которые, по просмотре мною, требовали еще принципиального его согласия или которые директор вносил в доклад министру по моему распоряжению.

Помимо обычных занятий приходилось по временам присутствовать на разных совещаниях, ездить в общее собрание Думы, когда там обсуждались вопросы, касающиеся подведомственных мне учреждений, а также и принимать участие в думской бюджетной комиссии и других. Это отнимало очень много времени, особенно занятия в бюджетной комиссии, и выбивало меня из колеи.

В течение всего дня ко мне приходили депеши с разных концов России, и шифрованные и нешифрованные, о всевозможных происшествиях, которыми все губернаторы делились со мной, вернее доносили министру, и это все шло ко мне. Хороших вещей, конечно, не сообщали, таким образом, ложась спать, у меня голова бывала всегда наполнена всякими неприятностями, а при необъятности матушки России их конечно, бывало не мало.

8 февраля, на четвертый день моего приезда, у министра внутренних дел открылось совещание для рассмотрения проекта реформы полиции, взятого обратно из Государственной Думы. В совеща-

нии приняли участие приглашенные с мест пятнадцать губернаторов. О проекте этом я уже касался в своих воспоминаниях 1912 г., когда говорил о заседаниях в Совете по делам местного хозяйства, на которых обсуждался этот законопроект. Теперь останавливаюсь на нем подробнее.

Россия ждала реформы полиции ни более ни менее как 50 лет. В 1863 г. издано было Временное положение о полиции [9] и оно просуществовало полвека. Когда в 1861 г. последовало освобождение крестьян от крепостной зависимости, то, казалось бы, одновременно следовало бы подготовить и реформу полиции, а между тем она оставалась с екатерининских времен, только с некоторыми изменениями. Про необходимость реформы полиции вспомнили уже после освобождения крестьян, и спустя два года вышло временное положение, о котором я упомянул выше.

Покойный Столыпин, сознавая важность реформы, приказал Департаменту полиции разработать проект, который и был представлен на рассмотрение Совета по делам местного хозяйства, в котором и я принимал участие. Все губернаторы, и я в том числе, протестовали против основного пункта реформы, что заведование полицией в губернии передавалось начальнику губернского жандармского управления, который получал звание помощника губернатора по полицейской части, таким образом, губернатор уже не являлся распорядителем полиции, а между тем вся ответственность за порядок оставалась на нем. С первого взгляда казалось как будто и хорошо. Губернатор освобождался от мелочной полицейской работы и мог отдать больше времени на более серьезные дела по губернии. А так как начальник губернского жандармского управления делался помощником губернатора, казалось, что это вечно существовавшее трение между губернатором и обособленным жандармским управлением само собой парализовалось — губернатор как бы являлся полным хозяином губернии.

Под таким соусом реформа и была преподнесена Совету по делам местного хозяйства. Но губернаторы, конечно, поняли всю подкладку — с одной стороны их возвеличивали, с другой же они попадали в полную кабалу Департамента полиции и вот почему. Начальник губернского жандармского управления переименовывался в помощника губернатора, являясь, таким образом, как бы всецело подчиненным губернатору, а между тем по делам розыска он оставался подчиненным директору Департамента полиции а по строевой части — командиру Отдельного корпуса жандармов, и только по делам наружной полиции он являлся всецело подчиненным губернатору. Ничего нового, таким образом, реформа не вносила, а только ухудшала положение, так как передавала заведование полицией начальнику губернского жандармского управления, правда, получавшего звание помощника губернатора. Губернаторы протестовали и находили, что это не реформа, и что такого помощника

им не надо, что это только усложнит работу губернатора. Они отлично понимали, что имперский розыск, во всем своем масштабе, конечно, должен иметь во главе Департамент полиции, и что поэтому этот последний и должен иметь своих представителей на местах, но это должны были быть тогда отдельные органы, не прикрытые званием «помощника губернатора». Протест губернаторов не был принят, и проект о реформе полиции с этой статьей о жандармском штаб-офицере — помощнике губернатора и был направлен в Думу. Маклаков, участвовавший в Совете по делам местного хозяйства и вместе с другими протестовавший против этой статьи, вступив в управление Министерством внутренних дел, потребовал возвращения проекта из Думы для нового его пересмотра.

8 февраля и состоялось первое заседание по пересмотру реформы. Открывая совещание, министр внутренних дел Маклаков обратился к членам совещания с речью, в которой отметил обширные и разносторонние труды комиссии при его предшественнике Макарове, закончившиеся разработкой сложного проекта реформы полиции. Маклаков заявил, что хотя законопроект и одобрен Советом Министров и был уже направлен в Думу, но он вернул его оттуда, так как не согласен с некоторыми положениями, а именно с учреждением должности помощника губернатора по полицейской части в лице начальника губернского жандармского управления. По его мнению, это являлось умалением власти губернатора как представителя верховной власти губернии, который должен обладать всей полнотой власти и непосредственно руководить действиями полиции, а удалять эту последнюю от губернатора, по его мнению, является неприемлемым. Затем Маклаков передал председательствование мне, и в следующие дни занятия продолжались уже под моим руководством.

Пересмотр всего проекта занял шесть дней. Губернаторы отнеслись с большим вниманием ко всем вопросам по реформе полиции, принимая очень близко к сердцу всевозможные детали. Должность помощника губернатора по полицейской части в лице начальника губернского жандармского управления была единогласно отклонена, заведование полицией осталось непосредственно в руках губернатора. Много времени было уделено рассмотрению положения о полицейском надзоре, причем было внесено много ценных поправок по упорядочению этого дела и сокращению произвола.

14 февраля совещание окончило свои занятия, и проект реформы полиции, совершенно обновленный в смысле жизненно-практическом, мог быть направлен на утверждение Совета Министров и далее в Государственную Думу. Я был очень рад, что проект был переработан под моим руководством, так как мне же предстояло его защищать в Государственной Думе.

13 февраля скончался с.-петербургский городской голова И. И. Глазунов — общественный деятель, человек безукоризненной чест-

ности и редкой доброжелательности. Его дед был известным основателем крупной книжной торговли. 15-го его хоронили в Троице-Сергиевой пустыни после торжественного отпевания в Казанском соборе.

15 февраля впервые мне пришлось официально присутствовать на заседании в Государственной Думе при рассмотрении спешности запроса, внесенного по заявлению 73 членов Думы, об обращении к Председателю Совета Министров и министру внутренних дел с запросом по поводу произведенного жандармскими и полицейскими чинами обыска в квартире члена Государственной Думы Петровского. Не без волнения я ехал в Думу, где занимаемая мною должность по заведованию полицией и Корпусом жандармов вообще была не в особенном почете, и потому я мог ожидать неблагоприятного приема, а тем более в такой день, когда на рассмотрение Думы был представлен запрос о неправильных действиях подведомственных мне чинов относительно члена Думы. Для министров и их товарищей в Думе имелась отдельная ложа справа от председательского места. Ложа была очень просторная, сидеть было очень удобно, все было отлично слышно, так что легко было следить за речами, тут же была бумага, карандаши, так что можно было делать и свои заметки.

Въезд в Думу для министров и их товарищей был особый, с Таврической улицы, через сад к особому министерскому павильону. Павильон этот представлял собой довольно просторное помещение, состоявшее из нескольких комнат: небольшой зал с большим столом посередине и довольно обширной библиотекой, кабинет Председателя Совета Министров, приемная и две комнаты, в которых помещалась канцелярия чиновника особых поручений при Председателе Совета Министров, который заведовал павильоном. На его обязанности было быть в полном контакте с канцелярией Государственной Думы и доводить до сведения всех министров о назначаемых заседаниях Думы и о предметах занятия в думских комиссиях, рассылка стенограммы и т. д. Таким чиновником особых поручений в то время был И. К. Куманин, человек весьма корректный, работящий, предупредительный, с ним всегда было очень приятно иметь дело; благодаря ему я всегда был в курсе всех думских дел. Что же касается настроения в думских кулуарах, во фракциях и комиссиях, то таковое мне было всегда известно из секретных донесений на мое имя помощника полицеймейстера Таврического дворца подполковника Бертгольца, человека весьма порядочного, корректного и не увлекавшегося сплетнями, поэтому его донесения никогда не вызывали никаких недоразумений.

Приехав в Думу, я был встречен при входе в павильон Куманиным, который меня ознакомил со всеми распоряжениями и провел меня в ложу министров. Павильон соединялся с помещением Думы крутым остекленным коридором, который выходил в большой зал —

один из кулуаров, из которого дверь непосредственно вела в министерскую ложу. Когда я вошел в ложу, заседание уже шло. Невольно все взоры обратились в мою сторону, я чувствовал, как меня разглядывали, и потому мне стало как-то неловко, тем более, что я был один в обширной ложе. Потом выяснилось, как мне передавали, что действительно взоры всех обратились на меня, так как мое появление в жандармском мундире произвело сенсацию. До этого Дума в своих стенах не видала жандармского мундира, так как мои предшественники, когда ездили в Думу, всегда одевали другой мундир, «дабы не дразнить Думу», как они выражались. Курлов, который не имел другого мундира, кроме жандармского, испросил специальное высочайшее соизволение на ношение общегенеральской формы, в каковой он и ездил в Думу. В результате мое появление в жандармском мундире произвело в Думе не отрицательное, а благоприятное впечатление, члены Думы, даже крайних фракций, отнеслись с уважением к моей смелости и в кулуарах много говорили по этому поводу, причем все разговоры склонялись в мою пользу. Я никак не думал, что таким своим поступком вызову сочувствие.

Запрос, рассматривавшийся в думском заседании, был изложен следующим образом: «В ночь с 9 на 10 февраля на квартиру члена Государственной Думы Григория Ивановича Петровского вошел отряд полиции во главе с ротмистром жандармского Корпуса. Для того, чтобы проникнуть в квартиру, полиция прибегла к обману хозяина квартиры: когда на раздавшийся во входную дверь стук член Государственной Думы Петровский спросил: «Кто там?» — в ответ было сказано: «Телеграмма». Член Думы Петровский отворил дверь, и через нее сейчас же вошло около 10—12 полицейских и жандармских офицеров. На вопрос члена Думы Петровского, что им нужно, жандармский офицер ответил, что они на основании ордера охранного отделения должны произвести осмотр квартиры для установления того, нет ли кого в квартире непрописанного. Петровский заявил, что вторжение в его квартиру против его воли является нарушением депутатской неприкосновенности и что он считает необходимым сейчас же выйти из квартиры, дабы по телефону довести об этом до сведения министра внутренних дел в целях прекращения этого нарушения закона. На это жандармский офицер заявил, что он не может допустить выхода Г. И. Петровского из квартиры, и немедленно запер дверь на ключ. Член Думы Петровский, несмотря на его протесты, не был выпущен во все время, около 1 1/2 часов, пока полиция осматривала квартиру.

По осмотре квартиры полиция задержала находящегося там знакомого депутата Петровского — Якова Михайловича Свердлова (впоследствии первого Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) и госпожу Новгородцеву с ребенком, в тот день пришедших к Петровскому и оставшихся у него переночевать, причем об этом не было заявлено в участок.

Таким образом, представляется несомненным, что в прямое нарушение 15-й статьи Учреждения Государственной Думы член Государственной Думы Г. И. Петровский был временно лишен свободы и была нарушена, вопреки той же статьи, неприкосновенность его квартиры без постановления судебной власти.

Ввиду сказанного и на основании 33 статьи Учреждения Государственной Думы нижеподписавшиеся члены Государственной Думы предлагают Государственной Думе обратиться к Председателю Совета Министров и министру внутренних дел с нижеследующим запросом: 1. Известно ли им о вышеизложенном лишении свободы члена Государственной Думы Г. Петровского, учиненном чинами С.-Петербургского отделения по охранению государственной безопасности и порядка при с.-петербургском градоначальнике; 2. Какие меры намерено правительство принять для привлечения лиц, виновных в этом нарушении, к законной ответственности. Настоящий запрос просим признать спешным. Петровский, Чхенкели. (Поддержано 73 членами Государственной Думы.)»

Этот запрос возбудил в Думе весьма страстные прения. После речей социал-демократов Хаустова и Чхенкели Дума приняла спешность запроса, что означало рассмотрение запроса непосредственно в Думе, без передачи его в комиссию по запросам. С речами по существу выступили крайние правые Замысловский, Пуришкевич и Марков 2-й, кадеты Александров, Герасимов, октябрист Люц, социал-демократы Петровский, Чхенкели и Шагов. Правые и социал-демократы зарвались, и началась форменная перебранка, недостойная Думы. Чхенкели заявил, что «спасение России в одной революции, что это лозунг пролетариата». Пуришкевич делал неприличные выкрики, обращаясь к говорившим левым депутатам на ты: «Тебя бы арестовать и высечь», «по морде видать», «Керенский, пошел вон» и т. д. Чхеидзе кричал по адресу Пуришкевича: «Уберите этого мерзавца и негодяя». В конце концов Чхеидзе и Пуришкевич исключены были на одно заседание каждый. Пуришкевич протестовал, обвиняя Председателя в травле правых и выражая претензию за нанесенное ему оскорбление, что его исключают вместе с Чхеидзе.

Это первое заседание, на котором я присутствовал, произвело на меня очень тяжелое впечатление. Запрос был принят, хотя все это дело по существу не стоило и выеденного яйца, в запросе краски были сильно сгущены. Дело было несложно — полиция получила сведения, что у депутата Петровского постоянно ночуют неизвестные лица без прописки. Факт этот подтвердился, и Петровский и Шагов, как квартиранты, были оштрафованы по 300 руб. каждый на основании обязательного постановления градоначальника о прописке. В Думе же на обсуждение этого дела ушел целый день. В результате реального из запроса ничего не вышло, министр в течение месячного срока, предлагавшегося для ответа, дал соответствующие объяснения, которые и были приняты к сведению.

17 февраля в Царском Селе Председатель Думы М. В. Родзянко, принятый Государем в особой аудиенции, сделал его величеству подробный доклад о работах Государственной Думы. Подробности, сопровождавшие эту аудиенцию, были сообщены им в следующем заседании бюро фракции «Союза 17 октября». Стенографически записанные, они были представлены мне в следующем виде.

«Когда Государь бегло ознакомился с представленным его величеству моим всеподданнейшим докладом о ходе работ в Государственной Думе, то, между прочим, обратил внимание на находившийся в числе предложений список думских комиссий и их председателей. Государь заметил: «Это новость, прежде вы мне таких списков не привозили». Я доложил, что мне казалось, что его величеству небезразлично, кто и над чем работает в Государственной Думе. Государь весьма живо ответил: «Конечно, я вам очень благодарен. Оставьте этот список мне. Я очень ценил труды Государственной Думы 3-го созыва и ее комиссий, труды комиссии по государственной обороне доставляли мне особенное удовольствие».

Тогда я заявил, что я, ни на кого не жалуясь и никого не обвиняя, считаю долгом своей совести доложить, что между настроением, царившим среди членов III Думы, и настроением, господствующим в IV Думе, существует огромная разница. Члены IV Думы, без различия политических фракций, пребывают в весьма угнетенном состоянии. Государь заинтересовался причинами такой перемены. Я доложил тогда о тех причинах, которые, по моему мнению, тормозят благотворную работу Государственной Думы. Государь, выслушав эти соображения, указал, что невнесение правительством обещанных законопроектов обусловлено не намерением лишить Думу возможности работать, а сложностью проектируемых мероприятий, требующих времени для их разработки. По поводу этого высочайшего указания я доложил, что проектируемые мероприятия не являются, собственно говоря, новыми, необходимость их назрела уже давным-давно. Они многократно разрабатывались и перерабатывались в ведомственных канцеляриях. За каждым из этих мероприятий лежит целая история. Однако лучшее — враг хорошего. Населению не надо лучшего, но оно до того заждалось хорошего, что окончательно потеряло веру в возможности получить когда-либо те реформы, которые на местах не только не сложны, но совершенно ясны, понятны и просты для каждого среднего обывателя. Поэтому обыватель не может поверить, что правительство никак не может сообразить тех простых реформ, которые понятны каждому простому гражданину. Вследствие этого население убеждено, что правительство просто не хочет дать тех реформ, которых страна заждалась. С открытием деятельности III Государственной Думы это недовольство в массах населения несколько улеглось. Правда, тогдашнее правительство встретило Государственную Думу во всеоружии. Правительство внесло громадное количество сложных и важ-

ных реформ. Правительство не искало тогда годами наилучшего решения очередных проблем. Оно просто вносило хорошие законопроекты. Народное представительство прикладывало к ним все свои местные знания, свою добросовестность, одухотворяло их народными чаяниями и в результате получались такие составляющие лучшие украшения императорской короны законы, как, например, раскрепощающие наше крестьянство и завершающие великий акт освобождения царем-мучеником крестьян от крепостной зависимости, законы, как, например, законы о выходе из общины, за которые миллионы русских крестьян денно и нощно славословят царя-батюшку и молят Господа о здравии сей царственной семьи. Государь на это заметил: «Я очень ценил деятельность III Думы».

Я продолжал: «Совершенно иначе смотрит правительство теперь. Еще весною одобрен законодательными палатами и утвержден высочайшею властью закон о местном суде. Страна ждет его с нетерпением, а правительство до сих пор не может разработать проекта о введении этого важного закона в действие». Государь спросил: «Неужели вы не получили еще этого законопроекта?» Я продолжал: «Правительство не только не считается с желаниями народного представительства, но и игнорирует его требования, основанные на законе и желании выполнить высочайшую волю. Когда Морскому министерству были ассигнованы средства на судостроение, Государственной Думе обещано было внести законопроект о сооружении военного порта в Ревеле. Законопроект этот до сих пор не внесен». Государь раздраженно перебил: «Этого не может быть». Я продолжал: «Ваше величество, благоволите просмотреть представленный список поступивших в Государственную Думу законопроектов и ваше величество изволите лично в этом убедиться». Государь вновь заметил: «Это невозможно».

Я продолжал: «Такие явления производят в Государственной Думе глубоко нежелательное впечатление. Государственная Дума, зная высочайшую волю, ассигновала деньги лишь в надежде на то, что высочайшая воля одинаково священна для всех верноподданных его величества и что, таким образом, на этот раз все обещания Морского министерства будут соблюдены. К сожалению, эти надежды не оправдались, и Государственная Дума поставлена будет в необходимость в следующий раз отказывать в кредитах, пока ведомство не перейдет с почвы обещаний на почву дела. К искреннему и глубокому огорчению всех верноподданных членов Государственной Думы, и военно-сухопутное ведомство с каждым новым днем становится все нетерпимее к работам Государственной Думы. Даже Комиссия государственной обороны, которая по составу своему могла бы рассчитывать на доверие со стороны военного ведомства, лишена возможности понять истинное положение дела. От нее скрывают не то, что секретно, а то, что боится гласности. Например, на форту Инно до сих пор нет пушек». — «Это неправда», — сказал

Государь. «И Комиссия по военным и морским делам думала, что это неправда, но после очень долгих вопросов удалось выяснить, что пушки есть, но не в форту Инно, а в арсенале, так как пушки готовы, а лафеты к ним не готовы, и форт до сих пор все-таки вооружен старыми пушками». Государь примирительно заметил: «Я еще ничего не знаю о трудах Комиссии по военным и морским делам, но труды Комиссии государственной обороны всегда ценил».

Я продолжал: «В этом пренебрежении представителей правительства к запросам народных представителей кроется причина общего недовольства в стране, недовольства, которое ищет выхода и если его не найдет, со стихийною силою вновь разразится пагубными эксцессами. Может быть, правительство и знает лучше народного представительства искусство государственного управления, но пусть же оно заставит проникнуться этим знанием и страну. Одним пренебрежением к народным нуждам нельзя заставить пойти за собою. Это чувство всеобщего недовольства тем опаснее, чем оно сознательнее. Между тем не далеко как на последних выборах все активно живущее политической жизнью население империи на личном опыте убеждалось в полной неумелости и нецелесообразности действий правительства». Государь прервал меня замечанием: «Но ведь вмешательство правительства в выборы производится везде, даже в республиканских странах!» Я продолжал: «Это, ваше величество, бесспорно, но для того, чтобы вмешательство это не вызывало нареканий, необходимо, чтобы вмешательство правительства было разумно, целесообразно и морально чисто. К сожалению, этих трех основных условий не было в правительственной кампании». В виде примера я изложил Государю ход избирательной кампании по Екатеринославской губернии и доложил всеподданнейшее ходатайство об облегчении положения священника Дмитриева.

Когда его величество принял мое ходатайство о судьбе названного священника, то я испросил разрешения доложить его величеству случай, в котором я сам, по должности Председателя Государственной Думы, оказался потерпевшим от тех приемов, которые пускают в ход некоторые из современных представителей власти. «Несколько времени тому назад, — доложил я, — я получил из г. Царицына письмо, под которым было свыше 1200 подписей. Относительно лиц, подписавших это письмо, первыми были приложены самые подробные сведения. Таким образом, письмо это ни в каком случае нельзя было считать анонимным. В письме этом содержалась просьба жителей Царицына помешать дружбе обер-прокурора Св. Синода с Григорием Распутиным, так как, по свидетельству авторов письма, Григорий Распутин, человек вовсе не благочестивого образа жизни, а большой распутник, причинивший много горя и бед и который, по мнению авторов письма, продолжает свою злую деятельность, пользуясь своей дружбой с обер-прокурором. С формальной стороны, зная, что никакие петиции со стороны

населения, обращенные к Государственной Думе, а следовательно и к ее Председателю, недопустимы, я в то же время сознавал, что недовольство в таком городе, как Царицын, со стороны 1200 жителей — явление, с которым надо считаться, и никому ничего не говоря о полученной мною петиции, отправил копию с нее при особом письме обер-прокурору Св. Синода, рассчитывая, что обер-прокурор изыщет самостоятельный путь к тому, чтобы парализовать недовольство царицынского населения. К моему удивлению, через несколько дней я получил от обер-прокурора очень резкое и раздраженное письмо, в котором обер-прокурор Саблер сообщал мне, что в дружбе с Распутиным он не состоит, знакомства с ним не ведет и в Петербург его не вызывал. Письмо это меня очень удивило, так как никаких посягательств на личную жизнь обер-прокурора Саблера я не предъявлял. Прошло некоторое время. Ко мне по телефону позвонил управляющий Министерством внутренних дел и спросил, когда он может видеть меня по важному делу, так как вопрос, о котором идет речь, совершенно исключительный. После этого Н. А. Маклаков приехал ко мне и сказал: «Я к вам по высочайшему повелению. До сведения его величества дошло, что левые партии в Государственной Думе вновь поднимают вопрос о Распутине. Его величество приказал мне поручить вам ликвидировать это дело. Непременное желание его величества заключается в том, чтобы вопрос о Распутине ни в какой форме в Государственной Думе больше не поднимался». Позвольте же, Государь, доложить вам лично то, что я сказал тогда управляющему Министерством внутренних дел. Вопрос о Распутине в Государственной Думе ликвидирован давно и окончательно; с тех пор вопрос этот ни в одной думской группе, считая в том числе левые партии, не поднимался и, я даю слово, не поднимется. Люди, позволяющие себе докладывать вашему величеству что-либо противоположное, сознательно и нагло лгут». Государь встал и молча пожал мне руку. Затем я, все еще взволнованный, напомнил, что вопрос о методе действия обер-прокурора Саблера при проведении избирательной кампании вызвал всеобщее осуждение, и даже член Думы Маклаков сказал крылатое слово, что он «стадо Христово обратил в избирательное стадо». Государь улыбнулся и сказал, что он в этом случае солидарен с членом Думы Маклаковым.

Я доложил, что несмотря на все нежелание народного представительства отменять уже состоявшиеся выборы, представленное в Государственную Думу производство губернских избирательных собраний внушает, ввиду неумелых приемов правительства, большие сомнения в правильном производстве выборов на предыдущих ступенях. Между тем, в отличие от установившейся практики, правительство отказывает в выдаче подлинных выборных производств, и, таким образом, Государственная Дума не может закончить до сих пор даже своих работ по проверке полномочий. Не касаясь толкова-

ний закона, неужели можно допустить, что правительство прошлого состава грубо нарушало закон. Этого, конечно, не было, и гораздо скорее можно допустить, что нынешнее правительство чересчур формально понимает букву закона и делает это с нарочитою целью умалить права народного представительства и выдержать свой пренебрежительный тон.

Государь на это спросил: «Но вы, кажется, недовольны и Государственным Советом? У вас даже была личная стычка с одним из членов Совета. С кем это?» Я ответил: «С членом Государственного Совета Кобылинским». Государь вновь спросил: «Какой это Кобылинский?» Я ответил: «Сенатор». Государь пренебрежительно улыбнулся и промолвил: «Ах, этот!» Видя выражение лица Государя, я поспешил доложить, что при таких условиях единственным положительным актом со стороны Государственной Думы явилось принятие законодательных пожеланий, разработанных особой комиссией для ознаменования великого юбилея царствования дома Романовых. Государь весьма сочувственно выслушал подробный доклад по этому вопросу, интересуясь отдельными деталями, и в конце концов спросил: «Вот вы приняли эти пожелания, а что будет дальше?» Я ответил: «Народное представительство высказало народные пожелания. Обязанность разработать законопроект лежит на правительстве. К сожалению, и на этот раз при обсуждении пожеланий Государственной Думы правительство отсутствовало. Государственная Дума не знает намерений правительства. Она и в этом великом деле, слепо покоряясь закону, вынуждена ждать 30 дней, пока правительство скажет свой ответ: хочет оно взять на себя разработку законопроекта или нет? Конечно, если правительство не пожелает взять этого труда на себя, законопроекты разработает Дума в своих комиссиях». Государь встал, еще раз выразил свою благодарность за сделанные мной сообщения и, прощаясь, крепко пожал мне руку».

19 февраля Государь император со своей семьей из Царского Села переехал на жительство в С.-Петербург в Зимний дворец по случаю предстоявшего празднования 300-летия дома Романовых.

В этот же день на площади против Михайловского манежа состоялась закладка памятника фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу старшему. Это было первое торжество, происходившее в высочайшем присутствии в Петербурге, в котором я принимал официальное участие по моей новой должности. Никаких распоряжений я не делал и не позволил себе никакого вмешательства в дела организации порядка и охраны, предоставив все градоначальнику, и только присматривался и знакомился со всей организацией, принятой в Петербурге. Мне было очень отрадно присутствовать при закладке памятника этому великому князю, с воспоминаниями о котором у меня связано было все мое детство, когда мой отец служил под непосредственным начальством этого

обаятельного, редкого по благородству великого князя. Сооружением памятника ведала особая комиссия под председательством генерала Д. А. Скалона, бывшего долгое время адъютантом покойного великого князя, а затем заместившего моего отца в должности начальника канцелярии генерал-инспектора кавалерии в 1878 г., когда мой отец по болезни должен был оставить эту должность и был назначен состоять при особе великого князя.

Государь присутствовал на закладке в мундире Лейб-гвардии Уланского полка, шефом коего состоял покойный великий князь. Дежурство при Государе во время закладки состояло из лиц, имевших отношение к покойному фельдмаршалу: генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич, сын фельдмаршала, Свиты генерал князь Ферзен, бывший ординарец, и флигель-адъютант Арсеньев как офицер Уланского полка.

21 февраля минуло 300 лет со дня воцарения дома Романовых. За эти триста лет Россия совершила работу тысячелетий, развернулась на две части света и из безвестной Московии обратилась в необозримую и всевластную великую державу Российской империи. Романовы, особенно с воцарением Петра, двинули Россию богатырским шагом вперед и путем обогащения и завоеваний привели к мировому господству и всеобладанию, создав великую и цельную Россию.

К юбилею готовились уже несколько лет, был организован особый комитет по устройству празднования 300-летия со дня воцарения дома Романовых. Председателем этого комитета назначен был А. Г. Булыгин. Комитетом этим был намечен порядок празднования юбилея не только в столицах, но и во всех городах и местечках Российской империи, не исключая и сел. По всей России, одновременно с работой комитета, собирались местные комитеты под председательством губернаторов с представителями общественных и сословных учреждений для обсуждения способов ознаменования юбилея на местах. Таким образом, вся Россия последние два года жила мыслью о предстоящем празднике; всеобщей подпиской собирались необходимые суммы, каковые ассигновывались также и значительным большинством земств, городов, сословных и общественных учреждений. На суммы от всероссийского сбора пожертвований были намечены: храм-памятник в С.-Петербурге на Полтавской улице, памятник 300-летия царствования дома Романовых в Костроме и ряд сельскохозяйственных выставок; на суммы, ассигнуемые городами, земствами и различными сословными установлениями, учреждались стипендии в учебных заведениях, основывались детские приюты, народные дома, больницы, школы, убежища и другие благотворительные и просветительные учреждения. Празднование приурочено было к 21 февраля, каковой день был объявлен неприсутственным для всей России, а для отдельных местностей, которые ожидали во второй половине мая высочайшего посещения, объявле-

ны были неприсутственными также и дни посещения их величествами.

21 февраля ознаменовано было в империи повсеместными богослужениями в церквах с произнесением проповедей и с устройством крестных ходов — в городах из всех церквей в соборный храм, а в селах — на площади и, где возможно, с церковными парадами войск. В учебных заведениях разных ведомств и в общественных учреждениях были устроены торжественные акты, раздавались популярные издания «История России под скипетром Романовых» [10] и т. д. [...]

В С.-Петербурге юбилейные празднества продолжались четыре дня согласно следующей высочайше утвержденной программе празднования 300-летия царствования дома Романовых:

Среда, 20 февраля

20 февраля в 3 часа дня накануне дня празднования 300-летия царствования дома Романовых в Петропавловском соборе совершена будет в высочайшем присутствии панихида с поминовением на ней в Бозе почивающих родителей первого царя из дома Романовых — блаженного патриарха Филарета и инокини Марфы; благочестивейших Государей царей: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича, благочестивейших Государей императоров и императриц: Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III и всех от рода царей и великих князей российских из дома Романовых, преставившихся.

Четверг, 21 февраля

В 11 часов утра — торжественная Божественная литургия и благодарственное молебствие в Казанском соборе. К началу божественной литургии в Казанский собор прибывают крестные ходы из приходских церквей, а августейшие особы императорской фамилии к благодарственному молебствию. Их императорские величества Государь император, Государыня императрица Мария Федоровна и Государыня императрица Александра Федоровна, наследник цесаревич и великий князь Алексей Николаевич и великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна из внутренних покоев Зимнего дворца через собственный его величества подъезд (Салтыковский) проследуют в Казанский собор в экипажах. Впереди и за экипажами их величеств и их высочеств по сотне собственного его величества Конвоя. По пути следования высочайшего поезда от Зимнего дворца до Казанского собора будут расставлены военно-учебные заведения и войска. По окончании божественной службы их императорские величества и их императорские высочества изволят возвратиться в Зимний дворец в том же порядке.

В 4 часа дня в Концертном зале Зимнего дворца — принесение их императорским величествам поздравлений представителями высших государственных учреждений, придворными чинами и кавалерами, особами Свиты его императорского величества и их императорских высочеств, находящимися в столице генералами и адмиралами и начальниками отдельных частей войск, расположенных в С.-Петербурге и окрестностях, а также военными депутациями.

Пятница, 22 февраля

В 11 часов утра в Концертном зале Зимнего дворца принесение их императорским величествам поздравлений представителями дворянства, земства и городов, а также депутациями от учреждений и обществ.

В 5 часов дня — прием их императорскими величествами чужестранных послов, посланников и поверенных в делах с их супругами и прочих лиц и дам дипломатического корпуса.

Вечером — парадный спектакль в Мариинском театре.

Суббота, 23 февраля

В 12 1/2 часов дня в Концертном зале Зимнего дворца — принесение их императорским величествам Государыням императрицам поздравлений придворными и городскими дамами.

В 12 1/2 часов дня в Зимнем дворце прием его императорским величеством волостных старшин и прочих представителей сельского населения, после чего обед для них.

Вечером — бал в Дворянском собрании.

Воскресенье, 24 февраля

В 7 часов вечера — парадный обед в Зимнем дворце.

Я очень волновался за благополучный исход этих празднеств, так как еще не успел как следует познакомиться с приемами охраны, практиковавшимися в С.-Петербурге, а вмешиваться в распоряжения градоначальника или проверять их я, как новый человек, не считал себя вправе, поэтому я никаких запросов градоначальнику Драчевскому не делал и удовольствовался его приказами и нарядами войск и полиции, которые были мне представлены его помощником генералом Вендрихом при особом письме. Ознакомившись со всеми распоряжениями градоначальника, я был изумлен огромным количеством нарядов полиции, а еще более войск, отряды коих в помощь полиции были раскинуты по всему городу, помимо тех дежурных рот и эскадронов, которые на случай вызова оставались наготове в своих казармах. Город буквально был обращен в военный лагерь, что не могло не производить невыгодного впечатления не только на обывателя, но и на самих солдат, находившихся в наряде. И все эти столь чрезвычайные меры были вызваны тем, что на некоторых фабриках и заводах столицы, в районе за Невской

заставой и Петербургской стороны, в некоторых уборных, проходных лестницах и у выходов, в местах средоточия рабочих были замечены одиночные случаи распространения печатных преступных воззваний от имени Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии с призывом ознаменовать дни юбилея противоправительственными митингами, демонстрациями и беспорядками.

Как и надо было ожидать, этот призыв оказался совсем безрезультатным и за все дни юбилейных торжеств решительно никаких демонстративных рабочих беспорядков и выступлений не было, да и не могло быть, так как история ни разу не была свидетельницей каких-либо противогосударственных выступлений в дни патриотического подъема, а такой подъем несомненно был в эти дни юбилейных Романовских торжеств. И его надо было использовать, поддержать всеми мерами, а не охлаждать обнаруживанием страхов и различных опасений излишними нарядами войск и полиции. Этого такие администраторы как Драчевский не понимали и, желая делать карьеру и боясь за свою шкуру, своими несоответствовавшими в государственном смысле распоряжениями способствовали только увеличению числа недовольных и расшатывали дух войска, так как всякий наряд для содействия гражданским властям всегда развращающе действовал на войска, невольно приобщая их к политике. А поэтому пользоваться ими надо было всегда с большой осмотрительностью, тем более в такие дни народных торжеств.

Накануне 300-летия со дня воцарения дома Романовых, 20 февраля, в Петропавловском соборе отслужена была заупокойная литургия, а в три часа дня в присутствии Государя и всей царской семьи — торжественная панихида по всем почивающим из дома Романовых. Государь был в форме своего 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка, в память того, что этот полк происходил из организованной в 1642 г. царем Михаилом Федоровичем впервые по образцу иностранных войск пехотной части, под названием «перво-выборного, солдатского строя Бутырского полка», собранного из лучших надворных стрелков, несших охранную службу при Государях, и на языке иностранных офицеров, обучавших тогда в Москве войска, называвшегося «лейб-региментом», то есть лейб-гвардией. Сперва Бутырский, потом 18-й и 17-й Егерский, далее 7-й Карабинерский, полк этот свое последнее название «Эриванский» получил лишь после взятия Эривани в 1827 г. После юбилейных Романовских торжеств полк получил название «Царя Михаила Федоровича 13-й Лейб-гренадерский Эриванский его величества полк».

При входе в собор Государь был встречен настоятелем храма протоиереем Дерновым, который благословил Государя иконой Федоровской Божьей Матери, императрицу — иконою Св. Петра и Павла и произнес приветственную речь. Панихиду служили все

съехавшиеся в Петербург митрополиты и патриарх Антиохийский Григорий.

Дежурными при Государе были генерал-адъютант князь Белосельский-Белозерский, Свиты генерал князь Вяземский и флигель-адъютант Цвецинский (офицер Семеновского полка, случайно пострадавший 1 марта 1881 г. будучи еще кадетом при взрыве брошенной бомбы, от которой так мученически погиб Александр II).

В этот день панихиды служились во всех церквах необъятной России, причем в городах и местечках состоялись торжественные юбилейные заседания. В самый день празднования 300-летия царствования дома Романовых, 21 февраля, во всех храмах и церквах были совершены торжественные литургии и после них благодарственные молебствия с чтением манифеста и провозглашением многолетия царствующему дому Романовых. К началу литургии в соборные храмы из всех городских церквей сосредоточились крестные ходы, а в селах крестные ходы вокруг храмов были совершены после обедни.

В Петербурге в 8 часов утра с С.-Петербургской крепости раздался 21 пушечный выстрел, извещая население, что с этого дня начинается празднование 300-летия дома Романовых. В городе на улицах заметно было большое оживление, главным образом в местности, окружавшей Казанский собор, к которому к 10 1/2 часам утра к началу литургии собрались крестные ходы из главных столичных церквей и стали съезжаться приглашенные по повесткам от высочайшего двора; всего приглашенных было до 4000 человек. В 12 часов дня послышалось громкое «ура» войск, стоявших шпалерами от Зимнего дворца до собора, и народа, заполнявшего все улицы и площади по пути следования Государя. Удивительно красивую картину представлял царский поезд: сотня собственного его величества Конвоя в своих красных черкесках, с ружьями на бедре. За сотней — Государь с наследником в открытой коляске, рядом с коляской верхом командир Конвоя князь Трубецкой. Затем Государыни императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна в парадной карете с высокими козлами, запряженной четверкой белых, без отметин, лошадей в русской упряжи с форейтором и двумя камер-казаками на запятках. Августейшие дочери Государя великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны в четырехместной карете, запряженной парой лошадей в русской упряжи, и затем другая сотня собственного его величества Конвоя. Гул стоял в воздухе по всему пути следования царского поезда, знамена склонялись, хоры музыки играли встречу, сменявшуюся гимном, все колокола церквей гудели. У дверей собора их величества были встречены митрополитом Владимиром с крестом и святой водой.

Государь и все великие князья были в форме императорских стрелков. За Государем шло дежурство — генерал-адъютант граф

Татищев, Свиты генерал граф Шереметев и флигель-адъютант князь Долгорукий, все принадлежавшие к древнейшим русским фамилиям.

Как только Государь занял свое место, протодиакон Косогорский прочел высочайший манифест, после чего совершено было торжественное молебствие с коленопреклонением. Во главе митрополитов выделялся специально прибывший с Востока патриарх Антиохийский Григорий, он читал Евангелие на греческом языке, а митрополит Владимир — на русском. В конце молебствия наступила весьма торжественная и трогательная минута, когда все опустились на колена и митрополит Владимир отчетливо, ясно прочел благодарственную молитву, специально составленную к этому дню.

В тот же день в 4 часа дня в Зимнем дворце приносили поздравления их величествам члены Святейшего Синода и высшее духовенство, Председатель и члены Совета Министров (все министры); Председатель и члены Государственного Совета и Государственной Думы; сенаторы, статс-секретари, почетные опекуны, придворные чины, Свита Государя и великих князей, генералы и адмиралы и начальники отдельных частей и депутации от войск. Во главе духовенства находился патриарх Антиохийский Григорий. Синод преподнес Государю грамоту, написанную на пергаменте. Сенат — особый адрес. Председатель Думы М. В. Родзянко обратился к Государю с речью. [...]

Вечером в городской думе состоялся раут, на который собралось около тысячи приглашенных. Все обширное помещение думы было очень красиво убрано, на рауте было очень оживленно, гостей встречал исправляющий должность городского головы Д. И. Демкин. В концертном отделении приняли участие артисты Императорской оперы и балета. Закончился раут роскошным ужином.

Я не остался на ужин — мне хотелось объехать город и места народных гуляний. Весь город был на редкость красиво разукрашен и иллюминован, особенно главные улицы, Невский проспект и Большая Морская. Народу была масса, он шел по этим улицам сплошной стеной, движение экипажей было прекращено, чувствовался большой подъем, поминутно раздавалось пение гимна. Чтобы разжижить толпу, а также и для удобства населения, народные гулянья и фейерверки были устроены и на окраинах — в Екатерингофском парке, на Горячем поле, в Народном доме императора Николая II, на Гаваньском поле, на Алферовских местах, в Петровском парке, на аэродроме близ Царскосельского вокзала, на Хохриковских местах, в Лесном, в Царском городке и в селе Александровском. Таким образом, буквально все население могло одновременно принять участие в празднестве и быть на гулянии, видеть фейерверки, не удаляясь от места своего жительства. Благодаря этому порядок везде был образцовый и не было чрезвычайной скученности. Я объ-

ехал большинство мест гуляний и вернулся домой под очень отрадным впечатлением.

В этот день с утра, во исполнение высочайшего повеления, из тюрем было освобождено следующее число заключенных: в «Крестах» из 2000 — 800, в Пересыльной из 500 — 185, в военной из 204 — 100, в Военно-исправительной из 175 — 54, в Городском арестном доме из 183 — 103, в Земском из 12 — 10.

На другой день я получил донесение от начальника отделения по охранению безопасности и порядка в столице, в котором он доносил следующее: «В первый день юбилейных торжеств, 21 сего февраля, почти все крупные, как казенные, так и частные промышленные предприятия освободили рабочих от производства работ с выдачею им за этот день цеховой платы или по 1 рублю взамен сдельной платы. Лишь немногие фабрики и заводы, преимущественно среднего и малого типа, из-за материальных соображений не пожелали прекратить производства в юбилейный день 21 февраля. Обращает внимание, что для производства работ в этот день были открыты в разных частях города три фортепьянных фабрики разных владельцев, а именно Шредера с 300 человек, братьев Дидерихс с 145 человек и Офенбахера с 160 человек рабочих, но на последней фабрике вышли на работу с утра только 35 человек рабочих, а после обеда 25 человек.

Кроме того, 21 февраля работы производились еще на следующих фабриках и заводах: чугуно-меднолитейном Неддермейер с 133 рабочими — весь день; чугунолитейном Александрова с 136 рабочими — до обеда; чугунолитейном и механическом заводе Боровских с 85 рабочими — весь день; на фабрике конторских книг «Отто Кирхнер» с 1200 рабочими — до часу дня, причем администрация фабрики согласилась выдать рабочим цеховую плату за полный день.

Устроенные в разных местах столицы гуляния привлекли громадные массы народа. Общее настроение рабочего населения оставалось вполне спокойным, порядок нигде нарушен не был».

22 февраля в 10 часов утра в Зимнем дворце приносили поздравления Государю представители дворянства, земства и городов, съехавшиеся со всей России депутации, представители инородческого населения и депутации от купечества; в тот же день в 5 часов состоялся высочайший прием послов, посланников и поверенных в делах и других особ дипломатического корпуса во главе со старейшим послом германским Пурталесом.

Вечером состоялся парадный спектакль в Мариинском театре «Жизнь за царя». Театр представлял собой изумительную по красоте картину, весь партер был наполнен самыми разнообразными мундирами, в боковых императорских ложах сидели Бухарский эмир и Хивинский хан с лицами своей свиты в чудных ярких халатах, в ложах бенуара и бельэтажа — дипломатический корпус.

Государь и вся царская семья находились в средней императорской ложе, Государь был в бальной форме Лейб-гвардии Конного полка, в красном с золотом мундире.

Поднялся занавес — открылась сцена, наполненная артистами в русских костюмах, раздался гимн, повторенный несколько раз, мощное «ура» раздалось в зале, все взоры обратились по направлению царской ложи. Минута была потрясающая, торжественная. Началось I действие оперы. Роли были распределены между лучшими силами: Антонина — Нежданова, Ваня — Збруева, Сусанин — Касторский, Сабинин — Ершов; танцевали — Кшесинская, Петипа, Преображенская, Павлова, Гердт и др. В финале участвовала вся оперная труппа во главе со Славиной, Фигнер, Каменской, Долиной, Собиновым, Тартаковым и др. Дирижировал оперой Направник. Площадь театра представляла сплошную иллюминацию, также и весь путь следования Государя от театра до Зимнего дворца.

В театре я впервые, как это ни странно, встретился с градоначальником Драчевским, которого кресло находилось рядом с моим, произошло это благодаря странной манере его держать себя и его мании величия, постоянной боязни умалить свое достоинство. Когда я приехал в Петербург, то в тот же день первый поехал к нему, хотя по закону он обязан был приехать ко мне первый, в обыкновенной форме, и уже затем я должен был отдать ему визит. Не застав его дома, я оставил карточку. Драчевский только спустя несколько дней заехал ко мне и, хотя я был дома, оставил карточку, не доложив о себе. Я, конечно, после этого решил игнорировать его, что мне было очень неприятно, так как такие отношения были мне не по характеру и, конечно, не могли не отражаться на делах, по которым я уже к нему не стал обращаться, а сносился только с его помощником.

Встретясь с Драчевским в театре, я ему высказал все мое удивление его непонятному и некорректному отношению ко мне и отсутствию в нем простой вежливости. Он сделал большие глаза и удивленно на меня смотрел, как будто не понял меня. Это вынудило меня высказать ему свой взгляд на взаимные отношения, которые необходимо поддерживать для пользы дела, которая единственно должна играть роль. Он как будто сочувственно отнесся к моим словам, и мы расстались дружески. Тем не менее все время моей службы с ним я чувствовал всегда с его стороны какую-то недоговоренность, что было всегда очень неприятно.

23 февраля утром в Зимнем дворце их величества Государыни императрицы принимали поздравления придворных дам и городских, имевших приезд ко двору, а в 12 1/2 часов состоялся высочайший прием волостных старшин и представителей сельского населения, собранных со всех концов России, и по окончании приема обед. При этом присутствовали Председатель Совета Министров Коков-

цов, министры внутренних дел и земледелия Маклаков и Кривошеин, я, председатель комитета по юбилею Булыгин, с.-петербургский губернатор граф Адлерберг и директор Департамента общих дел Арбузов.

Выйдя из внутренних покоев к собравшимся, Государь милостиво приветствовал представителей сельского населения, обошел всех, беседуя со многими в отдельности. Затем, подняв поданную ему чарку, сказал следующее: «Я очень рад видеть вас, представителей великой матушки России. Россия наша росла и крепла верой в Бога, любовью своих царей к народу и преданностью народа русского к Престолу царскому. Да будет так вовеки! За здоровье и благоденствие нашей горячо любимой матушки России, за ваше здоровье».

Волостной старшина Петербургского уезда Мочалов ответил следующими словами: «Ваше императорское величество, Государь всемилостивейший! Счастливы мы, представители крестьян, что удостоились сегодня приникнуть к стопам твоим. Великий Государь наш, поздравляем с 300-летием избрания на царство прародителя твоего.

Ты, Государь, защита наша от всех врагов, в тебе правда, в тебе милость. Много милостей ты пролил на нас, крестьян. Буди же счастлив, возлюбленный Государь наш. Да продлит и благословит Господь дни твои. Да процветает мирно Русская земля под крепкой державой твоей, да растет на радость тебе и матушке царице и нам всем, верным твоим людям, державный отрок — Государь наследник цесаревич. И верь, Государь, что жизнь наша для тебя. Верь, что по первому призыву твоему мы станем тесной стеной и как Иван Сусанин сложим головы свои за твою, Государь, драгоценную жизнь, за род твой и за службу Родине нашей. Царствуй на славу народа, царствуй на страх врагам, царь православный».

В тот же день вечером в Дворянском собрании был бал, устроенный петербургским дворянством. Бал этот удостоили своим присутствием Государь и вся царская семья. За неделю до этого дня ко мне приехал губернский предводитель дворянства флигель-адъютант светлейший князь Салтыков и, сообщив мне о предстоявшем бале в присутствии их величеств, просил меня приехать в депутатское собрание на заседание, посвященное вопросам о соблюдении порядка во время бала и охране Государя. На этом заседании выработаны были все меры охраны, которые взяли на себя предводители и депутаты дворянства, в распоряжение их было дано несколько агентов. Все мои указания были приняты с благодарностью, и вопрос об охране был разрешен в желательном для дворян направлении; они, выполнив с педантичной строгостью все указания, остались хозяевами положения.

В 9 1/2 часов в разукрашенный и убранный тропическими растениями зал Дворянского собрания прибыл Государь в сопровожде-

нии императрицы и августейших дочерей — великих княжен Ольги и Татьяны Николаевны. При входе в зал они были встречены губернским предводителем флигель-адъютантом светлейшим князем Салтыковым, поднесшим Государю хлеб-соль и приветствовавшим его величество краткой речью. Государь очень благодарил, сказав несколько слов по адресу дворян, и, обойдя предводителей, вошел в зал. Звуки гимна и громкое «ура» раздались в зале. Бал открылся польским из «Жизни за царя». В первой паре шел Государь с супругой петербургского уездного предводителя дворянства Сомовой. Государь был в бальной форме Лейб-гвардии гусарского имени своего полка — белом ментике с бобровой выпушкой. Во второй паре Государыня императрица Мария Федоровна с светлейшим князем Салтыковым, в третьей императрица Александра Федоровна с Сомовым и т. д.

По окончании польского оркестр заиграл вальс — светлейший князь Салтыков как хозяин собрания сделал первый тур с великой княжной Ольгой Николаевной, это было сигналом к началу танцев. Танцы начались с большим оживлением, было поразительно красиво, среди роскошных дамских туалетов выделялись разнообразные мундиры гвардейских полков, один блестящее другого. Приглашенных было около 3000 человек. Масса цветов белой сирени, фиалок, роз, нарциссов, мимозы и других, которые целыми корзинами приносили во время мазурки, еще более оживили и украсили бал. Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны танцевали все время, они были очаровательны, особенно Ольга Николаевна, которая одной своей чарующей улыбкой и каким-то особенным вниманием ко всем, при необычайной скромности и женственности, привлекала к себе все сердца. Государь не оставался за ужином, оставил зал собрания в первом часу ночи. Я проводил Государя до Зимнего дворца и вернулся к ужину.

24 февраля в час дня в Народном доме Николая II состоялись бесплатные спектакли для учащихся, в числе 4500 человек. Часть разместилась в оперном театре, где давали оперу «Жизнь за царя», другая в драматическом на представлении «Воцарение дома Романовых». К началу представления прибыл Государь император, встреченный оглушительным «ура» нескольких тысяч детских и юношеских голосов.

Аудитория, наполненная гимназистами, гимназистками, кадетами, студентами и институтками в платьях разнообразных цветов с белыми передниками и косынками, представляла очень эффектную картину. Государь оставался до 3 часов, обходя во время антрактов группы учащейся молодежи и детей.

Вечером в 7 часов в Зимнем дворце состоялся парадный обед, накрытый в четырех залах: Георгиевском, Гербовом, Александровском и Военной галерее. Высочайшее шествие из внутренних покоев к обеду двигалось в следующем порядке: два церемониймейстера

высочайшего двора с жезлами, обер-церемонийместер с жезлом, первые чины двора, обер-гофмаршал с жезлом, Государь с императрицей Марией Федоровной, императрица Александра Федоровна с великим князем Борисом Владимировичем.

Государь был в форме Лейб-гвардии Казачьего имени своего полка, за Государем шли министр двора и дежурство: генерал-адъютант князь Кочубей, Свиты генерал граф Толстой и флигель-адъютант князь Мещерский. За их величествами особы императорского дома по старшинству. Шествие, выйдя из Концертного зала, направилось чрез Николаевский зал, аванзал, Фельдмаршальский и Петровский залы в Гербовый и оттуда в Георгиевский, где стоял парадный стол. Перед прибором их величеств красовалось чудное плато из малиновых роз и белых ландышей.

В Николаевском зале по обеим сторонам высочайшего шествия стояли представители монархических организаций, в числе 1320 человек, которым разрешено было присутствовать при высочайшем выходе. Здесь же при входе в зал находились и Маклаков и я. Во главе монархистов стояли митрополит Владимир, сенатор Римский-Корсаков, преосвященный Анатолий, князь Куракин, граф Гейден — староста Казанского собора, Марков 2-й, Пуришкевич и др. Как только показался Государь, восторженное мощное «ура», сменившееся пением гимна всех присутствовавших, огласило Николаевский зал; оно не смолкало до тех пор, пока Государь и все шествие не скрылись в соседней зале.

Это присутствие монархических организаций при шествии Государя к обеду было как-то не к месту, и искусственность этого чувствовалась невольно каждым. Монархические организации давно домогались, чтобы им дали возможность выявить себя на торжествах 300-летия со дня воцарения дома Романовых, они предъявляли требования, чтобы им отведено было особое место, чтобы Государь принял их, принял бы от них адрес, подношение и т. д. Все это было отклонено, так как было решено, что празднества должны пройти вне всякой политики и без участия каких-либо политических партий. В торжествах должна была принять участие вся Россия, все российские подданные одинаково, предпочтение той или иной политической группе считалось недопустимым. Но представители монархических организаций на этом не успокоились и старались добиться представления Государю. И вот, во время принесения всеподданнейших поздравлений в Зимнем дворце, когда Государь, принимая членов Государственной Думы, обратился к Пуришкевичу со словами: «Я видел вас на площади», то этот последний обратился к Государю, со свойственной ему бестактностью, с просьбой о принятии представителей монархических организаций. Государь на это ответил «постараюсь». Пуришкевич же немедленно отправил графу Фредериксу телеграмму: «Я настаиваю на исполнении высочайшей воли и т. д.», хотя никакой высочайшей воли

выражено не было. В результате не знали, как поступить, и пошли на компромисс: в отдельном приеме отказали, а разрешили монархическим организациям стать шпалерами при высочайшем шествии к обеду, запретив при этом поднесение хлеба-соли и каких-либо речей. Получилось что-то, в конечном результате искусственное, и все остались недовольны — монархисты были неудовлетворены таким результатом, хотя и кичились перед другими политическими партиями и говорили, что Государю были представлены «всякого жита по лопате», — были и митрополит, и архиепископы, и придворные, и генералы, и дворяне, и мещане, и горожане, и крестьяне, и лапотники, и студенты, и даже несколько дам, были представлены и окраины, как Ферганская область... Все способствовавшие этому также не могли не чувствовать натяжки в этом решении, а главное, Государь, который согласился на этот компромисс против своей воли, конечно, в душе не мог быть доволен, что пошел на уступку, — это ясно выражалось на его лице, когда он появился в зале.

За царским столом в Георгиевском зале против их величеств сидел министр двора, имея справа В. И. Коковцова и слева патриарха Антиохийского Григория. На приборах лежали меню в русском стиле XVI века. Во время обеда за креслами их величеств стояли первые чины двора, а за креслами прочих особ царской семьи камергеры и камер-юнкеры. Служили за столом их величеств и августейших особ камер-пажи. За обедом за здоровье играли на трубах и литаврах, причем производилась пушечная пальба: 1. За здравие их величеств 51 выстрел. 2. За здравие наследника и всего царствующего дома 31 выстрел. 3. Духовных особ и всех верноподданных — 61 выстрел. При этом кубки их величествам подавали первые чины двора: Государю — Танеев, императрице Марии Федоровне — князь Шервашидзе, императрице Александре Федоровне — Н. П. Балашов, их высочествам — состоявшие при них придворные чины. По окончании обеда, тем же порядком, Государь и вся семья возвратилась во внутренние покои. Этим и закончились торжества в С.-Петербурге. 28 февраля Государь с августейшей семьей возвратился в Царское Село.

25 февраля я ездил представиться эмиру Бухарскому, чтобы поблагодарить его за пожалованный мне орден «Тадж» с бриллиантами и синей лентой через плечо.

Несколько дней спустя, по окончании торжеств в Петербурге, когда я постепенно стал входить в курс сложных дел по Департаменту полиции и Корпусу жандармов, я запросил начальника Жандармского управления г. Одессы об одном деле, производившемся в этом управлении. Каково было мое удивление, когда я на депеше, полученной мною в ответ, среди адреса увидал слова: «копию директору Департамента полиции». Найдя это неуместным, я отдал следующий приказ по Корпусу жандармов: «На посланную по моему приказанию исправляющим должность моего секретаря

телеграмму на имя начальника Жандармского управления г. Одессы с требованием представить непосредственно мне сведения по одному производящемуся в означенном управлении делу, полковник Заварзин, отправив телеграмму на мое имя, послал копию с оной и директору Департамента полиции. Усматривая в этом неточное исполнение моего приказания, ставлю на вид полковнику Заварзину его бестактный поступок и, объявляя о сем по Корпусу, предлагаю всем чинам Отдельного корпуса жандармов исполнять отдаваемые мною приказания в точности, не распространяя их по своему усмотрению».

Затем я стал вдруг получать анонимные письма, от которых я совершенно отвык за время моего губернаторства в Москве. Там все отлично знали, что я анонимы не читаю и не обращаю на них внимания, и потому такого рода письма были чрезвычайно редки. В Петербурге же в течение недели не проходило дня, чтобы в почте не было двух-трех анонимок. Дабы пресечь это явление, я отдал 28 февраля приказ по Корпусу, после чего анонимы прекратились: «В течение последней недели я получил несколько анонимных писем, содержание которых заставляет меня предполагать, что они не могут исходить ни от кого другого, как от чинов Отдельного корпуса жандармов. Объявляя по Корпусу о сем более чем грустном факте, позорящем военный мундир, предупреждаю авторов этих писем, из трусости не решающихся подписать под доносами своих фамилий, что их труд совершенно напрасен, так как никакого хода анонимам я не даю и уничтожаю их, оставляя в душе моей гадливое чувство к авторам этих писем».

В последних числах февраля и начале марта пришлось все время бывать на панихидах и похоронах близких мне и знакомых.

В ночь на 27 февраля скончалась жена морского министра Григоровича от воспаления мозга, проболев всего несколько дней. 2 марта ее хоронили. Хотя я и не знал покойную, но глубоко уважая и почитая И. К. Григоровича, я сердечно жалел его, потерявшего в течение нескольких дней любимую жену, и потому я был на одной из панихид и на похоронах. Эта преждевременная кончина еще не старой женщины вызвала всеобщее сочувствие, все любили очень Григоровича и все спешили ему выразить соболезнование. Императрица Мария Федоровна прислала на гроб покойной чудный венок из живых цветов.

28 февраля скончались генерал-адъютант князь Долгорукий и А. А. Стахович.

Князь Долгорукий был человек глубоко уважаемый всеми. В молодости он отличался храбростью и отвагой. В 1858 г., будучи юношей, он определился рядовым солдатом на Кавказ и проявил чудеса мужества и храбрости, ища боевых столкновений и участвуя в них. За три года солдатской походной жизни, полной лишений, он получил два Георгиевских креста за храбрость, которые всегда

можно было видеть у него на груди. Когда боевые действия перекочевали с Кавказа в Среднюю Азию, он отправился в Туркестан. В это время он уже был произведен в прапорщики. Император Александр I обратил на него внимание и назначил его своим флигель-адъютантом, переведя в гвардию, в Преображенский полк. Впоследствии он был послом в Тегеране, помощником командующего Главной квартирой, а в 1912 г. послом в Италии. Ко мне князь Долгорукий всегда относился с особенным вниманием и добротой. Хоронили его 3 марта в Александро-Невской лавре в семейном склепе. На отпевание из Царского Села прибыл Государь император в сопровождении флигель-адъютанта Дрентельна и присутствовал при погребении.

А. А. Стахович был отец многочисленной семьи, с которой я был очень дружен. Один из его сыновей, Павел, был моим товарищем по Пажескому корпусу, мы были с ним одного выпуска, он вышел в кавалергарды, я — в Преображенский полк, но дружба наша не прерывалась. С другим из сыновей, Алексеем, я был одновременно адъютантом при великом князе Сергее Александровиче; старшая дочь Надежда была замужем за моим товарищем по полку Огаревым, таким образом, вся семья была мне близка, и кончина отца их вызвала мое большое сочувствие.

А. А. Стаховичу было 82 года, когда он скончался. Он хорошо был известен артистическому и коннозаводческому миру. Страстно любя театр, он сам много играл на сцене. Ему пришлось играть Хлестакова, когда в Петербурге в Пассаже был поставлен «Ревизор» в пользу Общества имени Островского, с участием И. С. Тургенева в роли купца Абдулина и А. Ф. Писемского — городничего. А в 1888 г. в Эрмитажном театре Зимнего дворца А. А. Стахович играл царя Бориса в присутствии Александра III и всей царской семьи. Я очень хорошо помню этот спектакль, в котором и я принимал участие в одном действии в свите австрийского посла. В присутствии же Александра III он читал драму графа Толстого «Власть тьмы», результатом чего было разрешение на постановку этой пьесы в театре.

Покойный много работал и по земству в своем родном Елецком уезде в Орловской губернии. Это был очень хороший человек, правдивый, увлекавшийся и интересный собеседник. 2 марта его отпевали, и я проводил его тело до Николаевского вокзала, откуда оно было перевезено в Орловскую губернию в имение Пальна для погребения.

2 марта скончался светлейший князь А. А. Ливен, меньше года пробывший на посту главноуправляющего Собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Это был широко образованный человек, настойчивый в преследуемых им целях, властный, и, несмотря на свои 74 года, он ревностно принялся реформировать порученное ему дело, но смерть не дала ему этой

возможности. Я его хорошо знал и глубоко уважал. Между прочим, он увлекался и астрономией, устроив в имении обсерваторию и занимаясь наблюдениями. Тут его постигло несчастие. Наблюдая солнце в зените, он не принял необходимых мер предосторожности и ослеп на правый глаз, благодаря чему должен был прекратить эти занятия. В Государственном Совете он сначала примыкал к правым группам, но затем перешел к беспартийным. Его отпевали 5 марта в Сергиевском соборе, хоронили в Новодевичьем монастыре.

2 же марта, получив донесение о кончине офицера вверенного мне Корпуса жандармов полковника Шпейера, я хотя и не знал его, поехал отдать последний долг почившему. Меня поразило почти полное отсутствие на похоронах офицеров Корпуса, и потому я нашел необходимым отдать следующий приказ по Корпусу. «2-го текущего марта на похоронах внезапно скончавшегося начальника Пермского жандармского полицейского управления железных дорог полковника Шпейера меня неприятно поразило почти полное отсутствие чинов Отдельного корпуса жандармов при отдании последнего долга усопшему сослуживцу. Подобное невнимание господ офицеров командуемого мною Корпуса к умершему их товарищу, к сожалению, указывает на то, что чувства товарищества среди чинов Корпуса не стоят на должной высоте».

5 марта телеграф принес известие о трагической кончине короля эллинов Георга, августейшего брата императрицы Марии Федоровны и супруга великой княгини Ольги Константиновны. Король был убит выстрелом из пистолета, произведенным в него почти в упор, во время обычной своей прогулки в сопровождении адъютанта. Убийцей оказался грек Схинас, заявивший, что он социалист. Это известие произвело удручающее впечатление в кругах, близких царской семье; в Государственном Совете и Думе произвело негодующее впечатление. 7 марта состоялось торжественное заупокойное служение в греческой посольской церкви. Служил патриарх Антиохийский Григорий на греческом языке. Присутствовали все особы императорского дома.

8 марта я вторично был в Думе, чтобы присутствовать в общем собрании при обсуждении запроса, представленного на рассмотрение Думы членом Думы В. А. Маклаковым, братом министра внутренних дел, по поводу незаконных действий с.-петербургского градоначальника, издавшего обязательное постановление о борьбе с хулиганством. Я поехал на это думское заседание, так как считал, что корректность по отношению к Думе требует присутствия представителя того ведомства, действия коего разбираются. Я уговаривал Маклакова поехать, но тот в это время уже занял какую-то несоответствующую позицию по отношению к Думе, вероятно, под влиянием Мещерского ([редактора] «Гражданина»), и отказался поехать, поэтому поехал я, пригласив с собой директора Департамента полиции Белецкого.

В. А. Маклаков-депутат в горячей страстной речи доказывал незакономерность распоряжения градоначальника, выразившуюся в издании обязательного постановления на основании положения об усиленной охране, по вопросу о хулиганстве, не имевшем ничего общего с политикой, и предложил по этому поводу в спешном порядке предъявить запрос Председателю Совета Министров, очевидно, находя неудобным предъявлять таковой своему родному брату. Член Думы Годнев всецело присоединился к этому предложению, но находил, что надо сделать поправку и запрос предъявить министру внутренних дел, а не Председателю Совета Министров.

После этого на кафедре появился Пуришкевич и в своей речи обрушился на автора запроса В. А. Маклакова, называя его масоном и принимая сторону Министерства внутренних дел вообще, и в частности министра Маклакова. Затем он перешел к обсуждению запроса по существу и неожиданно пришел к заключению, что запрос этот, очевидно, вдохновлен Коковцовым, что левые хотят этим вывести наружу борьбу, существующую в объединенном кабинете между Коковцовым и Маклаковым.

Из речей последующих ораторов можно было вывести заключение, что в Думе образовалось сильное течение против министра Маклакова и что запрос о незакономерности предпринятых министром внутренних дел мер борьбы с хулиганством является только предлогом для начатия кампании против Н. А. Маклакова. Такое заключение, которое я не мог не вывести, прослушав речи всех ораторов, не только левых, но и центра и части правых, было мне крайне неприятно, особенно когда оно подтвердилось полученным мною вслед следующим донесением.

«Русская национальная фракция» [11] в закрытом заседании обсуждала отношение свое к министру внутренних дел Н. А. Маклакову. Речи ораторов, весьма резкие и ожесточенные, могут быть сведены к следующим основным тезисам:

1. Н. А. Маклаков проведен на пост министра внутренних дел группой князя Мещерского.

2. Тем не менее умеренно-правое большинство Государственной Думы приветствовало его назначение, надеясь увидеть в нем министра сильного, яркого и благожелательного к умеренно-консервативным элементам русского общества.

3. В частности, русская национальная группа рассчитывала увидеть в нем достойного преемника на посту министра внутренних дел П. А. Столыпина, который, подобно ему, пойдет навстречу русской национальной идее и, пользуясь своим положением, станет воплощать в реальную действительность те чаяния и надежды, которые созрели в душах и сердцах русских националистов, но для своего осуществления требуют авторитета и силы государственного механизма.

4. В действительности, в служебном отношении Н. А. Маклаков

на посту министра не может отрешиться от губернаторского миросозерцания. Свою самостоятельность он проявляет лишь в исполнении обязанностей с.-петербургского градоначальника, объезжая полицейские участки и частные дома и посещая народные гулянья. В области государственной мысли он покорно ассимилируется с влияниями, имеющими силу данного дня, и место министра внутренних дел, в смысле политическом, так же пусто при Н. А. Маклакове, как было пусто при А. А. Макарове.

5. В области политической Н. А. Маклаков послушно идет по указке группы князя Мещерского. Отсюда вытекают грозные предзнаменования. Государственная мудрость князя Мещерского до сих пор была просто смешна и не собрала бы даже того скромного количества адептов, которое имеет княжеский «Гражданин», читаемый не столько из-за единомыслия с князем Мещерским, сколько из курьеза, с тем же чувством, с каким читается «Сатирикон» [12]. Но с того момента, когда мудрость князя Мещерского перевоплощается в ум министра внутренних дел, смех должен смениться общегражданской беспощадной борьбой.

6. Следуя советам князя Мещерского, министр внутренних дел игнорирует Государственную Думу: пусть себе болтает. Министр может управлять страной и без закона. Ему довольно обязательных постановлений. Живой пример: министр знает, что вся Дума, как один человек, интересуется борьбой с хулиганством. Министр знает, что главнейшие фракции в Государственной Думе стремятся к законодательной борьбе с этим злом. Что же делает министр? Он, уважающий Думу и честно желающий видеть в ней сотрудника, вступает, конечно, в переговоры с представителями думских фракций и в доброжелательном с ними сотрудничестве проводит с молниеносной быстротой соответствующий закон? Ничуть не бывало. Министр внутренних дел, как честолюбивый мальчик, все хочет сделать единолично. Он, децентрализующий министерство, вторгается в пределы ведения градоначальников и заставляет их издавать обязательные постановления, в силу которых пьяный хулиган-околоточный с важным видом наместника самого министра обвиняет в хулиганстве людей, нравственный уровень которых неизмеримо выше его собственных понятий. Но что до этого министру? Пусть стонет Россия под этим новым игом «благожелательной и закономерной» власти. Зато он, министр, предупредил Думу. Пусть страна подождет думского закона, а пока пусть поймет, что и Дума, и ее законы — *ничто, а он, министр,* — все, и царь и Бог.

7. Министр, призывавший к уважению к закону своих подчиненных, теперь, под влиянием князя Мещерского, основными государственными законами установленную Государственную Думу называет с нескрываемой иронией в группе князя Мещерского не иначе как «это учреждение». Отсюда с быстротою молнии это и другие подобные речения молодого министра разлетаются по

городам и селам земли Русской и, поистине, черный кабинет князя Мещерского приобретает значение большее, чем служебный кабинет министра на Фонтанке.

8. Противогосударственная теория князя Мещерского о создании крепкой власти на местах и о новом распаде несколько веков спустя после собирания земли Русской на прежние воеводства нашла себе живое воплощение в теории Н. А. Маклакова о централизованных губернаторах. Очевидно, молодой министр желает опираться не только на околоточных, борющихся с хулиганством, но и на централизованных губернаторов. Околоточный и городовые зажмут в кулак низы населения, а централизованные губернаторы — верхи местного населения. Быть может, это и идеальная картина полицейского государства, но молодой министр, по-видимому, запамятовал, что Государь император повелел ему быть министром в государстве правовом. Министр, как и каждый молодой губернатор, не любит и боится местного самоуправления. Министр желает управлять, но не работать вместе с местными самоуправлениями на пользу страны. Скажет ли ему за это спасибо Россия?

9. Министр не только не уважает Думу, но, вероятно, опьяненный новизною своего положения, кричит на Думу, по-видимому, как централизованный губернатор на волостное правление. А, вы не хотите проводить закон о печати, так я приму все меры и его проведу! Министр, вероятно, забыл, что кроме одобрения на роспуск Думы со стороны князя Мещерского нужно еще соизволение его величества.

10. И эксцессы правых говорят лишь о том, что они, по обыкновению, перестарались и, действуя с обычной грубостью и прямолинейностью, лишь неумело выполнили поставленное им задание.

После страстного обмена мнений национальная фракция подавляющим большинством, почти единогласно, постановила изменить свое первоначальное решение, считать министра внутренних дел в составе отсутствующего правительства и, между прочим, поддержать и в отношении спешности и по существу запрос В. А. Маклакова «о хулиганстве его родного брата».

Такие резкие суждения национальной фракции послужили, к сожалению, началом разногласия министра с Думой, и это, конечно, не могло не отзываться на делах, так как всякое начинание министра, как бы хорошо оно ни было, трактовалось не в его пользу.

Пользуясь доброжелательным отношением ко мне большинства Думы, я старался, насколько мог, ослабить это разногласие; мне удалось этого отчасти достигнуть по делам, касавшимся Департамента полиции. Впоследствии резкость отношений от времени немного сгладилась, особенно после нескольких удачных выступлений в общем собрании Думы Н. А. Маклакова, свободно и красиво говорившего с трибуны.

Не успел я еще вполне ознакомиться со всеми делами, как мне предстояло совершить предварительный объезд всех городов, кои предполагал посетить Государь император в мае месяце по случаю 300-летия царствования дома Романовых. Перед отъездом в это путешествие я 10 марта имел счастие представиться Государю, получить от него соответствующие указания, имел возможность высказать и мои предположения об охране, которую я предполагал осуществить по примеру таковой в Бородине. Государь вполне одобрил мои предположения, и 13 марта я выехал в Кострому в сопровождении вице-директора Департамента полиции Виссарионова, представителя дворцового коменданта полковника Спиридовича и моего секретаря Л. А. Сенько-Поповского.

К сожалению, я вынужден был взять с собой Виссарионова, несмотря на все его отрицательные свойства и мое полное отсутствие доверия к нему, я его терпел только потому, что считал невозможным делать какие-либо перемены в личном составе накануне торжественного высочайшего путешествия по России, когда я еще не был в курсе всех дел Департамента полиции. Конечно, я мог взять с собой директора Департамента Белецкого, но я считал, что это было бы еще хуже, так как Белецкий старался бы мне все время втирать очки, пугать меня преувеличенными опасениями, а это дало бы мне много лишней работы, чтобы разобраться во всем этом. Виссарионов же, по крайней мере, чувствуя свое шаткое положение и мое отрицательное отношение, держал себя скромно. Спиридович был командирован со мной дворцовым комендантом по моей просьбе, я считал его выдающимся по уму и знанию офицером, хотя и не особенно твердым в нравственном отношении. Он отлично знал дело охраны и розыска и был человеком огромной работоспособности, умел руководить людьми. Его надо было только уметь держать в руках, и тогда он был незаменимым работником (в течение 2 1/2 лет моей службы в должности товарища министра по заведованию полицией). И эту совместную работу с ним я вспоминаю всегда с хорошим чувством, я очень ценил его безукоризненную работу при всех многочисленных высочайших путешествиях в течение 1913—1915 гг., во время которых он, будучи непосредственно подчиненным дворцовому коменданту и находясь в то же время в моем распоряжении, держал себя всегда с большим тактом, так что ни разу у нас не произошло ни одного недоразумения.

В Кострому я приехал утром 14 марта и остановился в доме губернатора. Губернатором был П. П. Стремоухов, человек умный, знающий, но с некоторой манией величия, он был моим товарищем по Пажескому корпусу. Его жена была рожденная Салтыкова, сестра тамбовского губернатора, тоже одного выпуска со мной из корпуса. Стремоухов недавно только получил Костромскую губернию и еще не успел как следует ознакомиться с ней, но ближайшим помощником у него был вице-губернатор Хозиков, который отлично

знал губернию, был в курсе всех дел, отличался удивительной скромностью, работоспособностью и большим тактом. Начальником губернского жандармского управления был полковник Эрнст, нервный, суетливый офицер, почти ненормальный. Ему нельзя было ничего поручить, он обязательно попадал впросак благодаря своей суетливости и необдуманности. Только из чувства жалости, так как он был человек недурной, я не уволил его тотчас и оставил в должности начальника управления на время торжеств в Костроме, заменив его уже по отбытии Государя в июне месяце полковником Семигановским — очень дельным офицером.

В Костроме я оставался два дня, объехал с губернатором все предположенные для высочайшего посещения места, а вечером присутствовал у губернатора на заседании комиссии по выработке мер охраны во время предстоявшего летом 1913 г. высочайшего посещения Костромской губернии. Предположено было, что Государь прибудет в Кострому на пароходе из Нижнего и затем проследует по Волге в Ярославль. В Костроме пребывание Государя предположено было в течение двух суток; в первый день посещение Ипатьевского монастыря, Романовского музея, дворянского собрания, во второй день кафедрального собора, места закладки памятника, воздвигаемого в память 300-летия царствования дома Романовых, больницы Красного Креста, церкви Воскресения на Нижней Дебре и земской выставки, а Государыней императрицей еще Богоявленского монастыря.

По выработке программы высочайшего пребывания совещание перешло к обсуждению вопросов, связанных с организацией полицейской охраны во время предстоявшего приезда и пребывания Государя в пределах губернии: 1. Охрана пути царского следования по Волге, для чего необходимо было обследовать береговую полосу реки Волги по выяснению жителей в населенных пунктах. 2. Охрана территории Костромского уезда левого берега, где Ипатьевский монастырь, и правого берега, с паровозной пристанью и вокзалом. 3. Охрана путей царского следования по г. Костроме. 4. Удовлетворение суточными и прогонными деньгами и отвод помещений. 5. Устройство регистрационного бюро для регистрации населения в местах посещения их величеств и по линиям их проводов; для заведования этим бюро я наметил жандармского подполковника Крякина, рекомендованного мне начальником штаба как отличного во всех отношениях начальника отделения, кандидата на управление. Впоследствии, когда я ознакомился с ним, я нашел его склонным к преувеличению и потому не вполне подходящим; во избежание раздражения населения я рекомендовал отнестись с особенным тактом при опросе жителей по домам, и регистрационным надзирателям производить обходы помещений и домов совместно с чинами местной полиции, при каковом условии часть жителей, известных полиции (старожилы), могли бы быть зарегистрированы без личных

их опросов. 6. Устройство билетного бюро, которое должно было начать работу за 1 1/2 месяца до высочайшего приезда, под непосредственным руководством губернатора.

Из обмена мнений на совещании я вынес отрадное впечатление. Стремоухов был умным, дельным администратором с широким взглядом на дело, и потому с ним было легко столковаться. На другой день я объехал с ним все предположенные места посещений, ознакомился с работами по устройству выставки и уехал в Ярославль, куда прибыл 16 числа утром.

Губернатором в Ярославле был граф Д. Н. Татищев, которого я также хорошо знал по Преображенскому полку, в котором мы одновременно служили. Он был в другом типе, чем Стремоухов: административных способностей у него не было вовсе, должностью губернатора он был обязан своей жене, дочери Елизаветы Алексеевны Нарышкиной — гофмейстерины императрицы Александры Федоровны. Это был шалый человек, в полном смысле этого слова; под влиянием минуты он способен был наделать массу глупостей, тем более, что апломба у него было достаточно, а должного такта не было. Вице-губернатором был Кисловский, человек хороший, но уже немолодой, ничем себя не проявлявший. Начальник губернского жандармского управления полковник Шульц был человеком неглупым, службу знал хорошо, но был очень высокого о себе мнения, обижался на делаемые ему замечания и, кроме того, склонен был к провокации, но от этого мне удалось его отучить, и когда я его перевел в Витебск, он был вполне хорошим начальником управления. В Ярославле же у него были постоянные нелады с губернатором, впрочем, вина в этом отношении лежала больше на Татищеве.

В Ярославле я пробыл два дня, в первый же день собрано было под председательством губернатора совещание в моем присутствии. Порядок рассмотрения вопросов об охране был такой же, как и в Костроме; но здесь поражали цифры нарядов, кои испрашивались губернатором. Я с этими цифрами никак не мог согласиться и урезал их более чем наполовину. Так, например, для охраны шоссе от г. Петровска до границы Владимирской губернии, протяжением всего 14 верст, Татищев требовал наряда двух классных чинов, трех урядников, 116 конных и 312 пеших стражников. Как я ни доказывал всей нецелесообразности такого количества, Татищев очень волновался и настаивал, очевидно не давая себе отчета; тогда я категорически заявил, что максимум наряда я утверждаю два классных чина, четыре урядника и 80 стражников, т. е. в 7 раз менее просимого. Лично бы я у себя в губернии уменьшил бы этот наряд еще в 4 раза. После совещания я вынес впечатление далеко не столь благоприятное, как после костромского совещания, и решил как-нибудь воздействовать на губернатора, чтобы удержать его от излишних мер охраны, которые были не нужны и даже вредны

и могли возбудить только население. На другой день совещания мы объехали с губернатором все места, предположенные к посещению Государем в г. Ярославле, проехали на другой берег Волги в Толгский монастырь и вечером по железной дороге выехали в Ростов Великий.

Этот город, о котором говорится еще в летописи Нестора в 988 г., являлся, таким образом, древнейшим северорусским городом, основание которого относится к незапамятной древности, тому времени, когда даже не существовали самые легенды народные и сказания. В 1913 г. это был тихий и глухой уездный городок Ярославской губернии, но когда-то, в те века, когда Москва еще не существовала, это был город, по своей славе и богатству равный Новгороду и Киеву. В настоящее время о старине его свидетельствует знаменитый его кремль — это храм-крепость, вмещающий десятки церквей, соединенных переходами, башнями, воротами, палатами и т. д. Ростов сильно пострадал в Смутное время, когда осажденные поляками и «ворами» ростовские жители вместе с митрополитом Филаретом — отцом первого царя дома Романовых — заперлись в соборе, и поляки, ворвавшись в него, взяли в плен митрополита. Восстановление и обновление кремля и древностей началось уже при Александре II, а наиболее интенсивно продолжалось при Александре III, горячем поклоннике древней русской старины. Осмотрев все места, которые должен был посетить Государь, и разрешив на месте все представившиеся недоразумения, я с губернатором и со всеми сопровождавшими меня лицами направился в г. Петровск, вблизи коего предположено было представить Государю сельских должностных лиц, волостных старшин и сельских старост со всей губернии, а также показать Государю новые хуторские хозяйства в Петровском уезде. Осмотрев местность, намеченную губернатором для устройства крестьянского лагеря, и посетив хуторян, я простился с губернатором графом Татищевым и на лошадях отправился в Переславль-Залесский, уездный город Владимирской губернии, близ которого находилось историческое село Веськово на берегу озера Плещеева, приобретенное в собственность владимирским дворянством в 1857 г.

Это то самое озеро, на котором император Петр Великий положил начало русскому флоту. Здесь он получил первые уроки мореплавания, здесь началось это великое дело Петра I шутками и удовольствиями, а окончилось сооружением на озере целой флотилии кораблей, на маневры которых съезжались и царица, и весь двор, и вся московская знать. Когда же затем кораблестроительство перенесено было на Белое море, то по завету Петра остатки флотилии поручены были заботам переяславских воевод и хранились на берегу озера близ села Веськова.

Ко времени ожидаемого высочайшего посещения из этой флотилии сохранились ботик «Фортуна», паруса, блоки, рули, пушки и якоря, помещенные в музей, устроенный в 4 верстах от г. Переяс-

лавля на берегу озера у села Веськова, на том месте, где прежде стоял дворец Петра I. Кроме этого дома, в парке усадьбы имелись разные хозяйственные постройки, и владимирским дворянством был построен еще небольшой дворец, в котором дворянство во главе с губернским предводителем Храповицким и предполагало устроить прием Государя. Удивительно красиво расположена была эта дворянская усадьба. Когда я подъехал, меня встретил губернский предводитель дворянства, отставной лейб-гусар Храповицкий вместе с уездным предводителем. Осмотрев подробно всю усадьбу и переговорив обо всем с Храповицким, я со своими спутниками двинулся обратно и чрез Гаврилов посад приехал в г. Суздаль, уездный город Владимирской губернии.

Этот весьма древний полузабытый город, красиво расположенный на берегу реченки Каменки, существовал еще до призвания варягов и получил свое название «Суждаль» вследствие того, что в старину князья судили в нем народные дела. В 1913 г. Суздаль, оставшийся в стороне от цивилизации, расположенный вдали от железной дороги, представлял собой захудалый городок, в котором один из старинных монастырей превращен был в тюрьму для провинившегося духовенства. Но в то же время он представлял собой богатейший музей, настоящую сокровищницу русской старины, в церквах и монастырях его хранились необыкновенные произведения древнего церковного искусства и глубоко почитаемые православными русскими святыни.

В г. Суздале меня встретил начальник губернии, тайный советник Сазонов. Я его знал хорошо еще по Москве, когда он был коломенским уездным предводителем дворянства. Это был честнейший и благороднейший человек, необыкновенной доброжелательности, скромный, строгий к себе. Губернатором он был назначен уже на склоне лет, здоровья он был некрепкого и не представлял собой энергичного и дельного администратора, не имел и претензий на это, сознавая свою недостаточную состоятельность. Кроме того, он очень нуждался материально, а это также не могло не иметь влияния на его энергию. Но тем не менее дела у него в губернии шли хорошо, он своей добротой, снисхождением и благородством так привлекал всех к себе, что все его и уважали, и любили, и всеми силами старались служить не за страх, а за совесть, чтобы не подвести дорогого им начальника губернии. Благодаря своему благородству и чуткости, а также и опыту, он отлично умел распознавать людей, и потому окружен он был всегда честными людьми, которые его никогда не подводили. Вице-губернатором у него был Ненароков, человек дельный, знающий и который был ему верным помощником. Благодаря всему этому, я почувствовал здоровую атмосферу вокруг губернатора и мог быть спокоен за Владимирскую губернию; я знал, что здесь очки втирать не будут, а будут думать искренно и добросовестно, как бы лучше и честнее все устроить.

Осмотрев все в Суздале, я вместе с губернатором проехал к нему в г. Владимир, где 19 марта и состоялось в моем присутствии особое совещание по выработке мер охраны во время высочайшего путешествия по Владимирской губернии. У губернатора все было так хорошо разработано, что совещание быстро пришло к заключению, а требования И. Н. Сазонова были столь скромны, что я целиком их удовлетворил и даже увеличил просимые им отпуски денег. Из чинов Корпуса жандармов присутствовали: начальник губернского жандармского управления полковник Немирович-Данченко, очень неглупый, развитой и вполне порядочный, без фокусов; начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог генерал-майор Фрейберг, необычайно старательный и аккуратный, но чересчур придирчивый и изводящий офицеров мелочами, благодаря чему с ним никто не хотел служить, но все же это был очень честный и прямой человек; и начальник Богородского отделения ж. д. подполковник Абрамов, исполнительный, хороший офицер, но мало развитой.

Я пробыл во Владимире два дня, на второй день был на обеде у губернского предводителя Храповицкого, который меня тронул своей необыкновенной любезностью и широким гостеприимством, но произвел на меня какое-то странное впечатление. Это был, кажется, единственный человек во Владимире, относившийся к губернатору с предубеждением и даже некорректно, полагаю, что этому виной была ненормальность, проглядывавшая в Храповицком при разговорах с ним. Из Владимира я проехал в Нижний Новгород, куда и прибыл 21 марта утром.

Нижний — это один из самых красивых поволжских городов, расположенный на слиянии Оки и Волги, он менее древен, чем Ярославль, Кострома, Суздаль, но в истории Романовых он сыграл огромную роль, когда в Смутное время по призыву Святителя Ермогена нижегородцы решили вступиться в государственные дела. Одушевленные земским старостой Козьмой Мининым, произнесшим известную речь с призывом к народу о пожертвовании всем для спасения Москвы, они избрали воеводой князя Д. М. Пожарского и двинулись с ним вперед, свершив великое народно-патриотическое дело в истории Руси.

Губернатором в Нижнем был В. М. Борзенко, которого я хорошо знал по Курской губернии, когда он был еще правителем канцелярии при губернаторе графе Милютине, сыне фельдмаршала, и непременным членом при последующих губернаторах, когда я часто бывал в Курске у моего брата, управлявшего Курской казенной палатой. Борзенко был человек, полный сил и здоровья, энергичный и, будучи долгое время правителем канцелярии губернатора, был хорошо знаком с механизмом работы, быстро схватывал каждое дело, но в нем был недостаток серьезности и широкого взгляда, он слишком много говорил в ущерб делу.

В самый день моего приезда у губернатора, в моем присутствии, состоялось совещание, на котором выработаны были все меры охраны по примеру других городов. Из числа офицеров Корпуса жандармов принимали участие начальник губернского жандармского управления полковник Глобачев и охранного местного отделения подполковник Стрекаловский. Первый из них произвел на меня прекрасное впечатление, которое и подтвердилось вполне, когда я с ним ознакомился поближе. Он оказался отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыскном деле; спокойный, мягкого характера, честный, он держался скромно и не старался выделиться. Я его выдвинул впоследствии на ответственную должность начальника С.-Петербургского охранного отделения, на каковой должности он оставался до самой революции, ни разу не уклонившись в сторону от преследуемого мною направления, которое, впрочем, вполне соответствовало и его характеру. Когда я его видел в последний раз в 1918 г., то это был тот же честнейший и благородный человек, каким я его знал и раньше. Подполковник же Стрекаловский был совсем другого типа офицер; это был типичный охранник прежнего режима, ловкий, хитрый, с наклонностью к провокации, неглупый и себе на уме. Доверять ему я не мог, и потому я его скоро отчислил от должности. В Нижнем я пробыл два дня, в течение коих успел вполне ознакомиться со всеми местами посещений и должностными лицами, пользуясь любезным гостеприимством В. М. Борзенко и его милейшей жены.

Покончив в Нижнем, я на обратном пути в Петербург заехал на два дня в Москву. Это был первый мой приезд после оставления мною губернаторства в Москве. С большим радостным волнением подъезжал я к родной мне Белокаменной столице. На вокзале, как только я вышел из вагона, то сразу был окружен и должностными лицами, и друзьями; все они были мне родные, близкие. Я сел в автомобиль и проехал в генерал-губернаторский дом, где мне было отведено помещение в квартире бывшего заведующего двором великого князя Сергея Александровича, во флигеле. При входе в генерал-губернаторский дом опять родные, близкие мне лица генерал-губернаторского управления встретили меня во главе с милейшим и дорогим С. М. Борденавом.

В тот же день у градоначальника в моем присутствии состоялось совещание, в котором приняли участие, кроме лиц, меня сопровождавших, помощники градоначальника и полицеймейстеры, начальник охранного отделения, инженеры и техники и управлявший канцелярией Дуроп. Все вопросы по охране были разработаны быстро, так как градоначальником все меры были разработаны уже ранее и уже в начале марта я от него получил все его предположения, с которыми успел уже ознакомиться, поэтому в этом совещании коснулись только некоторых деталей, главным образом, численности нарядов и личного состава лиц, которых надлежало командиро-

вать в распоряжение градоначальника на усиление. Благодаря недавнему опыту — в 1913 г. было два высочайших посещения Москвы — ориентироваться с нарядами было нетрудно. За Москву я вообще был спокоен, несмотря на то, что во главе охранного отделения стоял подполковник А. П. Мартынов, не пользовавшийся особенным моим доверием, как человек хотя и умный, но неискренний, хитрый и бывший себе на уме. Но зная его как карьериста, я полагал, что он в данном случае будет всецело следовать тому новому направлению, которое я уже успел внушить офицерам розыска и придерживаться которого я требовал неукоснительно, так как он, конечно, не мог не учитывать тех последствий, которые бы его ожидали, если бы он действовал вопреки моим взглядам. Тем не менее я командировал на усиление штата Московского охранного отделения подполковника Щегловского, которого я хорошо знал еще будучи губернатором и который был мне весьма предан. Это был отличный во всех отношениях офицер, отличавшийся большим тактом.

На другой день моего пребывания в Москве в моем присутствии состоялось совещание у губернатора графа Муравьева по поводу мер охраны при посещении Государем Сергиева Посада и проезда его величества в пределах Московской губернии. Совещание это быстро разрешило все возбужденные вопросы, схема охраны была составлена по примеру 1912 г., так что не вызывала никаких возражений. Губернатор возбудил ходатайство о возможно более широком предоставлении представителям крестьянского населения права и счастия видеть Государя, для чего собрать всех волостных старшин губернии в Посаде, предоставив им место по пути высочайшего следования. Губернский же предводитель А. Д. Самарин высказал пожелание, чтобы все волостные старшины во главе с земскими начальниками, кроме старшины Морозовской волости, долженствовавшего быть в Сергиевом Посаде, могли собраться в Москве и получить возможность поднести Государю хлеб-соль. Я поддержал А. Д. Самарина, и решено было в Сергиевом Посаде собрать всех сельских старост Дмитровского уезда с волостным старшиной Морозовской волости, а в Москве — всех старшин губернии, о чем и войти с ходатайством, дабы им предоставлены были места на всех торжествах.

В тот же день, 24 марта, я выехал в Петербург, так как знал, что 25-го, в день Благовещения, Государь должен был приехать из Царского Села на парад Лейб-гвардии конному полку по случаю его полкового праздника. Парад этот происходил всегда в манеже полка на Конногвардейском бульваре и был один из самых красивых парадов. Я еще в детские и юношеские годы бывал всегда на этом параде еще во времена Александра II, когда мой отец был начальником канцелярии генерал-инспектора кавалерии и мы жили на казенной квартире в казармах этого полка.

Переодевшись в вагоне в парадную свитскую форму, я проехал прямо в манеж и имел счастье после парада представиться Государю по случаю моего возвращения из командировки.

У себя дома, на столе среди бумаг, полученных в мое отсутствие и не пересланных мне, я нашел письмо министра внутренних дел от 17 марта о последовавшем всемилостивейшем Государя императора соизволении на присвоение мне звания почетного гражданина городов Серпухова, Коломны, Подольска, Клина, Вереи, Можайска и Воскресенска, согласно ходатайства о сем городских общественных управлений названных городов, а также и о присвоении моего имени новостроящейся земской школе при селе Воскресенском Рузского уезда, и Шелковскому двуклассному земскому училищу в Верейском уезде, с помещением моих портретов в означенных школах. Я был очень счастлив, прочтя эти бумаги, которые еще больше сближали меня с дорогой Москвой, сближали с родным мне населением губернии.

В Петербурге я пробыл недолго, так как должен был еще по делам службы побывать в Москве. Перед отъездом туда я отдал по Корпусу жандармов приказ за № 73 от 29 марта с руководящими указаниями чинам Корпуса ввиду высочайшего путешествия по России в мае и для объединения при этом действий всех чинов, призванных к охранению порядка. [...]

29-го, вечером, я выехал в Москву, где пробыл три дня. В течение этих дней я ознакомился с подведомственными мне учреждениями Корпуса жандармов, произвел смотр отдельным частям и обревизовал некоторые управления и отделения. Результатом этого явились мои два приказа от 10 апреля. [...]

31 марта, в то время, когда я был в Москве, состоялся юбилей старика Е. В. Богдановича — прошло 25 лет со дня назначения его членом совета министра внутренних дел. Богданович был известным патриотом-деятелем, долгое время он был старостой Исаакиевского собора и издавал брошюры, картины и книжки в патриотическом духе по поводу разных событий в истории России. Издавал он их на средства, отпускавшиеся ему из сумм Министерства внутренних дел, раздавались же они бесплатно, распространялись по всей России. Некоторые из них были слабо написаны, но среди них бывали и весьма ценные издания, как, например, «Историческое паломничество нашего царя в 1913 г.».

Я с ним познакомился за несколько лет до моего назначения товарищем министра, когда он, проездом через Москву в Троице-Сергиеву лавру, заехал ко мне и привез целую кипу брошюр для раздачи народу. Он всегда два раза в год ездил в Сергиеву лавру поклониться мощам преподобного Сергия и отслужить молебен и останавливался тогда по несколько дней в Москве в гостинице «Дрезден», где я его и навестил, чтобы поблагодарить за любезность. Я помню, как меня поразила тогда бодрость его ума, удиви-

тельная память. Ему было уже за 80, и он в течение десяти лет был слепым на оба глаза, но это не мешало ему быть жизнерадостным, не мешало ему всем интересоваться. Его жена окружала его необыкновенно заботливым уходом, была настоящим его ангелом-хранителем. Надо было удивляться, как ее на все хватало. Кроме ухода за ним, она была и его личным секретарем по изданию книг и брошюр, она писала под его диктовку. Многие его бранили, говорили, что он своими брошюрами, издаваемыми на чужой счет, ищет популярности, наживается на них и т. д. Разные слухи не в его пользу доходили и до меня, и первое время моего знакомства с ним я относился к нему с большой осторожностью. Но когда я ближе столкнулся с ним, то невольно проникнулся уважением, а перед женой его не мог не преклоняться *. Я стал бывать у них, правда не часто, так как занятия отнимали у меня все время, но раз или два в месяц я всегда заезжал к нему к завтраку, что доставляло старику большое удовольствие, так как он был большой хлебосол. У него всегда за столом были накрыты четыре-пять приборов для гостей. Это все знали. Завтрак бывал всегда очень скромный, бутылка белого и красного вина стояли на столе. За столом, несмотря на свою слепоту, он удивительно хорошо ориентировался, указывал всем места, поддерживал общий разговор, беспокоился, достаточно ли все едят, был на редкость радушный хозяин.

Впоследствии я еще более оценил его искреннюю душу, когда он смело выступил против Распутина, написав Государю несколько весьма откровенных писем. Первое письмо было принято Государем доброжелательно, очевидно, во внимание к его годам и немощи, но после следующего письма дворцовый комендант Дедюлин приехал к нему и от имени Государя просил его прекратить подобную переписку, касавшуюся личной жизни их величеств. Это страшно огорчило старика, он сразу как-то осунулся, жизнерадостность его исчезла. После этого спустя полгода он скончался. Это было, насколько я припоминаю, в 1914 или начале 1915 г.

В день его юбилея я послал ему из Москвы следующую депешу: «Сегодня знаменательный день 25-летия со дня назначения Вашего высокопревосходительства членом совета. Приношу Вам, глубокочтимый Евгений Васильевич, чувства моего глубокого уважения и сердечной преданности, вместе с поздравлениями и пожеланиями Вам здоровья. Да сохранит Вас Господь еще на многие годы среди всех нас, Вас почитающих. Джунковский».

5 апреля состоялось совещание у министра внутренних дел по вопросу организации мер, связанных с предположенным в мае высочайшим проследованием по реке Волге из Нижнего в Ярославль. В совещании приняли участие флаг-капитан его величества

* Разочаровался я в ней далеко позднее, прочтя ее дневник, изданный уже после революции. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

генерал-адъютант Нилов, начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения князь В. Н. Шаховской и старший штаб-офицер походного штаба флаг-капитан Н. Б. Саблин. Начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения ознакомил совещание с проектом, выработанным во вверенном ему управлении, мер, имеющих обеспечить благополучное проследование их величеств по реке Волге.

Согласно означенному проекту, руководство всеми мероприятиями предположено было возложить на начальника Нижегородского отделения Казанского округа путей сообщения, которому в этом отношении должны были быть подчинены все привлекаемые к таковым мероприятиям чины как технического, так и судоходного надзора. Для обследования судового хода и устранения имеющихся препятствий (корчи *, камни, топляки, утраченные якоря, лоты и проч.) с начала навигации предложено было произвести неоднократные траления меженной ходовой полосы, на ширине не менее 50 сажень, одиннадцатью водолазными кранами Ярославского, Унженского и Балахнинского технических участков и проверки, в пределах перекатов ходовой полосы, рамами судоходного надзора. В тех местах, где ход имел достаточную глубину и ширину, но в стороне от него имелись препятствия, для ограждения которых обычно ставилось по одному бакену, предположено было поставить, в зависимости от важности пункта и местных условий, два или три бакена. На каждом посту, обслуживавшем обстановку бакенами, предположено было поставить по две лодки. Таких постов на протяжении от Нижнего Новгорода до Ярославля 200 с небольшим. Кроме того, на каждом посту иметь не менее трех сторожей (рулевой и два гребца).

В целях урегулирования движения предположено было: 1) прекратить за три дня до высочайшего проезда выпуск на Волгу из ее притоков на пространстве между городами Рыбинском и Нижним Новгородом сплавных судов, а также грузовых и однорядных плотов, остановив их на притоках реки Волги вблизи жилых мест; и 2) приостановить на пространстве от г. Рыбинска до Нижнего Новгорода движение сплавных судов, а также грузовых однорядных плотов, остановив их, по возможности, вблизи жилых мест. С этого же срока движение груженых судов под буксиром пароходов разрешать не более как по два судна, вместе с тем, судам воспретить пользоваться рысковыми якорями.

За двенадцать часов до проезда предположено было останавливать на пути следования все идущие как вверх, так и вниз буксирные пароходы с караванами, причем подходящие за этот промежуток времени к г. Нижнему Новгороду снизу караваны задерживать

* Корч — пень с обрубленными корнями.

распоряжением речной полиции на Нижегородском рейде, а в случае заполнения рейда — у Подновского моста. За четыре часа до проезда прекратить отвал от г. Нижнего Новгорода идущих вверх пассажирских, грузовых и порожних буксирных пароходов. За два часа до проезда остановить движение всех пассажирских, грузовых и порожних буксирных пароходов. Движению всех пассажирских пароходов, как вверх, так и вниз, составить графики, на которые также нанести движение специальной флотилии. Идущие сверху пассажирские пароходы задерживать у пристаней, ниже которых по графику должна произойти встреча со специальной флотилией, если согласно графику до встречи оставалось бы не менее двух часов. В противном случае задерживать их на предшествующих пристанях или вне фарватера.

Означенные меры по урегулированию движения предположено было осуществить чинами судоходного надзора. Перед проследованием специальной флотилии, за двенадцать часов до высочайшего отбытия из Нижнего Новгорода, вверх по реке предположено было отправить особо назначенный казенный пароход в сопровождении двух баркасов, имея на борту соответственное число нижних чинов полиции, который и должен был бы останавливать все встречаемые на пути буксирные пароходы с караванами, идущие как сверху, так и снизу, наблюдая, чтобы они становились на якорь вне фарватера. На каждый остановленный пароход должен был быть при этом назначен нижний чин полиции.

За два часа до отплытия из г. Нижнего Новгорода специальной флотилии вверх по реке предположено было отправить второй, особо назначенный казенный пароход в сопровождении двух быстроходных рассыльных баркасов, тоже с соответственным числом нижних чинов полиции, для остановки всех встречаемых на пути пассажирских, грузовых и порожних буксирных пароходов, идущих как сверху, так и снизу, наблюдая, чтобы они становились на якорь вне фарватера. На каждый остановленный таким способом пароход должен был быть также назначен нижний чин полиции.

После прохода специальной флотилии идущий сзади казенный пароход в сопровождении баркаса должен будет снимать с задержанных частных судов нижних чинов полиции и разрешать судам продолжать свой путь. Вместе с тем, означенный казенный пароход должен будет наблюдать, чтобы идущие снизу пароходы отнюдь не обгоняли его.

Обсудив приведенные предположения и всецело к ним присоединившись, совещание остановилось на мероприятиях по урегулированию движения судов, причем было указано на необходимость возможно меньше стеснять таковое, дабы не вызывать нареканий, связанных с высочайшим проследованием. В сих видах признано было возможным приостановить на Волге, от Рыбинска до Нижнего Новгорода, движение сплавных судов, а также грузовых и однород-

ных плотов не за три дня до высочайшего проезда, как предполагалось, а лишь за день, и разрешить с этого же времени движение груженых судов под буксиром пароходов не по два судна, а по три.

Что же касается прекращения за три дня до проезда выпуска на Волгу из ее притоков сплавных судов, а также грузовых и однорядных плотов, то по заявлению камергера князя Шаховского, означенная мера совершенно не стеснит владельцев, так как для них наиболее существенно выйти из мелководных рек к Волге, а задержка уже на самой Волге затруднений не составит.

Об означенных мерах совещание признало необходимым заблаговременно оповестить по сплавным рекам, дабы предупредить скопление плотов. Признавая, что осуществление этих мероприятий силами чинов только одного судоходного надзора не обеспечит правильного их выполнения, ввиду малочисленности означенного надзора, в совещании был поднят вопрос о необходимости предложить местным начальникам губерний издать с 1 мая на один месяц соответственные постановления, в коих указать об обязательности для всех судов и плотов беспрекословно подчиняться требованиям судоходного, речного и полицейского надзора. Проект приведенного постановления министр внутренних дел поручил разработать и составить по Департаменту полиции.

Попутно генерал-адъютант Нилов возбудил вопрос о необходимости запретить на время высочайшего проезда движение частных моторных лодок (не исключая и яхт-клубных). Вполне присоединяясь к означенному пожеланию, совещание постановило упомянуть об этом в обязательном постановлении, где указать, что допуск моторных лодок, кроме казенных, прекращается за 3 дня до проезда.

Засим, признавая незначительным судоходный надзор, обслуживающий посты, совещание высказалось за необходимость поместить в каждую лодку, в придачу к сторожам судоходного надзора, по одному стражнику (при оружии).

По вопросу о движении специальной флотилии по Волге в совещании было доложено, что Государь изволит отбыть из Нижнего Новгорода в 10 часов вечера на второй день после высочайшего выезда из С.-Петербурга, и что пароходы, на которых будет пребывать Государь с августейшей семьей, пойдут со скоростью около 14 верст в час; ввиду этого на переход от Нижнего Новгорода до Костромы потребуется времени около 24—25 часов, следовательно, при непрерывном ходе специальная флотилия может прибыть в Кострому на следующий день после выхода из Нижнего Новгорода, примерно около 10 часов вечера. Так как согласно программе проход мимо Костромы к Ипатьевскому монастырю намечен в 9 часов утра третьего дня, то является необходимым сделать в пути остановку примерно на 11 часов.

Обсудив означенное, совещание высказалось за предпочтительность сделать такую остановку ночью, дабы дать возможность их величествам днем обозревать при проходе живописные берега Волги. Признавая желательным сделать остановку вблизи Костромы, чтобы обеспечить своевременное прибытие в названный город, постановлено было первую ночь пути идти безостановочно, лишь несколько замедлить ход, и чтобы часам к девяти утра пройти мимо живописного Юрьевца-Польского, древнего города, основанного, по преданию, в 1228 г. великим князем Георгием Всеволодовичем на месте бывшего ему чудесного видения иконы Св. Георгия Победоносца, и часам к двум быть у г. Кинешмы, старинного поместья князей Бельских, сыгравшего видную роль в Смутную эпоху в качестве защитницы православия и национализма против поляков.

В силу изложенных соображений, постановлено было сделать остановку во вторую ночь пути примерно у устья реки Кошки, верстах в 30 от г. Костромы. В 10 часов 30 минут вечера отбытие из Костромы в Ярославль.

Принимая во внимание, что согласно программы его величества пребывает в Ярославль в 9 часов утра, представляется необходимым сделать вторую остановку, примерно часа на четыре. Руководствуясь вышеприведенными соображениями, совещание постановило остановиться ночью верстах в 25 от Ярославля.

Засим совещание приняло к сведению пожелание камергера князя Шаховского о безусловном воспрещении зажигать ночью по берегам при проходе флотилии костры, смоляные бочки и иллюминацию, так как означенные огни могут мешать правильному направлению пароходов, но высказалось, по предложению министра внутренних дел, за украшение берегов в тех местах, где их величества изволят следовать днем, причем признано было желательным устройство в прибрежных селениях арок и других украшений, как это имело место при путешествии их величеств в сентябре 1911 г. по реке Десне в Чернигов, и чтобы духовенство означенных селений встречало их величества у арок в облачении и со святым крестом.

По сделанному генерал-адъютантом Ниловым заявлению о горячем желании волжских судопромышленников устроить в Нижнем Новгороде пристань с шатром на ней, где бы его величество, взамен предполагавшегося ранее посещения особого парохода, соизволил осчастливить приемом депутацию от указанных судопромышленников, совещание признало вполне возможным уважить приведенное ходатайство, тем более, что указанная пристань могла бы служить местом отъезда к высочайшему обеду на собственный его величества пароход. Вместе с сим совещание просило камергера князя Шаховского сделать зависящее распоряжение о техническом осмотре пристани, а равно пройти водолазами прилегающие места.

Засим далее были доложены мероприятия по охране береговой полосы, выработанные мною совместно с губернаторами при объез-

де Костромской, Ярославской и Нижегородской губерний в минувшем марте месяце.

6 апреля в Петербурге хоронили генерала от инфантерии Газенкамфа, помощника августейшего главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Я его хорошо знал еще как преподавателя военной администрации в Пажеском корпусе. Мы его очень любили за его постоянно доброжелательное, снисходительное отношение к нам — его ученикам. Это был чудный человек, необыкновенной доброты, всегда ровный, благожелательный, с характерным, немного грассирующим голосом. На всех ступенях своего служения он был одинаково скромным и дельным человеком; своим ровным мягким характером и спокойствием он благотворно влиял на вспыльчивый характер своего непосредственного начальника великого князя Николая Николаевича.

15 апреля состоялся обычный пасхальный прием в Царском Селе. Вместе с лицами Свиты я приносил поздравления их величествам, имел счастье христосоваться с Государем.

20 апреля, ввиду появившихся в разных газетах заметок о произведенных будто бы массовых арестах среди воспитанников учебных заведений, я вынужден был приказать выпустить от Департамента полиции следующее сообщение:

«За последние дни в ряде газет появились заметки о произведенных в С.-Петербурге арестах среди воспитанников различных учебных заведений, причем в большинстве проглядывало стремление поставить эти аресты в связь с задержанными участниками собрания общеученических организаций, происходившего 8 декабря 1912 г. в С.-Петербурге, в частной гимназии Витмер. В действительности же обыски и аресты, произведенные в С.-Петербурге и в некоторых других городах в последних числах марта с. г., были основаны на следующих данных: в апреле 1912 г. в С.-Петербурге были обнаружены прокламации неизвестной до того времени революционной организации, присвоившей себе наименование «Учредительной группы Революционного союза», поставившей себе задачей ниспровержение существующего политического строя, и 15 мая прошлого года некоторые из участников ее были задержаны и привлечены при С.-Петербургском губернском жандармском управлении.

Однако после этого упомянутый «Революционный союз» продолжал существовать и в феврале с. г. выступил с преступным воззванием, в котором поместил прямое оскорбление по адресу священной особы Государя императора и дерзостное неуважение к верховной власти, заключающееся призывом к «свержению царского правительства и учреждению демократической республики». Вслед за тем до сведения полиции дошло, что группа «Революционного союза» приняла на себя проведение в С.-Петербурге забастовки рабочих на фабриках и заводах и устройство уличных демон-

страций 4 сего апреля, причем с этой целью совместно с другими революционными организациями составили и выпустили воззвание. Эти данные побудили охранное отделение произвести аресты выясненных к тому времени членов «Революционного союза», среди которых оказались только два участника собрания 9 декабря 1912 г. в гимназии Витмер. Всего же по означенной ликвидации было арестовано 31 лицо и обыскано 40. У многих из арестованных по ликвидации «Революционного союза» обнаружены преступные воззвания и другие документы, указывающие на их революционную деятельность. Вся переписка по последним арестам членов «Революционного союза» передана С.-Петербургским охранным отделением в губернское жандармское управление, при котором возбуждено формальное дознание в порядке 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства по признакам преступления 102 статьи Уголовного уложения».

В связи с этим делом я потребовал к себе для ознакомления дело Витмеровской гимназии. Просмотрев это дело и выслушав доклад директора Департамента полиции, я пришел в ужас от преступных, с моей точки зрения, приемов со стороны лиц, ведавших розыском, выразившихся в пользовании сотрудниками из числа учащихся средних учебных заведений. Мне показалось чудовищным такое заведомое развращение учащейся молодежи, не вступившей еще на самостоятельный путь, и как мне Белецкий ни доказывал необходимость этого, я не мог с ним согласиться.

Я приказал тотчас же составить самый строжайший циркуляр, воспрещавший пользоваться сотрудниками из учащихся средних и низших учебных заведений. Но несмотря на этот мой циркуляр, не допускавший никаких возражений, я, тем не менее, после этого при обозрении дел в губернских жандармских управлениях имел случай два раза наткнуться на неисполнение моего циркуляра; думаю, что это было не без участия Белецкого. Я решил прибегнуть к крайней мере — виновные в неисполнении моего распоряжения были отчислены от своих должностей без всяких объяснений.

Одновременно с этим я невольно обратил также внимание и на агентуру в войсках, когда все чаще и чаще среди бумаг, представляемых мне на подпись, стали попадаться заготовленные на имя командиров корпусов и командующих войсками конфиденциальные письма, в которых доводилось до их сведения о разных недовольствах, готовящихся беспорядках, тревожных настроениях и т. п. в частях войск вверенных им корпусов или округов. Иногда в письмах этих описывались и такие случаи, как в какой-нибудь роте какого-нибудь полка нижние чины не ответили на приветствие командира или отказались от пищи, найдя ее недостаточно хорошо приготовленной, как они демонстративно покинули столовую и т. д. Производило впечатление, что я как будто собираю всякие сплетни и сообщаю их высшему военному начальству. Такая роль была, конечно,

не по мне, и я не подписывал подобных писем, возвращая их в Департамент полиции с требованием объяснения.

Из доклада директора Департамента я узнал, что такая практика существовала уже несколько лет. Департамент полиции получал от местных розыскных органов сведения о происшествиях в войсках, и эти сведения и сообщались высшему военному начальству. Такого рода переписка, шедшая непосредственно к высшему начальству, естественно, вызывала большое раздражение ближайшего военного начальства на офицеров розыска, и отношения между военными и жандармскими управлениями принимали совершенно невозможный характер; к тому же, часто сведения, сообщаемые розыскными органами, бывали сильно преувеличены, происшествия недостаточно серьезные, а кроме того, часто эти донесения получались в Департамент уже после того, как непорядки были ликвидированы и инцидент исчерпан. Командующий же войсками, получив такого рода письмо, естественно, давал ему ход, и давно забытое дело всплывало опять, что для ближайшего начальства не могло быть приятно, ему приходилось отписываться, оправдываться, раздражение к чинам Корпуса жандармов росло.

Дабы урегулировать эти ненормальные отношения между военным начальством и жандармскими управлениями, я издал строжайший циркуляр, в основе коего лежало самое тесное взаимодействие чинов Корпуса жандармов с войсковыми частями. Я потребовал, чтобы чины вверенного мне Корпуса, прежде всего, получаемыми ими сведениями о происшествиях в частях войск и настроении делились бы с ближайшим военным начальством, донося об этом и Департаменту полиции, но только для сведения. Одновременно я обратился с письмами ко всем командующим войсками с приложением моего циркуляра по Корпусу жандармов, прося их содействия к установлению отношений взаимного доверия войсковых частей и чинов Корпуса жандармов друг к другу.

Идя в этом направлении далее, я не мог не обратить внимания на недопустимое, с моей точки зрения, пользование чинами Корпуса жандармов секретными сотрудниками из числа нижних чинов войсковых частей, считая такого рода приемы развращением войск и расшатыванием дисциплины. Кроме того, изучая дела о волнениях и беспорядках в войсках, имевших место в последние годы, я не мог не натолкнуться на явную провокацию, как, например, в Туркестанском военном округе, где волнения среди некоторых войсковых частей были вызваны исключительно провокаторскими приемами секретных сотрудников из нижних чинов под руководством местного охранного отделения.

Когда я вступил в должность товарища министра, по всей России, с согласия военного министра Сухомлинова и большинства командующих войсками, существовала войсковая агентура под руководством офицеров Корпуса жандармов, а иногда даже и унтер-

офицеров. Секретные сотрудники выбирались из нижних чинов офицерами Корпуса жандармов случайно или по рекомендации ротных командиров. На их обязанности было являться к офицеру, заагентурившему его, и докладывать о всем, что делается в его части, о чем говорят между собой нижние чины, каково настроение и т. д. Бывали случаи, что в части все было тихо и спокойно, настроение хорошее, между тем жандармскому офицеру очень хотелось сделать карьеру, и для этого он начинал что-нибудь выдумывать, начинал угрожать своему сотруднику, что лишит его содержания, если он не будет давать ему сведений. Этого было достаточно, чтобы сотрудник, не имевший нравственных устоев, начинал сообщать сведения заведомо ложные, на основании коих производились обыски и даже аресты. Потом, конечно, из этого ничего не выходило, но группа недовольных все разрасталась, а офицер как будто и проявлял деятельность. Другой офицер, не получая сведений, прибегал к другому способу — он давал сотруднику пучок прокламаций, чтоб тот роздал у себя в роте и затем сообщил бы фамилии тех нижних чинов, которые набросятся на эти прокламации, проявят к ним сочувствие, другими словами, провокация в полном смысле, и в части, где все было спокойно, начинались волнения.

Когда я столкнулся со всем этим ужасом, то решил немедленно упразднить всякую агентуру в войсках. Но это было не так легко сделать, так как благодаря моим предшественникам, особенно генералу Курлову, военное высшее начальство проникнуто было уверенностью в необходимости пользования такой агентурой. Я никак с этим примириться не мог и решил действовать самым энергичным образом. Я очень надеялся на поддержку великого князя Николая Николаевича, бывшего тогда главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, и не ошибся. Но прежде всего я поехал к военному министру Сухомлинову, которому и изложил все причины, побудившие меня на такой шаг. Сухомлинов выслушал меня, но так как он не любил задумываться и углубляться в дело, то заявил мне, что это его мало касается, что в этом заинтересован главнокомандующий, и поэтому я должен с ним переговорить, а что он заранее согласен на всякое решение. Я и проехал от него к великому князю — главнокомандующему, испросив по телефону разрешение явиться.

Великий князь был столь любезен — пригласил меня запросто к завтраку. После завтрака его высочество увел меня в кабинет, и здесь я подробно доложил свой взгляд на агентуру из нижних чинов и то развращающее влияние, которое она имеет на войска, привел и все примеры, как доказательство этого разврата. Великий князь очень внимательно выслушал меня и, как мне казалось, сочувственно. Когда я кончил, его высочество мне сказал, что у него всегда в душе оставался омерзительный осадок, когда он соприкасался с этой стороной дела в войсках, но ему так настойчиво

доказывали о необходимости такой агентуры, что он и дал согласие. Теперь же, после моего доклада, вполне мне доверяя, он с легкой душой дает свое согласие на упразднение этой агентуры. Затем великий князь мне сказал приблизительно следующее: «Я вам верю безусловно и не сомневаюсь, что вы все сделаете с вашей стороны, чтобы помочь нам сохранить войска от преступной пропаганды. Разрешаю вам, если вы найдете необходимым лично что-либо проверить, посещать любую часть вверенных мне войск, входить в сношения со всеми начальствующими лицами, двери казарм для вас всегда открыты, что же касается меня, прошу вас держать меня всегда в курсе всех дел, касающихся вверенных мне войск. Не стесняйтесь никогда, если у вас будет до меня дело, помните это, звоните мне в телефон *, а если надо, приезжайте ко мне в любое время, если вам скажут, что я сплю и меня нельзя будить, идите сами в спальню и тащите меня прямо с кровати. Для дела я всегда на службе день и ночь».

Ободренный таким сочувственным отношением великого князя и доложив министру результат моих переговоров, я сделал распоряжение по Департаменту полиции об упразднении агентуры в войсках и составлении проекта инструкций по наблюдению за настроением в войсках на совершенно новых началах. Затем я обратился по этому поводу с циркулярными письмами к командующим войсками, уведомляя их об упразднении агентуры в войсках. Я препроводил им и проект составленной инструкции об осуществлении надзора за пропагандой в войсках на новых началах, прося их не отказывать в отзыве на нее.

Все командующие войсками отнеслись весьма сочувственно, за исключением командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Иванова, который, к моему удивлению, остался как бы недовольным такой реформой. Впоследствии, когда это изменение в деле розыска было проведено во всех частях войск, я получил несколько писем с выражением благодарности от некоторых командиров корпусов и начальников дивизий. Благодаря этим моим распоряжениям отношения между войсковыми частями и чинами Корпуса жандармов значительно улучшились.

25 апреля в Москве состоялось общее собрание членов Общества любителей коммерческих знаний под председательством В. Г. Сапожникова. На этом собрании председатель доложил, что я согласился остаться попечителем Академии и что Совет при прощании моем перед моим отъездом в Петербург просил моего разрешения поместить мой портрет в актовом зале Академии, на что я выразил согласие и прислал свой портрет. Затем была прочтена моя приветственная депеша, на каковую собрание ответило мне следующей:

* Так в тексте.

«Члены Общества любителей коммерческих знаний, собравшись впервые после того, как Вы покинули Москву, с чувством искренней радости выслушали сообщение председателя собрания о том, что Вы согласились остаться и впредь президентом общества и попечителем Академии, и единогласно постановили принести Вам глубокую благодарность за неизменно доброе сердечное отношение к Академии. Собрание очень признательно Вам за присланный в Академию Ваш портрет и за полученное от Вас приветствие и, с своей стороны, горячо желает Вам доброго здоровья на многие годы. Председательствующий — Сапожников».

В мае ожидалась поездка Государя в Берлин на свадьбу дочери императора Вильгельма принцессы Виктории-Луизы Прусской с принцем Эрнстом Великобританским, герцогом Брауншвейгским. По этому поводу наш посол в Берлине Свербеев просил меня приехать в Берлин для личных переговоров относительно мер по охране Государя.

23 апреля я выехал из Петербурга. В Берлине остановился в гостинице «Бристоль», рядом с домом нашего посольства. Переодевшись, я отправился к нашему послу, который меня уже поджидал. Это был милейший и симпатичнейший человек, еще совсем молодой, весьма предупредительный, с ним было легко говорить. Он меня принял в присутствии первого секретаря посольства Боткина, тоже светлой и прекрасной личности, в руках которого сосредоточена была вся распорядительная часть по приему Государя в посольстве. Я сказал Свербееву, что приехал, чтобы лично от него получить все нужные указания и в случае надобности прийти на помощь всеми имеющимися у меня средствами. Свербеев, с своей стороны, просил моих указаний, как осуществить охрану дома посольства во время пребывания в нем Государя, удостоившего посольство принятием приглашения к завтраку в один из дней своего пребывания в Берлине. Затем он ознакомил меня со всем помещением посольства и распределением комнат. Столовая, в которой имел состояться завтрак, одной стеной как раз примыкала к стене гостиницы «Бристоль», вследствие чего я решил оставить за собой все номера гостиницы, соприкасавшиеся с этой стеной. Что касается других мер охраны в посольстве, то все было так хорошо предусмотрено Боткиным и Свербеевым, что мне оставалось только всецело присоединиться к проектируемым ими мерам.

Окончив все в посольстве, я поехал к начальнику берлинской полиции (Polizei Präsident) фон Ягову, который был предупрежден о моем приезде Свербеевым. Когда я приехал в Polizei präsidium, меня встретил какой-то чиновник полиции и провел меня чрез ряд комнат в кабинет фон Ягова. Меня страшно поразило полное отсутствие курьеров, которыми так и кишели всегда приемные и коридоры наших министерств и департаментов. Когда же этот чиновник, провожавший меня, пошел доложить о моем приходе фон

Ягову и оставил меня одного в какой-то комнате, уставленной шкафами с делами, то я, ориентируясь в окружавшей меня обстановке и ожидая минут 10, невольно подошел к двери, желая ее открыть, оказалось, что все три двери этой комнаты были заперты, я понял, что войти можно, но выйти уже нельзя, поэтому и такая масса курьеров, как у нас, им не нужна.

Фон Ягов меня принял строго корректно и официально, произвел он на меня своей фигурой и спокойно деловитым тоном очень хорошее и внушительное впечатление. Я ему сказал, что приехал в Берлин, чтобы лично познакомиться с ним и предложить в его полное распоряжение, если только он это признает полезным, некоторое количество агентов наружного наблюдения, несущих службу за границей, которые знают в лицо русских террористов. Он очень поблагодарил меня, сказал, что хотя у них и не имеется никаких опасений и что берлинский народ и рабочие настроены по отношению к России весьма дружелюбно, но что излишняя осторожность не мешает, и он принимает мое предложение с благодарностью.

Сделав несколько необходимых визитов и посетив Свиты генерала Татищева, состоявшего при особе императора Вильгельма, а также генерал-адъютанта Козлова, проживавшего всегда за границей, я на следующий день к вечеру выехал в Париж, где было Центральное управление нашей заграничной полиции и сосредоточена была канцелярия заведовавшего ею неофициального представителя Министерства внутренних дел при посольстве чиновника особых поручений при министре А. А. Красильникова. Я знал его еще в бытность его офицером Лейб-гвардии Конного полка, по выходе же его в отставку с военной службы я его не встречал и увидел его опять при выходе моем из вагона в Париже, на вокзале, уже как подчиненное мне лицо. Прямо с вокзала я проехал с Красильниковым в гостиницу «Лоти», где я остановился, переоделся и отправился к нашему послу Извольскому.

В это время наша заграничная полиция переживала трудное время, благодаря травле ее Бурцевым, разоблачению ее агентов и т. д. Канцелярия Красильникова помещалась в здании нашего посольства, крошечном помещении, уступленном для этой цели нашим генеральным консульством. Такое соседство весьма не нравилось посольству, которое опасалось возможных нареканий, и только такт и благовоспитанность Красильникова сглаживали это недружелюбие. Посольство опасалось, главным образом, запроса в парламенте о присутствии в Париже русской полиции, и укрывательства ее в здании посольства, что под влиянием статей Бурцева было вполне возможно. Надо было что-нибудь предпринять. В то время розыск за границей производился следующим образом.

Два или три офицера Корпуса жандармов находились в постоянной командировке за границей, совершенно негласно проживая

в разных пунктах, смотря по обстоятельствам, они работали с помощью своих сотрудников, сношение с Департаментом полиции имели исключительно чрез Красильникова, чрез него же получали и директивы от Департамента полиции. Для этого они должны были в известные дни являться в Париж, но отнюдь не появляться в посольстве и в канцелярии Красильникова. В остальное время переписка с ними шла по условленным адресам, а иногда и шифрами. Красильников, таким образом, не руководил заграничным розыском, а являлся только передаточной инстанцией, руководил розыском непосредственно особый отдел Департамента полиции. У Красильникова же в непосредственном распоряжении находились агенты наружного наблюдения за лицами, за которыми таковое учреждалось. Таких постоянных агентов было немного — в Париже около 10, в Англии — один, в Берлине — два, в Италии — два. Все это были иностранцы. Затем в распоряжение Красильникова командировались на время агенты русские, как столичных охранных отделений, так и дворцовой полиции для ознакомления с русскими видными эмигрантами и террористами, дабы знать их хорошо в лицо, изучить их привычки, приемы и т. д.

Извольский меня принял очень любезно, мне удалось его убедить отказаться от мысли удалить из посольства секретную канцелярию по розыску, но не удалось упрочить положение Красильникова, т. е. признать его официальным представителем Министерства внутренних дел при посольстве. Я, со своей стороны, обещал принять все меры, чтобы обезопасить посольство от нареканий и запросов в парламенте по поводу присутствия в Париже чинов русской полиции, узаконив эту организацию, что было возможно, благодаря французским законам, предоставлявшим право каждому частному лицу открывать бюро для розыскных и других целей и принимать на себя поручения частных лиц и учреждений. Вот применительно к этому закону и удалось реформировать отряд наших агентов по наружному наблюдению. Старший из агентов, насколько я помню, Mr. Bittard, на средства, отпущенные для этой цели Департаментом полиции, открыл официальное бюро с разрешения французских властей для исполнения различных поручений от частных лиц и учреждений по розыску. Все было оформлено, агенты поступили на службу к Биттару, посольство осталось удовлетворено, а все в сущности осталось по-старому. Для того, чтобы избежать нареканий, бюро брало иногда и частные поручения.

В Париже я пробыл два дня, ознакомился с ведением дел в канцелярии Красильникова и был более чем удовлетворен поразительным образцовым порядком в его канцелярии, несмотря на крайне скромный состав и весьма небольшое содержание, получаемое ими. Красильников на меня произвел хорошее впечатление своей порядочностью, скромностью, он держал себя с таким тактом, что пользовался как в посольстве, так и среди французских властей

большим уважением. В Департаменте его находили недостаточно знающим дело розыска, и потому не могшим руководить командируемыми офицерами, и недостаточно энергичным, но я считал, что он был вполне на своем месте, главное, своей порядочностью и честностью, а руководство розыском было делом Департамента.

Покончив все в Париже, я выехал прямым поездом Берлин — Петербург, чрез Вержболово. Приехав в Эйдкунен, я вышел из вагона и перешел границу пешком, расстояние между Эйдкуненом и Вержболово было не более версты, на границе был шлагбаум, называемый рогаткой, тут же был пропускной пограничный пункт. Мне хотелось лично посмотреть на работу унтер-офицеров на этом пункте. Меня не ожидали этим путем, так как ждали на станции Вержболово; я был в статском и, пройдя чрез шлагбаум, стал в очередь для предъявления паспорта.

Передо мной стояли все местные пограничные жители, имевшие особые билеты на право перехода границы. Когда очередь дошла до меня и я предъявил паспорт сидевшему за столом жандармскому унтер-офицеру, то он, не глядя на паспорт, подозрительно меня окинул взглядом и спросил строго, но вежливо, почему я избрал способ перехода границы пешком, а не по железной дороге. Я ответил, что хотел пройтись. Он опять строго, но вежливо заявил мне, что я должен вернуться в Эйдкунен и ехать поездом, что здесь он меня пропустить не может или же должен меня препроводить в отделение на станцию Вержболово под конвоем для проверки моей личности. Тогда я ему сказал — я командир Корпуса, прочтите паспорт. Он его раскрыл, прочел и с полным сознанием своего достоинства встал, приложил руку к козырьку фуражки и сказал: «Виноват, ваше превосходительство, не признал Вас в лицо». Я его похвалил за правильное понимание службы, выдал ему 5 руб. награды и отправился на станцию Вержболово.

В Петербург я вернулся 29 апреля к вечеру, а 1 мая уже выехал опять в объезд приволжских городов, [ввиду] предстоящего высочайшего путешествия по Волге. Я считал необходимым еще раз посетить все города, проверить результаты работ по подготовке к торжествам и проехать на пароходе по Волге, так как в первую мою поездку Волга была еще покрыта льдом. В Москву я приехал 2 мая утром в 7 часов 40 минут и в 9 часов с губернатором проехал в Сергиев Посад, откуда, ознакомившись со всеми приготовлениями, на автомобиле проехал в Переславль, затем в Петровск и Ярославль, куда приехал в 9 часов вечера того же дня. На другой день утром в 7 часов выехал на пароходе по Волге в Кострому, куда приехал в 11 часов 45 минут и пробыл там весь день. В 11 часов вечера на пароходе выехал в Нижний, прибыл туда на другой день 4 мая в 6 часов вечера, а в 9 уже выехал по железной дороге во Владимир и прибыл туда ночью. Выехав в 3 часа дня на другой день из Владимира, я был в Петербурге 6 мая утром.

На другой день, 7 мая, в 10 часов вечера назначен был высочайший отъезд Государя в Берлин на свадьбу принца Эрнеста-Августа Великобританского, герцога Брауншвейг-Лютенбургского с дочерью императора Вильгельма принцессой Викторией-Луизой Прусской. Поэтому я выехал из Петербурга в тот же день утром, чтоб иметь возможность проверить охрану на железной дороге от Царского Села до Вержболово. В Берлине я был 8-го утром, приехав, таким образом, за сутки до высочайшего приезда. Так как в Берлине я находился неофициально и ходил в статском, то имел возможность наблюдать такие явления, которые были бы мне недоступны как официальному лицу.

На вокзале меня встретил Красильников, поступивший со своими агентами наружного наблюдения в распоряжение фон Ягова. Он доложил мне о работе своих агентов и об организации охраны посольства. В Берлине все было готово к приему высоких гостей — короля Англии и нашего Государя. Берлин был неузнаваемый, все дома, особенно на Unter den Linden, были разукрашены немецкими, русскими и английскими флагами, зеленью, коврами, всюду масса цветов, кой-где на балконах бюсты трех императоров.

Я остановился в Берлине в гостинице «Бристоль», в своем старом номере с балконом, выходившим на Unter den Linden. Чрез некоторое время по моем приезде состоялся торжественный въезд короля Англии Георга. Выйдя на балкон, я мог отлично все видеть. Среди шпалер войск на средней аллее Unter den Linden (обыкновенно пешеходной) показался сначала взвод кирасир, за ним коляска à la Daumont, в которой сидел король Англии Георг и император Вильгельм, вокруг блестящая свита. Музыка играла английский гимн, народ же как-то сдержанно приветствовал, что меня поразило. Поразили меня также и два велосипедиста в дорожных костюмах, что так бросалось в глаза среди блестящих мундиров, ехавшие по сторонам коляски в двух шагах сзади. Мне объяснили потом, что это телохранители короля английского, но я нашел это и некрасивым и излишним.

Как только процессия миновала, я отправился по соседству к нашему послу Свербееву, обедал у Боткиных. На другой день с раннего утра Берлин был еще оживленнее, чем накануне. Украшения все прибавлялись, толпы народа двигались по улицам. В этот день Государь должен был прибыть в Берлин на Ангальтский вокзал в 11 часов 35 минут утра. Я в статском, с приятным сознанием, что никто меня не знает, пошел бродить по улицам, прошел чрез Бранденбургские ворота в Тиргартен, затем по аллее Победы, чрез Лейпцигскую площадь и по Кенигрецкой улице дошел до Ангальтского вокзала. До прихода поезда оставалось еще 2 часа, доступ на вокзал был довольно свободен, я вошел внутрь и любовался рослым караулом 1-го гвардейского Прусского полка, который выстраивался на платформе. Вся станция была сплошь разукрашена русскими

флагами, весь вокзал убран тропическими растениями. Осмотрев убранство и все приготовления, я пошел обратно по тем же улицам. Шпалеры войск начинали прибывать, толпы народа заполняли уже тротуары. Было очень интересно сновать среди этого народа, слушать разговоры, примечать настроения. Народу было гораздо больше, чем накануне при въезде короля английского. Чувствовался подъем, сочувствие по адресу нашего Государя, что было очень отрадно, и я в отличном настроении пришел к себе в гостиницу и уселся на балконе с моим верным спутником — секретарем Сенько-Поповским, в ожидании торжественного въезда.

Государь прибыл в Берлин в своем собственном поезде в 11 часов 35 минут утра, последнюю остановку перед Берлином поезд имел в Кюстрине, где к Государю вошли российский посол Свербеев и русские военный и морской агенты полковник Базаров и капитан 2 ранга Беренс; Свиты генерал Татищев встретил Государя в Вержболове. Затем вошли и были представлены Государю назначенные состоять при нем генерал-адъютант императора Вильгельма фон Мольтке, вице-адмирал фон Домбровский и командир Александровского полка полковник Шафф фон Виттенау, а также командиры полков: 2-го Драгунского императора Николая II подполковник Цейдлитц-Лейне, Бранденбургского — майор фон Поттен и Вестфальского — подполковник фон Бодельшвинг.

На Ангальтском вокзале встречали императоры Вильгельм и Георг и все принцы и герцоги. Государь был в форме Прусского Александровского гренадерского полка при ленте Черного Орла, император Вильгельм, король английский и многие принцы были в русских мундирах.

Около 12 часов дня на Unter den Linden толпы народа стояли в напряженном ожидании. Вскоре послышалось отдаленное «ура» и «hoch», раздалась команда «на караул», и оркестры музыки заиграли встречу, сменившуюся русским гимном. Показался кортеж. Впереди взвод Драгунского императрицы Александры Федоровны полка в парадной, очень красивой форме, на чудных лошадях, затем коляска à la Daumont, в которой сидел Государь с Вильгельмом, по сторонам, верхом, — командир гвардейского корпуса барон Плетенберг и обер-шталмейстер барон Рейшаф. В следующей коляске король Англии с кронпринцем, неизменные два велосипедиста — телохранители короля Георга. Затем другие принцы, наш посол Свербеев и т. д. Зрелище было очень красивое, гораздо внушительнее, чем накануне при въезде короля Англии, народу было в несколько раз больше, а про овации и говорить нечего, настолько они были грандиознее бывших накануне, это резко бросалось в глаза. Перед дворцом был выстроен Прусский гренадерский императора Александра II полк, по линиям фронта которого медленно проехали русский и германский императоры. Музыка играла русский гимн, а из пушек сделан был салют 101 выстрелом. Во дворе дворца был

выстроен почетный караул от этого же полка. Пропустив его церемониальным маршем, Государь в сопровождении Вильгельма прошел внутрь дворца чрез парадный мраморный подъезд. По всей лестнице, на ступенях, до самых внутренних покоев стояла гвардия. Перед входом в покои опять почетный караул от дворцовой гвардии в старинной исторической форме времен Фридриха Великого с начальником гвардии генерал-адъютантом Шоленом во главе. Здесь Государя встретили императрица, кронпринцесса и другие принцессы. В час дня состоялся фамильный завтрак.

Все газеты поместили сочувственные статьи, посвященные свиданию трех императоров, которому придавалось серьезное политическое значение, несмотря на то, что свидание это носило чисто семейный характер. Газеты высказывали твердую уверенность, что монархи обсудят малоазиатские дела и в результате свидания император Вильгельм, быть может, воспользуется своим влиянием на Австрию, чтоб побудить ее отказаться от попыток расколоть Балканский союз. Особенно горячо прибытие Государя приветствовали газеты. В «Deutsche Tageszeitung» было сказано: «Русский император Николай во время последнего политического кризиса проявил не только высшую мудрость, но и силу, и твердость, для громогласного признания которых не может представиться лучшего случая, как сегодняшний день, когда повелитель России является гостем германского императора». Далее газета писала: «Ныне продолжительный и тяжелый ближневосточный кризис миновал, и повелители России и Англии встречаются в столице Германии. Поворот в политическом положении Германии и Европы не может лучше и короче быть определен, как сопоставление свиданий царя и английского короля в Ревеле и теперь». «Berliner Tageblatt» писал: «Свидание монархов безусловно очистило атмосферу. Никто не рискнет отрицать того, что в Европе легче дышится, нежели в эпоху германской изоляции. Неужели же и теперь Германии еще нужны ее безумные вооружения?»

Государь оставался в Берлине 9, 10 и 11 мая. В первый день, днем, Государь посетил принца Генриха в гостинице «Kaiserhof»; вечером состоялся парадный обед в белом зале Большого дворца.

10-го Государь завтракал в Александровском полку, шефом коего он состоял, затем принимал имперского канцлера Бетман Гольвега; после фамильного обеда, вечером, состоялся парадный спектакль в Королевском театре, давали оперу «Лоэнгрин». Весь театр был удивительно красиво убран белой, розовой и красной гвоздикой — любимыми цветами августейшей невесты. 11-го Государь с императором Вильгельмом на автомобиле ездили осматривать музей оружия и военных трофеев Zeughaus. В 12 часов 40 минут состоялся в высочайшем Государя присутствии завтрак в нашем посольстве. Когда Государь отъезжал от посольства, на Unter den Linden собралось так много народа, что всякое экипажное движение

невольно прекратилось само собой. До самого дворца народ стоял сплошной стеной, приветствуя Государя несмолкаемыми овациями. Такими же овациями приветствовал народ и нашего посла, когда он выезжал из дома посольства в этот день, а через год с небольшим та же толпа при выезде посольства осыпала того же посла и каждого русского в Берлине проклятиями и ругательствами. Никто не представлял себе тогда, что война разразится так скоро.

В этот же день, в 5 часов, в дворцовой церкви состоялось торжественное бракосочетание принцессы Луизы Прусской с герцогом Брауншвейгским, после — парадный обед и традиционный факельный танец — полонез, после чего молодые новобрачные уехали в загородный замок, а Государь в 11 часов вечера отбыл из Берлина. Государь пожаловал имперскому канцлеру ларец в русском стиле, министру иностранных дел фон Ягову — орден Св. Александра Невского, товарищу его Циммерману — Станислава 1-й степени с бриллиантами, германскому послу Пурталесу — свой портрет-миниатюру в нефритовой рамке. Было роздано много орденов по представленному мне списку чинов берлинской полиции во главе с Polizei präsident фон Яговым, который к большой своей радости получил орден Св. Анны 1 степени; немцы были очень падки на ордена. Не забыты были и директор гостиницы «Бристоль», и швейцары, которым я передал соответственные подарки от высочайшего имени. Бедным Берлина Государь пожаловал 10 000 марок. Обер-бургомистр выразил благодарность города и чувства живейшей радости берлинского населения по поводу пребывания Государя в Берлине.

Я все эти три дня имел возможность свободно наблюдать за берлинской жизнью, я много просиживал на балконе своего номера, выходившего на наиболее людную улицу Unter den Linden, много гулял среди толпы. При этом я не мог не обратить внимания на несколько сдержанное отношение берлинской публики к Вильгельму, которого мне пришлось встречать на улицах несколько раз. Уже издали было всегда слышно, по совершенно особенному звуку трубы, когда Вильгельм ехал, вернее, мчался на автомобиле; все движение моментально как бы останавливалось, народ останавливался, дамы махали платочками, иногда раздавалось «hoch». Гораздо большие овации берлинцы оказывали старухе принцессе Баденской, сестре покойного императора. Она, по-видимому, пользовалась большой популярностью. Ездила она всегда в карете, всегда в черном. Как только показывалась ее карета, народ восторженно бежал навстречу, радостно ее приветствуя. Затем следовала кронпринцесса Цецилия, дочь великой княгини Анастасии Михайловны, пользовавшаяся также огромной популярностью. Она была удивительно мила и обворожительна и подкупала своей очаровательной улыбкой. И уже после Цецилии шел Вильгельм. К кронпринцу же население относилось холодно.

На второй день моего пребывания в Берлине я получил записку от гофмаршала великого герцога Гессенского (брата императрицы Александры Федоровны), что великий герцог просит меня приехать к нему в гостиницу «Keiserhof» в 9 1/2 часов утра. Очевидно, он узнал о моем пребывании в Берлине из газет, которые, несмотря на то, что я не был в списке официально сопровождавших Государя, тем не менее оповестили о моем приезде, сообщив и краткую мою биографию и характеристику.

Одев статский сюртук, я отправился в эту гостиницу, в которой кроме великого герцога Гессенского с супругой остановились также и принц Генрих Прусский с женой принцессой Иреной, и принцесса Баттенбергская. Я их очень хорошо всех знал, так как и принцесса Ирена, и Баттенбергская были родными сестрами великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны. Меня приняли в более чем интимной обстановке, все они занимали очень небольшое помещение, по-видимому, даже отдельной приемной комнаты у них не было, что меня, я помню, очень поразило, так как меня приняли в неубранной комнате, с неприбранной кроватью, принадлежностями умыванья и т. д. Встретили меня крайне любезно, ласково, предупредительно, засыпали вопросами, больше всего меня расспрашивал великий герцог Гессенский и принцесса Виктория, принц Генрих раза два входил в комнату, но долго при разговоре не присутствовал и сам особенных щекотливых вопросов не предлагал. Разговор касался главным образом о царящем в России настроении, недовольстве общества, касаясь и настроения в войсках. Все эти вопросы были как бы следствием их забот о родной сестре императрице Александре Федоровне и роли Распутина в ее жизни. Я объяснил им, какую роль играет Распутин, стараясь умалить его значение и доказать преувеличение слухов, но они так хорошо были осведомлены обо всем, что трудно было их переубедить. Они сами стали мне доказывать вред, причиняемый Распутиным их сестре, и начали говорить о необходимости, с моей стороны, повлиять на нее, воспользоваться тем, что я знаю ее с детства, и поговорить с ней, объяснив ей весь вред, причиняемый России и т. д. Когда я проговорился, что этого я сделать никак не могу, так как императрица со мной не разговаривает и избегает, то они с трудом этому поверили и горячо стали меня убеждать как-нибудь это уладить. Затем уже они перешли к общему положению России, и тут мне пришлось выдержать большое напряжение, чтобы не сказать лишнего слова. Меня спасло то, что у меня была богатая тема рассказов о торжествах по случаю 300-летия дома Романовых, на что я все время и переводил разговор.

Наконец, им пришли доложить, что наступило время куда-то ехать, и они стали со мной прощаться. Я был счастлив, что томительный разговор прервался, а главное, что я выдержал искус и мог уйти с сознанием, что не проговорился ни в чем. Может быть, мне

только показалось, что они хотели по дружбе выведать от меня что-нибудь о действительном настроении на моей родине, может быть, они просто из участия, беспокойства за свою сестру расспрашивали меня, но тон и поспешность, с которой они меня закидывали вопросами, показались мне подозрительными. Больше я их никого не видел; в тот же день, за несколько часов до отъезда Государя, я выехал из Берлина в Петербург, а через год началась война, и связь с Германией порвалась.

По пути в Петербург от Вержболова я проверял охрану железнодорожного пути и приехал в Петербург за несколько часов до возвращения Государя, который прибыл в Царское Село 13 мая днем.

В этот же день вечером Государыня императрица Мария Федоровна отбыла из Петербурга в Англию. Для проводов ее величества в императорском павильоне Царскосельского вокзала собрались некоторые министры, лица Свиты, градоначальник, губернатор, депутации полков Кавалергардского и Кирасирского, шефом коих состояла императрица. С свойственным ей умением каждому оказать какое-нибудь участливое внимание, императрица простилась с собравшимися и в императорском поезде проследовала в Царское Село проститься с Государем и оттуда далее в Англию.

В Петербурге пришлось мне пробыть недолго, так как 15 мая в 7 часов вечера назначен был высочайший отъезд в путешествие, вернее, в паломничество по тем самым городам и берегам, по которым 300 лет назад шел в Москву на Престол первый венценосец из дома Романовых Михаил Федорович. Я выехал в тот же день в 10 часов утра, предшествуя царскому поезду и проверяя охрану железнодорожного пути. В Москве я был в тот же вечер в 8 часов, где встретился с министром внутренних дел Маклаковым, который приехал из своего подмосковного имения. Почти весь дальнейший путь высочайшего путешествия мы совершили вместе. Из Москвы мы выехали в 12 часов ночи и прибыли во Владимир в 5 часов утра следующего дня. Государь ожидался в 1 час дня.

Впереди собственного его величества поезда шло еще два императорских поезда: литер Св. (свитский) и литер Б, между поездами час расстояния. Все эти три поезда следовали от Москвы до Нижнего, затем они были переданы в Ярославль, откуда в таком же порядке следовали на Ростов, Сергиево и в Москву на Александровский вокзал. Путь от Нижнего до Ярославля был совершен по воде. Государь со своей семьей шел на пароходе «Межень»; свита — на большом волжском пассажирском пароходе «Царь Михаил Федорович», министры Коковцов, Маклаков, Рухлов, к которым иногда присоединялся и я, — на пароходе Министерства путей сообщения.

Так как до прибытия Государя по нашем приезде во Владимир оставалось много времени, то я успел ознакомить министра со всеми

принятыми мерами охраны, проверить их и даже съездить в Суздаль за 34 версты.

Владимир — первый город, который посетил Государь, встретил царскую семью во всем своем блеске и величии. На вокзале царский поезд был встречен гражданскими и военными властями. Государь был в форме Лейб-гренадерского Екатеринославского полка и, выйдя из вагона, приняв почетный караул от 9-го гренадерского Сибирского полка и обойдя встречавших, со всей своей семьей в двух автомобилях проследовал по улицам города среди ликующей толпы народа, войск и учащихся в Успенский собор. Здесь Государь был встречен архиепископом Владимирским Николаем и, прослушав краткое молебствие, приложился к чудотворной иконе Владимирской Божьей Матери, точной копии с древнейшей иконы, писанной, по преданию, Евангелистом Лукой и хранившейся тогда в Успенском соборе в Москве. Копия же писана была рукой Святителя Петра, митрополита Московского. Приложившись и к мощам святых князей Георгия, Андрея Боголюбского и его сына Глеба, Государь осматривал достопримечательности собора в ризнице, после чего с семьей и лицами свиты проследовал в Дмитровский собор, самый изящный по архитектуре из всех суздальско-владимирских соборов. Здесь Государь расстался на несколько часов с императрицей и наследником, которые отбыли на вокзал, чтобы поездом ехать в Боголюбово, а сам с августейшими дочерьми и свитой на автомобиле по шоссе отправился в древний город Суздаль.

День этот, так торжественно начатый в г. Владимире, был поистине праздником всего Владимирского края, так как народ, стекавшийся со всей губернии и не попавший в самый Владимир, толпами шел и располагался по тридцатичетырехверстному шоссе от Владимира до Суздаля и от Суздаля до Боголюбова. На эту же дорогу выходили и крестные ходы, и ученики сельских школ, и по старому русскому обычаю на перекрестках дорог и против своих изб крестьянки ставили стол с хлебом-солью.

В самом Суздале народ из окрестности собрался еще накануне и буквально затопил собой площади и улицы, убранные коврами, растениями, цветами и флагами. На границе уезда и по дороге было несколько арок с надписями: «Суздальское земство приветствует своего Государя», «Счастливого пути», «Царствуй долгие годы», «Суздальское земство бьет челом своему Государю», «Боже, царя храни» и др. У Рождественского собора были выстроены учебные заведения, роты отбывавших сбор ратников ополчения и далее десятки тысяч народа, среди которых терялись тысячи горожан.

Когда Государь появился на площади, то восторженные крики горожан и крестьян заглушили звон многочисленных колоколов. Никогда не видавшие царя-батюшку горожане далекого Суздаля были взволнованы встречей, многие плакали. На паперти собора Государя встретил епископ Муромский Митрофан. Приложившись

к кресту, Государь беседовал с местными дворянами, местными властями, купечеством, мещанами и крестьянами ближайших сел, поднесшими хлеб-соль. Осмотрев святыни собора, приложившись к мощам Св. Федора, обратив особенное внимание на древний фонарь-великан, пятиглавый, выносной, более сажени в высоту, носимый в крестных ходах четырьмя хоругвеносцами, Государь отбыл в Ризоположенский монастырь, где приложился к мощам Св. Евфросинии (она была дочерью князя Михаила Черниговского, замученного в Орде татарами в 13 в., который ее обручил с потомком варяжского князя Шимоном Шиною, жившим в Суздале; когда обрученная невеста ехала в Суздаль, жених ее скончался, это так подействовало на нее, что она постриглась в Ризоположенском монастыре, где и вела подвижническую жизнь). Затем Государь проследовал в Спасо-Евфимиевский монастырь, где отслужена была лития на могиле князя Д. М. Пожарского. Над могилой красуется памятник-мавзолей, построенный из белого мрамора и обнесенный прекрасной, мелкой резьбы решеткой с замкнутыми вратами из тяжелой бронзы и с выпуклыми изображениями Минина и Пожарского. На фронтоне написаны были вязью слова, сказанные Пожарским на призыв Минина, и краткие сказания о подвигах князя Пожарского из летописей. Сказания эти заканчивались так: «Начальники и вси людие, видя над собой милость Божию, нача думати, како им избрати на Московские государства праведна, чтобы данный от Бога, а не от человек... И положися во вся люди мысль, не только в вельможи или служилые люди, но и простые вси православные христиане... и возопиша вся велегласно: любовию всех нас на Московское государство Михайло Федорович Романов Юрьев».

Переехав речку Каменку, Государь проехал в Покровский женский монастырь, где, осмотрев достопримечательности, пил чай у игуменьи, для лиц же свиты и сопровождавших в покоях того же монастыря был устроен завтрак от имени губернского предводителя дворянства Храповицкого.

Уже перед вечером Государь отбыл в Боголюбово, в древний Боголюбов городок — в то время монастырь. Он сохранил и в то время свои валы и стены и частию дворец Андрея Боголюбского, основателя монастыря на месте чудесного явления ему Божьей Матери. Из дворца сохранились только некоторые комнаты и великокняжеская молельня, где совершено было злодейское покушение на князя Андрея. Около 8 часов вечера Государь с августейшими дочерьми прибыл в Боголюбово, выслушал краткое молебствие и, осмотрев собор, прошел к святому шатру и к тому месту у ограды, где три дня лежало тело убиенного князя Андрея.

Затем Государь принял ряд депутаций от хуторян, рабочих, крестьян, земства и др., а также обошел и всех старшин губернии, собранных в ограде монастыря с земскими начальниками. Совсем уже стало темнеть, когда Государь прибыл на станцию железной

дороги, куда вскоре подошел императорский поезд с императрицей и наследником. В 9 часов при восторженных криках народа и всех собравшихся императорский поезд тихо отошел по направлению к Нижнему Новгороду.

В тот же вечер вместе с министром Маклаковым в 12 часов ночи со станции Владимир я выехал в Нижний под радостным впечатлением благополучного и блестящего начала высочайшего путешествия. На станции Гороховец, где два императорских поезда имели продолжительную остановку, мы обошли их и прибыли в Нижний в 6 часов утра, за четыре часа до прихода царского поезда. В это время, несмотря на ранний час, в городе уже царило необычайное оживление. Арки и триумфальные ворота, везде развевающиеся национальные флаги, ковры, цветы, украшавшие балконы и подъезды, бюсты и портреты царя Михаила Федоровича и Государя совершенно преобразили город. Толпы народа, стекавшиеся в течение нескольких дней со всей губернии, запрудили даже все пустыри ярмарочной части города; весь город был на улицах, празднично одетый, торжественно настроенный.

Когда в 10 часов утра царский поезд остановился у перрона Нижегородского вокзала, громовое «ура» прокатилось из-за Оки, от вокзала, чрез всю ярмарочную часть города, перекинулось по мосту через Оку, достигло Кремля и могуче разлилось на главной площади, когда коляска с Государем, императрицей и наследником остановилась у паперти собора. Это была потрясающая по величественности картина. Преосвященный Иоаким, архиепископ Нижегородский встретил Государя с крестом в руках; приветствуя царя, указал на подвиг Минина, потомки которого, нижегородцы, беззаветно преданы державному своему вождю. Приложившись к кресту, Государь с семьей своей прошел в нижнюю церковь к могиле русского героя Козьмы Минина и опустился на колени. Но вот опять загудели колокола всех церквей, и из собора на площадь, к месту закладки памятника Минину и Пожарскому, потянулся крестный ход, за которым пешком следовал Государь со всей своей семьей. После молебствия совершена была закладка. Когда закончилась церемония, громовое «ура» раздалось снова, войска и кадеты Нижегородского корпуса построились к церемониальному маршу и прошли перед своим державным вождем.

По окончании парада Государь с семьей сели в экипажи и направились во дворец, где состоялся семейный завтрак, по пути выстроены были шпалерами учащиеся, очень красиво и оригинально выделялись учащиеся низших школ, одетые в рубашки белые, красные и синие, изображая этим как бы национальные флаги.

После завтрака Государыне императрице представлялись игуменьи всех женских монастырей, начальница Мариинского института с семью воспитанницами и жены местных начальствующих лиц. У Государя в это время был большой прием должностных лиц

и депутаций, после чего его величество спустился в сад, где его ожидали волостные старшины и другие представители крестьян. Приняв хлеб-соль, Государь обратился к крестьянам с следующими словами: «Передайте всем односельчанам, верным моим нижегородским людям, мою сердечную благодарность за любовь и преданность нижегородского населения, а также за ту хлеб-соль, которую я получил сегодня. Я уверен, что по примеру славных предков вы всегда будете на страже за веру, царя и Отечество. Прощайте».

Простившись со старшинами, Государь в экипаже по улицам, заполненным народом, проследовал во вновь выстроенное здание Нижегородского отделения Государственного банка. Здание это было очень красиво выстроено в древнерусском стиле. При входе в него Государь был встречен министром финансов Коковцовым, представителями банка и членами учетного комитета, которые и были представлены его величеству. Помещение банка было весьма просторное, светлое, вмещавшее в себе и кладовую для помещения части золотого запаса. По осмотре всех помещений Коковцов, в присутствии Государя, объявил служащим банка, что его величество приказал преобразовать отделение банка в контору. Слова эти вызвали восторженное «ура».

Из банка Государь с августейшей семьей проследовал в дворянское собрание, где губернский предводитель дворянства фон Брин поднес его величеству хлеб-соль, наследнику цесаревичу святую икону, а Государыне и великим княжнам букеты цветов.

Поблагодарив за хлеб-соль, Государь, когда подали шампанское, обратился к собравшимся со своими семьями дворянам, а также и находившимся на хорах воспитанникам Дворянского приюта со следующими словами: «От имени ее величества и своего сердечно благодарю нижегородское дворянство за радушный прием. Уверен, что оно всегда будет предано исконным заветам родной старины. От всей души пью за его процветание, за ваше здоровье и за молодых дворян-нижегородцев».

Был уже седьмой час вечера; их величества приняли от дворян угощение чаем и фруктами, а затем, простившись со всеми и сопровождаемые неумолкаемыми кликами, проследовали на пароходную пристань, на баржу, на которой собрались все представители пароходства по Волге, Оке и Каме с семьями, а также и депутации от Биржевого общества. Государь принял хлеб-соль, наследнику поднесена была модель парохода, а Государыне и великим княжнам букеты. Когда председатель Совета съездов [13], подняв бокал, провозгласил здравицу Государю, то вся пристань огласилась могучим «ура», с берегов же Волги сперва тихо, а затем все сильнее и сильнее разрастаясь, полились звуки гимна «Боже, царя храни»; это пел народ, сотни тысяч народа, наполнявших берега Волги и не уходивших до глубокой ночи. Я никогда не забуду того радостного

волнения и патриотического подъема, которого нельзя было не чувствовать.

Пожелав развития волжской промышленности, Государь с семьей перешел на пароход «Царь Михаил Федорович», на котором состоялся парадный обед более чем на 100 человек. Гимн и «ура» на берегах не прекращались; в это же время чудная иллюминация осветила весь город, Кремль, Волгу и ярмарочную местность. Среди полей за Волгой виднелись пылающие костры, горели смоляные бочки, в этот ночной час Нижний представлял редкую, чудную по красоте, картину.

В 11 часов ночи их величества перешли на пароход «Межень», который и отвалил от пристани, направляясь вверх по Волге, а за ним в кильватере пошел пароход «Царь Михаил Федорович». Грянули колокола всех церквей, над рекой несся гул могучего «ура», перешедшего в гимн, а затем и в любимую народом песню «Вниз по матушке по Волге». Везде по пути следования у ярко горевших костров тысячами собирались крестьяне, чтоб увидеть хотя бы пароход, на котором следовал Государь. 13 мая весь день Государь с семьей своей плыл по Волге на «Межени», шедшей во главе царской флотилии. Около г. Юрьевца и Кинешмы, близ сел и деревень толпами собирался народ и духовенство, приветствуя Государя, который с палубы парохода отвечал на приветствия.

Царскую флотилию сопровождал пароход министра путей сообщения Рухлова, на котором находились и Коковцов, и Маклаков. Я же, дабы прибыть в Кострому заранее, тотчас по окончании обеда на пароходе «Царь Михаил Федорович» проехал на вокзал и по железной дороге, кружным путем через Новки и Нерехту, проехал в Кострому, куда прибыл днем 18 числа, так что для проверки всех мер охраны у меня оставался почти целый день и ночь.

Приехав в Кострому, я тотчас принялся за работу. Как я и ожидал, начальник губернского жандармского управления Эрнст перестарался и много напортил своей подозрительностью и бестактностью. Я очень пожалел, что из жалости к нему не отчислил его от должности раньше, пришлось его неофициально устранить от дел и поручить его обязанности другому офицеру. Хорошо еще, что приехав заранее, я успел исправить все, что напортил Эрнст.

В Костроме ко времени моего приезда уже находилась великая княгиня Елизавета Федоровна, прибывшая накануне, и другие особы царской фамилии, прибывшие в день моего приезда, а также и другие министры, кроме тех, которые сопровождали их величеств. Вообще, съезд в Костроме был небывалый. Из войсковых частей прибыли 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк в полном составе и сотня 17-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска, как потомки старейших русских воинов времен царя Михаила Федоровича. Кострома приняла не виданных ею никогда кавказцев не только гостеприимно и радушно, но и с глубоким почтени-

ем — приходившие на торжества в Кострому старушки-крестьянки благословляли эриванцев и казаков образами.

Приготовления Костромы к ожидаемым торжествам, помимо упорядочения мостовых, украшения города, съезда со всей губернии представителей крестьян, депутаций и т. д., заключались и в устройстве кустарно-промышленной выставки по инициативе костромского земства, которая, будучи широко задумана, удалась вполне, блеснув не только произведениями костромичей, но и красивыми выставочными зданиями; затем при музее археологической комиссии, по мысли известного деятеля Н. Н. Селифонтова, был устроен «Романовский музей», который был отделан и оборудован при губернаторе Стремоухове, положившем много труда и энергии. Ко дню высочайшего прибытия все было готово, и древний город Кострома, разукрашенный и многолюдный, ждал с нетерпением, когда из-за поворота Волги, мимо города, пройдет царская флотилия, направляясь к особо устроенной пристани у Ипатьевского монастыря.

В ночь на 19-ое царская флотилия стояла на якоре в 30 верстах не доходя Костромы. Вечером, когда стемнело, я на моторной лодке отправился к месту стоянки флотилии; была чудная лунная ночь, но несколько прохладная. Достигнув флотилии, я подошел к пароходу министра путей сообщения и, сделав подробный доклад Маклакову, вернулся обратно в Кострому.

Наступило 19 мая. С самого раннего утра началось в Костроме необычайное движение — целыми густыми толпами стал стекаться народ к берегу Волги, и уже к 8 часам утра весь берег представлял собой море голов. Все спуски к реке и даже реки Кострома и Муравьевка кишели плотами, наполненными народом. Наконец, показалась царская флотилия, раздался салют с батареи на Городищенской высоте, загудели колокола, громкое потрясающее «ура» огласило воздух. Подошла к Костроме «Межень», на которой развевался царский штандарт, направляясь к особой царской пристани у Ипатьевского монастыря.

Государь, в мундире Эриванского полка, принял рапорт губернатора Стремоухова, поздоровался со встречавшими, поднялся на берег, принял хлеб-соль от местных крестьян и подошел к почетному караулу эриванцев. Пропустив их церемониальным маршем, их величества направились в коляске к Ипатьевскому монастырю между шпалерами эриванцев, пултусцев и гребенских казаков. Могучее «ура» сопровождало их. У Зеленых ворот Ипатьевского монастыря Государь, сопровождаемый своей семьей и лицами свиты, был встречен архиепископом Тихоном с братией обители и крестным ходом, прибывшим из Костромы. Держа список Федоровской иконы Божьей Матери, которым 300 лет назад инокиня Марфа благословила на царство своего сына отрока Михаила Федоровича, архиепископ Тихон сказал приветственное слово. [...]

Приложившись к родовой иконе, царь со своей семьей вышел на берег реки Костромы для встречи городского крестного хода, за которым следовали все прибывшие в Кострому особы императорского дома, и затем все вступили в Успенский собор — храм древней, какой-то особенной, трогательной красоты. По окончании богослужения Государь, сопутствуемый А. Г. Булыгиным — председателем Комитета по устройству празднования 300-летия дома Романовых, приступил к подробному осмотру древнего храма и затем со всеми членами царской фамилии перешел в «Романовские палаты» во дворе обители, где осматривал предметы времен царя Михаила Федоровича.

Из обители их величества возвратились на пароход, где состоялся семейный завтрак. После небольшого отдыха их величества с августейшими детьми на пароходе «Межень» отплыли к городу и остановились у царской городской пристани, где городской голова Шевалдышев приветствовал Государя. [...] Поблагодарив городского голову и приняв почетный караул от Пултусского полка, Государь в коляске направился к Романовскому музею чрез особые ворота, устроенные в старорусском стиле.

Еще задолго до прибытия Государя к пристани собрались толпы учащихся, а за ними народ, расположившийся по всему пути до Романовского музея. Подробно осмотрев музей и поблагодарив всех жертвователей и устроителей, Государь со своей семьей и сопровождавшими прошел в Дворянское собрание, где собрались все местные дворяне с семьями и где уже находились и все особы императорского дома и другие приглашенные.

В Белом зале губернский предводитель дворянства Зузин приветствовал Государя речью, после которой хор Императорского русского музыкального общества исполнил гимн, подхваченный пением всех дворян. Затем последовало концертное отделение, в котором принимали участие Збруева, Дмитриева, Барсуков, Петров и др. Концерт шел во время чая, предложенного дворянами высоким гостям. Затем Государь обходил дворян и, когда было подано шампанское, в ответ на здравицу за царя и семью царскую обратился со следующими словами: «От имени ее величества и от моего и всей нашей семьи сердечно благодарю костромское дворянство за его радушный прием и гостеприимство. Я счастлив, что первое посещение мое Костромы с моей семьей состоялось в нынешнем году и совпало с 300-летием царствования нашего дома, чем мы всегда связаны с Костромой, со всеми ее сословиями. От души пью за процветание и здоровье костромского дворянства и за ваше здоровье, господа».

Восторженное «ура» вырвалось у дворян на эти слова, но этим дворяне не ограничились — дворянин Красильников пожертвовал в память этого посещения 25 000 руб. на учебно-воспитательные цели, а собрание дворян на те же цели учредило особый капитал в 500 000 руб., названный «Романовским».

Уже стало вечереть, когда их величества оставили собрание и вернулись на пароход. Вечером, в 8 часов, на пароходе «Царь Михаил Федорович» состоялся парадный обед, на котором присутствовали их величества и все особы царской фамилии, высшие военные и гражданские власти и представители города, земства и сословных учреждений. Направо от Государя сидела великая княгиня Анастасия Михайловна, налево — великая княгиня Мария Александровна. Напротив — гофмаршал Бенкендорф, имея по правую сторону Коковцова, по левую — архиепископа Тихона. В это время вся Кострома зажглась огнями иллюминации. Благодаря недавно устроенному электрическому освещению в городе, иллюминация вышла очень эффектной. Огнями горели не только городские здания, но и Ипатьевский монастырь и все храмы, точно в пасхальную ночь.

Очень красиво были иллюминованы пароходы на Волге, отражавшей тысячи огней, которые прорезали сотни лодок с весело певшими учащимися. Поразительно красив был и фейерверк, сожженный в 11 часов на Стрелке, около Ипатьевского монастыря. На Сусанинской площади приехавшие со своим оркестром на торжество учащиеся г. Кинешмы неумолчно по требованию народа играли и пели «Боже, царя храни». Всю ночь тихая в обычное время Кострома почти не спала.

Настал второй день празднеств в Костроме — 20 мая. В 10 часов утра царский пароход отошел от царской пристани у Ипатьевского монастыря, направляясь к городской пристани. Много десятков тысяч народа сплошь заполняли весь берег. Встреченные на пристани высшими и городскими властями их величества проследовали вверх до площади среди шпалер: потешных с ружьями, отрядов гимназистов и реалистов и других учащихся; на площади стояли уже войска, за которыми море голов собравшегося народа. Неумолкавшие крики «ура», покрывавшие звуки оркестров музыки, сопровождали их величества до самого собора.

Принимая подносимые им иконы, их величества с своей семьей выслушали слово, произнесенное настоятелем городского собора. [...] После молебна к месту закладки памятника дому Романовых тронулся крестный ход из собора. Удивительно красив был этот крестный ход. На солнце блестели синие узорчатые стихари певчих и облачения духовенства, специально заказанные для Романовских торжеств из цветной золото-розовой и зеленой парчи под древний рисунок. За крестным ходом шли Государь в форме своего Эриванского полка, императрица, великие княжны, прочие особы императорского дома.

По вступлении на помост началось молебствие, после чего, по водоосвящении, протодиакон Померанцев, громко, на всю площадь, прочел надпись, вырезанную на закладной доске. После этого на фундамент памятника поднялся архиепископ Тихон, за ним Госу-

дарь. Председатель комитета поднес его величеству на блюде юбилейный рубль, и Государь, а за ним и все высочайшие особы опустили монеты в чашку, архиепископ же Тихон, окропив святой водой доску, покрыл ею чашку, после чего рабочие залили доску цементом. Затем председатель поднес Государю именной кирпич, окропленный святой водой, а строитель — молоток и помог уложить кирпич. Таким же образом положили кирпичи Государыня, прочие особы царской фамилии и другие лица.

По окончании закладки крестный ход направился обратно в собор, а Государь с наследником перешли в павильон, устроенный городом на крутом берегу Волги. Как только царь показался на высоте павильона, то грянуло такое «ура», которого я никогда не забуду. Громовое «ура» не прекращалось, пока войска не выстроились к церемониальному маршу. Гудели колокола, народ, восторженно крича, бросал вверх шапки; буквально море народа и среди него женщины в их ярких платьях костромских цветов, под ярким солнцем представляли картину, которая, казалось, никогда не изгладится из памяти. До сих пор я вспоминаю эту картину не без волнения.

Начался церемониальный марш. Молодецки прошли войска под звуки марша на мотивы из оперы «Жизнь за царя». По окончании парада Государь отбыл в коляске в губернаторский дом, а императрица с августейшими детьми — в Богоявленский женский монастырь. В саду губернаторского дома Государь принимал должностных лиц и депутации. В глубине сада тянулся обширный навес, под которым за накрытыми столами стояли все волостные старшины губернии во главе с белопашцами [14], потомками Сусанина и Сабинина. Тут же была и депутация крестьян-хуторян.

Государь обходил собравшихся, беседуя со многими в отдельности. От имени хуторян крестьянин Зотов сказал благодарственное слово Государю. [...] Поблагодарив хуторян, Государь приблизился к белопашцам и волостным старшинам. Среди белопашцев выделялся унтер-офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Сабинин, прямой потомок Ивана Сабинина и Ивана Сусанина (по дочери его).

Один из волостных старшин, поднося Государю хлеб-соль с двумя ассистентами, обратился к Государю с речью, но от волнения не мог произнести ни слова. Он начал: «Ваше императорское величество... — и замолчал, подыскивая слова, затем опять: — Ваше императорское величество. — Опять молчание. — Ваше императорское величество», — сказал он в третий раз. Прямо жалко было на него смотреть. Государь удивительно ласково улыбнулся и сказал ему: «Что же ты еще мне скажешь?» Очевидно, ободренный ласковым тоном Государя и его добрым взглядом, старшина воскликнул: «Ура вашему императорскому величеству!» и подал хлеб-соль. Государь со словами «Вот и хорошо» взял за плечи несчастного растерявшегося старшину и поцеловал его три раза. У многих

старшин на глазах появились слезы, все были растроганы этой сценой. [...]

Из губернаторского дома Государь проехал в Пултусский полк в офицерское собрание, где были собраны все офицеры с командиром полка и высшим начальством во главе. Побеседовав с офицерами, участвовавшими в Русско-японской войне, Государь осмотрел полковой музей, поднял чару вина за процветание молодого Пултусского полка и поблагодарил всех за службу. Пройдя затем во двор казарм, Государь обошел выстроенных нижних чинов, поблагодарил их за бравую службу и, снявшись в группе с офицерами, отбыл на пристань, чтобы встретиться с императрицей и августейшими детьми. Наскоро позавтракав на пароходе, их величества посетили больницу Красного Креста, после чего осматривали наиболее сохранившийся из древних храмов — церковь Воскресения на Дебрях, и отбыли на открытие земской выставки, где уже находились все высочайшие особы и высшие военные и гражданские чины и представители земства.

Выставка была очень интересная, разнообразная и красивая. В главном павильоне было подано шампанское. Подняв бокал, Государь пил за здоровье устроителей выставки, а представитель промышленников произнес приветственную речь, поднося Государю хлеб-соль. В одном из павильонов, выстроенном в стиле XVII в., Государь пил чай, во время которого пел соединенный хор учащихся городских школ. Чудную картину представлял отъезд Государя: против выставки, по обеим сторонам разукрашенной выставочной пристани, весь крутой берег реки сплошь был покрыт морем голов. Вся Кострома была здесь. Когда эти тысячи народа увидали Государя, все слилось в радостный клик. На выставке зазвонили колокола-экспонаты, а за ними колокола всех церквей. Крики «ура» и гимн раздавались в воздухе, когда пароход «Межень» отходил от пристани и Государь, стоя на палубе, кланялся народу.

В 8 часов вечера вновь на пароходе «Царь Михаил Федорович», как и накануне, состоялся парадный обед, а ночью провожаемые народными кликами их величества отбыли вверх по Волге в Ярославль. Кострома в это время блистала огнями, колокола всех церквей гудели.

Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти, я был счастлив, что Господь сподобил меня быть свидетелем этого ни с чем не сравнимого патриотического подъема в народе. Одно только, что оставило во мне осадок — это присутствие Распутина в Ипатьевском соборе и на закладке памятника. Как только я приехал в Кострому, губернатор Стремоухов встретил меня с озабоченным лицом, спрашивая моего совета, как быть. Оказалось, в тот день утром в Кострому приехал Распутин с епископом Варнавой или с кем-то другим, не помню, и потребовал от билетного бюро выдачи ему билета на все торжества. Стремоухов оставил это до моего

приезда. Я дал совет — билета отнюдь не давать, но и не удалять из города. Если хочет быть на торжествах, то с народом может быть где ему угодно, это никого не касается, билеты же даются лицам официальным, а Распутин, не занимая никакой должности, права на билет не имеет. А в случае, если бы Распутин настаивал, я сказал Стремоухову, чтобы он объявил, что мне его просьба была доложена и я отказал. Все же Распутин прошел в Ипатьевский собор и стоял в алтаре, будучи проведен туда по приказанию императрицы агентом дворцовой охраны, затем он присутствовал и при закладке на площади, стоял в стороне с этим агентом дворцовой охраны. На других торжествах его больше видно не было, и на пароходе «Межень» он тоже, к счастью, не появлялся. Для многих, которые видели Распутина, это явилось большим соблазном, к счастью, большинство об его присутствии не знало, а костромичи были далеки от этих мыслей.

Вечером, по отбытии Государя из Костромы, в Дворянском собрании состоялся бал в честь высочайших особ, прибывших в Кострому. Я, к сожалению, воспользоваться приглашением не мог, так как торопился выехать в Ярославль, чтоб успеть заблаговременно туда приехать. В 12 часов ночи экстренным поездом я выехал по железной дороге и в 3 часа ночи был уже в Ярославле. Оставалось шесть часов до прибытия Государя. В 6 часов утра я проехал к губернатору, где выслушал доклады по всем принятым мерам и распорядку. За Ярославль я больше всего тревожился, зная шалый характер губернатора. Но я боялся не какого-нибудь беспорядка или эксцесса, а боялся, как бы он не перестарался и не держал бы народ слишком далеко, что произвело бы очень неприятное впечатление, особенно после Костромы. Татищев меня успокоил, сказав, что везде будет свободный доступ народа, тем не менее, были моменты, когда я видел переусердствование полиции.

С раннего утра 21 числа огромные толпы народа наполняли всю набережную крутого берега Волги, а когда на горизонте, с южной стороны Волги, стали показываться дымки приближающейся царской флотилии, то напряжение толпы делалось все больше и больше, а когда при громе орудий батареи на площади около Демидовского лицея под колокольный звон 77 церквей г. Ярославля пароход «Межень» тихо остановился у царской пристани, поднялось такое мощное «ура», которое заглушило и салюты и колокольный звон.

Государь спустился на пристань, принял рапорт губернатора и, обойдя всех встречавших, прошел на берег, чтоб принять почетный караул от 181-го пехотного Остроленского полка. В это время императрица принимала графиню Татищеву и княгиню Куракину — жен губернатора и губернского предводителя дворянства. Затем их величества были встречены городским головой Щаповым с гласными города, поднесшим хлеб-соль.

В открытых экипажах их величества и августейшие дети, при

восторженных овациях войск, учащихся и народа, проследовали в Успенский собор. Экипажи ехали совсем тихо, так что все могли отлично видеть царя и царицу. На паперти собора их величества были встречены архиепископом Тихоном Ярославским (впоследствии патриархом Москвы и всея Руси). После молебствия Государь осматривал древний собор и его древнюю живопись, затем проследовал в Спасо-Пробоинскую церковь и оттуда с августейшими дочерьми направился в церковь Св. Иоанна Предтечи в Толчкове (так в старину называлась эта часть города), а императрица с наследником возвратилась на пароход «Межень».

По осмотре древностей в церкви Св. Иоанна Предтечи Государь с великими княжнами проехал в Спасо-Преображенский монастырь, в ограде которого его восторженно приветствовали воспитанники и воспитанницы духовно-учебных заведений и приютов Ярославля. Осмотрев соборный храм, Государь посетил церковь ярославских чудотворцев святых и благоверных князей Федора, Давида и Константина и, приложившись к мощам, прошел в Крестовую церковь и в покои, где 300 лет тому назад 26 дней провел царь Михаил Федорович, направляясь из Костромы в Москву. Объяснения все время давал высокопреосвященный Тихон и археолог Успенский.

Под звон колоколов древней обители Государь выехал из монастыря и с великими княжнами проехал в Ильинскую церковь, где осматривал старинную иконопись на стенах храма и на паперти, которою славится этот древний храм. При выходе из храма хор учащихся под управлением М. М. Ипполитова-Иванова прекрасно и с большим подъемом пропел гимн и юбилейную кантату.

Во втором часу дня на пароходе «Царь Михаил Федорович» состоялся парадный завтрак, после чего Государь с великими княжнами проследовал на открытие приюта для сирот, основанного в память 300-летия дома Романовых. Когда Государь проезжал по Дворянской улице, то народ стоял такой плотной стеной, что положительно яблоку негде было упасть — это меня примирило с Татищевым. Из приюта Государь проехал на показательную выставку ярославских производств. Здание выставки было построено в строго выдержанном древнерусском стиле. Сама выставка была весьма скромная, ничего бьющего на эффект в ней не было, но производила она очень хорошее впечатление, так как на ней были представлены все местные производства. По окончании осмотра выставки зазвонили подвешенные на особой звоннице колокола ярославских колокольных заводов, им стали вторить колокола городских церквей, и под их гул и клики собравшегося народа Государь отбыл на пристань, чтобы с императрицей отправиться на пароходе «Межень» в древний Толгский монастырь на другом берегу Волги.

В 8-м часу чудного весеннего вечера «Межень» подошла к особо устроенной и красиво украшенной пристани монастыря. Выслушав

молебствие и приложившись к чудотворной иконе, осмотрев все древности и знаменитую кедровую рощу с вековыми деревьями, их величества с семьей направились к пристани и, напутствуемые колокольным звоном и приветствуемые собравшимся со всех окрестных сел народом, отбыли на пароходе в Ярославль.

Прямо с пристани их величества с великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами проехали в ярославское Дворянское собрание. Чудный зал Екатерининского дома призрения ближних был красиво разукрашен и освещен. При входе их величества были приветствуемы губернским предводителем дворянства князем Куракиным, поднесшим хлеб-соль и произнесшим речь. Государь благодарил, затем обошел всех дворян. В это время воспитанницами гимназии был несколько раз исполнен гимн, подхватываемый дружным «ура» и «Слава Екатерине II», после чего артисты и артистки Собинов, Плевицкая, Збруева и Трояновский исполнили несколько музыкальных номеров. В 11 часов, поблагодарив дворян, их величества отбыли на вокзал по ярко иллюминованному пути. В 11 часов 45 минут отошел императорский поезд для следования в Ростов.

Все министры, губернатор и я выехали вслед во втором часу ночи и, обойдя императорский поезд во время его восьмичасовой стоянки на станции Козьмодемьянск, прибыли в Ростов в половине четвертого утра.

Маленький красивый городок Ростов Великий ожидал прибытия высоких гостей, почистившись и разукрасив флагами и цветами все улицы и дома. В 10 часов утра подошел императорский поезд, на вокзале представители земства и города приветствовали Государя хлебом-солью. На двух автомобилях Государь с августейшими детьми проследовали в древний Успенский собор ростовского кремля. По пути стояли учащиеся местных учебных заведений и десятки тысяч народа, приветствовавших Государя. Близ Святых ворот Государь был встречен архиепископом Тихоном, отслужившим краткое молебствие. Осмотрев затем подробно все памятники старины, вынесенные из ризницы, Государь вышел из собора и остановился перед соборной звонницей, чтобы прослушать все четыре древних настроя звонов колоколов собора.

Затем Государь проследовал в самый кремль ростовский, где осматривал древние церкви кремля во имя Воскресения Христова, Иоанна Богослова и «крестовую» во имя Всемилостивейшего Спаса, так называемую «На Сенях». Далее церковь во имя Одигитрии Божьей Матери Смоленской и один из древнейших храмов «Григорьевский затвор», откуда Св. Стефан, будущий епископ Пермский, пошел просвещать зырян [15]. Осмотрев все церкви, Государь прошел в музей церковных древностей, где при входе в Белую палату был встречен И. А. Шляковым — товарищем председателя комитета музея. В музее Государь обратил особенное внимание на собрание упраздненных древних царских врат, от XV до XIX вв. Из Белой

палаты Государь прошел в древнейшее здание княжьих теремов (XV в.). Тут собрано было значительное количество интереснейших памятников древнего гражданского быта. Из музея Государь проследовал в Благовещенскую церковь, где у чудотворной иконы Умиления Божьей Матери отслужено было краткое молебствие, после чего к завтраку вернулся на вокзал в поезд.

Все сопровождавшие Государя были приглашены городским головой на завтрак в здание общественного управления. Около 3 часов дня Государь с августейшими детьми на автомобилях прибыли в Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь. По всему пути стояли горожане и жители окрестных сел и деревень, приветствовавшие его величество. После молебствия перед ракой основателя монастыря Св. Дмитрия Ростовского Государь осмотрел другие храмы монастыря, после чего проехал в древнюю, единственно сохранившуюся деревянную церковь во имя Св. Иоанна Богослова на реке Ишне, отстоящую от Ростова в трех верстах. По всему пути раздавалось несмолкаемое «ура» поселян, собравшихся даже и из других уездов губернии.

Около 7 часов вечера в высочайшем присутствии в храме Воскресения Христова в кремле совершена была чудная всенощная по случаю кануна дня Вознесения Господня. По окончании всенощной Государь вернулся на вокзал; в начале 10-го часа царский поезд отошел от Ростова по направлению г. Петровска под долго не смолкавшие клики «ура» представителей города, земства и народа, собравшегося проводить Государя.

После царского посещения Ростова я получил, уже в Петербурге, письмо от городского головы с выражением благодарности за любезное содействие, оказанное городу, и те указания, следуя коим городское управление могло так хорошо выполнить священные для него обязанности по встрече высоких гостей, осчастлививших древний город своим посещением.

Вслед за императорским поездом выехали министры, губернатор и я и, обойдя царский поезд во время его 12-часовой стоянки на станции Деболовской, прибыли около 12-ти ночи в Петровск, где ночевали в вагоне.

В 10 часов утра 23 мая, в день Вознесения Господня, императорский поезд подошел к станции Петровск, отстоящей в нескольких верстах от самого города. На вокзале Государь принял депутации от уполномоченных петровского городского управления и несколько других, после чего с августейшими дочерьми на автомобилях, через разукрашенный г. Петровск, прибыл на открытую поляну за городом, где размещены были лагерем все сельские должностные лица губернии, а также хуторяне с земскими начальниками и непременными членами губернского присутствия и землеустроительных комиссий. Кроме того, на эту поляну стеклось и множество народа из всех окрестностей. Восторженным могучим «ура» встретили Госуда-

ря. В течение целого часа Государь обходил ряды крестьян, беседуя то с одним, то с другим, интересуясь их хозяйством, семейной жизнью, трогая до слез своим вниманием и лаской.

Простившись с крестьянами, Государь направился в г. Петровск, где в соборном храме отстоял литургию, после чего, простившись с губернатором графом Татищевым и выразив ему благодарность за прекрасный порядок, проехал по шоссе на автомобиле в г. Переславль. По всему пути, около 50 верст, по шоссе стоял народ, провожая царя своего восторженными кликами, некоторые при этом осеняли царя крестным знамением, у многих домов в деревнях выставлены были столы с хлебом-солью.

Государя сопровождало более 20 автомобилей. Я ехал с министром Маклаковым. На границе Владимирской губернии Государь был встречен владимирским губернатором Сазоновым. Перед въездом в г. Переславль-Залесский была выстроена грандиозная арка с надписями: «Добро пожаловать» и «Боже, царя храни». Улицы городка, все дома были красиво убраны флагами, коврами, зеленью... Около 4 часов дня могучее «ура» раскатилось по городу. Государь остановился у Никитского монастыря, встреченный архиепископом Николаем. После краткого молебствия и осмотра собора, по выходе из него, Государь принял депутации от дворян во главе с губернским предводителем дворянства Храповицким, тут же представлены были и должностные лица города. Затем Государь проследовал чрез город в Данилов Троицкий монастырь, а оттуда в Федоровский девичий, после чего прибыл в дворянскую усадьбу на Плещеевом озере, где был приветствуем дворянами Переславского уезда и губернии, во главе с их предводителем Храповицким. Осмотрев весь музей, ботик Петра Великого «Фортуну» и старинные предметы, относившиеся к основанию нашего флота, и памятник-обелиск, Государь пропустил церемониальным маршем потешных детей дворян владимирской мужской гимназии и отряд потешных вечеренской школы. Спустившись затем с августейшими дочерьми к озеру, Государь на лугу произвел осмотр прибывшей в Переславль сводной сотне Астраханского казачьего войска, после чего осмотрел учение моряков и потешных на озере.

По окончании осмотра Государь вернулся во дворец усадьбы. В круглом зале дворца был подан чай, закуска и шампанское. Губернский предводитель провозгласил здравицу Государю и царской семье. Государь пил за дворян Владимирской губернии. После чая Государь вышел в сад и беседовал с дворянами, окружившими его. Около шести вечера Государь, поблагодарив дворян за радушие и гостеприимство, отбыл на автомобиле обратно в Петровск, остановившись по пути у триумфальной арки, чтобы поблагодарить выстроившихся там моряков и потешных школы Т. П. Мятлевой за их молодецкий вид. В Троицкой слободке Государь также останавливался для осмотра древнего храма. Опять по всему пути клики

«ура» крестьян смешивались с колокольным звоном попутных церквей. У Петровской станции народ стоял сплошной стеной, восторг которой трудно описать.

В 9 часу императорский поезд отошел от станции, а по бокам железнодорожного пути народ бежал за поездом, пока он не скрылся из виду, направляясь к Троице-Сергиевой лавре.

Час спустя по отходе царского поезда министры и я выехали из Петровска и, обойдя императорский поезд во время его 10-часовой стоянки в Балакиреве, прибыли в Сергиево в 3 часа ночи.

В 7 часов утра я вместе с Маклаковым и губернатором графом Муравьевым проехал по Сергиеву Посаду, зашли мы в лавру приложиться к святым мощам преподобного Сергия и навестить наместника лавры Товия. Удивительно приятное чувство охватило меня в Посаде — все было мне родное, близкое, еще так недавно я приезжал в Посад прощаться с моими сотрудниками по оставлении мной должности губернатора. Станция Сергиево и Посад были украшены еще лучше, еще богаче, чем в прошлом году при высочайшем посещении лавры. На станции Сергиево вся платформа сплошь была устлана красным сукном и коврами, внутри огромный павильон был превращен в настоящий зимний сад из тропических растений и массы цветов. Распорядок по пути следования был тот же, что и в прошлом году, народу же было еще больше.

К 9 1/2 часам утра на платформе собрались все встречавшие, а также и депутации во главе с сергиево-посадским управлением и городским старостой Шариковым. Прибыл и наместник лавры Товий и великая княгиня Елизавета Федоровна.

В 10 часов подошел императорский поезд. Из вагона вышел Государь с августейшими дочерьми в сопровождении временно управлявшего Министерством двора князя Кочубея, дворцового коменданта генерал-адъютанта Дедюлина и лиц свиты. Поздоровавшись с великой княгиней и приняв рапорт московского губернатора, Государь обошел встречавших, принял депутации и, выслушав приветствие наместника Товия, отбыл со станции в экипажах, при несмолкаемых кликах «ура» и колокольном звоне всех церквей.

У Святых врат Государя ожидал крестный ход с митрополитом Макарием во главе, причем архимандриты держали в руках старинную и глубоко чтимую икону «Видение Святого Сергия», написанную на гробовой доске преподобного и известную тем, что она сопровождала царя Алексея Михайловича во всех походах, а один из архимандритов держал крест, подаренный самим царем Михаилом Федоровичем.

Приняв благословение митрополита и выслушав его приветственное слово, Государь, в предшествии крестного хода, пешком проследовал к Троицкому собору. Выслушав молебствие и приложившись к святым мощам, Государь вышел из собора и при входе в митрополичьи покои принял хлеб-соль от депутации крестьян, которая

состояла из 250 человек. Государь вошел в середину их и беседовал с ними.

В митрополичьих покоях был подан чай и небольшая закуска. Немного отдохнув, Государь с августейшими дочерьми и великой княгиней Елизаветой Федоровной отбыл на вокзал. В 12 часов 30 минут при восторженных кликах народа и пении народного гимна поезд двинулся к Белокаменной столице.

Минут десять спустя, с экстренным поездом, министры и я выехали в Москву, куда прибыли на час раньше императорского поезда, который направился по окружной дороге на Александровский вокзал, так что мы успели прибыть на этот вокзал за полчаса до прибытия Государя.

Пышно и великолепно встретила Москва своего царя и царскую семью. Убранство Москвы можно было назвать сказочным, описать его трудно. Все, что только можно было сделать, чтобы достойно отметить эти незабвенные дни, было выполнено. На протяжении одного года Москва в третий раз встречала царя. В прошлом году вспоминались величайшие события Отечественной войны, когда Москва искупительной жертвой не только спасла Россию, но и Европу. В этом же году вспоминалось, как 300 лет назад Москва спасла национальность и державное существование Русской земли, собрав ее, разоренную и истерзанную, вокруг царя Михаила Федоровича Романова. В Москве и состоялось всенародное избрание его на царство. Древний Кремль был свидетелем всего происходившего 300 лет назад, он же был свидетелем и нынешнего торжества, те же колокола, которые гудели при въезде царя Михаила Федоровича, гудели и теперь при торжественном въезде Николая II.

С утра уже 24 мая на улицах Москвы было необычайное скопление народа, а в час дня по всей Тверской и у Воскресенской площади трудно было яблоку упасть. По пути от Александровского вокзала по одну сторону стояли шпалерами войска в зимней парадной форме, по другую — народ. На Воскресенской площади было собрано около 10 тысяч детей городских школ, на Красной площади — военно-учебные заведения и сотни тысяч народа.

Подошел царский поезд. Приняв рапорт градоначальника, Государь, поздоровавшись со встречавшими его особами императорского дома, принял почетный караул от 12-го гренадерского Астраханского полка и пропустил его мимо себя церемониальным маршем. Затем Государь подошел к депутации от города, принял хлеб-соль, выслушал приветственную речь исполнявшего обязанности городского головы Брянского. [...]

Пройдя императорские комнаты, Государь вышел на подъезд и сел на поданного коня золотистой масти. Все великие князья и ближайшие лица свиты сели на коней. Я, также верхом, на своем Рекорде сопровождал кортеж, держась левой стороны, недалеко за Государем. Чудную картину представлял этот въезд Государя. Во

главе двигалась сотня Собственного его величества конвоя в своих красных черкесках, с ружьями на бедре, затем в некотором отдалении Государь, за ним исправляющий должность министра двора князь Кочубей, дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, командующий главной квартирой генерал Максимович и дежурство — генерал-адъютант светлейший князь Голицын, Свиты генерал Татищев и флигель-адъютант граф Д. С. Шереметев. После небольшого интервала великие князья. Затем коляска à la Daumont с императрицей и наследником, парадный открытый экипаж с великими княгинями Анастасией Михайловной и Марией Александровной, в таких же экипажах — великие княгини Марии Павловны, старшая и младшая, и Виктория Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна с августейшими дочерьми Государя. Эскадрон сумских гусар, за которым ехали первые чины двора и придворные чины.

У Иверской часовни Государь сошел с коня, царская семья вышла из экипажей. Приняв благословение епископа Трифона, Государь приложился к чудотворной иконе. Чрез Воскресенские ворота царь въехал на Красную площадь, буквально залитую народом. Это море голов заволновалось, и могучее «ура» прокатилось с площади далеко за Москву-реку. При этом взрыве народного энтузиазма Государь подъехал к Святым Спасским воротам. Все смолкло, и музыка войсковая, и «ура» народное. В Святых воротах Государя ожидал митрополит Макарий. Среди тишины послышался взволнованный голос Макария, говорившего приветствие и благословившего затем всю царскую семью. В это время навстречу, из Успенского собора, шел крестный ход. Красиво было в Кремле, от Спасских ворот до собора стояли стройные ряды кадет, блестели на солнце красные мундиры сенаторов, военных, гражданских чинов, консулов, представителей земств, дворян, городов, министров и т. д., затем потянулась блестящая линия городских и придворных дам, наконец, у Архангельского собора — золотом расшитые мундиры придворных чинов.

Царившая на площади тишина сменилась бурей восторженных кликов, как только Государь, выехав из-под Спасских ворот, надел фуражку. В предшествии митрополита их величества вступили в собор и направились к гробнице царя Михаила Федоровича, у которой отслужена была лития.

На гробнице уже находилась драгоценная лампада, сооруженная лицами Свиты, в которой и я принимал участие, она была из золотой прозрачной эмали чеканной работы, точная копия шапки Мономаха, на вершине лампады золотой крест с четырьмя жемчужинами. Лампада украшена была крупными изумрудами, рубинами, жемчужинами и другими драгоценными камнями. «Меховая» опушка из серебра выдержана была в темном оттенке меха. Лампада покоилась на подушке из золота. По углам фамильные гербы

дома Романовых. Надпись: «Возложена на гробницу царя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича Свитой его державного потомка благочестивейшего императора Николая II в память 300-летия царствования дома Романовых».

Государю подан был светильник, которым он зажег лампаду Свиты и другую, спускавшуюся из-под сени над гробницей и сооруженную их величествами. По окончании литии их величества поставили свои свечи у раки царевича Дмитрия и, поклонившись мощам и праху прочих царей, вышли из собора по направлению к Благовещенскому подъезду дворца. На площади Государь принял караул от Екатеринославского полка.

Вечером по всей Москве вспыхнула роскошная иллюминация, народ заполнял улицы до поздней ночи. Казалось, не было ни одного не иллюминованного дома.

В этот день в Английском клубе состоялся парадный обед, устроенный членами клуба в честь лиц, прибывших в Москву на торжества. Я, как один из членов клуба, принял также участие в этом чествовании.

На другой день, 25 мая, в день рождения императрицы Александры Федоровны, состоялся торжественный выход в Успенский собор из Кремлевского дворца, чрез Красное крыльцо. В 9 часов утра с Ивана Великого раздался знакомый москвичам гул великого колокола, и сразу, как в пасхальную ночь, по всей Москве раздался красный звон всех церквей, а в 11 часов начался высочайший выход. Государь был в форме Астраханского полка, за ним шло дежурство — генерал-адъютант Арсеньев, Свиты генерал Дашков и флигель-адъютант князь Барятинский.

Когда шествие вступило в Георгиевский зал, то оно, по знаку жезла обер-церемониймейстера, остановилось. Государь с императрицей подошли к дворянам, впереди которых стояли губернские предводители, московский — Самарин и петербургский — светлейший князь Салтыков и трое выборных, державших ларец — подношение Государю от всероссийского дворянства, с грамотой. Ларец серебряный в стиле XVII в. Московский губернский предводитель Самарин вынул пергаментный свиток грамоты и громко, отчетливо, среди всеобщей тишины, прочитал. [...] Общее «ура» покрыло заключительные слова грамоты. [...]

При восторженных кликах шествие двинулось дальше. Как только на Красном крыльце показался Государь — из грудей сотен тысяч народа вырвалось потрясающее могучее «ура», и Иван Великий и за ним все церкви московские сразу замолкли. Это была минута трогательного волнения. Спустившийся с Красного крыльца Государь принял хлеб-соль от крестьян Московской губернии, которые были представлены здесь в лице 300 человек.

По входе в собор митрополит Макарий по окончании литургии отслужил молебен, после чего Государь с семьей прошел к раке

новоявленного святого, Патриарха Ермогена, приложиться к его мощам.

Из Успенского собора шествие направилось в Чудов монастырь, после чего Государь с семьей, посетив усыпальницу великого князя *, чрез Николаевский дворец отбыл в Большой дворец, окруженный народом, бежавшим за его коляской. После трех часов Государь с великими княжнами прибыл в митрополичьи покои Чудова монастыря, где размещена была историческая церковная юбилейная выставка, был встречен преосвященным Анастасием, протопресвитером Любимовым и В. В. Назаревским — устроителями выставки. Тут же был и художник В. М. Васнецов и другие члены комитета выставки. Более часа Государь подробно осматривал все предметы, затем пил чай у преосвященного Анастасия и посетил вновь устроенный храм Св. Ермогена в подземелье, где скончал свою жизнь святитель.

Из Чудова монастыря Государь проехал в Знаменский монастырь в дом бояр Романовых на Варварке. В ограде Знаменского монастыря стояли воспитанники духовной семинарии, духовных училищ и церковно-приходских школ. В воротах монастыря Государь был встречен архимандритом Модестом с крестом и иконой Знамения Божьей Матери — келейной иконой Патриарха Филарета. Приложившись ко кресту и иконе и выслушав приветствие, Государь прошел в храм, где было отслужено краткое молебствие, после чего Государь прошел в дом бояр Романовых — своих предков. Дом этот, построенный еще дедом первого царя из дома Романовых, боярином Никитою Романовичем, прославившимся в истории своим заступничеством перед Иоанном Грозным, являлся драгоценным памятником. В 1859 г., пришедши в ветхость, он был восстановлен во всех мелочах, что же касается вещей и множества мебели, то это все подлинное, того времени.

В 8 часов вечера в залах Большого дворца, в Кремле, дан был парадный обед. Все были в парадной зимней форме, дамы в русских платьях. После высочайшего выхода, обставленного согласно церемониала большой торжественностью, заняли места за столом в Георгиевском зале и на Боярской площадке всего свыше 700 приглашенных. Во время обеда играл оркестр и пел хор Императорской оперы, при участии военного оркестра сумских гусар с трубами и литаврами. Программа состояла исключительно из произведений русских композиторов. Меню обеда было следующее: «Суп черепаховый и пюре из кур со спаржей; пирожки; стерлядь по-императорски; седло дикой козы с гарниром; цыплята с трюфелями; пунш «Виктория»; жаркое: утки и пулярды; салат и огурцы; спаржа с соусом; персики «Кардинал»; мороженое парижское; десерт».

После обеда царская семья возвратилась во внутренние покои,

* Сергея Александровича.

а Москва продолжала ликовать, любуясь роскошной иллюминацией, зажженной еще во время обеда.

На следующий день, 26 мая, утром Государь принимал в Большом Кремлевском дворце ряд депутаций. Каждой из этих депутаций Государь оказал какое-нибудь внимание, для каждой нашел соответствующее ласковое слово, выслушивая терпеливо приветственные речи, принимая хлеб-соль или иконы. Члены депутаций выходили радостные, счастливые, взволнованные.

По приеме депутаций Государь с наследником и августейшими дочерьми отправился в Новоспасский монастырь к литургии и чтобы поклониться могилам предков дома Романовых. Новоспасский монастырь в Крутицах расположен далеко от Кремля, и собравшиеся в несметном количестве народные толпы могли свободно разместиться на длинном пути вместе со шпалерами расставленных учеников всех городских училищ и других учебных заведений. По мере проезда экипажа Государя волна могучего «ура» катилась по Москве к монастырю, в воздухе мелькали шапки и несся гул колоколов попутных церквей.

Навстречу Государю в воротах обители вышел крестный ход с митрополитом Макарием в главе, и в предшествии его, Государь прошел в Преображенский собор по аллее, над которой, в трех местах, из зелени и цветов были устроены арки, а дети церковно-приходских школ усыпали путь цветами. Торжественно прошла литургия, дивно пели синодальные певчие и хор Новоспасского братства, после литургии молебствие. Затем Государь, в предшествии духовенства, спустился с особами императорского дома и сопровождавшими его лицами в усыпальницу к гробницам предков. Все они были покрыты красными покровами с шитыми золотом крестами; особенно богатый покров лежал на гробнице матери царя Михаила Федоровича — инокини Марфы. Государь и вся царская семья преклонили колена перед гробницами предков, все кругом стихло. Помолившись, Государь вышел из усыпальницы и направился к выходу, осмотрев новый храм, выстроенный при Покровском соборе на средства купца Грачева в память 300-летия. После этого, провожаемый радостными кликами народа, Государь сел в автомобиль и отбыл в Марфо-Мариинскую обитель к великой княгине Елизавете Федоровне.

В 4 часа Государь с августейшими дочерьми осчастливил своим посещением дом Московского купеческого общества. Сначала было предположено, что Государь посетит мещанские училища Московского купеческого общества, но затем, к великой радости московского купечества, решено было посетить Купеческую управу. Я был очень рад этому, так как принимал близкое участие в ходатайстве за Купеческую управу. Когда Государь подъехал к зданию управы, около дома, впереди народных масс, красиво вытянулись шпалеры воспитанниц мещанского училища, у самого подъезда Государя

ожидали губернатор и градоначальник. В сенях Государь был встречен купеческим старшиной Булочкиным и всей управой в полном составе. Под звуки Преображенского марша ученического оркестра Государь поднялся в верхний этаж в сопровождении особ императорского дома и свиты. Московское купечество плотным кольцом охватило весь зал, и старшина с хлебом-солью в руках произнес речь. [...] Приняв хлеб-соль, Государь сердечно благодарил за выраженные чувства любви и преданности, за прием и за подношения, высказав удовольствие представившейся ему возможности посетить со своей семьей Московскую купеческую управу в дни празднования 300-летия дома Романовых. Громкое могучее «ура» было ответом на милостивые слова Государя.

Затем состоялся концерт учеников и учениц мещанских училищ. Государь несколько раз лично аплодировал им, что страшно растрогало детей, и они долго оглашали криками «ура» галерею, куда Государь прошел, чтобы осмотреть работы учеников. Среди подношений общее внимание было обращено на художественно исполненную грамоту, в красках и прописью, поднесенную наследнику цесаревичу. Орнамент и текст были исполнены буквами стилей XV, XVI и XVII вв.

Приняв подношения, Государь из открытых окон смотрел на выстроенных во дворе с флагами в руках остальных воспитанников мещанских училищ, которые под музыку проделали несколько упражнений сокольской гимнастики. На царское «спасибо» дети ответили взрывом восторженного «ура». Затем в зал было подано шампанское, последовала здравица за царя, царскую семью. Государь пил за купеческое общество и его чинов. Под клики восторга Государь прошел в зал присутствия, который буквально утопал в розах. Здесь подан был чай. Пока Государь за чаем беседовал с окружавшими его лицами, выборные купечества успели устроить экстренное заседание, и когда Государь стал прощаться и проходил чрез зал управы, то старшина Булочкин доложил Государю, что купечество Москвы, в ознаменование незабвенного счастливейшего для него дня посещения Государем управы, постановило пожертвовать 300 000 руб. на благотворительные цели. Еще раз поблагодарив всех, Государь под звуки гимна и мощных криков «ура» отбыл из управы в Кремль по переполненным народом улицам.

На другой день Московское купеческое общество постановило чрез старшину выразить мне искреннюю благодарность и глубокую признательность за мое участие в испрошении высочайшего соизволения на посещение сначала училищ, а затем и управы и за мою отзывчивость к различным просьбам и ходатайствам, благодаря чему они удостоились такого великого счастия, о котором не смели и мечтать.

Вечером, в тот же день, московским дворянством дан был роскошный бал в честь Государя, Государыни и царской семьи. Чудный

по красоте и величию Белый зал собрания сиял огнями, масса цветов, пальм украшали все залы. Ко времени приезда Государя в собрании находились уже все особы императорского дома и приглашенные, около двух тысяч человек.

Одетый в красивую форму павлоградских гусар, Государь был встречен в сенях губернским предводителем Самариным и всеми уездными. За Государыней, великими княжнами и великими княгинями шли камер-пажи, за Государем — дежурство. Самарин поднес хлеб-соль и выразил чувства благодарности и счастья, которые испытывает дворянство, принимая их величеств. Как только Государь вошел в Большой зал, грянул гимн. Четыре раза повторенное «Боже, царя храни» сопровождалось каждый раз восторженным «ура». Стоявшие на хорах воспитанницы дворянского института пели гимн вместе с оркестром.

Бал открылся под звуки полонеза из оперы «Жизнь за царя». В первой паре шел Государь с А. В. Базилевской, женой московского уездного предводителя, Государыня шла с Самариным, затем великая княгиня Анастасия Михайловна с графом С. Л. Шереметевым, великая княгиня Мария Александровна с П. А. Базилевским и т. д. После полонеза начались танцы, в которых принимали участие и особы царской фамилии. Великие княжны очень много танцевали, бал был весьма оживленный. Государыня, не принимавшая участие в танцах, и великие княгини смотрели на танцующих с эстрады и пили чай в гостиной. Государь оставался со своей семьей до первого часа ночи; после его отъезда подан был ужин, во время которого играли оркестры Императорского Большого театра и 4-го стрелкового императорской фамилии батальона. Высочайшие особы оставались за ужином. Меню было следующее: консоме «Селлери»; пирожки разные; мусс раковый с налимами; соус «Оксфорд»; цыплята; жаркое: рябчики; перепела; салат «Ромен» с апельсинами; парфе из орехов.

Наступило 27 мая — последний день торжеств и пребывания Государя в стенах Белокаменной. В 10 часов утра Государь принял юбилейный Романовский комитет в полном составе, во главе с председателем его А. Г. Булыгиным, и благодарил всех членов в самых милостивых выражениях. Затем были приняты депутации московского городского управления и Лицея цесаревича Николая, последняя в составе директора Гуляева и 38 воспитанников, окончивших к тому времени курс. В 12 часов Государь посетил Оружейную палату, где осматривал также и выставленные там работы учеников Строгановского училища, а в час дня в Большом дворце состоялся прощальный высочайший завтрак, на котором по правую и по левую сторону Государя сидели губернские предводители Самарин и светлейший князь Салтыков. После завтрака на террасе дворца Государь снялся в общей группе с предводителями дворянства, после чего обходил всех присутствовавших, удостаивая

многих беседой, прощаясь перед отъездом из своей первопрестольной столицы.

Отъезд был назначен в 4 часа с Александровского вокзала. В Кремле, на Красной площади, по Тверской, везде сплошной стеной стоял народ, желавший еще раз взглянуть на своего царя. Их величества с семьей выехали в открытых колясках. В первой Государь с императрицей, наследником и великой княжной Ольгой Николаевной, во второй великая княгиня Елизавета Федоровна с остальными великими княжнами. По всему пути шпалеры войск и воспитанники учебных заведений. Государь выехал чрез Спасские ворота, остановившись предварительно у Вознесенского монастыря. В старинном храме отслужен был напутственный молебен. Как только коляска Государя показалась из-под Спасских ворот, громовое «ура» раскатилось по площади, понеслось по Тверской и провожало царскую семью до самого вокзала, где Государя ожидали военные и гражданские власти и представители сословных учреждений. Обойдя всех провожавших и милостиво простившись со всеми, их величества вошли в вагон, и поезд при кликах «ура» отошел по направлению к Царскому Селу.

Так окончились Романовские торжества, я чувствовал большое удовлетворение, что все везде прошло так поразительно хорошо, не было нигде ни сучка ни задоринки. Все были довольны, и губернаторы, и обыватели, и полиция, было довольно и высшее начальство, а что главнее всего — Государь остался в восторге от того, что везде он непосредственно соприкасался с народом, что все проходило спокойно, гладко, не чувствовалось ничьих интриг, да их не было, все действительно дружно и с особенным подъемом работали, забыв всякое местничество. Была роздана масса наград, подарков, все расходы должностных лиц и губернаторов были с лихвой удовлетворены. Учащиеся, освобожденные от экзаменов и переведенные в следующие классы по годовым отметкам, были в восторге. Эти торжества, прошедшие в таком образцовом порядке, торжества чисто народные, упрочили мое положение, и я не мог не заметить и не почувствовать, что те, которые первое время моего назначения товарищем министра относились ко мне скептически, переменили тон.

Везде, во всех городах и местечках, Государь оставил по себе трогательное воспоминание своим ласковым отношением, своей доступностью, простотой, свойственным ему обворожительным вниманием. Он привлек везде сердца народа. Одно только вносило смущение, что императрица не всегда и не везде появлялась вместе с Государем и часто не сопровождала его, вследствие усталости и плохого самочувствия. Кроме того, было больно видеть, что наследника большею частью носил казак на руках: его высочеству трудно было долго стоять и ходить, болезнь его давала о себе знать.

По отъезде Государя я остался на несколько дней в Москве.

28-го утром, получив депешу о благополучном прибытии императорского поезда, я отслужил молебен и горячо благодарил Господа, помогшего мне так счастливо выполнить мою миссию по охранению порядка. В этот же день я выехал в Бородино с членами Бородинского общества охраны памятников для обозрения на месте состояния памятников и выяснения программы работ по их охране и ремонту.

Когда я вернулся в Москву на следующий день, 29 числа, меня встретили с тревожной вестью — моя сестра сделалась жертвой несчастного случая. Она ехала на автомобиле, который зацепил переходившую улицу девочку. Шофер моментально остановил мотор, моя сестра испугалась, думая, что ребенка раздавили, открыла дверцу и выпрыгнула из автомобиля на мостовую так неловко, что разорвала связки на ноге и не могла встать без посторонней помощи. Девочку, которую только слегка зацепило, отправили в приемный покой, оказалось, что она отделалась лишь ушибом, ей положили примочку и отправили домой. Сестре же моей пришлось пролежать в поликлинике «Христианская помощь» две недели, после чего, благодаря чудному заботливому уходу всего персонала этой поликлиники, она совсем оправилась и вернулась в Петербург.

30 мая в губернаторском доме в домовой церкви по инициативе губернатора было отслужено, в моем присутствии, благодарственное молебствие по случаю благополучного пребывания Государя. На молебствии присутствовали все бывшие мои сослуживцы, родные мне и дорогие сотрудники — чины канцелярии, губернского правления и полиции. Такое же молебствие было отслужено и в градоначальстве, но уже после моего отъезда. [...]

Перед моим отъездом из Москвы я узнал об одном курьезном эпизоде. 27 мая в Московской казенной палате ожидалось посещение ее директором Департамента Государственного казначейства Кузьминским. По этому поводу управлявший палатой Н. Н. Кутлер издал приказ по палате, совершенно в гоголевском духе, который я помещаю в своих воспоминаниях как документ, не лишенный юмористичности.

«Приказ по палате от 27 мая 1913 г. Ввиду предстоящего в ближайшие дни посещения казенной палаты г. директором Департамента Государственного казначейства Кузьминским, его превосходительство г. управляющий казенной палатой приказал мне передать начальникам отделений для соответствующих с их стороны распоряжений, чтобы, подобно тому, как это было при осмотре палаты статс-секретарем Коковцовым, в день прибытия г. директора Кузьминского не наблюдалось бы тесноты, а также чиновники, не имеющие приличного платья, не были бы в это время на занятиях. Кроме того, его превосходительство, осмотревши 27 сего мая все помещения, распорядился, чтобы на это время некоторые столы и стулья, не имеющие должного фасона и вида, были вынесены из

мест их нахождения и заменены новыми, а также масса дел и нарядов, размещенных на шкафах или около столов, были бы убраны на то же время в шкафы, столы и архив палаты. О таковом приказе его превосходительства имею честь довести до сведения гг. начальников отделений. Секретарь /подпись/ Москва».

Надо удивляться, как Кутлер, человек далеко не глупый, не побоялся стать наряду с гоголевскими типами.

Покончив все дела в Москве, посетив Практическую академию коммерческих наук, попечителем коей я состоял, и приняв участие в годичном акте, а затем побывав на аэродроме председательствуемого мною Общества воздухоплавания и ознакомившись с занятиями в авиационной школе, я выехал из Москвы 31 мая и 1 июня был в Петербурге, где окунулся в текущие дела.

Одновременно с текущими делами я решил произвести некоторую реформу в розыскном деле, которую я предполагал осуществить с самого начала вступления моего в должность товарища министра, но до возвращения Государя из путешествия не считал возможным делать какие-либо перемены в этой области.

В последние годы заведования полицией всей империи Курловым, под давлением Белецкого, а, может быть, и под давлением части офицерства Корпуса жандармов, ведавших розыском и хотевших занять совершенно обособленное положение, вдали от всякого контроля, вся Россия покрылась сетью районных охранных отделений, а в городах, более или менее крупных, еще и отдельных охранных отделений. Все эти отделения были учреждены не законодательным порядком, а циркуляром министра по Департаменту полиции, и расходы на них покрывались из секретной суммы, фактически находившейся в распоряжении товарища министра, заведовавшего полицией; если же ее не хватало, то недостаток покрывался из 10-миллионного государственного фонда, по испрошению на то каждый раз особого высочайшего соизволения.

Будучи еще губернатором в Москве, я всегда отрицательно относился к этим, возникшим на моих глазах, районным охранным отделениям вообще и, в частности, к таковому Московского центрального района, наблюдая все отрицательные стороны этого новшества. Так, в Москве функции районного охранного отделения возложены были на Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве, т. е. на охранное отделение г. Москвы. В состав района входил ряд губерний, примыкавших к Московской. Все начальники губернских жандармских управлений этих губерний по делам розыска подчинялись, таким образом, начальнику охранного отделения в Москве, получая от него все приказания и распоряжения. Между тем начальником этим при мне был подполковник Мартынов, совсем молодой офицер, начальниками же управлений были уже немолодые полковники, генерал-майо-

ры, а в самой Москве — почтенный генерал-лейтенант Черкасов. Все это были люди, может быть, и не всегда безупречные, но с известным стажем. Естественно, что никому из них не было никакого удовольствия подчиняться молодому офицеру, выскочке, неизвестно почему выдвинувшемуся, самолюбие их этим невольно было сильно задето. Кроме того, это не мирилось и с точкой зрения военной дисциплины. Все это не могло не отражаться на делах, и у начальников жандармских управлений, лишенных самостоятельности, опускались руки, энергия их пропадала, все чаще и чаще происходили трения во взаимных отношениях и т. д.

Что касается отдельных охранных отделений, учрежденных в разных городах империи, то они тоже ничего не принесли, кроме вреда. В бытность мою в Нижнем я окончательно в этом убедился и не мог не обратить внимание на ненормальность существования самостоятельного охранного отделения рядом с губернским жандармским управлением, ведавшим по закону розыском, к тому же во главе этого отделения был поставлен весьма отрицательный тип в лице подполковника Стрекаловского, о котором я упоминал выше. Это отделение не вызывалось никакой необходимостью, тем более, что находившееся там жандармское управление было прекрасно поставлено, благодаря честнейшему и безупречному во всех отношениях офицеру, полковнику Глобачеву, стоявшему во главе его. Эти все районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадниками провокации; та небольшая польза, которую они, быть может, смогли бы принести, совершенно затушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих нескольких лет своего существования.

10 июня моим циркуляром все эти отделения были упразднены, за исключением нескольких, оставленных на окраинах, где в них ощущалась надобность, но и они были переименованы в розыскные пункты и для них составлены были особые инструкции. На всю Россию остались только три охранных отделения, которые и существовали издавна на законном основании, а именно: в С.-Петербурге, Москве и Варшаве. Вместе с ликвидацией незаконно возникших отделений все их дела были переданы по принадлежности в местные губернские жандармские управления, и для ведения розыска были составлены новые правила и инструкции; в основу их была положена известная этика, всякая провокация наистрожайше воспрещалась.

Но насколько удалось мне быстро справиться с разными нежелательными явлениями при несении службы чинами Корпуса жандармов в центральных частях империи, настолько это было труднее на окраинах, тем более, что и состав офицеров, к сожалению, там был значительно слабее; поэтому пришлось там не ограничиться одними указаниями, а прибегнуть и к крайним мерам. [...]

Наблюдая далее различные явления в жизни чинов Корпуса

жандармов, я обратил внимание на неправильное ношение формы некоторыми генералами, числящимися в рядах Корпуса жандармов, а также и на слишком распространительное толкование о ношении розыскными офицерами статского платья. Некоторые генералы, не занимавшие должности начальников управлений и числившиеся в Корпусе жандармов, вопреки правилам о форме одежды носили не жандармский мундир, а общегенеральский, в котором всюду и появлялись, из чего можно было вывести заключение, что они стыдятся носить присвоенный им мундир части, в которой они служат. Таких генералов, к счастью, было немного, два генерал-лейтенанта: Утгоф, помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части, и Залесский — помощник начальника штаба Корпуса жандармов, четыре генерал-майора: Герасимов — состоявший при министре, известный своими провокаторскими приемами в бытность начальником Охранного отделения в С.-Петербурге, Добряков — заведовавший судною частию штаба, Столица — генерал для поручений при шефе жандармов, и Маас — исправляющий должность старшего адъютанта штаба. Я им дал некоторый срок для изготовления формы, после какового срока им всем, к большому неудовольствию многих из них, пришлось облечься в жандармский мундир.

Меня всегда поражал в людях этот ложный стыд, и я не мог понять, как люди, которых никто ведь не заставлял идти на службу в Корпус жандармов, в то же время как бы стыдились этого; иначе зачем же было им незаконно носить не присвоенную им форму. Очевидно, было что-то, чего надо было стыдиться. И вот это-то, идя на должность командира Корпуса, я и поставил себе целью отвести в область преданий и поднять престиж жандармского мундира. Это было, конечно, нелегко, и, быть может, мне было и не по силам, но все, что я мог для этого сделать, я все время моего командования Корпусом старался делать, и если я и не успел вполне в этом, то все же дал возможность честным офицерам, из коих многие были в тени, выйти вперед и, выдвинувшись, помочь мне в моей задаче — поднять этот престиж. Что касается распространительного толкования офицерами розыска права ношения ими статского платья и злоупотребления этим правом, то для прекращения этого я издал приказ за № 181. [...]

9 июня ожидалось отплытие Государя и царской семьи в финляндские шхеры. Так как Государь во время пребывания в шхерах часто съезжал на берег, то я, дабы ознакомиться с местными финляндскими порядками и организацией охраны в окрестностях шхер, счел своим долгом проехать туда, осмотреть все места и проверить принимаемые меры. Для этой цели я выехал по железной дороге 3 июня, накануне отплытия Государя в Выборг, где был встречен комендантом крепости генералом А. К. Петровым — симпатичнейшим, энергичным и чисто русским человеком, губернатором и подведомственными мне чинами. Ознакомившись с канцелярией по-

мощника начальника Финляндского жандармского управления по Выборгскому району и пограничному пункту, произведя инспекторский смотр выборгской крепостной жандармской команде и получив полнейшее удовлетворение от результатов осмотров, я заехал к губернатору и коменданту и, переговорив с ними, на яхте коменданта, который мне ее любезно предоставил, вышел в море по направлению шхер. Меня сопровождал полковник Спиридович, дававший мне все нужные объяснения. Был чудный день, кругом было так тихо, спокойно, хорошо, красиво; мы довольно скоро дошли до того места, где на другой день должна была встать на якорь императорская яхта «Штандарт». Я понял, оглядываясь вокруг, что лучшего места для отдыха действительно не мог себе выбрать император Александр III.

С сопровождавшими меня лицами я съехал на берег, Спиридович ознакомил меня с мерами охраны на берегу, которые были весьма несложны, затем мне представились местные полицейские власти; переговорив с ними, я вышел на шоссе, где меня ждали два военных автомобиля, высланных из Петербурга и на которых я хотел проехать обратно до Выборга, по сухому пути, чтобы ознакомиться со всеми окрестностями. Заехав в маленький финляндский городок — чистенький, опрятный Фридрихсгам, мы поехали по направлению к Выборгу. Дорога — очень узкое шоссе — шла большей частью лесом, то удаляясь от морского берега, то приближаясь к нему, воздух был дивный, чудно пахло хвоей. Это была чудная прогулка.

Недалеко от Выборга я чуть было не сделался жертвой несчастного случая. С момента выезда я обратил внимание на неосторожное и неумелое управление машиной шофера и все время его сдерживал, чтобы он не летел сломя голову, тем более, что шоссе было немного скользкое после небольшого дождя. В одном месте пришлось ехать в гору, и в самом низу горы был виден мост и поворот. Я говорю шоферу «тише, тише», но он все же недостаточно сдержал машину, и когда на повороте на мосту он быстро остановил машину, видя, что слишком ее разогнал, то задние колеса отнесло, они ударились о перила, которые полетели в овраг. Одна минута, и мы были бы в пропасти. К счастью, раньше, чем удариться о перила, колеса ударились о телеграфный столб с такой силой, что провода с него свалились, и в этот самый момент все четыре шины от сотрясения лопнули; благодаря этому сила удара о перила ослабла, и автомобиль удержался, но одно колесо висело над пропастью, центр тяжести остался на мосту. Пришлось оставить автомобиль и на лошадях из соседней деревни вернуться в Выборг, куда мы приехали уже ночью, и на экстренном поезде выехали в С.-Петербург.

При этом путешествии я натолкнулся на грустный факт: оказалось, что помощник начальника жандармского управления, сопровождавший меня, впервые за все 5 лет своего пребывания в этой

должности и в этом районе проехал по этой дороге и посетил попутные деревни, несмотря на соседство их с местами высочайшего пребывания. [...]

9 июня Государь благополучно отбыл в шхеры, выехав из Петергофа на яхте «Александрия» и перейдя затем на яхту «Штандарт» со всей своей семьей и ближайшими лицами свиты.

В этот день, ввиду предстоявшего 10 июня освящения Морского собора в высочайшем присутствии, я ездил в Кронштадт, чтобы переговорить с главным командиром порта адмиралом Виреном о мерах охраны. С адмиралом Виреном я познакомился первый раз, это был очень дельный, энергичный, строгий, но справедливый начальник, с ним было очень приятно иметь дело. Он находился в отличных отношениях с подчиненным мне начальником Кронштадтского жандармского управления полковником Тржецяк, которого он очень ценил. Действительно, Тржецяк был умный, дельный офицер, немного нервный, и отлично знал службу; заведующим розыском у него был молодой, но также выдающийся офицер Владимиров, так что с этой стороны за Кронштадт можно было быть покойным, я был уверен, что они ничего не упустят и ничего не преувеличат.

Воспользовавшись гостеприимством Вирена, я переночевал в Кронштадте, чтобы на другой день встретить Государя. Когда я приехал на пристань, то на ней находились все власти во главе с морским министром Григоровичем. В соборе же к этому времени собралось кронштадтское общество, служащие в правительственных учреждениях, вся Государственная Дума в полном составе во главе с Родзянко и весь состав Совета Министров во главе с Коковцовым.

В 11 часов на паровом катере «Петергоф» прибыл Государь в сопровождении великих княжен и великого князя Кирилла Владимировича и в открытом экипаже, при восторженных кликах войск, стоявших шпалерами, и народа проехал в собор на освящение. По окончании церемонии Государь тем же порядком отбыл на пристань и на паровом катере «Петергоф» вернулся в шхеры на яхту «Штандарт».

Собор этот значительно украсил Кронштадт, построен он был по плану инженера Косякова — директора Института гражданских инженеров. Постройкой ведала строительная комиссия во главе с ним.

Пользуясь пребыванием Государя в шхерах, я, испросив разрешение у министра внутренних дел, с высочайшего соизволения, поехал дней на 10 в Курскую губернию немного отдохнуть к моим друзьям Евреиновым. Выехал я 11 июня и на другой день был в Москве. Меня встретил губернатор граф Муравьев, и мы вместе, на автомобиле, прямо с вокзала проехали в Кусково, имение графа С. Д. Шереметева, чтобы поздравить его с днем 50-летия его государственной службы. Я очень любил и уважал графа Сергея Дмит-

риевича и потому приурочил мой отъезд из Петербурга, чтобы попасть в этот день в Кусково, где граф праздновал свой юбилей. В Кусково к этому дню съехалась вся многочисленная семья Шереметевых, было очень оживленно, симпатично, было несколько предводителей, были также Булыгин, Самарин — все люди мне близкие, дорогие.

После завтрака снялись группой — граф Сергей Дмитриевич, Булыгин, Самарин, граф Муравьев и я. Эта группа хранится у меня как дорогое воспоминание; сейчас графа Шереметева и Булыгина уже нет в живых, осталось нас трое. В шесть часов был большой обед с многочисленными тостами, все были в духе, радостны. После обеда, простившись с гостеприимными радушными хозяевами, я уехал прямо на Курский вокзал в Москву и с кисловодским поездом выехал в Курскую губернию, где очень хорошо отдохнул и со свежими силами вернулся в Петербург 24 июня.

26 июня при Департаменте полиции открылось Особое совещание для рассмотрения вопроса о мероприятиях по борьбе с преступностью, упорядочению уголовного сыска и развитию планомерности его организации. Кроме начальников двух столичных и некоторых других сыскных отделений, полицеймейстеров новороссийского, тобольского и бакинского, исправников Московского и С.-Петербургского уездов, в состав членов этого совещания вошли старший юрисконсульт Министерства юстиции С. Н. Трегубов, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Меллер, несколько судебных следователей, а также и начальников железнодорожных жандармских полицейских управлений.

Открывая съезд, я обратился к собравшимся с небольшой речью. [...] Коснувшись недостатков в постановке сыскного дела в России, я указал на следующие: 1) невысокий уровень личного состава в некоторых сыскных отделениях, благодаря крайней необеспеченности их материального положения; 2) бессистемность делопроизводства, обнаруженная при ревизиях некоторых отделений; 3) небрежное расходование отпускаемых сыскным отделениям сумм; 4) недостаток объединения деятельности сыскных отделений с деятельностью общей и железнодорожной жандармской полиции и, как следствие этого, «конкуренция» властей и желание отличиться; 5) отсутствие организации летучих отрядов и т. д. Перечислив, таким образом, все вопросы, на которые совещанию, по моему мнению, надлежало обратить наибольшее внимание, и пожелав совещанию плодотворной работы, я передал председательствование директору Департамента полиции Белецкому, сам же я в течение восьми дней занятия съезда заезжал иногда, когда обсуждались вопросы особенно меня интересовавшие.

Занятия съезда оказались весьма продуктивными, все члены отнеслись с полной добросовестностью и интересом ко всем вопросам, предложенным их вниманию. Очень много времени съезд

уделил обсуждению инструкции чинами сыскных отделений, много было споров при рассмотрении вопроса о допустимости приема чинами этих отделений денежных средств от населения, как на розыски, так и «благодарностей» после раскрытия преступлений. Указывалось, что в Англии и в Германии должностные лица, с разрешения начальства, имели право принимать такого рода вознаграждения. Но совещание все же отнеслось к этому отрицательно и нашло это недопустимым.

Затем съезд выработал однообразную форму делопроизводства: способов регистрации преступлений и т. д. Целый день ушел на обсуждение порядка задержания подозреваемых и обвиняемых, причем на это было обращено особенное внимание съезда, так как решение его предполагалось положить в основу закона, разрабатывавшегося тогда в Министерстве внутренних дел, о неприкосновенности личности.

Большие прения возбудил также вопрос и об организации розыска; в результате признано было, что наиболее правильная организация борьбы с преступностью должна состоять в специализации как общих мероприятий розыска, так и розыскной деятельности чинов сыскной полиции, что для успеха дела должны быть созданы специалисты по раскрытию каждого рода преступных деяний: краж, убийств, мошенничеств и т. п. При этом не могли не натолкнуться на недостаток средств, было указано, что, когда заграничные столичные города тратили миллионы франков, у нас отпускалось на ту же надобность 15 000 руб. в год на столичное сыскное отделение, при переводе на франки всего 60 000.

Следуя моим указаниям о недопустимости имевших место случаев нанесения побоев и даже истязаний в некоторых сыскных отделениях, с целью вынудить показание, съезд признал необходимым: 1) чтобы обвиняемые и подозреваемые отнюдь не подвергались угрозам и насилиям; 2) чтобы агенты не занимались провокацией и не склоняли других к преступлениям; 3) чтобы негласные агенты не выдавали себя за лиц, находящихся на государственной службе; и 4) чтобы в районах сыскных отделений не допускалось содержание воровских квартир, игорных домов и различных тайных притонов. Много ушло времени и на разработку вопросов по организации розыска на железных дорогах.

Каждый день Белецкий по окончании заседания докладывал мне о ходе работ, а 29 июня все участники съезда в моем присутствии осматривали питомник и школу полицейских собак, присутствовали при некоторых упражнениях собак в деле учебного розыска, которые производились в Строгановском парке в Старой деревне. Демонстрировал инициатор устройства питомника Лебедев. Всего было показано до 15 приемов: поноска, преодоление препятствий, подача голоса при обнаружении злоумышленника и отыскание спрятанных предметов, розыск по следам и т. д.

В заключение съезд занялся разработкой вопроса о подготовке к уголовному розыску, возникли прения относительно места и программы школы. Старший юрисконсульт Министерства юстиции Трегубов представил обширный доклад о постановке дела обучения розыску в Париже, Берлине, Вене, Лозанне и других городах.

3 июля, в последний день съезда, в моем присутствии обсуждался вопрос о регистрации преступников и о взаимоотношении между сыскными отделениями и кабинетами научной судебной экспертизы — Петербургским и вновь учрежденными в Москве, Киеве и Одессе. На этом съезд и закончил свои занятия. Поблагодарив всех участников за их добросовестную плодотворную работу, я объявил съезд закрытым, после чего участники съезда в фотографической комнате Департамента полиции снялись со мною в группе.

5 июля последовало назначение полковника Никольского помощником начальника штаба Корпуса жандармов на место генерала Залесского, назначенного состоять при министре внутренних дел. Я был очень рад этому назначению, которое я ожидал с нетерпением, так как Гершельман, начальник штаба в это время, заболел и вынужден был взять отпуск и уехать в деревню, где болезнь приняла очень тревожный оборот, и я, оставшись с Залесским, чувствовал себя в затруднительном положении.

12 июля из шхер возвратился Государь и поселился со своей семьей в Александрии под Петергофом, а в августе ожидался отъезд Государя в Крым на всю осень и часть зимы — доктора настаивали на этом для здоровья императрицы и наследника.

Ввиду этой поездки, мне надо было съездить в Крым до этого, чтобы выработать совместно с главноначальствующим г. Ялты и окрестностей генералом И. А. Думбадзе меры охраны во время высочайшего пребывания на Южном берегу Крыма. Выехал я 13 июля и прибыл в Севастополь 15-го. Градоначальником в то время был капитан 1 ранга Бурлей, недавно назначенный и еще совершенно не успевший освоиться со своими обязанностями. Но это был скромный, работящий человек, очень добросовестный, с ним было очень приятно иметь дело; к каждому указанию он относился с трогательной благодарностью. Хозяином всего в Севастополе был главный начальник Черноморского флота адмирал Эбергардт, затем шел комендант крепости. Остановившись в гостинице «Кист» и переодевшись, я снесся по телефону с адмиралом Эбергардтом, который имел пребывание на броненосце «Георгий Победоносец», чтобы узнать, когда ему можно будет представиться. В назначенный час к пристани у гостиницы «Кист» подошел паровой катер, который и доставил меня на броненосец. Эбергардт принял меня в адмиральской каюте, был очень любезен, насколько это было в его характере, так как это был человек сухой и не любивший тратить попусту слова. Переговорив с ним и получив от него нужные указания, я возвратился тем же порядком к себе в гостиницу, где у меня

состоялось совещание, в котором приняли участие градоначальник, полицеймейстер, городской голова и местные чины Отдельного корпуса жандармов во главе с начальником управления полковником Поповым. Меры охраны в Севастополе были несложны, поэтому все вопросы были разрешены быстро, тем более, что полковник Попов был выдающимся и отличным во всех отношениях начальником жандармского управления и прекрасным честнейшим человеком. Помощником у него по г. Севастополю, правда, был граф Подгоричани-Петрович, который не вполне соответствовал предъявляемым мною к офицерам требованиям, но под руководством Попова он не мог выкинуть ничего неподходящего. Другие же офицеры, особенно в Ялте, были вполне на своих местах. Ялтинский подполковник Троцкий-Сенютович был честнейшим и благороднейшим офицером.

Покончив все в Севастополе, я выехал на автомобиле в Ялту в сопровождении полковника Попова. В Ялте я остановился в гостинице «Россия». Как только я вошел к себе в номер, мне доложили о приезде Свиты генерала Думбадзе — грозы Ялты и ее уезда. Это было первое мое знакомство с ним. Я представлял себе его совсем другим. Я ожидал увидеть перед собой высокого коренастого мужчину внушительного восточного типа, а вместо этого ко мне в номер вошел самый обыкновенный свитский генерал, небольшого роста, худой, далеко не восточного типа, и только когда он заговорил со мной, по акценту можно было догадаться, что он кавказец. Про него ходили всевозможные слухи, анекдоты, его изображали шалым, не признающим никаких законов, и потому я ехал в Ялту сильно предубежденный против него, ожидая всевозможных недоразумений и неприятностей. Вышло совсем иначе, он оказался вовсе не таким страшным, не таким нетерпимым, каким его изображали, с ним очень легко было сговориться. Он был человеком беззаветно преданным Государю, ревностным служакой, верным солдатом, держался он самостоятельно, раболепства в нем и тени не было. Администратор, конечно, он был плохой, законов никаких не знал и руководился исключительно своей совестью, действуя по логике своего разума, всегда с исключительной непосредственностью. Многие считали, что он бьет на популярность, на эффект, но это было неверно, он никогда не думал о том, что скажут, действуя смело, открыто, под влиянием минуты. У меня сразу с ним сложились прекрасные отношения, и за все время нашей совместной службы не произошло ни одного недоразумения, несмотря на то, что по службе мне приходилось с ним быть в постоянных сношениях.

В Ялте я пробыл один день, познакомился и с женой Думбадзе, милейшей женщиной, имевшей отличное сдерживающее влияние на мужа.

Переговорив обо всем с Думбадзе, я на автомобиле проехал в Симферополь к губернатору Лавриновскому. Это был совсем

молодой губернатор, произвел он на меня очень хорошее впечатление, я у него обедал, переговорил о делах и в тот же вечер выехал по железной дороге по направлению к Курску. Я обещал на обратном пути заехать в Курский уезд по приглашению курского губернского земства на освящение первого в России земского рыбоводного завода, которое должно было состояться 18 июля. На вокзале в Курске меня встретили курский губернатор Муратов и губернский предводитель князь Л. И. Дондуков-Изъединов, которые меня и повезли прямо с вокзала на автомобиле в имение Анитова Млодать, где и был оборудован рыбоводный завод. У деревни Шатовой, смежной с имением Млодать, меня встретил председатель губернской земской управы К. А. Рапп с членами управы и хором музыки Каменецкого полка. Под звуки родного Преображенского марша я вышел из автомобиля, взволнованный такой встречей, поздоровался с встречавшими меня и принял депутацию от волостных старшин и старост уезда, поднесших мне хлеб-соль. После этого все пошли пешком на заводские пруды, где местным сельским духовенством было совершено молебствие и освящены рыбоводные сооружения. По осмотре всего рыбоводного хозяйства состоялся обед от губернской земской управы на открытой террасе дома Анитова. За обедом был произнесен ряд тостов, обед затянулся до восьмого часа, после чего присутствующие начали разъезжаться. Я уехал тем же порядком, как приехал, в г. Курск и провел вечер в гостеприимной дружной семье губернатора Муратова. С ночным поездом я выехал в Петербург, заехал по дороге на один день в Тверскую губернию к моей младшей сестре, муж которой Гершельман — мой начальник штаба — был безнадежно болен. Я застал его в памяти, он очень рад был меня видеть и, несмотря на слабость, интересовался делами и выражал радость назначению Никольского к нему помощником.

21 июля я был уже в Петербурге и погрузился в текущие дела. Так как министр внутренних дел Маклаков находился в отпуску, и я, согласно высочайшего соизволения, исправлял его обязанности по званию шефа жандармов с правом всеподданнейшего доклада, то ввиду неотложных дел по Корпусу жандармов, требовавших высочайшего утверждения, я вошел с всеподданнейшим ходатайством о принятии меня с докладом. Это делалось всеподданнейшими записками по нижеследующей форме, к которой прибег и я: «Приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшего Вашего императорского величества указания, когда благоугодно будет повелеть мне прибыть по делам, требующим личного доклада Вашему императорскому величеству по Отдельному корпусу жандармов. За шефа жандармов, Свиты Вашего императорского величества, генерал-майор Джунковский. 23 июля 1913 г.».

Отправив эту записку через фельдъегерскую часть Главного штаба в собственные руки Государя, я в тот же день выехал

в Кронштадт, где на следующий день назначено было торжественное открытие памятника адмиралу Макарову. С утра на Кронштадтском рейде красиво выстроились суда Балтийской эскадры, под общим командованием адмирала фон Эссена. Все суда были разукрашены флагами, а среди гавани, около Петровской пристани, стал крейсер «Адмирал Макаров». На яхтах «Стрела», «Нева» и «Роксана» прибыли министры, приглашенные, и среди них вдова покойного адмирала, военные и морские агенты иностранных держав. В 11 1/2 часов к пристани подошла яхта «Александрия» в сопровождении миноносца «Украйна» под брейд-вымпелом его величества. На берег вышли Государь, великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны, великая княгиня Мария Павловна старшая и Виктория Федоровна и великий князь Кирилл Владимирович, находившийся вместе с адмиралом Макаровым на «Петропавловске» и чудесно спасшийся, выкинутый водоворотом на поверхность воды и подобранный миноносцами, подоспевшими на помощь. По выходе на берег Государь обошел почетный караул, принял хлеб-соль от городского головы Коровникова и, выслушав его приветствие, в открытой коляске с великими княжнами отбыл к месту освящения памятника, при восторженных кликах войск и народа.

На площади среди начальствующих лиц был и новый петербургский голова граф И. И. Толстой, а также и другие приглашенные лица. При пении «Вечная память» с памятника была сдернута пелена — в этот момент со всех судов грянули салюты.

Памятник — это большая гранитная глыба, на которой во весь рост стоит адмирал Макаров. К ногам его тянется, в виде волны, японский дракон. Памятник работы скульптора Шервуда.

По отдании чести памятнику героя Макарова войска перестроились и прошли церемониальным маршем. Парадом командовал порт-артурский герой капитан Иванов. Затем состоялось возложение венков к подножию памятника, после чего Государь отбыл в Петергоф, а я вернулся вместе с министрами на яхте «Нева» в Петербург.

В этот день по морскому ведомству опубликован был следующий приказ: «Сегодня открывается памятник адмиралу Степану Осиповичу Макарову. Русский флот, а с ним и вся Россия вспоминают этого человека, который в тяжелую годину испытания был призван стать во главе морских сил, защищавших далекую окраину России. Вся жизнь этого человека, с самых юных лет, с чина мичмана до адмирала, была посвящена самоотверженному служению на пользу родного флота. Неустанно работал он во всех отраслях военно-морского дела, всюду вносил свою творческую мысль и никогда не забывал своего девиза: «Помни войну». Этот девиз был залогом, что поручение адмиралу Макарову высокого и ответственного поста послужит к вящей славе и пользе Отечества. Но провидению в самом начале [его] энергичной деятельности как командующего фло-

том Тихого океана угодно было прервать драгоценную жизнь адмирала. Погибая вместе со всем экипажем на своем флагманском корабле «Петропавловск» на глазах своей эскадры, адмирал своей смертью показал пример грядущим поколениям, подтвердив только все то, что говорил, писал и чему следовал в своей жизни. Пусть же открываемый в Кронштадте — колыбели русского флота, памятник незабвенному герою-адмиралу напомнит личному составу флота о тех высоких началах, благодаря которым время его командования морскими силами Тихого океана останется навсегда примером, как нужно действовать, как нужно учиться, побеждать и как нужно не бояться смерти. Морской министр генерал-адмирал Григорович».

Вернувшись домой, я нашел у себя депешу от моей бедной сестры, извещавшую меня о кончине ее мужа. Мне хотелось скорей поехать к ней, увидеть ее, утешить, а между тем я должен был ожидать ответа Государя на посланную мной всеподданнейшую записку о приеме меня с докладом. На поездку в Тверскую губернию и обратно требовались сутки; я позвонил по телефону в Царское Село к моему другу Дрентельну в Военно-походную канцелярию и рассказал ему о кончине моего шурина, спросил его, как обыкновенно доставляются ответы Государя на всеподданнейшие записки, непосредственно ли по принадлежности или через Военно-походную канцелярию. Дрентельн ответил, что всегда чрез походную канцелярию, так как канцелярии должно быть известно обо всех приемах Государя, и что раз уже 10 часов вечера и у них ничего нет, значит, я могу быть спокоен, что на другой день меня не примут, тем более, что этот день Государь проводит на маневрах, и я могу совершенно спокойно уехать на все 25-ое число.

Вполне понадеявшись на слова Дрентельна, я заказал себе вагон и в 12 часов ночи выехал к моей сестре, пробыл у нее весь день, и 26-го утром был обратно в Петербурге.

На вокзале меня встретил мой верный секретарь Сенько-Поповский, и по его лицу я сразу заметил что-то неладное. На мой вопрос, как обстоят дела, он с большим смущением доложил мне, что Государь мне назначил прием в мое отсутствие, 25 числа, в 2 1/2 часа дня, но что он звонил к Дрентельну, просил доложить чрез министра двора о внезапной кончине моего шурина и моем отъезде, и что все сделано, министр доложил Государю, что отпустил меня и забыл своевременно ему доложить, так что я не должен волноваться. Несмотря на такой оборот дела, все же мне было крайне неприятно. На своем письменном столе я нашел свою всеподданнейшую записку с собственноручной надписью Государя синим карандашом: «Приму вас завтра, 25 июля, в Красном Селе в 2 1/2 часа». Оказалось, что как только мой секретарь, проводив меня 24-го вечером на вокзал, вернулся ко мне, приехал фельдъегерь от Государя и привез пакет с резолюцией его величества непосредственно мне, минуя Военно-походную канцелярию.

Сестра В. Ф. Джунковского О. Ф. Гершельман
с мужем Д. К. Гершельманом и ребенком.
Начало 1900-х годов

Посмотрев расписание маневров в высочайшем присутствии, захватив с собой доклад, я поехал в Красное Село к месту прибытия Государя на дневной маневр. Как только Государь вышел из автомобиля, чтобы сесть на лошадь, я подошел к нему, прося меня извинить за мой внезапный отъезд. Государь очень милостиво поздоровался со мной, сказал, что это пустяки, что Фредерикс его предупредил, и спросил меня, привез ли я доклад. Узнав, что доклад со мной, Государь подумал и сказал: «Так приходите ко мне во дворец в Красном Селе к 6 часам вечера, я к этому времени вернусь, а в 7 часов приходите обедать в палатку». Такое милостивое внимание меня страшно тронуло.

В 6 часов я был во дворце, Государь только что вернулся с маневра. Войдя к Государю, я опять извинился за такую неловкость, которую я себе позволил, но его величество опять меня милостиво перебил: «Ну что ж такое, у меня сегодня даже больше свободного времени, меня ведь граф предупредил, что вы уехали на свадьбу вашей сестры». Когда Государь сказал это, то меня в жар бросило. «На какую свадьбу», подумал я, но не стал уже ничего говорить и приступил к докладу. Потом оказалось, что Фредерикс, благодаря своей рамольности *, перепутал, и вместо того, чтобы доложить Государю, что умер муж моей сестры и потому я должен был внезапно выехать, доложил, что я поехал на свадьбу моей сестры, как будто это было что-то экстренное. Это было и грустно, и смешно.

Государь был как-то особенно в духе: среди докладов я представил на рассмотрение его величества и доклад о состоянии секретной суммы Департамента полиции. Это та секретная сумма, которая не подлежала ревизии Государственного контроля и, находясь в ведении Департамента полиции, расходовалась моим распоряжением. Отчет по этой сумме представлялся непосредственно его величеству на рассмотрение, представлен он был по следующей форме:

Состояние секретной суммы Департамента полиции в 1913 г.

Приход

По § 4, статьи 1, сметы Министерства внутренних дел	3 351 174 руб.
Дополнительно из 10 млн. фонда	1 500 000 руб.
Разных поступлений	235 983 руб.
Итого:	5 087 157 руб.

Расход

Дворцовому коменданту:	
На секретные расходы	200 000 руб.
На содержание охранной агентуры	348 180 руб.

* Рамольность (от фр. ramoli) — старческая расслабленность, слабоумие.

На командировки агентов	120 000 руб.
Итого:	668 180 руб.
С.-Петербургскому градоначальнику: на содержание охранной команды (охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц	316 483 руб.
На командировку агентов	30 000 руб.
Итого:	346 483 руб.
На содержание охранных отделений и на командировку агентов	1 984 524 руб.
На агентурные расходы губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог	608 500 руб.
На содержание заграничной агентуры	263 600 руб.
На агентуру Департамента полиции	74 918 руб.
На разные мелкие расходы (награды, пособия, содержание фотографических бюро и т. п.)	142 485 руб.
На усиление средств Департамента полиции (дополнительное содержание, усиление канцелярских и хозяйственных средств и т. д.)	562 315 руб.
На усиление средств Отдельного корпуса жандармов (резервное, добавочное содержание, усиление средств губернских жандармских управлений и пособия)	207 694 руб.
На разные предметы (пенсии, содержание домовой церкви, расходы по местам заключения политических арестантов и пр.)	384 800 руб.
В распоряжение шефа жандармов	54 574 руб.
Итого:	5 298 073 руб.

т. е. перерасход в сумме 200 910 руб., который предполагается покрыть из суммы 800 000 руб., разрешенных к отпуску из десятимиллионного фонда, ввиду экстренных расходов по высочайшей охране во время путешествий в текущем году, из коих уже израсходовано 523 271 руб. на этот предмет по случаю 300-летия дома Романовых.

Государь внимательно прочел весь этот перечень расходов, останавливаясь на некоторых с особым вниманием и спрашивая моих объяснений. Я доложил Государю, что на следующий год я надеюсь произвести большие сокращения в расходах и во всяком случае ограничиться штатным отпуском, что и в нынешнем году упразднением районных и охранных отделений я надеюсь сберечь около полумиллиона рублей; затем я доложил и о других предполагаемых мной сокращениях. Доклад затянулся до самого обеда, Государь, не

прощаясь со мной, пошел переодеться, я же прямо прошел в Красносельскую палатку — так называлась огромная летняя столовая, находившаяся недалеко от дворца, против гауптвахты, на главной улице Красного Села. По окончании обеда я на автомобиле вернулся в Петербург, вполне успокоенный, что Государь так милостиво отнесся к сделанной мной некорректности.

Эта секретная сумма, о которой я говорил выше, находившаяся в моем распоряжении и на моей совести, была всегда предметом моих исключительных забот и волнений. Я считал, что так как эта сумма не подлежала контролю, а расходы из нее подлежали только утверждению министра и представлялись на рассмотрение Государя, то с нею надо было обращаться с особенной осторожностью и щепетильностью, и потому я старался вникать в существо каждого, даже самого незначительного, расхода из этой суммы. Порядок был следующий: в конце года составлялась смета на предстоявшие расходы следующего года, эта смета составлялась в общих цифрах, без особенных деталей, и представлялась на утверждение министра. Этой сметы и придерживался Департамент полиции, но на каждый отпуск, хотя бы и самой незначительной суммы, каждый раз Департамент представлял мне доклад, и только после моей разрешительной резолюции казначейская часть Департамента отпускала испрашиваемую сумму. Таким образом, вся ответственность, как формальная, так и нравственная, лежала на мне. Только постоянные, не подлежавшие изменениям расходы, как, например, добавочное содержание отдельным чинам, сметные отпуски на усиление канцелярских средств и тому подобное, отпускались в известные сроки в течение года по утвержденной мной вперед на год табели.

Мне удалось к началу 1914 г. произвести большие сокращения. Прежде всего я обратил внимание на многие расходы, ничего общего с охраной не имевшие, как, например, разные отпуски, по существу относившиеся к другим департаментам министерства, а не к Департаменту полиции. Все эти отпуски бесповоротно были прекращены, что по отношению ко мне вызвало некоторое недовольство. Точно так же была прекращена выдача всяких пособий лицам, не имевшим ничего общего с Департаментом полиции, и что практиковалось в довольно широких размерах. Все это я, конечно, мог сделать только при поддержке со стороны министра Н. А. Маклакова. Благодаря ему мне удалось также значительно сократить расход на охрану высочайших особ и высокопоставленных лиц. Просмотрев списки агентов наружного наблюдения для охраны означенных лиц, я поразился несоразмерным количеством их, совершенно не соответствовавшим их работе. Так как вопрос о сокращении этих агентов представлялся весьма щепетильным и, несомненно, должен был возбудить недовольство как лиц, у которых сокращалась охрана, так и самих сокращаемых, то к этой мере пришлось отнестись с большой осторожностью. Дабы ослабить неудовольствие

самих сокращаемых, я приказал их оставить в охранной команде сверх штата на полгода, в течение коего времени они естественным порядком вошли бы в штат или назначены были на другие должности. Этого требовала, конечно, и справедливость. Коснувшись сокращения, я прежде всего обратил внимание на самого себя и упразднил всех четырех агентов, находившихся для моей охраны. Затем я коснулся охраны министра Н. А. Маклакова, который сам поручил мне сократить ее насколько возможно. Его дом на Фонтанке, к которому примыкал и дом, занимаемый Департаментом полиции, охранялся командой более ста человек. Это, конечно, представляло собой ничтожное количество, сравнительно с охраной Столыпина, но тогда для такого усиленного охранения имелись причины, теперь же их не было. Ознакомившись с порядком охраны Маклакова, я нашел много лишних постов, как например два поста на крыше, неизвестно для чего туда поставленные, так как крыша дома министра и Департамента полиции были совершенно изолированы от крыш соседних домов. Количество команды признано было возможным сократить до 60 при двух офицерах, дежуривших при министре посуточно, через день.

Из остальных министров постоянную охрану имели: Коковцов, но она, насколько я помню, оплачивалась из сумм Министерства финансов и, кроме того, при нем как Председателе Совета Министров для охраны состоял один офицер Корпуса жандармов Офросимов, который и ведал его личной охраной; Щегловитов — министр юстиции — охранялся 6 агентами, которые у него и остались; Рухлов — министр путей сообщения имел четырех агентов, совершенно неизвестно для какой цели, так как никаких данных об угрожавшей ему опасности не имелось. Агенты эти были упразднены; два агента при Сухомлинове — военном министре были тоже упразднены, как не вызываемые необходимостью. Охрана высочайших особ осуществлялась следующим количеством агентов наружного наблюдения: императрица Мария Федоровна — около 100 человек; великий князь Николай Николаевич — около 30 и великая княгиня Мария Павловна старшая — около 15. Так как охрана мест пребывания их величеств осуществлялась распоряжением и средствами дворцового коменданта, то мне казалось, что такое огромное количество агентов от Департамента полиции исключительно для наружного наблюдения на улицах г. С.-Петербурга при выездах ее величества являлось сильно преувеличенным, в чем со мной согласился и дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин. Протестовал же градоначальник Драчевский, так как ему было выгодно за счет императрицы Марии Федоровны пользоваться агентами для других надобностей. Когда же я ему доказал цифрами несообразность такого количества, он уступил, и постоянная команда была сокращена наполовину. Охрана у великого князя Николая Николаевича не подверглась сокращению, так как число, по поверке,

оказалось не преувеличенным, что же касается охраны великой княгини Марии Павловны, то по расследовании оказалось, что по кончине великого князя Владимира Александровича агенты, охранявшие его, остались при великой княгине, так как она всех их знала в лицо, привыкла видеть их на постах в самом дворце и вблизи на улице, и потому никто не решался коснуться этого вопроса и прекратить непроизводительное расходование казенных денег.

Вступив по сему поводу в переписку с заведовавшим двором великой княгини, я сверх всяких ожиданий наткнулся на сопротивление со стороны генерала Кнорринга, который за болезнью князя Голицына исполнял обязанности заведовавшего двором. Тем не менее я все же настоял на своем, сократив сначала количество агентов наполовину, а затем, месяца через два, я совсем ликвидировал их; большая часть этих агентов, как мне передавали, были определены в штат прислуги двора ее высочества, которая так привыкла к ним, что не хотела их отпустить от себя.

Большое сокращение расходов последовало и в охранных отделениях, в С.-Петербургском и Московском, особенно в первом, когда после ревизии, произведенной по моему распоряжению, выяснилось на несколько сот тысяч совершено непроизводительных расходов. Таким образом, всеми этими мерами и постоянным наблюдением за секретной суммой, чтобы посторонние лица на нее не посягали, удалось все расходы поставить в строго определенные рамки.

Несмотря на то, что пришлось некоторые расходы сильно увеличить, как например, по выдаче суточных чинам Корпуса жандармов и общей полиции во время командировок их для охраны Государя, все же экономия получилась огромная *. [...]

Одновременно с сокращением расходов я наткнулся на возмутительное попустительство с бесплатными билетами по железной дороге, которые отпускались ежегодно из Министерства путей сообщения в распоряжение Департамента полиции. Таких билетов присылалось более ста, часть — для проезда по всем железным дорогам, часть — по некоторым линиям. Никакого учета этим билетам не велось, и ими пользовались и родственники и знакомые служащих в Департаменте полиции, а также и разные лица, занимавшие высокое положение, и члены Думы и другие, которым директор Белецкий хотел оказать услугу. Вследствие этого случалось, что когда приходилось кого-нибудь командировать, ни одного билета не было, все были в расходе, приходилось выдавать прогоны. С одним таким билетом контролером обнаружен был как-то даже и один германский подданный, комиссар пограничного германского

* Когда я вступил в должность товарища министра, секретная сумма на 1 апреля 1913 г. составляла 39 952 руб., а чрез 2 1/2 года, когда я покинул должность, в кассе находилось 1 510 977 руб., и это не в первой, а во второй половине года. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

пункта, о чем меня уведомил министр путей сообщения. Оказалось, что этот немец был приятелем чиновника особых поручений 5 класса при министре, Фрейната, причисленного к Департаменту полиции для заведования питомником собак-ищеек.

Этот случай и заставил меня обратить внимание на порядок пользования билетами. Фрейнат объяснил, что он дал билет этому комиссару-немцу, так как этот последний привез ему собаку для питомника. Но такое объяснение, конечно, не заслуживало уважения, и Фрейнат по моей просьбе был уволен из числа чиновников особых поручений при министре, а Белецкому я приказал в течение двух недель собрать все бесплатные билеты и передать их вице-директору П. К. Лерхе, которому я и поручил вести учет билетам и выдавать их исключительно законным порядком командируемым; в исключительных же случаях только с моего, каждый раз, разрешения. Я знал, что на Лерхе я могу положиться. С тех пор для ведения подробного учета билетам была заведена шнуровая книга, и незаконное получение билетов прекратилось.

Я очень надеялся, что Белецкий обидится на меня за изъятие из его ведения билетов, что его самолюбие заставит его просить об увольнении с должности, но увы, мои ожидания не оправдались, и я должен был его терпеть еще целых полгода.

В последних числах июля месяца и первых числах августа все время происходили маневры в высочайшем присутствии. 25 числа состоялся высочайший смотр всем войскам Красносельского лагерного сбора, на смотру присутствовал французский генерал Жоффр с французской военной миссией, а также и депутация Прусского гусарского императора Николая II полка. Вечером состоялись офицерские скачки. 26-го была боевая стрельба с маневрированием; 27-го — маневры у деревни Никулино, вечером — обед в Петергофе в честь генерала Жоффра; 29-го — маневры в Усть-Ижоре; на этих маневрах впервые показана была дымовая завеса, которая затем получила большое применение во время мировой войны. Эта завеса окутывала таким непроницаемым дымом позицию, что пользуясь ею, можно было совершать совершенно безнаказанно всякие передвижения. Кроме того, она скрывала и нахождение батарей и отдельных орудий, которые благодаря этому могли безнаказанно стрелять; при этом находившиеся в дыму могли совершенно свободно дышать.

В офицерском собрании Ижорского лагеря после маневра состоялся завтрак в высочайшем присутствии, после чего местные крестьяне поднесли Государю хлеб-соль. Я большею частью присутствовал на всех маневрах, так как мне хотелось лично убедиться в целесообразности всех мер охраны, применявшихся на маневрах. С губернатором графом Адлербергом было очень приятно иметь дело, и никаких недоразумений никогда не было.

Отъезд Государя в Крым назначен был на 7 августа. Накануне в Красном Селе в высочайшем присутствии состоялся парад Преоб-

раженскому полку, на котором я не присутствовал, так как накануне должен был выехать для проверки охраны, выставленной по железнодорожному пути в Крым.

В этот день пажи и юнкера, окончившие курс, были произведены в офицеры. [...]

7 числа Государь со своей семьей отбыл в Крым на всю осень. Охрана, выставленная по пути высочайшего следования по линии железной дороги, в принципиальном отношении значительно разнилась от охраны, выставляемой ранее. С согласия дворцового коменданта я поставил дело охраны на совершенно других началах.

Во время последнего высочайшего путешествия в приволжские города и в Москву я особенно внимательно присматривался к существовавшей тогда системе охранения железнодорожного пути во время следования императорских поездов и пришел к убеждению, что охрана пути строевыми частями войск создает на местах двоевластие, всегда пагубно влияющее на дело. Действительно, положение это было ненормально. За несколько дней до высочайшего проезда на линии железных дорог по пути следования императорских поездов командировались воинские части по заранее утвержденному плану для каждой дороги. Расчет войск, занимавших линию, был следующий: на все сооружения, мосты, стрелки, переезды, виадуки и т. п. ставились часовые, по всей линии с обеих сторон в шахматном порядке располагалось известное число нижних чинов (от 5 до 10 на версту), на обязанности коих было не допускать никого на железнодорожный путь. Войска вступали на охрану со своими начальниками, до начальника дивизии, и иногда и командира корпуса включительно. Каждый начальник распоряжался в определенном участке, который занимали его части. Начальником всей войсковой охраны назначалось особое лицо из высших военных начальников. В то же время ответственными лицами в деле порядка на железных дорогах оставались начальники жандармских полицейских управлений с подведомственными им чинами Корпуса жандармов. Выходило двоевластие, никакие инструкции не могли наладить правильных отношений.

Военные начальники, не знакомые с железнодорожным делом, вмешивались иногда в чисто технические вопросы, входили в пререкания по этим вопросам с железнодорожным начальством, происходили недоразумения, вредно отражавшиеся на деле охраны. Кроме того, зачастую бывали несчастные случаи при переходе через линию железнодорожного пути местных крестьян или окрестных жителей и даже служащих, которые, не слыша или не понимая окрика, не останавливались и делались жертвою выстрела часового. Это вызывало, конечно, тяжелое чувство, а среди народа и озлобление. Кроме того, так как часовые из строевых частей не знали в лицо служащих, то для пропуска их приходилось выдавать им билеты, а я был враг контроля по билетам, считая это ненадежным средст-

вом, и держался всегда правила — устанавливать контроль чрез лиц, знавших служащих в лицо и потому не могущих ошибиться. Да и движение императорского поезда среди пути, оцепленного солдатами, не могло не производить жуткого впечатления как на окружавших, так и на самого Государя и членов его семьи. Государь сам мне говорил, что ему неприятно смотреть в окно поезда и все время видеть одних часовых.

Поэтому все мои мысли были направлены к тому, чтобы совершенно изменить систему охраны пути следования императорских поездов. Мне помог в этом направлении в значительной мере мой новый начальник штаба Никольский, заменивший Гершельмана после кончины последнего. Прежде всего мне хотелось дело охраны привести к единовластию, чтобы прекратить раз навсегда постоянные недоразумения, о которых я говорил выше. В этом смысле начальник штаба по моему поручению и составил проект: вся ответственность по охранению железнодорожного пути высочайшего следования возлагалась на командира Корпуса жандармов, который все распоряжения по охране приводил в действие чрез подведомственных ему начальников жандармских полицейских управлений железных дорог — в полосе отчуждения, и чрез губернаторов — в трехверстной полосе по обеим сторонам пути. Войсковые части командировались уже не самостоятельно, а в распоряжение начальников отделений железнодорожных жандармских полицейских управлений, и для того, чтобы не было нарушено воинское чинопочитание, войсковые части назначались мелкими частями в составе рот и, за редким исключением, батальонов. Таким образом, войска являлись уже не самостоятельными органами, а поступали в полное распоряжение тех, которые фактически и были ответственны за порядок на железных дорогах. Вот такого рода реформы я и провел при высочайшем проследовании Государя в Крым в августе месяце, причем общее количество нижних чинов строевых частей было значительно сокращено. Результаты оказались благоприятными, недоразумений не было, не было и ни одного несчастного случая. В чинах Корпуса жандармов эта реформа подняла дух, и они напрягли все свои силы и разум, чтобы оправдать оказанное им доверие. Эта реформа мне далась довольно легко, так как дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, как бывший командир Корпуса жандармов, ее весьма приветствовал, а со стороны военного министра и великого князя Николая Николаевича также не встретилось препятствий. Один только командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Иванов не мог примириться с новой системой и поехал проверять охрану железнодорожного пути в районе своего округа, причем он позволил себе отдавать приказания командирам рот и батальонов, шедшие вразрез с инструкциями, преподанными начальниками жандармских отделений. Это, конечно, вызвало ряд недоразумений, которые

мне удалось уладить, встретившись в пути с генерал-адъютантом Ивановым, с которым я был в личных хороших отношениях.

В Харькове меня встретил губернатор Катеринич, который доехал со мной до платформы храма в Борках, где императорский поезд должен был иметь остановку. Разъяснив на месте все вопросы, возбужденные Катериничем, я отправился дальше и успел приехать в Севастополь накануне высочайшего приезда. Город был разукрашен флагами, гирляндами; суда на рейде также расцветились флагами, было красиво, нарядно, погода была чудная. Сделав все официальные визиты, я собрал у себя совещание, чтобы выслушать доклады о всех принятых мерах по охране в Севастополе.

На другой день, 9 числа, для встречи императорского поезда собрались на платформе: командующий войсками генерал Никитин, командующий морскими силами адмирал Эбергардт, главный командир порта адмирал Маниковский, комендант крепости генерал Ананьин, градоначальник Бурлей, морской министр генерал-адъютант Григорович и другие лица. Выйдя из вагона и поздоровавшись со всеми встречавшими, Государь обошел почетный караул от Брестского полка, пропустил его церемониальным маршем и с императрицей и августейшими детьми отбыл на гребном катере на яхту «Штандарт», стоявшую на рейде, при восторженных кликах учащихся и войск, наполнявших платформу, и народа, усеявшего весь нагорный берег. Как только гребной катер отошел, со всех судов раздались салюты и на «Штандарте» взвился брейд-вымпел его величества. В этот же день Государь посетил некоторые линейные корабли и крейсеры, стоявшие на рейде.

10 августа состоялся парад гарнизону Севастопольской крепости. Государь был в форме 15-го Стрелкового императора Александра III полка. Командовал парадом генерал Ананьин. В 4 часа дня на Корабельной стороне в высочайшем присутствии была освящена часовня в память 300-летия дома Романовых, после чего Государь посетил морской госпиталь, где беседовал с каждым больным; на обратном пути на Северной стороне Государь произвел смотр крепостной артиллерии. Вечером все суда были иллюминованы, город утопал в огнях, на воде был устроен чудный фейерверк. Красота была изумительная.

11 августа на Братском кладбище в присутствии Государя отслужена была заупокойная обедня, тут же были представлены Государю севастопольские ветераны — 2 офицера, 12 нижних чинов и 6 женщин, после чего на яхте «Штандарт» был парадный завтрак.

12 августа Государь с великими княжнами посетил херсонесский монастырь, осматривал археологические раскопки, объяснения давал граф Бобринский в качестве представителя Императорской археологической комиссии и заведовавший раскопками Лепер. По всему пути стояли толпы народа, приветствовавшие Государя. Вечером я был приглашен на яхту «Штандарт» к обеду.

13 августа Государь с великими княжнами после посещения некоторых судов Черноморской эскадры совершил прогулку на автомобиле в окрестностях Севастополя в сопровождении лиц свиты и меня; Государь посетил Георгиевский монастырь, Балаклаву, где в имении отставного капитана 2 ранга графа Апраксина пил чай, совершенно запросто. Граф Апраксин был женат на маркизе Паулучи, очень милой и симпатичной женщине; я хорошо знал как семью Апраксиных, так и Паулучи, брат же графини Апраксиной был кавалергардским офицером и моим товарищем по Пажескому корпусу.

В 4 часа на паровом катере Государь посетил урочище Инкерман, где осматривал пещерный храм, и затем на автомобиле объехал живописные окрестности Инкермана, останавливаясь на Английском редуте, Балаклавском и Чернореченском полях сражения. Объяснения при этом давал генерал Зайончковский — помощник великого князя Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем. В 8 часов на яхте «Штандарт» состоялся парадный обед для всех севастопольских властей, на который и я получил приглашение.

На другой день Государь отбыл в Ялту на яхте «Штандарт», конвоировали ее крейсер «Кагул» и яхта морского министра «Алмаз» и отряд миноносцев — 6 вымпелов. Суда и крепость салютовали, хоры музыки играли гимн, тысячи народа, покрывавшие берега, войска, учащиеся провожали царскую яхту могучими криками «ура», которое стояло в воздухе, пока яхта не вышла в открытое море. Пребывание царя в Севастополе оставило во всех радостное чувство, порядок был изумительный, народу много, полиции почти не было видно. Недавно назначенный градоначальником Бурлей, моряк, проявил себя с самой лучшей стороны, просто, без крику и реклам, скромно делал свое дело и достиг полного успеха.

Я выехал из Севастополя в Ялту на автомобиле и прибыл за полчаса до подхода яхты «Штандарт» к ялтинскому молу. На пристани уже были губернатор Лавриновский, главноначальствующий Думбадзе и другие лица, а также и депутации. Разукрашенная Ялта, со своими красивыми домами, виллами, массой зелени была удивительно красива. Громкое «ура», колокольный звон, звуки гимна — все это слилось вместе в момент подхода яхты «Штандарт». Почетный караул был выставлен от 51-го пехотного Литовского наследника цесаревича полка.

На пристани встречали эмир Бухарский, великий князь Константин Константинович и великая княгиня Ольга Константиновна, королева греческая. Обойдя всех встречавших, приняв депутации от города, пропустив почетный караул церемониальным маршем, Государь с императрицей и августейшими детьми сел в открытый экипаж и горячо приветствуемый населением проследовал в Ливадию.

Я в этот раз остановился в Ялте у старика Е. В. Богдановича. Он

был трогательно мил и любезен. И я, и мой секретарь Сенько-Поповский были окружены самым дорогим гостеприимством. Все для нас было устроено с редким вниманием заботливой рукой хозяйки. Е. В. Богданович был поразительно гостеприимным хозяином, несмотря на свои годы и слепоту, он все время заботился обо всем до мелочей, вникая во все сам; между прочим, у него было заведено правило, чтобы гости отнюдь не давали прислуге на чай, прислуга и не брала, так как по договоренному условию прислуга взамен этого получала добавочное содержание, вполне покрывавшее ту сумму, которую она могла бы получить «чаями».

Я пробыл в Ялте 6 дней, в течение коих успел объехать в автомобиле с полковником Спиридовичем и ялтинским исправником Гвоздевичем все окрестности и места, где возможно было ожидать высочайшее посещение. Всюду было обращено внимание на места, требовавшие постоянного наблюдения. Таким образом, мы объехали на автомобиле весь нижний берег, посетили Кореиз, Алупку, Лимены, Симеиз, Новый Мисхор, Олеиз, Никиту, Кизилташ, Алушту, Профессорский уголок, Гурзуф, Козьмодемьянский монастырь, Лесничество, Куру-Узень, Ай-Петри, Бахчисарай. Весь Южный берег разделен был на районы, в каждом выработаны были планы охраны и наблюдения, но без стеснения обывателей. Эта поездка была поразительна по своей красоте, нам всем она доставила огромное наслаждение. В Козьмодемьянском монастыре я окунулся в святой источник, в воде которого никогда не бывает более 5 градусов, остальные мои спутники не решились.

18 числа я был у обедни в Ливадийском дворце, после чего был приглашен к завтраку. В этот же день я откланялся Государю и получил разрешение на заграничный отпуск для лечения на 6 недель. Отпуская меня, Государь милостиво со мной простился, выразив надежду увидеть меня еще в Ливадии.

21 августа из Симферополя я выехал на Москву в Петербург, заехав по дороге в Рыбницу — имение Жедринских, родителей жены моего верного секретаря Сенько-Поповского. Я с большим удовольствием и радостью провел два дня в уютном гостеприимном доме Жедринских, где меня окружили большой заботой и лаской.

В Москву я приехал 25 августа и рано утром 26-го выехал на автомобиле в Бородино на освящение памятника павшим французам, который был сооружен на том самом месте против Шевардинского редута, где в прошлом году поставлена была временная модель. Теперь она была заменена новым обелиском, привезенным из Франции, точной копией обелиска, погибшего вместе с пароходом Северного общества «Курск» в проливе Каттегат (см. воспоминания 1912 г.). Вновь поставленный обелиск был из цельной глыбы бургундского гранита. По дороге меня застал ливень, и мой автомобиль застрял в грязи, я приехал в Бородино уже по окончании торжества, что мне было очень досадно.

В Москве я пробыл 2 дня, посетив аэродром и Практическую академию коммерческих наук.

29-го я уже был в Петербурге. 31 августа Александро-Невская лавра праздновала 200-летие со дня своего основания. По этому случаю в лавре было совершено торжественное богослужение, после которого митрополит Владимир как священный архимандрит лавры принимал поздравления. Затем в трапезной всем гостям был предложен обед.

2 сентября я выехал из Петербурга в заграничный отпуск, в Наухгейм, для лечения и необходимого отдыха. По дороге заехал в Варшаву и Калиш, чтобы осмотреть подведомственные мне части и управления; меня сопровождал начальник штаба Никольский.

В Варшаве на вокзале для моей встречи был выставлен почетный караул от Варшавского жандармского дивизиона и собрались начальствующие лица — помощник генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Утгоф, директор канцелярии генерал-губернатора Харламов, оберполицеймейстер генерал-майор Мейер, начальник губернского жандармского управления генерал-майор Бельский, начальник охранного отделения подполковник Мартынов, президент города Миллер, губернатор и др. Обойдя почетный караул и пропустив его церемониальным маршем, я в парадных комнатах принял всех встречавших меня, знакомясь с каждым в отдельности.

Генерал Утгоф произвел на меня весьма отрицательное впечатление, правда, что и едучи в Варшаву, я уже имел предубеждение против него, ввиду сведений, имевшихся у меня о том, что состоявшееся на него покушение два года назад было устроено им же самим для укрепления своего положения. Это дело было тогда замято, но подозрение осталось. Он был человеком умным и очень ловким, дело знал хорошо, так как более 30 лет состоял в Корпусе жандармов, но зато и привычки у него были типичного охранника старого режима в дурном смысле этого слова. При этом он был очень высокого о себе мнения и, опираясь на расположение и полное доверие генерал-губернатора генерал-адъютанта Скалона, считал себя совершенно независимым ни от кого. Меня даже предупредили, что, быть может, он даже не явится на вокзал меня встретить. Но этого не случилось, и относительно меня он проявил полнейшую корректность. Я с ним имел на вокзале длинную беседу, потом заехал к нему. Своими взглядами он совсем не соответствовал занимаемому им высокому ответственному посту, кроме того, он был малоподвижен и ленив и не был русским, что для Варшавы являлось большим минусом.

Тем не менее я ничего предпринять не мог, так как Скалон ни за что не согласился бы на замену его другим генералом, и я, будучи значительно моложе Утгофа, не решился тогда произнести своего приговора над ним и идти против Скалона. Присматриваясь к нему

все дальше и дальше, я через год, когда началась война, решил бесповоротно с ним расстаться. Генерал-губернатором тогда был Жилинский, и с его согласия я, приехав в Варшаву, как мне это ни было неприятно, предложил ему подать в отставку; для него это, по-видимому, было большим ударом, но он не возражал и подал прошение. На его место назначен был генерал-лейтенант Клыков, скромный, дисциплинированный служака, безукоризненной честности и порядочности.

Генерал Бельский, начальник жандармского управления, был человеком совсем противоположного типа, чем Утгоф. Это был выдающийся во всех отношениях начальник управления. Подполковник Мартынов — брат начальника Московского охранного отделения, о котором я говорил выше, был, по моему мнению, лучше, порядочнее своего брата, но тоже «себе на уме», что было большею частью характерной чертой всех офицеров розыска. Командиром Варшавского жандармского дивизиона был полковник Евстафьев, уже немолодой, но лихой кавалерист. По службе был довольно бестолков и совсем не умел руководить своими подчиненными.

В Варшаве я пробыл один день; прямо с вокзала проехал в собор, затем сделал необходимые визиты и успел ознакомиться с работой в охранном отделении, губернском жандармском управлении, съездить по приглашению представителей города осмотреть водопроводные сооружения, осмотрел крепостную жандармскую команду и затем вызвал по тревоге жандармский дивизион на Мокотовском поле, произвел ему смотр в конном строю.

Останавливался я в Варшаве у моего племянника Грессера, который уже был вице-губернатором и за отсутствием губернатора барона Корфа исправлял его обязанности. Это был очень хороший человек и весьма обстоятельный по службе. Вечер я провел в театре «Новости» на представлении «Сумурун» и с ночным поездом выехал в Калиш, где также остановился для ревизии губернского жандармского управления и пограничного пункта. Начальником управления был полковник Крыжановский, произведший на меня очень хорошее впечатление. Покончив все в Калише, я переехал границу и почувствовал большое облегчение, что могу, наконец, отдохнуть и не думать о делах.

6-го утром я приехал в Наухгейм, отправился к доктору Янковскому, у которого обыкновенно лечился. Он нашел сильное ухудшение в состоянии моего здоровья, прописал лечение, к которому я и приступил.

В России в это время в Киеве состоялось торжество открытия памятника П. А. Столыпину. Памятник ему был построен на средства, собранные путем пожертвований особым комитетом под председательством начальника края Ф. Ф. Трепова, при ближайшем участии городского головы Дьякова. Автором памятника был скульптор Ксименес, итальянец, строителем — городской архитектор

Николаев. Памятник изображал собой четырехгранный постамент из серого полированного гранита, на котором стояла бронзовая статуя П. А. Столыпина, во весь рост. Лицом статуя стояла к Крещатику, спиной к зданию городской думы. По бокам пьедестала были поставлены две бронзовые фигуры — русской женщины и былинного богатыря. На памятнике были надписи: «Петру Аркадьевичу Столыпину — русские люди. П. А. Столыпин родился в Москве, жизнь посвятил Родине. Пал от руки убийцы 1 сентября 1911 г. в Киеве». Затем еще надпись над витязем: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия», и над женщиной: «Твердо верю, что свет русской национальной идеи, зародившейся в Юго-Западном крае, не померкнет, а разовьется и озарит всю Россию».

Мне очень было жаль, что мне не удалось присутствовать при открытии и освящении этого памятника, памятника обширному государственному уму, мужественной и героической личности, запечатлевшей кровью верность и непоколебимость своих взглядов и убеждений. Я никогда не забуду светлый образ, сохранившийся в моем сердце, этого стойкого и благороднейшего человека, с которым мне пришлось по службе постоянно встречаться и иметь непосредственные к нему отношения в течение 5 лет, пользоваться полнейшим доверием этого обаятельнейшего человека. Он вступил на свой трудный ответственный пост в годы великого испытания и показал, как надо жить для России и умирать за нее. Столыпин «возродил в России доверие к самой себе» — эти слова, сказанные кем-то, были истинной правдой. Он сам так верил в Россию, верил в критическую минуту ее истории, среди общего развала и разочарования, так крепко верил, что силой этой веры он и мог дать отпор разлагающим силам страны и переломить общественное настроение. Теперь, когда я пишу эти строки и Россия как государство уже не существует, как-то невольно вспоминается еще ярче светлый образ русского, в полном смысле этого слова, человека.

Но возвращусь ко дню моего приезда в Наухгейм. На этот раз, должно быть, от чересчур сильного переутомления вместо того, чтобы поправляться, мне становилось все хуже и хуже, так что пришлось не докончить лечения; ванны на меня действовали плохо, в довершение всего у меня сделалась закупорка вен на правой руке. По совету докторов пришлось переехать в Висбаден, куда я прибыл совсем больной, потерявши более пуда весу, от слабости без посторонней помощи с трудом мог передвигаться. Я пробыл в Висбадене около месяца, причем около двух недель мне был предписан полный покой.

В Наухгейме со мной некоторое время жила моя сестра, пока она не уехала к принцессе Марии Максимилиановне в Баден. После ее отъезда ко мне приехал разделить со мной мое одиночество С. С. Гадон, брат моего товарища по Преображенскому полку и моего большого друга В. С. Гадона, бывшего со мной одновременно

адъютантом при великом князе Сергее Александровиче. Сергей Сергеевич Гадон — это была поразительная личность по своей доброте, уму, верности в дружбе, я его любил как самого близкого родного мне. Он нигде не служил, да он и не мог служить вследствие несчастного случая, происшедшего с ним в детстве, после чего он на всю жизнь остался маленького роста и горбатым. Обыкновенно люди, страдающие этим недостатком, делаются недоброжелательными, даже злыми, Гадон же был воплощением доброты, участия ко всем, все его любили, все хотели быть с ним знакомы, он имел большой успех и у женщин, благодаря своей удивительной чуткости, деликатности и нежности сердца, лицом он был очень красив, глядя на него, в его добрые, ласковые глаза, совершенно забывали его уродство. Со мной Гадон пробыл некоторое время в Наухгейме, переехал со мной в Висбаден, где мы вместе прожили до двадцатых чисел октября, когда здоровье мое стало улучшаться и я мог для окончательного отдыха переехать в Меран, куда меня посылали доктора. Так как отпуск мой истек, то я обратился с рапортом к командующему Главной квартирой графу Фредериксу, прося о продлении отпуска до полного выздоровления. В ответ на это я получил депешу: «Государю императору, соизволяя продление вам отпуска, благоугодно было выразить пожелание скорейшего вашего выздоровления. Генерал-адъютант граф Фредерикс». Такие милостивые слова Государя меня очень обрадовали и растрогали, в ответ на них я послал уже из Мерана депешу. [...]

Когда я немного поправился и стал прибавлять в весе и окреп, то совершил поездку в Париж, где в то время был Коковцов, с которым я, еще будучи в Петербурге, сговорился встретиться в Париже. Получив от него письмо с приглашением приехать к нему, я и поехал, чтобы уладить некоторые недоразумения и неприятности из-за газетных статей с разными разоблачениями, касавшимися нашей заграничной агентуры, и нападками на русское правительство, в связи с нашей заграничной полицией. В Париже я пробыл всего два дня и вернулся в Висбаден, чтобы через несколько дней отправиться в Меран, где я отлично устроился в чудной гостинице «Park Hôtel» на краю города в очень красивой местности и недорого, по 13 крон в день за весь пансион. Тотчас по приезде я отправился к рекомендованному мне доктору, который нашел, что рука моя хорошо поправляется и что дней через 10 можно будет снять повязку. Сердце нашел нормальным, но слабым, велел спать с открытым окном, гулять по ровному, в горы ездить перед обедом и после лежать на солнце по часу.

Воздух в Меране был дивный, три недели, проведенные мною там, совсем меня воскресили; я буквально чувствовал каждый день прилив все новых и новых сил. В Меране я встретился с генерал-адъютантом Скалоном, варшавским генерал-губернатором, и генерал-адъютантом Козловым. Скалон был очень болен, слаб, боялись,

что он не выживет, при нем была охрана: два агента наружного наблюдения заграничного отряда, так как имелись тревожные сведения о готовящихся новых покушениях на его жизнь. Один агент был немец, другой — француз, оба очень умно себя держали, были интеллигентнее наших русских, и их не так легко было разгадать.

Козлов, о котором я говорил в своих воспоминаниях за 1905 г., дружески обрадовался мне, и мы часто с ним видались. В Меране меня навещали мои добрые друзья, сначала из Парижа ко мне приехала Е. А. Бальмонт, моя большая приятельница, жена поэта, а затем две недели провела со мной Н. В. Евреинова, мой большой друг, мы с ней делали чудные прогулки, поднимались по воздушной железной дороге на одну из окружающих Меран возвышенностей, где стояла уже полная зима, тогда как внизу, в Меране, в это время было еще много цветов. Впечатление получалось огромное, так как такая перемена проходила в течение каких-нибудь четверти часа.

Пока я был за границей — в течение 2 1/2 месяцев — директор Департамента полиции и начальник штаба держали меня все время в курсе всех дел, так что в делах у меня как бы не было перерыва.

26 октября внезапно в Ливадии скончался дворцовый комендант Дедюлин от разрыва сердца. Я узнал о кончине его сначала из немецких газет, а затем получил депешу от начальника моего штаба. Я с большим сожалением прочел эту печальную весть, так как находился с Дедюлиным в отличных отношениях, мне было с ним очень легко, а служба требовала всегда самого тесного общения с ним. Каково было мое удивление и даже волнение, когда я, сначала в заграничных газетах, а затем и в русских, прочел о своей кандидатуре на пост дворцового коменданта. Мне казалось это невероятным, зная не особенно хорошее расположение ко мне императрицы, но я невольно все же встревожился. Во всех газетах писали самые невероятные версии. В «Русских ведомостях», между прочим, писали так: «К назначению на должность дворцового коменданта. Интерес бюрократических кругов за последние дни после неудачной попытки облагодетельствовать Москву назначением головы, вновь сосредоточился на вопросе о том, кто будет назначен дворцовым комендантом вместо покойного Дедюлина. Имена кандидатов на этот пост в последние дни называли по очереди, в зависимости от того, какая из борющихся партий, придворная или бюрократическая, одерживала верх. В настоящее время, как нам передают, в кулуарах Совета Министров на последнем заседании определенно и уверенно говорили, что дворцовым комендантом будет назначен товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский. Выяснилось, что пошатнувшиеся было шансы его на этот пост объяснялись противодействием, которое оказывалось этому назначению одной высокопоставленной особой, проживающей в Москве. Теперь, как говорят, это противодействие прекратилось, и поэтому шансы его поднялись опять настолько сильно, что в мини-

стерских кругах полагают, что из Ливадии Джунковский уже вернется комендантом. Если бы дело обстояло иначе, то, говорят, князь Трубецкой или флигель-адъютант Орлов, находящиеся вблизи сфер, уже давно получили бы приказ о назначении. (Наш корреспондент)».

Лично мне очень не хотелось получить такое назначение, оно совершенно было мне не по характеру, и меня пугала мысль закабалиться в узко-придворную атмосферу, но в то же время я сознавал, что, если Государю было бы угодно меня назначить, отказаться я бы не имел права. Еще в большее я пришел волнение, когда получил несколько писем и депеш с поздравлениями, на которые я не знал, что отвечать. Положение выходило глупое. Я знал, что в должность дворцового коменданта вступил князь Трубецкой, но меня смущало, что ему поручено только исполнять обязанности коменданта, значит, не он кандидат. Среди этих слухов мне не хотелось ехать в Ливадию, и я хотел выждать, пока заместитель Дедюлину не будет назначен. Но время шло, я совершенно поправился, наступил день моего отъезда 17 ноября. Не ехать в Ливадию я тоже не мог, так как сам испросил разрешение на приезд и получил его. Менять маршрут нельзя было. Из Мерана я выехал на Берлин, Варшаву, куда прибыл 19 числа, и в тот же день выехал в Севастополь, откуда на автомобиле в Кореиз к Юсуповым, моим большим друзьям, которые пригласили меня остановиться у них.

20-го утром, переодевшись в парадную форму, я поехал в Ливадию, явился графу Фредериксу, зашел к князю Трубецкому, который [стал] исполняющим обязанности дворцового коменданта. Я с ним был чисто в товарищеских отношениях. Он меня смутил, начав без всяких предисловий разговор относительно моей кандидатуры. Он мне сказал, что не считает себя кандидатом, что исполняет обязанности только временно, и, если б даже ему предложили, он ни в коем случае не согласится. Об этом он считает долгом предупредить меня, так как считает, что у меня несомненно есть шансы. Я ему высказал все, что думал по этому поводу, и мои сомнения, почему я думаю, что мне не предложат должности коменданта, при не особенно хорошем расположении ко мне ее величества. Скоро пришли доложить, что Государь приглашает меня к завтраку. Я успел еще зайти к моему другу Дрентельну и в час дня был во дворце в ожидании выхода Государя. Его величество очень участливо отнесся ко мне, расспрашивал про мое лечение, пребывание за границей, императрица, к моему удивлению, тоже выказала мне много внимания. За завтраком я сидел возле прелестной великой княжны Ольги Николаевны, державшей себя, как всегда, удивительно просто и мило. По окончании завтрака на чудной террасе подали кофе; прощаясь со мной, Государь и императрица были опять весьма милостивы ко мне, как бы особенно подчеркивая свое расположение. Я вышел с удивительно облегченной душой — со-

мнений не было, я не кандидат в дворцовые коменданты, у меня как гора с плеч свалилась. Государь и императрица, зная, конечно, все газетные статьи и разговоры о кандидатуре в дворцовые коменданты и чувствуя все, что я должен был переживать в связи с этими слухами, своим особенно любезным вниманием и лаской ко мне, очевидно, хотели дать мне понять, что не считают меня кандидатом на этот пост, но хотят меня видеть на прежних должностях, службу в которых они очень ценят.

22 ноября я выехал из Крыма вместе с Коковцовым и в Петербург приехал 24 числа, бодрый и полный сил для продолжения работы.

В тот же день мне доложили о побеге знаменитой «бабушки революции» Брешко-Брешковской из Киренска, где она находилась в ссылке. Побег состоялся при следующих обстоятельствах: 18 ноября, в сопровождении надзирателей, она отправилась на квартиру одного политического поселенца Владимирова, у которого ежедневно обедала. «Бабушка» оставалась там до вечера, затем из той же квартиры вышел поселенец Андреев, переодетый в платье Брешковской. Андреев шел, опираясь на руку Владимирова, умело разыгрывая комедию и притворяясь больным. Прийдя в помещение «бабушки», он сказал, что серьезно заболел и лег в постель. Никто не подозревал обмана, все считали, что «бабушка» заболела и лежит в постели. 21 ноября обман был обнаружен, а 25 числа иркутский исправник, следуя по Якутскому тракту, остановил ехавший экипаж с двумя пассажирами, причем в одном из них опознал Брешко-Брешковскую, одетую в мужской костюм. Спутником оказался политический ссыльный, оба с подложными паспортами, денег у них было 200 руб. Одновременно была обнаружена срезанная на большом расстоянии проволока киренского телеграфа.

Таким образом, побег не удался. Брешко-Брешковская еще в 1873 г. приговором Особого присутствия Правительствующего Сената была лишена всех прав состояния и сослана в каторжные работы за распространение среди крестьян революционной пропаганды. Спустя несколько лет она бежала, была арестована и осуждена опять в каторжные работы, но затем по применению манифеста 1896 г. она получила право жительства везде, кроме столиц и столичных губерний. Тогда она предприняла обширное путешествие по России, формируя тайные противоправительственные кружки и проповедуя террор. В 1907 г. она принимала участие в организации беспорядков в Саратовской, Самарской и Черниговской губерниях, была арестована в Симбирске, где хотела поднять народный бунт. В 1910 г. приговором Особого присутствия С.-Петербургской [судебной] палаты приговорена к ссылке на поселение в г. Киренск. Ряд побегов, которые ей устраивали разные революционеры, не удавались. Последнее время в Департаменте полиции были получены определенные сведения о непременном желании ее освободить с целью переправить за границу, где террористические комитеты

ждали «бабушку» для проведения в жизнь своих разрушительных замыслов.

14 января 1914 г. в Париже праздновали 70-летие со дня ее рождения, по словам газеты «L'humanité», более 1200 русских граждан и гражданок теснились в большом зале Ученых обществ, где состоялся митинг под председательством Е. Рубановича. По этому поводу в газете «La guerre sociale» была помещена статья, весьма тенденциозно написанная, но не лишенная интереса [...]

Пока я был за границей, состоялось несколько новых назначений — московский почт-директор В. Б. Похвиснев был назначен начальником Главного управления почт и телеграфов. Я был очень рад этому назначению, так как считал Похвиснева вполне достойным занять эту должность. Когда же спустя год в мое ведение перешло Главное управление почт и телеграфов и мне пришлось иметь дело с Похвисневым, мне было очень приятно с ним работать. А. Г. Булыгин 18 ноября был назначен главноуправляющим учреждениями императрицы Марии — это было прекрасное назначение, которое нельзя было не приветствовать.

25 ноября в Москве состоялась торжественная передача Императорской Академии Наук Литературно-театрального музея имени А. А. Бахрушина, о котором я писал ранее в моих воспоминаниях. Для этой цели в Москву приезжал августейший президент Академии Наук, великий князь Константин Константинович, который и председательствовал на торжественном заседании попечительного совета музея.

30 ноября я ездил на один день в Москву представителем Министерства внутренних дел на юбилей Московского купеческого общества. Празднование 50-летия было обставлено особой торжественностью. Дом Купеческого общества снаружи был весь в национальных флагах, внутри все помещения были красиво убраны тропическими растениями. К началу молебствия в управу прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна в сопровождении В. С. Гордеевой и по окончании молебствия возвратилась к себе в обитель. На торжество, кроме меня, из С.-Петербурга прибыл министр торговли С. И. Тимашев, член Совета торговли и промышленности Ланговой и старшина с.-петербургского купеческого сословия Крюков. Среди москвичей выделялись — командующий войсками Плеве, А. Д. Самарин, градоначальник, губернатор граф Муравьев, А. И. Гучков, бывшие городские головы князь В. М. Голицын и Н. И. Гучков, исправляющий должность городского головы Брянский, затем Г. А. Крестовников, Вогау, А. Ф. Дерюжинский, много профессоров, общественных деятелей и почетных лиц.

Молебствие совершено было преосвященным Анастасием, который произнес слово, посвященное полувековому юбилею московского купечества. После молебствия все приглашенные перешли в зал собраний выборных, где и состоялось торжественное заседание.

Места президиума заняли: старшина купеческого сословия С. А. Булочкин, министр торговли Тимашев и я.

Открыв заседание, Булочкин обратился к С. И. Тимашеву с просьбой: по телеграфу выразить Государю верноподданнические чувства по случаю торжественного дня и предложил собранию одобрить текст телеграммы. Звуки гимна и единодушное «ура» были ответом на предложение старшины. Затем С. А. Булочкин произнес речь, изложив краткую историю существования и деятельности Московского купеческого общества, закончив словами: «Позвольте выразить от имени Московского купеческого общества глубокую благодарность за оказанное нам сегодня внимание и честь. По древнему московскому, а следовательно, и русскому обычаю, кланяюсь вам низко, как низко кланялись в старину наши предки, встречая дорогих и почетных гостей».

После С. А. Булочкина произнес большую речь министр торговли и промышленности С. И. Тимашев. Высказав приветствие юбиляру, С. И. Тимашев расширил рамки чествования оценкой того мощного организма, который именуется московским купечеством и который имеет длинную и почтенную историю, захватывающую несколько веков. Министр говорил, что, в сущности, история московской промышленности есть история русской промышленности. Здесь, в Москве, стояла ее колыбель, здесь мы присутствуем при современном мощном ее расцвете. «Я не буду утруждать ваше внимание, — говорил Тимашев, — цифровыми данными, отмечу только, что годовая производительность московской фабрично-заводской промышленности оценивается в сумме до 600 миллионов рублей, что производительность эта на душу населения значительно выше, чем в каком бы то ни было другом районе империи. Вместе с тем, здесь же, в Москве, находятся узлы всех важнейших внутренних и внешних, особенно азиатских, торговых сношений. Торгово-промышленный оборот московского района оценивается свыше 3 миллиардов рублей в год. Эти цифры достаточно красноречивы, и такого развития торгово-промышленная деятельность Москвы достигла благодаря дружным и энергичным трудам и усилиям нескольких поколений почтенных деятелей. Тем, что я сказал, не исчерпываются заслуги московского купечества, необходимо еще отметить и подчеркнуть его деятельность просветительную и в области благотворительности. Можно сказать без колебаний, что в этом отношении ему принадлежит первенствующее место. Московские фабриканты и заводчики первые озаботились устройством при своих предприятиях прекрасно оборудованных больниц. Наряду с этим ими устраивались и поддерживались и другие больницы, богадельни, приюты и т. п. благотворительные заведения. Что касается просветительной деятельности торгово-промышленного класса Москвы, то и она должна быть отмечена по достоинству. Нельзя обойти молчанием такие выдающиеся высшие школы, как Москов-

ская практическая академия коммерческих наук и Московский коммерческий институт. В то же время целый ряд средних и высших школ устраивается и поддерживается на те же средства». В заключение С. И. Тимашев выразил руководителям купеческого управления сердечное спасибо за труды.

После Тимашева наступила моя очередь. Я встал и произнес следующую речь: «Министр внутренних дел, — сказал я, — поручил мне выразить его глубокое сожаление, что он был лишен возможности воспользоваться вашим любезным приглашением, чтобы лично присутствовать на вашем торжестве, и уполномочил меня приветствовать от Министерства внутренних дел именитое и славное московское купечество со вступлением во второе 50-летие высокополезной государственной и общественной деятельности его, основанной на началах самоуправления, дарованного купеческому сословию 20 марта 1862 г. высочайшим актом императора Александра II. Но не за краткий исторический период действия этого акта, и даже не за время действия Положения о Московской купеческой гильдии и о московском градском доме прославило московское купечество свое имя.

В глубине московской старины кроется начало государственного значения московского купеческого сословия: оно заключается в глубокой религиозности, преданности исконным основам российской государственности, готовности жертвовать жизнью и состоянием на благо Родины, непрестанной работе на пользу отечественной торговли и промышленности, в широкой благотворительности и покровительстве просвещению и искусствам. Не останавливаясь на известных всем исторических моментах, в которые купечество мощным размахом приходило на помощь государству в тяжелые минуты его жизни, не останавливаясь также на мировом значении московского купечества в области торгово-промышленного производства и не перечисляя многих других заслуг его перед лицом страны, так как такой обзор не может быть сделан в краткой речи, укажу только, что деятельность московского купеческого сословия всегда ценилась русскими государями и отмечалась знаками благосклонности высочайшего внимания. А последний знак особого монаршего благоволения — посещение его императорским величеством с августейшей семьей Московской купеческой управы — особенно ярко знаменует всемилостивейшее признание заслуг московского купечества и составляет не только лучшую награду за его прошлую культурную работу, но несомненно даст ему новые силы для дальнейшего продолжения его служения на гордость первопрестольной столицы. Лично я не могу не вспомнить с чувством искренней благодарности о тех благожелательных отношениях, которые проявило ко мне Московское купеческое общество и органы купеческого управления за время моей продолжительной жизни и службы в Москве, а в особенности за время управления мной Московской губернией. Широ-

кая благотворительность, которой исстари отличается московское купечество, не ограничилась пределами города. Отзывчиво, быстро и щедро, как всегда, оно приходило на помощь в минуту бедствия к жителям губернии. После урагана, пронесшегося в 1904 г., и после наводнения, разорившего многие селения в 1908 г., московское купечество не только с избытком снабжало потерпевших денежными средствами, но с готовностью разделяло труд по организации помощи пострадавшим и проявляло живое участие к их положению. Мои совместные с представителями купеческого сословия труды во время наводнения навсегда оставили во мне чувства глубокого удовлетворения и благодарности. Не могу не упомянуть также, что за время управления мною губернией во всех делах, так или иначе касавшихся купеческого управления, я встречал всегда самое предупредительное внимание, завершившееся бесценным лично для меня актом учреждения стипендий родной мне Практической академии коммерческих наук.

От лица Министерства внутренних дел желаю вечного процветания московскому купечеству, дальнейших успехов его полезнейшей деятельности и сохранения тех исконных устоев, которые создали ему столь почетное место в ряду сословий нашей великой Родины. Желаю купечеству твердо и неуклонно стоять на славном пути, указанному ему историей его славного прошлого».

Затем следовал длинный ряд депутаций. Первыми были: от Московской городской думы в составе В. Д. Брянского, Л. Л. Катуара и А. Д. Алферова, от Московского биржевого комитета в лице Г. А. Крестовникова, П. П. Рябушинского, К. К. Арно, А. А. Найденова и Э. Я. Цоппи; затем от дворянства принес приветствие А. Д. Самарин; от Петербургской купеческой управы — старшина Крюков, от Московского отделения Совета торговли и мануфактур — И. А. Баранов, Нижегородского ярмарочного комитета — С. А. Салазкин, Московской хлебной биржи — Пойманов, Мясной и скотопромышленной биржи — А. Ф. Нырков, Биржи пищевых продуктов — В. И. Бландов, Московского ремесленного общества — И. А. Александров, Мещанского общества — И. Н. Анофриев и т. д.

Вечером в ресторане «Метрополь» состоялся очень многолюдный и оживленный банкет с речами и тостами. Первый тост провозгласил С. И. Тимашев за Государя императора, второй за Государынь императриц и августейших детей провозгласил я. Тосты были встречены громким «ура». Следовали тост С. А. Булочкина за С. И. Тимашева и последнего — за Булочкина, членов купеческой управы и представителей купечества. Я предложил тост за прошлое, настоящее и будущее московского купечества. Граф Н. Л. Муравьев — за славное будущее московского купечества и за здоровье всех его представителей, а В. Д. Брянский — от города за купечество.

Центральным моментом банкета явилась короткая речь П. П.

Рябушинского, не обошедшаяся без тенденциозности. «Перед нами, перед купеческим сословием, — сказал между прочим П. П. Рябушинский, — стоит большая задача — создание России. Всем памятен афоризм: «Познай самого себя». Московское купечество должно познать самого себя, оценить по достоинству свои силы и значение. Купечество не должно ограничиваться деятельностью в нынешней ограниченной области. Купечество — граждане. Такие же, как и все, члены русского общества. Благо всего народа — его благо, и в достижении этого общего блага купечество должно сплотиться в крепкую организацию. От нас, купцов, во многом зависит будущее народа. И сознавая эту зависимость, сознавая необходимость работы для народа, мы все должны работать для общей цели — и власть, и народ. Пусть не лишают народ права на свободное творчество. Пусть власть вместе с народом идет к созданию великой свободной России. В предвидении будущего нашего народа, создания им великой государственности, провозгласим ему, русскому народу: слава, слава».

После длинного ряда тостов, в заключение, А. А. Бахрушин поднял бокал за детей славного купечества и дам.

С банкета я прямо проехал на вокзал и на другое утро, 1 декабря, был в Петербурге.

В Государственной Думе, еще до моего возвращения, началось рассмотрение законопроекта о реформе полиции в особой думской комиссии. Председателем этой комиссии был избран Н. А. Хомяков, товарищами к нему члены Думы Чихачев и Басаков, секретарем Лелявский, докладчиком граф Д. П. Капнист. Состав очень хороший, все люди исключительно доброжелательные. Членами комиссии были Н. Н. Львов, Дымша, Мансырев, Гронский и др. Когда я вернулся, много уже статей законопроекта было рассмотрено, но несколько из них, с которыми члены Думы не хотели согласиться, любезно отложены были ими для окончательного решения до моего возвращения. Первый раз я был в думской комиссии, вернувшись из Ливадии, в ноябре, и затем аккуратно посещал заседания, которые происходили два раза в неделю, это отнимало у меня часа три, но занятия шли так гладко, члены Думы, работавшие в комиссии, относились с таким доброжелательством, что я всегда с удовольствием ездил на эти заседания, очень редко их пропуская. Корпуса жандармов не затрагивали, так как я просил этого вопроса не касаться, намереваясь внести особый законопроект, поэтому все вопросы, сталкивавшиеся с Корпусом жандармов, откладывали, оставляя их открытыми.

6 декабря, в день тезоименитства Государя, все части Отдельного корпуса жандармов праздновали храмовый праздник Корпуса. В манеже С.-Петербургского жандармского дивизиона состоялся церковный парад дивизиону в пешем строю. После парада я посетил офицерское собрание, а затем у меня состоялся парадный

завтрак, на который я пригласил бывших командиров Корпуса, начальников управлений и отдельных частей и чинов штаба. За завтраком играли хор трубачей и балалаечников С.-Петербургского жандармского дивизиона. Меню завтрака было следующее: закуска, водки; уха из ершей; московские расстегаи; фазаны, пулярды, перепела; салат; спаржа, соусы «Муслин» и «Польский»; парфе «Пти дюк»; кофе; ликеры.

К чинам Корпуса я обратился с следующим приказом, который был отпечатан на обратной стороне меню: «Поздравляю всех чинов высочайше вверенного мне Корпуса с корпусным праздником и искренно желаю всем здоровья и сил для дальнейшей ответственной нашей службы.

В этот знаменательный день, совпадающий с высокоторжественным днем тезоименитства верховного вождя нашей армии, мы с особым чувством удовлетворения должны памятовать, что наш Корпус входит в состав русской доблестной армии и что все чины Корпуса должны быть проникнуты теми же традициями, которыми скована наша армия — самоотверженной преданностью к священной особе монарха и Родине, чувством взаимного доверия и поддержки друг друга, благородного прямодушия в отношении к начальникам; строгого, но заботливого попечения к подчиненным, а главное, всегда помнить о высоком звании русского офицера и солдата, являвших постоянные примеры благородства, храбрости и самоотвержения.

Эти традиции вывели нашу армию из всех испытаний на широкий путь славы. Эти же традиции должны всегда служить путеводною звездою и для всех чинов вверенного мне Корпуса, на которых возложена исключительно трудная и ответственная задача охранять государственный порядок и общественное спокойствие от преступных на них посягательств. В какой бы тяжелой обстановке не находился офицер или нижний чин командуемого мной Корпуса, он должен всегда помнить это. При поддержании таких традиций всеми чинами Корпуса нам легко будет поддержать почти вековое славное прошлое Корпуса жандармов». На другой день я был осчастливлен депешей, полученной мною от Государя императора из Ливадии. Я объявил об этой монаршей милости в приказе по Корпусу от 7 декабря *. Эта монаршая депеша была получена в ответ на посланную мною в день нашего корпусного праздника телеграмму. [...]

11 декабря по Варшавской железной дороге возвратилась из Дании императрица Мария Федоровна с великой княгиней Ксенией Александровной и княжной Ириной Александровной. Для встречи

* «Глубоко счастлив объявить командуемому мною Корпусу высокомилостивейшую депешу, полученную мною сего числа: «Благодарю Вас и поручаю передать Корпусу жандармов мою благодарность за выраженные мне чувства верноподданнической преданности. Верю готовности его чинов и впредь верно и честно служить мне и Родине. Николай».

в императорском павильоне собрались высшие начальствующие лица. Императрица со свойственным ей вниманием обошла всех нас, встречавших ее, и проследовала на жительство в Аничков дворец.

13-го, ввиду ожидаемого возвращения Государя из Крыма, я выехал в Ливадию, чтобы проверить выставленную по пути охрану. 15-го я был уже в Ливадии у обедни в ливадийской церкви, после чего приглашен был к завтраку. Императрица Александра Федоровна и на этот раз проявила мне много внимания.

На другой день, 16-го, Государь с семьей отбыл на яхте «Штандарт» в Севастополь в сопровождении крейсера «Кагул» и яхты «Алмаз». Была чудная погода, солнечная, теплая, только немного ветреная, когда яхта «Штандарт» стала на якорь.

17-го на Качинском поле близ Севастополя состоялось освящение вновь сооруженных зданий для офицерской школы авиации и воздушного флота. Аэродром принял праздничный вид, все здания были украшены флагами, гирляндами. В этот день в 10 часов утра от яхты «Штандарт» отвалил катер с Государем и великим князем Дмитрием Павловичем и взял направление к Инженерной пристани, где Государя ожидали командир Севастопольского порта Маниковский, градоначальник Бурлей и я. С пристани Государь отбыл на автомобиле с великим князем Дмитрием Павловичем в авиационный городок. По всему шоссе стояли команды нижних чинов школы, много народа, восторженно приветствовавших Государя. На правом фланге стоял хор музыки Черноморской эскадры. У входа в офицерское собрание Государя ожидали великий князь Александр Михайлович, военный министр Сухомлинов, начальник Генерального Штаба Жилинский, командующий войсками генерал Никитин, генерал барон Каульбарс и др., затем офицеры постоянного состава школы, вольнонаемные мастера и служащие во главе с начальником школы подполковником Мурузи, тут же были и губернатор Лавриновский, генерал Зайончковский и много приглашенных летчиков и руководителей, между ними авиатор М. Н. Ефимов.

Обойдя фронт выстроенных нижних чинов, Государь вошел в здание. После молебствия нижние чины и мастера отправились по мастерским и ангарам, заняв места у станков. В зале остались офицеры, окончившие курс, они были все представлены Государю. Из зала собрания Государь проехал к ангарам и мастерским, где подробно все осматривал, объяснения давал профессор Овсянников. Затем состоялся осмотр электрической станции, после чего Государь посетил лазарет и столовую нижних чинов, где пробовал пищу и пил за здоровье команды.

По окончании осмотра был завтрак в офицерском собрании; за царским столом справа от Государя сидел великий князь Александр Михайлович, слева начальник школы Мурузи, рядом с ним великий князь Дмитрий Павлович, рядом с великим князем Александром Михайловичем сидели военный министр, адмирал Вирен, Мосолов

и т. д. На каждом приборе лежало красивое меню, исполненное по рисунку одного из офицеров школы. Поднимая бокал, Государь обратился к представителям авиационной школы со следующими словами: «Поздравляю вас с новосельем в новом прекрасном помещении, которое я сегодня осмотрел. От всей души и всего сердца желаю вам благополучия и успеха. Пью за дальнейшее развитие авиационного дела в России, за процветание офицерской авиационной школы, за ваше здоровье, господа, за здоровье великого князя Александра Михайловича и за всех потрудившихся по сооружению школы». После завтрака в помещении библиотеки пили кофе, Государь обходил офицеров и беседовал с ними.

Несмотря на середину декабря погода была дивная: 18 градусов тепла, воздух замечательно чистый, прозрачный. В тот же день Государь выехал в Царское Село, куда прибыл 19 декабря. Я выехал несколькими часами ранее.

Последние дни декабря я усиленно занимался текущими делами, которые были несколько запущены, благодаря моим постоянным разъездам. В штабе у меня с новым начальником штаба Никольским все было хорошо налажено. Благодаря административному опыту и отличному знакомству с штабной работой, у Никольского дело шло прекрасно, я ему безусловно доверял во всем, и мне было не только легко, но радостно с ним работать. Кроме того, он так хорошо всегда понимал мои требования, что стоило только ему намекнуть, и он сразу схватывал мою мысль. Не то было с Департаментом, работать с Белецким мне было очень трудно, я решил в следующем году непременно с ним расстаться.

Вскоре после возвращения Государя из Крыма Председатель Государственной Думы Родзянко был принят Государем в особой аудиенции и доложил его величеству о ходе работ в Думе. Со слов Родзянко, доложенных им в фракционном заседании и изложенных в секретном донесении, полученном мною, аудиенция носила весьма милостивый характер. Содержание секретного донесения устанавливало, что всеподданнейший доклад Родзянко состоял из двух частей. В первой части своего всеподданнейшего доклада М. В. Родзянко говорил о деловой работе Государственной Думы, исходя из того основного положения, что если мало сделано в общем собрании Государственной Думы, зато весьма большая работа произведена и ведется в думских комиссиях. Эта работа в скором будущем перейдет на рассмотрение общего собрания. Ввиду серьезности предстоящей общему собранию законодательной работы, необходимо образование в ней определенного большинства. Стремление к образованию такого большинства ощущается и слева, и справа, но цели, для достижения которых такое большинство образовывается, различны. На этом различии тактических заданий произошел раскол в центральной думской фракции октябристов. Однако фактического изменения в соотношении партийных сил

в Государственной Думе раскол этот не внес, так как небольшие фланги фракции октябристов, отошедшие вправо и влево, почти одинаково усилили правое и левое крылья Государственной Думы, решение же всякого вопроса по-прежнему будет зависеть от оставшейся на своем месте центральной группы октябристов, в зависимости от того, какому крылу — правому или левому — группа эта отдаст голоса.

Его величеству, по словам М. В. Родзянко, угодно было проявить глубокий интерес к этой части доклада Председателя Государственной Думы и задавать ряд наводящих вопросов, на основании которых М. В. Родзянко считает себя вправе констатировать вполне благожелательное отношение его величества к Государственной Думе. Это высокомилостивое отношение его величества к Государственной Думе дало М. В. Родзянко, по его словам, основание перейти ко второй части его всеподданнейшего доклада, основным тезисом которого была мысль о том, насколько затрудняет положение центральной группы октябристов, силою вещей ответственных за ход думской работы, инертность правительства, упорно тормозящего осуществление великих реформ, возвещенных 17 октября 1905 г. священной волею его императорского величества.

Правительство как будто всецело поглощено текущей работой государственного механизма; путем вермишельного законодательства оно лишь питает государственную машину, поддерживая ее безостановочный ход, но оно вовсе не заботится о проведении в жизнь тех реформ, которые действительно могли бы обновить устаревшие, обветшавшие части государственного механизма. Однако центральная группа октябристов, наблюдая, с одной стороны, эту инертность правительства и его нежелание идти навстречу Государственной Думе, должна, с другой стороны, с глубокой грустью констатировать, что на местах это топтанье на одном месте и отсутствие давно жданных реформ вызывает глубокое нестроение, открывающее в перспективе тяжелые возможности повторения тех взрывов, которые омрачили печальной памяти 1905 г.

Его величеству, по словам М. В. Родзянко, угодно было не только без неудовольствия выслушать эту «тяжелую» часть доклада, но, наоборот, весьма участливо отнестись к опасениям Председателя Думы и, в общих чертах, признать нежелательность дальнейшей задержки в осуществлении реформ.

«Ласковость», с которой его величество отнесся к М. В. Родзянко во время обрисовки им внутреннего положения России, побудила М. В. Родзянко пойти до конца и заявить о той боли, какую все верноподданные его величества испытывают от тех неудачных дипломатических шагов нашего Министерства иностранных дел, в результате которых умаляется за рубежом и престиж русского монарха, и престиж русского имени вообще. Государь и это заявление М. В. Родзянко изволил принять с благодарностью за те чувства, которыми оно вызвано.

Резюмируя свои впечатления, М. В. Родзянко заявил, что таким милостивым приемом он удостоен впервые. Этот факт побуждает его, в отмену своего прежнего намерения, не уезжать на время рождественского перерыва, а наоборот, считать своим долгом принимать участие во всех придворных празднествах, поскольку это участие ему обеспечено званием Председателя Государственной Думы.

В праздник Рождества состоялся высочайший приказ о назначении Свиты генерала Воейкова дворцовым комендантом. Это назначение было для всех неожиданным. Воейков командовал Лейб-гвардии гусарским его величества полком, раньше был офицером Кавалергардского полка, где не пользовался особенным расположением своих товарищей, так как держался как-то в стороне и интересы полка не принимал близко к сердцу, будучи очень занят всегда своими личными делами. Женат он был на дочери министра двора графа Фредерикса, милейшей женщине, которой он далеко не стоил. Но не это обстоятельство было причиной его назначения на столь видный пост, говорили даже, что для его beau pére * это было большой неожиданностью, и он очень был недоволен этим назначением, очевидно, как глубоко порядочный и благороднейший человек, чувствовавший все нравственные недостатки Воейкова.

Для меня это назначение ничего не сказало, я очень мало знал Воейкова, и трудно мне было судить, надо ли приветствовать это назначение или нет. Его брата, который был одного выпуска со мной из Пажеского корпуса, я знал хорошо, а этот, хотя и был также пажем, но был несколькими годами моложе меня выпуском.

Он сам первый приехал ко мне еще до приказа объявить мне о предстоявшем его назначении и завязать, таким образом, правильные деловые отношения. Разговор его произвел на меня хорошее впечатление, мне показалось, что он искренно желает дружной совместной работы и искренно рассчитывает на мою помощь, хотя в его тоне звучала огромная самоуверенность, и он нисколько не был смущен той огромной нелегкой задачей, которая выпала на его долю по должности дворцового коменданта, у него была какая-то самовлюбленность. Ко мне он относился с большим доверием и предупредительностью и был всегда относительно меня крайне любезен и безусловно корректен. Перемену к себе в нем я заметил, и то не наружно, а только внутреннюю, после того, как помимо его я, не посоветовавшись с ним (а я ни с кем не советовался), сделал доклад Государю о Распутине. Этого он простить мне не мог.

Воейков был очень самолюбив, его «я» было всегда на первом плане, он хотел, чтобы все вокруг него работали, а он пожинал лавры. Должность дворцового коменданта его интересовала постольку, поскольку она ему была приятна по роли, какую он мог

* Тестя *(фр.)*.

играть, по той пользе, какую он мог извлекать из нее для своих личных выгод. Когда я его вполне раскусил, то я убедился, что это эгоист в полном смысле этого слова; он никого не любил, никому не был предан, в основе его характера, в его эгоизме лежал даже какой-то цинизм. Он прекрасно это доказал, бросив Государя в самую трагическую минуту, бросив и свою жену, принесшую себя в жертву за него, перенесшую за него долгое тюремное заключение. Будучи дворцовым комендантом, он вместо того, чтобы по должности коменданта все свои силы, и физические, и моральные, отдать на служение Государю, был гораздо более занят своими личными делами, увеличением своего капитала, распространением своей «куваки» (воды, вроде сельтерской, из своего пензенского имения) способами, извлекаемыми из своего положения. Он должен был всеми мерами, всем своим влиянием оберегать Престол, но об этом он не думал, а будучи так занят своими личными интересами и делами, он не хотел даже думать, не хотел углубляться в то, что делалось вокруг Престола, что подтачивало трон, он не хотел понять, что это лежит на его обязанности, если не по инструкции, то по духу существа должности дворцового коменданта. Все, что было вне инструкции, все, что ему лично в данную минуту было невыгодно, все это он отбрасывал от себя, говоря: «Это не мое дело». Да, это назначение лежит тяжелым упреком на совести того, кто первый дал эту мысль Николаю II. Дворцовое комендантство Воейкова не может быть аттестовано иначе, как позорным.

Назначением Воейкова и закончился 1913 г. Не верилось, что уже почти целый год прошел со дня моего назначения на новую трудную ответственную должность. Благодаря помощи Божией этот год, очень трудный, прошел не только благополучно, но даже и блестяще, и я с легким сердцем и с глубокой признательностью в душе за все Божьи милости встретил наступивший 1914 год.

Глава 10

1914 год

Начало года. — Столетие со дня основания Императорской публичной библиотеки. — Приказ по Корпусу жандармов по поводу невежливого обращения с публикой. — Высочайший выход на Иордань. — 50-летний земский юбилей. — Спектакль в Эрмитажном театре «Царь Иудейский». — Открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу старшему. — Крещение князя Всеволода Иоанновича. — Посещение Государем посмертной выставки Серова. — Освящение храма-памятника дому Романовых в С.-Петербурге. — Контрразведывательные отделения. — Перлюстрация писем. «Черный кабинет». — Возобновление занятий в Думе по реформе полиции. — Обсуждение в Государственном Совете вопроса о борьбе с пьянством. — Парад Лейб-гвардии Казачьему полку по случаю 100-летия со дня Лейпцигской битвы. — Поездка моя в Москву на дворянское собрание. — 50-летний юбилей В. Г. Сапожникова. — Смотр мною пожарной команды в Москве. — Кончина генерал-адъютанта Скалона — варшавского генерал-губернатора. — Уход Коковцова. Назначение Горемыкина и Барка. — Уход Белецкого. Назначение Брюна де Сент-Ипполита. — Увольнение генерала Герасимова. — Введение особой регистрации в Ялтинском градоначальстве. — Поездка моя в Москву на 4 февраля — день памяти кончины великого князя Сергея Александровича. — Инцидент в думской комиссии по реформе полиции. — Новое положение о приеме офицеров в Корпус жандармов. — Свадьба княжны Ирины Александровны с графом Ф. Ф. Сумароковым-Эльстон. — Посещение Государем I кадетского корпуса. — Кончина П. П. Семенова-Тян-Шанского. — Назначение полковника Попова начальником С.-Петербургского охранного отделения. — Уход Лыкошина. — Доклад начальника Киевского губернского жандармского управления о польском национальном движении в Юго-Западном крае. — Особое совещание при Департаменте полиции. — Поездка в Ревель. — Поездка в Крым. — Концерт в Смольном институте в высочайшем присутствии. — Смотр молодым солдатам на Дворцовой площади. — Запрос в Думе по поводу запрещения чествования памяти Шевченко. — Утверждение нового положения об охране линий железных дорог во время высочайших путешествий. — Парад Лейб-гвардии Конному полку и отъезд мой в Крым для сопровождения Государя. — Мое возвращение в С.-Петербург. Пасха. — Болезнь В. Г. Сапожникова. — Рассмотрение проекта об Ялтинском градоначальстве в Думе. — Крупный скандал в Думе. — Моя поездка в Москву на празднование 10-летия существования Аэродинамического института в Кучине. — Заседание Общества любителей коммерческих знаний. — Бородино. — Отъезд императрицы Марии Федоровны в Англию. — Рассмотрение сметы Министерства внутренних дел в Думе. — 150-летие Смольного института. — Моя поездка в Кишинев, Одессу и Констанцу. — Открытие мощей святого Ермогена. Кончина князя Святополк-Мирского. — Выборы Президиума

Государственной Думы. — 50-летие службы в офицерских чинах принца А. П. Ольденбургского. — Мой отъезд на Юг для сопровождения Государя. — Одесса. — Кишинев. — Тирасполь. — Мои приказы. — Приезд короля Саксонского. — Мой отъезд из Москвы в двухнедельный отпуск. — Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. — Расторжение брака великой княгини Марии Павловны со шведским принцем. — Поездка в Кронштадт. — Поездка в Ревель и Нарву. — Распутин, покушение на него. — Открытие сухого дока имени цесаревича Алексея в Кронштадте. — Забастовка на нефтяных промыслах в Баку. Моя командировка с особыми полномочиями. — О мерах борьбы с забастовкой на Бакинских нефтяных промыслах. — Объявление войны. — Кончина генерала С. И. Сперанского. — Назначение Верховного главнокомандующего. — Поездка Государя в Москву. — Моя первая поездка в Ставку. — Кончина М. Г. Акимова. — Функции чинов Корпуса жандармов, связанные с открытием военных действий. — Переписка по делам иностранных подданных воюющих держав. — Гибель армии Самсонова. — Взятие Львова и Галича. — Общество взаимопомощи офицерам и классным чинам с.-петербургской городской полиции. — Кончина Е. В. Богдановича и его жены. — Переименование С.-Петербурга в Петроград. — Назначение принца А. П. Ольденбургского верховным начальником санитарной и эвакуационной части. — Моя поездка в Прибалтийский край. — Назначение Курлова помощником главного начальника Двинского военного округа. — Поездка в Варшаву и Ставку. — Разные шпионские организации. — Немецкая пропаганда. — Первая поездка Государя в Ставку. — Кончина румынского короля. — Князь Олег Константинович. — Назначение меня членом Татьянинского комитета. — Потери в гвардии. — Открытие военных действий со стороны Турции. — Беспорядки в Москве, вызванные подстрекательством злонамеренных лиц на почве возбуждения масс против фирм, носящих немецкие фамилии. — Поездка в действующую армию для сопровождения Государя в Ставку, на Северо- и Юго-Западные фронты с посещением попутных городов. — Город Люблин. — Кончина В. К. Истомина. — Посещение Ивангорода. — Гродно. — Докладная записка представителей пивоваренной промышленности на имя Председателя Совета Министров. — Известие о кончине А. М. Шостаковского. — Поездка по России и в действующую армию на Кавказ и на Запад. — Меджингерт. — Отъезд из Меджингерта. — Отъезд из Саракамыша. — Минеральные Воды. — Ростов-на-Дону. — Воронеж. — Тамбов. — Москва. — Отъезд из Москвы. — Ставка. — Кончина Л. А. Кассо.

Новый год я встретил со своими близкими дома в бодром настроении, далекий от мысли, что в этом году Россия будет втянута в войну, которая принесет ей столько несчастий, столько горя.

2 января Императорская публичная библиотека праздновала столетний юбилей со дня своего основания. Еще в 1795 г. по повелению императрицы Екатерины Великой было положено основание первому обширному книжному собранию, а в 1810 г. Александр I, следуя завету своей бабки, утвердил положение относительно этого хранилища, наименовав оное Императорской публичной библиотекой, которая и была открыта на пользу общую в 1814 г. 2 января.

4 января, ввиду дошедших до меня ряда заявлений о недостаточно вдумчивом составлении протоколов унтер-офицерами вверенного мне Корпуса жандармов, я вынужден был напомнить им их служебные обязанности, для чего обратился со следующим приказом: «За последнее время до сведения его превосходительства шефа жандармов, а также и до меня дошли целый ряд заявлений о недостаточно

вежливом обращении или недостаточно вдумчивом и тактичном составлении протоколов унтер-офицерами жандармских полицейских управлений железных дорог.

Так, в происшедшем столкновении 5 ноября 1913 г. на станции Сазонка Рязано-Уральской ж. д. между состоящим при Российском императорском консульстве в Лейпциге г. Никольским и двумя офицерами первый обратился за содействием к унтер-офицеру Тамбово-Уральского жандармского управления ж. д. Захару Давыдову, охранявшему в это время денежные ценности у почтового вагона; Давыдов не только не успокоил взволнованного пассажира, но прогнал его и даже, как это выяснилось из дознания, когда г. Никольский, не понимая характера обязанностей Давыдова в тот момент, не отошел от почтового вагона, Давыдов протянул руку и прикоснулся ею к плечу г. Никольского, а по заявлению последнего, даже толкнул его. Считая такие формальные действия унтер-офицера Давыдова неправильными, так как он видел волнение пассажира, который не знал, чем был занят в данный момент Давыдов, а обратился к нему, как к представителю полиции, предписываю арестовать унтер-офицера Давыдова на 7 суток.

Еще более неправильным представляются действия унтер-офицера Коломенского отделения Московского жандармского полицейского управления ж. д. Афанасия Никитина, составившего 25 октября 1913 г. протокол об обнаружении на станции Голутвин в вагоне 1 класса командира 2-й бригады 35-й пехотной дивизии, следовавшего по не обмененному на воинский билет предложению; в действительности же оказалось, что командир названной бригады сам послал проводника обменять предложение на билет, но билетная касса не успела этого сделать. Из произведенного расследования выяснилось, что унтер-офицер Никитин отнесся к этому делу чисто формально: он не опросил перед составлением протокола самого генерала, ограничившись лишь заявлениями железнодорожной администрации; по-видимому, он забыл даже или не знал инструкции, касающейся порядка исполнения жандармскими чинами полицейских обязанностей по отношению к гг. офицерам, а тем более к генералам, проезжающим по железным дорогам, и в данном случае при составлении протокола руководствовался правилами, относящимися к проездам по железной дороге нижних чинов. За подобное легкомысленное отношение к своим обязанностям унтер-офицера Афанасия Никитина, поставившего генерала в неподобающее положение и, очевидно, забывшего, что он прежде всего унтер-офицер Российской армии, предписываю унтер-офицера Никитина арестовать на 10 суток.

Наконец, совершенно непонятными являются для меня действия унтер-офицера Лискинского отделения Воронежского жандармского полицейского управления ж. д. Ивана Чеботарева, составившего 4 октября минувшего года протокол о привлечении пассажира

скорого поезда № 1 г. Тецнера к ответственности по статьям 31 и 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, за оскорбление им кассиров станций. Протокол этот уже направлен к земскому начальнику, а между тем он составлен с крупными нарушениями. Так, протокол этот не был представлен г. Тецнеру, а между тем он со стороны его вызвал целый ряд серьезных протестов; опрошены были свидетели лишь со стороны железнодорожной администрации и ни одного — со стороны привлекаемого. Из произведенного же штабом Корпуса опроса одного свидетеля выяснилось, между прочим, что кассиры были крайне неисполнительны и проявили возмутительное отношение к пассажирам, и в частности, к г. Тецнеру; последний, не имея возможности остаться на станции, обратился к жандармскому унтер-офицеру, как представителю полиции, за содействием, ввиду неисполнения кассирами его просьб и требований; унтер-офицер Чеботарев, видя совершенно больного и до крайности взволнованного пассажира, вместо того, чтобы прийти на помощь к нему, составил на него протокол, очевидно, вследствие непроверенных заявлений кассиров. Мало того, начальник отделения, видимо, не усмотрел неполноты протокола и полной неясности его и поспешил направить его к земскому начальнику. Такое чисто формальное отношение к своим обязанностям со стороны чинов жандармской полиции недопустимо. Я не накладываю пока взысканий, ввиду незаконченности дознания, но я не могу не обратить внимания во всех этих случаях, во-первых, на чисто формальное отношение жандармских унтер-офицеров к своим обязанностям, во-вторых, на недостаточную вдумчивость и выдержку в своих действиях, и, в-третьих, на необходимость вежливого и спокойного отношения к публике. Чины железнодорожной полиции должны всегда помнить, что они учреждены на железных дорогах для порядка, законности и поддержания нормальных отношений между проезжающими пассажирами и железнодорожной администрацией, что пассажиры в чинах жандармской полиции видят единственных посредников во всех недоразумениях; они, в большинстве случаев, обращаются к жандармской полиции уже в повышенном настроении, а посему в обращении с ними чины жандармской полиции должны быть особенно выдержаны и вежливы, что и является главной основой правильной службы чинов вверенного мне Корпуса на железных дорогах. При дальнейшем повторении случаев нарушения этой основы службы с виновными я буду поступать с беспощадной строгостью.

Перечисленные выше случаи дают мне повод заключить, что дело подготовки унтер-офицеров к своим обязанностям во многих жандармских полицейских управлениях не стоит на должной высоте; начальники отделений, отводя в своей службе главное место канцелярии, по-видимому, уделяют слишком мало времени беседам и личным занятиям с унтер-офицерами. Я не допускаю, чтобы

в таком важном деле обучения начальников отделений их могли заменять вахмистры. Предлагаю начальникам управлений обратить на это самое серьезное внимание и принять меры к тому, чтобы начальники отделений поменьше сидели бы за перепиской в своих канцеляриях, побольше имели бы общения с вверенными им унтер-офицерами, лично руководя занятиями с ними по всем отраслям жандармской службы.

Я требую, чтобы все важные приказы и циркуляры, отдаваемые по подведомственным мне частям, разбирались, разъяснялись начальниками отделений лично при занятиях с унтер-офицерами. Начальникам управлений требовать представления копий журналов занятий начальников отделений с унтер-офицерами».

6 января в Зимнем дворце состоялся высочайший выезд на Иордань, в котором приняли участие взводы от всех частей гвардии и других войск С.-Петербургского гарнизона со знаменами и штандартами. Как обычно, на Неве, против Иорданского подъезда дворца был устроен особый павильон на льду с прорубью для освящения воды. Непосредственно за крестным ходом шел Государь и все особы императорского дома с ближайшими лицами Свиты, все в одних мундирах, без пальто, согласно традиции, несмотря ни на какой мороз. По окончании церемонии и окропления знамен и штандартов святой водой крестный ход тем же порядком возвратился во дворец.

На другой день по всей России начались празднества по случаю исполняющегося 8 января пятидесятилетия со дня распубликования 1 января 1864 г. Положения о губернских и уездных земских учреждениях [1], т. е. введения земства в 35 губерниях европейской России, согласно указа Александра II. Появление земских учреждений в то время совершило полный переворот во всем строе местного управления; земствам пришлось на своих плечах вынести главнейшую тяжесть культурной работы пореформенного времени. Земские учреждения явились школой для общественных деятелей, они воспитывали на практической работе целые поколения, объединяли работников на местах и будили общественные интересы в широких кругах провинциального общества. Конечно, были и отрицательные стороны в работе земских деятелей, когда они уклонялись от непосредственных своих задач в сторону политики в ущерб делу, но культурная работа их на пользу Родины и местного населения была настолько почтенна и велика, что эти уклонения не могли умалить заслуг земства перед Престолом и Родиной, проявленных им на благо народа. В полном сознании этих заслуг земства и было высочайше повелено сосредоточить главное празднование 50-летнего юбилея со дня основания земских учреждений в С.-Петербурге, обставив это празднование с особой торжественностью.

Программа была выработана Министерством внутренних дел и одобрена Государем императором.

7 января. В 11 1/2 часов утра панихида в Петропавловском соборе по в Бозе почивающих императорах Александре II и Александре III в присутствии высших чинов правительства и депутации от земств империи. В 3 часа дня торжественное молебствие в Казанском соборе о здравии благополучно царствующего Государя Николая II.

8 января. В 11 часов утра прием Государем императором в Зимнем дворце земской юбилейной депутации и поднесение его императорскому величеству хлеба-соли от земства. Блюдо с хлебом-солью подносится председателем Московской губернской земской управы, старейшим из председателей управ и старейшим из губернских земских гласных. Приветствие его величеству произносится председателем Московской губернской земской управы. По окончании высочайшего приема его императорскому величеству представляется на обозрение подарок от земств, подносимый наследнику цесаревичу. При приеме депутаций присутствуют Председатель и члены Совета Министров. Депутацию сопровождают начальник Главного управления по делам местного хозяйства и непременный член Совета по делам местного хозяйства.

9 января. Торжественное вечернее собрание в Министерстве внутренних дел (площадь Александрийского театра), на коем присутствуют Председатель и члены Совета Министров, Президиум Государственного Совета и Государственной Думы, сенаторы 1 департамента и 1 Общего собрания Правительствующего Сената, члены Государственного Совета и Государственной Думы, состоявшие или состоящие ныне председателями и членами земских управ, занимавшие должности губернаторов, вице-губернаторов в земских губерниях или непременных членов губернских по земским и городским делам присутствий или занимавшие штатные, не ниже V класса, должности в центральных правительственных установлениях, ведающих дела земских учреждений, а также все ныне состоящие гласными земских собраний, земская юбилейная депутация, высшие чины центральных правительственных установлений, ведающих дела земских учреждений, высшие чины с.-петербургской столичной и губернской администрации, с.-петербургские губернский и уездные предводители дворянства, председатели и члены С.-Петербургских губернской и уездной земских управ, председатели уездных управ С.-Петербургской губернии, с.-петербургский городской голова и его товарищ, а также все находящиеся в С.-Петербурге губернаторы, вице-губернаторы земских губерний.

10 января. Торжественное вечернее собрание, устраиваемое земствами империи в залах С.-Петербургского дворянского собрания.

К 7 января в Петербург съехались представители земств со всех земских губерний России. Торжественный прием их происходил 6 числа в помещении с.-петербургского земства, где по прибытии их отслужен был молебен, а затем всем прибывшим был предложен

завтрак, в котором приняли участие не только делегаты, но и земские работники — учителя, врачи, статистики и другие служащие с.-петербургского земства.

7 января все делегаты и земские деятели присутствовали на панихиде в Петропавловском соборе по императорам Александру II и Александру III. От земств был возложен венок на гробницу Александра II с надписью: «Благодарная земская Россия. Положение о земских учреждениях. 1864—1914 гг.». Соборный протоиерей отец Дернов, приветствуя собравшихся земцев, закончил свое слово так: «Совершенства нет на земле, и наше земство не является совершеннейшим типом местного самоуправления. Полвека, прошедших со дня введения земских учреждений, доказали, что многое нужно изменить, исправить, реформировать, и благодарная память народа о монархе — основателе земства должна выражаться не только в молитвах, возносимых за него, но и в дальнейшем развитии его дела, в развитии плодотворных начал земского самоуправления. Помолимся, чтобы Господь дал нам силы и разума достойно продолжать дела царя-освободителя и чтобы земские учреждения и впредь служили на благо народа, как они делали это до сих пор».

В 3 часа дня в Казанском соборе состоялось торжественное молебствие о здравии Государя, а вечером в залах С.-Петербургской земской управы раут. На другой день, 8 числа, был опубликован высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел, в коем перечислялись заслуги земства за 50 лет его существования. В 11 часов в Зимнем дворце состоялся торжественный высочайший прием земских депутаций в присутствии всех съехавшихся представителей земства.

Прием происходил в концертном зале дворца. Когда появился Государь, громкое восторженное «ура» раздалось в зале. Государь подошел к депутации, во главе которой стоял П. В. Шлиппе — председатель Московской губернской земской управы. Рядом с ним, держа в руках блюдо с хлебом-солью, стояли председатель С.-Петербургской земской управы Яковлев и два старейших из председателей управ и гласных.

Тут же в зале на двух столах размещен был подарок, который земства подносили наследнику цесаревичу. Это была модель села, население которого занимается кустарным промыслом и ведет хуторское хозяйство. Модель, протяжением в две сажени, изображала распределение сельских изб и главную дорогу через село, мост, по которому проходит стадо, и ра́зные угодья. Крайняя изба была избой кустаря-одиночки, работающего со своей семьей; далее изба, где работала целая артель кустарей, недалеко оттуда изба старика бобыля, который сидит на завалинке, затем четыре избы зажиточных кустарей. Между церковью и избами земская школа, в которой, если снять крышу, видны за партами сидящие ученики и учитель. Около церкви мост, вблизи земского шоссе — проселок, за шко-

лой — земская амбулатория с фигурами врача, фельдшерицы и больных. Слева от мостика — хутора, видны угодья, избы, скирды, овцы, коровы. Все это поразительно художественно было исполнено кустарями Московской губернии.

Шлиппе обратился к Государю с следующей речью: «Великий Государь. Полвека назад державной волей незабвенного царя-освободителя императора Александра II были созданы земские учреждения. Перед населением открылось необозримое поприще для приложения труда и мысли к лучшему устроению местной жизни. Царский призыв, полный доверия к разуму и сознанию русского народа, раскрыл заложенные в нем творческие силы. Под знаменем высоких идеалов и бескорыстного служения народному благу отцы и деды наши стали возделывать земскую ниву. Росла и углублялась земская деятельность, обслуживая насущные нужды народного хозяйства страны, и с высоты Престола венценосным родителем вашего императорского величества работа земства была признана важным государственным делом.

Велик и обширен труд, предстоящий земским работникам, но мудрые предначертания вашего величества о вящем упрочении и развитии земских учреждений, воодушевляя нас к дальнейшей работе, укрепляют веру в успешное выполнение впредь выдвигаемых жизнью многочисленных задач. Открытый голос земства будет всегда обеспечивать государственному творчеству совершенство познания местных нужд, а дружная и согласная работа общественных сил явится верным залогом преуспеяния, здравия и развития Отечества.

Преисполненные благоговейным чувством светлой памяти великого создателя земских учреждений, мы счастливы принести вашему величеству выражения нашей горячей признательности за оказываемые земствам знаки высокого монаршего доверия. Велениями вашими, Государь, к благам земского устроения приобщен ряд обширных губерний. Государственное значение земства увенчалось предоставленным правом непосредственного избрания своих представителей в высшие законодательные установления. Соизволение нам, избранникам земства, предстоять ныне от имени всей земской России перед лицом вашим, великий Государь, знаменует милостивое внимание к прошлому и настоящему земской работы. Радостно бьются наши сердца, умиленные провозглашенным нам сегодня монаршим благоволением, и наши чувства радости и счастья разделяет вся земская Русь.

Верьте, Государь, что мы, земские люди, следуя заветам предков, будем всегда наши силы разума и сердца с любовью и правдой нести на служение Престолу и Родине. Низко кланяемся вам, Государь, просим принять нашу русскую хлеб-соль, соизволить на приношение наследнику цесаревичу — надежде верноподданной России — скромного дара, отражающего поприща земской работы.

Поприща эти многообразны, но цель их едина — благо России и слава царю».

Могучее «ура» раздалось в зале. Речь Шлиппе произвела прекрасное впечатление, он говорил очень выдержанно, красиво, ясным, звучным голосом, с полным достоинством. Эта речь подверглась долгой разработке в земских кругах, сначала в Москве, а потом и в С.-Петербурге. Некоторые находили необходимым включить в речь упоминание о необходимости расширить права, но большинство нашло это неуместным.

Приняв хлеб-соль, Государь обошел всех представителей делегаций, беседуя с некоторыми, и затем обратился к ним с следующими словами: «Я выражаю твердую уверенность, что всякая земская работа в тесном единении с моим правительством будет проникнута и воодушевлена безграничной заботой о бесчисленных местных нуждах населения и об его благе. Разумное удовлетворение местных нужд является главным залогом развития и подъема благосостояния всего Государства. Духовному взору моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, верная своим историческим заветам, счастливая любовью своих благодарных сынов и гордая беззаветной преданностью их нашему Престолу».

По окончании приема все были приглашены к высочайшему столу к завтраку.

На другой день, 9 числа, в честь земских деятелей состоялся раут в залах Министерства внутренних дел. Все помещение было очень красиво убрано тропическими растениями и цветами. На особых эстрадах помещены были два оркестра музыки Кавалергардского и струнный Преображенского полков. Всех приглашенных было около 1000 человек. Н. А. Маклаков все сделал, чтобы оказать широкое гостеприимство съехавшимся со всей России деятелям земства, чтобы достойно их встретить, окружить их радушием, но, к сожалению, все же раут этот не удовлетворил съехавшихся. Не чувствовалось искренности взаимных отношений, слишком все казалось официальным, натянутым. Это, конечно, вызывалось тем, что земства вообще были настроены против Маклакова с самого начала вступления его на пост министра, так как его натянутые отношения с черниговским земством в бытность его губернатором были всем известны. И потому раут прошел весьма вяло и как-то бледно. Кроме того вообще часть земских деятелей левого крыла была очень недовольна, что правительство взяло в свои руки чествование, они бы предпочли, чтобы правительство осталось в стороне, чтобы на равнодушии правительства сыграть в желательном им агитационном смысле. И то, что правительство пошло навстречу чествованиям и его ни в чем нельзя было упрекнуть, их раздражало. В конце раута был подан ужин, после чего начался разъезд.

В этот день утром у меня собрались все приехавшие на юбилей москвичи, которых я пригласил к завтраку. Для меня было настоя-

щим праздником, что я мог принять у себя родных мне и дорогих бывших сотрудников по Москве — представителей дворянства и земства, с которыми я еще так недавно дружно работал. За завтраком было произнесено много трогательных речей по моему адресу, все были как-то в духе, приподнятом настроении, мне казалось, что я опять из холодного неприветливого Петербурга попал в милую, отзывчивую, дорогую мне Москву.

10 января земства всей империи давали раут в Дворянском собрании, приглашенных было около 2500 человек. Гостей радушно встречали председатели столичных губернских управ — Яковлев и Шлиппе. К 9 часам вечера красивый зал собрания уже наполнился приглашенными, прибыли и все великие князья. Вскоре раздались звуки гимна, и в зале, в царской ложе, появился Государь в форме своих лейб-гусар. Восторженное «ура» огласило зал, началось концертное отделение, по окончании которого Государь вышел из ложи и стал обходить всех представителей земства, представлены были все председатели губернских управ.

За чаем Государь продолжал беседовать с земцами, а когда подали шампанское, встал и произнес следующие слова: «Благодарю вас за радушный прием и за поднесенную вами хлеб-соль. Я счастлив был видеть большую часть земских представителей от всей России, собранных в столице по случаю 50-летия введения земства покойным моим дедом. От всего сердца желаю преуспеяния, процветания и плодотворного развития земству и осушаю бокал за его здравие и за его славу. За ваше здоровье».

Оглушительное «ура», звуки гимна были ответом на милостивые слова Государя. В исходе одиннадцатого часа его величество отбыл из собрания, провожаемый земцами. Этим раутом закончились официальные торжества.

На другой день в театре «Зон» земцы, перед тем чтобы разъехаться, главным образом левые группы, устроили банкет, на котором, к большому своему удовлетворению, могли отвести душу, выступив с политическими речами, чего они были лишены на официальных банкетах. Многие из ораторов восхваляли при этом третий элемент, выдвигая и подзадоривая их, играя на популярность.

В этот же день в Эрмитажном театре Зимнего дворца состоялось первое представление трагедии «Царь Иудейский», на котором в числе приглашенных был и я. Среди приглашенных преобладали военные, но было и много лиц высшей администрации и представителей мира искусств и литературы. В числе исполнителей был великий князь Константин Константинович — автор пьесы — в роли Иосифа Аримофейского, князья Константин и Игорь Константиновичи, некоторые артисты с.-петербургских театров и офицеры Лейб-гвардии Измайловского полка.

Не без волнения и какого-то внутреннего страха, не совершаю ли я что-то антирелигиозное, идя смотреть эту пьесу из жизни Спаси-

теля, поехал я на этот спектакль. К счастью, когда открылся занавес, мои сомнения за содержание драмы-мистерии, по мере хода действия этой трагедии, явившейся плодом искренней веры, постепенно рассеялись. Местами трагедия даже высоко поднимала религиозное настроение, вызывая благоговейное чувство. Поставлена она была с огромной роскошью, строго исторически, костюмы, грим, все было выдержано. Особенно хороша была постановка в 4 акте, изображавшая сад Иосифа Аримофейского.

Я вернулся домой под сильным впечатлением и не пожалел, что присутствовал на этом представлении. Но в то же время, я не мог не сознавать, что если б эта трагедия была поставлена в другой обстановке, в обыкновенном общественном театре с заурядными актерами и для платной публики, трудно было бы сохранить то религиозное чувство, которое не покидало присутствовавших в зале Эрмитажного театра и заставляло смотреть пьесу именно с этим чувством.

13 января в высочайшем присутствии состоялось открытие памятника фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу старшему в сквере против Михайловского манежа. Великий князь был изображен на лошади на высоком гранитном постаменте. В художественном отношении памятник этот оставлял желать много лучшего и не производил должного впечатления. При открытии и освящении памятника присутствовали специально прибывшие на это торжество депутации — румынская, болгарская, сербская и черногорская.

В этот же день после окончания церемонии по освящению памятника в Мраморном дворце в высочайшем присутствии состоялось крещение князя Всеволода Иоанновича (сына князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны, королевны сербской). На крещении присутствовал наследник сербского престола королевич Александр. Восприемником от купели был Государь. В Белграде в сербских кругах это вызвало необычайную радость, что Государь крестил первого правнука вождя Кара-Георгиевичей.

14 января Государь посетил посмертную выставку картин Серова в залах Академии Художеств, где был встречен комитетом выставки и вдовой художника Серова, с которой долго беседовал. Государь проявил большой интерес к выставке, пробыв на ней более двух часов.

15 января в высочайшем присутствии состоялось торжественное освящение храма-памятника 300-летия дома Романовых на Полтавской улице в С.-Петербурге. По дороге к храму по обе стороны Полтавской улицы были выстроены воспитанники учебных заведений, как гражданского, так и военного ведомств. У входа в храм Государь был встречен строительным комитетом во главе с председателем оного Свиты генерал-майором Дашковым, а в самом храме митрополитом Владимиром, который и совершил освящение храма во главе многочисленного духовенства.

По окончании освящения и крестного хода вокруг храма отслужена была литургия, во время которой были художественно исполнены следующие песнопения: 1. Ектенья, древнего распева. 2. «Аллилуйя», после Апостола, составленная Смоленским. 3. «Херувимская» — Софрониевского распева. 4. «Милость мира» — Ипатьевского. 5. «Достойно» — Аничкова. 6. Причастный стих древнего распева: а) «Днесь вернии ликовствуем», б) «В молитвах неусыпающую Богородицу». При этом «Милость мира» была исполнена хором кадет, остальные же номера — митрополичьим хором.

По окончании обедни и молебствия Государь отбыл в Царское Село. Храм этот был еще не вполне закончен, и потому в то время освящен был только главный престол верхнего храма во имя чудотворной иконы Федоровской Божьей Матери и святого преподобного Михаила Малеина. Производил он какое-то холодное впечатление, кроме того, место вблизи свалок, на окраине города, совсем на отлете, далеко не соответствовало вообще храму, а тем более памятнику-храму в память такого события, как 300-летие дома Романовых. Произошло это вследствие того, что это место было уступлено городом безвозмездно, а так как у комитета для приобретения участка земли денег не было, пришлось удовольствоваться даром города. Мне бы казалось более правильным не строить вовсе храма, чем строить его на таком неподходящем месте.

В числе обязанностей, возлагавшихся на офицеров Корпуса жандармов, между прочим, немаловажную роль играла и контрразведка, то есть борьба со шпионажем. В 1911 г. при окружных штабах военных округов учреждены были особые контрразведывательные отделения, специально предназначенные для борьбы с военным шпионством. Во главе этих отделений поставлены были жандармские офицеры, подчинялись они по прямой своей службе окружным генерал-квартирмейстерам. Вся же контрразведка империи сосредоточена была в Главном управлении Генерального Штаба в особом отделе, начальником которого был в мое время Генерального Штаба генерал-майор Монкевиц. Из чинов вверенного мне Корпуса жандармов ближайшим сотрудником у него был подполковник Ерандаков, который, в сущности, и вел все дело под руководством генерала Монкевица.

Меня лично контрразведка касалась только постольку, поскольку в ней принимали участие мои офицеры, по существу же это было исключительно делом Генерального Штаба. Тем не менее, я как командир Корпуса жандармов считал себя отчасти ответственным за своих офицеров и потому не мог не следить за их деятельностью, которая не всегда бывала, по моему мнению, безупречна, вызывая с моей стороны осуждение, когда они при исполнении своих обязанностей не соблюдали должной этики. А так как эти офицеры

зачастую находили поддержку в лице генерал-квартимейстерской части окружных штабов, то это вызывало трения и недоразумения. Во избежание их я входил с представлением о зачислении такого офицера по роду оружия с отчислением его от Корпуса жандармов, снимая таким образом в дальнейшем даже всякую нравственную ответственность. Так я поступил с подполковником Ерандаковым, который мне казался ненадежным офицером с нравственной стороны, и в июле месяце 1913 г. он был зачислен по Донскому казачьему войску с оставлением в Главном управлении Генерального Штаба.

Дабы держать меня в курсе дел по контрразведке, а также и для возможности в случае надобности пользоваться моим содействием в этих делах, подполковник Ерандаков являлся ко мне с докладом один раз в неделю в определенный день и час. Его доклады оставляли всегда во мне какой-то неприятный осадок, мне казалось, что он собирает отовсюду сплетни, которые и докладывает мне. Я сначала внимательно прислушивался, стараясь угадать, какое же дело кроется за спиной этих интимных историй, которые он рассказывал мне, почерпая их из разных источников и разными способами. Но убедившись, что к делу контрразведки они отношения не имели, я попросил его впредь не утруждать меня такими докладами. Вообще у меня сложилось впечатление, что дело контрразведки в Главном управлении Генерального Штаба поставлено было слабо, я не помню, чтобы в течение 1913-1915 гг. хоть одно какое-нибудь дело по шпионажу было раскрыто, вся деятельность, как мне казалось, сводилась к пустякам или добыванию разных секретных бумаг и документов из посольств, путем расшифрования депеш, фотографирования писем, подкупа прислуги и т. д. Последнее практиковалось в широких размерах. Если посол имел неосторожность какие-нибудь бумаги или депеши оставить на столе или разорвав бросить в корзину, то копии этих бумаг и депеш или клочки от них обязательно попадали к Ерандакову. Некоторые послы бывали осторожны, приказывали камердинеру затопить камин и при себе бросить черновики или клочки бумаг в огонь. На такой случай у подкупленного камердинера имелись в кармане клочки исписанной бумаги, которые он и бросал в камин, а другие клочки, которые ему давал посол, оставались у него на руках. Из письменных столов, из железных шкафов бумаги выкрадывались весьма талантливо, с них снимались копии, фотографии и затем тем же порядком они водворялись обратно.

Много сведений доставляли женщины из разных кругов, которые с определенной целью вкрадывались в доверие дипломатов, не брезгая для достижения своих целей ничем. Конечно, все это практиковалось в Центральном управлении контрразведки в С.-Петербурге.

Вступив в должность командира Корпуса жандармов, я невольно

столкнулся со всем этим и не мог не принять всего этого близко к сердцу, так как во всех этих делах принимали участие мои офицеры. Прежде всего я обратил внимание на совершенно случайный характер назначения офицеров на должности по контрразведке и на чересчур большую обособленность этих офицеров от Корпуса. Для урегулирования всего этого, по моей просьбе, по приказанию военного министра назначено было особое совещание, в котором приняли участие генерал-майор Монкевиц как представитель Генерального Штаба и полковник Никольский в качестве моего представителя. Как результат совещания последовал мой приказ за № 17: «Объявляю по Корпусу для сведения и точного руководства одобренные начальником Генерального Штаба и мною журнал совещания Генерального Штаба генерал-майора Монковица и начальника штаба Корпуса полковника Никольского о службе состоящих в контрразведывательных отделениях офицеров Отдельного корпуса жандармов и указания о порядке подчиненности состоящих в контрразведывательных отделениях жандармских офицеров. Вместе с тем предлагаю принять к руководству следующее:

Циркуляром Департамента полиции от 18 сентября 1911 г. за № 107389 извещалось об учреждении при окружных штабах военных округов особых контрразведывательных отделений, предназначенных специально для борьбы с военным шпионством. Эти отделения учреждены во всех округах, за исключением Казанского, Омского и области войска Донского. Первый округ вошел в район деятельности контрразведывательного отделения при штабе Московского военного округа, второй округ — в район деятельности штаба Иркутского военного округа и область войска Донского — в район деятельности контрразведывательного отделения штаба Одесского военного округа.

Во главе контрразведывательного отделения поставлен особый офицер Отдельного корпуса жандармов, который по своей прямой службе подчинен непосредственно окружному генерал-квартирмейстеру штаба округа.

Развившаяся за последнее время вредная деятельность иностранных шпионов в России и чрезвычайно искусная организация их требует от офицеров контрразведывательных отделений очень внимательной и напряженной работы. Успех их работы во многом зависит от того полного содействия, которое должны оказывать им в этой деятельности все офицеры как губернских жандармских управлений и отделений по охране общественного порядка и безопасности, так и офицеры жандармских полицейских управлений железных дорог. Это содействие прежде всего должно выразиться в беззамедлительном и непосредственном уведомлении окружного генерал-квартирмейстера штаба военного округа своего района о всяком обнаруженном или подозрительном случае военного шпионства в районе своего управления или отделения, а затем в полном

содействии чину контрразведывательного отделения по раскрытию или ликвидации шпионских дел.

Офицеры Отдельного корпуса жандармов обязаны принять к руководству и исполнению те инструкции, издаваемые штабами военных округов для борьбы с военным шпионством, которые утверждены по соглашению со штабом Отдельного корпуса жандармов, о чем на инструкции должна быть соответствующая надпись.

В случае обращения кого-либо из офицерских чинов контрразведывательного отделения за содействием всякий офицер Отдельного корпуса жандармов обязан оказать таковое беззамедлительно в пределах своей власти и района. Принадлежность этого чина контрразведывательному отделению должна быть в таком случае подтверждена особым удостоверением, выдаваемым окружным генерал-квартирмейстером или помощником 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба. При этом следует иметь в виду указания циркуляра Департамента полиции от 3 сентября 1912 г. за № 105824. Придавая серьезное значение этой работе гг. офицеров Корпуса на пользу родной армии, к составу которой имеет честь принадлежать и Отдельный корпус жандармов, я уверен, что, оказывая всяческую поддержку офицерам контрразведывательных отделений в деле их службы, офицеры Отдельного корпуса жандармов в то же время проявят особую вдумчивость и такт.

К приказам по Отдельному корпусу жандармов. 1914 г. № 17. Секретно. Копия». [...]

Когда началась война и работа по контрразведке значительно расширилась, спрос на офицеров увеличился, и мне удалось благодаря моему начальнику штаба Никольскому выделить на должности по контрразведке в полевые штабы очень хороших офицеров, среди коих оказалось много выдающихся, беззаветно выполнявших свой долг. Некоторые из них были командированы на трудную работу, ответственную и весьма рискованную в неприятельской стране.

Среди дел, с которыми мне пришлось столкнуться по должности товарища министра, дел неприятных, не могу обойти молчанием перлюстрацию писем, или, как это называли, «черный кабинет».

Перлюстрация писем производилась в то время в больших размерах. Помимо секретных «черных кабинетов», существовавших хотя и неофициально, но на основании секретных распоряжений в Петербурге, Москве, Одессе и Варшаве и имевших специальных чиновников, подведомственных Департаменту полиции, перлюстрацией занимались в губернских жандармских управлениях по всей России, в некоторых полицейских управлениях, почтовых учреждениях и т. д., даже на отдельных жандармских пунктах. На все это я натолкнулся при моих многочисленных поездках и ревизиях и решил положить конец этому разврату, благодаря которому случались и шантажи.

Я наистрожайше запретил всякую перлюстрацию, помимо «штатных», хотя и совершенно секретных «черных кабинетов», указанных выше. Эти «черные кабинеты» помещались в почтамтах в особых помещениях. Существование их мне было неприятно, но я принужден был мириться с ними и принимал меры только к тому, чтобы перлюстрацию писем облечь в возможно приличную форму, чтоб она преследовала исключительно безопасность государства и династии, чтоб ею не пользовались для сведения личных счетов или шантажа. Это, конечно, было очень трудно и для этого надо было иметь штат чиновников безупречно честных, а найти таковых для такой работы было нелегко. Но все же я должен сказать, что среди тех чиновников, которые были при этом деле в мое время, были люди убежденные и вне всякого упрека. Вот этими чиновниками, в которых я был уверен, я и пользовался, когда был вынужден для государственных целей учреждать по разным причинам временные отделения «черного кабинета» в тех или иных местах. Этим я парализовал деятельность местных самозваных цензоров — любителей читать чужие письма.

Разными такими мерами мне удалось несколько упорядочить дело перлюстрации, и в 1914 г. вакханалия по вскрытию писем прекратилась. Бывали, конечно, злоупотребления, но они карались мною жестоко. Министр Маклаков меня всегда в этом поддерживал.

В С.-Петербурге с перлюстрацией писем был заведен такой порядок. С известных писем снимались копии целиком или с выдержками, причем обозначалось, от кого, кому, число отправки письма с указанием откуда. Все эти копии вкладывались в конверт листового формата и препровождались с курьером министру в собственные руки.

Из других «черных кабинетов» сосредоточивалось все также в С.-Петербурге, кроме, конечно, писем, имевших местное значение и изложенное в коих подлежало разработке и расследованию местных властей. Министр прочитывал, иногда делал те или иные пометки и тотчас препровождал все это мне. Я, в свою очередь, просматривал и препровождал в Департамент полиции с моими пометками и резолюциями все, что имело государственное значение или подлежало проверке, расследованию, остальное же уничтожал. Это было занятие не из приятных — читать чужие письма, я вспоминаю эти минуты с тяжелым чувством.

До меня товарищи министра препровождали все в Департамент полиции, но я считал, что чем меньше людей будут копаться в этих, зачастую интимных, выдержках из писем, тем лучше. Это было мне особенно неприятно не только тем, что мне вообще претило читать чужие письма, но еще и отсутствием уверенности, не злоупотребляют ли перлюстрацией — я ведь мог основываться только на доверии к лицу, стоявшему во главе этого дела, некоему Мардарьеву, а к нему-то душа у меня и не лежала, хотя упрекнуть его я ни в чем не мог,

но какое-то чувство недоверия к нему меня не покидало. Заменить его другим лицом у меня данных не было, а кроме того, я и не мог решиться на это — он слишком много знал, чересчур доверенный пост он занимал. Приходилось терпеть, держать его в руках: я рассчитывал, главное, на то, что Мардарьев, дорожа своей хорошо оплачиваемой должностью, и всецело зависевший от меня, не решится идти вразрез моим указаниям и требованиям, особенно после ухода Белецкого, на поддержку коего он уже рассчитывать не мог.

16 января возобновились занятия по реформе полиции в думской комиссии. Два, три раза в неделю приходилось ездить в Думу, что отнимало много времени, но зато, благодаря более чем доброжелательной атмосфере, царившей в комиссии, я всегда с удовольствием ездил на заседания, встречая всегда самое предупредительное отношение со стороны членов Думы и комиссии. Приходилось бывать и в Бюджетной комиссии Думы при рассмотрении смет Министерства внутренних дел, когда обсуждались кредиты Департамента полиции, и в этой комиссии также никогда у меня никаких ни неприятностей, ни недоразумений не было.

В это же время в Государственном Совете шли большие дебаты по вопросу о борьбе с пьянством; по адресу попечительств о народной трезвости сыпались большие нападки, предлагали их упразднить как учреждения, не соответствующие своему назначению. Нападки эти были большей частью совершенно голословны. Принимая близко к сердцу участь учреждений попечительств о народной трезвости, хорошо зная их работу, я как почетный председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости обратился с письмами ко всем членам Государственного Совета, записавшимся в комиссию по вопросу о борьбе с пьянством и препроводил им всем обширные отчеты и труды по Московскому попечительству, прося обратить внимание на широкую деятельность столичного попечительства. Это несколько смягчило противников попечительств трезвости, и огульные нападки на попечительства, по существу, раздавались уже значительно реже, а относительно Московского появились даже защитники его. В конце концов из всех этих дебатов ничего и не вышло. Когда настала война, Государь единоличным своим повелением запретил продажу вина, и Россия по мановению царя сразу стала трезвой державой.

23 января по случаю 100-летия со дня Лейпцигской битвы [2] в присутствии Государя в Михайловском манеже состоялся парад Лейб-гвардии Казачьему его величества полку, как отличившемуся в этой битве. Парад был блестящий, полк был в конном строю. Государь обратился к полку с следующими словами: «Прошло сто лет со времени совершения Лейб-гвардии Казачьим его величества полком славного и доблестного подвига во время Лейпцигской

битвы. Ранее и позже того Лейб-гвардии Казачий полк — свет и краса Тихого Дона — совершал славные подвиги и честно и преданно служил своим царям и Родине. Уверен, что честные и святые заветы ваших славных предков останутся и впредь живы в рядах моих доблестных лейб-казаков и что, если в будущем придется встретиться с врагом, вы вспомните своих предков и так же доблестно и честно послужите за матушку Россию. За дальнейшую боевую славу Лейб-гвардии Казачьего полка и за вас, мои лейб-казаки, — ура!». Восторженные клики «постараемся» и «ура» были ответом на слова державного вождя. После парада все офицеры были приглашены к высочайшему столу на завтрак в Николаевском зале Зимнего дворца.

На другой день, 24 числа, я выехал в Москву, чтобы впервые, как московский дворянин, принять участие в губернском очередном дворянском собрании и в выборах. Не без волнения и не без некоторой гордости переступил я порог Дворянского собрания уже не как губернатор, а как московский дворянин; все меня радушно встретили, я был окружен близкими мне все родными лицами. В 10 часов утра прибыл губернатор граф Муравьев, объявил собрание открытым и пригласил всех в Чудов монастырь, согласно обычаю, на молебствие по случаю открытия очередной сессии и на присягу. Из монастыря вернулись в зал собрания около часу дня и сели завтракать, после чего все перешли в зал, и губернский предводитель А. Д. Самарин открыл заседание.

После прочтения секретарем дворянства А. В. Макаровым соответствующих статей закона А. Д. Самарин доложил о поступившем ряде заявлений от дворян о невнесении их в списки лиц, имеющих право участвовать в губернском собрании. Невнесенные в списки и находившиеся в зале заседания были допущены к присяге. А. Д. Самарин обратился к собранию с следующей речью:

«Сегодня дворянство Московской губернии собирается впервые после того, когда вся Россия торжественно праздновала юбилей величайшей годины Отечественной войны и 300-летия царствования дома Романовых. Московское дворянство приняло самое широкое участие и три раза удостоилось чести принимать его императорское величество Государя императора. Во время приема дворянству оказано было Государем весьма милостивое внимание, и мы осчастливлены были высокомилостивыми словами. Неизгладимо впечатление, пережитое нами в этом зале, когда Государь принял от нас стяг в память юбилея Отечественной войны, навсегда памятны и слова Государя дворянству, сказанные в кремлевских стенах, где собрались дворяне всей России». Сказав это, Самарин предложил послать верноподданническую депешу, чтение которой было покрыто долго не смолкавшими аплодисментами.

По докладе Самариным деятельности депутатского собрания за истекшие три года и участия дворянства в открытии памятника

генералу Дорохову в г. Верее и юбилея графа С. Д. Шереметева по случаю исполнившегося 50-летия его государственной службы, собрание горячо приветствовало находившегося в зале графа, устроив ему целую овацию и растрогав старика. Затем были рассмотрены некоторые доклады.

На другой день собрание продолжалось, вечером же в красиво убранном Колонном зале состоялся бал. Я, к сожалению, оставался на бале недолго, так как должен был выехать в Петербург, где в это время происходили крупные события — смена министерства, уход Белецкого и др.

29-го я вернулся в Москву к выборам, в этот день были назначены уездные, а на следующий день, 30-го, губернские. Я, как имевший цензы по 2 уездам — Можайскому и Звенигородскому, принимал участие в выборах по этим уездам. Это были первые выборы, в которых я участвовал, и последние, так как следующим помешала уже революция.

На этих выборах уездными предводителями оказались избранными следующие дворяне: московским — П. А. Базилевский, богородским — Н. Н. Кисель-Загорянский, бронницким — князь С. А. Оболенский, верейским — К. В. Шлиппе, волоколамским — князь А. Д. Голицын, дмитровским — граф М. А. Олсуфьев, звенигородским — граф П. М. Граббе, клинским — князь Г. Г. Гагарин, коломенским — светлейший князь А. А. Ливен, можайским — А. К. Варженевский, подольским — А. М. Катков, рузским — Н. С. Румянцев и серпуховским — П. А. Янов.

Впоследствии, когда Самарин был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, Базилевский был избран губернским предводителем, а московским уездным — князь В. В. Голицын. На место Кисель-Загорянского, после назначения его рязанским губернатором, избран был С. Х. Рооп.

30 числа в зале собрания по случаю выборов губернского предводителя царило большое оживление. Все хоры были наполнены семьями дворян и представителями московского общества. Перед выборами Самарин обратился к собранию с небольшой речью, в которой высказал, что, слагая обязанности губернского предводителя, он считает нравственным долгом своим выразить глубокую благодарность дворянам Московской губернии за то, что они его почтили избранием на последнее трехлетие. Это избрание дало ему возможность в те знаменательные дни, которые Москва пережила в последние два года, явиться представителем не только московского дворянства, но и всего российского. Эти дни для него останутся навсегда неизгладимыми, он навсегда сохранит о них память и поэтому выражает свою глубокую признательность московскому дворянству.

Затем было приступлено к выборам, в результате Самарин получил 289 голосов, против 62. Избрание его было встречено

громом аплодисментов. Я был страшно счастлив, что мог принять участие в этих выборах и быть в числе 289. Выборами в губернские должности закончилась сессия очередного собрания.

В этот же день утром Императорская Московская практическая академия чествовала своего председателя совета действительного статского советника Владимира Григорьевича Сапожникова по случаю исполнившегося пятидесятилетия его общественной деятельности.

Актовый зал академии был украшен тропическими растениями, впереди возвышалась эстрада с длинным столом, покрытым зеленым сукном. На углу эстрады были помещены принесенные из церкви академии иконы и аналой со святым крестом и Евангелием. Зал был уже переполнен, когда я вошел, представителями различных учреждений, в коих состоял на службе Сапожников, массой купечества, тут же находились воспитанники академии, их родители и весь педагогический персонал.

Перед началом заседания под моим председательством состоялось закрытое заседание Общества любителей коммерческих знаний, на котором было постановлено избрать юбиляра почетным членом Общества и учредить стипендию его имени в академии. Затем в актовом зале совершено было законоучителем академии отцом протоиереем М. П. Диомидовым соборное молебствие. На духовенстве были надеты облачения из золотой парчи, пожертвованные в храм Сапожниковым. В конце молебна отец протоиерей Диомидов приветствовал юбиляра, пожелав ему на многие годы сил и энергии для дальнейшей плодотворной его деятельности на пользу академии.

По окончании богослужения началось торжественное заседание. За столом на эстраде, кроме меня как попечителя академии, разместились: сам юбиляр Сапожников, инспектор учебных заведений Министерства торговли А. О. Круглый и члены совета. Предложив всем встать, я обратился к В. Г. Сапожникову со следующими словами: «Государь император по всеподданнейшему докладу главноуправляющего Собственной его величества канцелярии о вашей выдающейся деятельности и сердечных ваших заботах, проявленных вами в течение полувека на пользу Московской практической, ныне Императорской, академии коммерческих наук, всемилостивейше соизволил пожаловать вашему превосходительству орден Св. Владимира 3-й степени. Вручая вам знаки этого ордена, я с особенно радостным чувством приветствую вас с таковою монаршей милостью и прошу вас верить в мое глубокое к вам уважение и душевную преданность».

Раздалось громовое «ура», и зал огласился звуками народного гимна, исполненного трижды хором певчих. Когда в зале стихло, я продолжал: «Многоуважаемый и дорогой Владимир Григорьевич. Я с особенным чувством гордости за дорогую академию искренне

приветствую вас с исполнившимся 50-летием служения на пользу академии. Ваше бескорыстное, сердечное отношение к делам многочисленных учреждений, где вы трудитесь, известно всей Москве, и вы снискали повсюду любовь, уважение и широкую популярность. Ваше неизменное внимание к нуждам учащих, учащихся, служащих при академии наполняет сердца всех здесь присутствующих чувствами горячей любви и уважения к вам, а та скромность, которая является отличительной чертой вашего характера, и всегдашняя готовность оказать всем помощь окружают ваше имя ореолом любви и глубокого уважения.

Дай вам Бог как можно дольше трудиться, и нам видеть вас среди дорогого вашему сердцу учебно-воспитательного учреждения, на счастье и радость дорогой нашему сердцу академии».

Слова мои были покрыты аплодисментами всего зала по адресу всеми любимого юбиляра. Директор академии Реформатский прочел затем телеграмму на имя Сапожникова от министра торговли: «Поздравляю Вас с торжественным днем празднования Вашего 50-летнего юбилея. Ваша многолетняя неустанная деятельность в области торговли и промышленности, а также в деле распространения в населении коммерческого и художественно-промышленного образования будет всегда служить примером для подрастающего поколения. От всего сердца желаю Вам здоровья и сил на многие годы для продолжения служения дорогой Родине».

Были прочитаны телеграммы от заведующих отделами учебным и торговым при Министерстве торговли и промышленности, а затем началось чтение приветственных адресов. Первым был адрес от Общества любителей коммерческих знаний. По окончании чтения я как президент Общества сказал, что Общество постановило поместить портрет юбиляра в актовом зале академии; при произнесении мною этих слов была сдернута завеса, покрывающая портрет В. Г. Сапожникова, при громких аплодисментах всех присутствовавших.

Затем юбиляра приветствовал инспектор А. Ф. Круглый и были прочитаны адреса: от членов совета академии, от преподавателей, бывших воспитанников, родителей учащихся, Общества вспомоществования нуждающимся ученикам. Купеческий старшина С. А. Булочкин прочел адрес от Купеческого общества, которое постановило учредить 2 стипендии имени юбиляра в академии. П. П. Рябушинский приветствовал В. Г. Сапожникова от имени Биржевого комитета. Далее следовали приветствия от Московского отделения Совета торговли и мануфактур, Общества распространения коммерческого образования, Императорского Строгановского училища, Музея прикладных знаний и др. Каждую депутацию растроганный до слез Сапожников благодарил отдельно.

После приема депутаций я обратился с кратким приветствием к воспитанникам, пожелав им, когда они вступят на общественное

служение, подражать в своей деятельности В. Г. Сапожникову, так честно проведшему свой жизненный путь.

Торжество закончилось около трех часов дня, прямо из академии я проехал в Дворянское собрание на выборы. Вечером в Большой московской гостинице состоялся парадный обед по подписке в честь В. Г. Сапожникова, в котором приняли участие более 100 человек. Обед носил очень сердечный характер, все старались выразить свою любовь и уважение почтенному юбиляру, царило большое оживление, один тост сменялся другим.

31 января, в день моего отъезда из Москвы, градоначальник А. А. Адрианов просил меня произвести смотр пожарным командам г. Москвы, вызвав их по тревоге на площадь. Я согласился, но с тем, чтобы вызвать не более 5 ближайших к Красной площади частей. Вместе с градоначальником приехал я на Красную площадь в 9 1/2 часов утра. Подойдя к ближайшему тревожному звонку автоматического аппарата, я дал сигнал к вызову пяти ближайших частей.

Первой, ровно через три минуты, прибыла ближайшая городская часть, за ней стали прибывать и другие с разных сторон, последняя через 12 минут. Красиво было очень, когда со всех сторон карьером неслись пожарные части и, проскакав мимо меня, выстраивались на площади.

Обойдя команды, я осмотрел во всех деталях новые пожарные автомобили, среди коих градоначальник обратил мое особое внимание на два бензино-моторных насоса «Мерседес», недавно выписанных из-за границы, выбрасывавших сразу 16 струй. Объяснения при этом давал инженер Ольденборгер.

Осмотрев автомобили, я пропустил все части мимо себя церемониальным маршем, сначала шагом, а затем карьером, после чего мне было показано примерное тушение пожара верхних торговых рядов с демонстрированием новых насосов и новой огромной лестницы с электрическим подъемником. Этот смотр привлек на площадь массу народа, так что пришлось даже вызвать наряд полиции, чтобы оцепить место работы пожарных.

1 февраля я вернулся в С.-Петербург. В этот день получено было известие о кончине варшавского генерал-губернатора Скалона. Это был безукоризненно честный человек, глубоко порядочный, но для управления таким краем, как Царство Польское, у него недоставало должной энергии и характера. На его место назначен был начальник Генерального Штаба генерал Жилинский, человек очень умный, толковый, но для Варшавы этого было мало, для Варшавы надо было быть изысканно воспитанным и иметь имя, а этих свойств у Жилинского не было.

В последних числах января произошло крупное событие — ушел Коковцов и на место Председателя Совета Министров назначен был И. Л. Горемыкин, а министром финансов П. Л. Барк. Об уходе

Коковцова говорили давно, тем не менее его отставка явилась для всех неожиданностью, не исключая и его самого.

В. Н. Коковцов вступил на пост Председателя Совета Министров в очень тяжелое время. Ему пришлось заменить трагически погибшего П. А. Столыпина — человека твердой воли и твердых взглядов, каковых у Коковцова не было, и он за время пребывания своего во главе объединенного министерства вплоть до последних дней не сумел проявить твердой воли, благодаря чему в Кабинете при нем очень часто происходили трения. Кроме того, ему, конечно, было труднее, чем Столыпину, объединять Кабинет, так как у последнего в руках сосредоточена была вся внутренняя политика, а у Коковцова внутренняя политика в последние годы сосредоточена была в руках Н. А.Маклакова, оппозиционно настроенного к главе Кабинета.

Коковцову было трудно и оттого, что он, благодаря своему необщительному характеру, вооружил против себя все группы, имевшие влияние в придворных сферах. Не участвуя в интригах, не считаясь с отдельными лицами, Коковцов не делал никаких шагов к тому, чтобы увеличить число своих сторонников. Хотя он и был убежденным консерватором, всегда корректным и несомненным слугой законности, тем не менее его постоянно травили правые, которые не прощали ему того противодействия, которое он изредка во имя законности оказывал им, когда они все чаще и чаще начинали зарываться в последнее время.

Я лично очень сожалел об уходе Коковцова, так как у меня с ним отношения были налажены, никогда никаких недоразумений у меня с ним не было, и с его стороны я всегда встречал полную предупредительность и храню в своей душе самые дорогие воспоминания о нем.

При своем увольнении Коковцов был возведен в графское достоинство при следующем милостивом рескрипте: «Граф Владимир Николаевич. 10 лет назад я возложил на Вас управление Министерством финансов. Приступив к исполнению этих обязанностей, всегда сложных и ответственных, во время войны, за которою последовали внутренние беспорядки, Вы с отличным успехом выполнили предстоящую Вам задачу, несмотря на те трудности, с которыми она была сопряжена. Благодаря ревностному отношению Вашему к делу и отличающей Вас бережливости, государственные росписи в течение ряда лет заключаются превышением доходов над расходами, и свободная наличность средств государственного казначейства достигла небывалых размеров. Высоко ценя Ваши заслуги, я после кончины статс-секретаря Столыпина призвал Вас на пост Председателя Совета Министров с оставлением в последней должности. Будучи поставлены во главе министерского управления, Вы сумели внести в важное дело руководства занятиями Совета Министров Вашу обширную государственную опытность и благоразум-

ную осторожность. Ныне, с сожалением уступая настояниям Вашим об увольнении, по расстроенному здоровью, от должности Председателя Совета Министров и министра финансов, я, в изъявление моей благодарности за Вашу, проникнутую всегдашним усердием, полезную России и мне деятельность, жалую Вам графское Российской империи достоинство. Надеюсь, что и впредь я буду пользоваться Вашими советами во всех трудных вопросах, освещению коих могут помочь Ваши знания, опытность и испытанная преданность. Пребываю к Вам неизменно благосклонный». Рескрипт подписан был собственноручно: «искренно уважающий Вас и благодарный Николай».

И. Л. Горемыкин был старик 76 лет, отличительными чертами его характера были спокойствие и невозмутимость, ко всему он был безразличен, или хотел казаться таковым; он любил жизнь и не любил задумываться над ней: пусть себе идет как идет. Благодаря его невозмутимости и произошел роспуск I Думы, о чем я писал уже в воспоминаниях за 1906 г. Но в то же время это был человек не без хитрости, которая всегда проглядывала при разговоре с ним. Благодаря этому я уходил от него всегда неудовлетворенным, он никогда не высказывался определенно, как-то не договаривал, и получить от него какое-либо указание было очень трудно. Но любезность его никогда не покидала, и этим он всегда подкупал.

В Государственной Думе сожалели об уходе Коковцова и были недовольные назначением Горемыкина. В Государственном же Совете, главным образом в правых кругах, к которым примыкал Горемыкин, были в восторге от его назначения. Министром финансов был назначен Барк при весьма знаменательном рескрипте с целым рядом указаний, каким путем должно идти отныне Министерство финансов для того, чтобы извлечь из нищеты и невежества русский народ, о благе которого Государь считает себя обязанным заботиться. Рескрипт гласил следующее:

«Петр Львович. С Божьей помощью совершенное мною в минувшем году путешествие по нескольким великорусским губерниям дало мне возможность непосредственно ознакомиться с жизненными нуждами окружавшего меня народа. С отрадою в душе я видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи моего народа, но рядом с этим, с глубокой скорбью мне приходилось видеть печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежные последствия нетрезвой жизни, и подчас народного труда, лишенного в тяжкую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита. С тех пор, постоянно обдумывая и проверяя полученные на местах народной жизни впечатления и сведения, я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведование государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразо-

вания во благо моего возлюбленного народа. Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных, а посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственного богатства и от народного производительного труда, и, при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа. Таковы должны быть цели желательного преобразования. В успехе их осуществления и в безотлагательной необходимости их для блага моего народа я тем более убеждаюсь, что и Государственная Дума, и Государственный Совет, по поводу пересмотра законов о казенной продаже питий, горячо откликнулись на эти нужды народной и государственной жизни. Призывая Вас к управлению Министерством финансов, где Вы начали при покойном П. А. Вышнеградском в царствование моего в Бозе почившего родителя Вашу службу, и возлагая на Вас осуществление таких коренных преобразований, для которых подробные указания мною будут Вам даны, я надеюсь, что с Божьей помощью, с Вашим опытом и Вашими познаниями Вы оправдаете мое к Вам доверие и исполните на пользу России и народу и мне в отраду трудное дело, на Вас мною возлагаемое. Николай».

Барка в то время я совсем не знал, и потому его назначение мне ничего не сказало. После первого моего делового знакомства с ним он произвел на меня впечатление человека безусловно умного, мало говорящего, но умело слушающего. Он менее дрожал над кредитами, с него их легче было получить, и это не было сопряжено с излишними формальностями, которые преследовал Коковцов. Говорили, что он очень близок к кружку Мещерского, но я этого проверить не мог. У меня осталось очень хорошее впечатление от встречи с ним и деловых с ним сношений. Он быстро схватывал и всегда определенно ясно отвечал, и его словам всегда можно было верить.

30 января состоялся также указ о назначении Белецкого сенатором, а в скором времени и о назначении на его место директором Департамента полиции В. А. Брюна де Сент-Ипполита — прокурора Омской судебной палаты. С наступлением Нового года я решил окончательно расстаться с Белецким. Со стороны министра Маклакова я встретил полную поддержку, как в отношении увольнения Белецкого, так и в отношении назначения Брюна. Решено было назначить Белецкого губернатором в Вологду, в таком тоне я и говорил с ним по поручению министра. Это был для меня очень тяжелый разговор. Для Белецкого это хотя и не могло быть неожиданностью, тем не менее он весь изменился в лице и стал униженно меня просить умолить министра не назначать его в Вологду, что было смещением его из должности 3 класса в 4-й, а ходатайствовать о назначении его сенатором, давая при этом всевозможные обещания и т. д. Дейст-

вительно, всегда все директора Департамента полиции при оставлении ими должности назначались в Сенат, и потому Белецкому показалось уж чересчур обидным переходить на низшую должность. Подумав, что, пожалуй, в должности сенатора Белецкий будет менее вреден, чем в роли губернатора, я обещал доложить министру, и мы на этом расстались.

Маклаков и слушать не хотел, находя, что Белецкий не заслуживает чести быть назначенным в Сенат. Я не мог не согласиться с таким взглядом, но все же просил Маклакова лучше провести его в сенаторы, что было не трудно, благодаря хорошему отношению к Белецкому со стороны Щегловитова, так как, будучи губернатором, он, как мне казалось, может принести больше вреда, чем в Сенате. Маклаков согласился, и Белецкий, к своему полному удовлетворению, был назначен в Сенат.

Впоследствии я очень раскаялся, что уступил чувству жалости к Белецкому и содействовал этому назначению, не учтя высокое положение звания сенатора, которое занял Белецкий и которым он, конечно, не преминул воспользоваться для своих интриг и удовлетворения низменных своих чувств. Он отплатил мне целой массой гадостей, которые очень ловко творил за моей спиной. Проживавший в то время в С.-Петербурге один француз, Кюрц, который всюду совал свой нос и знал хорошо цену Белецкому, встретив меня как-то, выразил удивление, как я мог согласиться на назначение Белецкого сенатором, сказав, что, увольняя таких людей, никоим образом нельзя их оставлять вблизи, что ему не следовало давать никакой должности ближе меридиана Восточной Сибири. И он оказался прав, я в этом убедился вполне, когда было уже поздно.

Как только вопрос об уходе Белецкого был решен, я послал депешу Брюну в Омск, прося его стать во главе Департамента полиции, и, к моей радости, получил его согласие. Брюна я знал еще по Москве как прокурора окружного суда и сохранял о нем самое дорогое воспоминание — это был кристальной чистоты человек, умный, дельный и отлично разбиравшийся в политических делах. Везде, где только он служил, он оставлял по себе самое лучшее воспоминание. Он тотчас приехал из Омска, и указ об его назначении не замедлил состояться. Через две недели он уже вступил в должность, я ожил, с этого времени доклады директора Департамента полиции перестали быть для меня кошмаром, они длились не по 4 часа подряд, а не более 2 часов, так как Брюн не утомлял меня всякой мелочью и ерундой, а докладывал только то, что требовало доклада. И в департаменте атмосфера стала другая, повеяло благородством, Брюн стал выдвигать честных работящих чиновников и, при моей поддержке, тактично и умело искоренял провокацию. С февраля 1914 г. я вздохнул свободно — по Корпусу жандармов я имел начальником штаба Никольского, по департаменту — Брюна де Сент-Ипполита, которым я безусловно во всем

доверял, которые были мне преданы всей душой и которые между собой были в самых искренних отношениях, были одного взгляда на дела, и потому работа с этого момента закипела дружно, радостно, все были проникнуты одной мыслью — принести пользу своей Родине, интригам места не было.

К этому же времени относится и увольнение в отставку генерала Герасимова, бывшего начальника С.-Петербургского охранного отделения, известного своей провокационной деятельностью. В то время он был уже не у дел, состоя при шефе жандармов для поручений, но поручений никаких не получал. Я находил компрометирующим, чтоб при министре состояло лицо, замешанное по своей прежней службе в провокациях, и высказал это Маклакову. Он согласился со мной и поручил мне переговорить с Герасимовым и предложить ему подать в отставку. Мне это удалось довольно легко, Герасимов отнесся с достоинством, я ему обещал материальное обеспечение, и в течение недели все было устроено к обоюдному удовлетворению и безболезненно.

Ввиду длительных пребываний Государя с августейшей семьей в течение последних лет в Крыму и ожидаемого весной этого года нового приезда их величеств в Ливадию, представилось необходимым ввести точную регистрацию населения в пределах будущего Ялтинского градоначальства, законопроект о котором в то время разрабатывался под моим руководством и по соглашению с Думбадзе и имел быть представленным в Думу в самом непродолжительном времени.

Инструкция для производства вышесказанной регистрации была составлена по моему поручению начальником Севастопольского жандармского управления полковником Поповым, утверждена мною и введена в действие с 1 февраля во всей местности Ялтинского уезда, которая должна была войти в район будущего Ялтинского градоначальства. [...]

3 февраля я выехал в Москву на один день, чтоб в памятный день трагической кончины великого князя Сергея Александровича помолиться у его гроба. В Чудовом монастыре была торжественная заупокойная литургия, а затем в усыпальнице великого князя панихида, после которой у великой княгини Елизаветы Федоровны был чай для лиц, близких к покойному великому князю. После чая, когда все разъехались, великая княгиня просила меня остаться и показала мне несколько депеш, адресованных на ее имя, а также и на имя императрицы Александры Федоровны и великой княжны Ольги Николаевны. Одни из них, подписанные князем Долгоруким, другие — очевидно, вымышленным именем Руткевич.

Эти депеши, по-видимому, исходившие от одного и того же лица, были полны изъяснениями в любви к великой княжне Ольге Николаевне, восторженными отзывами, просьбами, мольбами свиданий и т. д. В депешах же к великой княгине настойчивая просьба его принять, оказать содействие к свиданию с Ольгой Николаевной

и даже угрозы, что в противном случае он лишит себя жизни у ее порога и т. д. Великая княгиня была этим очень встревожена, просила меня лично от себя и от императрицы постараться узнать, кто это пишет, повидать это лицо и, переговорив с ним, уговорить прекратить эту переписку.

Приехав в Петербург, я отдал распоряжение на телеграф все депеши на имя императрицы или великой княжны Ольги Николаевны за подписью князя Долгорукова или Руткевича, не отсылая по назначению, доставлять немедленно мне, а начальнику охранного отделения, по соглашению с начальником городских телеграфов, установить личность отправителя этих депеш.

Спустя несколько дней я получил от начальника городских телеграфов две депеши, поданные на Главном телеграфе, следующего содержания: «Ее императорскому величеству Государыне императрице Александре Федоровне. Царское Село. Ваше величество, прошу разрешения явиться перед твоими светлыми очами, чтобы, что я в письмах тебе сказал, повторить словами, что жить без дочери твоей Ольги не могу и, если то угодно Богу, прошу ее руки. Адрес для ответа: Лиговка, 47, где я живу. Руткевич Никандр». И другая: «Ее императорскому высочеству, великой княжне Ольге Николаевне. Царское Село. С добрым утром, беленькая миленькая Ольга. Руткевич».

Одновременно начальник охранного отделения мне доложил, что автором этих депеш оказался князь Долгорукий, бывший офицер Лейб-гвардии Гусарского его величества полка, вышедший в отставку и причисленный к Министерству иностранных дел. Этого Долгорукова я знал, когда был еще молодым преображенским офицером, а он лейб-гусаром, и мы встречались постоянно на всех балах и вечерах в С.-Петербурге, он и тогда производил впечатление не совсем нормального человека, с ним приходилось быть осторожным; затем он ездил в Болгарию, говорили, что он ездил туда в качестве претендента на болгарский престол, из этого, конечно, ничего не вышло, он вернулся в С.-Петербург и причислился к Министерству иностранных дел. Домогаться руки великой княжны Ольги Николаевны и писать ей и императрице явно ненормальные письма и депеши он стал, несомненно, под влиянием бредовых идей.

Поручение, данное мне императрицей и великой княгиней Елизаветой Федоровной, я решил выполнить совершенно частным образом, лично написав ему несколько строк с просьбой заехать ко мне для переговоров по поручению ее величества и великой княгини. Он не замедлил ко мне явиться. Я его принял у себя в кабинете, по правде сказать, не без смущения, слишком уж деликатный разговор предстоял мне с ним. Предложив ему сесть, я сказал, что ее величество тронуто его чувствами, изложенными в письмах к ней, но что все то, чего он домогается, не может привести ни к каким результатам, что все письма и депеши, которые он посылал как императрице, так

и великой княгине и великой княжне, переданы ее величеством и их высочествами мне (при этом я показал их ему), и они просят его впредь не беспокоить их и надеятся, что он из уважения к ним и питаемых им чувств, свято, по-рыцарски выполнит их просьбу. Он выслушал меня спокойно, после чего, несколько изменившись в лице, спросил: «Это желание великой княжны?» Я ответил: «Да, это ее непременное желание, и она просила вам сказать, что надеется на ваше рыцарство».

Он встал и произнес следующие слова не без некоторой торжественности: «Слова эти для меня святы, желание ее величества и великой княжны будут исполнены». У меня как гора с плеч свалилась. Он сдержал свое слово — депеши и письма от него прекратились. С тех пор я о нем ничего больше не слышал.

5 февраля на заседании думской комиссии по реформе полиции произошел неожиданный инцидент при обсуждении вопроса об учреждении полицейских отрядов по просьбам частных лиц и обществ.

Против такого рода отрядов за счет частных лиц резко высказался член думы, социал-демократ Бурьянов, который находил, что такого рода полиция недопустима, так как явится классовой. К нему присоединились и октябристы. Я не возражал, так как в проекте полиция на средства частных лиц была допущена исключительно из материальных соображений, дабы не обременять государственного бюджета, и, в принципе, я не мог не согласиться с доводами Бурьянова. Я предложил только фиксировать в таком случае чинов полиции по расчету 1 городового на 250 человек рабочих. Правые же и националисты, напротив, находили желательным полицию иметь и на частные средства. На голосование был поставлен вопрос, должна ли полиция содержаться исключительно на частные средства. 8 голосами против 5 вопрос разрешен был в отрицательном смысле, причем, к удивлению всех, прогрессист Евсеев и социал-демократ Бурьянов голосовали с правыми. Последний, очевидно, изменил свое первоначальное мнение, когда увидел, что я ему не возражал, — он счел неудобным для себя, как социал-демократа, быть одного мнения с членом правительства.

Тогда Н. А.Хомяков (председатель комиссии) предложил проголосовать статью 53, предусматривавшую учреждение полицейских должностей по просьбе частных лиц и обществ, после рассмотрения общего опроса об учреждении частной полиции. Правые протестовали, так как, по их мнению, только что произведенное голосование уже предрешило этот вопрос. Хомяков обиделся, приняв протест правых за желание делать ему указания, начались пререкания, и в результате Хомяков отказался от председательствования и покинул зал. Все были смущены, так как Хомякова все уважали, объявлен был перерыв, после чего заседание возобновилось, но уже под

председательством члена Думы Чихачева. Потребовалось несколько дней, пока удалось уладить этот инцидент. Были произведены новые выборы, в председатели комиссии переизбрали Хомякова, выразили ему полное доверие и уважение, и он вернулся к председательствованию в комиссии.

Еще в 1913 г. по вступлении полковника Никольского в должность начальника штаба я поручил ему пересмотреть правила о приеме офицеров в Корпус жандармов и упорядочить этот вопрос, так как эти правила, объявленные при циркуляре штаба Корпуса 25 июля 1913 г., меня далеко не удовлетворили.

На основании моих указаний и по соглашению с военным министром и составлено было новое положение, утверждено шефом жандармов Н. А.Маклаковым 24 декабря 1913 г. и 27 января 1914 г. объявлено было при циркуляре Главного штаба и введено в действие моим приказом по Корпусу от 7 февраля за № 51. [...]

10 февраля днем в Аничковом дворце, в дворцовой церкви, состоялась свадьба княжны Ирины Александровны с графом Ф. Ф. Сумароковым-Эльстон. Невеста была дочерью великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, следовательно, родной племянницей Государя. Жених был сыном князя Феликса Феликсовича и княгини Зинаиды Николаевны Юсуповых, с которыми я был очень близок, и потому получил приглашение на свадьбу в числе весьма немногочисленных приглашенных, кроме Государя и всей царской семьи. Невеста была изумительно хороша собой, немного только миниатюрна, но личико у нее было прямо точеное. Жених был не особенно интересен и вообще был не симпатичен вследствие отсутствия в нем натуральности. Он был мало похож на мужчину, был чересчур женственен. Вечером молодые уехали в Крым, я ездил их проводить на вокзал.

В этот же день утром в высочайшем присутствии состоялся смотр 1-му кадетскому корпусу. Государь приехал прямо из Царского Села и по окончании парада обратился к кадетам, сказав им, что при отъезде из Царского Села товарищ их по корпусу наследник цесаревич (его высочество числился кадетом 1-го корпуса) просил передать им свой привет и сожаления, что не мог приехать и присутствовать на сегодняшнем смотру, будучи занят уроками. Эти слова Государя вызвали восторженные крики «ура» молодежи. Затем Государь обошел все помещения корпуса и посетил лазарет.

26 февраля на 89 году своей жизни скончался маститый старец П. П. Семенов-Тян-Шанский, последний из деятелей по освобождению крестьян. Он был не только свидетелем, но и одним из первых деятелей той эпохи. В ученом мире он был известен как географ и этнолог; как человек, по словам близких, он отличался отзывчивостью и добротой.

После произведенной по моему распоряжению ревизии С.-Петербургского охранного отделения и найденных больших недочетов градоначальник Драчевский вынужден был согласиться на увольнение полковника фон Котена, на место которого я выдвинул полковника Попова — начальника Севастопольского жандармского управления, с деятельностью которого я хорошо ознакомился во время высочайшего пребывания в Крыму. Одновременно с назначением Попова я перевел на его место полковника Глобачева — начальника Нижегородского губернского жандармского управления. [...]

28 февраля товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин получил назначение членом Государственного Совета, а на его место назначен был Плеве, сын бывшего министра внутренних дел, управлявший при Коковцове делами Совета Министров. Я очень сожалел об уходе Лыкошина, который был человеком чудной души и безусловно светлой личностью и весьма знающим в делах устроения крестьян. Маклакову он был не по душе как человек чересчур безвольный. Назначение Плеве нельзя было признать удачным — это был чиновник в полном смысле этого слова, с головы до ног, придерживавшийся исключительно буквы закона, правда, он был весьма добросовестный работник, но для пользы дела этого было мало, так как управление крестьянскими делами требовало прежде всего большого практического опыта, которого у Плеве не было.

В течение минувшего 1913 г. я постоянно получал донесения от начальников жандармских управлений Юго-Западного края об усилении национального польского движения в этом крае по проведению в жизнь заветной мечты поляков — восстановлению независимости Польши. Этому движению дал сильный толчок Закопанский съезд в Галиции[3], происходивший летом 1912 г., и затем один за другим съезды в Кракове, Лондоне, Париже и Цюрихе — последний в декабре 1912 г.

Хотя работа поляков происходила главным образом в Привислинском крае, но наблюдение за ней было удобнее вести органами власти Юго-Западного края.

Озабоченный этим движением, я отдал распоряжение по Департаменту полиции о систематизировании всех материалов по этому движению за 1913 г. и о докладе мне для принятия тех или иных мер. Начальник Киевского жандармского управления (как центра Юго-Западного края) полковник Шредель и представил мне подробный доклад, весьма обстоятельно и дельно составленный и подкрепленный подлинными документами. [...]

Я вполне согласился с заключением полковника Шределя, но мне хотелось получить еще и от начальника Варшавского управления необходимые документы и тогда уже во всеоружии обнаружить

стремления польских организаций. Война, разразившаяся в июле, помешала этому, парализовав действия польских организаций.

Я еще не коснулся одной отрасли моей деятельности, а именно по председательствованию в Особом совещании при Департаменте полиции, которое существовало для рассмотрения политических деяний лиц, дела коих по составу преступлений не могли быть переданы суду и потому рассматривались в административном порядке. Все эти дела докладывались Особому совещанию, в котором, кроме представителей Департамента полиции, принимали участие лица судебного ведомства — прокуратуры. Особое совещание имело право прекратить дело или подвергнуть виновного наказанию в виде запрещения жительства в столичных городах и губерниях, а также и в университетских, или же подвергнуть высылке в определенные места жительства под гласный или негласный надзор полиции. Срок высылки не более пяти лет. Журнал с постановлениями Особого совещания шел на утверждение министра внутренних дел, который своей властью имел право сократить срок высылки и даже совсем прекратить дело, но таких случаев при мне не было — министр всегда утверждал журнал. По утверждении же журнала и приведении в исполнение его постановлений часто бывали случаи смягчения участи высылаемых или уже высланных по ходатайствам их самих или их родственников, сроки высылки сокращались, высылки разрешались не этапным порядком, а на собственный счет с двумя конвоирами или и вовсе без конвоиров с обязательством прибыть на место высылки в назначенный срок. Бывали случаи и замены высылки разрешением добровольного выезда за границу или замены одного места другим.

Все это разрешалось уже лично мною «за министра». Я никогда не отказывал в просьбах об отправлении в место ссылки на собственный счет, взамен этапа, а также почти не отказывал в замене высылки выездом за границу, не видя в этом никакой опасности для государства. Высылаемые обыкновенно очень ценили такого рода льготы, не злоупотребляя доверием, и за мое время был только один случай, что давший подписку о выезде не выполнил своего обещания.

Вообще, я лично был большим противником административных высылок, особенно в определенные места жительства, находя, что таковые меры не достигали цели. Не было ни одного примера, чтобы кто-нибудь, вернувшись из ссылки по окончании срока, не продолжал своей агитационной и преступной деятельности, высылка только еще более озлобляла как его самого, так и всю семью и всех его окружавших, увеличивая в государстве кадр недовольных. Между тем очень многие из тех, коим высылка заменялась выездом за границу, попав туда, переставали заниматься политикой. При проведении в Думе проекта о реформе полиции я и имел поэтому

в виду попутно заняться и вопросом о высылке — война помешала этому осуществиться.

Я мог только несколько упорядочить делопроизводство Особого совещания, обратить внимание на крайнюю медленность производства этого рода политических дел в губернских жандармских управлениях. При докладе каждого дела я стал требовать подробного изложения всего хода дела и, когда оказывалось, что дознание длилось более месяца, требовал расследования причин медленности, строго взыскивал с офицера, производившего дознание, если он оказывался виновным. Кроме того, высылки во вредные по климатическим условиям места были прекращены, а [к высылкам] в Туруханский и Нарымский края в 1914 г. прибегали уже в крайних случаях, также и в Якутскую область. Из мест Сибири главным образом высылали в Тобольскую губернию, а подверженных легочным заболеваниям в Минусинский округ — местность с наиболее здоровым климатом.

Число высылок к 1914 г., вообще, значительно уменьшилось, так что заседания Особого совещания стали назначаться не более 2 раз в месяц, и в каждом заседании рассматривались дела не более 20-30 лиц. Причиной этому было, во-первых, вообще уменьшение политических выступлений, во-вторых, жандармские управления стали тщательнее производить расследование политических дел, так как я ставил им в прямую вину, если у них большая часть дел направлялась к рассмотрению административным, а не судебным порядком. Я считал, что это было следствием неумелого производства следствия и желания поскорее сбыть дело с рук.

Вообще вопрос о высылке меня очень заботил; я считал его весьма важным с государственной точки зрения, находя, что высылка — это самообман, самоутешение, что правительство себя только успокаивает, затыкает дыру в одном месте и делает ее еще больше в другом, не учитывая при этом и такие факторы, как обвинение в произволе, увеличение числа недовольных вокруг высылаемых, вредное влияние в местах ссылки на окружающее население и т. д.

Пока директором Департамента полиции был Белецкий, было очень трудно заняться этим вопросом, но со вступлением в должность Брюн де Сент-Ипполита я надеялся одолеть этот вопрос и найти ему выход. И опять война помешала осуществить мне это намерение.

8 марта я выехал в Ревель по просьбе губернатора Коростовца, у которого не налаживались отношения с вновь назначенным комендантом крепости и начальником гарнизона и встречались недоразумения при проведении в жизнь новых правил взаимоотношений между комендантом крепости и губернатором. 9 числа я уже был обратно, выяснив на месте причины всех недоразумений и путем взаимных уступок урегулировав пункты правил, вызывавшие недоразумения.

12 марта я выехал в Крым для организации охраны на Южном берегу по случаю ожидаемого приезда туда Государя в конце марта месяца. По дороге я останавливался в Твери, Харькове, Лихачеве и Мелитополе, так что в Севастополь приехал только 15-го к вечеру. В Крыму я пробыл всего три дня и к 20 числу вернулся уже обратно в Петербург. На Южном берегу я вместе с генералом Думбадзе объехал все места, знакомясь с организацией охраны по плану, намеченному еще в прошлом году, и проверяя работу по регистрации населения, установленную согласно новой утвержденной мной инструкции, которая помещена мною в начале моих воспоминаний за этот год.

В день моего возвращения в Петербург, 20 марта, в Смольном институте состоялся концерт в высочайшем присутствии по случаю исполняющегося в мае месяце 150-летия со дня основания института. На концерте присутствовали Государь, обе императрицы и вся царская семья. Был и наследный принц румынский Фердинанд с супругой принцессой Марией и с сыном принцем Карлом, говорили, что принц Карл приехал просить руки великой княжны Ольги Николаевны, и действительно, во время концерта он не отходил от нее. Производил он впечатление весьма жалкое, был весьма неинтересен, между тем великая княжна была прямо очаровательна, и смотря на них, всем только и приходило в голову — неужели она пойдет за него? Сватовство это ничем и не кончилось, он не понравился великой княжне.

В концерте принимали участие исключительно воспитанницы института, играли, конечно, как это бывало всегда на институтских концертах, на нескольких роялях сразу в 8-12 рук, пели, декламировали и, в конце концов, танцевали менуэт и другие характерные танцы. Было красиво, изящно, молодо. После концерта их величества обходили смолянок, как бывших, так и настоящих воспитанниц, беседовали со многими, осматривали рукоделия и работы воспитанниц. После этого всем приглашенным был предложен чай, который разносили сами воспитанницы. Затем состоялось посещение лазарета, обход больных, по окончании которого Государь и императрицы в сопровождении прочих членов императорского дома и румынской четы прошли в столовую, где воспитанницы пропели молитву и затем заняли свои места за столами. Тогда А. Г. Булыгин — главноуправляющий учреждениями императрицы Марии — провозгласил здравицу их величествам, покрытую громким «ура» воспитанниц и всех присутствовавших. Государь ответил здравицей за дальнейшее процветание института. Только в 6 часу вечера Государь отбыл из института, провожаемый восторженными кликами смолянок.

22 марта на Дворцовой площади состоялся высочайший смотр молодым солдатам. Государь и вся Свита и начальство были верхом. Я впервые был верхом в жандармской форме с высоким кивером на голове. После парада Государь посетил Музей Александра III.

Еще в феврале месяце Думой предъявлен был запрос Председателю Совета Министров и министру внутренних дел по поводу запрещения чествования памяти Шевченко в день его юбилея 25 февраля. Запрос гласил: «Действительно ли министр внутренних дел, с явным превышением своей власти, а) сделал распоряжение о приостановлении исполнения постановлений городских дум многих городов о чествовании памяти Шевченко, б) запретил всякие общественные собрания в связи с юбилеем, для запрещения которого нет оснований в действующем законе о собраниях 4 марта 1906 г.».

Так как все распоряжения относительно чествования памяти Шевченко были сделаны мною, то я дал ответ на запрос Думы. Ответ мой состоял в следующем: «20 февраля 1914 г., за 5 дней до юбилея, я разослал циркулярную депешу генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам за № 175: «Ввиду поступающих ко мне запросов по поводу чествований памяти Шевченко, сообщаю для сведения, что к разрешению чествований вообще препятствий не встречается, но при условии допущения их в закрытых помещениях с соблюдением правил о собраниях 4 марта 1906 г. Никакие демонстрации, уличные выступления и сборища допущены быть не могут. За министра товарищ министра Джунковский».

Кроме этого общего распоряжения, по запросам губернских властей, последовавшим до рассылки этой телеграммы, были даны нижеследующие указания: По поводу представленного оренбургским военным губернатором ходатайства Оренбургской городской думы о наименовании переулка, где жил поэт Шевченко, его именем и о помещении на доме медной доски с соответствующей надписью Департамент полиции сообщил Главному управлению по делам местного хозяйства для соответствующих распоряжений, что министр выразил свое согласие на наименование в Оренбурге улицы именем малороссийского поэта Шевченко. По запросу военного губернатора Приморской области относительно ходатайства об устройстве во Владивостоке вечеринок, постановке юбилейных спектаклей, производства денежных сборов и т. п. на сооружение памятника Шевченко Департамент полиции сообщил телеграммою: «К постановке спектаклей юбилею Шевченко препятствий не встречается». На запросы ростовского-на-Дону градоначальника по тому же вопросу Департамент полиции, по моему приказанию, сообщил градоначальнику, что при разрешении местным организациям и общественным кружкам ходатайств об устройстве чествования памяти Шевченко надлежит руководствоваться общими соображениями, применяемыми им, градоначальником, при разрешении других подобного рода ходатайств.

В первых числах февраля месяца в Государственную Думу внесено было заявление о запросе Председателю Совета Министров и министру внутренних дел по поводу запрещения чествовать память Шевченко в Киеве, Харькове и Николаеве. Ввиду сего я теле-

граммами от 9 февраля просил киевского генерал-губернатора, харьковского губернатора и николаевского градоначальника сообщить, какие ими сделаны были распоряжения по этому предмету. В ответной телеграмме от 10 февраля николаевский градоначальник уведомил, что ходатайств о чествовании памяти Шевченко не поступало; из телеграммы харьковского губернатора того же 10 февраля видно, что 4 февраля по ошибке непременного члена губернского присутствия в городскую управу действительно было послано предложение приостановить постановление Думы о передаче в комиссию для обсуждения ходатайства группы жителей об устройстве чествования. Узнав об этом на другой день из газет, губернатор 6 февраля взял протест обратно; никаких других распоряжений по этому делу не было.

От киевского, подольского и волынского генерал-губернатора на мое имя поступила 9 февраля телеграмма следующего содержания: «На номер III уведомляю Ваше превосходительство, что комитет по сооружению памятника Киеве Шевченко не испрашивал моего разрешения на чествование и закладку памятника; осведомившись предполагаемых торжествах 26 февраля, я пятого февраля сообщил губернаторам края, что по соглашению министерством надлежит приостановиться разрешением каких-либо чествований памяти Шевченко, носящих публично общественный характер. Кроме сего, киевскому губернатору сообщено для поставления в известность городского головы, что закладка памятника не может быть допущена впредь до утверждения министерством выкопировки из плана части города Киева, где предположена постройка памятника и представления проекта самого памятника. Своей стороны признаю совершенно недопустимым чествование Шевченко в пределах Западного края, благомыслящая, национально настроенная часть населения коего встревожена возможностью допущения торжеств; вожди незначительной украинофильской партии, стремящиеся распространить идеи сепаратизма среди малороссов и создать мазепинское движение, усиленно агитируют в пользу торжеств. 578. Генерал-губернатор Трепов».

Вслед за тем, по получении вышеприведенной циркулярной телеграммы за № 145, киевский генерал-губернатор прислал на мое имя телеграмму от 21 февраля следующего содержания: «Ваше превосходительство шифрованной телеграммой № 145 уведомили меня касательно допущения чествования поэта Шевченко. Считаю своим долгом сообщить, что вновь возродившееся «Свято-Владимирское братство», «Русское собрание», «Педагогическое общество имени Ушинского», Киевское отделение «Всероссийского национального союза»[4] телеграммами от 19-го и 20-го сего февраля обратились к министру внутренних дел, обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой недопущения чествования Шевченко, подробно мотивируя недопустимость публичных государственных

празднований Шевченко с точки зрения русских государственных интересов. Полученное распоряжение Вашего превосходительства стоит в полном противоречии с настроением благомыслящей, национально-правой части населения Юго-Западного края и внесет сильное смущение в их сердца. Предваряя приведение в исполнение распоряжение Вашего превосходительства, считаю долгом об изложенном довести до Вашего сведения, прося об окончательном решении министерства мне телеграфировать. № 2093. Генерал-губернатор Трепов».

В ответ на это я послал 22 февраля нижеследующую телеграмму. «Моя депеша № 145 вызвана постановлением Совета Министров. Ввиду столь категорического заявления Вашего превосходительства депеша Ваша № 2093 будет подвергнута особому обсуждению, о результатах коего Вам будет немедленно сообщено. Джунковский». Затем в тот же день вечером я сообщил по телеграфу генералу Трепову следующее: «По обсуждении телеграммы Вашего высокопревосходительства № 2093, признаю возможным, дабы не отменять сделанное уже Вами циркулярное распоряжение на имя губернаторов, оставить его в силе. Джунковский».

Из вышеприведенного видно, что приписываемые в запросе министру внутренних дел распоряжения в действительности не имели места. В циркулярной депеше за № 145, сообщая о неимении препятствий к разрешению чествований памяти Шевченко с соблюдением правил 4 марта 1906 г., министр признавал недопустимым лишь демонстрации, уличные выступления и сборища. Что же касается всяких других чествований, не носящих демонстративного уличного характера, то, как видно из вышеприведенных данных и газетных сведений, они устраивались беспрепятственно. Так, в газете «Речь» от 14 февраля сообщено было из Киева, «что губернатор нашел возможным разрешить устройство ряда шевченковских вечеров. По слухам, будут также допущены панихиды в церквах и костелах. Недопустимым считается только организация широких чествований с вынесением торжеств на улицу». В «Русском слове» от того же 14 февраля было напечатано, что в Киеве, по заявлению администрации, «литературные вечера, посвященные памяти Шевченко, будут разрешены беспрепятственно».

В Москве, Костроме и других городах, как видно из газетных сведений, тоже были устроены торжественные собрания в память Шевченко. Что касается уличных выступлений, то помимо недопустимости их вообще в интересах охранения общественного порядка и спокойствия, воспрещение их, в данном случае, представлялось тем более необходимым, что, по сведениям, проникшим и в печать, в кружках мазепинцев-сепаратистов несомненно делались приготовления использовать дни юбилейных торжеств для агитационных и демонстративных целей, как это, между прочим, подтверждается

заметкой в газете «Новое время» от 21 февраля, в которой сообщается, что «в украинских кружках идут большие приготовления к юбилею Шевченко. 25 и 26 февраля устраиваются торжественные собрания во всех украинских организациях, готовятся уличные шествия, для которых заготовлены в большом количестве двухцветные желто-голубые ленты, эмблема будущего украинского государства». С другой стороны, приготовления украинцев к подобного рода выступлениям вызывали враждебное настроение и противодействие среди других общественных организаций, что в результате могло вызвать серьезные уличные беспорядки и волнения. Разыгравшиеся на улицах г. Киева 25 и 26 февраля сцены могут служить указанием на то, до каких размеров могли бы дойти беспорядки и столкновения между враждебно настроенными группами, если бы местной администрацией не были приняты меры к прекращению демонстраций и рассеянию уличных сборищ. Этот мой ответ вполне удовлетворил Думу, запрос был исчерпан.

В марте месяце было высочайше одобрено новое положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам. Это положение составлено было на совершенно новых основаниях, составлено оно было штабом вверенного мне Корпуса по моим указаниям и по соглашению с дворцовым комендантом. Я уже говорил в моих воспоминаниях 1913 г. о неудовлетворительности бывшего положения об охране на железных дорогах и о тех изменениях, которые мною были впервые введены при последнем высочайшем путешествии в Крым. Вот эти самые изменения и были введены в новое положение. Дабы не было возражений со стороны дворцового коменданта, роль его не только не была умалена, а напротив, во всем положении она особенно подчеркивалась, он, как дворцовый комендант, являлся главным начальником охраны, но всякая ответственность за все по пути следования по линии железных дорог вне императорского поезда лежала исключительно на командире Корпуса жандармов, которому непосредственно подчинялась вся охрана линии железных дорог и которую он и устанавливал по своему усмотрению. Распоряжения его по охране исполнялись всеми лицами, до которых это касалось, беспрекословно. Никто при этом в его распоряжения вмешиваться не мог, он же, со своей стороны, обязан был представлять дворцовому коменданту схему охраны и держать его в курсе всех своих распоряжений.

С другой стороны, дворцовый комендант все свои распоряжения по части наружной охраны мог осуществлять только через командира Корпуса. Согласно положения этот последний осуществлял охрану линии железных дорог или своими средствами, т. е. чинами Корпуса жандармов и полиции, или же в помощь им мог требовать отряды войск, которые всецело поступали в распоряжение начальников жандармских полицейских управлений железных дорог или отделений. Таким образом, новое положение вводило в дело охраны цельность. Воейков, надо отдать ему справедливость, всецело пошел

навстречу моему проекту и Представил его 7 марта на одобрение Государя, после чего он и был введен в действие. [...]

Первое время я пользовался войсками в помощь вверенным мне чинам Корпуса жандармов, но затем перешел на охрану собственными средствами, усиливая состав жандармских унтер-офицеров за счет других управлений и отделений. К концу 1914 г. это было уже вполне налажено, все наряды по всем железным дорогам были разработаны заранее, и в случае высочайшего путешествия, охрана устанавливалась автоматически.

25 марта в высочайшем присутствии в манеже Лейб-гвардии Конного полка состоялся парад этому полку по случаю полкового праздника. Было как всегда удивительно красиво, элегантно, парад прошел блестяще.

В тот же вечер я выехал в Крым, так как на другой день был назначен высочайший отъезд в Ливадию, и мне необходимо было проверить всю охрану железнодорожного пути. 27-го утром я приехал в Севастополь, погода была дивная, все в цвету, красота удивительная. Севастополь был уже весь в праздничном наряде в ожидании их величеств. В 6 часов 30 минут вечера императорский поезд подошел к Царской пристани, на которой уже находились все начальствующие лица и морской министр Григорович. Почетный караул был выставлен от 5-го пехотного Белостокского полка. Государь пропустил его церемониальным маршем, затем принял хлеб-соль от городского головы, обошел всех встречавших, императрица — городских дам. С Царской пристани на гребном катере Государь с семьей отбыл на «Штандарт». Все берега были заполнены народом, приветствовавшим Государя громкими криками «ура». В 9 часов вечера город осветился миллионами электрических огней, картина была прямо фееричная. Толпы народа наполняли улицы, главным образом набережные. Порядок был образцовый.

30 марта состоялся смотр молодым матросам флотских экипажей в числе 4000. Матросы прошли церемониальным маршем, затем Государь смотрел ротное учение и гимнастику. Все было проделано блестяще, Государь очень остался доволен, благодарил офицеров и командиров, матросам заповедал служить Родине и Престолу честно и верно по присяге и во всех случаях при всех обстоятельствах показать себя верными и послушными русскими моряками, достойными своих славных предков. По окончании смотра Государь посетил эскадренный броненосец «Беспокойный», после чего на яхте «Штандарт» состоялся завтрак, на который были приглашены начальствующие лица.

В 3 часа дня состоялся смотр молодым солдатам пехоты Севастопольского гарнизона. На правом фланге стояли командующий войсками генерал Никитин, командир корпуса генерал Экк и начальник дивизии генерал Вебель. Вечером в 8 часов — обед на яхте «Штандарт», приглашены были военные начальствующие лица. Я удосто-

ился приглашения и на завтрак, и на обед. После обеда на палубе Государь и императрица обходили приглашенных, беседуя со многими, воздух был изумительный, было тепло как летом.

29 марта в высочайшем присутствии произведена была закладка сухого дока на северном берегу Северного рейда. Государь прибыл к месту закладки с великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами ровно в 11 часов. Приняв почетный караул от Севастопольского флотского экипажа и пропустив его церемониальным маршем, Государь проследовал в сооруженный павильон, где обозревал чертежи и знакомился с ходом работ. Затем началось богослужение и состоялась самая закладка. Несколько сот рабочих стояли вокруг, и когда Государь отъезжал, могучее восторженное «ура» огласило воздух. Все присутствовавшие при закладке были приглашены к завтраку на яхте «Штандарт». Вечером, по случаю вербной субботы, на яхте была отслужена торжественная всенощная. Я был за службой в небольшой церкви близ вокзала, так как жил на этот раз не в гостинице «Киста», а в своем вагоне, который стоял на запасном пути у вокзала, рядом с моим вагоном стоял вагон великого князя Александра Михайловича, который также жил в нем. Первый раз мне пришлось быть у всенощной в этот день на юге, где нет наших характерных верб, к которым мы привыкли. Все стояли с ветками от масличных деревьев, уже покрытых листьями. Такие же и освящали.

На другой день яхта «Штандарт» снялась и в сопровождении крейсера «Кагул», яхты «Алмаз» и 4 миноносцев взяла направление на Ялту. Погода была очень теплая, море совершенно гладкое, солнце даже припекало. Громадные толпы народа, усеявшие все берега, провожали царскую семью громкими криками «ура», пока яхта не скрылась из виду.

Я отправился в Ялту на автомобиле, приехав туда за полчаса до прихода «Штандарта». Почетный караул от 80-го пехотного Кабардинского полка был выстроен на молу. Тут же встречали Государя великий князь Константин Константинович, великая княгиня Елизавета Маврикиевна и великий князь Дмитрий Константинович, проживавшие на Южном берегу. Затем стояли все начальствующие лица во главе с генералом Думбадзе. Под звуки гимна и клики «ура» Государь, императрица и августейшие дети сели в экипажи и отбыли в Ливадию по красиво убранному пути. У дворца в Ливадии Государь принял почетный караул от 16-го стрелкового императора Александра III полка, тут же находились генерал-адъютант князь Кочубей — начальник уделов, Качалов — управлявший Массандрой, и полковник Янов — управлявший Ливадией. На другой день наступила Страстная седьмица, Государь и царская семья начали говеть, и потому жизнь в Ливадии проходила тихо, в семейном кругу, их величества никуда не выезжали всю неделю.

Я остановился в Кореизе по любезному приглашению Юсуповых, предоставивших мне чудное помещение в верхней своей вилле,

выходившей на шоссе. Они сами еще оставались в Петербурге и должны были приехать позже, так что я жил в Кореизе один с моим дорогим постоянным спутником, со своим секретарем Сенько-Поповским. В Кореизе было чудно, все утопало в цветах, комнаты мои наполнены были розами, солнце грело как у нас летом. К сожалению, я не мог долго наслаждаться всей этой окружавшей меня и чарующей обстановкой, благодаря гостеприимству моих друзей Юсуповых; надо было торопиться обратно в Петербург, где меня ждали текущие дела. Пришлось определить день своего отъезда из Симферополя на 2 апреля и успеть до этого съездить и в Алушту, и в Гурзуф проверить деятельность регистрационного бюро. При этих моих поездках я натолкнулся на совершенно незаконно практиковавшееся переодевание жандармских унтер-офицеров в форму околоточных надзирателей. По этому поводу я отдал следующий приказ от 31 марта за № 114: «В одном из губернских жандармских управлений для установки лиц, вошедших в сферу наружного наблюдения, до сего времени употребляется жандармский унтер-офицер, переодетый в форму околоточного надзирателя. Начальник управления объясняет установление такого порядка тем, что наружная полиция, при обращении к ней требования об установлении личностей, исполняет таковые не немедленно, а очередным порядком, и зачастую, при требовании домовых книг для указанной цели от домовладельцев объявляет им, что выполняет поручение жандармских властей.

Не соглашаясь совершенно с убедительностью приведенных доводов и находя, что в данном вопросе всегда можно прийти к соглашению с местным начальником полиции и выработать нормальный порядок установления личностей, я воспрещаю переодевание жандармских унтер-офицеров в неприсвоенную им форменную одежду, так как такое переодевание граничит с деянием, караемым законом, и совершенно несовместимо с воинской дисциплиной, лежащей в основе организации Отдельного корпуса жандармов. Я признал возможным допустить временно некоторые льготы лишь в вопросах дальнейшего ношения статского платья нижними чинами, несущими филерские обязанности, но в вопросе о переодевании унтер-офицеров в форменную одежду, им не присвоенную, никаких льгот не может быть. Прошу это помнить и, если в каком-либо жандармском управлении практикуется до настоящего времени что-либо подобное, предлагаю немедленно это прекратить».

2 апреля, утром, я простился с чудным, чисто райским уголком Крыма — Кореизом и на автомобиле чрез Ай-Петри, Кокоз проехал в Симферополь по дивной своей красотой и величием дороге. Пообедав у губернатора Лавриновского, я прямым поездом выехал в Петербург. Страстной четверг пришлось провести в дороге. Вечером мы устроили в вагоне на ходу поезда чтение 12 Евангелий между Курском и Орлом. Купив в Курске на станции свечи,

я пригласил к себе в вагон кондукторов и свободную от службы поездную прислугу и прочел 12 Евангелий. Все стояли с зажженными свечами. Утром в Страстную пятницу я был в Петербурге и мог встретить Пасху со своими близкими.

В пасхальную ночь я был со своими в шефской церкви — так называлась церковь при доме министра. Церковь эта находилась в ведении штаба Корпуса, начальник штаба был ее ктитором [5], она соединялась с квартирой министра непосредственно, а также и с Департаментом полиции, от которого отделялась только площадкой лестницы. В церкви у заутрени было много народа, офицеров Корпуса жандармов и чинов Департамента полиции. После заутрени я со всеми ими христосовался. По окончании же обедни мы прошли прямо из церкви к Маклаковым, которые пригласили нас к разговенью. Кроме близких им родственников, никого не было, Маклаковы были очень радушными и гостеприимными хозяевами, было уютно и симпатично. Жена Маклакова Мария Леонидовна была на редкость милая и любезная хозяйка, простая, добрая, чрезвычайно искренняя; думая о ней, я всегда вспоминаю ее с дорогим чувством глубокого уважения и с сердечной признательностью за все то доброе исключительное отношение, которое она всегда проявляла ко мне.

Первые три дня Пасхи прошли в христосовании с офицерами и нижними чинами Корпуса жандармов, чинами Департамента полиции, штаба и др., кроме того, визиты отняли у меня также много времени, только на четвертый день я мог серьезно приняться за дела.

В первых числах апреля я получил тревожное известие, глубоко меня опечалившее. В. Г. Сапожников, председатель совета Императорской практической академии коммерческих наук, юбилей которого так недавно справляли, тяжко заболел. Его постиг удар, вся левая сторона и язык оказались парализованными. В его годы трудно было поправиться, и я считал это огромной потерей для академии, помимо того, что я глубоко его сожалел как человека, жаль было страшно и его почтенную семью.

Законопроект об учреждении на Южном берегу Крыма особого Ялтинского градоначальства был составлен при Департаменте общих дел согласно моим указаниям и соглашению с главноначальствующим г. Ялты и дворцовым комендантом и передан в Думу. 4 марта постановлением Государственной Думы он был передан в комиссию, коей рассмотрен в заседании 10 марта в моем присутствии.

Министерство внутренних дел, представляя законопроект в Думу, мотивировало необходимость учреждения особого Ялтинского градоначальства следующим образом: «Особое географическое и этнографическое положение г. Ялты на Южном берегу Крыма, многочисленность разбросанных среди гор поселений, служащих местом

пребывания в течение значительной части года сотни тысяч населения, инородческий элемент коренного местного населения, а также, главным образом, ежегодное посещение Крыма императорской фамилией издавна придавали г. Ялте и его окрестностям особенное значение и озабочивали правительство установлением в этом городе и прилегающем к нему районе надлежащего управления и надзора. Организация такого надзора, сводившаяся вначале к командированию в Ялту на время пребывания императорской фамилии из ближайших городов Таврической губернии добавочного полицейского состава, в 1880 г. была признана недостаточной, и являлась необходимость, для должного охранения порядка и спокойствия в месте пребывания Государя императора, пополнить штат ялтинской городской и уездной полиции учреждением ряда новых должностей и командировать сюда особое лицо со специальными полномочиями по охране. Однако эта мера, ввиду отсутствия исчерпывающих законных полномочий, предоставленных сему лицу, и, главным образом, временного ее характера, являлась несоответствующей цели, ввиду чего тогда же было признано, что поддержание установленного в районе г. Ялты порядка возможно лишь при наличности постоянного и надлежаще организованного надзора. Эти соображения, а равно то обстоятельство, что исключительное наблюдение за Ялтой и ее окрестными поселениями представлялось затруднительным для таврического губернатора, в управлении которого, кроме Ялтинского, находилось еще 6 уездов и городские поселения, привели к заключению о необходимости дать Ялте более прочную и более соответствующую административную организацию. Последняя должна была бы вполне обеспечивать как внешний, так и внутренний порядок и примиряла бы интересы службы с интересами значительного по численности и по положению населения, временно проживающего на Южном берегу Крыма.

В стремлении осуществить поставленную задачу Министерство внутренних дел предполагало сосредоточить всю распорядительную часть и непосредственное заведование полицией в Ялтинском районе в руках одного лица. Таким лицом, по мнению министерства, должен был бы явиться градоначальник, наделенный всей полнотой губернаторской власти. В соответствии с сим еще в 1880 г. правительством был возбужден вопрос о необходимости образования особого Ялтинского градоначальства, в состав которого предполагалось включить весь Ялтинский уезд, представляющий определенную единицу административного деления губернии и заключающий в себе территорию в постоянных и точно очерченных границах. Государственный Совет, ввиду недостаточной выясненности в то время вопроса о взаимоотношениях общей губернской власти и градоначальника в части, касающейся управления земским и городским общественными хозяйствами, крестьянским делом и другими частями административного управления, находящегося в ведении тавричес-

ких губернских установлений, при рассмотрении вопроса об образовании градоначальства не признал достаточных оснований к его учреждению, ассигновав лишь особый кредит на устройство на Южном берегу Крыма высшего полицейского надзора. В дальнейшем, а именно в 1901 г., уже таврическим губернатором был возбужден вопрос об образовании на Южном берегу Крыма градоначальства, с выделением его в самостоятельную земскую единицу, упразднением Ялтинского уезда и подчинением его, на общих для всех губернаторов основаниях, градоначальнику. В 1908 г. вопрос этот вновь ставился на обсуждение местными властями, но не получил дальнейшего движения по тем же причинам, которые служили препятствием для учреждения градоначальства в прежнее время. Все вышеприведенные неоднократные попытки выделения г. Ялты и его района в самостоятельную административную единицу наглядно указывают, что действующее в г. Ялте устройство управления не соответствует условиям жизни этого города и прилегающей к нему местности.

Между тем за ряд последних лет Южный берег Крыма ежегодно в течение многих месяцев служит местопребыванием августейшей семьи в Ливадии. Помимо императорских имений Ливадия и Ореанда, в пределах Ялтинского уезда находятся имения великих князей: Александра Михайловича — Ай-Тодор, Георгия Михайловича — Харакс, Николая Николаевича — Чаир, Петра Николаевича — Дюльбер и Дмитрия Константиновича — Кичкине, которые являются обычным местом отдыха их императорских высочеств. Благоприятные климатические условия Южного берега и красота местной природы ежегодно привлекают сюда самые разнообразные слои населения, в том числе туристов и экскурсантов со всех концов империи и даже Европы. На курортах Ялтинского уезда пребывает ежегодно до 180 тысяч приезжих, проживающих в уезде более или менее продолжительное время. Кроме того, начиная с ранней весны и кончая глубокой осенью, по дорогам уезда всегда наблюдается передвижение экскурсантов, туристов и любителей видов природы. Эта последняя категория не регистрируется чинами полиции и потому не принимается в расчет и при учете числа приезжих на Южный берег Крыма.

Такие исключительные условия г. Ялты с прилегающими к нему местностями указывают, что нынешнее устройство административного управления данным районом, состоящим в ведении, на общем основании, уездного исправника, не может почитаться правильным и что необходимо создать более авторитетную власть, которая была бы облечена надлежащими полномочиями для самостоятельного управления означенным районом и не находилась бы в зависимости от местного губернского начальства, не имеющего возможности уделять все свое время и внимание Южному берегу Крыма. Вследствие сего вновь возникает вопрос о необходимости выделения из

состава Ялтинского уезда г. Ялты и той части уезда, которая входит в район между городами Алуштой на восток, имением Форос на запад, гребнем хребта Яйлы на север и берегом моря на юг, и образования из этих местностей особого градоначальства. Территория градоначальства, в целях надлежащей постановки полицейской охраны, несомненно должна обнимать весь район пребывания и наибольшего посещения Государем императором и высочайшими особами, а также расположенные на Южном берегу Крыма имения членов императорской фамилии. С той же целью градоначальнику должны быть подчинены всецело в полицейском отношении все дачные поселения и отдельные частные владения, разбросанные на берегу Крыма, как однородные по составу, интересам и образу жизни его населения, обычно не прикрепленного к данному пункту местопребывания, а находящегося в постоянном передвижении из курорта в курорт. Эта же подвижность населения, разнообразные и случайные его элементы, среди которых наблюдается значительная масса жаждущих легкой наживы и вообще [разных] лиц, настойчиво указывает на необходимость сосредоточения на всем пространстве от Байдарских ворот до г. Алушты, представляющем из себя естественную географическую единицу, окаймленную с севера хребтом Яйлы, полицейской власти в одном лице, вполне авторитетном и наделенном соответствующими полномочиями и средствами. При этом означенному лицу предполагалось подчинить входящие в состав Ялтинского градоначальства г. Ялту и Алушту в административно-полицейском отношении, весь же остальной район — лишь в полицейском. При этом условии в отношении городов за губернатором остался бы лишь надзор за деятельностью уездного земства на территории городов, в остальном же районе градоначальства губернатор по-прежнему оставался бы полным хозяином, за исключением полицейской власти, которая бы перешла к градоначальнику. В соответствии с этим и самый состав градоначальства мог бы быть образован в малых размерах, применительно к составу Керчь-Еникальского градоначальства. Что же касается окладов содержания, то, принимая во внимание исключительную дороговизну жизни в Ялте и особое значение проектируемого градоначальства, министерство полагало бы справедливым присвоить их в размере, установленном законом 21 декабря 1913 г. для чинов Ростовского-на-Дону градоначальства».

Комиссия Государственной Думы под председательством члена Думы Н. И. Антонова отнеслась весьма доброжелательно к представленному законопроекту, не возражая по существу, признав его приемлемым и внеся только самые ничтожные изменения в текст закона, на которые я не возражал. 19 апреля законопроект, переданный из вышеуказанной комиссии по направлению законодательных предположений в бюджетную, был рассмотрен этой последней в присутствии моем и представителя Департамента общих дел.

Бюджетная комиссия под председательством члена Думы В. Ржевского также весьма доброжелательно отнеслась к законопроекту, исключив из штата только должность младшего врача и сократив расход на 2000 руб. на приобретение мотоциклеток.

Член Думы Марков 2-й, по своему обыкновению, не мог и на этот раз обойтись без излюбленной темы и предложил внести в законопроект запрещение евреям жительства в г. Алуште, где им было предоставлено это право. Представитель Департамента общих дел, которого это касалось, ответил как-то уклончиво, тогда я заявил, что включение Алушты в район градоначальства — это один вопрос, а запрещение жительства — другой, не имеющий ничего общего с законопроектом о градоначальстве, и что этот вопрос имеет быть возбужден членом Думы Марковым 2-м самостоятельно, но не в бюджетной комиссии, а общим порядком. При этом я заявил, что Алушта находится в одном положении с г. Балаклавой, в районе Севастопольского градоначальства, где евреи тоже пользуются правом жительства.

В июне законопроект окончательно прошел в Думе в общем собрании. Я присутствовал, но так как никаких возражений не было даже со стороны левых групп, то мне даже не пришлось выступить в его защиту. Я был крайне удовлетворен таким блестящим результатом моих трудов по проведению этого законопроекта. Мне хотелось еще обставить градоначальство соответствующим штатом, чтобы Думбадзе, который был преднамечен градоначальником, был сразу окружен дельными, а главное честными и порядочными людьми, которые не скомпрометировали бы молодое градоначальство, а возбудили бы в населении доверие и уважение к новым органам власти. Ввиду хороших окладов и условий службы удалось подобрать подходящих людей. Думбадзе всецело положился на меня. В правители канцелярии я рекомендовал ему Шуберта, бывшего секретарем при московском градоначальнике. К сожалению, он не оправдал моего доверия. Вначале он держался очень хорошо, отлично организовал канцелярию, был аккуратным, хорошим работником, но он оказался слишком молод для такой ответственной и руководящей роли и уже в следующем году стал проявлять отрицательные свойства, не совместимые с занимаемой им должностью. Пришлось Думбадзе с ним расстаться. Другие же все рекомендованные мною чины, к счастью, вполне оправдали оказанное им доверие, и я должен сказать, что состав градоначальства был на должной высоте.

Я был обеспокоен несколько за Думбадзе, не зная, как он сможет совладать со своим нравом, не всегда укладывавшимся в рамки закона, когда он станет градоначальником. То, что можно было главноначальствующему, то не всегда можно было градоначальнику. Отсылая к нему Шуберта, я написал ему длинное письмо, в котором, пользуясь его добрым расположением, подробно ос-

тановился на обязанностях градоначальника вообще, изложив ему при этом свою точку зрения. В ответ на это письмо я получил от И. А. Думбадзе следующее письмо, которое привожу целиком, так как все привыкли думать о Думбадзе как о человеке совершенно неуравновешенном и взбалмошном, между тем его вовсе таким считать нельзя было.

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Федорович, с переданным лично Н. А. Шубертом Вашим письмом познакомился основательно, ибо прочел его несколько раз и уразумел все, что в нем изложено. Позвольте за все Вас сердечно благодарить и особенно за будущего правителя канцелярии, который мне показался в высшей степени симпатичным, знающим дело и содержательным. Одним словом, выбор Ваш чудесный, и потому я в большом восторге. Так же точно меня радует и все остальное, но не знаю, как быть и что делать с Довгелло, которого Вы рекомендуете в помощники полицеймейстера. Ведь Вы тут уже наметили помощниками Аггеева и Бузе. Об этом им стало известно тогда же, и уже появилось сведение в печати. Быть может, Вы посоветовали бы Лавриновскому (таврический губернатор) взять к себе Аггеева на должность помощника исправника, которую он ныне занимает, тогда я с удовольствием взял бы к себе Довгелло. Точно так же пристав Бузе уже считает себя на новой должности, и старики Богдановичи, которые его очень любят, высказали мне и Вам большую благодарность. Уверен, что он по наружной части будет весьма пригоден. Все остальное Вам уже известно, и я никаких перемен в Вашем распорядке не сделал. Шуберт обо всем Вам доложит подробно, и я, в свою очередь, горячо Вас прошу не оставлять своим просвещенным вниманием молодое учреждение, так заботливо создаваемое Вами. Мне кажется, в Думе еще не все кончено, а там предстоит Государственный Совет. Надо торопиться окончанием дела в этих учреждениях, а там еще высочайшее повеление о градоначальстве и градоначальнике. Времени осталось немного, и с этими формальностями следует спешить. Впрочем, Вам все это лучше меня ведомо, следовательно, нечего мне беспокоиться. Шуберт меня порадовал, что он почти знаком со всеми чинами, которые Вами избраны, а равно он надеется достать в Москве опытных городовых до 100 человек. Все это, в связи с отличным подбором приставов, дает мне большую надежду на хорошее будущее. Есть у меня на сердце маленькая, так сказать, нотка удивления, что г. Яковлев без высшего образования, но что же делать. По всей вероятности, он достоин — раз Вы его избрали. С зданием под градоначальство пока у нас большие разговоры, и до сих пор не знаю, отдадут ли нам за 17 тысяч то помещение, которое и Вы знаете. В нем мы бы разместились отлично и нашли бы там большие удобства для служащих. Шуберту этот дом понравился, и он не теряет надежды отвоевать. Тем не менее будем искать и другое, так как хозяева этого здания требуют 18 тысяч при

условии долгосрочного контракта. Так или иначе вопрос о помещении считаю второстепенным; важнее всего, чтобы штат служащих был бы подобран как можно наилучший. Во мне глубокая вера, что из-под Ваших рук все должно быть одно хорошее. Насколько можно судить из слов Шуберта, слава Богу, подбор отличный. Надеюсь, Вы будете снисходительны к моей просьбе теперь и в будущем, пока Ваше детище не окрепнет и не станет на ноги. Кажется, я с Шубертом обо всем переговорил, и он Вам подробно доложит о наших нуждах.

Между нами будет по секрету сказано, — не лучше ли Аггеева оставить помощником исправника, а вместо него дать помощника полицеймейстера Довгелло. Мне ужасно нравится фамилия, или, иначе говоря, она слишком мне дорога по воспоминаниям с детства. Я начал службу у командира роты Михаила Ивановича Довгелло, который мне и моему брату заменил тогда, в полном смысле, отца. Он тоже был из Черниговской губернии, очень может быть родным Вашему протеже. Бедного Михаила Ивановича мы хоронили в Сухуме в 70-х годах. Если Вы найдете возможным сделать такую комбинацию, то я буду весьма рад. Вам стоит черкнуть два слова Лавриновскому * — оставить у себя Аггеева помощником исправника. Не откажите сделать распоряжение относительно адресного стола и полицейского помещения, передать их теперь же в градоначальство. Самое главное и важнее всего, чтобы лица, намеченные в штат градоначальства, прибыли сюда хотя немного ранее 1 июля. Вы сами хорошо знаете, что осталось мало времени, и натаскать их нужно, чтобы ознакомить со своими районами и особыми условиями службы.

Простите, что пишу на таких листках почтовой бумаги, пока у меня нет других под рукой. Есть подарок Леонида Александровича **, но не имею права им пользоваться.

Еще раз сердечно благодарю за Ваш громадный и плодотворный труд для нового градоначальства. Кланяюсь и шлю Вам самые лучшие пожелания. Жена моя очень Вас благодарит за память и, в свою очередь, приветствует. Всем сердцем и душой преданный Ваш слуга Иван Думбадзе. 9 июня. Ливадия».

1 июля Ялтинское градоначальство было открыто, градоначальником назначен был Думбадзе, вступивший в этот день в новую свою должность. На посланную мною приветственную депешу я получил от него следующую в ответ: «От души благодарю Ваше Превосходительство за Ваше внимание ко мне в день моего вступления в должность ялтинского градоначальника и сердечно сожалею, что нам не удалось помолиться вместе с Вами сегодня, в первый день

---

* Таврический губернатор в то время. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

** Сенько-Поповский — бывший мой личный секретарь в то время. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

градоначальства, на которое Вами положено так много труда и забот. Я и чины градоначальства просим Ваше Превосходительство принять наше поздравление с окончанием предпринятой Вами работы. Дай Бог Вам много сил и здоровья на Вашем трудном, но славном и честном пути служения Государю и Родине. Свиты его величества генерал-майор Думбадзе».

22 апреля в Государственной Думе состоялось первое выступление Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина, ознаменовавшееся огромным скандалом. В Думу съехались все министры, чтобы присутствовать при выступлении их Председателя Совета. Я в Думу не поехал, но был вызван туда министром, когда скандал уже разразился и объявлен был перерыв. Когда я вошел в павильон министров, то все сидели за завтраком, некоторые из министров были взволнованы, другие спокойны, третьи настроены юмористически. Сам Горемыкин сохранял полное спокойствие, увидя меня он только сказал: «А вот хорошо, что вы приехали, вы, может быть, понадобитесь». Тут я узнал, что произошло.

Как только на трибуне появился Горемыкин и начал говорить, на крайней левой поднялся такой невообразимый шум, что за ним ничего не было слышно. Одни стучали пюпитрами, другие устроили кошачий концерт, голоса «долой», «вон» раздавались в зале. Правые старались заглушить эти протесты аплодисментами, но им не удалось. Родзянко пытался успокоить, но как только Горемыкин начинал говорить: «Сегодня мы собрались здесь...», — снова оглушительные крики «браво», «вон», «довольно» раздавались в зале.

Горемыкин молча остановился, низко склонив голову. Шум наконец стих. Родзянко обратился к Думе: «Господа члены Государственной Думы! Не подчиняясь моим распоряжениям, не оставляя шум и не давая главе правительства возможности высказываться здесь, некоторые члены Думы совершают, по-моему, самое серьезное нарушение благопристойности заседания Думы *(бурные, продолжительные аплодисменты справа и в центре)*. Это касается главы правительства, имеющего обязанность высказаться и имеющего законное право сделать это беспрепятственно. В одинаковой силе подобное нарушение порядка и неподчинение Председателю Думы является недопустимым по отношению к достоинству Государственной Думы и ко всем вам *(бурные аплодисменты в центре и справа. Шум и крики крайней левой)*. Ввиду примененной мною уже 1-й части статьи 154 Наказа, господ членов Думы, не подчинившихся моему приказанию, исключить на 15 заседаний каждого *(бурные аплодисменты справа и в центре)*. Я очень извиняюсь перед Председателем Совета Министров и попрошу его на время покинуть трибуну до водворения мною должного порядка». *(Правые, большинство, устраивают Родзянко бурную овацию, Горемыкин медленно сходит с трибуны под возгласы левой «долой» и садится в министерскую ложу.)* Родзянко предлагает исключить Скобелева на 15 заседаний и затем постепенно одного за другим

Суханова, Хаустова, Тулякова, Муранова, Малиновского. Все они говорят возбужденно и неприлично. Постановлением Думы все исключаются.

На трибуну всходит социал-демократ Чхенкели, его встречают бурным хохотом, Чхенкели говорит: «Мы присутствуем здесь сегодня при общей демонстрации того бессилия и той прострации, которые испытывает Дума с первых дней ее существования. В самом деле, можно ли с вами говорить о свободе слова, когда вы не имеете понятия о свободе слова? *(Бурный смех справа.)* Когда вы были и будете рабами? *(Бурный смех.)* Ваши слова не имеют никакого значения. Последняя инстанция — страна оценит ваши выступления, и вы ответите перед нею». Родзянко: «Прошу не производить шум с кафедры, член Думы Чхенкели». Чхенкели: «Чего же можно ждать от бывшего нижегородского губернатора Хвостова? Он ли будет защищать безответственность депутатов?» *(Сильный шум справа.)* Марков 2-й: «Пошел вон». Чхенкели: «Я считаю излишним говорить здесь перед камер-лакеями и конюхами министров». *(Бурные аплодисменты слева, шум справа)*. Родзянко: «Член Думы Чхенкели, я вас лишаю слова». Чхенкели: «Как жалки ваши слова и все ваши физии». Родзянко: «Я вас лишаю слова, к сожалению, я лишен возможности увеличить наказание члену Чхенкели за ряд выражений, хотя он этого и заслуживает». Чхенкели исключается на 15 заседаний, он заявляет, что не уйдет. Объявляется перерыв.

По окончании перерыва я отправился в залу заседаний в министерскую ложу посмотреть процедуру вывода депутатов, так как исключенные на 15 заседаний члены Думы отказались покинуть заседание. Министры с Горемыкиным во главе оставались в министерском павильоне в ожидании, пока выведут депутатов. Родзянко предложил исключенным депутатам покинуть зал общего собрания Думы, депутаты отказались. Тогда введены были солдаты — сторожа Думы, человек 8. Они подошли с приставом к исключенным депутатам, но депутаты отказались следовать. После угрозы применить силу депутаты со словами: «Мы подчиняемся грубой силе», — вышли из зала, сопровождаемые сторожами. Этим инцидент кончился. Горемыкин произнес с кафедры свою речь. Прослушав ее, я уехал домой.

26 апреля я выехал в Москву по приглашению Д. П. Рябушинского по случаю 10-летнего юбилея основанного им Аэродинамического института в Кучине, а также и на заседание Общества любителей коммерческих знаний и по другим делам.

На торжество в Кучино съехались виднейшие представители науки, администрации, военных сфер, общественных деятелей и др. Я приехал на автомобиле с московским губернатором графом Муравьевым. За мной на автомобилях приехали: генерал А. В. Каульбарс, депутации от Всероссийского аэроклуба, Николаевской инженер-

ной академии, Института путей сообщения, военные — генерал-майор Кияновский, генерал-майор Гурко, командир 17-го Армейского корпуса Яковлев, из семьи Рябушинских — Е. П. Носова, Е. П. Карпова и др. В 12 часов на станцию Кучино прибыл экстренный поезд, были поданы тройки, на которых гости отправились в дом Рябушинских. С поездом прибыли: профессор Н. Е. Жуковский, профессор Найденов, директор Коммерческого института С. А. Федоров, Сельскохозяйственного — И. А. Иверонов, профессор Каблуков и др. Д. П. и В. П. Рябушинские радушно встречали гостей. Вскоре на автомобиле прибыл архиепископ Алексий, который и совершил перед началом торжественного акта молебствие. После богослужения председательское кресло занял генерал от кавалерии Каульбарс, справа поместился я, слева профессор Жуковский, затем Найденов, граф Муравьев и Д. П. Рябушинский.

Д. П. Рябушинский обратился к присутствовавшим с небольшой речью, в которой указал те цели, какие он преследовал, открывая Аэродинамический институт, посвященный «чистой и прикладной аэродинамике и динамике реальных жидкостей вообще, а также изучению различных способов летания», как он сам определил его в своем юбилейном отчете. Он отметил главные этапы в научной работе этого учреждения. Институт, по его словам, возник в момент общего увлечения летанием на аппарате тяжелее воздуха. В 1903 г. совершили первый исторический полет братья Райт, а в 1904 г. основан был Институт, в котором производились и производятся всевозможные опыты, имеющие отношение к воздухоплаванию. Д. П. Рябушинский указал на тесную связь между теоретическими работами Института и практической деятельностью в области авиации и закончил свою речь заявлением, как много сделал в области воздухоплавания великий князь Александр Михайлович, объединивший всех работников авиации в одну дружную семью. В ответ на это генерал от кавалерии А. В. Каульбарс сказал: «Августейший председатель Отдела воздушного флота великий князь Александр Михайлович удостоил меня лестным поручением выразить вам от имени всех чинов воздушного флота и от его императорского высочества поздравления и сердечную радость, что вы довели ваше дело до 10-летнего периода. Для этого вы должны были проявить массу труда, силу воли, железную энергию. Вместе с тем вы проявили глубокую любовь к науке и горячий патриотизм. Мы глубоко уважаем вас за ваш труд, радуемся, что ваш опыт нашел признание во всей Европе. Нам, военным людям, особенно приятно засвидетельствовать, что благодаря вашим трудам авиация стала грозной силой в нашей армии. От всего сердца желаю вам здоровья и преуспеяния и славы вашему Институту на радость Государю, на славу и мощь нашей Родины».

Затем были оглашены телеграммы: великого князя Александра Михайловича и Петра Николаевича. Далее следовали телеграммы

от Председателя Совета Министров Горемыкина, от министра народного просвещения Кассо, от товарища министра народного просвещения барона Таубе, от исправляющего должность московского городского головы В. Д. Брянского, от попечителя учебного округа А. А. Тихомирова, от ректора Университета М. К. Любавского, от Николаевской главной физической обсерватории, от всех высших учебных заведений и от отдельных профессоров, десятки телеграмм от французских, немецких, английских, итальянских ученых организаций и профессоров. После оглашения всех телеграмм начались приветствия.

Я приветствовал от Императорского Московского общества воздухоплавания, а затем обратился к Д. П. Рябушинскому как попечитель Императорской Московской практической академии со следующими словами: «Академия шлет вам и Институту свои сердечные поздравления и пожелания здоровья и сил на продолжение вашей работы. Академия с гордостью вспоминает, что в списке ее учеников значится ваше имя и будет всегда следить с любовью за вашей деятельностью». Полковник В. Ф. Найденов приветствовал от имени Николаевской инженерной академии и от Воздухоплавательного отдела Императорского Технического общества. От Московского университета и Технического училища приветствие произнес профессор Н. Е. Жуковский; В. В. Кузнецов приветствовал от политехникума Петра Великого и от главной обсерватории. Торжества окончились народным гимном.

В конце заседания Ю. Л. Меллер по телефону переговорил с Московским аэродромом и получил сообщение, что в Кучино вылетел Габер-Волынский. Для спуска аэроплана была выбрана площадка в версте от Кучина за линией железной дороги. Через 8 минут после того, как было получено известие об отлете Габер-Волынского, высоко над Кучиным появилась могучая птица «Моран». Толпа крестьян и местных дачников окружила площадку для спуска и с замиранием сердца следила за смелыми эволюциями летчика в воздухе. Сделав стремительный vol plané * с 1000 метров, Габер-Волынский, почти над головами зрителей, пронесся по поляне, выбирая место для спуска, и эффектно приземлился. Летчика дожидался у места спуска автомобиль Ю. А. Меллера, и через несколько минут Габер-Волынский был уже у здания Института, где в это время все гости осматривали приборы и аппараты этого учреждения. В. В. Кузнецовым был пущен шар с самопишущим аппаратом для исследования верхних слоев атмосферы. В четыре часа все приглашенные лица вернулись в дом Д. П. Рябушинского к обеду. За обедом я произнес тост за Государя императора и августейшую семью. Затем следовал тост за великого князя Александра Михайловича, за радушных хозяев. Гром аплодисментов вызвал

* Планирующий полет.

мой тост: «В лице радушных хозяев, поднимаю бокал за милую добрую Москву, сердце России».

Прямо из Кучина я проехал в Практическую академию на общее собрание членов Общества любителей коммерческих знаний. Открывая заседание, я выразил свое удовольствие по поводу того, что обстоятельства позволили мне в этот день лично председательствовать на собрании после длительного отсутствия и затем я сообщил, что приехал прямо из Кучина с юбилея Аэродинамического института Д. П. Рябушинского, которого я приветствовал от лица академии, как бывшего воспитанника академии. Затем в собрании были рассмотрены протоколы ревизионной комиссии и протокол соединенного заседания совета и ревизионной комиссии. Денежная часть оказалась в очень хорошем состоянии. Разных неприкосновенных капиталов на 1 января 1914 г. оказалось на 1 526 478 руб. 49 коп. — на 36 000 руб. больше, чем к 1 января 1913 г., главным образом, вследствие поступившего пожертвования Купеческим обществом 23 800 руб. на стипендии моего имени, что мне доставило большую радость. Число членов Общества любителей коммерческих знаний возросло на 9 человек, воспитанников же — на 64. По окончании рассмотрения отчетов за прошлый год перешли к бюджету на 1914 г. и к выборам в совет на новое трехлетие. Избранными оказались: председателем совета В. Г. Сапожников, членами: С. М. Долгов, В. В. Усачев, К. Н. Томилин и А. А. Ильин. Затем почетным членом общества единогласно избран был профессор Н. Е. Жуковский, ввиду его высокополезной 40-летней преподавательской деятельности в академии. По окончании заседания исправляющий должность председателя совета С. М. Долгов выразил мне от лица всего собрания благодарность за постоянное внимание и глубокую отзывчивость ко всяким начинаниям академии и Обществу любителей коммерческих знаний, состоящему при ней.

28 числа я ездил в Бородино с членами Общества по охране памятников Отечественной войны, а на другой день в доме губернатора состоялось заседание Общества, на котором я сообщил, что имел счастье передать от имени Общества Государю альбом с фотографическими снимками с памятников в Бородине, что его величество повелел мне выразить благодарность Обществу и соизволил на возбуждение ходатайства о присвоении Обществу по охране памятников августейшего имени наследника цесаревича.

29-го я был в усыпальнице великого князя Сергея Александровича у обедни, после которой отслужена была панихида по случаю дня рождения покойного великого князя. Вечером я выехал в Петербург обратно.

2 мая императрица Мария Федоровна отбыла в Англию. Для проводов ее величества в императорском павильоне Царскосельского вокзала собрались великобританский посол Бьюкенен с женою, датский посланник Скавениус, придворные дамы, А. Г. Булыгин,

помощник министра двора граф Нирод, граф Бенкендорф, градоначальник, я и другие лица, а также представители шефских полков Лейб-гвардии Кирасирского и Кавалергардского и Гвардейского экипажа. Императрица со свойственной ей обворожительностью обошла всех собравшихся проводить, для каждого у нее нашлось приветливое и участливое слово. Обходя депутации своих шефских частей, императрица выслушала рапорты вахмистров эскадронов ее величества и Гвардейского экипажа.

3 мая в Государственной Думе в общем собрании обсуждалась смета Министерства внутренних дел. По этому поводу выступил ряд ораторов, обрушившихся на деятельность министерства. Присутствовали при этом товарищ министра Золотарев, защищавший смету, и я. Не только левые, но и правые порицали внутреннюю политику, выступив с резкими речами. Пуришкевич нападал на губернаторов, находя состав их далеко не удовлетворявшим своему назначению. Он перечислял губернаторов по фамилиям, давая каждому характеристику, зачастую далеко не лестную. В своих нападках он руководился личными симпатиями и, главным образом, восхвалял тех губернаторов, которые покровительствовали «Союзу Михаила Архангела» на местах, заискивая этим перед Пуришкевичем, так что его оценка деятельности губернаторов была далеко не беспристрастна, а все его нападки не имели под собой почвы. Член Думы М. В. Челноков посвятил свою речь резкой критике по адресу министра Маклакова, которого прямо поносил самым беспощадным образом, мстя ему за неутверждение его в должности московского городского головы. Его неприличие дошло до того, что Председатель Думы Родзянко вынужден был лишить его слова. Оппозиционно настроенная по адресу Маклакова Дума хотела даже сначала отклонить кредиты, но, в конце концов, все же баллотировала смету, сократив кредиты на полицию, помимо предложенного бюджетной комиссией сокращения на 157 000 руб. еще на 18 000 руб.; так как это сокращение не делало большого ущерба, то я не возражал, во избежание излишних разговоров.

5 мая исполнилось 150-летие со дня основания Смольного института, возникшего по мысли Екатерины II при ближайшем участии известного гуманиста второй половины XVIII в. И. И. Бецкого. Это было первое женское учебное заведение в России, имевшее целью создать «новую породу» русской женщины, которая бы сделалась «отрадой семейства» и могла бы смягчить «жестокие» и «неистовые» нравы русского общества XVIII в. Императрица Екатерина желала, чтобы «смолянки», как стали называть питомиц нового института, внесли в будущем в семейную и общественную жизнь начало нравственности и «людскости». Эту «новую породу» можно было создать, по ее мнению, лишь при одном непременном условии — оторвав их на время воспитания от среды, в которой они росли и в которой царили грубая нравственность и неизменная

пошлость побуждений. В течение 12 лет своего пребывания в институте смолянки находились вне власти семьи и общества и не были знакомы с действительной жизнью. Вся система воспитания обращена была на развитие в молодых девушках внутренней жизни, на создание в них добродетели, основанной на чувствительности и незнании гнездившегося всюду порока. Обучение носило также светский характер, все было направлено, чтобы смолянки умели держать себя в обществе, вести непринужденные разговоры на французском языке, были веселы и любезны. Со времен Екатерины II Смольный институт занимал всегда первое место в ряду закрытых женских учебных заведений, служа образцом для других, но строй и задачи изменились соответственно требованиям времени. При императрице Марии Федоровне, супруги Павла I, ослабла несколько закрытая система воспитания, а образовательно-учебная [сторона] была увеличена, был положен девиз «здоровье и знание». При императоре Николае I характер института несколько изменился, согласно уставу 1855 г., и целью поставлено было образование «добрых жен и полезных матерей». При императрице Марии Александровне, учредившей большое число женских гимназий для приходящих, закрытая система значительно смягчилась.

Получив приглашение на празднование 150-летнего юбилея института, я поехал к назначенному часу начала обедни, которая была совершена в институтской церкви митрополитом Владимиром. Перед молебном владыко произнес слово, в котором нарисовал идеал женщины — супруги, помощницы мужа, хранительницы семьи, воспитательницы детей и русской гражданки. В церкви в это время находилась бывшая смолянка великая княгиня Милица Николаевна, Булыгин и много приглашенных.

После молебствия состоялся акт в большом зале. На эстраде поместился хор певчих института, за столом заняли места — начальница института светлейшая княгиня Ливен, А. Г. Булыгин и почетный опекун Ермолов. По сторонам эстрады стали воспитанницы, посреди зала — кресла для приглашенных и бывших смолянок, среди коих старейшие из них — Молоховец и Чистович, выпуска 1848 г., Ключарева и княгиня Куракина, отпраздновавшая несколько дней перед тем золотую свадьбу. Акт начался пением «Христос Воскресе», А. Г. Булыгин прочитал высочайшую грамоту об учреждении 20 бесплатных вакансий имени императрицы Марии Федоровны, после чего хор пропел «Боже, царя храни». Затем митрополит сказал приветственное слово начальнице и благословил ее образом Богоматери, а А. Г. Булыгин прочел высочайший рескрипт на имя светлейшей княгини Ливен. После этого почетный опекун Ермолов произнес речь, посвященную истории возникновения института, и указал, что благодаря широкой поддержке августейшей покровительницы смолянки не оставлены и по окончании курса: на земле Смольного института возникло «общежитие для бывших смо-

лянок» имени императрицы Марии Федоровны, где оторванные суровой необходимостью от родной семьи бывшие воспитанницы находят обстановку тихого семейного уюта, а в недалеком будущем должна осуществиться задача создания «дома отдыха» для утомленных воспитательниц и учительниц. После Ермолова шли депутации одна за другой, затем читали депеши, полученные с разных концов России. По окончании акта всем присутствовавшим был предложен завтрак.

Ввиду предстоявшей поездки Государя в Кишинев на освящение памятника императору Александру I, в Констанцу на свидание с королем Румынии и в Одессу, я 7 мая выехал в Кишинев, останавливаясь по пути для распоряжений по охране и для свиданий с губернаторами и осмотра канцелярий жандармских управлений. Меня сопровождали мой секретарь Сенько-Поповский, адъютант капитан Штер и представитель дворцового коменданта полковник Спиридович.

В эту поездку и во все последующие, помимо непосредственно касавшихся меня мер охраны, на меня еще возложены были со стороны Министерства двора выработка программы высочайшего пребывания в местах посещения их величествами, а также и разрешение всех вопросов по приемам должностных лиц и депутаций. Министр двора через начальника своей канцелярии генерала Мосолова давал мне известные указания, сообщал мне маршрут высочайшего следования с обозначением количества часов пребывания Государя в том или другом месте, а на моей обязанности было, переговорив с местными властями, выработать подробную программу мест посещений, приемов и т. д. Все это требовало большой обдуманности — с одной стороны необходимо было удовлетворить всех на местах, с другой — так распределить время, чтобы Государю можно было спокойно, без излишней суеты выполнить намеченную программу. Все это сочетать было довольно трудно. Чтобы Государя не задерживали, чтобы программа не была нарушена, приходилось и на приветственные речи уделять максимальное число минут, обыкновенно не более 2-3-х. В этом отношении было труднее всего с архиереями, среди коих было не мало многоречивых, которые не соглашались сократить свою речь, и их уговорить бывало трудно. Самым покладистым в этом отношении был наместник Сергиевой лавры Товий, он всегда шел навстречу этим пожеланиям. Я помню, как он просил меня перед приездом Государя выслушать его речь и проследить по часам, чтобы она не заняла больше предоставленного времени.

По дороге в Кишинев я останавливался на станции Корсовка, где имел свидание с витебским губернатором М. В. Арцимовичем, затем в Вильне провел несколько часов у губернатора П. В. Веревкина, в Барановиче свиделся с минским губернатором Гирсом

и в Казатине с киевским губернатором Суковкиным. В Кишинев я приехал 10 числа к вечеру. На вокзале меня встретил губернатор Гильхен и городские власти и подведомственные мне чины по Корпусу жандармов. С вокзала я проехал в дом губернатора, где мне было отведено помещение. В тот же вечер состоялось заседание под председательством губернатора в моем присутствии для выработки мер охраны Государя, в совещании приняли участие предводитель дворянства, городской голова, начальник жандармского управления, полицеймейстер и другие лица. Гильхен был губернатором, если можно так выразиться, ниже среднего, был бестолков, суетлив и не без некоторой тени хлестаковщины, престижем не пользовался, опирался на «Союз русского народа», но как человек был недурной, как хозяин — весьма гостеприимный и любезный. Начальником жандармского управления был полковник Нордберг, мне его аттестовали как невыдающегося офицера и весьма безвольного, но познакомившись с ним, я нашел его вовсе неплохим начальником управления и серьезным и дельным, скромным, добросовестным работником, не пускавшим пыль в глаза; помощником у него был ротмистр Навроцкий — хороший офицер и весьма тактичный.

На другой день я посетил архиерея и сделал необходимые визиты, и затем с губернатором объехал город, осмотрел местность вокруг памятника Александру I и все места, где ожидался Государь. Затем по предложению губернатора посетил земскую психиатрическую больницу, очень хорошо устроенную и оборудованную. В этот день у губернатора в честь меня состоялся обед, а на другой день я с экстренным поездом с сопровождавшими меня лицами выехал в Одессу вместе с начальником Юго-Западных ж. д., крайне симпатичным и талантливым инженером В. П. Шмидтом, начальником движения и другими лицами железнодорожного ведомства. В Одессу на станцию Главная мы прибыли 13 числа в 10 часов утра. На вокзале мне устроили грандиозную встречу — собрались все власти города во главе с градоначальником И. В. Сосновским и херсонским губернатором бароном Гревеницем, затем городской голова Пеликан с чинами управы и несколько депутаций. Приняв рапорт от подведомственных мне чинов и обойдя всех меня встречавших и выстроенных на перроне жандармских чинов, я вошел в парадные комнаты вокзала, где меня ожидал командующий войсками генерал от артиллерии Никитин. Переговорив со всеми и условившись с градоначальником о распределении моего времени в Одессе, я по приглашению командующего войсками сел с ним в автомобиль и проехал к нему во дворец, где мне было отведено помещение. Во дворце к этому времени собрались представители военного ведомства, начальники отдельных частей во главе с начальником штаба округа генерал-лейтенантом Васильевым и Министерства юстиции во главе с прокурором судебной палаты Р. Г. Моловым. Командующий войсками меня со всеми познакомил и затем провел к своей

жене, которая меня встретила очень любезно, как самая радушная гостеприимная хозяйка. Вся семья была удивительно простая, любезная, я сразу почувствовал у них, как у самых близких людей. Посидев с ними немного, я переоделся и поехал с визитами, первым делом посетил высокопреосвященного Назария, архиепископа Одесского и Херсонского, а затем объехал и других лиц. В 1 час дня во дворце состоялся завтрак в присутствии высших чинов местной администрации и военных, после чего состоялось совещание по выработке программы встречи и высочайшего пребывания в Одессе. Затем я с градоначальником объехал весь путь, по которому предположено было провезти Государя для следования на смотр войск, знакомясь попутно и с местами высочайших посещений. В 7 часов вечера состоялся обед у градоначальника.

Одесса произвела на меня чудное впечатление, как красотой города, так и особенным порядком, который бросался в глаза, так и всеми должностными лицами, с которыми мне пришлось встретиться и иметь дело. Командующий войсками генерал Никитин был очень хорошим честнейшим человеком, редкой доброты и снисходительности, один у него был недостаток, он был мало самостоятелен, находился под влиянием своей дочери, которая им командовала и, пользуясь своим влиянием, иногда, невольно, в ущерб делу портила отцу.

Сосновский был очень хорошим градоначальником, общительным и отличным человеком, в Одессе его любили, так как он никогда не делал никому гадостей, был всегда приветлив и старался быть справедливым. С ним было очень приятно иметь дело. На другой день я посетил жандармское управление, ознакомился подробно с ведением дел и произвел смотр Одесской конной жандармской команде. Последняя представилась мне не вполне удовлетворительно, так что пришлось выразить неудовольствие. Во главе жандармского управления стоял полковник Заварзин, которого я знал еще по Москве, когда он, будучи там начальником охранного отделения, держал себя как-то странно, и у меня сложились с ним не особенно хорошие отношения. В Одессе он также обратил мое внимание своими бестактными поступками, и потому большим доверием с моей стороны не пользовался. Но так как он дело знал хорошо и очень старался, то я его терпел, зорко за ним наблюдая, впоследствии он стал как-то ровнее и ему уже не приходилось делать замечаний. Остальные офицеры были все очень достойные.

14-го вечером я направился из Одессы в Констанцу на свидание с главным инспектором всей полиции Румынского королевства Войнеску, чтобы предложить ему в случае надобности свое содействие по принятию мер охраны Государя во время пребывания их величеств на румынской территории 1 июня. Морской министр Григорович, который всегда ко мне был чрезвычайно любезен, проявил и на этот раз особенную ко мне предупредительность, предоставив для

поездки в Констанцу в мое личное распоряжение свою красавицу яхту «Алмаз». Эта яхта была та самая, которая была построена для наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева и затем, находясь в числе судов эскадры Рожественского, каким-то чудом под командой капитана I ранга Чагина прорвалась через линию японских судов и почти без всяких аварий пришла во Владивосток, за что Чагин получил звание флигель-адъютанта. Вот на этой яхте мне выпало счастье совершить плавание в Констанцу и обратно. Это плавание оставило во мне воспоминание чарующей морской прогулки. Погода была на редкость чудная, море было как зеркало, ни малейшей даже зыби не было как туда, так и обратно. Помещение, отведенное мне на яхте, было царское, прекрасная спальня, большая гостиная, столовая, рядом отдельное помещение для сопровождавших меня лиц. Все офицеры и командир были все очень милые, симпатичные люди. Матросы яхты были как бы на подбор, между ними было много бывалых, заслуженных. Обедали и завтракали у меня в столовой; кроме сопровождавших меня лиц обедал вместе с нами командир яхты. Во время плавания я посетил кают-компанию офицеров, которые меня очень радушно приняли у себя и угощали. Что меня особенно поразило, как я помню, это когда мы, находясь в открытом море, спокойно сидели за столом, мне совершенно неожиданно подали депешу, переданную по радио из Ялты. В то время это была новость, радио было только на некоторых судах, и потому эта депеша, поданная мне, когда кругом не видно ничего, кроме безбрежного моря, произвела на меня даже жуткое впечатление. После этого было еще несколько депеш, я отвечал тут же, так что радио не переставало работать, а вечером мне принесли и агентские депеши.

15 числа утром показались румынские берега, очертания коих по мере приближения яхты делались все яснее. Около двух часов дня мы подошли к Констанце. Нас встретили соответствующим салютом с румынских судов, яхта «Алмаз» отвечала. Мы подошли к молу, представители города и власти вошли на яхту, я их принял в своем помещении. Среди встречавших меня был и Красильников, о котором я писал в своих воспоминаниях 1913 г., заведовавший нашей заграничной агентурой; он приехал из Парижа по моему вызову, его сопровождали два старших агента наружного наблюдения. Вскоре приехал и главный инспектор всей румынской полиции Войнеску, и мы очень быстро обо всем переговорили, затем обошли небольшой городок Констанцу, Войнеску ознакомил меня со всем церемониалом встречи Государя, местами посещения и т. д. Он держал себя гораздо скромнее, чем начальник берлинской полиции фон Ягов (см. воспоминания 1913 г.), и даже спрашивал у меня совета по разным вопросам. Красильников со своими агентами поступил в распоряжение румынских властей. В помощь румынской полиции предоставлены были и агенты дворцовой полиции.

16 числа к вечеру, покончив все дела и переговоры, которые меня

вполне удовлетворили, мы отплыли на яхте обратно в Россию. Этот раз мы взяли курс на Ялту, так как мне надо было заехать в Ливадию представиться Государю, доложить результаты моих поездок министру двора и дворцовому коменданту и получить ответы на ряд вопросов, затронутых на местах.

17 числа днем яхта «Алмаз» подошла к Ялтинскому молу. С большим сожалением покинул я эту чудную яхту, чтобы вступить на берег. Перед этим я простился с командой, офицерами и командиром, не зная, как выразить мою горячую признательность за эти почти двое суток, проведенных мной в таких чудных условиях на яхте.

На пристани меня встретили местные ялтинские власти во главе с И. А. Думбадзе. Я проехал прямо в Кореиз к Юсуповым, у которых и остановился. Они были у себя и радушно меня встретили. На другой день я был в Ливадии, имел счастье представиться Государю, доложить о результатах моих поездок. Затем представил министру двора и дворцовому коменданту составленные программы высочайшего пребывания в Кишиневе и Одессе, которые и были утверждены полностью. В Кореизе я оставался до 22 мая, все время был очень занят как текущими делами, присланными мне из Петербурга, так и делами вновь учрежденного Ялтинского градоначальства.

25-го я вернулся в Петербург и прямо с вокзала проехал на торжественное богослужение в Казанский собор по случаю дня рождения императрицы Александры Федоровны.

В мое отсутствие в Москве 12 мая состоялось торжественное открытие святых мощей Святителя Ермогена.

16 мая скончался князь П. Д. Святополк-Мирский, бывший министром внутренних дел после Плеве. Как человек это был честнейший и благороднейший, но он не понимал переживаемого Россией момента и увлекся, не по времени, либеральными мероприятиями, принес своей политикой больше вреда, чем пользы. Он был убежденным сторонником умиротворения в области внутренней политики и широкой самодеятельности земства и городов. В его характере отсутствовали властность и стремление действовать против революции силой. Массовое движение рабочих к Зимнему дворцу, обманным образом направленное туда Гапоном, при попустительстве власти, под видом подачи прошения Государю, который в то время даже в Зимнем дворце и не жил, и кончившееся вооруженным столкновением с войсками, послужило поводом к его увольнению, после чего он оставался рядовым членом Государственного Совета. Эта его неудача в административной карьере не изменила все же уважения к нему, как к человеку глубоко честному и порядочному. 18 числа его отпевали у «Спаса на водах», после чего его тело было отвезено для погребения в Харьковскую губернию в его родовое имение.

21 мая в Государственной Думе состоялись перевыборы Президиума. Председателем Думы избран был Родзянко 217 голосами против 9, товарищами Председателя — Протопопов, сыгравший впоследствии роковую роль в России, и Варун-Секрет.

28 мая состоялся 50-летний юбилей действительной службы принца Александра Петровича Ольденбургского. Он родился в 1844 г. 21 мая и как все великие князья был зачислен при рождении прапорщиком в Лейб-гвардии Преображенский полк. Когда же ему минуло 20 лет, он в 1864 г. поступил на действительную службу, вступив в ряды полка в 14-ю роту младшим офицером. В том же году он получил в командование 14-ю роту, затем в 1868 г. 4-й батальон, а в 1870 г. он уже стоял во главе Преображенского полка, прокомандовав им 6 лет, после чего получил 1-ю бригаду 1-й Гвардейской пехотной дивизии, во главе которой совершил поход в Русско-турецкую войну. В 1880 г. он был назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, а в 1885 — командиром Гвардейского корпуса, в каковой должности пробыл до 1889 г. Таким образом в течение 25 лет он не терял служебной связи с Преображенским полком, с которым его имя было тесно связано. По выходе в Преображенский полк я застал принца Ольденбургского начальником дивизии. Но не строевая служба заслужила ему известность и своего рода популярность по всей России.

Принц А. П. Ольденбургский унаследовал от своего отца, оставившего по себе незабвенную память в целом ряде основанных им учреждений, общественный инстинкт, но вместо мечтательной кротости принца Петра Георгиевича, которая была отличительной чертой его характера, у Александра Петровича внутри кипела неисчерпаемая огромная энергия, не укладывавшаяся в рамки, и нетерпеливо просящаяся наружу. Неуклонность и строгая требовательность служаки старого времени сочетались в нем с любовью ко всему новому, к новым путям в науке, к открытию новых мест. Он был всегда весь в движении, во время разговора вскочит не раз, быстро пройдет по комнате, опять сядет. Он был страшно нетерпелив, пожирал изучаемый им предмет, заинтересовавшись им, прямо кипел и метался из стороны в сторону. У него вообще была страсть к творчеству; задумав что-нибудь, он шел напролом, не останавливаясь ни перед чем. Живая мысль и живая энергия принца неразрывно соединены были у него с широким размахом в общественных начинаниях. Только благодаря всем этим чертам его характера и могли возникнуть из ничего и так молниеносно быстро такие колоссальные учреждения, как Институт экспериментальной медицины в Петербурге, имевший мировое значение и настолько известный, что говорить о нем не приходится, Народный дом императора Николая II в Петербургском городском попечительстве о народной трезвости, климатическая станция Гагры на берегу Черного моря и др. Все эти учреждения возникли исключительно благодаря энер-

гии и настойчивости принца, который не гнушался никакой работой для достижения своей цели, входил лично во все малейшие детали, ничто не ускользало от его внимания. Все это были его детища, институт был построен на земле принца и наполовину на его средства. Он особенно увлекался медициной, он известен хорошо и по своим командировкам по борьбе с холерой и чумой. Правда, благодаря своему нетерпению, неуравновешенности, он бывал и бестолков, не умел выслушивать до конца и благодаря вспыльчивости делал иногда и непоправимые ошибки, но все эти недостатки были ничто сравнительно с той пользой, которую он принес Родине во всех отраслях, с которыми соприкасался.

Личные мои встречи с ним всегда оставляли во мне самые дорогие воспоминания, которые и сейчас вызывают во мне чувства глубокого уважения к этой честной, незаурядной личности с чутким добрым сердцем. Он относился ко мне и ко всем моим близким, особенно к моей сестре, которая была очень близка к его жене принцессе Евгении Максимилиановне, более чем предупредительно и хорошо. Я еще возвращусь к нему, когда буду писать воспоминания 1915 г. и коснусь одного из тяжелых моментов моей жизни. В день юбилея принц удостоен был высочайшего рескрипта в весьма милостивых выражениях и пожалования титула «императорского высочества».

29 мая я выехал из Петербурга на Юг вместе с министром внутренних дел Маклаковым, в Кишинев, куда прибыл 31 числа. Когда мы приехали, Кишинев уже стал принимать праздничный вид в ожидании высочайшего приезда. Я доложил на месте Маклакову обо всех принятых мерах и при нем выслушал доклады о всем сделанном для приема Государя. Все казалось хорошо, Маклаков одобрил все принятые меры, и я со спокойной душой выехал в Одессу навстречу Государю, который должен был прибыть туда из Констанцы 2 июня, так что у меня в Одессе оставались еще сутки до высочайшего приезда и я мог не торопясь ознакомиться со всеми принятыми мерами по охране и сговориться со всеми. Оставался я на этот раз в своем вагоне на станции Одесса-Главная, куда прибыл и императорский поезд.

В этот день в Констанце происходило свидание их величеств с королем и королевой румынскими. Государь прибыл на яхте «Штандарт» в сопровождении эскадры — крейсер «Кагул», яхта «Алмаз», 4 миноносца. Встреча была самая сердечная. В соборе святых Петра и Павла было отслужено торжественное молебствие в присутствии царской и королевской семьи, на бульваре Елизаветы в византийско-румынском стиле был выстроен павильон, из которого их величества смотрели на прохождение войск. На яхте «Штандарт» был чай для короля и королевской семьи. Во дворце в особо пристроенном зале состоялся банкет в честь русского царя и царицы.

Свидание носило не только семейный характер, но и дипломатический, поэтому при свидании присутствовал и наш министр иностранных дел Сазонов. Порядок по отзыву всех был поразительный, овации по адресу Государя со стороны населения Констанцы превзошли всякие ожидания. Государь отбыл под самым лучшим впечатлением, осчастливив всех наградами и подарками. [...]

2 июня в 1 час 40 минут дня яхта «Штандарт» с их величествами и августейшей семьей вошла в одесский порт и стала на якорь. К этому времени на пристани собрались: министр путей сообщения Рухлов, командующий войсками генерал Никитин, градоначальник Сосновский, городской голова Пеликан с членами управы и гласными думы и я. Тут же был выстроен и почетный караул от 59-го пехотного Люблинского полка.

Погода была чудесная, красота изумительная, вся пристань была красиво убрана коврами, зеленью, флагами. Около 3 часов их величества с семьей перешли на паровой катер, который направился к пристани. Могучее «ура» огласило воздух. Государь принял почетный караул, пропустил церемониальным маршем, затем подошел к городскому голове, который поднес хлеб-соль, и, обойдя всех встречавших, направился к стоящему тут же недалеко императорскому поезду для следования на станцию Одесса-Главная, где состоялся прием должностных лиц и целого ряда депутаций. Тут же в парадных комнатах вокзала императрица принимала дам.

По окончании приема Государь с наследником цесаревичем и великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами сел в автомобиль и отбыл на лагерное поле, где состоялся высочайший смотр войскам. Императрица же с младшими великими княжнами в императорском поезде вернулась в порт.

На протяжении 4 1/2 верст пути следования Государя стоял народ сплошной стеной по обе стороны, впереди воспитанники и воспитанницы многочисленных учебных заведений г. Одессы. Удивительно красивую картину представляли собой выстроенные воспитанницы гимназий и школ, которые были одеты все совершенно одинаково, но каждая гимназия, каждая школа имела свой цвет, платьица были удивительно изящные, и все воспитанницы держали в руках по букетику цветов, причем и букетики в каждой гимназии и школе были одинаковы. Это было замечательно красиво. Кой-где стояли оркестры музыки учащихся; гимн, крики «ура» переливались в воздухе. По дороге Государь заехал посмотреть памятник, сооруженный 4-й Стрелковой бригаде, или, как ее называли, «Железной бригаде» в память славных боев под Шипкой в войну 1877—1878 гг.

Парадом командовал генерал Романенко, командир 8-го Армейского корпуса. На правом фланге стояли военно-учебные заведения, которые и проходили первыми: Одесский кадетский корпус, Сергиевское-артиллерийское и Елизаветградское военные училища. Парад прошел блестяще, Государь остался очень доволен и все время

благодарил войска. Затем осматривал лагерь, беседовал с начальствующими лицами и в 6 часов 30 минут возвратился на яхту «Штандарт». В 8 часов на яхте состоялся парадный обед, к которому были приглашены все военные начальники отдельных частей, начальствующие лица Одессы и я.

В это время весь город и порт зажглись сотнями тысяч разноцветных огней, мощные прожекторы бросали на город снопы ослепительного света. Все суда по линии были расцвечены электрическими лампочками, на море сожжен фейерверк. Все это было поразительно красиво. Кругом на берегу была такая масса народа, что казалось, яблоку негде упасть. Около 12 часов ночи их величества перешли с яхты в императорский поезд, который и отошел в Кишинев, при потрясающих кликах «ура» окружавшего пристань народа.

Я выехал вслед в особом поезде министра путей сообщения, который обогнал императорский поезд во время его стоянки на одной из станций и прибыл в Кишинев ранним утром 3 июня. Кишинев был уже вполне готов для приема высоких гостей; несмотря на ранний час, улицы были уже переполнены народом, собравшимся не только со всех городских окраин, но и из деревень, чтобы приветствовать своего батюшку царя. Город нельзя было узнать, он пообчистился, дома утопали в национальных флагах, по пути следования Государя было выстроено несколько арок, и среди них на перекрестке Александровской и Михайловской улиц выделялась совершенно сказочная арка в романовском стиле *, на пьедестале коей стояли живые группы в молдавских национальных костюмах с хмелем, снопами и фруктами в руках. Около места памятника, воздвигнутого Александру I, высился величественный обелиск, перевитый зеленью и увенчанный двуглавым орлом. Все это красиво сочеталось с массой зелени тротуарных насаждений.

На вокзале к приходу императорского поезда собрались все местные власти и депутации. Кроме того, прибыли для встречи министры: внутренних дел Маклаков, народного просвещения Кассо, путей сообщения Рухлов и другие лица. Сначала подошел императорский поезд с лицами свиты и охраны, затем через 15 минут царский поезд. Государь был в форме Павлоградского гусарского полка. Выйдя из вагона и приняв рапорты начальствующих лиц, Государь обошел встречавших и направился к почетному караулу, выставленному от 53-го пехотного Волынского полка. Пропустив караул церемониальным маршем, Государь обошел депутации, принял хлеб-соль от городского головы и в экипаже проследовал с императрицей и наследником (великие княжны ехали в другом экипаже) в кафедральный собор, восторженно приветствуемый населением.

После краткого молебствия двинулся из собора крестный ход

* Так в тексте.

к месту памятника, задернутого еще пеленой. У памятника началось торжественное богослужение. По возглашении «вечной памяти» императору Александру Благословенному, при салюте из пушек, покрывало было сдернуто, и глазам присутствующих представился памятник освободителя Бессарабии от турецкого ига[6] — на пьедестале бронзовая фигура Александра I во весь рост. У пьедестала две женские фигуры, изображавшие Россию принимающей в свои объятия Бессарабию. Фигура, изображающая Россию — в русском национальном костюме, Бессарабию — в румынском. По окроплении памятника святой водой раздалась команда: «На караул», забили барабаны, склонились знамена — это войска отдавали честь памятнику. Затем взводы прошли церемониальным маршем, после чего началось возложение венков, во время которого Государь подошел к депутации, составленной из георгиевских кавалеров, и затем к крестьянам — представителям со всех волостей и однодворцев. Приняв от них хлеб-соль и побеседовав с ними, Государь и вся семья сели в экипажи и направились в помещение дворянства в здании гимназии Николая II, построенной на средства бессарабского дворянства.

В сенях Государь был встречен губернским предводителем дворянства и всеми уездными с хлебом-солью. Поднявшись на второй этаж, их величества вошли в зал собрания, где губернский предводитель обратился к Государю со следующим приветствием: «Ваше императорское величество, великий Государь! Верноподданное бессарабское дворянство гордится выпавшим на его долю счастием приветствовать и принимать вас, Государь, и августейшую семью вашу в сердце Бессарабии, хотя и далеком по расстоянию от сердца России, но близком ему по чувствам, нас одушевляющим. Коренное население Бессарабии запечатлело на страницах истории свою вековую верность Престолу России, и если, Государь, вашему величеству угодно будет призвать население на защиту Отечества, то вся Бессарабская губерния, как один человек, во главе с дворянством, встанет и принесет свои силы, достояние и жизнь к подножию Престола во славу царя и для процветания Отечества. За драгоценное здоровье его императорского величества Государя императора самодержца всероссийского и их императорских величеств Государынь императриц и наследника цесаревича, ура!» Громовое «ура» вырвалось у присутствующих.

Государь отвечал: «От имени ее величества и своего приношу нашу искреннюю благодарность бессарабскому дворянству за его радушный прием и все те чувства, которые здесь только что высказаны. Мы оба счастливы, что нам удалось посетить Кишинев и присутствовать на многознаменательном событии открытия памятника императору Александру I. В течение ста лет Бессарабия действительно показала, что она сердцем крепко привязана к России и воодушевлена русскими чувствами. Пью от души за бессарабское дворянство и за всю Бессарабскую землю».

После этого их величества обходили дворян, беседуя со многими лицами. В это время подан был чай, во время которого оркестром Одесского городского театра исполнено было музыкальное отделение: 1) 8 русских народных напевов А. Лядова; 2) сюита из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского; 3) «Румынские пастухи», музыкальная картинка Прибика; 4) заключительная сцена из «Тристана и Изольды» Вагнера и 5) «Славянский марш» Чайковского.

Затем Государь с балкона смотрел гимнастические упражнения учащихся, проделанные ими на площадке двора. Под пение выстроенных учащихся «Славься» и [при] восторженных кликах народа Государь отбыл из собрания в Земский музей, а затем на вокзал.

Около 2 часов императорский поезд отошел со станции Кишинев, направляясь в Царское Село. По пути Государь выходил в Тирасполе, где был встречен херсонским губернатором бароном Гревенецем и депутациями: от дворян Тираспольского уезда во главе с предводителем Юрковским, от города во главе с городским головой Ольшевским и от хуторян и рудников, все с хлебом-солью. Приняв все эти депутации и побеседовав с ними, Государь прошел к выстроенным войскам и произвел смотр 15-й и 14-й артиллерийским бригадам, 4-му стрелковому, 8-му мортирному и 8-му конному артиллерийским дивизионам и 8-му драгунскому Астраханскому полку. Восторг и энтузиазм войск был неописуемый, смотр прошел блестяще.

На другой день императорский поезд имел продолжительную остановку на станции Барановичи, где были собраны ученики и ученицы народных школ в числе 2500 Новогрудского уезда с хором музыки учеников, а также депутация от хуторян. При выходе из вагона Государя приветствовал от имени учащихся, внятно и хорошо, 14-летний ученик барановичского начального училища Плошко. Восторг детей был неописуемый.

5 июня Государь прибыл в Царское Село. В этот день вернулся и я. Как результат моих осмотров частей вверенного мне Корпуса жандармов во время моей поездки явился следующий мой приказ за № 189: «При проезде в мае сего года в г. Кишинев мною осмотрены были некоторые части высочайше вверенного мне Корпуса, причем оказалось: канцелярия Барановичского полицейского управления железных дорог при посещении 9 мая найдена мной по наружному виду в большом порядке. В канцелярии заведены прекрасные шкафы для регистрации на карточках, причем в одном шкафу размещены и розыскные карточки (Департамента полиции), и карточки служащих; одна часть шкафа отделяется от другой сдвигающейся решеткой.

Особенно в блестящем виде оказался цейхгауз отделения. Мундирная одежда хранится развешенной в шкафах в отличном порядке. Зимние сапоги поставлены на шкафы набитыми соломой, пропи-

танной нафталином для предохранения от моли. Такой порядок сохранения сапог, установленный начальником управления, признаю целесообразным и достойным подражания. Фуражки с целью предохранения их от моли хранятся в цинковых футлярах.

При проезде по району Кременчугского жандармского полицейского управления железных дорог мною обращено внимание на то, что унтер-офицеры Сумского отделения одеты были в летние рубашки не защитного цвета, как это полагается, а в зеленые. Такого цвета рубашки, как оказалось, имеет половина унтер-офицеров управления, причем цвет выбран начальником управления генерал-майором Лундгреном. При постройке установленного для нижних чинов обмундирования начальнику управления следует руководствоваться не личным вкусом, а установленными для сего описаниями и образцами. Обращаю на это внимание начальника управления.

При посещении г. Одессы мною были осмотрены жандармское управление г. Одессы и Одесская городская конная жандармская команда. Канцелярия жандармского управления найдена в блестящем порядке как в строевом, так и хозяйственном отношениях, за что приношу мою *благодарность* полковнику *Заварзину*, благодарю также и адъютанта управления штабс-ротмистра *Жданова* за отличное состояние архива и приведения его в порядок. Одесская городская конная жандармская команда представлена была начальником команды ротмистром *Гавриловым*, в составе 1 вахмистра, 6 унтер-офицеров и 33 рядовых. В расходе в день осмотра было 10 рядовых. Выравнение в пешем строю было неудовлетворительно, то же могу сказать и при прохождении в том же строю. Еще хуже поставлено дело обучения чинов команды в конном строю. При манежной езде нет внимания, некоторые без всякой команды переходят на облегченную рысь, по команде же «галопом-марш» не все одновременно принимают команду и переводят лошадей на этот аллюр. Сомкнутым строем, видимо, совершенно не занимались, при всем старании нижних чинов ничего не выходило, так как взвод, видимо, совершенно не съезжен. Казалось бы, что при незначительном составе команды, начальнику ее не требовалось особенно много труда, чтобы сплотить вверенную ему часть. Конский состав неудовлетворительный, часть лошадей совершенно негодна. При покупке ремонта, очевидно, совершенно не обращается внимания на известный подбор лошадей, есть лошади совершенно неподходящие для строевой конной части.

Начальнику управления следует обращать побольше внимания как на это, так и, в особенности, на строевую подготовку нижних чинов команды. На неудовлетворительную постановку строевого образования Одесской городской конной жандармской команды обращено было внимание еще бывшим командиром Корпуса генерал-лейтенантом Толмачевым в 1912 г., причем в приказе по Корпусу указаны были и те недочеты, к устранению которых следовало

принять меры. К сожалению, недочеты эти не уменьшились, как следовало бы ожидать, а увеличились. Принимая во внимание, что ротмистр Гаврилов до назначения на последнюю должность заведовал учебною командою С.-Петербургского дивизиона и, следовательно, имеет достаточный опыт для обучения нижних чинов, неудовлетворительный состав команды я отношу всецело к нежеланию ротмистра Гаврилова должным образом работать, за что объявляю ему выговор».

Результатом же проверки выставленной охраны вышел приказ № 199: «Несмотря на то, что новое «Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам» устанавливает точно обязанности всех чинов, участвующих в охране, а целый ряд разъяснений, отданных мной в приказах и циркулярах по высочайше вверенному мне Корпусу, дают возможность чинам Корпуса вполне сознательно отнестись к тем ответственным обязанностям, которые возложены ныне на офицеров Корпуса новым «Положением», я встретил во время высочайшего проезда из Одессы через Кишинев в Царское Село целый ряд недочетов в несении охраны войсками.

Главной причиной этого я считаю недостаточно отчетливое усвоение господами офицерами полицейских управлений нового «Положения», на что обращаю внимание начальников управления. Затем офицеры Корпуса, находившиеся на охране, недостаточно определенно предъявили свои требования войсковым частям, вошедшим в их участки охраны, и не вполне инструктировали их. Я не признаю уважительными объяснения начальников управлений по поводу того, что некоторые высшие войсковые начальники при осмотре войск по охране изменяли отданные начальниками управлений распоряжения; о таких чрезвычайных случаях им надлежало немедленно донести мне. Я не допускаю в подобных случаях, когда вся ответственность возложена на чинов Корпуса жандармов, излишней уступчивости, а между тем я имел случай убедиться, что начальник управления проявил излишнюю мягкость даже по отношению к своему начальнику отделения, вследствие чего произошел беспорядок в пункте остановки высочайшего поезда. Я также убедился, что большинство начальников отделений не решаются брать на себя ответственности в допуске семей железнодорожных служащих на платформы. В частности, в районе Одесского жандармского полицейского управления войсковая охрана была применена целесообразно и часовые стояли правильно.

В Киевском жандармском полицейском управлении все часовые, вопреки моему приказу сего года за № 151, стояли на внутренней опушке лесных посадок; в некоторых местах при железнодорожных служащих были поставлены еще и войсковые часовые, что противоречит духу «Положения». На станциях выставлено много лишних часовых, и постановка их не была соображена с местными условиями (на станции Москвин, например, были выставлены часовые по

бокам пассажирской платформы, на станции Ровно замечено обилие жандармских унтер-офицеров и войсковых часовых).

В районе Виленского жандармского полицейского управления часовые, в общем, поставлены были целесообразно, особенно хорошо — на станциях, но изредка попадались и с внутренней стороны лесных посадок, а также на вышках, устроенных из шпал и щитов, что я запрещаю самым решительным образом. В районе Жандармского полицейского управления Северо-Западных железных дорог я не видел ни одного часового, поставленного с наружной опушки лесных насаждений. При проходе поезда все часовые поворачивались к нему спиной и утыкались носом в лесные посадки, очевидно, ничего не видя перед собой. По-видимому, здесь часовые не поверялись жандармскими офицерами.

Указывая в настоящем приказе замеченные мною недочеты по проведению в жизнь нового «Положения», я выражаю твердую уверенность в том, что офицеры высочайше вверенного мне Корпуса при следующих высочайших проездах отнесутся с особенным вниманием и строгостью к обязанностям, возлагаемым на них «Положением», и тем вполне оправдают то высокое доверие, которое возлагается на них ныне этим «Положением».

6 июня состоялась торжественная встреча короля саксонского. В Царском Селе в императорском павильоне собрались начальствующие лица и вся Свита Государя. На платформе был выстроен почетный караул от кирасир его величества. Ко времени прихода поезда прибыл Государь. Ровно в 4 часа подошел императорский поезд, из салон-вагона вышел король в русской форме своего пехотного Копорского полка. Раздалась команда, трубачи заиграли гимн. [...] Король, сопровождаемый Государем, обошел почетный караул, затем Государь представил ему начальствующих лиц и лиц Свиты. В открытом экипаже «à la Daumont» с эскортом конвоя в красивых черкесках с винтовками на бедре проследовали король с Государем в Александровский дворец для посещения императрицы Александры Федоровны, после чего таким же порядком Государь проводил короля в Большой Царскосельский дворец, где для короля было отведено помещение. У дворца был выставлен почетный караул Лейб-гвардии 1-го Стрелкового его величества батальона.

В 7 часов состоялся парадный обед, на котором Государь и король обменялись составленными заранее тостами, а на другой день в честь короля на площади Большого дворца состоялся парад войскам Царскосельского гарнизона. Разнообразные мундиры гвардейских частей, расположенных в Царском Селе и Павловске, один красивее другого, молодцеватый, подтянутый вид войск, кроме того, среди них особенно типичные казаки Сводно-гвардейского Казачьего полка в своих казакинах, красных, оранжевых, синих, малиновых, желтых и других ярких цветов — не могли не произвести

впечатления на короля. Король пробыл несколько дней, отбыл он 9 числа.

11 июня я выехал из Петербурга с целью несколько отдохнуть в Курской губернии у моих друзей. Пробыв в Москве по делам службы два дня, навестив бедного больного В. Г. Сапожникова, который лежал в параличе без языка, я с моим секретарем Л. А. Сенько-Поповским выехал из Москвы, сначала в Орловскую губернию, в имение Жедринских Рыбницу, где проживала семья Сенько-Поповских, жена которого была рожденная Жедринская, а оттуда уже проехал в Курскую губернию, имение Евреиновых Борщень. От Орла до Рыбницы, а затем и в Борщень мы проехали на автомобиле. Я как раз перед этим приобрел автомобиль Русско-Балтийского завода, и мне хотелось испытать, насколько будет пригодна русская машина для наших дорог.

Мне для моих многочисленных поездок, а главное, когда приходилось сопровождать Государя, необходимо было иметь солидную выносливую машину. К сожалению, русская машина, которая мне сначала так понравилась, не оправдала себя на плохой дороге и оказалась неудовлетворительной. С разрешения военного министра удалось ее променять в военно-автомобильной роте на прекрасную машину «Бентц», которая по своим качествам была как раз пригодна для моих путешествий, а автомобильной роте она не подходила по числу своих сил. Эта машина и служила мне верой и правдой во всех моих многочисленных путешествиях до конца моего пребывания в должности товарища министра.

Путь от Орла до Рыбницы около 75 верст пришлось сделать проселком, на этом перегоне мы счастливо избегли с Сенько-Поповским катастрофы. По дороге нам предстояло переехать через небольшую речку с очень подозрительным мостом. Мост этот был довольно длинный, горбом и на очень высоких сваях, вернее, просто жердях, и без упоров. Подъехав к нему, я спросил одного крестьянина, можно ли проехать через него, выдержит ли он? Он мне ответил, что с возами они переезжают. Другого моста не было, и добраться до Рыбницы другим способом нельзя было. Шофер решился рискнуть, я согласился, и, перекрестясь, мы тихим ходом стали продвигаться по мосту. Шофер уговаривал перейти пешком, но мы решили, если погибать, так всем вместе. Было жутко, так как под тяжестью автомобиля мост дрожал, и плохо прикрепленные доски болтались, а некоторые даже поворачивались. Как только автомобиль стал съезжать с моста, несколько досок от сотрясения с грохотом полетели в воду. Поблагодарив Бога, что мы избегли несчастия, мы двинулись дальше и скоро приехали в Рыбницу. Пробыв не более суток, я оставил своего секретаря отдыхать в семье, а сам на автомобиле, нигде не останавливаясь, через г. Курск проехал к Евреиновым, у которых пробыл неделю, очень хорошо отдохнув, несмотря на то, что ежедневно получал из Петербурга бумаги и доклады.

В Петербург я вернулся 26 июня. Пока я путешествовал, в Сараеве произошло трагическое потрясающее событие, последствием которого во всей Европе вспыхнул пожар мировой войны, совершенно перевернувший весь мир. Были одновременно убиты наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня Гогенберг. Произошло это таким образом: при проезде в ратушу в автомобиль эрцгерцога была брошена бомба, не причинившая им вреда. Бомба разорвалась у автомобиля, ехавшего сзади с лицами свиты, которые и получили поранения. Преступник был схвачен, оказался он сербом из типографских рабочих. После торжественного приема в ратуше эрцгерцог захотел проехать в госпиталь навестить раненого осколками бомбы подполковника Меренцци. При одном из поворотов какой-то гимназист вскочил на подножку автомобиля и выстрелом из браунинга тяжело ранил как эрцгерцога, так и его супругу. Их тотчас перенесли в конак *, где они, не приходя в себя, скончались.

Убийцей оказался также серб 19 лет Гавриил Принцип, что послужило крупному конфликту между австрийским и сербским правительствами; конфликт, под влиянием расходившихся в Австрии страстей, при благосклонном подуськивании Германии, все более и более разгорался, и через какой-нибудь месяц вся Европа была охвачена войной.

15 июня последовал высочайший указ о расторжении брака великой княгини Марии Павловны с принцем Вильгельмом Шведским и о наименовании ее во всех случаях великой княгиней Марией Павловной младшей. Как я писал уже ранее в своих воспоминаниях, когда описывал их бракосочетание, от этого брака ничего хорошего ожидать нельзя было. Натуры были чересчур разные, слишком он был скучен для нее, живой и всем интересовавшейся молодой женщины. Моя сестра, которая воспитывала ее, все же была огорчена таким финалом их семейной жизни, тем более, что у нее был уже ребенок, с которым она должна была расстаться.

27 числа я ездил в Кронштадт, ввиду предстоящего 1 июля освящения сухого дока в высочайшем присутствии, чтобы на месте ознакомиться с мерами охраны, которые были предположены местными властями к осуществлению.

Вернувшись из Кронштадта, я проехал в Нарву на освящение больницы Кренгольмской мануфактуры по приглашению администрации этой фабрики, поддержанной губернатором Коростовцом — моим большим другом. Кренгольмская мануфактура меня поразила удивительным порядком, обстановкой, положением рабочих, всем оборудованием. Новая больница тоже поражала последними усовершенствованиями. Я обедал у директора вместе с губернатором

* Конак (konak — *тур.*) — особняк, здание правительственного, государственного учреждения.

и сопровождавшими меня лицами, после чего с губернатором совершил небольшой объезд губернии и 28 числа прибыл в Ревель, где провел два дня для разрешения на месте всевозможных вопросов, связанных с устройством в Ревеле крепости, для определения новых границ города, составления инструкции, определяющей взаимные отношения населения и полиции к коменданту крепости и т. д.

Как только я вернулся в Петербург, 30 июня меня вызвал к себе министр Маклаков и прочел записку, полученную им от Государя. В этой записке, насколько я теперь припоминаю, Государь собственноручно писал следующее: «В Покровском совершено позорное покушение на жизнь нашего друга Григория Ефимовича. Императрица и я в полном негодовании. Возлагаю на вас принятие всех мер для предотвращения повторения подобных гнусных злодеяний. Николай».

Маклаков был очень смущен таким письмом Государя и обратился ко мне за советом, как быть. Я его вывел из затруднения, посоветовав ему написать мне официальное совершенно секретное письмо с переложением на меня всей ответственности и принятия мер к охранению Распутина. Я имел в виду воспользоваться этим, чтобы установить тщательнейшее наблюдение за каждым шагом Распутина, дабы впоследствии воспользоваться материалом для обличения его. Маклаков последовал моему совету и тут же написал собственноручное письмо на своем бланке следующего содержания: «Министр внутренних дел. Совершенно секретно. 30 июня 1914 г. Милостивый государь Владимир Федорович, ввиду произведенного на жизнь старца Григория Ефимовича Распутина-Новых покушения в селе Покровском Тобольской губернии и в целях предотвращения повторения таких же выступлений и на будущее время, прошу Ваше превосходительство истребовать с места подробные сведения об этом деле, взять расследование под ближайшее наблюдение, а равно установить негласное охранение Распутина и надзор над всеми лицами, его посещающими и обращающимися к нему с прошениями. Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности. Николай Маклаков».

Взяв это письмо, я оставил его у себя лично, подробные сведения о деле мне запрашивать не пришлось, я уже их имел, да и все газеты были полны ими, под ближайшее наблюдение взять расследование тоже не пришлось, так как оно пошло судебным порядком. Я только учредил за Распутиным двойное наблюдение, два агента открыто следили за ним, записывали всех приходящих к нему и официально числились, как охраняющие его, другие же два вели негласное наблюдение. Те и другие доносили ежедневно Департаменту полиции для доклада мне; Распутин именовался «Темным». Донесения эти были в следующем роде; привожу для примера несколько.

1. К «Темному» из Тюмени на пароходе приехал игумен-настоя-

тель Мартиан и в тот же день с женой «Темного» и Дуней уехал обратно в Тюмень.

2. «Темный» выходил на пристань, где и встретил неизвестную женщину, прибывшую из Тюмени, поговорил с ней минут 30, и она поехала далее до Тобольска. В тот же день его посетили две женщины, как видно первый раз, живут они в г. Тюмени. Послал две телеграммы: «Царское Село, Вырубовой. Как здорова, целую», и «Петроград, Пушкинская д. № 20 Добровольскому: Скажи, кто 3 выехал».

3. У «Темного» в своем доме, в селе Покровском были гости, «Темный» был выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал и в тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания 300 человек дантистов и с каждого должен был получить по 1000 рублей, но получил только 5000 рублей, а когда последний раз был у Государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т. е. до окончания уборки хлеба.

4. 5 августа, в день отъезда «Темного» из Петрограда, на вокзале провожали: Шаховская Татьяна, баронесса Кусова, Миллер, Добровольский, Авчухова, а Вырубова и фон Пистолькорс его из квартиры привезли на собственном моторе на Николаевский вокзал, но из мотора не выходили.

Того же числа около 6 часов вечера «Темного» посетил на 20 минут некто Непряхин, изобретатель наконечников к снарядам (хлопочет по настоящему делу).

В пути «Темный» познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на станции «Камышлов», тут же на платформе попрощался с ними, а дам здесь же встретили штабс- и обер-офицеры, они показали этим офицерам «Темного», и был слышен разговор про то, как было произведено покушение на его жизнь Гусевой, а затем что-то говорили про больницу; выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну станцию, то наверное бы мать потеряла дочку или наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз на глазах».

Не доезжая до станции Буй, «Темный» пришел в вагон, где сидели агенты отделения, сопровождавшие его, Терехов и Свистунов, сел вместе с ними и начал разговор с войны, что война у нас идет очень плохо, в Петрограде скоро будет большая перемена. Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но и Самарин долго обер-прокурором не будет, и сам «Темный» пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече Соловьевым меня?» Агенты ему ответили, что это не наше дело. «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил: «Может, сыщики донесли на Соловьева?» На это я от-

ветил царю: «Не знаю, может, и они». Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может быть, на одну неделю, а может, и больше, как там дела». В заключение «Темный» сказал, что был у царя 2 раза, и он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но якобы он от этого отказался.

«Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград около 12 часов ночи, — сказал «Темный», — и на Царскосельском вокзале видел, как прятался за подъемную машину сыщик от меня, жаль мне его стало, а если бы я узнал, кто он такой, то плохо было бы».

Кроме таких донесений, я раза два в месяц получал донесения о том, кто и в какие дни посетил Распутина в период этого времени, а также и кого посетил Распутин. [...] Распутина одно время довольно часто посещала графиня М. И. Витте, жена бывшего премьера и министра финансов, приходила она с черного хода, оставляя экипаж за углом, или приезжала на извозчике, в густом вуале, каждый раз давала агенту три рубля.

Помимо этих постоянных установленных донесений бывали и другие в случаях, заслуживавших особого внимания. Такого рода донесения участились во время войны, когда Распутин делал попытки вмешиваться в дела чисто военные, как, например, при разного рода поставках. Я буду говорить о них, когда перейду к воспоминаниям моим за 1915 г.

Покушение на Распутина было произведено 28 июня в селе Покровском. Распутин вышел из дому, направляясь в сопровождении сына в почтово-телеграфную контору; в это время какая-то женщина подошла к нему и попросила у него милостыню. Не успел Распутин ответить ей, как она, выхватив из-под платка большой тесак, ударила им его в живот, от чего Распутин упал, обливаясь кровью. Покушавшаяся была арестована, она оказалась сызранской мещанкой Хионией Гусевой, ей было около 40 лет; с внешней стороны она казалась уродом, так как у ней не было носа, вследствие чего, желая скрыть свое безобразие, она постоянно носила черную повязку на носу или закутывала голову черным платком. Она принадлежала к числу поклонниц знаменитого Илиодора и решилась на покушение, как это она сама заявила, чтобы отмстить Распутину за его радения, которые он будто бы проделывал с какой-то ее подругой Ксенией; она хотела избавить людей от лжепророка и антихриста.

Хотя рана была тяжелая, но Распутин, благодаря прекрасно обставленному уходу в г. Тюмени, куда его перевезли, совершенно поправился.

Вокруг покушения на Распутина подняли страшный шум; все газеты были полны всевозможными сведениями, и правдивыми, и вымышленными. Товарищ прокурора Полуботка правильно заявил, что это — самое обыкновенное покушение и что он считает диким весь этот шум, что в этих деревнях на его памяти такой

переполох первый раз; дело он считает пустяшным, и кончится оно, по его словам, несколькими месяцами тюрьмы.

Я лично с Распутиным знаком не был и никогда к этому не стремился и был даже очень рад, что у меня он ни разу не был и никогда ни с одной просьбой не обратился. Он отлично чувствовал, что со мной у него ничего не выйдет. Я его один раз встретил в Ялте в гостинице «Россия», поднимаясь по лестнице в тот момент, когда он спускался; затем я его, к сожалению, видел в Костроме издали на Романовских торжествах в соборе и еще при освящении храма-памятника, воздвигнутого в Петербурге по случаю 300-летия дома Романовых. Поэтому личное суждение мое о нем может быть ошибочно, во всяком случае, я не мог не видеть и не чувствовать всего того зла, которое он несет с собой и России, и династии.

Он своими поступками производил на меня впечатление умного мужика, себе на уме, нахального, который, пользуясь положением человека, которому все разрешается, без всякого стеснения обращался с дамами, которым такое обращение нравилось. Он безобразничал, пьянствовал, развратничал, но это не мешало ему в то же время прикидываться самым кротким, смиренным и набожным, когда он бывал в Царском. Он пользовался своим влиянием и постоянно вмешивался в вопросы о назначениях даже на высшие должности. Но в этом его винить нельзя было — само общество потакало ему в этом, поощряло его; было очень много лиц, занимавших высокие посты, которые считали за честь близкое знакомство с Распутиным, поэтому, конечно, он привык, что ему все позволено. Сделавши волшебную карьеру, взобравшись на высоту, этот темный сибирский крестьянин увидел вокруг себя такой разгул низости, такое пресмыкательство, которые не могли вызвать в нем ничего другого, как презрение, и поведение его, и «вольное» обращение его с поклонницами, и небрежительное с пресмыкающимися перед ним, хотевшими делать карьеру — вполне понятно.

К сожалению, и Маклаков, мой министр, не был совершенно безупречен, так как несколько раз все же принимал его и выслушивал его просьбы; исполнены ли они были Маклаковым, я не знаю. К моей радости, я могу все же констатировать один случай, когда он, рискуя своим положением, выказал большую твердость.

Как-то раз Маклаков, пригласив меня к себе, показал мне записку, на которой рукой Государя было написано: «Просьба — управляющего Пермской казенной палатой Ордовского-Танеевского куда-нибудь губернатором». Оказывается, что когда Маклаков по окончании всеподданнейшего доклада откланивался, Государь как-то сконфужено протянул ему эту записку со словами: возьмите это, дома прочтете; это просьба императрицы на ваше полное усмотрение».

Маклаков был очень смущен. Этот управляющий казенной палатой был явный распутинец и никуда не годный администратор.

Когда Распутин как-то проезжал через Пермь, то на вокзал выезжал архиерей и этот самый управляющий палатой, исполнявший тогда, за отсутствием губернатора и вице-губернатора, обязанности начальника губернии, — выезжал в мундире с лентой. Когда я об этом получил донесение начальника губернского жандармского управления, то я послал Ордовскому-Танеевскому шифрованную депешу, спрашивая, действительно ли он унизил должность губернатора до такой степени; ответа на мою депешу я не получил и тогда сообщил об этом министру финансов, в ведении коего он состоял как управляющий палатой. В Министерстве финансов его, очевидно, стали теснить, и вот результат — просьба императрицы. Маклакову очень не хотелось исполнить ее, он в душе сознавал, что это невозможно. Я всецело его горячо поддерживал, сказав: «Если ты исполнишь желание императрицы о назначении такого негодяя, известного своим пресмыкательством перед Распутиным, то ты пойдешь по наклонной плоскости; за этой просьбой посыплются другие; поверь, это пробный камень». Маклаков выдержал, поехал к Государю и доложил о невозможности такого назначения. Государь в душе оценил благородство Маклакова, но императрица к нему несколько изменилась после этого. Когда ушел Маклаков и назначен был Хвостов, то Ордовский-Танеевский очень скоро получил должность губернатора в Тобольск, а Станкевич [был] переведен в Самару.

Государь в душе сознавал вред от Распутина, это несомненно, у меня есть на то верные доказательства (о них буду говорить в воспоминаниях за 1915 г.). Он хотел от него избавиться, несколько раз высылал его из Петербурга, запрещал ему приезд в Ливадию, но проходило время — влияние императрицы парализовало благие намерения Государя. Императрица, мистически настроенная, была до такой степени введена в обман наружным благочестием Распутина, который, бывая у нее, прикидывался таковым. Она так верила его необыкновенной набожности, его молитве, верила, что его молитва спасает наследника. Правда, несколько раз бывали такие совпадения, что как только Распутин по вызову императрицы приезжал к больному наследнику, ему становилось лучше, он даже вставал с постели. И вот страх за здоровье и жизнь любимого существа — наследника цесаревича, заставлял ее так слепо относиться к Распутину, которого она убежденно считала хранителем и спасителем своего сына.

Страшная болезнь наследника и держала всегда в страхе императрицу, а через нее и Государя, и это было роковым для России. Все другие россказни об отношениях императрицы к Распутину не выдерживали никакой критики. Возможно, конечно, что всему происходившему помогала сильная истеричность императрицы, которая и давала некоторое основание разным разговорам, позорящим ее имя, но и только.

Не лишением жизни Распутина можно было что-нибудь изме-

нить, нет, — этот взгляд существовал в самых консервативных кругах, где находили, что было бы великим счастием, если бы Распутина не стало, так как приобретенное этим человеком влияние составляет величайшее несчастие для России и грозит ей величайшими бедствиями. Но этот взгляд был совершенно фальшивым. Они не понимали, что не влияние Распутина страшно для России, а то страшно, что общество само создало такие условия, при которых возможно то огромное влияние, которое мог оказывать такой человек как Распутин. Если бы в обществе было поменьше истеричных и неудовлетворенных женщин, ищущих особых ощущений, если бы среди занимавших высокие посты и окружавших Государя было поменьше лакеев, а побольше честных людей, то распутины не могли иметь влияния. Все зло в том, что люди предпочитают молчать или лгать, чем говорить правду.

1 июля в Кронштадте состоялось торжественное освящение сухого дока имени наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Сухой док этот по размерам был первым в России и третьим во всем мире. У самого порога он имел 118 футов в ширину и только два дока были шире — в Гавре — 125 футов и в Ливерпуле — 120 футов. Длина дока 856 1/2 футов, у самого дока водоотливная станция с 3 насосами, могущими осушить док, вмещавший 4 миллиона куб. футов воды, в 4 часа времени. Он устроен был на месте, где было мелководье залива, около военной гавани. У водного пространства было отнято до 30 десятин водной поверхности и на ней и прилегающей суше воздвигнуто было новое гигантское сооружение.

Вся местность в гавани около дока представляла собой очень красивую картину; на малом рейде стояли 4 миноносца и две красавицы яхты: «Штандарт» и «Полярная Звезда». Около дока по обе стороны построены были два павильона: один полуоткрытый, в котором сосредоточены были все чертежи, планы по устройству дока, а также найденные при работе ископаемые предметы; другой павильон — для молебствия.

В гавани в ожидании приезда их величеств собрались начальствующие лица, за павильоном приглашенные, кругом дока стояли шпалеры войск, фронтом к доку, от почетного караула белая полоса матросов, затем темная полоса артиллеристов и т. д.; дети приюта-корабля в матросских костюмах. На северной стороне дока выстроена была трибуна для народа, заполнявшего ее. На площадке выстроен был почетный караул от Балтийской машинной школы со знаменем и хором музыки от Балтийского флотского экипажа. Новый док был закрыт ботапортом. В гавани стоял, как раз против входа в док, крейсер «Рюрик» под флагом командующего Морскими силами в Балтийском море Эссена.

В 11 часов на яхте «Нева» прибыли великий князь Кирилл Владимирович, министры: морской — Григорович, военный — Сухомлинов, внутренних дел — Маклаков, помощник морского мини-

стра Бубнов и я. Около 12 часов раздались салюты с судов, и вскоре к пристани подошел паровой катер с их величествами и августейшими детьми. Забили барабаны, склонился знаменный флаг, раздались звуки гимна, Государь принял почетный караул, затем направился по фронту шпалер, в это время по сигналу морского министра были открыты 4 нижние кинкета, и вода хлынула толстыми струями в гранитный док, затем открыли и остальные кинкеты. Эффект был огромный, когда 6 мощных струй бросали на дно дока воду пенящимися освещенными солнцем дугами.

Обойдя войска, Государь принял хлеб-соль от городского головы, начался молебен, а док все наполнялся водой. По окончании молебствия и окропления святой водой нового сооружения их величества прошли к середине ботапорта, императрица перерубила серебряным топориком протянутый синий шнур, док был открыт.

Могучее «ура» потрясало воздух, а крейсер «Рюрик» вмиг расцветился сигнальными флагами, хоры музыки заиграли «Боже, царя храни». Их величества прошли в павильон для осмотра чертежей. Когда ботапорт был отведен на буксире в сторону, поверхность воды в доке и гавани сравнялась, с крейсера «Рюрик» завезли стальные канаты на док и сотни матросов стали тянуть канат. Крейсер, весь разукрашенный, медленно подвигаясь, стал входить в ворота дока. Когда крейсер вошел в док, их величества, простившись со всеми и поблагодарив строителей, начальствующих лиц и рабочих, отбыли на яхту «Штандарт», которая взяла направление к шхерам. Яхта же морского министра «Нева» доставила нас, начальствующих лиц, обратно в Петербург.

Во время этого перехода Н. А. Маклаков рассказал мне, что пока их величества обозревали чертежи и планы, к нему подошла А. Вырубова и сказала ему: «Почему Джунковский так ненавидит Григория Ефимовича? Не хочет иметь с ним никакого дела и даже преследует его; это так больно императрице. Не можете ли вы с ним поговорить, это было бы так хорошо, если бы он изменил свое отношение, и для него это было бы хорошо, и для других, и императрица была бы покойна, поговорите с ним». Маклаков на это сказал ей: «Почему вы думаете, что Джунковский ненавидит Распутина? Он мне этого никогда не говорил». — «Я уж знаю, — ответила Вырубова, — поговорите же с ним». Я нашел этот разговор со стороны Вырубовой и наивным, и глупым, впрочем, она умом никогда не отличалась.

Еще с начала июня месяца начались забастовки на некоторых нефтяных промыслах в г. Баку и окрестностях [7]. Забастовки эти постепенно охватили весь Бакинский район, никакие меры, предпринятые местной властью, не привели ни к чему, забастовка упорно держалась.

Министерство торговли, крайне озабоченное таким упорством со стороны рабочих и опасаясь неблагоприятного воздействия забас-

товки на экономическую жизнь страны, внесло этот вопрос на обсуждение Совета Министров, на каковое заседание и я получил приглашение. По обсуждении А. В. Кривошеин прямо предложил войти со всеподданнейшим ходатайством о командировании в Баку доверенного лица с особыми полномочиями и в качестве такого лица назвал меня и, обращаясь ко мне, сказал: «Ведь вы бы не отказались?» Я ответил, что я так мало знаком с местными условиями в Баку, что вряд ли сумею справиться с делом. Горемыкину мысль эта понравилась, другие тоже присоединились, некоторые по убеждению, другие, считая, может быть, неловким протестовать в моем присутствии. Одним словом, я уехал с заседания крайне озабоченный и очень надеялся, что дальше разговоров это не пойдет. Но увы! Уже 30 июня я получил частное письмо от Горемыкина следующего содержания: «Глубокоуважаемый Владимир Федорович, пишу Вам с яхты «Стрела», на которой уходил в Петергоф к его величеству. Государю угодно было сейчас положить на докладе Совета Министров о мерах борьбы с забастовкой на Бакинских промыслах следующую резолюцию: «Командировать Свиты генерал-майора Джунковского с предоставлением ему полномочий, данных в 1907 г. генералу барону Таубе». Извещая Вас о сем, тотчас же прибавляю, что сегодня вечером и завтра днем буду дома, если Вам угодно меня видеть. Прошу Вас принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности. И. Горемыкин. 30 июня 1914 г.».

Получив это письмо, я в тот же вечер поехал к Горемыкину, который мне сказал, что Государь всецело присоединился к мысли Совета Министров о командировании меня, сказав при этом много лестного по моему адресу, и потому я не должен смущаться и смело ехать в Баку. Я спросил Горемыкина, как я должен смотреть на мою командировку — как на карательную экспедицию или как, прежде всего, административную для выяснения причин постоянных забастовок и тех мер, которые надо принять, чтобы в будущем парализовать возможность их, так как чисто карательная экспедиция мне не по характеру. Он меня успокоил и сказал, что именно командировка не карательная, а значение ее гораздо шире. Затем я просил разрешения взять с собой тех, кого найду нужным, на что получил полное согласие. Переговорив о некоторых деталях, я уехал от Горемыкина вполне удовлетворенный. Затем я уже получил официальное предложение, изложенное Горемыкиным в письме с приложением копии журнала Совета и депеши Горемыкина на имя наместника на Кавказе и ответ на эту депешу. Привожу их полностью.

«Совершенно доверительно. Председатель Совета Министров 1 июля 1914 г. 84 287. Милостивый государь Владимир Федорович. Его императорскому величеству благоугодно было на всеподданнейшем моем докладе о мерах борьбы с забастовкою на Бакинских нефтяных промыслах собственноручно начертать: «Командировать

Свиты генерал-майора Джунковского с предоставлением ему полномочий, данных в 1907 г. генералу барону Таубе». Уведомляя ваше превосходительство о таковой монаршей воле с препровождением при сем копии упомянутого доклада, а также копий телеграммы моей наместнику его величества на Кавказе от 24 минувшего июня за № 4223, ответной телеграммы исправляющего должность кавказского наместника генерала от инфантерии Мышлаевского от 29 того же июня за № 1203, долгом считаю присовокупить, что покойный министр внутренних дел статс-секретарь Столыпин всеподданнейшим своим докладом от 22 марта 1907 г. повергал на благовоззрение его императорского величества нижеследующие свои соображения по вопросу о командировании в местности, охваченные в то время забастовкой, генерал-майора барона Таубе:

«Я признавал бы полезным командировать ныне же в Астрахань, Баку, Красноводск, Петровск и другие местности, охваченные забастовкой, командующего Отдельным корпусом жандармов генерал-майора барона Таубе с предоставлением ему нижеследующих прав: 1) воспрещать всякие народные, общественные и частные собрания; 2) передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных для суждения их по правилам, определенным в пункте 6 статей 19 и 20 приложения к статье 23 Общего губернского учреждения (Свод законов, т. II); 3) подчинить отдельные местности особо назначенным им лицам с отнесением к предметам их ведомства гражданского управления на основаниях, определяемых специальной инструкцией; 4) образовать военные районы в пределах местностей, охваченных описанными забастовками, с подчинением особо назначенным им военным чинам всех войск, находящихся в каждом из этих районов; 5) учредить для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды с кругом прав и обязанностей, указываемых при самом их учреждении; 6) издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности; 7) подвергать в административном порядке виновных в нарушении указанных постановлений тюремному заключению на 3 месяца или денежному штрафу до 3000 рублей; 8) устранять от должности чиновников всех ведомств, не занимающих должностей первых трех классов, а также лиц, служащих по выборам в сословных городских и общественных учреждениях; 9) приостанавливать периодические издания; 10) закрывать все торговые и промышленные заведения; 11) запрещать отдельным лицам пребывать в местностях, в коих проявились описанные выше забастовки, и 12) высылать из тех же местностей отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними надзора полиции, причем устанавливать указанные выше в пунктах 7-11 меры впредь до

прекращения беспорядков в названных выше местностях и, во всяком случае, на сроки, не свыше остающегося времени действия введенных уже в этих местностях исключительных по охране положений, усиленной или чрезвычайной охраны или военного положения.

При этом, с целью облегчения барону Таубе возможности делать не терпящие отлагательства распоряжения, представлялось бы нецелесообразным разрешить ему действовать в экстренных случаях без предварительного сношения с министерствами и наместником вашего величества на Кавказе».

На означенном докладе собственноручно его императорского величества рукой 23 марта 1907 года начертано: «Согласен».

Прошу Вас, милостивый Государь, принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности. Подписал: И. Горемыкин.

На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Командировать Свиты генерал-майора Джунковского с предоставлением ему полномочий, данных в 1907 г. генералу барону Таубе». В Петергофе 30 июня 1914 г. Скрепил: Председатель Совета Министров статс-секретарь Горемыкин. Верно: исправляющий должность управляющего делами Совета Министров И. Лодыженский».

Полученные Министерством торговли и промышленности сведения выяснили, что в настоящее время забастовка рабочих на Бакинских нефтяных промыслах приняла затяжной характер. Предъявленные рабочими экономические требования являются настолько преувеличенными и неприемлемыми, что промышленники не могут пойти им навстречу. Между тем, начались уже серьезные столкновения между забастовщиками и рабочими, обнаружившими желание встать на работу. Столкновения эти, сопровождаемые проявлениями насилия со стороны забастовщиков, вызвали необходимость вмешательства полиции и войск и привели к многочисленным арестам. Однако принимаемые местной властью меры не приводят пока к улучшению создавшегося положения на промыслах. Напротив того, положение это ныне еще более обострилось, ввиду предстоящего приведения в исполнение судебных приговоров по возбужденным нефтепромышленниками искам (свыше 2000) о выселении бастующих рабочих из принадлежащих промышленникам жилищ. В частности, упорство бастующих поддерживается влиянием на них пребывающего в Бакинском районе члена Государственной Думы Скобелева.

Затянувшаяся забастовка угрожает принять в ближайшем будущем размеры истинного государственного бедствия. Неблагоприятное воздействие ее на экономическую жизнь страны сказывается уже повышением цен на нефть и нарушением нормального течения торгово-промышленной деятельности. Судоходство по системе важнейшей водной артерии России — на Волге и на ее притоках —

испытывает серьезные затруднения, ввиду недостатка нефтяного топлива. Равным образом и фабрично-заводские предприятия во многих местностях империи, работающие на нефти, вынуждаются сократить, а затем и приостановить свои действия.

При таких условиях я счел долгом, во исполнение заявленной мне министром торговли и промышленности просьбы, обратиться к наместнику Вашего императорского величества на Кавказе с телеграммой, коею обращаю внимание генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова на желательность применения находящихся в распоряжении администрации законных мер борьбы с забастовкой и скорейшей, по возможности, ее ликвидации. Обсудив настоящее дело, Совет Министров, со своей стороны, пришел к убеждению, что единственно действенным средством к восстановлению в Бакинском промышленном районе необходимого порядка и к ликвидации за сим забастовочного движения было бы командирование в означенный район особого лица, по непосредственному избранию Вашего императорского величества, облеченного чрезвычайными и притом достаточно обширными полномочиями. Доводя об изложенном до высочайшего Вашего императорского величества сведения, приемлю долг всеподданнейше испрашивать указаний Вашего величества. Подписал: Председатель Совета Министров И. Горемыкин. 28 июня 1914 г.».

«Наместнику его императорского величества на Кавказе, Тифлис.

Министр торговли и промышленности обращает мое внимание на затяжной характер забастовки на Бакинских нефтяных промыслах, угрожающий интересам отечественной промышленности и судоходству.

Группы бастующих насильственно мешают другим рабочим встать на работу, вследствие чего происходят постоянные столкновения, а одновременно рабочие на многих промыслах препятствуют перекачке уже добытой нефти. Руководствуясь статьей 1358,2 Уложения, местные власти принимают, по-видимому, некоторые меры к восстановлению порядка на промыслах, но тайный советник Тимашев считает силы администрации совершенно недостаточными, вследствие чего возрастает упорство и вызывающие действия забастовщиков. Поэтому министр торговли признает необходимым принятие самых решительных мер к ограждению рабочих, желающих возобновить работы, а также к обеспечению осуществления судебных приговоров о выселении бастующих из принадлежащих промышленникам жилищ. С своей стороны считаю долгом обратить серьезное внимание Вашего сиятельства на желательность применения находящихся в распоряжении администрации законных мер борьбы с забастовкой и скорейшей по возможности ее ликвидации.

№ 4223. 24 июня 1914 г. Председатель Совета Министров Горемыкин».

Ответ исправляющего должность наместника его императорского величества на Кавказе генерала от инфантерии Мышлаевского на имя Председателя Совета Министров от 29 июня 1914 г. за № 1203:

«№ 4223. Имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству, что в отношении бастующих в Баку рабочих приняты следующие меры. Бакинскому градоначальнику предложено задерживать тех рабочих, в действиях которых заключаются признаки преступлений, предусмотренных 1358,2; 1358,3 и последующими статьями «Уложения о наказаниях» и передавать их следственной власти. Для охраны нефтяных промыслов и предупреждения со стороны рабочих насильственных действий в распоряжение градоначальника командировано шесть сотен казаков и указано в случае надобности пользоваться всем местным гарнизоном. Приняты меры к принудительному выселению промысловых рабочих по исполнительным листам. Предпринята эвакуация пришлого элемента, внушающего подозрение в благонадежности. Издано обязательное постановление, воспрещающее пребывание в районе промыслов от 8 часов вечера до 4 часов утра лицам, не имеющим особых удостоверений полиции. Наконец, не прекращается принятие и других общих и специальных мер в пределах «Положения о чрезвычайной охране», вызываемых забастовкой. Из изложенного, Ваше высокопревосходительство, изволите усмотреть, что для прекращения забастовки исчерпываются все меры, предоставленные законом, принятие же иных чрезвычайных мер со специальною целью принудить рабочих встать на работу грозит не только озлоблением рабочих, но и возможностью вооруженных столкновений и общим ухудшением положения дел в районе забастовки. Затяжной характер забастовки заботит также и графа наместника, но, к сожалению, дальнейшие меры для ее прекращения выходят из пределов [компетенции] местной администрации. В этом отношении существенную пользу мог бы оказать Совет Съезда нефтепромышленников, так как большинство фирм, несмотря на длящуюся забастовку, фактически не рассчитывает рабочих. Надо полагать, что фактическая выдача расчета рабочим, сопровождающаяся фактическим же выселением по исполнительным листам, а затем немедленное отправление на родину имели бы самое решительное влияние на рабочих. Если Ваше высокопревосходительство и министр торговли и промышленности одобряют это предложение, то, быть может, найдете соответственным преподать Совету Съезда нефтепромышленников должное указание. Существенную пользу мог бы оказать также министр юстиции, преподав надлежащие разъяснения бакинской судебной власти по поводу допускаемого ею ограничительного толкования статьи тысяча триста пятьдесят девятой, терция «Уложения о наказаниях», что отрицательно отражается на борьбе с забастовочным движением. Ныне рабочие, виновные в учинении забастовки на таких предпри-

ятиях, как водопроводы, нефтекачки и другие, отвечающие понятию государственного или общественного интереса, задерживаемые полицией и передаваемые следственной власти, последнею немедленно освобождаются из-под стражи, как учинившие, по мнению судебных властей, деяние, не наказуемое уголовным законом; такие рабочие, возвращаясь на промыслы, очень затрудняют борьбу администрации с рабочим движением. Сообщая изложенное на Ваше усмотрение, докладываю, что бакинскому градоначальнику вместе с сим вновь подтверждается, чтобы он всемерно содействовал скорейшему прекращению забастовки, не выходя, однако, из пределов мер, допустимых по закону. № 1203. Исправляющий должность наместника генерал Мышлаевский».

Получив это предложение, я спешно стал собираться в дорогу, но раньше хотел еще ознакомиться с положением на промыслах в Баку по данным, имевшимся в Министерстве торговли, кроме того, повидать и поговорить с некоторыми лицами, знакомыми с работой на промыслах в Баку; поэтому отъезд я свой назначил на 6 июля, надеясь к этому времени подобрать и необходимых сотрудников. Я считал весьма важным окружить себя дельными, достойными и честнейшими сотрудниками, преданными мне и разделявшими мои взгляды; так как я смотрел на свою командировку не как на необходимость силой заставить рабочих вступить на работу и этим прекратить забастовку, а придавал ей гораздо большее значение, я считал, что на моей обязанности, прежде всего, лежит долг ознакомиться с положением работы на приисках и вникнуть глубже в причину возникновения забастовки и постараться ликвидировать ее парализованием этой причины.

У меня не было сомнений, что забастовка эта, конечно, главным образом политическая, и в этом случае, вникнув в дело, можно было лишить ее почвы. Чтобы привести все это в исполнение, мне и нужны были соответствующие спутники. Выбор мой остановился прежде всего на директоре Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполите по вопросам политическим, затем на директоре Горного департамента В. И. Арандаренко — как специалисте по горнозаводской части и промыслам, по юридическим же вопросам и дипломатическим, если так можно выразиться, я сначала думал пригласить товарища министра юстиции Чаплина, но за несогласием на сие со стороны министра юстиции, я просил отпустить со мной П. В. Истомина, бывшего в то время вице-директором Департамента духовных дел, которого я знал за способнейшего незаменимого работника, весьма талантливого и прекрасно разбиравшегося во всякого рода таких запутанных делах, как бакинская забастовка. Представителем от штаба Корпуса жандармов я взял с собой полковника Пискнунова, а на моего секретаря Сенько-Поповского возложил заведование моей канцелярией по командировке. Кроме этих лиц меня еще сопровождал мой адъютант капитан Штер. Штат моей

канцелярии составили четыре чиновника из Департамента полиции и один курьер.

Я решил ехать на Тифлис, чтобы там получить все нужные указания и переговорить с исправляющим должность наместника генералом Мышлаевским и свидеться с моим братом, членом совета наместника от Министерства финансов и торговли, который был в курсе бакинских дел, отлично в них разбирался и мог дать много полезных советов.

Перед отъездом я послал депешу наместнику графу Воронцову-Дашкову, который по болезни находился в это время в своем имении Новотомникове: «По высочайшему повелению я командирован с особыми полномочиями в Баку на забастовку нефтяных промыслов, о чем Вашему сиятельству уже известно из письма Председателя Совета Министров. Очень сожалею, что мне не представляется возможным лично представиться Вам и получить от Вас непосредственно соответствующие указания и выслушать Ваши пожелания, буду крайне признателен, если Ваше сиятельство будете столь любезны и сообщите мне по телеграфу Ваши указания или поручите временно исполняющему обязанности наместника сообщить их мне в Тифлисе, куда я еду непосредственно и уже оттуда в Баку, где буду 10 июля. Свиты генерал Джунковский».

В ответ на это я получил следующую депешу: «Очень рад Вашей командировке, буду в помощь Вам. Из Тифлиса будут назначены Джунковский, Писарский и Браиловский, мое мнение о причинах забастовки узнаете от брата. Граф Воронцов».

Я нашел неудобным назначение ко мне моего родного брата, Писарский почему-то назначен быть не мог, и при мне в Баку от наместничества был один Браиловский, оказавшийся очень и очень мне полезным и дельным сотрудником.

Отъезд мой был назначен, как я уже говорил, 6 июля с кисловодским поездом в 10 часов утра; накануне его я получил от французского посла от имени Президента Французской республики Пуанкаре приглашение на парадный обед в посольство 8 июля, на другой день его приезда. Мне было очень жаль, что я не встречусь с Пуанкаре, о котором у меня сохранилось такое дорогое воспоминание после моего знакомства с ним в 1912 г.

Уезжая из Петербурга, я послал ему депешу следующего содержания: «Господину Президенту Французской республики. Петергофский дворец. Сохраняя лучшие воспоминания памятных дней в Москве, когда я имел большую честь принимать Вас у себя как московский губернатор, и помня всегда Ваше благожелательное отношение, я действительно сожалею, что мой отъезд по срочным делам на Кавказ лишает меня чести представиться Вам в день Вашего приезда в Россию. Благоволите, господин Президент, принять мое приветствие по случаю Вашего приезда и сердечные пожелания приятно провести время в России, так же как и мои

чувства глубокого уважения и искренней преданности. Товарищ министра внутренних дел Свиты его величества генерал Джунковский».

К послу же обратился со следующим письмом: «Господин посол, срочная командировка на Кавказ, куда я должен выехать в воскресенье, к моему большому сожалению, лишает меня чести принять участие в обеде во французском посольстве 8/21 июля. Я очень огорчен, что должен уехать из Петербурга как раз в момент приезда господина Президента Пуанкаре. Благоволите, Ваше превосходительство, принять и передать господину Президенту мою всепреданнейшую благодарность и мое искреннее сожаление с чувствами моего глубокого почтения. Я имею честь быть с чувствами глубокого уважения Вашего превосходительства всепреданнейший В. Джунковский».

Все мои спутники выехали со мной в одном вагоне, кроме Арандаренко, который приехал в Баку днем позже. Сев в вагон, я только тогда почувствовал, до чего я устал за последние дни в Петербурге, когда я совсем замотался. Я был так рад очутиться в вагоне, окруженный преданными и дорогими мне людьми, не тревожимый никакими бумагами. До Владикавказа двое суток я мог предаться полному отдыху, чтобы набраться сил для предстоящей тяжелой работы. В Беслане я расстался с частью моих спутников, которые направились прямо в Баку, а с Истоминым и Штером я поехал прямым путем по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ в Тифлис.

После соответствующей встречи во Владикавказе мы в 4 часа дня на автомобиле двинулись по Военно-Грузинской дороге в Тифлис с ночевкой во Млетах. Погода была чудная, и было большим наслаждением ехать по этой величественной живописной дороге.

В Тифлис мы прибыли в 10 часов утра 9 июля. Я остановился у своего брата, а Истомин и Штер в гостинице. Тотчас по приезде я отправился явиться исправляющему должность наместника генералу Мышлаевскому; затем с моим братом и моими спутниками завтракал у помощника наместника Петерсона. Оба, Мышлаевский и Петерсон, были ко мне очень внимательны, любезны; но я не мог не почувствовать в тоне их разговора, что они не особенно сочувствуют моей командировке, находя ее совершенно излишней и считая, что бакинской забастовке придано в С.-Петербурге слишком большое значение и что и без меня они бы с нею справились. А между тем забастовка длилась уже 1 1/2 месяца и не было никаких признаков, что она близка к окончанию. Почувствовать такое отношение мне было не особенно приятно, так как всегда тяжело бывает быть непрошеным гостем. Но что же было мне делать, я ведь не напрашивался на эту командировку, она была даже мне не по душе, а потому совесть у меня была совершенно спокойна. Неприят-

ное это чувство, как только я стал работать в Баку, у меня скоро прошло, так как кроме самого предупредительного отношения со стороны кавказских властей и любезного с их стороны внимания, я ничего не видел. Этому способствовало определенно сочувственное отношение графа Воронцова-Дашкова лично ко мне и к моей командировке, а также и то обстоятельство, что я не был чужим для кавказской администрации, благодаря моему брату, который пользовался на Кавказе большим уважением.

В Тифлисе у меня весь день ушел на ознакомление с бакинскими делами, рабочим вопросом на промыслах и т. д. Мой брат, как весьма компетентное лицо во всех этих вопросах, очень ярко осветил мне всю картину и причины забастовки, вернее сказать, ту почву, на которой создавалась эта политическая забастовка, так как экономической она была только по названию. Некоторое время у меня также отняло посещение подведомственных мне жандармских учреждений в Тифлисе, состав коих был довольно удовлетворительный; во главе стоял полковник Пастрюлин, осень умный и серьезный работник, но несколько тяжелого характера.

На другой день в 11 часов я выехал из Тифлиса, снабженный массой материала; со мной выехал и представитель наместничества Браиловский, оказавший мне большую поддержку и помощь.

В Баку поезд пришел в 10 часов вечера, на вокзале в парадных комнатах находились начальствующие лица как гражданского, так и военного ведомства, а также и представители Совета Съезда нефтепромышленников. Все они были мне представлены. Казачий эскорт я отклонил и на автомобиле проехал прямо в гостиницу «Националь», где было уже готово помещение для меня, для сопровождавших меня и для канцелярии. Помещение было очень хорошее, это была лучшая гостиница в Баку; у меня было три комнаты — кабинет, спальня и приемная; сопровождавшие меня и канцелярия разместились по тому же коридору в десяти комнатах.

Градоначальник проводил меня до гостиницы и сделал мне первый доклад; между прочим, он мне доложил, что в первых числах июля на многих промыслах наблюдалось стремление стать на работу, когда же они узнали о моем приезде, то сразу настроение у них изменилось, и рабочие заняли выжидательное положение. Когда я спросил о причине такой перемены, он высказал предположение, что моим приездом воспользовались главари забастовки и стали распространять слухи, что я еду для того, чтобы заставить промышленников пойти на уступки; главари хотели этими слухами способствовать продолжению забастовки и тем умалить значение моего приезда. По уходе Мартынова я еще долго занимался с Брюн де Сент-Ипполитом и Истоминым, намечая программу работы.

Чтобы не сделать каких-нибудь неправильных шагов, я решил сначала объехать все промыслы, надеясь это сделать в течение двух дней, и только по ознакомлении со всеми условиями работы на

местах принять какое-нибудь решение. Я решил только оповестить население и рабочих о цели моего приезда во избежание кривотолков, и с раннего утра уже по всему городу и на промыслах было расклеено мое первое обращение к населению и рабочим г. Баку и губернии:

«Начавшееся в конце мая сего года брожение среди рабочих на Бакинских нефтяных промыслах, принимая все более острый и затяжной характер, представляет ныне несомненную угрозу для правильной деятельности одной из важнейших отраслей отечественной промышленности. Упорные нарушения мирных условий народного труда на многочисленных промыслах и вызываемая тем возможность крупного бедствия, ввиду исключительного значения добычи нефти для хозяйственной жизни России, остановили на себе высокое внимание нашего державного повелителя Государя императора.

1 сего июля его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне, как лицу, имеющему счастие состоять в государевой Свите, по ознакомлений на месте с состоянием Бакинского нефтепромышленного района принять все должные меры к немедленному восстановлению нарушенного общественного порядка и к возобновлению прерванных работ. Прибыв сего числа во исполнение высочайшей воли в г. Баку и приняв высшее начальствование над всеми частями местного военного и гражданского управления, я твердо надеюсь, что население г. Баку и Бакинской губернии окажет мне посильную помощь в деле, столь близко затрагивающем его разнообразные интересы. Сохранение местными обывателями полного спокойствия и доверия к моим распоряжениям создадут те условия, при которых мне легче будет достигнуть желанного успеха. Лиц, имеющих сообщить какие-либо серьезные сведения, относящиеся до прекращения работ на промыслах, прошу обращаться непосредственно ко мне.

Мне было бы в высшей степени отрадно донести его императорскому величеству, что общественный порядок и мирное течение народного труда на Бакинских нефтяных промыслах достигнуты не столько мерами строгости, основанными на предоставленных мне обширных особых полномочиях, сколько проявлением чувства уважения к законному порядку и благоразумия со стороны всех лиц, кои ныне действиями своими стремятся создать крупные общественные бедствия. Свиты его величества генерал-майор Джунковский. 11 июля 1914 г.».

11 июля я приступил к работе, начав объезд всех промыслов, чтобы ознакомиться с условиями работ на местах и лично проверить все ранее мне доложенное. В течение двух дней я объезжал промыслы, обходил казармы рабочих, заходил и в некоторые квартиры, беседовал с представителями администрации и с рабочими. Выезжал я утром часов в 8, возвращался к обеду около 2 часов, затем около 4 часов выезжал опять, возвращался к 9 вечера, совсем

усталый и разбитый. Все объезды я совершал на автомобиле, в качестве охраны у меня был телохранитель, как их называли на Кавказе; он сидел в автомобиле рядом с шофером. Меня обыкновенно сопровождали Брюн де Сент-Ипполит, Истомин и Браиловский, иногда и другие из числа приехавших со мной.

Впечатление от этого первого знакомства с промыслами было довольно безотрадное, скажу прямо, тяжелое. Первое, на что я обратил внимание, это на поражающее антисанитарное состояние большинства жилищ для рабочих, недостаток воды, потребительских лавок, отсутствие вообще должного порядка на промыслах, все это, по моему мнению, давало не малую почву для возбуждения рабочих.

Одновременно с осмотром промыслов я по дороге заехал и на работы по добыче нефти кустарным способом. Это было что-то кошмарное, я долго не мог отделаться от впечатления этого ужаса. Занимались этим способом мелкие хозяйчики, имевшие небольшое число рабочих, не подлежащих ведению фабричной инспекции и никаким обязательным постановлениям. Рабочими у них были исключительно персы — самая беднота. Работа производилась ручным первобытным способом. Копали вроде колодца, пока не натыкались на нефть, которая просачивалась через землю. Колодец узкий, вдвоем спуститься нельзя было. Добыча была элементарная. Спускали на блоке перса, совершенно голого, с ведром. Опустившись, он наполнял ведро нефтью, дергал за веревку — это было сигналом, что готово, и его вытаскивали. Он появлялся весь в нефти. С него эту нефть снимали не то мягкими скребницами, не то щетками, и он лез опять. Мне рассказывали, что бывали несчастные случаи, от испарений перс задыхался и не давал из колодца никаких признаков жизни, тогда спускали другого, и если первый оказывался мертв, то его и не вытаскивали, дабы не иметь дела с полицией, и т. д. Продолжали брать нефть, а тело постепенно засасывало. Я верить не хотел, когда мне это рассказывали. И такие случаи, по рассказам, бывали сравнительно недавно. Прямо кошмар.

Второе — настроение рабочих мне крайне не понравилось, от них трудно было добиться слова, они упорно молчали, выказывая не то полное равнодушие, не то недоверие; только небольшие группы на некоторых заводах и промыслах охотно вступали со мной в разговор, заявляя, что они не прочь вступить на работу, но боятся насилия. На одних промыслах во время моих объездов происходило выселение рабочих из квартир по постановлению мировых судей. Я остановился и подошел к казармам как раз в то время, когда рабочие складывали вещи на подводы. Ни одной жалобы я не услышал, рабочие с довольными лицами выносили свой скарб, стараясь подчеркнуть, что они не по принуждению, а совершенно добровольно приводят в исполнение решение суда, как бы подтверждая, что они все законное исполнять будут, а на работы не встанут.

Рабочие на Бакинских нефтяных промыслах

Очевидно, это было в их программе, они выполняли директивы заправил забастовки. Я понял, что не легко будет мне наладить промысловую жизнь, слишком глубоко корни пустила эта забастовка, длящаяся уже 1 1/2 месяца, в течение коих никаких реальных мер принято не было ни со стороны нефтепромышленников, ни со стороны администрации. Мне казалось, что обе стороны виноваты.

Градоначальником в Баку в то время был полковник Мартынов, очень честный и беззаветно храбрый. В бытность его полицеймейстером в Тифлисе на него было произведено несколько покушений, он от них отделывался благодаря своей храбрости. Раз он ехал на пролетке и видит злоумышленника, готового бросить в него снаряд. Недолго думая, он соскакивает с извозчика и кидается на оторопевшего преступника и, схватив его, выхватывает из его рук бомбу. Другой раз, он таким же образом обезоружил хотевшего стрелять в него. Видя неуспешность таких открытых нападений, злоумышленники в следующий раз забрались в верхний этаж какого-то дома и при проезде Мартынова бросили оттуда несколько бомб, осколки коих всего его изранили. Каким-то чудом он остался жив, хотя и полукалекой.

Как пострадавший он в виде поощрения был назначен в Баку, хотя административных способностей у него было немного. Он был крайне бестолков, суетлив, не умел разбираться в делах и бывал бестактен. Это все такие качества, с которыми в административной деятельности далеко не уедешь. При этом у него было большое самомнение. К счастию, у него был прекрасный помощник — подполковник Казанский, уравновешенный, умный, который сглаживал бестактности своего начальника. Состав Бакинского губернского жандармского управления был вполне удовлетворительный, начальник управления полковник Леонтьев был на должной высоте, но в деле забастовки мало проявил энергии, не сумев вовремя ликвидировать забастовочный комитет и выяснить главарей. Причиною этого, пожалуй, было участие в деле забастовки в качестве негласного руководителя ее члена Государственной Думы социал-демократа Скобелева, с которым местная власть не могла не считаться.

Приехав, я отдал приказ об учреждении за ним гласного наблюдения. Это, конечно, значительно парализовало его действия, так как за ним открыто следили по пятам. Скобелеву это, конечно, не нравилось, он являлся ко мне с претензиями, с просьбой снять наблюдение за ним, но я ему отказал. Получив затем сведения о несомненном его участии в поддержке забастовки, я решил воспретить ему жительство в Бакинском районе, но это постановление вручить не удалось, так как он сам выехал из г. Баку.

Что касается Совета Съезда нефтепромышленников, то не малая вина лежала и на нем, так как невозможные жилищные условия на промыслах были результатом двоедушной политики Совета. Как только начинались забастовки, Совет шел навстречу улучшениям

быта рабочих; как только забастовка кончалась, Совет постепенно суживал рамки улучшений, так было и с жилищным вопросом. Рабочие в этом отлично разбирались и решили на этот раз проявить особенное упорство.

Объехав все промыслы, я обратился к рабочим Бакинского района с следующим моим вторым объявлением: «Приступив к выяснению причин, вызвавших остановку работ в предприятиях Бакинского нефтепромышленного района, я убедился, что весьма многие из числа рабочих тяготятся чрезмерно затянувшейся забастовкой. Единственной причиной, вынуждающей этих сторонников мирного труда примыкать ныне к бастующим, является страх перед угрозой насилия со стороны лиц, упорно поддерживающих возникшее брожение. Случаи насильственных действий, имевшие уже место на отдельных Бакинских промыслах и заводах, увеличивают, конечно, чувство боязни у настроенной мирно части рабочих.

Я считаю себя обязанным довести до всеобщего сведения, что моя ближайшая задача заключается в том, чтобы оградить мирный труд на промыслах и заводах от преступных на него посягательств со стороны лиц, кои, преследуя цели, большей частью совершенно посторонние интересам рабочих, распространяют в их среде заведомо ложные слухи.

Труд на промыслах, как и вообще промышленный труд, не имеет принудительного характера. Каждый рабочий, недовольный условиями заключенного им договора, может свободно оставить предприятие, выполнив указанные в самом законе требования. Но тот, кто принудительно, угрозами и насилием заставляет других прекратить работу, не только является недобросовестным нарушителем чужих интересов, но и совершает преступление перед лицом закона и общественного порядка. Пусть же каждый рабочий Бакинского нефтепромышленного района знает, что, возвращаясь к прерванному мирному труду, он будет защищен в своих интересах всей силой предоставленной мне власти и что лица, виновные в насильственных против него действиях, будут подвергаемы мною самым строгим карам. Свиты его величества генерал-майор Джунковский. Г. Баку. 13 июля 1914 г.»

13 числа я знакомился с войсками Бакинского гарнизона — 206-м пехотным Сальянским полком и портовой командой и командированными лично в мое распоряжение 1-м Лабинским казачьим полком, двумя сотнями 1-го Запорожского казачьего полка, 5 и 9-м Кубанскими пластунскими батальонами и взводом Тифлисского железнодорожного батальона.

После двух тяжелых дней, и в моральном, и физическом отношении, проведенных на промыслах, я почувствовал большое удовлетворение, объезжая эти чудные кавказские войска, среди которых особенно выделялись лихие пластуны своей сметливостью и молодцеватостью. За эти десять дней моего пребывания в Баку я успел

оценить их безукоризненную службу и привязаться к ним. Во время Германской войны я случайно встретился с этими пластунами на позиции — мы искренно обрадовались друг другу.

В этот день мне удалось организовать перекачку нефти на суда с помощью машинистов, командированных по моему приказанию с Закавказской ж. д., саперов и матросов; затем стали уже примыкать к ним и рабочие.

Моими впечатлениями этих первых трех дней я поделился с Председателем Совета Министров, послав ему следующую телеграмму: «За истекшие два дня перемен нет. Объехал остальные промыслы и заводы. Ввиду сильного упорства забастовавших приказал заводоуправителям начать перекачку нефти на шхуны на четырех крупнейших заводах, для чего в помощь им дал саперов и моряков, которые также поддерживают и электрическую силу, станция которой работает наполовину, что позволяет на Балаханах добычу нефти на 1500 вышках, но сейчас работает значительно меньше. Надеюсь, перекачка пойдет без осложнений, хотя озлобление замечается. Большим затруднением моим действиям служит бывшее до меня распоряжение о выселении рабочих из квартир по решениям мировых судей, — эта мера возымела обратное действие, рабочие покидали квартиры добровольно, и теперь это самые ярые агитаторы, жительство которых, благодаря характеру местности, определить невозможно, почему они неуловимы. Мой приезд положение не улучшил, по некоторым признакам рабочие уже подумывали стать на работу, а теперь агитаторы не позволяют им встать на работу, дабы умалить значение моего приезда. Большинство рабочих имеют значительные сбережения, и нужда настанет еще нескоро. Вообще, откровенно говоря, много чести моя командировка как для нефтепромышленников, так и для рабочих, так как недостаток нефти нигде в России не ощущается, и по 1 июля, несмотря на забастовку, здесь добыто 216 миллионов пудов нефти, тогда как в прошлом году за это же время 202 миллиона пудов. Отсюда ясно, что министр торговли был введен в заблуждение, когда докладывал Совету Министров о будто бы грозящем бедствии для Волги, поверив на слово крупным судовладельцам, которые испугались поднятия цен на нефть, что было не более как биржевая спекуляция. Во вторник устраиваю совещание с нефтепромышленниками, каковому придаю большое значение и которое, надеюсь, будет способствовать уяснению дальнейшей тактики. 2719. Джунковский».

Пока я в Баку напрягал все усилия для ликвидирования забастовки, Австрия предъявила Сербии ультиматум на крайне унизительных условиях, которые, конечно, приняты быть не могли. После этого, несмотря на самое миролюбивое настроение Сербии, Австрия объявила войну, — это было 11 июля. 13 июля я получил депешу от моего начальника штаба: «Австрии решено дать отпор. На этих

днях объявляется мобилизация. Предвижу возможность войны. Уличные беспорядки утихли, но с объявлением мобилизации предвижу вероятность новых более серьезных выступлений. 855. Никольский».

14 числа я получил донесение, что крепость Батум объявлена на военном положении, а затем следующие депеши от начальника штаба: 1. «По приказанию министра всем начальникам губернских железнодорожных управлений Европейской России, кроме Кавказа, отправлены телеграммы: 13 сего июля высочайше утвержден журнал Совета Министров о приведении в действие «Положения о подготовительном к войне периоде». Согласно параграфа 9 означенного Положения на начальников уездных, губернских, областных и городских управлений, а также на начальников жандармских полицейских управлений железных дорог, исправников и начальников уездов, возлагаются обязанности с соблюдением правил «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» — задерживать лиц, подозреваемых в шпионстве, и доносить о сем не только своему непосредственному начальству, но и в штаб округа или порта и по требованию последних возбуждать пред министром внутренних дел ходатайство о высылке означенных лиц из пределов подчиненных им районов. Согласно параграфа 10 того же Положения все чины губернской и уездной полиции и жандармских управлений обязаны принимать к немедленному выполнению все требования командующих округов и командующих морскими силами по охране и обороне подчиненных им районов. Сообщаю о вышеизложенном для точного выполнения и соответствующих распоряжений подведомственным Вам частям; начальникам управлений надлежит действовать в полном согласовании с местными губернаторами, которые получили соответствующие распоряжения министра внутренних дел.

2. Последовало повеление о мобилизации Московского, Казанского, Киевского, Одесского [округов]; Виленский и Варшавский, обращенные фронтом Германии, не мобилизуются. О впечатлении от принятых Россией мер говорил министр сегодня с австрийским послом на балу Сазонова, ведя беседу в направлении устранения конфликта. Совет Министров выразил пожелания, чтобы Сербия отступила в глубь страны и безбоязненно передала свою судьбу в руки великих держав.

3. Опубликовано объявление Петербурга, Москвы и их губерний на положении чрезвычайной охраны.

4. В Петербурге сегодня совершенно спокойно. Войска все ушли из Красного Села на зимние квартиры. Важнейшие мосты железных дорог заняты стражниками и войсками. На Юго-Западной дороге введена чрезвычайная охрана».

Все эти известия меня, естественно, сильно взволновали. Быть в такие минуты, переживаемые Россией, вдали от места своего служения было очень тяжело и работать трудно.

В этот самый день, 14 июля, когда я получил все эти депеши, я собирал у себя всех фабричных инспекторов, с которыми разбирал выработанные по соглашению между предпринимателями и рабочими нормы разных видов денежного и натурального довольствия рабочих после забастовки 1913 г. Были отмечены те предприятия, которые не исполнили договоров с рабочими по вопросам об этой новой норме, а также и те, которые, объявив в текущую забастовку расчет рабочим, уклонились от внесения в депозит окружного суда заработной платы тех рабочих, которые не взяли расчета. По окончании совещания я получил от градоначальника первую приятную весть, что перекачка нефти на суда, организованная мною, идет, и весьма успешно, без всякого промедления.

Весь вечер этого дня я проработал с Истоминым, готовясь к назначенному мною заседанию на другой день при участии представителей всех предприятий нефтепромышленного района и должностных лиц г. Баку для обсуждения причин забастовки на промыслах и мер к ликвидации ее.

Заседание это происходило в здании городской управы, в нем приняли участие 101 человек. Этому совещанию я придавал особенно серьезное значение так как оно должно было решить раз навсегда, что намерены предпринять нефтепромышленники для улучшения жилищных условий рабочих; а кроме того, мне хотелось лично убедиться в их отношении к забастовке, так как у меня составилось впечатление, что некоторые фирмы сами поощряют ее, находя [это] для себя выгодным. Приглашая на это заседание, я назначил и форму одежды — в сюртуках; это было, быть может, жестоко с моей стороны, так как в Баку жара стояла нестерпимая, но считал необходимым придать этим совещанию совершенно официальный характер и соблюсти известный декорум.

Когда все собрались и заняли места в обширной зале городской управы, я открыл заседание следующей речью: «Государю императору благоугодно было, ввиду чрезвычайно затянувшейся забастовки в Бакинском нефтепромышленном районе, поручить мне ознакомиться на месте с условием производства работ на промыслах и заводах и принять должные меры к восстановлению нарушенного общественного порядка и к возобновлению прерванного труда. Вам известно, господа, что упорное брожение рабочих на промыслах вызвало чувство острой тревоги в тех отраслях русской промышленности правильная деятельность коих всецело зависит от непрерывного и достаточного добывания нефти. Упорно повторяющиеся с 1904 г. забастовки в Бакинском нефтепромышленном районе, являющемся одним из главных очагов рабочего движения, не могут не озабочивать правительства, и возложенное на меня высочайшею волей поручение ясно указывает, что настало время вникнуть глубже в причины непрекращающихся волнений рабочих и создать прочные условия для умиротворения жизни на промыслах.

Я пригласил вас, господа, для совместного обсуждения этого чрезвычайной важности вопроса. Считаю необходимым высказать, что я не буду касаться тех посторонних политических влияний, которые воздействуют на промысловых рабочих и возбуждают их против работодателей. Наличность этих влияний несомненна и достаточно ярко сказывается в редакции листков, заключающих в себе требования рабочих. Заниматься разбором последних я не признаю возможным и заявляю, что настоящая забастовка, в особенности после значительного повышения заработной платы в августе месяце минувшего года, заслуживает полного осуждения, не буду я также касаться и размеров указанной платы и различных видов довольствия, получаемого рабочими. Моя цель совершенно иная.

Ознакомившись, хотя и вкратце, с условиями производства на промыслах и с бытом рабочих, я хочу передать свои личные впечатления вам, дабы совместно мы изыскали бы способы к устранению той почвы, на которой злонамеренные лица организуют рабочие беспорядки. Я приглашаю вас, господа, отречься от формальных точек зрения и рассмотреть вопрос, не кроется ли во всей сложившейся обстановке жизни промысловых рабочих некоторых особых причин, создающих крайнюю возбудимость их настроения, чем, естественно, пользуются лица, организующие беспорядки для достижения своих политических целей. Не следует забывать, господа, что кроме закона, налагающего на нас прямые обязанности и карающего за их нарушения, есть еще и требования справедливости и обязанность каждого стремиться к устранению условий, благоприятствующих возникновению беспорядков, опасных для государственного и общественного благополучия. Я прошу вас, господа, забыть сейчас требования рабочих, предъявленные в начале забастовки, прислушаться к впечатлениям лица, командированного по повелению Государя для ознакомления с условиями промысловой жизни. Я буду говорить вполне откровенно.

Труд рабочего на промыслах вообще, и в особенности для лиц, не привыкших к климату Бакинской губернии, должен быть признан исключительно тяжелым. Воздух, насыщенный запахом нефти, и недостаток воды лишают промысловых рабочих тех элементарных удобств, коими пользуются лица, занятые в других промышленных предприятиях. Все мы понимаем, конечно, что устранение, так сказать, естественных тягот работы на промыслах не может быть вполне достигнуто. Но я убежден, что каждое постороннее лицо, хотя бы раз побывавшее на промыслах, вынесет оттуда впечатление, что устраивать жилища для рабочих в черте промыслов, где воздух насыщен нефтью и почва загрязнена на значительную глубину, крайне нежелательно. Соображение это выдвигает большой общий вопрос об устройстве рабочих поселков вне черты промыслов. Он имеет многолетнюю историю. Неоднократно сами нефтепромышленники высказывались в пользу устройства поселков, но осущест-

вление этого проекта тормозилось и закончилось тем, что Совет Съезда в 1911 г. признал ненужным устройство поселков на участках земли, отведенных казною в 1907 г. в Биби-Эйбате и Забрате. Я знаю, что господа нефтепромышленники обвиняют в неудачном разрешении общего вопроса о квартирах для рабочих правительство, как это было сделано, между прочим, на частном совещании, происходившем в Петербурге 30 июня сего года. Но я должен сказать, что всю историю вопроса о поселках проникает красной нитью отсутствие у господ нефтепромышленников сознания крайней необходимости вынести жилища рабочих за черту промысловых площадей и тем дать многим тысячам рабочих, и в особенности малолетним их детям, возможность пользоваться чистым воздухом, по крайней мере, в то время, когда они не заняты своим трудом. Когда у господ нефтепромышленников явится твердое убеждение в указанной необходимости, разрешение вопроса о поселках пойдет быстрым ходом и будет доведено до благополучного конца. Едва ли можно сомневаться в благоприятном отношении казны к начинаниям в этом направлении нефтепромышленников, что доказывается, между прочим, отводом двух участков казенной земли в 1907 г., одного — мерою в 65 десятин близ Биби-Эйбатской долины и другого — около 70 десятин на восточной стороне Забратского озера.

Я знаю, что по поводу рабочих поселков могут быть представлены различные сложные возражения, но тем не менее остается фактом, что при осознанной давно нефтепромышленниками необходимости устройства таковых, большинство рабочих проживает в непосредственной близости к буровым скважинам. Если по мнению господ нефтепромышленников существуют серьезные препятствия к устройству в ближайшем времени рабочих поселков, то тем более, казалось бы, можно ожидать заботы об улучшении существующих ныне в черте промыслов жилых помещений. Мною осмотрен ряд казарм и квартир, занятых фирменными рабочими. Некоторые из них, как, например, казармы Московско-Кавказского общества в Раманах, Товарищества братьев Нобель в Сабунчах и Зубалова в Биби-Эйбате, показывают должную заботливость о нуждах рабочих; но зато казармы Общества «Петроль» в Балаханах или квартиры на участке № 36 в Забрате, занимаемые рабочими господина Алибегова, и многие другие представляют совершенно недопустимое явление и могут создавать ту почву недовольства среди рабочих, которой пользуются злонамеренные лица. Большинство осмотренных мной квартир, по-видимому, долгое время не ремонтировались и требуют прежде всего побелки стен и потолка.

Затем я должен коснуться вопроса об общем санитарном состоянии промысловых площадей, представляющего особенную важность, ввиду проживания в их пределах многих тысяч рабочих. Скажу откровенно, что санитарная часть на промыслах поставлена совершенно неудовлетворительно. Повсеместно в открытых канавах

и ямах, ничем не огражденных, застаиваются нефть и другие жидкости. Ассенизационного обоза не существует. Все нечистоты остаются в пределах промыслов, и только все очищающее солнце спасает население от эпидемических заболеваний.

Перехожу к другому крайней важности вопросу — о снабжении промыслов водой, как питьевой, так и необходимой для бань и вообще для поддержания гигиены в жизни рабочих. Недостаток воды составляет истинный бич для людей. Но едва ли господа нефтепромышленники могут сказать, что ими были исчерпаны все средства для обеспечения промыслов достаточным количеством воды. Как известно, за последнее время усилилась передача ее из реки Куры, но это только доказывает, что при добром желании и при соответственных затратах вода могла бы доставляться на промыслы в значительно большем количестве чем ныне. К счастью, в недалеком будущем г. Баку заканчивает устройство грандиозного водопровода, и хочется думать, что господа нефтепромышленники обеспечат население промыслов водой в должном количестве, и что недостаток ее не будет больше являться средством для возбуждения рабочих.

К вопросам об общем благоустройстве промысловой жизни непосредственно примыкает и вопрос о путях и средствах сообщений, имеющих связать будущие поселки с промыслами, промыслы между собой и с городом, что повлекло бы несомненно и при настоящих условиях отлив в городскую черту части рабочих, ютящихся ныне в грязных, тесных и чрезмерно дорогих квартирах в местных селениях. И в этом отношении, по-видимому, требуется со стороны господ нефтепромышленников проявление большей энергии и инициативы.

Я должен коснуться еще существующего способа питания рабочих. Едва ли может быть сомнение в том, что мелочная торговля съестными припасами, сильно развитая в черте промыслов, не может при ее антисанитарном состоянии доставлять вполне доброкачественные продукты. Весьма бы хотелось здесь видеть проявление заботливости нефтепромышленников о рабочем населении путем устройства сети потребительских лавок. Лавки, существующие ныне в некоторых предприятиях, являются примером, достойным общего подражания.

Я отнюдь не хочу быть односторонним и считаю долгом отметить, что Совет Съезда расходует весьма большие средства на постановку, например, больничного дела на промыслах, на обеспечение детей рабочих школами и на некоторые другие нужды. Больница в Сабунчанах, осмотренная мной, не оставляет желать ничего лучшего. Но, господа, все сложившиеся условия настоятельно диктуют необходимость расширить смету расходов Съезда, хотя бы это потребовало повышения попудного обложения нефти. В спокойном функционировании промыслов заинтересованы прежде всего сами нефтепромышленники, и необходимо понести некоторые

жертвы для того, чтобы уничтожить ту почву, на которой ныне создаются беспорядки.

Прежде чем приступить к обсуждению некоторых реальных мер, принятие коих могло бы содействовать успокоению возбужденных умов рабочих, я считаю необходимым бросить взгляд на прошлое и высказать, что господа нефтепромышленники своею деятельностью сами как бы склоняли рабочих к забастовке и предъявлению неумеренных требований. Я имею в виду тот факт, что после 1905 г. улучшение быта промысловых рабочих, за немногими исключениями, являлось результатом стачечных движений, чем рабочие приучались к мысли, что забастовка является единственным средством поднятия их благосостояния. Затем известны, к сожалению, случаи, когда отдельные фирмы, установив новые условия работы под влиянием забастовки, изменяли впоследствии эти условия, бросая тем семена недовольства и брожения среди рабочих. Крайне неудачной мерой, способной только волновать рабочих, я должен признать объявление к ним, изданное в 1913 г. во время летней забастовки. Там прямо выражено, что удовлетворение требований рабочих желательно «в интересах предприятий», но если это действительно так, то было преступно принимать вполне справедливые меры только под давлением рабочих беспорядков.

Итак, на основании всего вышеизложенного, я прошу господ нефтепромышленников высказаться с полной определенностью по следующим вопросам: признается ли необходимым: 1 разработать со всей возможной скоростью проект особых поселков для лиц, занятых на промыслах, исходя из того соображения, что жизнь в пределах промысловых площадей может быть вообще терпима только как временное явление; Совет Съезда я буду просить указать точно срок выработки настоящего проекта; 2) разработать одновременно план устройства удобных средств сообщения, имеющих связать промыслы с указанными поселками и г. Баку; 3) принять безотлагательно меры к приведению жилищ фирменных рабочих в лучшее санитарное состояние, а также к устройству ассенизационного обоза и отхожих мест и к приведению в порядок пролегающих в пределах промыслов канав, ям и других мест, в коих застаивается или протекает нефть; 4) устроить заграждения в местах, где это требуется, в видах безопасности промыслов; 5) устроить возможно большее количество потребительских лавок, дабы обеспечить рабочим здоровое и по возможности дешевое пропитание; 6) разработать вопрос об устройстве народных домов для рабочих; 7) вступить ныне же в сношение с бакинским городским управлением по вопросу о количестве воды, потребной для нужд промыслового района, дабы по устройстве городского водопровода не произошло промедления в снабжении промыслов водой; 8) при достаточном поступлении воды на промыслы обеспечить всех рабочих банями, приняв и ныне всевозможные меры в этом направлении.

Есть еще один вопрос, который я не считаю себя вправе предлагать на обсуждение, но тем не менее обращаю на него внимание господ нефтепромышленников. Этот вопрос о расширении существующих детских колоний, так как дети рабочих наиболее страдают от тяжелых условий климата и вообще от всей обстановки жизни на промыслах.

Предлагая изложенные вопросы, я еще раз напоминаю господам, что я прошу рассматривать проектируемые меры не как требования рабочих, а как мнение лица, командированного по высочайшему повелению. Впрочем, главнейшие из этих мер намечаются не впервые. Указания на них я нашел в различных печатных материалах, относящихся до бакинской нефтяной промышленности. Но, к сожалению, необходимость в некоторых существенных реформах сознавалась только в те острые моменты, когда господа нефтепромышленники находились под впечатлением стачечных движений. Успокоение забастовок приводило обыкновенно к тому, что разработанные предположения откладывались на неопределенное время. Я надеюсь, что теперь отношение господ нефтепромышленников будет иное, так как на необходимость обеспечения непрерывной добычи нефти в Бакинском районе обратил свое высокое внимание Государь император, повелев мне ознакомиться на месте с состоянием этой важной отрасли отечественной промышленности. Я счастлив был бы доложить его императорскому величеству, что вы признали важность и неотложность отмеченных мной мероприятий и проявили добрую волю к тому, чтобы разработать и провести их в жизнь в ближайшем будущем».

Мне отвечал председатель Совета Съезда бакинских нефтепромышленников А. О. Гукасов, человек очень богатый, умный, но крайне трусливый, всегда боявшийся за свою жизнь и потому живший всегда очень замкнуто. Он произнес весьма содержательную речь, цифрами доказывал об упадке вообще нефтяной промышленности и о затратах, которые несли и несут нефтепромышленники, как бы в их оправдание. По вопросу поселков Гукасов обвинял Управление государственных имуществ; по вопросу о снабжении водой — предъявил обвинение железнодорожному ведомству, которое не шло навстречу и потому доставка воды обходилась до 2 коп. за ведро (она доставлялась в цистернах по железной дороге из реки Куры), а по вопросу школ — Министерство народного просвещения. В конце своей речи он резюмировал вкратце свое мнение по всем затронутым мной вопросам следующими словами:

«Во-первых, скажу относительно жилищ рабочих. Я полагаю, что безусловно все существующие на промыслах жилища рабочих должны быть приведены в должный порядок, дабы соответствовать самым строгим требованиям санитарии и гигиены. Что же касается рабочих поселков, то на старых площадях без надлежащих путей сообщения их осуществить нельзя. Кроме того, я не думаю, чтобы те

промышленники, которые сейчас имеют удовлетворительные помещения внутри промысловых площадей, бросили их и перешли на новые места. Нужно считаться с тем, что наша промышленность пережила свою молодость и в настоящее время вступила в черту старчества, что добыча на старых площадях падает, надежды на возвращение былого величия теряются, и нам остается доживать до конца и мириться с тем, что уже есть. При таких условиях никто не захочет ломать то, что у него есть, и вопрос о вынесении жилищ рабочих за черту промыслов мог бы возникнуть лишь при возведении новых построек. Я согласен, что карманные интересы промышленников, во всяком случае, должны подчиниться интересам гуманности, и в этом отношении мы охотно пойдем навстречу приведением в должный порядок существующих жилищ. Равным образом, если удовлетворительно разрешится вопрос о трамвае, то в отношении старых площадей мы по возможности пойдем навстречу устройству поселков вне района промыслов, но конечно, некоторые фирмы, например, Зубалова, имеющие удовлетворительные казармы, вряд ли снесут свои существующие жилые помещения и перейдут на поселочную площадь. При возникновении новых площадей (Сураханская и Биби-Эйбатская на засыпанной бухте) устройство поселков должно быть обязательным. Наша промышленность грязная и тяжелая, но каменноугольная промышленность еще тяжелее и грязнее; и там, и здесь есть условия, которые нельзя устранить и с которыми нужно мириться, но теперь все-таки у нас стало лучше, теперь, например, на промыслах стало меньше копоти, так как вся почти работа производится при помощи электричества или двигателей внутреннего сгорания, и пар скоро станет редкостью; почва на промыслах загрязнена нефтью, но теперь нефти стало меньше, она меньше разливается, и опасности в пожарном отношении меньше. Должно быть также принято во внимание, что после разгрома промыслов в 1905 г. нефтепромышленники затратили громадные капиталы на жилища для рабочих.

Переходя к потребительским лавкам, должен сказать, что лавки эти — вещь несомненно хорошая, но опыт показал, что почти все они неизменно приходят к банкротству. В деле снабжения населения дешевой и здоровой провизией Съезд нефтепромышленников мог бы до известной степени пойти навстречу назревшей потребности устройством крытых базаров, по возможности в центральных местах промысловых площадей. Но и здесь опять-таки придется столкнуться с вопросом о земле под базары. Ведь даже под школу, стоимостью до 100 тысяч рублей, получили землю по годичному контракту, но нельзя базары строить на таких же правах. А если базары вынести далеко от центров, к окраинам, то мелкие лавочки, стоящие ближе к покупателям, будут отбивать клиентов. Вот пока все, что я имел сказать, боюсь, что я не так систематически ответил на вопросы, поставленные вашим превосходительством, возможно,

что я многое упустил, и потому прошу ваше превосходительство указать мне те вопросы, по которым вам угодно иметь более подробный ответ».

Я поблагодарил его и предложил другим членам совещания высказаться. В защиту от обвинений, направленных по адресу Управления государственных имуществ, выступил начальник этого управления Брилинский, ему отвечал Гукасов. Когда этот вопрос был исчерпан, я просил Гукасова ответить мне на мой вопрос об ограждении отдельных промыслов, который он оставил открытым, сказав, что обычно каждый хозяин старается оградить свой участок; на нефтяных же промыслах почти никто об этом не заботится, и отсутствие оград несомненно вносит беспорядок. Получив от него ответ с разными доводами в защиту отсутствия оград, с которыми я согласиться не мог, я перешел к вопросу о потребительских лавках и получил очень ценные объяснения о причине их неуспеха от нескольких представителей крупных фирм.

Далее пошли большие пререкания между «энергичным» дельным городским головой Бычем и осторожным до трусости Гукасовым из-за трамвая, который Гукасов находил невозможным провести по промыслам чисто по практическим неудобствам. После сего — заявления по поводу предложения городского головы Быча о желательности ввести в Бакинской губернии земское самоуправление, которое и явилось бы тогда «хозяином», отсутствие которого на промысловых площадях, по словам Гукасова, так вредно отзывалось на ходе дела. Гукасов был против этого, находя более правильным выделить промысловую площадь в отдельную земскую единицу и поручить управление ею Совету Съезда нефтепромышленников, очень логично доказывая практичность такого исхода. При этом Гукасов жаловался на непомерные расходы, которые несет Совет на содержание полиции, и просил меня войти с ходатайством о том, чтобы правительство взяло на себя половину расходов. В заключение он вновь вкратце коснулся всех предложенных мной вопросов, не возражая, а только разъясняя затруднения.

Я ответил: «Из ваших объяснений, как уже я сказал ранее, я выношу впечатление, что против заданных мной вопросов вы по существу ничего не возражаете. Вы снова указываете лишь на ряд затруднений, встречающихся на пути проведения в жизнь намеченных мероприятий, в том числе указали на плохое материальное положение Совета Съезда нефтепромышленников. В целях улучшения этого положения вы, между прочим, предлагаете снять со Съезда половину расходов на полицию. Но мне кажется, что в данном случае вы неправильно вычислили ваши расходы. Съезд вносит на содержание полиции около 600 тысяч рублей в год, но и казна платит почти столько же, кроме того, принимает участие в этом расходе и город Баку. Для увеличения ваших доходов вы можете повысить ставку попудного сбора, не касаясь расхода на полицию.

Во всяком случае, не могу не сказать, что, конечно, я внесу это ваше заявление во всеподданнейший отчет, но внося это, мне будет стыдно за вас и членов Совета Съезда».

Гукасов пытался оправдаться и сказал, что не настаивает сейчас на своем предложении.

Видя, что все вопросы исчерпаны, я предложил приступить к баллотировке всех вопросов, затронутых мной, сказав, что выслушав высказанные здесь мнения, я хотел бы иметь сейчас совершенно определенные и твердые ответы господ нефтепромышленников на следующие мои вопросы: во-первых, признают ли господа нефтепромышленники необходимыми разработку в кратчайший срок вопроса о рабочих поселках и постепенное устройство их там, где это кажется возможным для существующих ныне промысловых площадей. Это не значит, что вы должны сейчас же устраивать самые поселки, но вы должны немедленно заняться разработкой связанных с ними вопросов. Итак, тех, кто согласен с предложением, прошу сидеть, несогласных же прошу встать. *(Принято единогласно.)*

Второй вопрос: признают ли господа нефтепромышленники необходимым немедленно приступить к разработке вопроса о путях сообщения, имеющих связать рабочие поселки с промысловыми площадями и с городом. Опять, согласных с этим предложением прошу сидеть, а несогласных встать. *(Принято единогласно.)*

Третий вопрос: признают ли господа нефтепромышленники необходимым принять безотлагательно надлежащие меры к приведению промысловых площадей в лучшее санитарное состояние, к устройству ассенизационных обозов, к ограждению опасных для жизни и здоровья людей мест и т. п.

Б. Тер-Микаэлянц, член нефтяного присутствия: «Мне известно, что в Присутствии по нефтяным делам при бакинском градоначальнике три года назад был уже разработан проект обязательных постановлений по санитарной части на промыслах. Утверждение его задержалось, и очень желательно было бы знать, где он находится теперь и в каком положении».

Я: «Этот проект находится ныне в Петербурге для решения вопроса о том, какому органу правительственной власти надлежит его утвердить. Я приму все меры к скорейшему движению этого дела. Возвращаюсь теперь к вопросу об ограждении опасных мест на промысловых площадях. Отсутствие таких ограждений есть упущение со стороны горного надзора, ибо хотя в законе это не предусмотрено, но на практике необходимость этих ограждений не подлежит сомнению.

Далее четвертый вопрос — о потребительских лавках. Выяснилось, что эти лавки здесь туго развиваются, однако по мере возможности необходимо заботиться об их распространении и введении в жизнь.

Следующий вопрос — о народных домах. Необходимо, по мере возможности, заботиться об их устройстве.

Вопрос о водоснабжении промысловых площадей разрешается соглашением с городом об отпуске воды для промыслов по окончании сооружения Баку-Шолларского водопровода; в связи с этим стоит и вопрос об открытии для рабочих достаточного количества бань. Независимо от этого, признают ли господа промышленники необходимым немедленно по окончании забастовки принять меры к упорядочению существующих ныне неудовлетворительных жилищ фирменных рабочих и к приведению их в лучший вид, а затем озаботиться о том, чтобы по мере возможности рабочие жилища были вынесены из пределов старых промысловых площадей и чтобы на новых промысловых площадях постройка рабочих жилищ в черте промыслов не допускалась. Принимаются ли все эти предложения?» *(Принято единогласно.)*

Затем я перешел к вопросу самому жгучему — о забастовке. Я сказал: «Забастовка очень затянулась, конец ее не предвидится, и у меня создалось впечатление, что и промышленники, и рабочие зашли в какой-то тупик. Вот из этого тупика и нужно найти выход, обратить внимание на причины столь затяжной забастовки. По моему мнению, причиной здесь является то, что промышленники не везде проводили забастовку последовательно, а именно: рабочие забастовали, промышленники через три дня после этого им объявили расчет, за получением коего рабочие не явились, тем не менее промышленники оставили причитающиеся им заработанные деньги у себя и не внесли их в депозиты судебных учреждений — это, конечно, непоследовательно. Далее, промышленники предъявили иски к рабочим о выселении из квартир. Но достигла ли эта мера цели? По-моему, она не произвела никакого впечатления, так как я лично был свидетелем, как рабочие с веселым видом сами покидали свои жилища. Вместе с тем, промышленники не объявили, что рассчитав рабочих, они начинают наем новых рабочих с такого-то числа. Теперь я не знаю: бастующие рабочие — ваши или не ваши? Раз вы задержали деньги у себя, следовательно, вы с рабочими расчет не учиняли. Как же быть? Желаете вы, чтобы ваши промыслы работали, или нет? Мне это не ясно, объясните, в чем дело?»

Выступил К. Л. Бордский, представитель Каспийско-Черноморского общества. Привожу его подлинные слова и затем стенографически передаю весь ход дальнейших прений, как характеризующий настроение нефтепромышленников.

К. Л. Бордский, представитель Каспийско-Черноморского общества: «На основании Устава о промышленности фирмы объявили забастовавшим рабочим, что те из них, которые не выйдут на работу в течение 3 дней, будут уволены. Затем, так как возобновление работ непоследовало, то первое наше объявление вступило в силу, и мы вторичным объявлением довели до сведения рабочих, что их паспор-

та сданы в полицию и что они должны очистить фирменные помещения. Что же касается следуемых рабочим в расчет денег, то промышленники оставили их у себя, а не сдали их в депозит суда потому, что эта мера была бы наказанием не для рабочих, а для промышленников, ибо хотя деньги сдать в депозит и не трудно, зато получить их обратно стоит громадного труда и требует много времени».

Я: «Но это именно и непоследовательно. Вы должны были забыть, что рассчитанные были вашими рабочими, тогда они поняли бы, что вы с ними не шутите. Получить же деньги из депозита они должны сами».

А. О. Гукасов: «Наша промышленность требует известной специализации рабочего; поэтому известная связь между рабочими и промышленниками всегда остается. Если бы мы эту связь порвали, то получилась бы забастовка не рабочих, а уже промышленников, так как последние не имели бы рабочих и не могли бы работать. Нужно принять во внимание, что с 1903 г. рабочие часто бастовали и всегда получали что-нибудь от промышленников, так что они привыкли к этому, но нельзя же всегда давать. В прошлом году мы нашли возможным пойти навстречу рабочим и дали им много, но тогда конъюнктура была подходящая. Теперь же мы видим, что рынки от нас уходят, нефть заменяется углем, торфом, и цены падают. Уже в мае текущего года мы дошли до 34 коп. за пуд, и дальше цена, вероятно, еще более упала бы, поэтому теперь мы не могли уже пойти на уступки, о чем и объявили рабочим. Рабочие нам не поверили, забастовали и ожидали, что скоро промышленники дадут им что-нибудь.

Тогда у промышленников явился вопрос, что же делать? Решили объявить о расчете, пригласили рабочих получить паспорт и деньги, потом начали выселять, отправили паспорта в полицию и вот дошли до такого положения, какое вы сейчас видите. Спрашивается, почему мы не внесли деньги в депозит суда? Потому, что, как мы думали, эта мера крайняя, доводить же рабочих до крайности не нужно. Ведь после окончания забастовки рабочие, наголодавшиеся за столько времени, первым делом спросят свои деньги, и мы должны будем им дать, хотя бы в интересах облегчения возобновления работ, а не во имя гуманитарных стремлений. Получить деньги с депозитов рабочим крайне трудно, так как из 40 с лишним тысяч человек, по крайней мере, половина неграмотных, и это дело стоило бы им множества хлопот и массы рабочего времени. В результате получилось бы ухудшение настроения рабочих и обострение отношений с промышленниками, для избежания чего последним пришлось бы, внеся деньги в депозит, все же и самим заплатить рабочим их жалованье, т. е. израсходоваться вдвойне, ибо когда еще они получили бы свои деньги из депозита обратно.

Вашему превосходительству пришлось слышать заявления рабо-

чих, что они не получили расчета от промышленников; но эти жалобы касаются не того обычного расчета, о котором мы сейчас говорили, а расчета экстренного, который они требовали от промышленников, а именно: выдать за 6 месяцев жалованье вперед, дать наградные и т. д. Промышленники смотрят на дело практически; достаточно, если они не пойдут на уступки, а заработанные деньги уж нужно выдать. Ведь если с отсылкой паспортов в полицию выходят истории и многие рабочие не могли понять этой меры, то как же разъяснить им о последствиях взноса денег в депозит суда. Не надо забывать также, что если бы промышленники внесли деньги в депозит и потом сами бы еще выдали, то при известной недобросовестности многие рабочие могли бы получить вдвойне. Поэтому мы и говорили, что нельзя так прямолинейно действовать, бороться с рабочими можно, но доводить их до крайности не стоит».

Я: «При высказанных вами соображениях рабочие всегда будут у вас бастовать. По моему мнению, нужна прямолинейность. Нечего опасаться, что рабочий вернется к вам и будет просить у вас аванс. Я думаю, что это будет в редких случаях, так как у них есть большие сбережения; я имею справку, что на 12 июля текущего года рабочие имели в сберегательных кассах больше сбережений, чем в прошлом году в то же время. Если смотреть так, как вы смотрите, и всего опасаться, то забастовка может затянуться на очень долгое время. Вы, господа, находитесь в тупике, и рабочие вами играют. Лучше бы вы внесли деньги в депозит суда и не выселяли бы рабочих. В конце концов всеми своими действиями вы ничего не сделали, и мне придется принять свои меры».

Шумахер, представитель братьев Нобель: «Ваше превосходительство, вы в вашей начальной речи прямо сказали, что текущую забастовку осуждаете. Позвольте и мне сказать несколько слов. Не то затягивает забастовку что промышленники не внесли деньги в депозит суда, а то обстоятельство, что еще задолго до вашего приезда в Баку, рабочие укрепились в мысли, что цель вашего приезда — заставить промышленников пойти на уступки требованиям рабочих. Сыграло также большую роль отрицательное влияние на рабочих члена Государственной Думы Скобелева. Мне представляется, что если бы вы, ваше превосходительство, объявили рабочим, что цель вашего приезда совсем не та, что вы осуждаете забастовку, и что они ничего не получат, то рабочие поверили бы этому, и забастовка пошла бы, несомненно, на убыль».

А. И. Манчо: «Я должен сказать, что благодаря условиям нашего производства между промышленниками и рабочими существует тесная связь. Мы не имеем возможности без них обойтись, и они прекрасно это знают. Чем опытнее рабочий, тем он нам нужнее, и потому, раз началась забастовка, приходится лучше выжидать, чем стремиться освободиться от своих рабочих. Такое положение имеет и свою хорошую сторону: чем дольше длится забастовка, тем

дольше рабочие потом воздерживаются от нее. У представляемой мной фирмы Биби-Эйбатского общества забастовка однажды длилась 88 дней, и после того рабочие не бастовали года три, хотя у других фирм забастовки имели место. Наша промышленность не такова, как другие, здесь нельзя на место одного рабочего поставить кого попало, так как необходимо, чтобы рабочий, например, в буровой скважине внушал хотя бы минимум доверия. Вот теперь многие наши рабочие уехали на родину; по данным отделения сберегательной кассы при нашей фирме, одними только уехавшими рабочими взято 7393 руб. сбережений. Но эти рабочие не потеряны для нас — как только забастовка кончится, они сейчас же придут обратно. Репрессиями ничего не возьмешь».

Я: «Значит, вы что же хотите? Пусть рабочие еще два месяца бастуют, это вам выгоднее? По крайней мере, потом они два года не будут бастовать. Хорошо, я завтра уеду и велю снять войска».

А. И. Манчо: «Я не это хотел сказать. Я говорю только, что нужно дать рабочим урок и проучить их надолго, чтобы они сами сознали, что они побеждены. Если же забастовку подавить силой, забастовка может вспыхнуть скоро опять. Вот что я хотел сказать, а не то, чтобы снять охрану. Мы просим этого не делать. Уступок делать мы не хотим, да теперь это и невозможно».

Я: «Вы сами приучили рабочих к тому, что в результате забастовок они всегда получают что-нибудь. Вот господин Шумахер сказал, что мне нужно объявить рабочим, что они ничего не получат. Почему я это должен делать, а не вы?»

А. И. Манчо: «Мы объявили 30 июня».

Я: «Не знаю, я этого объявления не видел, а в прошлом году действительно вы выпустили лежащие передо мной заискивающие объявления, где вы сами признаете «желательным пойти навстречу рабочим в интересах предприятий» и т. д.»

А. И. Манчо: «Нефтепромышленники вынуждены были сделать так, потому что стали раздаваться обвинения, будто они сами заинтересованы в создании и поддержании забастовки, дабы поднять цены на нефть. Чтобы положить конец кривотолкам, мы сами решили сделать все, что считали возможным».

Представитель фирмы «Петроль»: «Я полагаю, что затяжке забастовки много способствуют те предрассудки и заблуждения, которые внушают рабочим. Например, рабочие искренно уверены, что им будет заплачено за прогульные, вследствие забастовки, дни. Мне кажется, что нужно внести свет в это темное царство, лучше прямо заявить, что ничего за забастовку уплачено не будет, и это надлежит сделать вашему превосходительству. То объявление, которое выпущено вашим превосходительством тотчас по приезде, не давало рабочим почвы для полного уяснения действительного положения дела, тем более что одновременно с этим в газетах была помещена телеграмма частного корреспондента из Петербурга о подготовке

министром торговли и промышленности проекта положения о примирительных камерах и о порядке уплаты рабочим за прогульные дни. Поэтому авторитетная власть должна точно указать, что промышленники даже не имеют права платить за прогульные дни.

П. А. Князев, представитель Русского товарищества «Нефть»: «В прошлом году бакинским градоначальником было объявлено рабочим, что за забастовочное время им платить не будут, и это объявление дало очень хорошие результаты. Но, к сожалению, вслед за тем последовало контробъявление по указанию из Тифлиса, и дело было испорчено. Поэтому необходимо, чтобы власть тоже действовала последовательно».

А. О. Гукасов: «Забастовка теперь явно идет на убыль, хотя и медленно. Причина затяжки, с одной стороны, лежит в тех предрассудках и заблуждениях рабочих, о которых здесь только что говорилось. Но с другой стороны, большую роль играет страх мирных рабочих пред насилием забастовщиков. У людей нет уверенности, что их не тронут, когда они идут на работу и при возвращении с нее, а также в казармах, где вместе с вновь нанятыми рабочими помещаются и забастовщики *, ...то дело пошло бы быстрее на лад. Собственно, достаточно присутствие хотя бы одного казака, чтобы остановить попытку произвести насилие. В 1905 г. после погромов такая охрана была, она дала хорошие результаты, и очень желательно было бы обставить дело так и теперь — это внесло бы спокойствие в среду желающих работать».

Бакинский губернатор, камергер В. В. Алышевский: «Я затруднялся говорить раньше, как лицо постороннее нефтепромышленности и не ответственное за ход того дела, которое сейчас обсуждается; к тому же мне представлялось, что мы находимся пред такой конъюнктурой: промышленники твердо стоят на своем, рабочие тоже. Теперь положение как будто изменилось. Двое-трое из присутствующих здесь лиц говорили, что промышленники не хотят прерывать связь, существующую между ними и рабочими. Правда, связь эта поддерживается только тем странным, мне кажется, способом, что следуемые рабочим деньги не вносят в депозит суда, но если промышленники желают поддерживать свои отношения с рабочими, то, быть может, они сделают лишний шаг для улажения дела. Вот это и дает мне повод указать на допустимые, по моему мнению, выводы из создавшегося положения.

Насколько я мог познакомиться с рабочим вопросом по печатным материалам Совета Съезда, с 1909 г. многими фирмами была отнята у рабочих часть того, что они раньше получали. Во имя этой связи, о которой здесь говорилось, можно было бы теперь улучшить положение рабочих — в отношении, например, обеспечения их квартирами. Правда, в прошлом году рабочим были даны прибав-

---

* Далее в тексте пропуск.

ки, но с тех пор произошли перемены. Кроме того, если принять во внимание рост квартирных цен в Баку, то окажется, быть может, что прошлогодние нормы сами по себе, даже без урезок, уже не соответствуют действительному положению. Затем из тех же печатных материалов я узнал, что в отношении нормировки заработной платы рабочим существует крайняя дробность. Например, для слесарей существует 77 норм, для тартальщиков 61 и т. д. Такая дробность вознаграждения указывает на случайность его; вероятно, этот вопрос требует пересмотра и сведения дробных норм к значительно меньшему числу окладов. Может быть, следовало бы пересмотреть также и этот вопрос. Словом, дефекты есть, и их справедливо было бы устранить. Поэтому наряду с твердым объявлением рабочим о недопустимых, по мнению промышленников, уступках, можно было бы указать им и кое-что положительное.

Все это я говорю с общей точки зрения, не настаиваю на приведенных мной примерах, но вместе с тем убежден, что в таком большом деле, как нефтяное, частичные неправильности существовать должны, и их устранение могло бы способствовать ликвидации забастовки. К таким выводам я прихожу и на основании других соображений, гораздо более важных, нежели те, которые были до сих пор высказаны мною: как у отдельных лиц, в среде общественных организаций, наконец, в жизни государства бывают такие обстоятельства, при которых то, что за минуту казалось важным, делается мелким, и то, что составляло центр внимания, отодвигается на второй план. Мне кажется, что такие обстоятельства имеют место сейчас. Грозные тучи нависли над нами с Запада, и наша обязанность в противовес внешним невзгодам озаботиться охранением внутреннего мира и тишины. Поэтому если бы промышленники пошли бы теперь на некоторые уступки, то рабочие легко уловили бы разницу между тем, что является простой уступкой им, и тем, что делается во имя патриотизма. Из Петербурга мы имеем известия, что важность момента понята простыми рабочими, которые вчера бастовали и производили беспорядки на улицах, а сегодня поют патриотические гимны. Все это укрепляет меня в мнении, что теперь такой момент, когда можно и следует пойти на уступки, ввиду общего положения нашего государства».

А. О. Гукасов: «По поводу указания господина губернатора на последовавшие сокращения платы рабочим должен сказать, что та печатная работа, которая послужила основанием для такого указания, уже устарела. Но помимо того, насколько нам известно, не менее 80% фирм придерживаются тех минимальных условий вознаграждения рабочих, которые были установлены декабрьским соглашением 1904 г. Что касается многогранности норм рабочих плат, то она объясняется тем, что для нас, промышленников, обязателен только известный минимум платы, сверх которого мы можем платить сколько угодно, в зависимости от качества данного рабочего. Поэ-

тому и бывает, что тогда как одному слесарю мы платим 1 р. 50 к. в день, другой получает 3 руб., а между ними есть масса промежуточных ступеней. По поводу второй части речи господина губернатора я позволяю себе выразить сомнение в том, что рабочие поймут нашу уступку как дань патриотизму. Но само собой разумеется, промышленники готовы вообще на всякие жертвы, если этого потребуют обстоятельства».

Я: «Итак, вернемся к забастовке. Положим, что она будет тянуться, и я уеду отсюда. Но удержитесь ли вы от уступок, хватит ли у вас храбрости продержаться до конца?»

А. О. Гукасов: «Вы, ваше превосходительство, ставите вопрос слишком категорически. Что касается сегодняшнего дня, то мы имеем телеграмму из Петербурга от наших хозяев, что никаких уступок сделано не будет. А что будет завтра? Думается, что и завтра будет так же, если не будет никаких привходящих обстоятельств. Но поклясться в том я бы затруднился».

Я: «Теперь я хотел бы знать, кто из фирм заплатит рабочим за забастовочное время?»

Голоса: «Никто».

Я: «А наградные?»

А. О. Гукасов: «Что касается платы за забастовочное время, то ее никто не будет платить. Наградные же мы платили рабочим каждый год в зависимости от размера прибыли, в среднем же выходит процентов 20 на годовое жалованье рабочих. Если по ходу дел окажется, что фирмы будут в состоянии дать наградные, то они не будут отняты, так как в противном случае получится затяжка кризиса».

Я: «Я говорю это к тому, чтобы быть уверенным, что если я издам объявление к рабочим, с указанием тех пунктов, по которым мы пришли к соглашению, то промышленники ведь обязаны будут его беспрекословно исполнить. Конечно, пока я здесь, я не сомневаюсь, вы исполните, ибо вы знаете, что вы в моих руках, у меня слишком большая власть над вами, а потому мне нужно ваше категорическое слово, что по моем отъезде, когда у меня уже не будет полномочий, то вы и тогда все исполните».

А. О. Гукасов: «Желательно было бы знать, какие пункты нам придется исполнить».

Я: «Вы решили не идти на уступки и должны этого держаться».

А. О. Гукасов: «Нужно верить в порядочность людей. Конечно, ручаться за 186 фирм мы не можем, но есть же честь, и если мы даем вам слово, то это обязывает нас без вашего разрешения никаких уступок не делать».

П. А. Князев: «Желательно, чтобы было издано объявление в виде обязательного постановления и было санкционировано карой. Это хорошо действует».

А. О. Гукасов: «Не думаю, чтобы на нас еще нужна была узда.

Раз мы дали слово, то должны исполнить его. Мне думается, и без обязательного постановления обойдется дело. Таким лицам, которые не исполнят данного обещания, не место среди нас».

П. А. Князев: «Государственная власть, устанавливая законы, подкрепляет их карой, так как, очевидно, среди многих миллионов людей найдутся многие тысячи их, которые пожелают уклониться от исполнения закона. Почему же не допустить, что среди группы лиц не найдется одно такое, которое не пожелает исполнить данного слова. Значит, кара нужна, и я возражение А. О. Гукасова считаю неосновательным, а свое присутствие здесь далеко не лишним».

А. О. Гукасов: «Я говорю вообще, что среди нас нет таких лиц, которые захотели бы келейным образом нарушить данное обещание. Если бы какие-либо отступления и могли бы быть допущены, то только с ведома и разрешения его превосходительства».

Я: «В том объявлении, которое я издам, я помещу, что рабочие ни на какие материальные прибавки не должны надеяться и что за забастовочное время они платы не получат. Но в том же объявлении я укажу, что если рабочие возобновят работу еще во время моего пребывания здесь, то это облегчит мне ходатайствовать о проведении в жизнь различных улучшений в отношении рабочих жилищ, трамвая и т. д. В противном же случае мне будет очень трудно содействовать проведению их. В заключение позвольте поблагодарить вас, господа, за ваше сочувствие к возбужденным мной вопросам. И еще одна просьба: настоящее заседание было закрытым, и о нем в печать помещено не будет; так я желал бы, чтобы оно было действительно закрытым и чтобы все сказанное здесь вы оставили только при себе. Объявляю заседание закрытым».

Совещание это оставило во мне благоприятное впечатление, прежде всего меня порадовало то обстоятельство, что все представители нефтепромышленных фирм откликнулись на мое приглашение, и только восемь из них отсутствовали на заседании по разным причинам, более или менее уважительным, и только представитель промыслов графа Воронцова-Дашкова не явился вовсе и не объяснил причины. Результат совещания меня также удовлетворил, и я надеялся, что все принятое на совещании будет проведено в жизнь, во всяком случае, я решил и по окончании моей командировки продолжать следить за этим делом.

Вечером, по окончании заседания, я был до того уставши, что положительно ничем не мог заняться. Страшная бакинская жара и напряжение, с которым пришлось вести заседание, меня совсем замучили.

На следующий день, 16-го, на некоторых промыслах стало замечаться некоторое стремление рабочих вступить на работу, но пока они как-то не решались, все же это был уже первый шаг к ослаблению забастовки. В этот же день я получил депешу от

начальника Ломжинского жандармского управления, что в Пруссии призыв запасных; началась мобилизация.

17 числа я обратился к рабочим Бакинского района со следующим объявлением, которое было расклеено:

«Продолжая знакомиться с состоянием Бакинских промыслов, я от нефтепромышленников узнал, что они лишены возможности изменить в чем-либо условия найма, установленные в августе минувшего года. Заявление это представляется окончательным решением, с которым должны считаться рабочие, причем надежды на мое в этом отношении вмешательство и помощь должны быть оставлены, так как я не считал и не считаю себя вправе касаться вопроса о размерах заработной платы и о распределении рабочего времени, так как вопрос этот по закону составляет предмет свободного соглашения между работодателем и рабочим. Сообщая об изложенном, объявляю, что за время забастовки никто из примкнувших к забастовке рабочих никакой платы не получит и что никаких перемен в этом отношении не последует, как бы долго ни тянулась забастовка. Напечатанный в газетах слух о внесении будто бы правительством законопроекта относительно платы за прогульные дни является ложью и помещен с злонамеренной целью обмануть рабочих. Вместе с тем объявляю, что мое личное наблюдение над условиями жизни на промыслах дало мне повод обратиться к нефтепромышленникам с предложением об улучшении некоторых сторон быта рабочих, причем я встретил со стороны предпринимателей полную готовность содействовать проведению в жизнь намеченных мною мероприятий.

Подтверждая прежние мои объявления, обращаюсь ко всем рабочим Бакинского нефтепромышленного района с решительным призывом прекратить разорительную для них забастовку и немедленно стать на работы. Если последние возобновятся еще во время моего пребывания в Баку, мне легко будет содействовать скорейшему разрешению нижеследующих вопросов, касающихся быта промысловых рабочих и требующих не только доброй воли нефтепромышленников, но, в некоторых случаях, и участия правительственной власти. Дабы рабочие не питали преувеличенных надежд, считаю необходимым пояснить, что принятие предположенных мер требует значительного времени, тем более, что может явиться потребность проведения некоторых из них в законодательном порядке. Меры эти следующие:

1. Разработка в кратчайший срок вопроса о рабочих поселках и постепенное устройство их там, где это окажется возможным для существующих ныне промысловых площадей. В особенности же проявление заботы о том, чтобы на вновь образуемых площадях жилища для рабочих устраивались вне пределов промыслов.

2. Разработка вопроса о лучшем устройстве путей сообщения в пределах Бакинского нефтепромышленного района.

3. Принятие мер к приведению жилищ рабочих, как фирменных, так и проживающих на частных квартирах, в лучшее санитарное состояние путем издания на этот предмет подлежащею властью особых правил. Нефтепромышленники, впредь до издания упомянутых правил, изъявили полную готовность принять немедленно по прекращении забастовки меры к приведению неудовлетворительных квартир фирменных рабочих в лучший вид.

4. Устройство возможно большего количества потребительских лавок, дабы обеспечить рабочим здоровое, по возможности дешевое питание.

5. Безотлагательное сообщение бакинскому городскому управлению по вопросу о количестве воды, потребной для нужд промыслового района, дабы, по устройстве городского водопровода, имеющего быть законченным в недалеком уже будущем, не произошло бы промедления в снабжении промыслов достаточным количеством воды для питья и для бань.

Я надеюсь, что рабочие внимательно отнесутся к настоящему моему объявлению и, возвратясь к мирному труду, будут с доверием и спокойно ожидать проведения в жизнь намеченных мной мероприятий, касающихся улучшения различных сторон промыслового быта.

Дальнейшее упорство со стороны рабочих, свидетельствуя о всецелом их подчинении влиянию злонамеренных лиц, крайне затруднит для меня возможность содействовать упорядочению условий промысловой жизни. Свиты его величества генерал-майор Джунковский. Баку. 17 июля 1914 г.»

Это объявление было первое, которое хотя немного воздействовало на рабочих, и я стал получать донесения с различных промыслов, что рабочие стали вступать на работу.

В этот день я получил депешу от начальника жандармского управления полковника Пастрюлина из Тифлиса, что там накануне вечером состоялась манифестация членов Русского клуба и его посетителей, пытавшихся пройти к австро-венгерскому консульству, куда, однако, полицией допущены не были. Получив эту депешу и опасаясь, как бы такая попытка не повторилась в Баку, я приказал градоначальнику принять меры для ограждения представителей Германии и Австрии.

В тот же вечер, когда я находился у себя, огромная толпа горожан с портретом Государя, национальными флагами и пением гимна остановилась перед гостиницею, где я жил. Я вышел на балкон, толпа устроила мне овацию, бросали шапки вверх, кричали «ура», а затем, когда все смолкло, один из предводителей манифестантов обратился ко мне, прося повергнуть Государю воодушевляющие их, без различия национальностей, верноподданнические чувства и готовность грудью встать за обожаемого монарха, за честь и достоинство России. Действительно, в толпе были представлены

все многочисленные национальности, проживавшие в Баку, и даже несколько персов. Я поблагодарил их, сказал, что счастлив буду сейчас же передать по телеграфу их слова Государю, и просил их только не нарушать нигде порядка в такие минуты, переживаемые Россией.

На другой день я получил от Государя следующий ответ: «Поручаю вам передать жителям г. Баку мою благодарность за выраженные ими мне верноподданные чувства. Николай».

В этот день на промыслах чувствовалась большая нервность, рабочие то приступали к работам, то опять бросали работать, хотя все же общее число бастующих сокращалось. От рабочих промыслов графа Воронцова-Дашкова я получил депешу, что они, согласно моего объявления, хотят встать на работу, а администрация промыслов не пускает.

На расследование этого дела я послал графу Воронцову-Дашкову следующую депешу: «Крайне извиняюсь перед Вашим сиятельством, что беспокою, но поставлен в крайне затруднительное положение администрациею Ваших промыслов в Балаханах, которая совершенно игнорирует мои распоряжения. На приглашение мое к нефтепромышленникам прибыть на заседание, созванное мною для обсуждения мер по ликвидации забастовки, ни представитель Вашего сиятельства князь Туманов, ни управляющий не явились, несмотря на телеграфную просьбу представителя наместничества Браиловского, помимо моего личного письменного. Кроме того, сегодня, когда я настоял на возобновлении работ на всех промыслах на старых условиях и призвал рабочих стать на работы, тем более, что сейчас, по объявлении мобилизации, порядок особенно необходим, управляющий Ваш князь Туманов не подчинился моему требованию и отказал рабочим принять их на старых условиях, уехав сам в такое тревожное время в Пятигорск. Таким образом, промысел Вашего сиятельства является единственным не подчинившимся мне. Не считая себя вправе лично принимать репрессивные меры в отношении служащих Вашего сиятельства, не предупредив Вас, считаю долгом сообщить на Ваше усмотрение, прося извинить меня за беспокойство. Свиты генерал Джунковский».

На другой день я получил следующий ответ: «В последний раз, что я видал князя Туманова, он мне заявил, что он не исполнит моего приказания выселить рабочих, а ежели они захотят вновь вступить на работу, то за плату прежнюю, т. е. меньшую против последней; но это мое приказание, разумеется, не может им считаться выше или равносильным Вашим, поэтому прошу Вас смотреть на него, как на всякого нарушителя Ваших распоряжений и за него я извиняюсь. Воронцов».

Эта депеша, проникнутая свойственным графу благородством, развязала мне руки, инцидент был улажен.

18 июля к вечеру я получил одновременно две депеши одинако-

вого содержания, одну от начальника штаба, другую за подписью трех министров: военного, морского и внутренних дел: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 г. Первым днем мобилизации следует считать 18 июля».

А 19 июля я получил депеши от начальника штаба и военного министра, тоже одинакового содержания: «Германия объявила нам войну».

Получив депешу о мобилизации ночью, я тотчас оделся и поехал к воинскому начальнику — это было в 3 часа утра, вызвал его и приказал немедля приступить к выполнению мобилизационного расписания. Все было поставлено на ноги, работа закипела, только к восьми часам утра я вернулся к себе, принялся за составление объявления к населению и рабочим. 19 числа оно было уже везде расклеено:

«Вся Россия переживает крайне серьезные дни. По державному велению Государя императора все чины запаса армии и флота призваны на действительную службу. В эти исключительные, важные моменты России нужно быть сильной не только оружием, но и мощью народного духа. Каждый обязан, забывая личные заботы, жить мыслью о благе Родины и об исполнении воли своего великого монарха. Я считаю долгом привлечь внимание местного населения, и особенно рабочих Бакинского нефтепромышленного района, на серьезность переживаемых событий. Ставить теперь выше всего личные интересы недостойно имени русского подданного. Нарушать общественный порядок какими-либо действиями и недостойно, и преступно. Предупреждаю, что объявление мобилизации лишает меня возможности оказывать в дальнейшем снисхождение нарушителям порядка и в особенности виновникам насилия, в какой бы форме оно ни выражалось. Проявление подобных действий будет влечь за собой необходимость предания виновных военному суду на основании предоставленных мне особых полномочий. Я хочу надеяться, что исключительная важность переживаемых Россией событий, оживляя в сознании каждого чувство долга перед царским Престолом и любви к Родине, побудит все местное население сохранять полное спокойствие и подчиняться беспрекословно и с доверием распоряжениям власти. Свиты его величества генерал-майор Джунковский. Баку. 19 июля 1914 г.».

Все 19 число я объезжал город и промысловый район, посетил и вверенные мне войска, наблюдал за настроением. Везде все было спокойно, в войсках наблюдался большой патриотический подъем. На промыслах царило нервное настроение, рабочие-запасные готовились к призыву, другие их провожали, были и выпившие. Вечером совершенно неожиданно в предместье города запасные учинили беспорядок, разгромили винную лавку, и когда пристав бросился

в толпу, чтобы схватить главаря, то был ранен камнем в голову. Подоспевшим нарядом толпа была рассеяна.

Опасаясь волнений, беспорядков, я разделил весь промысловый район на отдельные районы, распределив между ними части войск, находившиеся в моем личном распоряжении, поручив начальствование над каждым районом соответствующему войсковому начальнику. Всюду были поставлены пикеты, казачьи разъезды освещали местность, двигались по дорогам. Также и в городе везде [были] усиленные наряды. 20 июля опубликован был высочайший манифест об объявлении войны

«Божиею милостью, мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным: следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам за последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда. Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров. Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну. Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство и целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий промысел мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение.

Дан в С.-Петербурге в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова 1914 г., царствования же нашего в двадцатое. На подлинном собственною его императорского величества рукой написано: Николай».

Объявление войны встречено было с огромным энтузиазмом по всей России, были забыты распри, вражды, мысли всех сосредоточились в одном единодушном порыве поддержать честь и достоинство России.

В Баку также наблюдался большой подъем. Когда я из собора после молебствия возвращался к себе в гостиницу, мне устроены были овации; затем я получил приглашение на богослужение в армянскую церковь и в мечеть; везде меня принимали с огромным почетом, везде свидетельствовали чувства преданности Престолу и России. Находясь вдали от Петербурга, где мое присутствие в такую минуту я считал необходимым, я переживал в Баку очень тяжелые минуты, все надеясь, что меня вызовут. Не получая никаких директив в этом направлении, я решил обратиться непосредственно к Государю и просить разрешение вернуться, так как оставаться мне в Баку в такие минуты я считал совершенно неуместным, тем более, что миссию свою считал выполненною: из 60 000 рабочих только 8 000 еще не вступили на работу. Я послал Государю депешу следующего содержания:

«Петергоф. Его императорскому величеству Государю императору. Исполняя возложенное на меня Вашим императорским величеством поручение, в течение девятидневного пребывания в г. Баку всеми возможными мерами стремился восстановить нарушенный порядок в Бакинском нефтепромышленном районе и вернуть бастующих рабочих к оставленному ими труду на промыслах и заводах. В настоящее время забастовка в значительной мере ликвидирована, число неработающих всего 8 000, перекачка нефти на суда обеспечена. Ввиду чрезвычайных событий, вовлекших в войну Россию, считаю своим верноподданническим долгом испрашивать всемилостивейшего Вашего императорского величества соизволения на возвращение мое в Петербург с передачей моих полномочий исполняющему обязанности наместника Вашего императорского величества на Кавказе. Свиты Вашего императорского величества генерал-майор Джунковский. 20 июля. 4 часа утра».

В ответ на это последовала депеша за подписью Горемыкина: «На телеграмме Вашего превосходительства от 20 июля Государь император собственноручно начертать изволил: «Согласен». Статс-секретарь Горемыкин». Вслед за тем я получил и депешу от графа Фредерикса такого же содержания.

Удовлетворенный таким решением, я тотчас стал собираться к отъезду. А тем временем одна телеграмма за другой шли ко мне, требовали моих распоряжений как командира Корпуса жандармов. Так, 20 числа я получил следующую депешу от начальника штаба: «Чины Варшавского железнодорожного управления участков Граево, Осовец, Млава, Старосельцы, Александров, Кутно, Калиш, Ласк, Гербы, Ченстохов, Граница, Ченсаница, Сосновицы, Кельцы сняты последними поездами. Нормальное движение прекращено.

Сооружения частью разрушены, разрушение остальных последует в ближайшее время, мост на границе взорван, за нарушением пограничных участков Границкого и Сосновицкого отделений квартиры их начальников с помощниками временно перенесены в Ченстохов и Кельцы. Возвращавшийся из служебной командировки заграничным путем помощник в Юрбурге ротмистр Ордин 17 июля арестован в Тильзите. Имущество и дела пограничного пункта Радзивилова отправлены в Ровно, офицер поступил в распоряжение начальника головного отряда. № 910».

Это была первая депеша, свидетельствовавшая о начале военных действий. Затем шли и другие донесения начальника штаба о разных событиях, о беспорядках, последних, к счастию, было немного, ходатайство о назначениях офицеров в контрразведовательные отделения и т. д.

Отъезд свой я назначил на 21 число утром прямым поездом на Ростов, но непредвиденные обстоятельства не дали мне возможности выехать. В ту минуту, когда я уже собрался ехать на вокзал, ко мне вошел градоначальник, страшно встревоженный, и доложил мне, что только что при посадке запасных в Сабунчах для следования в Баку на сборный пункт запасные убили полицеймейстера Панина и разбежались. Приказав ему немедленно ехать на место происшествия расследовать этот прискорбный случай и принять все меры к сбору запасных и отправке их, я сказал, что буду ожидать его телефонного донесения. Отложив, таким образом, свой отъезд, я соединился телефоном с исправляющим должность наместника в Тифлисе и сообщил ему о происшествии, прося его как главнокомандующего объявить Баку на военном положении и временным военным генерал-губернатором, ввиду моего отъезда, назначить контр-адмирала Клюпфеля, как знакомого с местными условиями. Генерал Мышлаевский согласился на мое предложение и тотчас прислал мне телеграфное распоряжение.

Как только я покончил переговоры с Тифлисом, градоначальник доложил мне по телефону, что несчастие с полицеймейстером Паниным произошло по его собственной неосторожности. Зная, что со станции Сабунчи должны отправиться три поезда с запасными, он, понадеявшись на спокойное их настроение и не учтя, что в таких случаях всегда бывают и выпившие, и агитаторы, не уведомил даже начальника военного района и, таким образом, не обеспечил порядок при посадке войсковой охраной. Когда подали первый поезд, состоявший из теплушек, запасные с криком: «Не поедем в телячьих вагонах, давай классные», — стали бросать каменьями в машиниста. Панин, со свойственной ему отвагой, бросился верхом с несколькими казаками в толпу, чтобы вразумить ее. В это время попавшим в голову камнем ему раскроило череп. Панин упал замертво. Толпа сразу притихла, как бы остолбенела, и затем разбежалась. Панина отнесли на квартиру.

Когда со мной говорил градоначальник, запасные уже опять были собраны, и должна была начаться посадка. Я сказал ему, что приеду сейчас лично, он пробовал меня уговорить не ехать, но я в сопровождении состоявших при мне и остававшихся еще в Баку, так как Брюн де Сент-Ипполит и Пискунов уже выехали в С.-Петербург как только была объявлена мобилизация, поехал в Сабунчи, отстоявшие от Баку в 15 верстах. Мы поспели к отъезду третьего эшелона. Запасные сидели в вагонах, пьяных масса, градоначальник выкрикивал разные воодушевляющие патриотические слова, часть запасных кричали «ура», другие же с озлобленными лицами показывали градоначальнику кулаки, из вагонов сыпались ругательства. Картина была омерзительная. Увидя меня, запасные как будто притихли. Я приказал отправить поезд, раздался свисток, поезд тронулся, я пожелал им счастливого пути. Часть запасных ответила мне, другая исподлобья со зверскими лицами смотрела, ругательства слышно не было.

С тяжелым чувством пошел я поклониться праху честного беззаветного героя Панина. Вернувшись домой и наскоро пообедав, решил еще до отъезда поехать на сборный пункт, где были собраны все запасные, мне хотелось лично убедиться, сколько из них не явилось, как они доехали, в каком они настроении. Меня опять уговаривали не ехать, но я считал, что мой долг это сделать. Вместе с Истоминым, Сенько-Поповским и Штером я поехал в казармы, обошел всех запасных в сопровождении воинского начальника, который мне доложил, что процент неявившихся крайне незначителен, запасные держали себя довольно прилично, выпивших сравнительно было немного, я сказал им несколько приветственных слов и объяснил им, в какой форме и в каких размерах будут обеспечены их семьи. Обойдя затем казармы, я вышел во двор, провожаемый запасными, которые держали себя сдержанно.

В последнюю минуту, когда я отъезжал от казарм, кто-то из толпы бросил камнем, который, однако, до моего автомобиля не долетел. Очевидно, камень был брошен исподтишка, неуверенно. Я не обратил на это внимания и, проехав по городу, чтобы сделать несколько прощальных визитов, вернулся к себе. Надо было еще отдать несколько последних распоряжений. Я их изложил в следующих бумагах:

1. Начальнику гарнизона г. Баку контр-адмиралу Клюпфелю. «Сего числа с высочайшего его императорского величества соизволения я отъезжаю в г. Петербург. Принимая во внимание, что с объявлением мобилизации чинов запаса армии и флота, вызвавшей известные Вашему превосходительству беспорядки, является потребность в ограждении чрезвычайными мерами общественного спокойствия и порядка, я возбудил перед главнокомандующим Кавказского военного округа вопрос об объявлении местностей, входящих в район Бакинского градоначальства, состоящими на военном

положении и о назначении Вашего превосходительства временным генерал-губернатором. Имею честь уведомить, что главнокомандующий, вполне разделив мое мнение, сего числа объявил военное положение в указанных местностях, назначив Вас временным генерал-губернатором. Отдав распоряжение о распубликовании о сем во всеобщее сведение путем особых объявлений и пропечатания в «Бакинских губернских ведомостях», сообщаю, что я отбываю из г. Баку с поездом, отходящим в 6 часов 8 минут вечера по местному времени».

2. Градоначальнику г. Баку. «Оставляя Баку, вспоминаю с отрадным чувством дружную энергичную службу всех чинов подведомственной Вам полиции, как старших, так и младших. Особенно тяжелые факты последних дней требовали не только уменья и находчивости, но и самоотвержения, служат доказательством, что Вы своим личным примером сумели воспитать в подчиненных дух отваги, дисциплинированность и сознание долга. Прошу Вас принять и передать классным чинам мою благодарность и молодцам городовым сердечное спасибо за понесенные ими труды. Убежден, что рвение их не ослабеет во все трудное время, которое суждено нам всем переживать. Со скорбным чувством вспоминаю о смерти подполковника Панина, честно павшего на своем посту».

3. Начальнику гарнизона г. Баку контр-адмиралу Клюпфелю. «Наблюдая в течение десятидневного пребывания в г. Баку деятельность частей войск, привлеченных к охранению порядка и спокойствия в трудное время рабочих беспорядков и мобилизации чинов запаса армии и флота, я вынес глубоко отрадное впечатление от блестящей во всех отношениях службы как господ офицеров, так и воспитанных ими молодцов нижних чинов. Считаю своим долгом просить Ваше превосходительство передать командиру 206-го пехотного Сальянского полка, помощнику командира 1-го Лабинского казачьего полка, командиру взвода Тифлисского железнодорожного батальона и всем господам офицерам поименованных воинских частей благодарность за умелое содействие при исполнении возложенного на меня высочайшей волей поручения. Молодцам нижним чинам прошу передать мое сердечное спасибо. Вернувшись в Петербург, я счастлив буду доложить его императорскому величеству о блестящей службе всех господ офицеров и нижних чинов. Приношу глубокую благодарность и лично Вашему превосходительству за оказанное мне содействие и от души желаю полного успеха в трудном деле, выпавшем на Вашу долю». [...]

В 6 часов вечера я выехал в Тифлис. Я пробыл в Баку только 10 дней, а мне казалось, что прошли месяцы, столько событий произошло за это короткое время, столько пришлось пережить тяжелого, волнующего, и все это при таких тяжелых условиях работы благодаря бакинскому климату. Жара в Баку стояла нестерпимая, жгучая, ночью она сменялась неимоверной духотой, так что отдохнуть

нельзя было. А когда с Каспийского моря начинал дуть так называемый «зюйд», становилось прямо невмоготу. Этот ветер нес горячую влажность, от которой нельзя было спастись, я думаю, нет ни одного потогонного средства, которое могло бы состязаться с этим «зюйдом». Приходилось заниматься, буквально обливаясь потом. Ночью простыни моментально становились мокрыми, найти покоя нельзя было. Когда же начинал дуть с севера «норд», то становилось, правда, прохладнее, но этот «норд» нес облака такой тончайшей пыли, что без специальных очков нельзя было выйти на улицу. Эта пыль залепляла глаза, уши, нос, залезала во все складки платья, за шею и даже при закрытых окнах умудрялась как-то проникать в комнату. Временами от этой пыли на улицах ничего не было видно. Городовые, торговцы, извозчики — все без исключения надевали автомобильные очки, иначе глаза моментально наполнялись мелкой пылью и воспалялись.

Из 10 дней, проведенных мной в Баку, дня три дул «зюйд» и два дня «норд», это были очень мучительные дни для работы. Чтобы спастись от жары и немного освежиться, я решил как-то выкупаться, но, приехав к месту купанья, должен был раз навсегда отказаться от этой мысли — море было фиолетового цвета от плавающей на его поверхности нефти. Только увлечение работой и сознание, что нельзя упустить и минуты, заставляли иногда забывать жару. Время до того все уходило на работу, что о каком-нибудь отдыхе и думать нельзя было.

Севши в вагон, я почувствовал, как я устал за это время и физически, и морально, и долго не мог собраться с мыслями. Меня беспокоила мысль, оправдал ли я доверие Государя, выполнил ли я все, что на меня было возложено, тем более, что до меня доходили слухи, что известные группы в Петербурге осуждали мои действия, находили их недостаточно энергичными, чересчур гуманными, это проглядывало и на столбцах крайней правой печати. Им хотелось энергичных действий в смысле подавления забастовки силой, что, конечно, представлялось возможным при наличии моих полномочий и имевшихся в моем распоряжении средств. Может быть, тогда рабочие встали бы на работу скорей, но какие были бы от этого последствия в смысле государственном? Не возобновились ли бы вскоре забастовки с новой силой? Этого они не учитывали. Весьма возможно, что мною были сделаны ошибки, что я неправильно оценивал положение, я нисколько этого не отрицаю. Я смотрел на свою командировку, как я уже говорил выше, как на выяснение причин постоянных забастовок в Баку и принятие мер к ликвидированию этих причин, чтобы этим самым уничтожить почву, на которой они возникали. Что касается настоящей забастовки, то ликвидировать ее доказательством ее бесцельности, а не подавлением силой, что было бы чревато последствиями, тем более, что забастовка не сопровождалась насилиями, протекала мирно. Причины эти

были выяснены и меры для ликвидирования были приняты на совещании моем с нефтепромышленниками, результаты коего я считаю вполне благоприятными, так как все постановления этого совещания с полной интенсивностью стали проводиться в жизнь, несмотря даже на военное время. Это я считаю победой, которую не могу не разделить также с ближайшим моим сотрудником по этим делам П. В. Истоминым, который в качестве представителя Министерства внутренних дел принимал ближайшее участие во всех занятиях Совета Съезда нефтепромышленников в ноябре того же года и затем в 1915 г.

Письмо министра торговли и промышленности С. И. Тимашева от 5 ноября 1914 г. в ответ на мое от 22 октября, в котором я высказывал опасение, как бы Совет Съезда нефтепромышленников, созываемый в ноябре месяце, не стал бы медлить в разработке вопросов, поднятых мною в совещании 15 июля, ясно подтверждает, какое огромное значение придавали результатам этого совещания и министр торговли, и наместник его величества на Кавказе. [...]

Благодаря энергичному участию П. Вл. Истомина, командированного на Совет Съезда от Министерства внутренних дел, планы поселков и линий трамваев были совершенно разработаны к 1915 г. В это время и Шалларский водопровод был уже окончен, и промыслы стали обеспечиваться водой, что дало возможность улучшить санитарные условия.

Как дела пошли после моего увольнения от должности товарища министра и командира Корпуса жандармов в 1915 г., когда я уехал на войну и не мог уже следить за дальнейшим проведением в жизнь намеченных на промыслах мероприятий, [не знаю], но мне известно, что осенью 1916 г. в Государственной Думе был уже принят законопроект, предоставивший наместнику особые полномочия для принуждения нефтепромышленников к устройству на промыслах жилищ для рабочих по планам и указаниям наместничества, таким образом завершено было дело, которое создавало новое основание для обеспечения быта рабочих в России, и только наступившая вскоре революция помешала провести в жизнь это гуманное постановление правительства по рабочему вопросу.

Приехав в Тифлис и переговорив с исправляющим должность наместника, я в тот же день с сопровождавшими меня лицами на автомобиле, нигде не останавливаясь, проехал по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ, куда прибыл 23 числа. От Владикавказа было очень трудно ехать по железной дороге, так как прямой поезд на Москву я пропустил, приходилось прицепляться к разным поездам, которые шли с большими задержками, ввиду перегрузки путей многочисленными эшелонами с войсками и запасными.

Приходилось по дороге наблюдать много бесчинств на пьяной почве. При остановках воинских поездов запасные первым делом производили атаки на казенные винные лавки. Если они бывали

открыты, то происходило более или менее прилично, запасные покупали водку, если же лавка бывала закрыта, то они громили ее, и бесчинства превосходили всякий предел. Грустно было быть свидетелем этих беспорядков. Сил для предотвращения не было. В некоторых местах мне приходилось останавливаться и лично принимать меры, уговаривать, но с пьяными это не всегда удавалось. Чины Корпуса жандармов выбивались из сил при водворении порядка, я любовался, как беззаветно они исполняли свой долг. Я помню, как на одной станции на Владикавказской дороге я застал огромный воинский поезд, запасные были в довольно приподнятом настроении под влиянием выпитого вина. Молодой жандармский ротмистр, начальник отделения с несколькими унтер-офицерами сдерживал расходившиеся страсти, затем пошел по поезду и стал отнимать водку. На моих глазах он вытащил несколько четвертей и тут же ударом об рельсы разбил эти бутылки; успокоился он только тогда, когда обошел весь поезд. Надо было иметь много гражданского мужества и сознания долга, сейчас, к сожалению, я забыл фамилию этого отважного офицера.

В пути мне пришлось все время сноситься по телеграфу с местными губернаторами и наказными атаманами по поводу происходивших беспорядков по линиям железных дорог. Принятыми мерами, как-то: стянутыми к крупным станциям войсковыми нарядами, вывозом спирта в склады, а где нельзя было — уничтожением его в трехверстном районе по сторонам железных дорог, удалось довольно скоро восстановить порядок, так что от Ростова-на-Дону я уже не видал бесчинств, эшелоны следовали в полном порядке.

Все время я получал донесения из Петербурга от начальника охранного отделения и из Баку от градоначальника. В Петербурге все было хорошо, мобилизация проходила блестяще, в Баку с каждым днем число невступивших на работу сокращалось.

По мере приближения к Петербургу мое волнение росло, 26-го я был в Москве, провел несколько часов и был свидетелем того единодушного подъема и бодрости духа, охвативших все слои населения. Работа кипела, чувствовался могучий порыв энтузиазма.

В Петербурге я был 27 июля рано утром. Меня встретили на вокзале, от всех веяло бодростью, энергией, удивительно отрадное впечатление произвела на меня эта встреча. Тут же на Николаевском вокзале подали депешу из Баку от градоначальника: «Мобилизация проходит спокойно. Завтра начнется призыв ратников. В Бакинском районе на всех промыслах приступлено к работам. В Балаханском работы идут нормально. Беспорядков нигде не было. Забастовку следует считать окончательно ликвидированной. Градоначальник Мартынов». Эта депеша была мне как бы наградой за все пережитое. Тем более я был счастлив, что собирался прямо с вокзала на автомобиле к Государю в Петергоф.

Заехав на минуту домой, чтобы подписать всеподданнейший

рапорт и взять его с собой, я отправился в Петергоф. Государь жил в это время в Александрии в своем летнем дворце на берегу залива. Рапорт, который я вез с собой, был следующего содержания: «Его императорскому величеству Государю императору. Рапорт. Имею счастье всеподданнейше донести Вашему императорскому величеству, что высочайшее Вашего императорского величества повеление о принятии мер по ликвидации забастовки в Бакинском нефтепромышленном районе и водворению в оном порядка мною исполнено. На всех нефтяных промыслах и заводах работа возобновлена, и в промысловом районе в настоящее время все благополучно. Свиты Вашего императорского величества генерал-майор Джунковский. 27 июля 1914 г.».

С большим волнением подъехал я ко дворцу, просил доложить обо мне Государю. Ожидая в приемной, я все больше и больше волновался. Я совсем забыл о своей командировке, с которой вернулся, мысли мои были полны только думами о Государе, о том, что он должен был переживать, объявив войну, так мне хотелось найти достаточно слов, чтобы суметь высказать ему всю глубину моих чувств, высказать, как полна моя душа беспредельным сочувствием ко всему, что он переживал и переживает за Россию. Пока я это думал и волновался,— открылась дверь в соседнюю комнату, и я увидал Государя. Я вошел, Государь, ласково протянул руку, я так был взволнован, что помню только, что в порыве взял руку Государя обеими руками и поцеловал. Государь, видя мое волнение, поцеловал меня. Я что-то сказал о войне, на что Государь, воодушевившись, стал говорить, как блестяще прошла мобилизация, какой везде наблюдается подъем, и что он уверен, что Бог не оставит Россию и т. д. Уже потом я вспомнил о Баку и подал Государю рапорт, доложив в нескольких словах результаты моей командировки. Государь взял рапорт и оставил его у себя. На другой день я получил его обратно для хранения в делах министерства с собственноручной пометкой Государя синим карандашом «·/.», что означало: «читал». Такая лаконическая резолюция Государя меня немного смутила, тем более, что и на словах его величество, отпуская меня, не поблагодарил меня за выполненную командировку.

Была ли это случайность? Быть может, Государь просто не подумал, и никто, ни Горемыкин, ни Маклаков ему не подсказали? Или же это было умышленно, если Государя настроили против меня те группы, которые порицали мои действия в Баку, — для меня так и осталось загадкой. А спросить об этом мне не хотелось, как будто я навязываюсь на благодарность.

Вернувшись от Государя, я явился Горемыкину и Маклакову и затем принялся за дела. Работы было много. За два дня до моего возвращения разгромлено было германское посольство, благодаря попустительству полиции, все было исковеркано там, разбито, переломано, даже с крыши каким-то манером сброшены были огромные

кони, которые были затем утоплены в Мойке. В этом погроме, как я узнал, участвовали и хулиганы, и много лиц даже из высшего общества, не исключая и титулованных дам. Одна такая графиня мне через несколько лет случайно в разговоре созналась, что и она тоже была не безгрешна при погроме посольства. Градоначальник, не найдя настоящих виновников и, вероятно, опасаясь обвинения в бездействии власти, арестовал и посадил в тюрьму несколько десятков каких-то мальчишек. Когда мне директор Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполит доложил об этом, я, переговорив с градоначальником, приказал их немедленно освободить.

29 июля скончался начальник С.-Петербургского дворцового управления генерал-лейтенант Сперанский от приступа грудной жабы. Я его знал очень хорошо, это был чудный благороднейшей души человек. Страстный любитель садоводства, он много времени уделял любимому занятию, им была организована Международная выставка садоводства в С.-Петербурге, имевшая колоссальный успех.

Верховным главнокомандующим назначен был великий князь Николай Николаевич. Его назначение было единодушно приветствуемо всей Россией. Он был очень популярен, вокруг его имени создавалась масса легенд, все в его пользу, его всегда выставляли как рыцаря, как борца за правду. И он был действительно таким.

Начальником штаба назначен был Янушкевич, бывший начальник Генерального Штаба. Его назначение встречено было отрицательно, его считали хорошим профессором, отличным человеком, безукоризненно честным и порядочным, но у него был большой недостаток для начальника штаба — отсутствие твердой воли. Я лично, кроме хорошего, ничего о нем сказать не могу, все мои встречи с ним оставили во мне очень отрадное воспоминание, с ним было всегда очень приятно иметь дело, а мне, как командиру Корпуса жандармов, постоянно приходилось иметь с ним дело по всевозможным вопросам.

В последних числах июля состоялись торжественные проводы, хотя и совершенно конфиденциальные для печати, Верховного главнокомандующего. Куда отправлялся поезд, где назначена была Ставка верховного командования, держалось все в тайне. Я был у великого князя и у генерала Янушкевича накануне их отъезда и затем присутствовал на проводах в Петергофе. Великий князь был очень бодро настроен, очень был доволен первыми нашими успехами, просил меня приехать в недалеком будущем в Ставку, чтобы переговорить со мной по разным вопросам, предупредив его начальника штаба дня за два до моего приезда.

В Петергофе поезд Верховного главнокомандующего отходил от станции Новый Петергоф. К отходу поезда в царских комнатах собрались все начальствующие лица, затем съехались все особы царской семьи, приехал Государь. Нельзя было без восхищения

смотреть на внушительную, полную огня, энергии и железной воли, фигуру великого князя, Верховного главнокомандующего, на которого с такой надеждой обращены были взоры всей России. Плавно, без свистков, тихо отошел поезд, увозя великого князя с его штабом в Ставку. Государь последний благословил и обнял Верховного главнокомандующего. Все провожавшие с волнением смотрели вслед отходившему поезду, мысленно призывая Бога на помощь России.

1 августа великий князь обратился с воззванием к полякам: «Поляки, пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла ее душа. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братское примирение с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша свободной по своей вере, языку, самоуправлению. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюневальде. От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение Креста — символ страданий и воскресения народа. Верховный главнокомандующий Николай».

А 5 августа он же обратился и к русинам в Галиции: «Братья! Творится суд Божий. Терпеливо, с христианским смирением в течение веков томился русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы. Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению. Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава, Осмомысла, князя Донского и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой великой неразделимой России. Да свершится промысел Божий, благословит дело великого собирания земли Русской. Да поможет Господь царственному помазаннику императору Николаю Александровичу всея России завершить дело великого князя Ивана Калиты. А ты, многострадальная братская Русь, встань на сражение русской рати!

Освобожденные русские братья! Всем вам найдется место на лоне матушки России. Не обижая мирных людей, каких бы они ни были народностей, не полагая свое счастье в притеснениях иноземцев, как это делали швабы, обратим меч свой на врага, а сердце свое — к Богу с молитвой за Россию и русского царя. Верховный главнокомандующий Николай».

3 августа Государь со своей семьей отбыл вечером в Москву, чтобы помолиться у московских святынь о ниспослании победы русскому народу. Я выехал в тот же день утром. Первый раз линия

железной дороги охранялась исключительно чинами Корпуса жандармов, без помощи войск. Я считал, что в минуту такого колоссального патриотического подъема, который наблюдался повсеместно, окружать царский путь следования часовыми было бы неуместно; какие бы то ни было средостения между царем и народом были излишни. Это путешествие Государя положило начало новому способу охранения железнодорожного пути, с этого дня при высочайших проездах войсковой охраны больше никогда не ставилось. Я был очень рад, что мог наконец осуществить мою заветную мечту. Государь был очень этим доволен и по приезде в Москву выразил мне свое огромное удовольствие. В Москве также никаких дополнительных нарядов для охраны не было, подъем был небывалый, народ сам и охранял, и соблюдал порядок.

4 августа навсегда останется историческим днем для Москвы — сердца России. Она встречала в своих стенах царя, царицу и царскую семью. Вся Москва, все население вышло на улицу, сотни тысяч народа заполняли весь путь следования Государя, все как бы единым сердцем встречали царя, взволнованные, готовые на всякие жертвы, лишь бы помочь царю победить врага. Встреча исключительная по своему величию, умилительная, трогательная.

Императорский поезд прибыл на Александровский вокзал. За час до прихода поезда прошел крупный сильный дождь, но он не разогнал публику, она шла и шла, наполняя улицы, затем выглянуло солнце, обсушило всех. Войска в походной форме вступили на улицы шпалерами. Вся Москва была разукрашена, флаги, драпировки, ковры, на трамвайных столбах корзины с цветами. Около 2 часов дня послышалось «ура». Императорский поезд подошел к вокзалу, платформа коего и парадные комнаты были наполнены встречавшими, как начальствующими лицами, так и представителями сословных учреждений и депутациями. Государь обошел фронт почетного караула, выставленного от Александровского военного училища, пропустил юнкеров церемониальным маршем и затем стал обходить встречавших.

В парадных комнатах Государь принял хлеб-соль от исправлявшего должность городского головы В. Д. Брянского, который обратился со следующей речью: «Ваше императорское величество! По промыслу Всевышнего России ниспосланы великие испытания. Но никакие испытания нам не страшны. Русская история свидетельствует, что русский народ в единении с царем всегда выходит из испытаний с обновленными силами, и ныне Россия встретила грозную бурю, забыв распри и раздоры. Великий народ слился со своим царем. Никто не разлучит их. Он знает, что с державным вождем, призвавшим его к государственному строительству, он придет в царство силы и мира. Москва — сердце России — призывает на вас, Государь, благословение Божие».

Их величества вышли на подъезд; загудел Иван Великий со

всеми колокольнями московских церквей, звуки гимна, «ура» огласили воздух. В первом экипаже ехали Государь, императрица, наследник и великая княжна Ольга Николаевна, во втором — великая княгиня Елизавета Федоровна с остальными великими княжнами. Оглушительные «ура» не смолкали, многие бросали цветы. По остановке у Иверской, их величества въехали в Кремль чрез Спасские ворота. В Кремле площадь представляла сплошное море голов. Когда их величества поравнялись с памятником Минина и Пожарского на Красной площади и проезжали мимо стоявшей близ памятника чешской колонии, которая выделялась среди многочисленной толпы своими живописными костюмами ганоков из Моравии и чешских соколов, то чешское знамя склонилось при громких криках «наздар» и «живио», а оркестр музыки исполнил «Боже, царя храни».

На другой день, 5 августа состоялся высочайший выход в Успенский собор к торжественному богослужению. Государь был в форме Лейб-гвардии Екатеринославского гренадерского полка. Дежурство несли генерал-адъютант Максимович, Свиты контр-адмирал граф Гейден и флигель-адъютант граф Шереметев. Какое-то особенное настроение царило в залах в ожидании высочайшего выхода, все были взволнованы, чувствовался необыкновенный подъем. Появился Государь. Первым обратился с речью Самарин: «Возлюбленный Государь, — сказал он, — с горячим воодушевлением приветствует тебя московское дворянство. В этот грозный час народного испытания, живя в общении с тобой, крепнет дух наш для великого подвига. Мы все за тобой и за тебя, не усомнись же бестрепетно опереться на несокрушимые силы народного духа. Да поможет тебе Бог в борьбе за целость и честь Русской державы и царственным велением твоим да возродится к новой жизни весь славянский мир. Мужайся, русский царь! С тобою вся Русская земля!» Восторженное «ура», какого я не запомню, потрясло залу.

Вслед за Самариным от лица земства следовала речь Шлиппе: «Великий Государь, счастливо московское земство поклониться царю своему в эти тяжелые дни испытаний, ниспосланных Родине, счастливо высказать вам, Государь, свои чувства. Над дорогой нашей Родиной, над всем миром нависли черные тучи военной грозы. Мы накануне всемирной беспримерной борьбы. В это мгновение только народ, тесно спаянный любовью своих сынов в одно целое, сумеет отстоять свое место в истории человечества. На царственный призыв вашего величества откликнулись все народы России могучим порывом всеобщего единения. Сила духовного единения царя и народа сказалась во всем священном величии. В этом залог и основа успеха. Верьте, Государь, что русское земство отдаст все силы на предстоящее великое дело. Родная земля, на какой выросло земство, неисчерпаема в силах своих. Дружно сплотились все земства России для выполнения своего долга перед Родиной. Мы твердо

верим, Государь, что русский народ под верховным предводительством своего державного вождя одолеет врагов и выйдет с честью на широкий путь мира, благоденствия и славы». И снова «ура» потрясло стены зала.

Тогда к Государю обратился исправлявший должность городского головы В. Д. Брянский: «Великий Государь, грозная туча надвинулась над Россией. Россия вовлечена в войну двумя соседними могущественными государствами, которые, презрев всю прежнюю историю, забыв благодеяния России, начали угрожать целости и могуществу России. Россия не хотела войны. Русский царь и русский народ всегда предпочитали разрешение всех спорных вопросов мирным путем, но когда затронута была ее честь, когда возбудилось опасение неприкосновенности ее границ, вся Россия, как один человек, стала на защиту чести и славы Родины.

Враг силен, но не страшен он, ибо русский народ знает, что Бог не в силе, а в правде. Война эта есть защита славянства от германизма. Вновь поднялся великий славянский народ для каждого русского человека, и много крови русской уже за него пролилось. Эта жертва должна наконец достигнуть цели, и славянский вопрос должен быть решен объединением всего славянства под защитой матери славянства — России. Война эта является войной за осуществление идеи общего мира. Когда вам, Государь, угодно было высказать великие мысли о всеобщем разоружении и мирном разрешении международных вопросов, наш теперешний враг не только воспротивился этому, но под угрозой Германии все остальные государства Европы вынуждены были расширить свое вооружение. Эта война есть война против главенства Германии и против ее вооружения. Русский народ в единении со своим царем и в содружестве с благородными своими союзниками исполнит свое историческое предначертание.

После этой войны наступит постоянный мир для процветания торговли, науки и искусства. В такую минуту древняя первопрестольная столица приветствует вас, Государь, от имени всего русского народа. При том чувстве, которым охвачен русский народ, когда воля царская идет с народом воедино, нет того подвига, которого не смог бы совершить русский народ. Дерзай, Государь, народ с тобой, а Бог тебя хранит».

Шествие тронулось дальше. Когда Государь поравнялся с представителями московского купечества, выступил старшина купеческого сословия С. А. Булочкин: «Ваше императорское величество, твердо верует московское купечество, что Всевышний Господь пошлет свое благословение и всесильную помощь вам и вашему храброму войску на защиту правого дела. Повергая к стопам вашим, великий Государь, наши верноподданнические чувства, просим принять уверение, что направим все силы для облегчения участи раненых, больных и защитников нашей дорогой Родины».

Шествие двинулось дальше. В конце зала Государь остановился и, обратясь к присутствовавшим, громко, внятно произнес следующие слова: «В час военной грозы, так внезапно и вопреки моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю державных предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у святынь московских. В стенах древнего Московского Кремля, в лице вашем, жители дорогой мне первопрестольной Москвы, я приветствую весь верный мне русский народ, повсюду и на местах, в Государственной Думе и Государственном Совете, единодушно откликнувшийся на мой призыв стать дружно всей Россией, откинув распри, на защиту родной земли, и славянства. В могучем всеобщем порыве слились воедино все без различия племена и народности великой империи нашей, и вместе со мной никогда не забудет этих исторических дней Россия. Такое единение моих чувств и мыслей со всем моим народом дает мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем. Отсюда, из сердца Русской земли, я шлю доблестным войскам моим и мужественным иноземным союзникам, заодно с нами поднявшимся за попранные начала мира и правды, горячий привет. С нами Бог». «Ура», сопровождавшее каждую речь, после слов Государя было потрясающим.

Шествие продолжалось из Георгиевского зала во Владимирский и чрез Святые сени на Красное крыльцо. Вся площадь была усеяна народом, точно маком. Как только Государь появился на Красном крыльце, точно электрический ток пробежал по толпе, которая разразилась могучими криками восторга. Величественно было шествие по ступеням открытого крыльца. Государь под руку с императрицей, видимо сильно взволнованный, спускался по красивой лестнице, впереди и сзади блестящая свита, а с высоты колокольни Ивана Великого, усеянной народом, гордо гудел в это время гигант колокол, и этому гулу вторили звуки колоколов со всех московских церквей. У паперти Успенского собора преосвященный Трифон, управлявший временно Московской митрополией, встретил Государя.

Приложившись к кресту, их величества вошли в собор. Перед началом молебствия хор синодальных певчих исполнил концертное «С нами Бог». Протодиакон Розов удивительно выразительно произнес специальную ектенью о даровании победы. После чтения Евангелия он же возгласил: «Колена преклонивши, Господу помолимся». Государь, вся царская семья, священники, вся церковь опустились на колени. Минута была трогательная, величественная, все были взволнованы, а когда преосвященный Трифон стал читать умилительную молитву о благословении русского оружия, то на глазах у многих появились слезы. По возглашении многолетия загудел опять колокол Ивана Великого, раздались салюты из орудий. Государь, приложившись к кресту под пение «Спаси, Господи», направился к чудотворным иконам, к мощам и другим святыням,

после чего шествие направилось в Чудов монастырь, затем внутренним ходом в Николаевский дворец, откуда через некоторое время их величества отбыли в открытых экипажах в Большой Кремлевский дворец. Перед тем как сесть в экипажи, беседовали с послом французским и великобританским.

Неудержимое «ура» народа, сплошь окружавшего экипаж Государя, стояло на площади, поднимались руки, шапки летели в воздух. От наплыва народа коляска ехала шагом. В этот же день их величества осматривали санитарный поезд имени Государыни Александры Федоровны на Казанском вокзале. Около поезда был выстроен весь персонал с попечительницей Иверской общины О. М. Веселкиной во главе. Стоявший по сторонам пути народ все время пел «Боже, царя храни». Их величества подробно все осмотрели; императрица собственноручно раздала всему персоналу серебряные образки. Вечером, по случаю кануна Преображения, их величества с семьей и великой княгиней Елизаветой Федоровной присутствовали за всенощной в Архангельском соборе.

В самый праздник Преображения Господня Государь со всей семьей и великая княгиня Елизавета Федоровна были у обедни в церкви Спаса на Бору по случаю престольного праздника этой церкви. К обедне были приглашены все находившиеся в Москве бывшие офицеры Преображенского полка, в числе их и я со своим адъютантом капитаном Штером. До начала богослужения Государь обходил всех нас, бывших преображенцев, беседуя со многими.

Собор Спаса на Бору, самый древний в Москве, построен был среди дремучего бора московским князем Даниилом и представлял собой небольшую деревянную церковь. Жизнь на этом месте только начинала тогда зарождаться. В 1380 г. Иван Калита, перенеся столицу в Москву, построил на этом месте каменный храм Преображения и учредил монастырь, перенесенный затем в Крутицы и вскоре упраздненный, но церковь, несмотря на все бедствия, сохранилась и в течение веков стоит на том же месте и фундаменте, и стены остались те же.

После литургии все были приглашены во дворец к гофмаршальскому столу к завтраку.

В 4 часа дня их величества посетили Московскую купеческую управу и осматривали устроенный московским городским управлением в помещении управы центральный склад белья и перевязочных средств для раненых и больных воинов. При входе их величества встречены были старшиной С. А. Булочкиным, на площадке лестницы — исправлявшим должность городского головы Брянским с членами городской управы и гласными.

Брянский, приветствуя Государя, представил обширный доклад по организации городским управлением помощи раненым и обеспечения семейств воинов. Доклад этот, прочитанный Брянским, содержал в себе постановления городского управления для этой

помощи. «В сознании своего гражданского долга оказания помощи, — гласит доклад, — московское городское общественное управление, едва только до него дошли тревожные вести о возможности войны, постановило повергнуть к стопам вашим выражения верноподданнических чувств. Население Москвы ассигновало миллион рублей на организацию врачебно-санитарной помощи армии и флоту, открыло кредит для помощи семьям запасных, призванных в ряды армии и флота, и организовало сбор пожертвований». Далее шел перечень мероприятий, как то: оборудование помещений для размещения запасных и лошадей, организация снабжения запасных воинских частей готовым хлебом из городской хлебопекарни, оборудование лазаретов и госпиталей на 10 000 кроватей, кроме больничных, организация курсов сестер и братьев милосердия на 1000 человек, запись добровольцев — врачей, фельдшеров, санитаров и т. п., которых было принято уже свыше 4 000 человек, оборудование 2 санитарных поездов на 400 больных каждый, организация по шитью белья, на первое время 500 000 предметов для 20 000 комплектов и т. д.

Выслушав доклад, Государь произнес следующие слова: «Сердечно благодарю вас, господа, за выраженные исправляющим обязанность городского головы чувства, а также и за мероприятия, доклад о которых я сейчас с удовольствием выслушал. В лице вашем благодарю всю первопрестольную Москву за щедрое пожертвование и горячий отклик, который встретил мой манифест об объявлении войны. Сердечно тронут щедрыми пожертвованиями на благо раненых и больных воинов, на пользу всей дорогой нам России». При громких восторженных кликах «ура» Государь с императрицей вошли в склад и обошли все пять помещений — закройную, материальную, швальню *, склад раскроенного белья и приемную для готовых вещей; все подробно осматривали, интересуясь всеми мелочами, беседуя с работниками и работницами, и затем отбыли из управы в Марфо-Мариинскую обитель к великой княгине Елизавете Федоровне.

7 августа Государыня посетила склад в Николаевском дворце, устроенный для раненых попечением великой княгини Елизаветы Федоровны; все работавшие дамы были представлены ее величеству.

В 2 часа дня императрица принимала сестер милосердия со сборного пункта военного ведомства, сестер представляла председательница Иверской общины О. М. Веселкина. Накануне в Москву прибыли первые раненые, помещенные в Солдатенковскую больницу. Около 3 часов дня их величества с августейшими дочерьми отправились навестить раненых, которых прибыло семь человек нижних чинов и кроме того еще 11 больных, среди них 6 офицеров. Государь обошел всех и побеседовал с каждым. Один из них, подпрапорщик Полищук, тяжело раненный в шею навылет, подроб-

* Швальня — швейная мастерская.

но доложил Государю о ходе сражения и попросился поскорее в строй, объяснив простодушно, что он никого еще не поранил, а его уже подстрелили.

Обойдя палаты, предназначенные для раненых, их величества отбыли из больницы, осмотрев по дороге два трамвайных вагона, приспособленных для перевозки раненых. Собравшаяся тысячная толпа радостно провожала Государя.

Из Солдатенковской больницы их величества направились в склад Всероссийского земского союза помощи раненым в доме князя Гагарина на Новинском бульваре. Там собрались все главные деятели союза во главе с князем Г. Е. Львовым, который приветствовал Государя со следующей речью: «Ваше императорское величество! Москва счастлива принимать вас у себя, в самых глубинах своей жизни. В исторические минуты, переживаемые Россией, мы особенно глубоко чувствуем духовную близость со своим царем и счастливы показать вам, как на призыв вашего императорского величества откликнулась вся Россия. Всероссийский земский союз создался всего неделю назад. Организация его самая простая: В Москве организован Центральный Комитет, а на местах губернские и уездные. Все дело зиждется не на формах, разработанных уставом, а на духовном единении. Земства могли отчислить из своих средств на дело помощи раненым до 12 миллионов рублей. Наша задача — принять раненых из армии, вылечить наших раненых, перевозить в госпитали, оборудовать санитарные поезда и больницы, расселять раненых на местах внутри России. Для этого потребовалось, прежде всего, образовать громадный вещевой склад, в первую очередь на 50 тысяч кроватей. Все, что было готового на рынках, уже скуплено. В России уже почти не осталось медикаментов и хирургических инструментов, но все затруднения будут преодолены. Мы получим медикаменты из Америки, Англии, Японии, которые уже выразили полную готовность помогать нам. Но чем мы богаты — это людьми, готовыми отдать на святое дело все свои силы. Благоволите, ваше императорское величество, принять рапорт о положении дел союза».

Государь благодарил, принял доклад и обошел всех членов городского комитета; среди них крупный деятель С. Т. Морозов представил на нужды союза 500 000 руб. Осмотрев все подробно, их величества проехали в Благородное собрание, в склад московского дворянства. Государя встретили все предводители во главе с Самариным. Тут же стояли воспитанницы Дворянского института. Их величества обошли все залы собрания, в которых кипела работа по изготовлению белья и перевязочных средств. В большом Белом зале показана была электрическая машина для кройки белья. Императрицу сопровождали, давая объяснения, княгиня Трубецкая и графиня Уварова. Осмотрев все подробно, их величества вернулись в Кремль.

8 августа, в последний день пребывания в Москве, Государь принимал членов Всероссийского съезда городских голов и представителей городов. На приеме присутствовали министр Маклаков и я, ближайшие лица Свиты. От лица городских голов выступил В. Д. Брянский со следующей речью: «Великий Государь! Велико и обширно ваше царство. Широко раскинулось оно от берегов Северного и Балтийского морей до Черного, с берегов Вислы до Великого океана. Много племен и народностей в нем обитает; много наречий, на которых говорят, но в настоящее время нет между ними различий. Все стали на защиту царя и Отечества. Все одинаково славят великого царя, верят в великую грядущую славу России. Великая честь выпала мне на долю в третий раз приветствовать вас, приветствовать от лица городов русских. Перед вами, Государь, избранники всех губернских городов России, собравшиеся здесь, чтобы повергнуть вам чувства беззаветной любви и преданности, чтобы засвидетельствовать готовность свою в тяжелый час грудью встать на защиту вашей славы, Государь, и величия России. В сегодняшний день города России сливаются в единый союз в деле оказания помощи доблестным воинам вашим. Пусть этот день послужит вам, Государь, новым подтверждением, что сердце России бьется вместе с вашим, да укрепит вас в священной борьбе на благо славянства, процветание и счастие объединенной России. Победа державному вождю России! Победа славному русскому оружию! Победа оружию доблестных союзников наших!».

Государь обошел всех, со всеми говорил, а потом обратился со следующими словами: «Очень рад был повидать вас и прошу передать населению, вас пославшему, мою искреннюю благодарность за выраженные чувства любви и преданности, а главное, заботы и попечение о семьях ушедших запасных наших славных бойцов. Прошу и в будущем прилагать старания и продолжать попечение о них. С верой в Бога, я твердо надеюсь на благополучное и достойное России окончание этой славной великой борьбы». Дружное горячее «ура» огласило зал. Государь очень долго беседовал с представителями городов со всей России, подходя к каждому, и затем, прощаясь, просил еще раз передать приветы всем на местах.

В 12 часов дня состоялся высочайший смотр военным училищам, по окончании которого их величества отбыли в Троице-Сергиеву лавру. Среди шпалер войск и сотен тысяч народа Государь с семьей при восторженных кликах проследовал по улицам Москвы на Александровский вокзал. В 3 1/2 часа их величества прибыли в Троице-Сергиеву лавру, отслужили молебен у раки преподобного Сергия, приложились к мощам, посетили наместника лавры Товия и приняли депутацию от крестьян Дмитровского уезда. Депутация от крестьян состояла из волостных старших всего уезда и сельских старост прилегающих деревень и сел, отстоявших от посада не далее

5 верст. Как всегда, депутация эта приветствовала Государя по выходе из собора на площадке перед митрополичьими покоями. Лямин — почтенный старик, старшина Рогачевской волости, поднося хлеб-соль, обратился к Государю с патриотической речью, посвященной переживаемому времени, а затем по окончании ее очень горячо благодарил Государя от имени всех крестьян за запрещение продажи водки (водка с объявлением мобилизации была запрещена к продаже, и все винные лавки закрыты по высочайшему повелению на месяц). При этом Лямин высказал Государю, что если бы совсем уничтожена была продажа водки, то это настолько подняло бы благосостояние крестьян, что никакие дефициты в смете не были бы страшны. Государь выслушал, и эти слова глубоко запали ему в душу и решили участь водки. Я узнал это со слов Самарина. Как известно, одновременно с закрытием винных лавок и продажи водки на месяц, высочайше было повелено министру финансов рассмотреть вопрос о совершенном прекращении продажи вина и уничтожении винной монополии. Министр финансов не решился на такую меру и высказался решительно против, тем более, что государство в то время, с объявления войны, крайне нуждалось в средствах, и лишиться такого огромного источника дохода, какой казна имела от монополии, ему казалось невозможным. Государь, вопреки всем мнениям и постановлению Совета Министров, присоединившегося к министру финансов, повелел прекратить продажу водки раз навсегда, а министру финансов — найти другой источник дохода.

В скором времени после этого Государь как-то в разговоре с А. Д. Самариным, когда этот последний коснулся высочайшего указа о запрещении продажи вина, приветствуя это мероприятие как благодетельное для России, сказал Самарину: «А знаете, кто меня окончательно убедил в необходимости этой меры и когда я решил бесповоротно запретить водку? — И прибавил: — Это после слов старшины в Троицкой лавре, когда он так убедительно, просто говорил о благодеянии для крестьян прекращения продажи водки».

В 4 1/2 часа их величества отбыли в Царское Село.

Проводив Государя, я вернулся в Москву и в тот же день выехал по Александровской ж. д. в Барановичи, где была Ставка Верховного главнокомандующего. 9 августа я был на станции Барановичи, откуда на автомобиле проехал в расположение Ставки, которая находилась в двух верстах от этой станции и в полуверсте от станции Барановичи Полесских ж. д., в сосновом лесу, так что была совершенно укрыта от всяких взоров, и только специальная ветка, проведенная к месту Ставки, выдавала ее присутствие.

Великий князь, состоявшие при нем лица свиты и чины Штаба жили в вагонах. В Ставке, на специальных рельсовых путях, стояло три поезда Верховного главнокомандующего: в одном из них жил великий князь, его начальник Штаба генерал-лейтенант Янушкевич (впоследствии генерал от инфантерии), генерал-квартирмейстер ге-

нерал-лейтенант Данилов (под названием «Черный», в отличие от бывшего начальника канцелярии военного министра генерала Данилова, которого называли «Рыжий»), личные адъютанты великого князя и ближайшая прислуга. У великого князя был один вагон, состоявший из двух купе и салона, рядом вагон-столовая; великий князь всегда завтракал и обедал в этой общей столовой со всеми чинами своего Штаба. Вдоль стен вагона были устроены отдельные небольшие столы, на 4 прибора каждый. Стол, который занимал великий князь, имел шесть приборов. За этим столом сидели старшие чины Штаба, к этому столу приглашались и приезжавшие в Ставку лично к великому князю по делам службы.

Во втором поезде жили другие чины Штаба и представители иностранных союзных армий, в третьем поезде, который стоял совершенно отдельно на других путях в полуверсте от первых двух поездов, помещались офицеры для поручений, старшие адъютанты Штаба, фельдъегерская часть, почтово-телеграфные чиновники и т. д. В этом поезде была своя столовая.

Весь Штаб размещался в зданиях и казармах, принадлежавших ранее железнодорожному батальону; помещения хорошие, просторные, как раз против вагона великого князя находился небольшой домик, в котором помещалась оперативная часть Штаба. В одном из домов устроена была церковь, весьма просторная, так что весь Штаб и часть находившихся при Ставке войсковых частей могли в ней довольно свободно разместиться.

Не без волнения подъезжал я к Ставке, меня поразила скромность и простота, царившие вокруг. Сначала путь лежал по шоссе, затем надо было проехать через местечко Барановичи, переехать через соединительную ветку с Полесскими железными дорогами, после чего оставалось около полуверсты по грунтовой дороге, через сосновый бор. Вскоре показались строения — это помещения Штаба, почтово-телеграфная контора, после чего мой автомобиль был остановлен рослым, молодцеватого вида гвардейским полевым жандармом — дальше ехать нельзя было, надо было сойти и идти пешком, но всего не больше 200 шагов до вагона великого князя.

Меня встретил любезный, внимательный и предупредительный адъютант великого князя Коцебу и предложил мне пройти раньше к начальнику Штаба генералу Янушкевичу, пока он доложит его высочеству. Я так и сделал, вагон его стоял рядом с вагоном великого князя; Янушкевич, увидя меня в окно, попросил зайти к нему. Удивительно приятное впечатление у меня осталось от первого делового разговора с ним. Он так ясно и определенно высказал все, и притом с неимоверной скромностью и безукоризненной вежливостью. Мы переговорили по вопросам шпионажа, о контрразведывательных отделениях, высылках подданных враждебных государств, Прибалтийском крае и т. д. Но не успели мы окончить наши переговоры, как вошел великий князь и пригласил

меня к себе. Он был очень добр, выразил радость меня видеть и надежду, что я буду часто наведываться в Ставку, так как личными переговорами гораздо скорее и легче всего достигнуть, чем перепиской, затем говорил о том, что он надеется, что Государь будет приезжать в Ставку, и поэтому сейчас идут работы по прокладке особых путей для императорских поездов, и рекомендовал мне пройти на место, выбранное им для царской Ставки, и познакомиться с идущими работами. Он высказал надежду, что Государь останется доволен этим местом, так как оно совсем изолировано и в то же время всего в 5—10 минутах ходьбы от Штаба. Затем великий князь спросил меня, переговорил ли со мной Янушкевич по поводу вопросов контрразведок и о Прибалтийском крае. На этом разговор кончился, наступило время завтрака, великий князь пригласил меня позавтракать и посадил меня слева от себя, справа сел Янушкевич. Завтрак был очень хороший, но скромный, роскоши никакой. По окончании завтрака великий князь, отпуская меня, просил еще прийти к обеду, надеясь еще вечером поговорить со мною о делах. Свободным до обеда временем я воспользовался, чтобы повидать генерал-квартирмейстера Данилова, дежурного генерала Кондзеровского и начальника военных сообщений Ронжина. К каждому из них у меня были дела, которые к моему удовлетворению и были разрешены согласно моим желаниям.

Затем я осмотрел работы по устройству особых путей для царской Ставки и обошел всю окружающую местность. В 8 часов я был в столовой в ожидании выхода великого князя; после обеда великий князь позвал меня, и в присутствии Янушкевича был поднят ряд вопросов о немецком засилье, о разных слухах, доходивших до него, главным образом из Прибалтийского края. Я доложил великому князю, что лично объеду прибалтийские губернии, ознакомлюсь на местах с положением дела и, проверив все донесения и жалобы, приеду лично доложить о результатах. Затем разговор перешел на Варшаву, которая тоже составляла предмет забот великого князя. Я доложил, что считаю необходимым произвести там крупную перемену, заменив помощника генерал-губернатора генерал-лейтенанта Утгофа другим генералом, и что я как раз на другой день думал проехать к генералу Жилинскому — главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта, чтобы испросить его согласия на увольнение генерала Утгофа и назначение на его место Клыкова, выдающегося и честнейшего генерала. Было уже довольно поздно, когда я вернулся к себе в вагон под обаятельным впечатлением от беседы с великим князем, который в обращении, рядом с непоколебимой силой воли и твердостью, проявлял столько простоты, чистосердечности и доверия.

На другой день утром я выехал в Белосток, в ставку главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Главнокомандующим был Жилинский, начальником штаба Ороновский — мой това-

рищ по Пажескому корпусу, одного выпуска со мной, главным начальником снабжения был Данилов, под названием «Рыжий».

Жилинский жил очень скромно, и весь штаб его тоже. Я сначала прошел к Орановскому, мы встретились радостно, как старые друзья; он мне рассказал и показал на плане все продвижения армии на фронте, а также будущие задания. Не могу сказать, чтобы он очень радужно смотрел на будущее, он показался мне скорее озабоченным, и наши первые блестящие успехи в Восточной Пруссии его не особенно радовали, он с тревогой смотрел на недостаток снарядов, который начинал уже ощущаться.

Этот недостаток снарядов, а также и ружей и патронов, был у нас роковым, т. е. он не дал возможности окончить войну в короткий срок и был причиной ее удлинения. Мы начали войну, имея по 850 снарядов на орудие, между тем представители Генерального Штаба указывали Главному артиллерийскому управлению, что в западных государствах норма 2000-3000 на орудие, а Германия считает эту норму недостаточной. Главное же артиллерийское управление находило достаточным по 1000 снарядов, исходя из того, что в Японскую войну в среднем израсходовано было по 500 снарядов на орудие. В конце концов остановились на 1500, дальше Главное артиллерийское управление не пошло, а между тем недостаток ощущался все время, только к 1917 г. появилось достаточное количество снарядов, но было уже поздно, время было упущено.

Среди чинов штаба этого фронта я встретил князя Александра Георгиевича, герцога Лейхтенбергского, о котором я подробно писал в воспоминаниях за 1912 г. Я очень был рад с ним встретиться, поговорить с ним; он состоял при Жилинском для поручений.

В Белостоке я пробыл сутки, успев переговорить с Жилинским, который дал свое согласие на замену Утгофа генералом Клыковым. 10 числа я выехал с Сенько-Поповским из Белостока на автомобиле в Слоним, чтобы повидать главного начальника снабжения генерала Данилова по поводу разных вопросов по Корпусу жандармов, так как все чины этого Корпуса, находившиеся на театре военных действий в районе Северо-Западного фронта, находились в непосредственном его ведении.

Дорога шла на Друскеники. Недалеко от г. Слоним в чудной помещичьей усадьбе жил Н. А. Данилов. Меня поразила та роскошная обстановка, среди которой он жил и которая так разнилась от обстановки, в которой жили и великий князь, и Жилинский. Он очень любезно меня принял, пригласил к завтраку, который по роскоши превзошел все мои ожидания. Помню, как это меня неприятно поразило и настроило сразу против него. Переговорив с ним по поводу разных вопросов, в коих и он и я были одинаково заинтересованы, я проехал на автомобиле через Троки в Вильно, где мне надо было повидать главного начальника округа князя Туманова,

с которым я был в переписке по разным вопросам гражданского управления, но никогда лично с ним не встречался.

Князь Туманов, маленького роста, инженерный генерал, мне сразу очень понравился своей незаискивающей манерой говорить, откровенностью и здравым взглядом на вещи.

В Петербург я вернулся 12 августа, за два дня до этого скончался Председатель Государственного Совета М. Г. Акимов. Мне было очень жаль Акимова. Это был честнейший и благороднейший человек; я его хорошо знал и был с ним в самых искренних отношениях. Государственный Совет в его лице потерял талантливого руководителя, твердого, быть может иногда слишком строгого и резкого, но стоявшего на страже достоинства высокого собрания. Последний месяц он уже почти не вставал с постели, болезнь рака быстро развивалась; он умер 68 лет. 13 числа его отпевали. Я рад был, что вернулся к этому времени и мог помолиться у гроба этого честного, преданного слуги своей Родины. После отпевания тело его было отправлено в Саратовскую губернию для погребения в фамильном склепе.

Вернувшись в Петербург после моей первой служебной поездки на фронт, меня особенно сильно стало преследовать желание проситься в действующую армию, я готов был отказаться от всех благ, окружавших меня, лишь бы быть там, на фронте, в боевой линии. Но в то же время я чувствовал, что это эгоистично с моей стороны и что я не имею права, так как по моей должности командира Корпуса жандармов на мне лежала слишком большая ответственность. Именно во время войны, когда деятельность чинов Корпуса значительно расширилась, становясь еще более почетной, ответственной, помимо контрразведки, потребовавшей в полевые штабы армии очень много лучших офицеров для очень серьезной работы, на всех чинов пограничной полосы легла особенно ответственная роль при наступлении противника, когда им приходилось последними покидать районы, подлежавшие эвакуации, охраняя порядок и принимая все меры против паники, показывая пример бодрости и присутствия духа. Кроме того, вновь завоеванные места требовали организации гражданского управления, а на это нужны были опять офицеры Корпуса жандармов. Надо отдать справедливость офицерам вверенного мне Корпуса, они во всех этих командировках и при исполнении сложнейших обязанностей во время войны бывали всегда на должной высоте. Я очень жалел, что не мог пойти навстречу благородному порыву многих офицеров, пожелавших отправиться на фронт, в действующую армию, и должен был обратиться к ним с приказом, повергшим их в уныние: «С началом войны, — писал я, — многие офицеры высочайше вверенного мне Корпуса стали ходатайствовать о перемещении их в действующие войска. Вполне уважая благородный порыв этих офицеров и отдавая им в этом должное, я, тем не менее, считаю своим долгом напомнить офицерам

Корпуса, что в настоящую серьезную для нашей Родины минуту одинаково важна служба как вблизи наших врагов, так и вдали от них, в тылу театра войны. Всякий верноподданный, имеющий определенные обязанности, должен в эти минуты напрячь свои силы для лучшего выполнения своего долга перед Государем и Родиной, что он может с наибольшею пользою сделать, оставаясь на своем посту, как бы пост этот ни был скромен и далек от театра войны. Этою мыслью должны проникнуться с особой силой чины высочайше вверенного мне Корпуса, призванные охранять внутренний порядок, памятуя, что эта задача для них столь же почетна, как для остальной русской армии борьба с заносчивыми врагами.

Начальников управлений я приглашаю руководить подчиненными им чинами не формально, а приходя им действительно на помощь в трудные минуты своим советом и указаниями; господам офицерам предлагаю действовать вдумчиво, сообразно с обстановкой, не выказывая нерешительности и никогда не проявляя растерянности, а нижним чинам Корпуса служить энергично и всегда бодро, беззаветно неся свои обязанности.

Я не сомневаюсь, что в эти серьезные минуты чины Корпуса напрягут все свои силы и проявят особенно дружную работу в деле обеспечения внутреннего порядка и тем дадут возможность действующим войскам сосредоточить свои силы на борьбу с врагом».

С началом войны все способные носить оружие иностранные подданные воюющих держав мужского пола от 18 до 45 лет, застигнутые войной в России, были объявлены военнопленными, арестованы и высланы в определенные места, особо для них назначенные, под строжайший надзор. Состоявшие же на действительной военной службе, по заключении их под стражу, переданы были немедленно в распоряжение военного начальства. Исключения сделаны были только заведомо больным и неспособным к военной службе, а также уроженцам Эльзаса и Лотарингии по удостоверениям французского посольства, итальянцам — подданным Австрии — по удостоверениям итальянского посольства и галичанам — при ручательстве за них со стороны чешских и галицко-русских обществ.

В этом духе и были разосланы мною циркулярные депеши губернаторам и градоначальникам. Затем, по соглашению Министерства внутренних дел с Военным министерством, было сделано некоторое изменение: все иностранные подданные воюющих держав переданы были в ведение Министерства внутренних дел, и только военнопленные, взятые на театре военных действий, остались в ведении Военного министерства. Таким образом, на Министерство внутренних дел легла огромная ответственность и огромная работа по надзору за иностранными подданными воюющих держав, переписка о коих сосредоточена была в Департаменте полиции, находившемся в моем ведении. [...]

Вследствие этого распоряжения очень многие иностранные подданные пожелали выехать за границу. Разрешение на выезд они получали от с.-петербургского градоначальника, при этом некоторые из них, согласно донесений вверенных мне чинов Корпуса жандармов, выезжали с курьерским поездом, имевшим в Белоострове остановку всего одну минуту, благодаря чему могли провозить за границу значительные ценности и документы не только свои, но даже и других австрийских и германских подданных, отправлявшихся в пассажирских поездах и подвергавшихся строгому досмотру в Белоострове. Для парализования этого я воспретил выезд германских и австрийских подданных с курьерскими поездами и назначил особый специальный пассажирский поезд для вывоза иностранных подданных, причем с момента выезда из С.-Петербурга устанавливался серьезный надзор жандармской полицией, и на станции Белоостров они подвергались самому тщательному досмотру. Вторичный досмотр им делался уже на шведской границе в Раумо, при этом я приказал у всех означенных лиц, выезжавших за границу, секвестировать обнаруживаемые русские деньги, оставляя кроме обнаруживаемых иностранных денег на сотню рублей не более 50 руб. русскими, при отсутствии же иностранных денег или наличии их на сумму меньше ста, разрешать оставлять до 150 руб. в общем. О секвестировании денег каждый раз должны были составляться протоколы и доносить штабу, а деньги сдавать в казначейство. Такое распоряжение было сделано и на румынской границе.

Не так легко было наладить дело о лицах, подозреваемых в шпионстве, так как в Главном управлении Генерального Штаба дело это было поставлено без всякой системы, в чем я убедился, ознакомившись с перепиской подполковника Ерандакова, о котором я говорил уже в моих воспоминаниях, касаясь деятельности контрразведывательных органов, с с.-петербургским градоначальником. Все эти бумаги присылались и мне в копиях для сведения. Разбираться в них было довольно трудно; видно было, что Ерандаков не особенно внимательно вникал в суть каждого дела, так как многие дела были часто голословными и предъявляли требования на высылку целого ряда лиц, о которых он даже не знал, где они находятся, кто они такие. Градоначальником в это время, к счастью, был уже не Драчевский, а князь Оболенский, бывший губернатором в Рязани. Правда, он был несколько молод для поста градоначальника, особенно в такое серьезное время, тем не менее я рад был его назначению, так как знал хорошо и положительные его качества, и недостатки, был с ним в дружеских отношениях, что давало мне возможность, избегая формальности, заезжать к нему совсем запросто, чтобы переговорить на словах о тех или других делах и приходить к тому или другому заключению без излишней переписки. Оболенский был очень аккуратным человеком, любил порядок, что в такое время особенно ценно, работал он очень добросовестно,

ставя службу выше своих личных интересов, и в своих распоряжениях бывал логичен и, когда затруднялся в чем-либо, принимал советы, не боясь уронить своего достоинства, чего всегда боялся Драчевский.

Одновременно с переписками по шпионству в жандармских управлениях прибавился целый ряд дел, как формальных дознаний, так и переписок о политической неблагонадежности разных лиц. Мне казалось, что число таких дел должно было бы во время войны сократиться, а между тем оно росло. Вникнув по существу, я не мог не обратить внимания, что многие из этих дел возникали по доносам, основанным на злобе доносителей к оговариваемым ими лицам, и из мести, что люди просто пользовались военным временем, чтобы сводить личные счеты. Для предупреждения от увлечения такими переписками я отдал следующий приказ по Корпусу жандармов за № 317: «За последнее время чинами губернских жандармских управлений был возбужден целый ряд как формальных дознаний, так и переписок об исследовании степени политической благонадежности разных лиц, при ознакомлении с коими нельзя не усмотреть, что производящие означенные дела чины Корпуса недостаточно вдумчиво отнеслись к моменту возбуждения таковых дел. Особенно наблюдаются подобные случаи в тех местностях империи, в которых различные народности, их населяющие, издавна находятся в неприязненных отношениях. Стремясь свести старые счеты и устранить неугодных им лиц, худшие элементы населения спешат использовать время войны в своих личных интересах. Умело учитывая общий горячий подъем патриотических чувств, они возводят на своих врагов обвинения в оскорблении величества, государственной измене, шпионстве, указывают на их несомненную политическую неблагонадежность, выразившуюся в поругании нашего Отечества и вообще всего русского и в нескрываемом сочувствии к воюющим с Россией державам.

При объезде различных местностей я имел неоднократно возможность лично убеждаться, как сильно распространились с момента объявления войны ложные доносы и клеветнические наветы. К сожалению, мне пришлось убедиться также и в том, что некоторые чины Корпуса, по отсутствию ли проницательности и уменья оценивать настроение различных частей населения, а в некоторых случаях, быть может, и из желания создавать сенсационные дела, с непростительным легкомыслием отнеслись и относятся к получаемым сведениям, кои они сочли за вполне достаточные и законные поводы к возбуждению дознаний. Закон в статьях 297-314 Устава уголовного судопроизводства совершенно определенно говорит, что для возбуждения уголовного преследования необходимы наличность не только законного повода, но также и достаточных оснований, т. е. тех фактических данных, кои подкрепляют предположения о наличии преступления.

Только при совокупности этих двух условий возможно возбуждение уголовного преследования, без предварительной проверки полученных сведений путем негласного розыска, который и может повлечь за собой возбуждение дознания. Долголетняя же практика, основанная на том, что всегда могут найтись лица, лишенные совести и чести и готовые свидетельствовать против правды ради личных своих интересов, заставляют быть осторожным в некоторого рода делах даже и при наличии указанных двух условий и рекомендует, предварительно возбуждения формального производства, негласную проверку полученных сведений, как будто бы и достаточных с формальной стороны, для возбуждения уголовного преследования. В особенности же это необходимо в тех именно делах, о которых говорится в начале этого приказа.

Еще в 1891 г. Департамент полиции циркуляром от 26 июня № 1690 преподал чинам Корпуса указания, как надлежит поступать при возбуждении дел об оскорблении величества (статьи 103, 106 и 107 Уголовного уложения), большинство коих возникает вследствие заявлений и доносов частных лиц, причем заявления эти в большинстве случаев делаются по злобе, в силу враждебных отношений. Опыт показал, что при возникновении таких дел, а равно и при возникновении в переживаемое время дел о шпионстве и о государственной измене надлежит, предварительно возбуждения формального дознания и привлечения в качестве обвиняемых лиц, весьма часто ни в чем не повинных, исследовать негласным путем возможно глубже взаимоотношение свидетелей и оговариваемых с целью выяснения, не является ли оговор актом мести, желания подвергнуть оговариваемое лицо строгой каре, лишить его доброго имени и т. п.

То же самое нужно сказать и относительно тех дел подобной же категории, в коих полученные сведения дают основания лишь к возбуждению переписок о выяснении степени политической благонадежности оговариваемых лиц. Принятие в отношении таких лиц мер административного воздействия, выражающихся в лишении их свободы, может быть допустимо лишь после тщательного установления взаимоотношений свидетелей и оговариваемых. Мною замечено, что в течение последнего времени особенно часто наблюдаются оговоры в сочувствии к воюющим с Россией державам, причем такие обвинения возводятся на тех лиц, кои действовали строго и решительно в годы революционного движения в сельских местностях.

Признавая совершенно недопустимым, чтобы время всеобщего патриотического воодушевления могло быть использовано порочными элементами населения для удовлетворения личной злобы и мести, считаю своевременным подтвердить всем чинам высочайше вверенного мне Корпуса о необходимости с особым вниманием отнестись к исследованию дел, возникающих на подобной почве, вникать в сущность каждого дела, оценивать всю обстановку, при которой

оно возникло, и выяснить те, зачастую сложные отношения, которые связывают заинтересованных между собою лиц.

Господам начальникам губернских жандармских управлений и их помощникам надлежит всегда памятовать, что служба чинов Корпуса жандармов имеет не только местное, но, прежде всего, общегосударственное значение, а потому в настоящее время, когда власть и население должны идти рука об руку к созданию условий, облегчающих действующей армии ее задачу — поражение внешнего врага, им надлежит пуще всего заботиться о том, чтобы своими законными, строго обдуманными и разумными действиями оберегать интересы лояльных подданных и подвергать законному преследованию лишь тех, чья деятельность действительно угрожает государственной безопасности и общественному спокойствию».

В то же время, получая донесения о не совсем спокойном настроении среди сельских жителей, я, за министра, обратился к губернаторам с следующим циркуляром: «Мною получены сведения, что в некоторых местностях империи под влиянием вздорных, возбуждающих и злонамеренных слухов, начинаются весьма нежелательные брожения в среде сельского населения. Явление это должно быть признано чрезвычайно опасным для благополучия государства, так как спокойствие всего населения во время войны и уверенность каждого в личной и имущественной безопасности служат лучшим залогом успеха русского оружия. Всякое волнение и нарушение порядка, хотя бы и в отдельных местностях, неизбежно станут известными в армии и могут бросить в нее чувство смущения и тревоги. Считаю долгом обратить внимание Вашего превосходительства на необходимость использовать немедленно все средства и способы для поддержания полного спокойствия в среде обывателей вверенной Вам губернии. Время войны есть время особой возбудимости и нервности населения, лишенного правдивого осведомления о текущих событиях и потому легко воспринимающего всякие слухи, чем и пользуются злонамеренные люди. Явление это вынуждает власть стать ныне в особо близкое непрестанное соприкосновение с местным сельским населением, чутко прислушиваясь к его интересам, осведомляя его, в пределах возможности, о происходящих событиях и парализуя немедленно вздорные и вредные слухи. Ближайшая задача власти при настоящих условиях — возбудить к себе общее доверие.

Долгом почитаю высказать, что задача эта обязывает Ваше превосходительство проявлять прежде всего непрестанную и деятельную заботу о семействах чинов запаса и ополчения, призванных на действительную военную службу и вообще о лицах, интересы коих будут серьезно нарушены военными событиями. Проявление подобной заботы со стороны высшей власти в губернии несомненно отзовется умиротворяющим образом на всех слоях населения, воз-

державая его от каких-либо беспорядков и нарушения чужих имущественных прав.

Итак, я полагаю, что прежде всего Вам надлежит создать условия, при которых распространители ложных слухов не имели бы успеха в его среде. Но не следует при этом забывать, что, несмотря на общий в стране подъем патриотических чувств, в государстве продолжают действовать враждебные ему силы, стремящиеся использовать выгодный для них момент. Время войны исключает возможность снисходительного отношения к тем, кто ведет преступную агитацию среди сельского населения. Подобные лица немедленно должны быть лишаемы свободы и подвергаемы строжайшим карам, равно как и лица, виновные в распространении слухов, вызывающих общественную тревогу. Там, где, несмотря на принятые Вами меры предупредительного характера, возникнут аграрные и погромные движения или вообще серьезные нарушения общественного порядка, Вашему превосходительству следует пресекать их в самом начале всеми возможными средствами, памятуя, что малейшее промедление или снисходительность дадут разрастись движению, втягивая в него больший круг лиц, а следовательно, и потребуют в будущем чрезвычайных мер. Считаю необходимым высказать, как общее правило, что при настоящих условиях представители государственной власти на местах должны действовать решительно и быстро, забывая о формальных соображениях там, где требуется во что бы то ни стало охранить общественный порядок и спокойствие. Вашему превосходительству надлежит помнить, что уголовный закон освобождает от ответственности лицо, принявшее меру, превышающую его власть, если подобное действие было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Ныне такие обстоятельства наступили для всей России, почему превышение власти, вызванное необходимостью охранить жизнь и имущество мирных обывателей или подавить опасное движение, встретит всегда одобрение и поддержку со стороны министерства.

Напротив этого, растерянность в опасные моменты и бездействие власти будет рассматриваться как тягчайшая вина перед долгом службы, невзирая ни на какие формальные объяснения подобного образа действий. Обращаясь к тем способам, коими может быть обеспечено наиболее полное охранение порядка в сельских местностях, я прошу Ваше превосходительство безотлагательно сообразить условия лучшей дислокации стражи во вверенной Вам губернии. Со своей стороны считаю необходимым преподать некоторые общие указания по сему предмету. Прежде всего я нахожу, что надлежит, по возможности, не распыливать стражу по всей площади уездов, а сосредоточивать ее преимущественно при становых квартирах и в уездных городах. Весьма полезным признаю также организацию периодических разъездов в пределах станов и постановку в неспокойных волостях достаточной численности команд стражи в качест-

ве постоянной охраны. Уездные исправники имеют немедленно сообразить все местные условия и представить Вашему превосходительству свои предположения и все данные, необходимые для новой дислокации стражи.

Преподав изложенные указания, я остаюсь в твердой уверенности, что дружная самоотверженная работа всех подведомственных Вашему превосходительству чинов, руководимая Вашим личным примером и вдохновляемая горячей любовью к Престолу и Родине, создаст на местах условия, при которых станут невозможными серьезные беспорядки и посягательства на имущество мирных обывателей».

18 августа с фронта получено потрясающее известие, совершенно неожиданное. После блестящего наступления в Восточной Пруссии, где наши войска находились уже на пути к Кенигсбергу, Вторая армия под начальством генерала Самсонова потерпела полное поражение под Сольдау, будучи совершенно уничтожена; только жалким остаткам удалось пробиться, штаб и генерал Самсонов погибли. Эта первая крупная неудача произвела удручающее впечатление. Оно рассеялось только, когда пришли вести с Юго-Западного фронта, где 21 августа одновременно были взяты Львов — генералом Рузским, командовавшим 3-й армией, и Галич — генералом Брусиловым, командовавшим 8-й армией. Эти две блестяще одержанные победы заставили немного забыть Сольдау. Рузский получил Георгия 3-й и 4-й степени, Брусилов — 4-й степени. За Львовом и Галичем один за другим города переходили в наши руки: Станиславов, Черновицы, Ярослав и другие. Наши армии на австрийском фронте продвигались вперед, окружая Перемышль.

Ввиду обширной площади, занятой нашими войсками в Галиции, в завоеванных областях образовано было военное генерал-губернаторство. Военным генерал-губернатором назначен был генерал-лейтенант граф А. Бобринский, состоявший при военном министре. Губернатором — волынский губернатор Мельников.

По занятии Львова великий князь обратился к народам Австро-Венгрии с воззванием, напечатанным на 9 языках народностей, населяющих Австро-Венгрию. «Народы Австро-Венгрии! Венское правительство объявило войну России за то, что Россия, верная своим историческим заветам, не могла оставить беззащитной Сербию и допустить ее порабощение. Народы Австро-Венгрии! Вступая во главе российского войска в пределы Австро-Венгрии, именем великого русского царя объявляю вам, что Россия, не раз уже проливавшая свою кровь за освобождение народов от иноземного ига, ничего иного не ищет, кроме восстановления прав и справедливости. Вам, народы Австро-Венгрии, она тоже несет теперь свободу и осуществление ваших народных вожделений. Австро-Венгерское правительство веками сеяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть над вами. Россия,

напротив, стремится только к одному, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов — язык и веру, и объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность. Уверенный, что вы будете всеми силами содействовать достижению этой цели, призываю вас встречать русские войска как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы. Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Николай».

31 августа ко мне приехал градоначальник князь Оболенский с депутацией от с.-петербургской городской полиции, прося меня принять почетное попечительство Общества взаимопомощи офицерам и классным чинам столичной полиции. Общество это последние годы при Драчевском совсем заглохло, особенно после кончины Дедюлина — последнего его почетного попечителя. Оболенский, со свойственной ему отзывчивостью к нуждам подчиненных, принялся за оживление деятельности Общества. Я был очень тронут их вниманием ко мне и, испросив высочайшее соизволение на принятие мною этого почетного звания, дал согласие, после чего Оболенский ознакомил меня с положением дел в Обществе и затем пригласил меня осмотреть специально сооруженный дом дешевых квартир для чинов градоначальства.

1 сентября в Ялте скончался старик Е. В. Богданович, известный своими патриотическими изданиями. Я уже упоминал о нем в своих воспоминаниях. Он умер на 85 году своей жизни, до самой последней минуты он не терял энергии, оставался так же отзывчивым, внимательным для каждого приходящего к нему за советом или утешением, несмотря на свои годы и страшный недуг — слепоту. 6 сентября его хоронили в С.-Петербурге в Александро-Невской лавре. Мне было очень жаль, что меня не было и я не мог помолиться у его гроба, сказать последнее «прости». Вдова его Александра Викторовна, рожденная Бутовская, эта удивительная по кротости и любви к ближнему женщина, оберегала своего мужа до последних минут его жизни. Всегда исполненная покорности, по своей поразительной скромности не придавая значения своим, зачастую непосильным трудам, когда она помогала мужу в работе, стараясь при этом только дополнить своего Евгения Васильевича, не подчеркивая своего личного участия в работе, эта святая женщина, умевшая согреть своей русской лаской и большого и маленького человека, с кончиной своего мужа как-то сразу опустилась и постепенно угасла. 2 декабря ее не стало, она последовала за своим другом; ее похоронили рядом с ним.

3 сентября последовало высочайшее повеление о переименовании С.-Петербурга в Петроград. Я лично встретил это известие без большого сочувствия, оно не произвело вообще того впечатления, на которое рассчитывали те, по представлению коих это повеление последовало. Мне это показалось каким-то мелочным и ненужным,

я пожалел, что Государь подписал такой, в сущности ненужный, приказ.

3 же сентября последовал высочайший приказ о назначении принца А. П. Ольденбургского верховным начальником санитарной и эвакуационной части. Этот приказ произвел очень хорошее впечатление, все приветствовали это назначение, зная энергию и неутомимость принца и его настойчивость, уверенные, что он внесет в эту важную отрасль много практического, хорошего и жизненного, и не потерпит злоупотреблений.

2 сентября я выехал в сопровождении П. В. Истомина и моего секретаря Сенько-Поповского в Прибалтийский край. Побывав в течение 3 и 4 сентября в г. Ревеле, Риге, Митаве, я проверил на местах, насколько мне позволило время, полученные из различных источников сведения о нелояльных, а иногда и изменнических будто бы действиях немецкой части населения Прибалтийского края. Ознакомление с разнообразными материалами, находившимися в моем распоряжении и, в особенности, беседы с местными деятелями, убедили меня в том, что резкое обострение отношений между отдельными национальными группами, населявшими прибалтийские губернии, вызваны были не столько причинами, возникшими после объявления войны, сколько историческими условиями жизни края. Укоренившееся издавна господство в нем наиболее малочисленной немецкой группы населения постепенно порождало в других национальных группах дух недовольства, зависти и озлобления. Особенно вызывал эти чувства образ жизни и действий прибалтийского дворянства, высокомерно замкнувшегося в своей среде и относившегося всегда с нескрываемым пренебрежением ко всему, что не имеет печати немецкой культуры. Незаконченное до настоящего времени обеспечение земельного быта местных крестьян, преобладавшее значение балтийского дворянства в строе церковно-общественной жизни, исключительные права его в управлении земским хозяйством, а также и различные другие местные условия, поддерживавшие господство немецкой части населения в крае, непрерывно питали чувства национальной розни и острого недоброжелательства. Быстрый рост самосознания латышской и эстонской национальных групп естественно усиливал эту рознь. Русские же элементы края, испытывая в повседневной жизни проявление немецкого господства и оскорбляемые пренебрежением немцев к русской культуре, в большинстве своем, относились к ним явно недоброжелательно. Все эти условия строя жизни Прибалтийского края должны были неизбежно вызвать вспышку национальной в нем вражды с того момента, когда Германия объявила войну России. Полное духовное единение общегерманской и местной балтийской немецкой культуры и широкое использование в крае труда германских подданных в сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, были достаточными поводами в глазах населения для заподозрива-

ния балтийских немцев не только в холодном отношении к интересам России, но и в сочувствии нашим врагам, доходящем до проявления измены.

Казалось бы, что немецкой части населения края надлежало учесть наступившие события, вызвавшие во всей России чувства острой неприязни ко всему немецкому и, отрешившись, хотя бы временно, от своей национальной замкнутости, слиться со всем народом в порыве патриотического воодушевления и негодования против германской армии, проявляющей неслыханные зверства и насилия над русскими людьми. К сожалению, прибалтийские немцы, в большинстве своем, не сумели или не хотели считаться с настроением страны и не вышли за предел холодной корректности, давая в то же время некоторыми действиями повод к серьезным на себя нареканиям.

Обращаясь к оценке настроения отдельных национальных групп в крае, я не мог не отметить горячее патриотическое воодушевление, охватившее повсеместно эстов и латышей. Всеми способами — путем манифестаций, пылких статей в национальных газетах, предложением личного труда и средств для помощи раненым воинам — они стремились выразить и подчеркнуть свое единение с русским народом и готовность жертвовать всем для победы над общим врагом России. Деятельность сильно развитой в латышско-эстонской среде социалистической партии значительно ослабла, и печать этой партии проявила патриотическое воодушевление. Главным двигателем этих чувств в латышско-эстонской среде явилась глубоко вкоренившаяся в их натурах неприязнь ко всему немецкому и возможность в настоящем отомстить германцам за пережитые в прежние века притеснения.

Параллельно с воодушевленным поведением эстов и латышей шла их враждебность к прибалтийским немцам. Не доверяя лояльности последних, они заподозривали их в сочувствии к врагам России и даже в изменнических действиях. Возникали ложные слухи о сигнализации германским аэропланам, за которые принимали, например, дым от ракет, пускаемых Усть-Двинской крепостью, и о производстве фортификационных земляных работ в имениях помещиков-немцев. Почва для последних слухов подготовлена была тем, что в имениях дворян, в особенности в Эстляндской и Лифляндской губерниях, должности управляющих, лесников и других служащих часто замещались германскими подданными, среди которых оказались и чины германской армии, задержанные в начале войны в качестве военнопленных. В Курляндской губернии довольно широко развилась за последние годы колонизация дворянских имений немцами, выходцами из других русских губерний, что, естественно, также волновало местных латышей, увеличивая их подозрительность в отношении помещиков. Рядом с несомненно горячим подъемом патриотических чувств латышской и эстонской части населения

Прибалтийского края, поведение местных немцев носило в общем сдержанный, холодный характер, не выходя за пределы, диктуемые благоразумием и личными интересами. Не имея возможности, ввиду краткого пребывания в крае, выяснить в точности размер пожертвований, сделанных местными немцами на нужды войны, я все же вынес впечатление о том, что жертвы эти далеко не отвечают материальной обеспеченности их и богатству балтийского дворянства. Я не мог не заметить также заметного воздержания немцев от участия в патриотических манифестациях, имевших место после объявления войны. Немецкая пресса помещала статьи патриотического характера с пожеланием победы русскому оружию, но в то же время бросалось в глаза умолчание о зверствах и насилиях германской армии, волновавших всю Россию. В отношении германских подданных, в весьма значительном числе населявших прибалтийские губернии, местные немцы проявили не только терпимость, но и явное сочувствие. Общественные организации не удалили их из своей среды, и я наблюдал случаи горячего заступничества за лиц военнообязанных, подлежавших аресту и высылке из края. Между прочим, особенно настаивал на оставлении в Эстляндской губернии иностранных подданных, служивших на Кертельской фабрике на острове Даго, лифляндский губернский предводитель дворянства барон Пилар-фон-Пильхау, состоявший крупным акционером названной фабрики. Весьма тягостное впечатление на население Эстляндской губернии произвело обнаруженное некоторыми заведующими военно-конскими участками и отдельными лицами стремление скрывать лучших лошадей от поставки в войска, не стесняясь прибегать для этого к явным злоупотреблениям. Это вызвало негодование в среде крестьянского населения и открытое порицание немцев, с приравниванием их действий к государственной измене.

Факт, сообщенный членом Государственной Думы Гольдманом, о нахождении членов знатных немецких фамилий на службе в рядах германской армии оказался верным. Из среды курляндского дворянства находились в ее составе: два барона Радена, Ашеберг, барон Засс и барон Фиркс. Братья Раден, отец коих проживал в Курляндской губернии, служили в полку имени императора Александра III, занявшем г. Калиш и, следовательно, имена их были связаны с насилиями, произведенными германскими войсками.

Ашеберг служил летчиком, а барон Фиркс, по слухам, был убит в сражении. Из состава лифляндского дворянства в рядах германской армии находился барон Тизенгаузен, уже давно, по докладу губернатора Звегинцева, оставивший самовольно Россию. По возвращении в Петроград я получил дополнительные донесения от начальников губернских жандармских управлений в Прибалтийском крае о нескольких лицах, принадлежавших к семействам местного дворянства и служивших в рядах германской армии. Наибольшее число их приходилось на долю Лифляндской губернии.

Среди событий того времени особое значение имело состоявшееся по распоряжению министра народного просвещения закрытие школ, содержимых «немецкими обществами» в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, и закрытие самих обществ по распоряжению министра внутренних дел. Ознакомившись с деятельностью «немецких обществ», я пришел к полному убеждению, что эти общества всецело находились под влиянием «Всегерманского союза», преследовавшего цели, враждебные России.

Возникновение «немецких обществ» в балтийских губерниях относилось к тому времени, когда под влиянием революционного брожения в латышско-эстонской среде в 1905 г. правительство с особым доброжелательством относилось к местным немецким элементам, считая их опорой для государственного и общественного порядка. Господствовавшее в царствование императора Александра III стремление к обрусению края уступило место новым политическим взглядам. 19 апреля 1906 г. высочайше утверждено было мнение Государственного Совета о допущении в частных учебных заведениях Прибалтийского края преподавания на местных языках, а 26 апреля того же года было предоставлено лифляндскому, эстляндскому и курляндскому дворянским обществам открыть и содержать на свой счет мужские средние учебные заведения с немецким преподавательским языком по большинству предметов. Издание указанных школьных законов, в связи с широким правом учреждать на основании закона 4 марта 1906 г. общественные организации, предоставило полную возможность немецкой части населения бережно развивать и охранять свою национальную самобытность и культуру. Выразителем и проводником этих вредных, с государственной точки зрения, взглядов явились закрытые «немецкое общества» в прибалтийских губерниях и содержимые ими школы. Задачи, преследовавшиеся этими обществами, были весьма обширны и обнимали решительно все стороны жизни немецкого населения края. Цель их согласно устава была: оказывать содействие немецкому населению в культурном, нравственном и экономическом отношениях.

В докладной записке, поданной на имя министра, курляндский губернский предводитель дворянства граф Рейтерн-Нолькен категорически утверждал, что «немецкие общества» ни в какой связи с общегерманским шульферейном * не находятся, между тем из представленной мне начальником губернского жандармского управления газеты «Ригаше Рундшау» было видно, что правительство (германское) ассигновало на дело немецкой школы и преподавания за границей 850 000 марок, из коих часть шла на школы этих обществ, что видно было из отчетов.

Идеологию деятелей «немецких обществ» ярко выражали издаваемые ими календари, проникнутые сознанием бесконечного пре-

* Шульферейн — от *нем.* Schule — школа, Verein — союз, общество.

восходства немецкой культуры над русской и призывавшие всех балтов сливаться духовно с торжествующим во всем мире германизмом. Я убедился в этом, ознакомившись с изданным в Риге так называемым «Kalender der Deutschen Vereine ‹n Lif., Est. und Kurland» * 1914 г. С горячностью говорилось в нем о любви немцев к «балтийской своей родине» и необходимости сплотиться всем путем вступления в немецкие ферейны. О русском языке календарь отзывался с полным пренебрежением, находя, что он недостаточно способен для выражения некоторых понятий. Обучение немецких детей на русском языке календарь считал совершенно невозможным, так как ученик не в состоянии будет понять богатых форм и бесконечно тонких различий греческих и латинских глаголов, которых нет в этом языке. Немецкий язык календарь называл мировым, уступающим по распространению только английскому, а немецкий дух — учителем всего мира.

Особенно много говорилось в календарях о школах, настойчиво призывая общество к распространению национальной немецкой школы. Говоря о школах с государственным языком преподавания, календарь откровенно заявлял, что «в десять раз лучше совсем закрыть немецкую школу, чем самим создавать из нее заведение, противоречащее первым элементам наших педагогических и национальных убеждений». Было характерно, что календарь этот распространялся исключительно в среде их членов и в посторонние руки мог попасть только при особой случайности.

Кроме календаря мною была рассмотрена распространенная в школах «немецких обществ» и изданная за границей книга «Schulrat S. Polack. Geschichtsbilder Ausgabe. B.» **, являющаяся пособием для изучения школьниками русской истории. В ней я, например, нашел повествование о том, что преступный революционный союз русских нигилистов, имеющий сочленов и пособников вплоть до высших кругов, «вызван нравственной испорченностью во всех кругах, продажностью должностных лиц, произволом царя и приниженностью подданных». В другом месте автор книги рассказывал о том, как правящая власть в России отвечала с помощью штыков и пуль бесчисленным толпам рабочих и тысячам крестьян в деревнях на их требования улучшения своей тяжкой судьбы и гражданской свободы, причем сметала целые толпы восставших. Передавая об убийстве великого князя Сергея Александровича, автор называл его ненавистным дядей. Государя и самодержавную власть называл «неспособной».

К моменту закрытия «немецкие общества» представляли собой могущественную организацию, числившую в своей среде десятки

* Календарь немецкого общества в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии *(нем.)*.

** Школьный советник С. Полак. Картины на исторические сюжеты. Выпуск В. *(нем.)*.

тысяч членов. Лифляндское общество имело 19 отделений, в которых числилось к концу 1913 г. 16 126 человек и к моменту закрытия около 16 000. При обществе состояли: учительская семинария — 1, училищ I разряда — 3, училищ II разряда — 6, училищ III разряда — 8, детский сад — 1 и еще 14 различных учреждений.

При посещении мною Лифляндской губернии местный начальник губернского жандармского управления представил мне фотографический снимок с весьма характерного документа следующего содержания (перевод с немецкого): «Дармштадт, 3 августа 1912 г. О назначении училищного референдария Генриха Ейдебенца училищным асессором. Великогерцогское Министерство внутренних дел. Отделение для школьных дел. Господину училищному референдарию Генриху Ейдебенцу в Риге. С разрешения великогерцогского Министерства внутренних дел постановили мы, на основании данного императорским консульством в Риге удостоверения, относительно Вашей тамошней служебной деятельности, что школьный год 1911—1912 зачитывается Вам как второй год подготовительной службы и Ваша должна считаться законченной с Пасхи 1912 г. Ввиду сего великогерцогское Министерство внутренних дел назначило Вас с 1 апреля 1912 г. училищным асессором».

Характерный документ этот наглядно свидетельствовал, что с точки зрения германского правительства служба подданных Германии в школах Прибалтийского края приносила большую пользу делу германизма, почему она и поощрялась путем зачета лет учительства в России в срок приобретения высшего звания, а может быть, и путем других награждений.

Вспоминая свои впечатления по каждой губернии отдельно, начну с Эстляндской губернии. В появившихся в современной печати заметках и статьях по поводу Прибалтийского края, а также в различных заявлениях, поступавших в министерство, не содержалось жалоб на проявление враждебности к России со стороны немецкой части населения Эстляндской губернии. Отсутствие жалоб и выражений недовольства я отношу к высоким качествам начальника Эстляндской губернии генерал-майора Коростовца. Проникнутый всецело русским государственным миросозерцанием, он зорко следил за всеми течениями местной общественной жизни, осведомляя о них высшее правительство, и в то же время снискал себе общее уважение в губернии широким беспристрастием, тактом и благородством действий. Я обратил внимание, что в 1908 г. генерал-майор Коростовец, верно оценивая деятельность и стремление закрытых ныне «немецких обществ», докладывал временному прибалтийскому генерал-губернатору барону Меллер-Закомельскому о необходимости принятия немедленных решительных мер к прекращению с самого начала в указанной деятельности всего, что выходит за пределы утвержденных для обществ уставов. По мнению Коростовца, которое я не мог не разделить, дабы избежать проти-

воречий в распоряжениях правительства и возможно полнее достигнуть цели, поставленной при закрытии эстляндского и других «немецких обществ», необходимо было закрыть не только школы, которые содержатся непосредственно на его средства, но и все учебные заведения, субсидируемые им, хотя бы и в незначительной сумме.

При выяснении мною вопроса о причинах обостренного недоброжелательства, наблюдавшегося в Прибалтийском крае между немецкой и другими национальными группами со времени объявления Германией войны России, губернатор Коростовец указал мне на ряд явлений, выразивших это недоброжелательство. Прежде всего замечено было, что немецкая часть населения уклонялась от участия в патриотических манифестациях. Немцы объяснили свое поведение нежеланием выступать совместно с эстонцами, которых они считали революционным элементом, но последние, конечно, усматривали в этом отсутствие патриотического воодушевления. Затем, весьма тяжелое впечатление произвело на обывателя, и в особенности на крестьян, обнаруженное в широком размере уклонение помещиков от поставки лошадей для надобности войск. В результате произведенной по распоряжению губернатора поверки действий лиц, причастных к делу поставки, состоялось привлечение к уголовной ответственности пяти заведующих военно-конскими участками, а именно: барона Ферзена, барона Деллингсгайзена, барона Отто Гойнинген-Гюне и мещанина г. Гапсаля Макса Тульмана. Все они обвинялись в противозаконном злоупотреблении властью, выразившемся в намеренном неисполнении «Инструкции по поставке в войска лошадей», в целях предохранить лучших лошадей крупных землевладельцев от приема в войска, причем ими были включены в препроводительные списки заведомо ложные сведения.

Весьма тяжелое впечатление на жителей Эстляндской губернии произвел случай выселения из имения Финн Везенбергского уезда, принадлежавшего эстляндскому дворянину, семейства запасных чинов тотчас же после призыва по мобилизации. Подобные случаи, равно как и попытки со стороны некоторых помещиков уменьшать поденную плату и, вообще, сокращать платежи, вызывали справедливый ропот в среде сельскохозяйственных рабочих.

Вообще же Эстляндская губерния произвела на меня хорошее впечатление благодаря трезвому русскому государственному направлению всей деятельности генерала Коростовца. На административные и полицейские должности назначались преимущественно русские лица, во всех правительственных учреждениях господствовал государственный язык, что касается высылки из пределов ее военнообязанных иностранных подданных, она была произведена с должной быстротой и вполне правильно, что было засвидетельствовано и военным министром.

Лифляндская губерния. Наибольшее количество заявлений о нелояльных и даже преступных действиях немецкой части населения,

а также о пристрастии, проявлявшемся чинами администрации, приходилось на долю Лифляндской губернии. Многие из сведений, сообщенных прессой и частными лицами, оказались преувеличенными, а иногда и вовсе лишенными оснований, но самое наличие многочисленных жалоб на немецкое засилье в крае свидетельствовало о том, что начальник губернии гофмейстер Звегинцев не пользовался доверием и уважением местного населения. Покровительство его немцам вообще, и в особенности балтийскому дворянству, было непререкаемым фактом. Поскольку в Эстляндской губернии мне легко было выяснить все интересовавшие меня вопросы благодаря содействию Коростовца, постольку же в Лифляндской губернии я чувствовал осторожность в объяснениях губернатора, озабоченного тем, чтобы изложить все факты в освещении, наиболее выгодном для балтийских немцев и для губернской администрации. Одним из главнейших вопросов, подлежавших моему выяснению, являлась поверка слухов о том, что в пределах губернии проживали в значительном числе германские подданные, подлежавшие в силу действующих правил высылке в определенные места. Звегинцев отрицал эти слухи, но на мой вопрос, справедливы ли сообщенные в прессе сведения, что в имении барона Тизенгаузена проживает оставленный по его просьбе лесник Карл Гаврик, подлежавший высылке как военнообязанный, германский подданный, удостоверил справедливость этого факта, объяснив свое распоряжение тем, что Гаврик имеет от германского правительства удостоверение о непригодности к военной службе. Находя подобную льготу для Гаврика вообще неправильной, тем более что он не был освидетельствован в состоянии здоровья и, следовательно, мнение германских врачей было принято на веру, я просил Звегинцева подвергнуть его немедленной высылке на общем основании. Приведенный случай, отмеченный прессой, привлек к себе внимание по той причине, что сын барона Тизенгаузена, покинувший давно Россию, служил в рядах германской армии, что, естественно, вызвало особую подозрительность местного населения к семье Тизенгаузена.

Придавая особое значение вопросу о своевременной и беспристрастной высылке из Лифляндской губернии германских подданных, состоявших в деловых отношениях с помещиками и фабрикантами немцами, я предложил начальнику губернского жандармского управления генерал-майору Волкову представить мне имевшиеся у него сведения по этому делу. Оказалось, что по распоряжению губернатора оставлено было в Риге значительное количество военнообязанных немцев, которые затем были высланы, но только вследствие настояния военного ведомства, часть же была арестована накануне моего приезда, когда Звегинцев узнал о нем. Как характерный случай генерал Волков указал, что по просьбе близких губернатору лиц был оставлен на жительстве в Риге офицер запаса германской службы Раутенберг-Клинский. Получив об этом сведение от фран-

цузского консула, генерал Волков счел необходимым арестовать названного офицера, имевшего официальное разрешение гофмейстера Звегинцева на жительство в Риге. После ареста Раутенберг-Клинский был подвергнут высылке на общем основании.

В препровожденном мне Штабом Верховного главнокомандующего анонимном сообщении были поименованы несколько лиц, оставленных будто бы незаконно губернатором в Риге. При проверке сведений о них оказалось, что австрийский подданный Карл-Иосиф Шуман и германский подданный Иоган Тиле, владелец фирмы «Фаскессель», не подлежали высылке по своему возрасту, а германский подданный Фриц Бах оставлен в Риге как поставщик машинного масла для морского ведомства. Звегинцев решительно опровергал сообщение о том, что местным учреждениям Красного Креста был придан исключительно немецкий характер, заявив мне, что в них не только допускались русские лица, но и велось преподавание русского языка для лиц, с ним незнакомых. По проверке же оказалось, что стоявшая во главе отделения Красного Креста в Риге жена лифляндского губернского предводителя дворянства баронесса Пилар-фон-Пильхау принимала преимущественно немцев и, во всяком случае, только лиц, знавших немецкий язык. Лекции по медицине читались на этом языке, на что уже поступали жалобы начальнику губернии. Только в последнее время баронесса Пилар-фон-Пильхау изменила свой образ действий под влиянием нападок местной и петербургской прессы, и действительно, осматривая Рижский лазарет Красного Креста, я встретил в них двух русских сестер милосердия, известных мне по Москве.

Уклонений от военно-конской повинности зарегистрировано было всего два со стороны усадьбовладельцев-латышей. Генерал-майор Волков доложил мне, что делом поставки лошадей и автомобилей в войска заведовал вице-губернатор князь Кропоткин, принимавший все меры к тому, чтобы автомобили и лошади владельцев-немцев браковались. Только вмешательство воинского начальника Рижского уезда прекратило это незаконное явление.

Обращаюсь к различным агентурным сведениям, полученным Департаментом полиции по Лифляндской губернии и содержавшим в себе указания на изменнические действия местных немцев, как, например, на покушение помещика Липгардта с сыном взорвать мост через реку Эмбах, на спуск немецких аэропланов в Коховском лесу барона Норинга, на обнаружение у одного из помещиков склада бомб и динамита; все эти слухи возникали на почве чрезвычайной нервности и подозрительности к немцам, являясь иногда отголоском имевших в действительности место, но вполне легальных событий. Так, например, после разрешенного губернатором съезда лесоводов в Юрьевском уезде распространился слух, что в замке Ярсевель происходили тайные собрания немцев. Покрытие лютеранской церкви оцинкованным железом или окраску в белый цвет

столбов по дороге рассматривали как желание обозначить путь для полета аэропланов и т. п. Затем мной был обнаружен преступный факт о принятии в русское подданство по объявлении войны 16 германских подданных по личному распоряжению губернатора, тогда как 6 из них могли быть приняты в русское подданство только с высочайшего соизволения, а 10 — властью министра; таким образом явилось несомненное превышение власти в таком важном с государственной точки зрения вопросе.

Краткость пребывания в губернии не дала мне возможности всесторонне обследовать события, давшие повод к многочисленным жалобам и заявлениям, но и те факты, на которые я не мог не обратить внимания, ярко свидетельствовали, что Звегинцева оставлять губернатором нельзя было. Я нашел, что и вице-губернатор князь Кропоткин не сумел также снискать уважение и доверие населения губернии, ввиду общеизвестной приверженности его к немецкой культуре и близость к немецким кругам. Достаточно того, что он воспитывал детей своих в немецкой школе. Дальнейшее пребывание его в должности вице-губернатора в Прибалтийском крае я признал также весьма нежелательным, тем более что, являясь местным помещиком, он находился под сильным влиянием немецкого балтийского дворянства.

Курляндская губерния. Докладная записка члена Государственной Думы от Курляндской губернии Яна Гольдмана заключала в себе ряд тяжких обвинений по адресу начальника губернии егермейстера Набокова и немецкой части местного населения. Проверив на месте сведения, сообщенные членом Государственной Думы Гольдманом, я пришел к убеждению, что докладная записка его содержала в себе явно неверные фактические данные. Все обвинения, что Набоков наполняет местную администрацию немцами, оказались совершенно необоснованными, напротив, все открывавшиеся вакансии при Набокове заполнялись исключительно русскими и только два пристава-немца были повышены им по службе, как выделяющиеся пристава. Выясняя образ действий и распоряжений егермейстера Набокова, я нашел, что при несомненной симпатии его к местному немецкому обществу и близких личных связях с дворянством, он, как представитель государственной власти в губернии, держался правильных взглядов и отстаивал русское влияние в крае, стремясь в то же время поддержать мир между враждебными друг другу немецкой и латышской национальными группами. Ему принадлежала, например, инициатива в вопросе о колонизации Курляндской губернии русскими элементами путем продажи русским крестьянам хотя бы части казенных земель (416 000 десятин). По его же ходатайству явилось назначение в 1912 г. к распродаже русским крестьянам 6 казенных имений и в настоящем году еще 11.

Заявление Гольдмана о том, что из Курляндской губернии выслано несколько человек за возглас «долой немцев», Набоков от-

рицал, указав, что им был выслан один крестьянин Кальнин, призывавший толпу к убийству помещика. Находя, что заявления депутата Гольдмана во многих отношениях являлись неточными и преувеличенными, я нашел, что только сообщенный тот факт о службе некоторых членов немецких семейств в рядах германской армии, как я уже отметил выше, являлся вполне справедливым и, конечно, был широко учтен в латышской среде, служа средством возбуждения ее против местного дворянства. Уроженец Курляндии прапорщик барон Штромберг, назначенный командиром 1-го взвода 48-го военного транспорта 10-го обозного батальона, действительно скомпрометировал себя частыми посещениями военнопленных прусских офицеров и ознакомил названных офицеров с агентской телеграммой, извещавшей о постигшей русские войска неудаче в сражении при Сольдау и о гибели генерала Самсонова и его штаба.

Таким образом, я пришел к заключению, что хотя деятельность Набокова и стояла вне подозрений в ее закономерности, но принимая во внимание, что все же Набоков находился под некоторым влиянием немецкого дворянства, я находил желательным перевести его в одну из внутренних губерний России, чего желал и сам Набоков.

При объезде Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний я принимал меры к выяснению, существовала ли в пределах Прибалтийского края организация под названием «Немецкое дворянское общество для покупки недвижимости», поставившее себе, как сообщала петербургская пресса, целью удерживать имения исключительно в дворянских руках и беспощадно преследующее всех нарушителей этого принципа. Сопоставляя все данные и оценивая настроение немецкой части населения Прибалтийского края, я пришел к заключению, что сообщенные из разных источников сведения об изменнических действиях балтийских немцев были частью измышленными, частью же возникали на почве общей нервности и подозрительности, охватившей население края, издавна враждебно относившееся к немцам. Но отсутствие измены не освобождает последних от заслуженного упрека в том, что замкнувшись в своей любви к германской культуре, они проявляли при создавшихся тяжелых условиях для России двойственность духа, как бы разделявшую их между долгом в отношении к русскому государству и сердечной приверженностью к германскому народу как носителю культуры, признаваемой ими наивысшей в мире.

В целях умиротворения прибалтийских губерний и укрепления в них русских государственных начал я высказал министру следующие пожелания: 1. Предложить начальникам губерний не регистрировать, в особенности в течение войны, частные общества, преследующие цели, близко совпадающие с деятельностью закрытых ныне «немецких обществ», так как возможно было ожидать, что будут сделаны попытки возродить к жизни ликвидированные организа-

ции, под другим только названием и с видоизмененной программой. 2. Войти в сношение с министром народного просвещения о немедленном закрытии всех школ, получивших субсидии от «немецких обществ». 3. Командировать кого-либо из чинов Министерства внутренних дел в Лифляндскую губернию для всестороннего ознакомления с деятельностью «Общества св. Иоганна» и других наиболее видных частных немецких общественных организаций. 4. Разработать вопрос о мерах к прекращению развивавшейся колонизации некоторых местностей Прибалтийского края немцами — русскими подданными, переселявшимися в этот край из других губерний России. 5. Распространить на Эстляндскую губернию силу закона, воспрещавшего иностранным подданным приобретать и арендовать земли вне портовых и других городских поселений. 6. Разработать общий вопрос о правовом положении иностранных подданных в Прибалтийском крае, ввиду обнаруженного в нем чрезмерно широкого использования труда иностранцев, в особенности подданных Германии, в области сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, а также привлечения их в состав различных местных частных обществ. 7. Подвергнуть пересмотру действовавшие правила о применении государственного языка в правительственных, судебных и частных учреждениях. 8. Ускорить разработку земской и продолжить предпринятую правительством церковную реформу в Прибалтийском крае, устранив из строя евангелическо-лютеранской церкви все особенные права немецкого дворянства. При составлении проекта земской реформы я полагал бы необходимым считаться с сильно развитыми в латышской и эстонской среде социалистическими течениями. 9. Приступить к реформированию в законодательном порядке гильдий купцов и ремесленников, являвшихся устаревшими учреждениями и представлявших во многих городах края оплот для немечества.

Для подробного обследования действий лифляндского губернатора Звегинцева был командирован член совета министра Н. Харламов, представивший очень обстоятельный доклад. Звегинцев был смещен с должности. Князь Кропоткин уволен.

Спустя некоторое время была учреждена должность особоуполномоченного по гражданскому управлению Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний, на каковую должность назначен был генерал-лейтенант Курлов, являясь в то же время помощником главного начальника Двинского военного округа на театре военных действий. Это назначение состоялось распоряжением Штаба Верховного главнокомандующего. Меня оно крайне удивило, тем более что, великий князь, как мне было известно, не особенно высокого мнения был о Курлове, а князь Туманов — начальник Двинского округа был не особенно доволен, что ему всучили такого помощника, скомпрометировавшего себя в киевском покушении на Столыпина. Я так и не мог узнать, кто рекомендовал Курлова, почему он

был назначен. Он не долго оставался на этом посту, его усиленно стали травить в Думе, посыпались запросы, жалобы, в результате для проверки и ревизии его деятельности был командирован генерал-адъютант Баранов; Курлов должен был оставить должность.

Из Митавы я проехал в Варшаву, чтобы лично предложить генералу Утгофу, помощнику генерал-губернатора по полицейской части, подать прошение об отставке. Этот разговор, происходивший на вокзале в парадных комнатах, где я принимал должностных лиц, был очень тяжелым. В тот же день прошение об увольнении его от службы было подано, и в течение месяца на его место был назначен генерал Клыков.

Из Варшавы я заехал на один день в Ставку, доложил великому князю результаты моих обследований в Ревеле, Риге и Митаве и, вернувшись в Петроград 10 сентября, погрузился в текущие дела, главным образом по шпионажу.

Среди шпионских организаций особенное внимание я обратил на германское общество «Флотенферейн», или, как оно называлось, «Центральный союз германских обществ флота за границей». Впервые существование этого общества обнаружено было в августе месяце в Одессе при обыске у одного привлеченного по политическому делу германского подданного, у которого найдена была брошюра на немецком языке под заглавием «Главное управление Германского флотского союза за границей», в коей изложены были цели Союза, сводившиеся к неуклонному стремлению стать твердым оплотом пангерманизма за пределами Германии и даже оказывать военно-разведческие услуги, и приведены списки его членов как в России и во всех европейских государствах, так и в других частях света.

Ввиду столь явно вредных для России целей Союза, были сделаны распоряжения об одновременном, в ночь на 29 августа, производстве в разных городах обысков и арестов всех поименованных в списке членов Союза с представлением, в случае безрезультатности обысков, этих членов к высылке, как подозреваемых в шпионстве. Наибольшее число членов было в Москве — 107, в Одессе — 76, в Петрограде — 80.

При исполнении этих распоряжений в обнаруженных по обыску материалах оказались документальные указания на целый ряд новых членов Союза, а равно на существование в Берлине органа Союза — журнала «Флот» с приложением «Заграничный немец», в коем заключались данные о широких задачах Союза по развитию идей пангерманизма за границей, о поднятом на одном заседании Союза в Берлине вопросе о пропаганде в пользу германских нужд за пределами Германии для защиты ее интересов, об учреждении с этой целью за границей немецких специальных надежных телеграфных агентств, организации надлежащей газетной информации и создании специально для сего особо секретного фонда печати. В одном отобранном по обыску отчете Союза обратило на себя

внимание предложение членам присылать снимки мостов, набережных, построек и сооружений.

В отношении новых выяснившихся членов последовали те же распоряжения. Обо всех членах Союза, за исключением нескольких оставшихся необнаруженными, было, таким образом, возбуждено расследование в порядке как охраны, так и военного положения, причем большинство было оставлено под стражей, а незначительное число оказавшихся непричастными к Союзу, или лично известными местной высшей (например, наместнику) власти, из-под стражи освобождено непосредственным распоряжением местных властей. Кроме того, так как ознакомление с Союзом и личным составом его членов могло несомненно представить интерес для правительств дружественных и союзных держав, на территории коих тоже были ячейки Союза, я послал министру иностранных дел вышеуказанную программную брошюру, заключавшую в себе также списки членов Союза на означенных территориях.

Часть привлеченных по окончании расследований была выслана непосредственным распоряжением местных властей, часть оказалась уже высланными в качестве военнообязанных, а относительно некоторой части дело было представлено местными властями в Департамент полиции для дальнейшего направления в порядке «Положения о государственной охране».

При расследовании, между прочим, обнаружилась практиковавшаяся в некоторых местностях система едва ли не насильственного включения германскими консулами в члены Союза даже не вполне сочувствовавших ему лиц.

Результаты обысков и добытые расследованием данные были подвергнуты в Департаменте полиции детальному рассмотрению, по окончании коего и состоявшегося соглашения с Министерством юстиции было признано возможным привлечь членов Союза в местах их обнаружения к уголовной ответственности в судебном порядке, с избранием в отношении привлекаемых по постановлениям судебных следователей тягчайшей меры пресечения, связанной с лишением свободы. Независимо от сего, по мере разработки обнаруженных по обыску данных, было установлено, что в нескольких местностях России существует «Австрийский флотский союз», идущий по стопам германского и преследующий те же цели, хотя далеко и не достигший, подобно германскому, широких размеров. Органом Союза оказался издающийся в Вене журнал «Флаг». В отношении членов «Австрийского союза» были сделаны совершенно однородные с «Германским союзом» распоряжения.

Ввиду состоявшегося привлечения повсеместно членов обоих союзов, 7 октября по телеграфу были отданы распоряжения административным властям: 1) приостановить высылку членов Союза, а высланных возвратить на места, 2) членов Союза, являющихся руководителями или организаторами сборов, а также безусловно всех

русских подданных содержать в административном порядке под стражею, остальных же от этой административной меры освободить, если они не подлежат аресту по другим поводам. Изъятие из вышеуказанных распоряжений о возвращении высланных в места их первоначальных привлечений были сделаны лишь для нескольких местностей, возвращение куда высланных было бы особо нежелательным по местным условиям или противоречило бы распоряжениям военных властей; в отношении таких местностей первоначальная мера — высылка в другие губернии — была оставлена в силе. К категории подлежавших оставлению в местах их высылки членов Союза были отнесены также и члены Союза — военнообязанные, подвергшиеся высылке еще до возникновения дела о Союзе.

Кроме того, все поступившие в Департамент полиции переписки были пересланы в распоряжение подлежащих судебных властей, коим затем периодически, по мере надобности, были доставляемы те или другие необходимые для следствия данные.

Поступившие при этом в значительном количестве как от самих привлеченных, так и от американского посольства настоятельные ходатайства об облегчении положения привлеченных были мною отклоняемы. Исключение было сделано уже в конце 1914 г. лишь для немногих консульских чинов, коим на сообщенных Министерством юстиции началах взаимности и обмена с германским правительством разрешено было выбыть за границу.

В следующем году по высочайшему повелению, по всеподданнейшему докладу министра юстиции были прекращены все возникшие о членах «Германского союза» судебные дела и привлеченные были освобождены в уважение начал взаимности обязательств освободить в Германии русских подданных. Таким образом, кару понесли только чины «Австрийского союза», германского же, наиболее серьезного, были помилованы.

Массу времени у меня отнимали разные ходатайства и просьбы за высылаемых, высланных и арестованных иностранных подданных воюющих с нами держав, а также и о разных лицах, подозреваемых в шпионстве. Кто только не просил за них. И члены Государственной Думы, и лица высшего общества, и граф Витте, и другие. Приходилось требовать дела, справки, разбираться в них, отвечать, и так бывало иногда трудно остаться беспристрастным, справедливым. К счастью, директором департамента у меня был Брюн, эта светлая неподкупная личность, который мне всегда помогал разобраться в каждом деле. Иногда, правда, благодаря просьбам, обнаруживались недоразумения и ошибки, но это бывали единичные случаи.

Дела о переходе в русское подданство, хотя и производились в Департаменте общих дел, мне не подведомственном, но все же косвенно они относились и ко мне, так как требовался отзыв Департамента полиции, и ко мне постоянно обращались за той или иной

справкой, оставлять без ответа нельзя было, и на это уходило время. Кроме того, все дела вообще об иностранных подданных воюющих держав осложнялись еще тем, что Штаб Верховного главнокомандующего предъявлял всевозможные требования главным начальникам военных округов по делам, касавшимся органов Министерства внутренних дел, которые в свою очередь имели свои директивы. Поэтому конфликты, недоразумения, особенно при раздражительности великого князя в случае неисполнения или замедления в исполнении его требований, могли быть весьма чреваты последствиями, и только безграничное доверие ко мне со стороны великого князя и сложившиеся у меня со всеми главными начальниками военных округов добрые отношения сглаживали и парализовали все встречавшиеся недоразумения. Великий князь всегда сильно волновался, когда кто-нибудь приедет к нему или напишет ему о каких-нибудь поблажках немецким подданным, о халатных действиях администрации. Все такие дела невоенного характера, и в коих он считал себя некомпетентным, волновали его больше военных неудач. Он тотчас пересылал их мне, а я, в свою очередь, по расследовании, их ему разъяснял и успокаивал его — большей частью эти все заявления бывали далеки от истины, будучи плодом фантазии и излишнего рвения лиц, любящих докладывать сенсационные дела. Великий князь всегда очень чутко относился к моим спокойным разъяснениям, у меня сохранилась одна из его депеш по этому поводу от 11 октября 1914 г. «Благодарю Вас за обе последние депеши на имя моего начальника Штаба, твердо рассчитываю и впредь на Ваше во всем содействие. Генерал-адъютант Николай».

Все время, с самых первых дней войны, на фронте и по всей России распространялось неимоверное количество прокламаций всевозможными способами, которые, казалось, только немцы могли придумать. Приведу для примера некоторые из них:

1. «Солдаты! В самых трудных минутах своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь. Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающих устранить меня, дабы ему самому занять Престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки России исход; но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне Богом власти, и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что требуют от меня.

Солдаты, отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайте оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой Родины. Несчастный ваш царь Николай II».

2. От пленных: «Земляки! Каждому жизнь дорога, а вас шлют на убой, и мы не знаем за что, хоть бы польза какая, а то никакой,

потому что мы знаем по японской войне, как наше правительство заботится о раненых, а кому Бог приведет здоровым вернуться домой, тоже ничего лучшего не будет. Нас в плену в Австрии и Германии около миллиона, и мы между собой порешили: вернувшись домой, сделать переворот, чтобы жизнь наша получшала. Присоединяйтесь к нам. Сдавайтесь в плен при первой возможности. Неправду говорит наше начальство, что немцы и австрийцы издеваются над пленными: не кормят, бьют и проч. Это, братья, выдумки. Нам живется хорошо. Чем больше будете сдаваться в плен, тем лучше, скорее кончится война.

Пора уже прекратить слезы родных, они льются рекой. Мы тоже были на позициях, переносили голод и холод и все солдатские нужды, боялись попасть в плен, а теперь, благодаря Бога, возвратимся домой здоровыми и такой большой армией добьемся лучшей доли, чем наша солдатская. Помните, что дома нужны только здоровые, в калеках не нуждаются».

3. «Русские солдаты! Уже пять месяцев вы проливаете вашу кровь, уже пять месяцев ваше начальство беспощадно гонит вас вперед, заставляет вас вторгаться в Германию. И что до сих пор достигнуто? Сотни тысяч ваших братьев пали в могилу, сотни тысяч попали в плен. Мы же, немцы, любим нашу Родину так же, как вы вашу. Мы не дали и не дадим себя побить. Наши ружья и пулеметы, наши пушки и наши летательные снаряды наносят вам смерть и никогда не допустят успеха вашей храбрости.

Неужели вы еще не сознаете, какое великое преступление совершено вашим начальством, втолкнувшим вас в эту бесполезную войну и жертвующим даром кровью миллионов людей. Да, ужасное преступление. Но кто именно виноват в этом преступлении? Невозможно, чтобы это был человек, который любит свой народ и чувствует ответственность за благо своей Родины. В самом деле, ваш Государь император Николай II не совершил и не хотел совершить такой великий грех. Он не пожелал этого кровопролития — он любит свой народ. Виновата другая личность — великий князь Николай Николаевич. Он заставил Государя начать эту несчастную войну. Это он безжалостно гонит вас на верную смерть. Он равнодушно смотрит на ваши потери, на слезы ваших жен и детей. Он не отвечает за благо народа. Ему до вас какое дело! А от англичан и французов, ваших старых врагов, он взял деньги, продал им свою душу.

Но вам ли, русские солдаты, слушаться этого бессовестного человека. Позволить ему стать клином между Государем и его народом. Нет, не вам это терпеть. Свергайте его с места, ему не подобающего. Отказывайтесь дальше сражаться за его преступное честолюбие. Оставьте его и ступайте домой или переходите на нашу сторону. Мы вас хорошо приютим, а по окончании войны отпустим вас благополучно на родину».

Прокламации эти на фронте бросались с аэропланов, внутрь же

России они проникали из Швеции по почте, большей частью под бандеролью в виде образчиков товаров или шоколада из Швейцарии и т. п. Пересылались под такими бандеролями и картонные портсигары, на которых с одной стороны изображены были примерные раскрашенные кроки местности, на другой стороне знаки для обозначения частей войск с объяснениями. Внутри — чистая бумага с цветными карандашами. На почте все бандероли и посылки из-за границы тщательно осматривались, подозрительные отправлялись в Главное управление Генерального Штаба, но, конечно, бывали случаи, что иногда прокламации и проскакивали незамеченными.

С осени 1914 г. Государь начал периодически посещать действующую армию, направляясь прежде всего в Ставку Верховного главнокомандующего и заезжая по дороге в попутные города, главным образом для посещения госпиталей.

В течение 1914 и 1915 гг. значительную часть времени Государь проводил в разъездах. Вся охрана по пути следования лежала на мне и вся ответственность за благополучное следование Государя. Много передвижений было и по грунтовым и шоссейным дорогам на автомобиле, почему мне при сопровождении Государя приходилось всегда брать с собой свой автомобиль, а так как прицеплять к пассажирским поездам платформы, не имевшие автоматических тормозов, представлялось опасным, то я просил управление Николаевской ж. д. за мой счет соорудить специальный вагон-гараж, по примеру существовавших для этой цели вагонов в императорских поездах. Управление дороги любезно пошло мне навстречу и очень быстро приспособило для этой цели пульмановский вагон третьего класса, уничтожив в нем все перегородки и сиденья, оставив только два купе — одно для мастерской, другое для шоферов. Вагон-гараж открывался во всю свою ширину с одной стороны; по спускаемым специальным сходням автомобиль въезжал в вагон. Два автомобиля свободно помещались друг за другом. Освещение в вагоне было электрическое от аккумуляторов. Управление дороги взяло с меня только за оборудование и приспособление, что обошлось в 3 000 руб. Ко времени первой поездки Государя в Ставку вагон был готов, снаружи он был очень нарядного вида, имел и соответствующую надпись. Таким образом, все многочисленные путешествия мои во время войны я совершал с большими удобствами. Выгрузить и погрузить автомобиль брало не более пяти минут. Кроме автомобиля, при высочайших поездках, в своем вагон-гараже я перевозил зачастую и собственный автомобиль начальника Военнно-походной канцелярии князя Орлова, так как дворцовый комендант Воейков, из личных счетов, отказывал Орлову в перевозке его собственного автомобиля в императорском поезде.

Так как поездки Государя бывали и часты и внезапны, то я не имел уже возможности, как прежде, заранее посещать все места

высочайших посещений. Приходилось выезжать иногда всего за несколько часов до отъезда Государя, а в лучшем случае накануне, редко за два дня. Мне сообщался маршрут с указанием, какие города Государь намерен посетить, затем министр двора или дворцовый комендант сообщал мне общую программу, каковой надлежало мне держаться при распределении времени. С этими заданиями я и ехал, таким образом, помимо прямых моих обязанностей по принятию мер охраны, на меня как-то сами собой легли и другие распоряжения по высочайшим посещениям городов, а также и по приему должностных лиц при остановках императорского поезда днем на некоторых крупных или узловых пунктах.

На моей обязанности лежало прежде всего утверждение списка должностных лиц и депутаций, кои встречали Государя на вокзале. Я должен был проверить и все подношения, чтобы среди них отнюдь не было никаких ценных, блюда допускались только деревянные. Порядок представления должностных лиц и депутаций утверждался мною согласно полученным мною директивам. Военные чины имели первое место, затем уже гражданские, депутации после должностных лиц. Из-за первенства иногда выходили неудовольствия, так было в Курске, где губернский предводитель дворянства князь Дондуков-Изъединов, подстрекаемый крайне правыми дворянами во главе с Марковым 2-м, требовал дворян поставить впереди должностных лиц, как первенствующее сословие. Я сказал, что этого делать нельзя, так как военные всегда имеют первое место, а во время войны тем более. С этим он согласился, но просил в таком случае поставить их сейчас же за военными перед должностными лицами гражданского ведомства. Я ответил, что и этого не могу, так как Государю удобнее сначала обойти всех должностных лиц, а затем уже принимать депутации, которые обыкновенно произносят приветствия, подносят хлеб-соль и которым, в свою очередь, Государь отвечает. Это не понравилось части курских дворян, они находили, что это умаляет их достоинство. Изъединов, будучи очень мягкого и миролюбивого характера, не знал как поступить, — с одной стороны, боялся Маркова 2-го и его сообщников, с другой — не хотел идти против меня. Дворяне, вопреки указаниям, встали выше должностных лиц, тогда я уже не вытерпел и обратился к ним со словами: «Если вы находите возможным поступить вопреки выраженному Государем желанию, это ваше дело, я же оставляю за собой право, в случае если его величество обратит внимание на нарушенный порядок приема в Курске, доложить о причине». Сказав это, я вышел на платформу. Когда я вновь вернулся в парадные комнаты вокзала за несколько минут до прихода императорского поезда, депутация дворян стояла на назначенном ей месте, глупейший инцидент был исчерпан.

Далее, на моей обязанности было из общего числа госпиталей с ранеными наметить для высочайшего посещения два или три,

смотря по имеющемуся запасу времени, назначенному для пребывания Государя, и составить маршрут следования от вокзала в собор и по госпиталям и обратно на вокзал, все это, конечно, по соглашению с губернатором. При выборе госпиталей приходилось руководиться разными признаками, но обязательно один из них должен был быть военный. Я старался выбирать те, в которых было больше раненых и где раненые лежали в более худших условиях, как, например, военные эвакуационные госпитали, где условия по уходу за ранеными были значительно хуже других. Я находил, что эти раненые, находившиеся в худших условиях, заслуживали большего внимания, с другой стороны, считал более правильным, чтобы Государь знал разницу ухода за ранеными в разного рода госпиталях. Эту мою точку зрения Государь очень ценил, и когда я иногда его просил сверх программы посетить какой-нибудь захудалый лазарет, он никогда не отказывал, приказывая везти себя в лазарет, указанный мной.

Когда при посещении городов назначались завтраки или обеды в императорском поезде с приглашением местных властей, то я на списке должностных лиц делал по поручению министра двора пометки, кого из этих лиц желательно было бы пригласить. Этот список я передавал гофмаршалу для его соображений при докладе Государю. Впервые, в бытность мою командиром Корпуса, стали приглашаться иногда к высочайшему столу начальники жандармских управлений, этим одновременно оказывалось как бы и мне внимание. Содействовал этому дворцовый комендант Воейков.

Составленные списки всех представлявшихся Государю на вокзале, план города с обозначением пути следования Государя по городу и перечнем лазаретов с указанием количества раненых в каждом из них, все с 2 копиями, если время позволяло, препровождалось мною навстречу императорскому поезду на имя министра двора или дворцового коменданта, чтобы Государь имел время ознакомиться со всеми списками и расположением города до своего приезда. Если же время не позволяло этого сделать, то я представлял все эти списки и планы по приходе императорского поезда на вокзале лично, для чего я обыкновенно приглашался в вагон Государя до выхода его величества и тут получал все нужные указания.

Первая поездка в Ставку в действующую армию состоялась 20 сентября. Государь выехал из Царского Села в этот день вечером и прибыл в Ставку 21 числа. Государя сопровождали министр двора граф Фредерикс, военный министр Сухомлинов, флаг-капитан генерел-адъютант Нилов, дворцовый комендант Воейков, за гофмаршала князь Долгоруков, начальник канцелярии Министерства двора генерал Мосолов, начальник Военно-походной канцелярии князь Орлов, флигель-адъютант Дрентельн и лейб-хирург Федоров. Я приехал в Ставку за 6 часов до прихода туда императорского поезда. На станции Барановичи Александровской ж. д., куда при-

был царский поезд, никакой встречи не было, приехал только Верховный главнокомандующий с братом своим великим князем Петром Николаевичем, из должностных лиц был только я.

По остановке поезда великие князья вошли в вагон Государя, и поезд тотчас тронулся дальше по соединительной ветке в Ставку. По прибытии туда Государь отправился в местную военно-походную церковь, где было отслужено молебствие в присутствии всех чинов Штаба, который был весьма немногочислен. Лично при великом князе состояло 10 человек свиты, из них 6 адъютантов. При Штабе около 50 офицеров, из них 15 Генерального Штаба, затем топографы, чины почтового ведомства, телеграфа и хозяйственно-административного отдела.

В военно-походной церкви находилась древняя чудотворная икона-складень «Явление Божией Матери преподобному Сергию», сопровождавшая русские войска во всех военных походах со времен царя Алексея Михайловича и привезенная в Ставку из Троице-Сергиевой лавры в августе 1914 г.

С приездом Государя в Ставку жизнь в ней продолжалась обычным порядком, заметно было только оживление на пустынных железнодорожных путях, на которых появлялся синий императорский поезд. С утра обыкновенно Государь занимался с Верховным главнокомандующим, для чего сам приходил в Штаб, не нарушая своим приходом общего порядка занятий Штаба. Если бы кто-нибудь из посторонних лиц заглянул в это время в жизнь Ставки, то поразился бы необыкновенной простотой и скромностью, которые были отличительными ее чертами. Окончив занятия с великим князем, обычно в начале второго часа дня, Государь завтракал у себя, к столу приглашался всегда великий князь и некоторые из чинов Штаба, обыкновенно приглашался и я. После небольшого отдыха Государь посещал раненых в госпиталях при Ставке и расположенные части войск. Около 5 часов Государь пил чай и затем до обеда занимался текущими государственными делами — доклады министров фельдъегерь ежедневно привозил Государю из Петрограда вместе с поступившей почтой. В 8 часов обед, после чего, примерно около 9 1/2 часов, Государь опять отправлялся в Штаб к великому князю, чтоб выслушать все поступившие донесения с театра войны за день. В 12 часу Государь возвращался к себе к чаю. Такова была обычная жизнь Государя в Ставке.

23 сентября Государь выехал из Ставки. Прощаясь с Верховным главнокомандующим, Государь вручил ему орден Св. Георгия 3-й степени. [...] Из Ставки Государь проехал в Ровно для посещения госпиталя Красного Креста, в котором работала обыкновенной сестрой великая княгиня Ольга Александровна. Я выехал накануне, чтобы проверить все меры по охране, принятые по пути следования императорского поезда, и по приезде в Ровно явился к великому князю Александру Михайловичу, который, заведуя нашей авиацией

на театре военных действий, имел пребывание в этом городе. Вследствие этого мне пришлось согласовать намеченную программу высочайшего пребывания в Ровно с желанием и мнением великого князя.

Госпиталь, в котором работала великая княгиня Ольга Александровна, обслуживался штатом врачей и сестер Евгениевской общины Красного Креста, председательницей коей была моя сестра, которая и снаряжала этот отряд. Великая княгиня ничем не выделялась среди сестер, она имела так же, как и другие, своих больных и раненых, наблюдая за ними, делая все необходимое по указанию врача, жила она вместе с сестрами, помещаясь в комнате с одной из них, вместе с ними она и пила чай, и обедала согласно распорядку госпитальной жизни. Соединяя в себе необыкновенную простоту и скромность с удивительной лаской и любовью к ближнему, великая княгиня своей общительностью, проявляемыми заботой и интересом к личной жизни больных приобрела огромную любовь и популярность среди всех многочисленных раненых и больных, прошедших через ее руки.

Из Ровно Государь направился в Вильно через Белосток. Я проехал прямым путем, чтобы попасть в Вильно накануне высочайшего приезда и успеть переговорить обо всем с начальником Двинского военного округа князем Тумановым и губернатором Веревкиным. С ним было очень легко сговориться, и потому при выработке программы пребывания Государя никаких недоразумений не было. Государь несколько опоздал приездом в Вильно, так как по дороге решил заехать в геройскую крепость Оссовец, маленький гарнизон которой всего несколько дней назад стойко выдержал четырехдневную неслыханную по упорству бомбардировку; немцы выпустили по крепости до 40 000 тяжелых снарядов и, в конце концов, принуждены были отступить от крепости. Вот этот геройски защищавшийся гарнизон Государь и возымел мысль посетить, чтобы поблагодарить его за верную и беззаветную службу и подбодрить на новые подвиги. Никому ничего не говоря, ни с кем не посоветовавшись, Государь неожиданно приказал остановить поезд у пересечения шоссе на Оссовец и, сев в автомобиль, в сопровождении нескольких ближайших лиц Свиты отправился в крепость. По пустынному шоссе понеслись царские автомобили к стенам маленькой героической крепости, в которой никто и не предполагал, что через несколько минут они увидят своего верховного вождя.

Комендант — герой осады генерал Шульман встретил Государя только в самом центре крепости. В это время всего в 12 верстах шел упорный бой. Государь подробно осмотрел один из фортов и обошел весь гарнизон, отметив в своей речи, обращенной к героическим защитникам, подвиги их и сердечно поблагодарив всех

за службу, отбыл обратно в поезд при неописуемом восторге солдат и офицеров *.

В Вильне после приема на вокзале Государь проехал в Свято-Духовский монастырь, где после молебствия прикладывался к святым мощам виленских мучеников в алтарной пещере, затем посетил раненых в двух госпиталях — военном и лазарете дамского комитета, обходя раненых, беседуя с ними и раздавая Георгиевские кресты наиболее отличившимся и Георгиевские медали наиболее тяжело раненным. При этом происходили очень трогательные и умилительные сцены, когда Государь так просто и ласково говорил с ранеными, расспрашивая их и о ходе боя, и о родных, оставленных в деревне, и т. п.

В дамском лазарете в Вильне я был крайне удивлен, увидя среди раненых моего однофамильца, я подошел к нему — оказалось, что в Сувалкской губернии есть деревня, где много крестьян Джунковских, они все католики-поляки, а я даже не подозревал, что в Польше есть Джунковские, я разговорился с ним, и он очень обрадовался, узнав, что я его однофамилец. Он был легко сравнительно ранен, но Государь, подойдя к нему и поговорив с ним, нацепил ему Георгиевскую медаль. Окончив обход раненных, Государь, проходя мимо меня, улыбнувшись, сказал: «А вы заметили, что я дал медаль вашему однофамильцу? Он был из легко раненных, но я сделал исключение за фамилию». Слова эти меня очень тронули, тем более, что Государь произнес их с удивительной лаской и добротой. По пути на вокзал Государь заехал в часовню особо чтимой католиками иконы Остробрамской Божьей Матери. Встреченный католическим духовенством, Государь приложился к чудотворной иконе и выслушал краткое молитвословие. Это посещение чтимой католической святыни произвело огромное впечатление на католическое население Вильны. При несмолкаемых кликах «ура» собравшегося народа, посыпавшего путь следования цветами, Государь проехал на вокзал и отбыл в Царское Село, куда прибыл 26 сентября.

27 сентября телеграф принес известие о кончине румынского короля, на престол вступил Фердинанд, женатый на дочери великой княгини Марии Александровны.

27 же сентября при следовании застав нашей передовой кавалерии были атакованы и уничтожены германские разъезды. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен, причем первый доскакавший до неприятеля молодой гусар князь Олег Константинович был ранен в ногу, казалось, легко. К несчастью, рана оказалась тяжелой, и, несмотря на все принятые меры и операцию, произведенную при участии четырех профессоров в Виленском госпитале,

* Это описание взято из рассказа Дубенского, так как я в этой поездке не участвовал. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

он скончался 30 сентября на руках приехавших к нему августейших родителей и брата князя Игоря.

Очень было жаль его, это был очень даровитый юноша, с ранних лет у него было всегда горячее стремление к знаниям, он всегда как-то искал пищи для своего пытливого ума, поглощая книги. Образование он получил в Александровском лицее, обнаружив огромную способность к научным работам, и его блестящее сочинение об юридических воззрениях Феофана Прокоповича было награждено Пушкинской медалью. Будучи страстным любителем литературы, он издал том рукописей Пушкина, которого он был большим поклонником. Он ушел из жизни, оставив в сердцах всех его знавших привлекательный образ удивительно чистого, нетронутого, благородного, талантливого юноши. 3 октября его хоронили в Осташкове, в Можайском уезде, — имении отца.

Вернувшись в Петроград, я получил от министра внутренних дел письмо с предложением взять на себя труд быть представителем от Министерства внутренних дел в высочайше учрежденном Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Заместителем моим назначался Брюн де Сент-Ипполит. Комитет этот имел целью исключительно дела милосердия: помогать населению, пострадавшему от военных действий, содействовать благотворительным учреждениям в облегчении ими на родине участи пострадавших от войны мирных жителей, а также облегчать последним их горькую участь в случаях принудительного или добровольного оставления ими места их жительства.

За недостатком времени я очень редко бывал на заседаниях этого комитета, которые происходили очень торжественно в Зимнем дворце под председательством великой княжны; заседания эти были не деловые, а показные и производили на меня всегда очень отрицательное впечатление, заседали все вельможи, представители высших государственных установлений, правителем дел был А. Б. Нейдгардт, член Государственного Совета. Он, собственно, и вел все заседания, он же предлагал и резолюции, он же, от имени великой княжны, спрашивал о согласии или несогласии членов с той или иной резолюцией. Великая княжна имела очень жалкий вид на заседании, около нее, как бы охраняя ее, сидела Е. А. Нарышкина, гофмейстерина императрицы, все время выражением своего лица поощряя Нейдгардта, когда тот очень ловко докладывал дела комитета, пользуясь, даже злоупотребляя все время, именем великой княжны для подкрепления своих предложений. Великая княжна молчала, я ни разу не слышал, чтобы она произнесла хоть слово. Е. А. Нарышкина ей что-то говорила, и она выражала тогда согласие наклонением головы. Все члены тоже молчали, соглашаясь со всем, что предлагал Нейдгардт, никто не возражал, одни просто из лени, чтобы не затягивать заседания, или, будучи очень заняты

своими непосредственными делами, думали только о том, чтобы поскорее вернуться к своим делам, другие из боязни быть неприятными великой княжне. И когда я просил голоса, то все испуганно начинали на меня смотреть, некоторые с каким-то ужасом, что я рискую своей карьерой, другие, что я затяну заседание. Меня всегда возмущал лакейский тон, с которым Нейдгардт вел заседания, и я находил совершенно бестактным, когда он, стоя перед великой княжной, произносил хвалебные гимны по ее адресу, как благословляют ее имя во всех уголках России и т. д. Бедная великая княжна то краснела, то бледнела в эти минуты и не знала куда деться. Затем Нейдгардт имел недостаток предлагать удивительные бестактные вещи.

Помню, на одном из заседаний он предложил для увеличения средств назначить один день для сбора известного процента с передвижения, чтобы трамвай отчислил известный процент, извозчики, пароходы на Неве, а также и владельцы собственных экипажей внесли бы известную сумму. Докладывая этот свой проект, он облек его в такую форму, что все откликнутся с радостью на этот призыв, подсчитал, какую это даст огромную сумму и т. д. Никто не возражал. Меня это возмутило, и я попросил у великой княжны слова. Она очень испуганно опустила голову, выражая согласие, я встал и подверг резкой критике проект Нейдгардта, сказав, что такой как бы обязательный сбор в пользу комитета, носящего имя великой княжны, я считаю недопустимым, так как он будет компрометировать комитет. Затем, переходя к частностям, я находил, что проще обратиться к городскому управлению [с просьбой] пожертвовать некоторую сумму в пользу комитета, чем высчитывать какие-то проценты с выручки, что брать с извозчиков недостойно, и это, конечно, возбудит неудовольствие не только среди них и т. д. В конце моих рассуждений я предлагал отклонить предложенный Нейдгардтом проект. Когда я окончил, ко мне присоединилось еще двое или трое из членов комитета. Нейдгардт, видя, что дело плохо, предложил этот вопрос отложить и переработать. Так он и канул.

Другой раз я опять протестовал, когда требовалось утверждение отчета, и я обратил внимание, что среди расходов была сумма, истраченная на именные жетоны с вензелем великой княжны, за подписью которой, при рескрипте, жаловались эти жетоны членам комитета. Я находил, что такого рода расходы нельзя производить из сумм комитета, что или великая княжна должна взять этот расход на свой счет, или же каждый должен уплатить стоимость жетона. Этот протест я заявил Нейдгардту до начала заседания и предупредил его, что если он предложит отчет утвердить, то я вынужден буду сделать свое заявление. Во избежание этого он отчет переделал, и членам было предложено уплатить за жетоны по их стоимости. И вот такие дела делались такими лицами как Нейдгардт, который, будучи далеко не глупым, не понимал, как бережно надо обращать-

ся с высоким именем великой княжны, чтобы не скомпрометировать его.

Приведенные мною факты касались главного комитета, в провинции же, на местах, отделы Татьянинского комитета, там где находились хорошие руководители, свое дело сделали и спасли не одну сотню пострадавших от военных действий.

С первых дней войны на долю гвардии выпало участие в самых серьезных боевых столкновениях. В Восточной Пруссии гвардейской кавалерии пришлось совершить длиннейший трудный поход, целыми днями она находилась по седлам, в боевых столкновениях, блистательно двигаясь вперед. Разъезды доходили почти до Кенигсберга. Гвардейская пехота в то же время отличалась в боях в Царстве Польском. В этих непрерывных боевых столкновениях гвардия несла большие потери, но это не угашало ее духа, напротив, тянуло к новым подвигам. Достаточно сказать, что в течение первого года войны Преображенский полк потерял убитыми и ранеными, выбывшими из строя около 60 офицеров из 80. Я зорко следил за действиями преображенцев — родного моего полка и получал всегда все вести от офицеров Корпуса жандармов, находившихся на театре военных действий, которые держали меня все время в курсе дел полка и сообщали о раненых и убитых, а я делился этими вестями с семьями офицеров, утешал, как умел, терявших своих близких, содействовал перевезению тел в Петроград и т. д. Вообще, мне было большой нравственной отрадой, что благодаря своему положению я имел возможность все это делать для утешения жен и близких убитых офицеров родного мне полка.

15 октября Турция вероломно открыла военные действия на Черном море. В ответ на это последовал манифест Государя об объявлении войны Турции; нашим войскам на Кавказе повелено было вступить в пределы Турции. С редким воодушевлением стремительно двинулись наши кавказские войска и в течение нескольких дней, заняв ряд селений, взяли приступом крепость Баязет.

В середине октября в Москве произошли беспорядки — уличная толпа, подстрекаемая не столь патриотическим подъемом, как злонамеренными агитаторами, совершила разгром некоторых торговых заведений, под видом погрома немцев, причем полиция, из боязни быть обвиненной в поддержке немцев, проявила полное бездействие. По докладе моем об этом министру внутренних дел, он обратился со следующим предупредительным письмом к градоначальнику А. А. Адрианову: «По дошедшим до меня сведениям, в г. Москве в течение последних дней уличная толпа совершила разгром торговых заведений, принадлежащих иностранным подданным, разрушив в том числе и некоторые магазины русских подданных, причем, судя по тем же сведениям, со стороны местной полиции не принималось

достаточно энергичных мер к предупреждению и пресечению беспорядков. Обстоятельства эти поселяют в торгово-промышленной среде Москвы серьезную тревогу за обеспеченность торговых заведений в случае возникновения новых волнений на указанной почве, вследствие чего некоторые крупные московские предприниматели уже обратились к министру торговли и промышленности с ходатайством о защите их. Приведенные опасения торговцев усугубляются еще и тем, что в изданном Вашим превосходительством по сему поводу обращении к населению содержатся, между прочим, указания на возможность для иностранцев не открывать своих заведений для торговли, ввиду затруднительности якобы оградить их.

Наряду с сим поступили указания, что зарегистрированное 7 августа сего года в г. Москве общество «За Россию» в своем воззвании к русскому народу призывает к бойкоту товаров фирмы Эйнем и вообще старается внести в среду русского населения возможно большее озлобление против германских подданных. Подобные действия названного общества не только не отвечают основной его цели — поддержать достоинство Русского государства, но наоборот, усиливая и без того повышенное настроение населения и толкая его на незаконные выступления, явно подрывает авторитет правительства. При наличности таких данных нельзя не признать, что проявившиеся на днях в г. Москве враждебные действия уличной толпы по отношению к иностранным фирмам были созданы искусственно, благодаря непозволительной деятельности общества «За Россию». Министр торговли и промышленности, поддерживая упомянутое выше ходатайство московских предпринимателей, в свою очередь заявляет, что, независимо от связанной с подобными действиями толпы угрозы общественному порядку, правильное течение нашей торговли, вообще находящейся ныне в крайне тяжелых условиях, не может не пострадать, если среди торгово-промышленного класса не будет уверенности в достаточной охране собственности от посягательств уличной толпы.

Вполне разделяя приведенный взгляд тайного советника Тимашева, я считаю себя вынужденным обратить внимание Вашего превосходительства на безусловную недопустимость подобных явлений, присовокупляя, что в случае повторения таковых вся ответственность за них падает всецело на местную административную власть. В частности, в целях предотвращения дальнейших выступлений против подданных враждебных нам государств, Вам надлежит немедленно принять меры к воспрещению всякой агитационной деятельности общества «За Россию», клонящейся к нарушению порядка и, в особенности, к воспрещению распространения помянутого воззвания, для чего необходимо вызвать главных руководителей общества и предупредить их о недопустимости проявленных ими действий.

Вместе с сим не могу не выразить удивления тому, что, несмотря

на серьезность указанных событий и их последствий, я до сего времени не имею от Вашего превосходительства официального донесения. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. Ник. Маклаков».

21 октября Государь выехал из Царского Села в действующую армию, намереваясь посетить не только Ставку Верховного главнокомандующего, но и ставки главнокомандующих Северо- и Юго-Западных фронтов, а также и некоторые попутные города. Первым городом высочайшего посещения намечен был г. Минск, куда и я выехал накануне отъезда Государя, чтобы успеть сговориться с начальствующими лицами, проверить все принятые меры охраны и осмотреть намеченные места высочайших посещений.

Начальствующими лицами в Минске были: главный начальник округа барон Рауш фон Траубенберг — милейший и благороднейший человек, с которым легко было иметь дело и которого я очень хорошо знал еще по Москве, когда он был там начальником штаба округа, и губернатор А. Ф. Гирс, умный, толковый и безусловно порядочный человек, так что мне было очень легко сговориться с ними по всем вопросам.

Минск, впервые встречавший в своих стенах Государя, узнав только накануне о предстоящем высочайшем посещении, сразу как бы встрепенулся и принялся украшать все здания, улицы, особенно те, по которым должен был проследовать Государь. Весь день и всю ночь при мне работа кипела по всему городу, успели даже соорудить и две арки. К утру декорации были окончены и город принял живописный, праздничный вид, на улицах царило необыкновенное оживление, к 8 часам утра уже все тротуары от вокзала до собора были заняты толпами народа, с нетерпением ожидавшего прибытия царя. Здание вокзала было тоже разукрашено с большим вкусом, убрано растениями, цветами, коврами.

К 9 часам все встречавшие во главе с главным начальником Минского военного округа собрались в зале вокзала. В 10 часов подошел императорский поезд. Государя сопровождали военный министр Сухомлинов, флаг-капитан Нилов, начальник Военно-походной канцелярии князь Орлов, в должности гофмаршала — князь Долгоруков, флигель-адъютант Нарышкин, Дрентельн и Саблин, дворцовый комендант Воейков и лейб-хирург Федоров. После приема должностных лиц Государь направился к депутациям. Губернский предводитель дворянства А. И. Долгово-Сабуров, поднося хлеб-соль, обратился к Государю с речью. [...] Милостиво поблагодарив дворянство, Государь сказал, что собранную дворянством сумму он передаст в ведение ее величества для обращения ее на нужды раненых. При представлении депутации от земства [говорил] председатель губернской земской управы Б. Н. Самойленко. [...] Далее следовал городской голова С. Б. Хржонстовский. [...]

Поблагодарив городское управление, Государь направился к крестьянской депутации и некоторое время беседовал с крестьянами, расспрашивая их об их житье, и прощаясь, просил их передать односельчанам привет и сердечное спасибо за любовь и преданность.

Когда Государь появился на привокзальной площади, то несметная толпа, окружавшая его, огласила воздух восторженными кликами «ура», оркестр вольно-пожарной дружины заиграл гимн. Среди ликующей толпы народа, учащихся, военных Государь проследовал в собор и при входе в оный был встречен владыкой митрополитом. [...]

После краткого молебствия Государь проехал в дом губернатора посетить раненых в устроенном там лазарете. Обходя лазарет, Государь не пропустил ни одного раненого, для каждого у него нашлось слово утешения, солдаты держали себя просто, непосредственно. Пробыв в лазарете больше часу, Государь посетил и частный, № 210, совсем на окраине города. Обойдя 2 и 3 этажи, расспросив раненых о боях, ранах, раздав много Георгиевских крестов и медалей, Государь отбыл на вокзал для следования далее в Ставку. По всему пути следования по городу густые толпы народа сплошь занимали все улицы и площади, восторгу их не было предела, несмолкаемые клики неслись по воздуху, при этом, несмотря на эту массу народа и малочисленность полиции, порядок был везде образцовый, не было ни давки, ни замешательства, никаких недоразумений. С чувством глубокого удовлетворения я уехал из Минска через час по отходе императорского поезда.

Государь прибыл в Ставку 23 октября утром и оставался там до 25 числа.

Получив все нужные инструкции и распоряжения насчет дальнейшего путешествия Государя, снабженный указаниями Верховного главнокомандующего и дворцового коменданта, я выехал из Ставки 24 октября и направился прямо в Седлец, куда из Белостока была переведена Главная квартира главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Посетив начальника штаба генерала Орановского — моего товарища по корпусу, о котором я уже писал в своих воспоминаниях, и переговорив с ним по всем вопросам, требовавшим принципиального разрешения главнокомандующего, представившись затем генералу Рузскому, заменившему Жилинского, я поехал в Холм чрез Луков и Брест. Генерала Рузского — героя Львова я видел первый раз, и он не произвел на меня того впечатления, которое я ожидал от встречи с ним. Он производил впечатление не героя, а просто усталого, удрученного человека, говорил мало, огонька в нем не чувствовалось, скорее какое-то равнодушие. Помню, как это меня неприятно поразило. Под этим впечатлением я уехал из Седлеца.

Проезжая мимо узловой станции Луков, где поезд имел большую

остановку, я случайно встретил знакомых: и врачей, и сестер, которые работали в лазарете от курского земства имени наследника, находившемся у самой станции. Уполномоченный и сестры стали просить моего содействия к посещению Государем их лазарета и повели меня осматривать его. Лазарет и весь персонал на меня произвели очень отрадное впечатление, это был очень скромный лазарет на 30 коек, раненые большей частью были тяжелые, уход за ними был, по-видимому, чудный, среди персонала находилась сестра Н. А. Яковлева, рожденная Евреинова, вся семья которой была мне очень близка, я о них упоминал уже несколько раз в своих воспоминаниях. Обещав доложить их просьбу, я двинулся дальше на Брест, где на вокзале переговорил с начальником жандармского управления и крепостной командой, и 25-го, днем, приехал в Холм — резиденцию главнокомандующего Юго-Западным фронтом.

На вокзале меня встретил губернатор Кошкаров и местные власти. Познакомившись со всеми, я проехал с губернатором к преосвященному Анастасию, с которым вместе прошел в собор приложиться к чудотворной иконе Холмской Божьей Матери. Переговорив обо всем касавшемся высочайшего приезда, я отправился к генерал-адъютанту Иванову — главнокомандующему Юго-Западным фронтом. Он меня принял очень ласково, радушно, посвятив в разные детали своего фронта и рассказав о дальнейших предположениях; затем разговор коснулся Галиции, завоеванных ее областей и устройства гражданского управления. Я просил у него разрешения лично проехать в Львов и другие завоеванные города и перед поездкой туда явиться еще за получением нужных указаний и уведомлений о моем приезде генерал-губернатора Бобринского. Жил он более чем скромно, даже специального стола у него не было, а широкая огромная доска, лежавшая на двух ящиках, заменяла ему стол, за которым он и работал. Я доложил ему предположенную программу пребывания Государя в Холме и дальнейшего путешествия, все мои предположения он одобрил. Всю остальную часть дня я посвятил ознакомлению с местами высочайших посещений и несколько часов проработал с начальником губернского жандармского управления полковником Мадатовым по поводу дел Польши в связи с воззванием к полякам Верховного главнокомандующего.

На другой день, 26 октября, древний стольный град Холм удостоился видеть в своих стенах русского царя. Здания маленького городка были украшены флагами, зеленью, балконы — коврами, по оградам городских садиков раскинулись сотни маленьких флажков, сооружены были наскоро две арки. Город с раннего утра оживился, улицы наполнились народом, учащимися, пришедшими из окрестностей крестьянами. Ровно в 9 часов подошел царский поезд. На вокзал для встречи прибыли великий князь Николай Михайлович, генерал-адъютант Иванов со своим штабом, холмский губернатор,

помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части генерал-адъютант Трепов и другие начальствующие лица города и депутации.

Президент г. Холма С. С. Микучевский приветствовал Государя следующими словами: «Ваше императорское величество, августейший монарх! Население древнего Холма, возрожденное волею твоею к новой жизни, осчастливленное твоим, великий Государь, высоким посещением в настоящую годину тяжких испытаний, ниспосланных Всевышним нашей дорогой Родине, усердно молит заступницу и покровительницу Холмщины, Пресвятую Богородицу, да ниспошлет тебе победу над дерзким врагом, обнажившим свой меч на святую Русь, покорит под нози твои всякого врага и супостата и дарует победу на славу тебе, величие и процветание державы Российской. Прими, Государь, по древнему русскому обычаю от холмщан, готовых положить за тебя живот свой, эту хлеб-соль, как знак нашей любви и беспредельной преданности.

Приемлю счастье всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что население города в ознаменование сегодняшнего высокознаменательного дня постановило учредить 10 стипендий в учебных заведениях г. Холма для детей господ офицеров и нижних чинов, находящихся на войне, 65-го пехотного Московского вашего императорского величества полка, а еврейское общество внесло в местное управление Российского общества Красного Креста 800 рублей на оборудование 5 кроватей для больных и раненых воинов в лазарете Красного Креста».

Государь очень поблагодарил представителей города и стал обходить другие депутации. От имени крестьян приветствие произнес войт гмины Стужица Холмского уезда Саховский. Приняв от него хлеб-соль, Государь поручил передать их односельчанам сердечную благодарность за любовь и преданность, после чего с великим князем Николаем Михайловичем на автомобиле проследовал в собор, где был встречен духовенством во главе с преосвященным Анастасием. [...] После слов преосвященного Анастасия Государь вошел в собор и простоял всю литургию. Стройное, бесхитростное народное проникновенное пение крестьян и крестьянок своей теплотой и простотой создавало особое настроение.

Из собора Государь проехал во второй кауфмановский госпиталь Красного Креста имени Совета [Съезда] бакинских нефтепромышленников, помещавшийся в духовном училище. В этом госпитале находилось 13 офицеров и 245 солдат, большинство тяжело раненных, было и 18 австрийцев, из них 3 офицера. Государь оставался два с половиной часа, посетил все палаты, подолгу задерживаясь у каждого тяжело раненого и награждая их крестами и медалями. Беседа Государя с ранеными носила, как везде, трогательный характер, у многих присутствовавших навертывались слезы. Из госпиталя Государь проследовал на вокзал и при восторженных кликах

народа отбыл из Холма. Прощаясь с губернатором, Государь вручил ему 10 000 руб. в пользу местного отдела для оказания помощи пострадавшему населению Холмской губернии.

Из Холма Государь проследовал в Седлец для свидания с главнокомандующим Северо-Западным фронтом, остановившись по дороге на станции Луков для посещения, согласно моего ходатайства, лазарета имени наследника, сооруженного на средства курского земства. Восторг всего персонала и раненых был неописуемый, я был очень счастлив, что Государь, как только я ему доложил об этом лазарете, тотчас согласился его посетить. При обходе раненых, в одной из палат лежал один еврей, раненный, по-видимому, легко, почему Государь и не остановился около него, спросив только, какой он части. Раненый ответил, а когда Государь уже подошел к выходной двери, он вдруг рукой стал манить к себе Государя и просить подойти к нему. Его величество подошел, тогда этот еврей сказал : «А я вас знаю. — Государь улыбнулся. — Вы мне в прошлом году, когда я лежал в больнице, рубль дали». «Где ты лежал в больнице?» — спросил Государь. «В Севастополе», — сказал еврей. По выходе из лазарета Государю представился личный состав передового санитарного поезда общедворянской организации.

На станции Седлец Государь принял у себя в вагоне главнокомандующего генерал-адъютанта Рузского, великого князя Андрея Владимировича и генерал-адъютанта Трепова. Другие начальствующие лица и депутации были представлены Государю на платформе вокзала. В 8 часов вечера в императорском поезде состоялся обед, на который были приглашены высшие начальствующие лица. В 11 часу императорский поезд направился в Ставку, а я выехал в Ивангород, чтобы переговорить с комендантом по поводу предстоящего посещения крепости Государем и [чтобы] выработать совместно программу высочайшего пребывания.

Не без волнения я подъезжал к этой крепости, которая еще так недавно подверглась бомбардировке со стороны немцев. 23 сентября немцы подошли к Радому со стороны Келец в составе около трех корпусов и заняли этот город, быстро двинувшись к Ивангороду. Вечером 26 сентября атаковали крепость, но были отбиты и с большими потерями отошли на несколько верст назад. Утром 27 сентября начался большой бой, немцы атаковали крепость и войска, переправлявшиеся у Новой Александрии. Атаки крепости Ивангорода все были отбиты артиллерийским и ружейным огнем; ни одним куском земли немцы не овладели. Тогда они заняли леса, ближайшие к крепости, и начали там укрепляться, но огонь крепостной артиллерии заставил немцев разбежаться.

28 и 29 сентября атаки немцев вновь были повторены, но снова были отбиты. В течение этих дней крепостными инженерами был построен новый мост у Казениц, по которому переправился корпус

и, в свою очередь, атаковал немцев. Вылазки гарнизона отвлекли немцев в другую сторону.

С сего времени немцы были вынуждены к обороне, ограничив свою деятельность только бомбардировкой, сосредоточив особенно сильный огонь по опорным пунктам и по обоим железнодорожным мостам. Так продолжалось до 8 октября. В ночь на 8 октября немцы отступили от крепости так поспешно, что оставили в окопах своих, укреплениях и в лесах снаряды, телефонные аппараты, снаряжение, убитых и даже часть раненых. Корпус и часть гарнизона крепости тотчас же начали преследовать немцев.

9 октября эти части встретили большие силы австрийцев, двигавшихся к крепости. Они шли без всяких мер охранения, заверенные немцами, что крепость Ивангород уже взята, и что австрийцы должны составить гарнизон крепости. Раскрыв движение австрийцев, части гарнизона возвратились обратно. В это время наши переправились, и начался совместный бой с австрийцами. Бой продолжался до 5 часов 13 октября и закончился полным поражением и бегством австрийцев, причем действия крепостной артиллерии вызвали всеобщий восторг с нашей стороны, настолько был действенен огонь по своей удивительной меткости и разрушительности действий. При этом было взято около 10 тысяч пленных.

Деятельность, распорядительность и выдающаяся храбрость коменданта крепости и его гарнизона явились результатом того, что крепость смогла упорно обороняться и отразить все атаки сильного своею многочисленностью и упорством противника в течение 13 дней совершенно самостоятельно, с небольшим гарнизоном, до подхода доблестных и могучих сил. Стойкость и упорство крепости Ивангорода с ее выдающимся по энергии комендантом генералом А. В. Шварцем, с его гарнизоном и штабом, непоколебимая храбрость корпусов, с их командным составом, явились историческою эпохою в жизни нашей армии в эту великую войну.

Я был очень счастлив познакомиться с героем этой крепости. Генерал Шварц произвел на меня чарующее впечатление своим спокойствием, твердостью и необычайной скромностью, не лишенной достоинства. Я провел с ним несколько часов, программа высочайшего пребывания была быстро выработана, все согласно высказанных им желаний. Когда я с ним расстался, мне не верилось, что я с ним только что познакомился, мы удивительно сошлись с ним во взглядах, с этого дня у нас завязались самые искренние отношения, которыми я очень дорожил и которые значительно облегчали служебные отношения. Они сохранились до 1918 г., когда я его видел в последний раз в Петрограде.

Из Ивангорода мне надо было проехать в Люблин, так как этот город вошел в число попутных городов, предназначенных для высочайшего посещения. Но так как у меня были дела в штабе 2-й Армии, а также был ряд вопросов, связанных с Радомской губерни-

ей, то я из Ивангорода на автомобиле проехал прямо в Ново-Александрию к генералу Эверту и затем в Радом к губернатору Засядко, и в Люблин приехал уже поздно вечером 27-го. В Люблине губернатором был А. И. Келеповский, которого я знал очень хорошо как своего сослуживца по Москве, когда я был адъютантом, а он чиновником особых поручений при великом князе Сергее Александровиче. Он меня ждал, мы разработали программу высочайшего пребывания, я одобрил все его распоряжения по охране и в ту же ночь выехал в Ставку, чтобы выработанные программы по пребыванию Государя в Ивангороде и Люблине представить на высочайшее утверждение. Государь одобрил все предположения.

В этот день Государь уезжал из Ставки в г. Ровно для свидания с августейшей своей сестрой великой княгиней Ольгой Александровной, откуда согласно маршрута должен был проследовать в г. Люблин. Я не сопровождал Государя в Ровно, так как там по части охраны все было налажено, а в Люблине предстояло еще много дела, и потому я, проводив Государя и получив от начальника Штаба Верховного главнокомандующего нужные инструкции относительно Галиции, куда я собирался приехать в ноябре, выехал в Люблин.

В ожидании приезда Государя Люблин украшался, чистился, стоявшая ненастная погода сильно мешала работам. Я объехал госпитали и лазареты, чтобы осмотреть их заблаговременно, переговорить с врачами, наметить меры охраны и т. д. Зайдя случайно в местный лазарет военного ведомства, который не вошел в список лазаретов для высочайшего посещения, я был поражен отсутствием самой элементарной чистоты как в помещениях, так и на койках раненых, а также и отсутствием должного ухода. Врача дежурного не было, он куда-то вышел, сестры тоже находились по своим комнатам. Я обошел весь лазарет в сопровождении моего секретаря Сенько-Поповского, никто меня не остановил и не спросил, откуда я, в палатах был только один заспанный санитар, это было в 6 часов утра. Когда же я открыл в палате одну из боковых дверей, то был прямо сражен от картины, представившейся моим глазам: на грязной койке лежал старик, одеяло наполовину валялось на полу, видны были вместо ног кости, обтянутые кожей, а вместо лица зияющая сплошная рана. Подойдя поближе, я услыхал едва заметный стон, глаза у него были открыты, смотрели, нижней челюсти не было вовсе, небо все было обнажено, костлявой рукой он старался все что-то поправить в этой зияющей ране. Я послал санитара за доктором, за сестрой, а пока сам постарался привести в порядок этого несчастного. На полу я заметил окровавленную повязку, очевидно, сброшенную им. Первой пришла сестра милосердия, из новых сестер военного времени, затем уже, когда я уходил совсем, явился доктор и на мое негодование очень развязно стал объяснять, что это пленный австриец, что ему осколком оторвало всю нижнюю

часть лица, и что все равно он не жилец на этом свете. Я ему сказал, что такого беспорядка и ужаса я ни в одном городе, ни в одном лазарете не видал и что сейчас же пошлю телеграмму о найденном безобразии принцу Ольденбургскому, а Государя по его приезде попрошу посетить этих несчастных раненых, лежащих в такой обстановке, и доложу, в каком виде я их застал при моем неожиданном посещении. Так я и сделал. Государь посетил этот лазарет, игнорируя главного врача, а военный министр Сухомлинов заявил ему, что предаст его военному суду. Когда я вошел в палаты вслед за Государем, мне казалось, что я попал в совершенно другой лазарет — полы были вымыты и вычищены, окна блестели, у всех раненых чистое белье и новые одеяла, австриец был прибран и перевязан, во всех палатах масса сестер, врачей и т. д. Грустно было видеть такую показную сторону.

В Люблине Государь пробыл полдня, посетив православный и католический соборы и несколько лазаретов. Толпы народа всюду восторженно его встречали. Преосвященный Анастасий, при входе Государя в собор, приветствовал его замечательно прочувствованной речью. [...]

В этот день в Москве скончался В. К. Истомин, бывший управляющий канцелярией генерал-губернатора при великом князе Сергее Александровиче, а по кончине его состоявший при великой княгине Елизавете Федоровне. Последние годы он лишился зрения и жил, окруженный исключительными ласками и заботами своей жены и дочерей, которые ходили за ним с редкой любовью, угадывая малейшие его желания. Это был честнейший человек, верный себе, таким он оставался и до конца своей страдальческой, благодаря тяжелому недугу, жизни. Его похоронили в Скорбященском монастыре после отпевания у Симеона Столпника. Мир праху твоему и да будет добрая вечная память в душе каждого, знавшего его и глубоко его уважавшего. Я очень пожалел, что не мог помолиться у его гроба, сказать последнее «прости».

Из Люблина Государь проехал в Ивангород, куда прибыл 30 октября в 2 часа 20 минут дня, был встречен великим князем Николаем Михайловичем, комендантом крепости генералом Шварцем и высшими начальствующими лицами крепости. Как только Государь вышел из вагона, раздался салют с верхов крепости, и над крепостными воротами взвился штандарт его величества. Государь принял рапорт генерала Шварца, который заканчивался словами: «Атака крепости трижды отбита, и неприятель трижды отражен».

Обойдя встречавших лиц, Государь отбыл в крепостной собор. Старинная крепость Ивангород своими жилыми зданиями, местами, воротами, казармами носила определенный характер Николаевской эпохи. Большой собор высился на площади крепости, глава собора и крест были покрыты еловыми ветвями, чтобы скрыть это высокое

здание от неприятельских выстрелов. По всему пути шпалерами стояли войска геройского гарнизона, сделавшего большое дело, помогшего улучшению положения под Варшавой во время грозного наступления союзных австро-германских армий на Вислу. Среди шпалер выделялись георгиевские кавалеры, находилось и немало женщин с Георгиевскими медалями — жен офицеров, чиновников и нижних чинов, самоотверженно ухаживавших за ранеными во время славной обороны крепости.

После краткого молебствия в соборе Государь посетил местный лазарет. При обходе раненых главный врач обратил внимание Государя на одного тяжело раненного в голову, находившегося с 11 октября, дня поступления в лазарет, в полубессознательном состоянии, говорившего бессвязно, отвечавшего на вопросы невпопад. Государь подошел к нему и спросил: «Какого полка?» Раненый громко, ясно ответил: «Невского пехотного, ваше императорское величество». Сестра милосердия и доктор переглянулись с удивлением. «Первый раз со дня прибытия», — смущенно доложил доктор. Государь опять спросил раненого: «Как твоя фамилия, какой губернии, где тебя ранили?» И раненый опять твердо на все ответил. Доктор был в полном недоумении и стал объяснять эту перемену в раненом нервным подъемом. Это произвело на всех, а особенно на врачебный персонал, большое впечатление.

Из лазарета Государь отправился на центральную артиллерийскую станцию, осматривая по пути взятые австрийские и германские орудия. В глубоком старинном пороховом погребе, где уже не было снарядов, Государь выслушал подробный доклад коменданта крепости об управлении огнем крепостных батарей; заключительными словами доклада были: «Ваше императорское величество, оборона Ивангорода велась безгранично единодушно как гарнизоном крепости, так и частями гвардейского Кавказского и других армейских корпусов. Нам, военным людям, пришлось наблюдать редкую красоту взаимных объединенных действий. Бои под Ивангородом были действительно единолушны и отличались взаимной выручкой одних частей другими: крепостная артиллерия своей систематичностью наносила врагу огромные потери. Сейчас нельзя передать порядка этой исторической стрельбы, можно только сказать, что впоследствии, когда наступит время, подробности этих артиллерийских боев удивят военных людей. Трудно сказать, кто кому помог — артиллерия доблестным войскам или пехота артиллерии. Тут была действительно красота взаимных действий».

После доклада Государь осмотрел батарею у фольварка Опатово, который со старинным костелом был совершенно разгромлен артиллерией противника. Государь вошел в костел, был встречен ксендзом, который среди развалин отслужил краткое молебствие, в это время сквозной ветер через огромные пробоины пронизывал всех. Государь вручил 3000 руб. ксендзу на восстановление костела,

что произвело на местное население разоренного фольварка огромное впечатление.

Посетив еще форт Ванновский, Государь отбыл в поезд; в 8 часов вечера состоялся обед, на который были приглашены комендант и высшие начальствующие лица крепости.

На следующий день Государь сделал осмотр батальону Гвардейского экипажа и обошел батальоны крепостной артиллерии, выражая самую сердечную благодарность геройским защитникам. После осмотра Государь на автомобиле отправился в фольварк Сецехов и деревню Бржезницы подробно осмотрев по дороге окопы и блиндажи, сделанные частями 2-го германского корпуса. Видно было, что эта местность еще недавно была занята неприятелем, попадались разные предметы, вплоть до обрывков писем, свидетельствовавших об этом.

После осмотра германских окопов и батарей в деревне Бржезницы Государь был встречен ксендзом — настоятелем костела, который отслужил краткий молебен в разрушенном снарядами костеле, который только строился. В сопровождении местных жителей Государь обошел вокруг костела, толпа крестьян с необыкновенным восторгом приветствовала Государя; крича «ура», они поднимали правую руку, это характерное отличие польского народа. Государь передал ксендзу 3 000 руб. на достройку костела.

На обратном пути Государь останавливался несколько раз у свежих могил наших героев, заехал осмотреть форт № 5 и посетил разрушенный посад Гневашев, выслушивая везде подробные доклады Шварца о ходе боя. Около посада Гневашева, где наступали преображенцы, внимание Государя привлекла одна могила. Возле огромной старой березы поставлен был крест с дощечкой, на которой красиво было написано, что здесь погребены Лейб-гвардии Преображенского полка 16 роты младший унтер-офицер Ливамяш и Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады 2-й батареи бомбардир разведчик Григорий Комар. Видно было, как товарищи и офицеры тщательно, с любовью отнеслись к погибшим. На могильном холме лежали окровавленные фуражка и рубаха защитного цвета, на которой были сложены осколки, очевидно, той самой немецкой гранаты, которая и убила их обоих.

К вечеру Государь возвратился к себе в поезд.

Я уехал ранее, чтоб к вечеру успеть прибыть в Гродно, куда ожидался Государь из Ивангорода и императрица Александра Федоровна из Царского Села. В Гродно, кроме осмотра госпиталей, Государь назначил осмотр и вновь построенной крепости. Губернатором в Гродно был Свиты генерал-майор Шебеко, комендантом крепости генерал от инфантерии Кайгородов. Шебеко был моим товарищем по Пажескому корпусу, одного со мной выпуска, это был умный, довольно толковый администратор, но несколько суетливый, не обладавший должным спокойствием, качеством, необходимым

для губернатора. Недостатком у него было и чересчур большое самомнение. Кайгородов был очень хорошим, честнейшим человеком, но не производил впечатления военного, и как комендант, мне кажется, был не на месте, у него не было военной жилки.

В Гродно я приехал вечером 31 октября и сейчас же занялся с губернатором выработкой программы посещения лазаретов, успел переговорить с комендантом, который меня ознакомил с планом осмотра крепости и ее фортов. Утром 1 ноября, до высочайшего приезда, я успел объехать лазареты, которые были предназначены для посещения их величествами. При моем осмотре местного военного госпиталя произошел курьезный случай. Я был встречен главным врачом весьма объемистой корпуленции, который, отрапортовав мне о количестве больных и раненых, доложил мне, что все для высочайшего посещения готово, «раненые, которые стонут, убраны». Меня прямо в жар бросило от этих слов. «Как убраны?» — спросил я. «Так точно, чтоб не произвести тяжелого впечатления», — ответил главный врач. «Как вы могли это сделать, немедленно водворите их на их места, а то я доложу Государю, и вас уберут», — сказал я ему. Он так удивился, думая отличиться таким распоряжением. Я долго не мог успокоиться от этого факта и подумал: а ведь, может быть, и в других госпиталях это практиковалось, врачи только были менее откровенны. Я стал после этого тщательно проверять каждый раз, не были ли произведены какие-либо перемены в составе больных и раненых перед приездом Государя, и всегда старался внушать врачам, что Государь желает видеть госпитали в том виде, в каком они функционируют в будние дни, что всякая показная сторона Государю претит.

Ровно в 10 часов утра императорский поезд подошел к станции Гродно. Приняв рапорт коменданта крепости и губернатора, Государь обошел всех встречавших и депутации, тут же находились помощник принца Ольденбургского генерал-адъютант Трепов и особоуполномоченный Красного Креста князь Куракин (ярославский губернский предводитель дворянства). Дворянство поднесло хлеб-соль, заявило, что в ознаменование сегодняшнего дня снаряжает летучий передовой отряд на боевые позиции Северо-Западного фронта. Городской голова, приветствуя Государя, огласил постановление думы, ознаменовавшей день царского приезда учреждением в местных учебных заведениях 16 стипендий для детей, отцы коих пали в бою или были ранены, и передал его величеству 5 000 руб. на нужды войны, которые были затем переданы императрице.

Как только Государь окончил прием депутаций, подошел императорский поезд из Царского Села с императрицей Александрой Федоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами. После краткого молебствия в соборе их величества посетили несколько лазаретов, обходя и беседуя с ранеными. Местный гродненский госпиталь, куда проехали их величества прямо из собора,

помещался в том историческом доме, где на «немом» заседании 1795 г. был предрешен 3-й раздел Польши [8] . Тяжело раненные все были водворены на свои места. В первой палате лежал очень тяжело раненный в грудь навылет подпоручик 204-го пехотного Ардагано-Михайловского полка Мантвилл. Их величества пробыли у его постели более четверти часа, от волнения раненый при виде их величеств зарыдал, и когда императрица подала ему руку, он с необычайной любовью прикоснулся к ее руке горячими от жара губами, потом попросил Государя дать ему поцеловать его руку, на что Государь ласково заметил ему, что это не полагается. «Нет, ваше величество, полагается», — ответил раненый и стал умолять дать поцеловать руку. Нельзя было без слез смотреть на эту сцену — так тяжела и трогательна была она. Затем их величества обошли весь госпиталь, как всегда, спокойно, не торопясь, подходя к каждому раненому. Посетив еще один лазарет, их величества вернулись в поезд к завтраку, к которому были приглашены местные начальствующие лица. По окончании завтрака Государь в сопровождении военного министра Сухомлинова и лиц свиты выехал на автомобиле в крепостной район для осмотра крепостных сооружений, фортов и батарей. Императрица же с великими княжнами проследовала в город для осмотра лазаретов и посещения раненых.

Государь подробно знакомился со всеми сооружениями и работами по устройству крепости и на высоком холме, откуда открывался чудный вид на окружающую Гродно гористую пересеченную местность, выслушал доклад генерала Кайгородова. Затем Государь пешком обходил батареи, спускался в землянки, заходил в казематы, лично знакомился с жизнью солдат на передовых батареях крепости, ласково беседуя с чинами гарнизона. Только уже когда стемнело, Государь возвратился в свой поезд, в котором состоялся обед с приглашенными местными начальствующими лицами, после чего императорский поезд отошел от станции Гродно по направлению к Двинску.

Я, как только Государь вернулся с осмотра крепости, выехал вперед в Двинск, чтобы проверить охрану по пути и наметить программу высочайшего пребывания в Двинске.

Утром 2 ноября императорский поезд подошел к станции Двинск. На вокзале находились начальствующие лица во главе с главным начальником Двинского военного округа князем Тумановым и витебским губернатором Арцимовичем. Приняв должностных лиц и выслушав приветствия депутаций, их величества проследовали в крепостной собор и отстояли литургию и молебствие, после чего посетили раненых в земском госпитале и крепостном лазарете. Перед отъездом военный министр обратил внимание Государя на одного старика германца 74 лет, случайно попавшего в плен с обозом, захваченным нашими. Государь подозвал его, расспросил и тут

же приказал его освободить из плена и через Финляндию вернуть на родину. Весь в слезах старик упал в ноги Государю со словами благодарности.

Около трех часов дня Государь отбыл в Царское Село, куда прибыл в тот же вечер.

Проводив Государя, я направился чрез Люблин, Холм в Галицию, чтоб ознакомиться там с работой чинов Корпуса жандармов и полиции, командированных туда моим распоряжением по просьбе военного генерал-губернатора в Галиции графа Бобринского. Меня в этой поездке, кроме секретаря моего Сенько-Поповского и адъютанта Штера, сопровождал и начальник штаба полковник Никольский. В Люблине я был 3 ноября, в этом городе мне пришлось заменить начальника губернского жандармского управления более энергичным офицером. Переночевав, оставил свой вагон, который направил на пограничную станцию Волочиск, сам же со своими спутниками продолжал путь на автомобиле, проехав прежде всего в Холм к генерал-адъютанту Иванову — главнокомандующему Юго-Западным фронтом, от которого я хотел получить необходимые инструкции и указания для моих распоряжений в Галиции. Кроме того, я считал долгом переговорить с генералом Ивановым и по поводу некоего поляка Горчинского, который обратился к нему с ходатайством о формировании польских легионов на Юго-Западном фронте и предостеречь его.

Этот Горчинский, по его словам, служил когда-то офицером в рядах французской армии и еще в начале войны обратился с ходатайством к генералу Жилинскому о разрешении организовать польские дружины из добровольцев, в чем ему было отказано. В октябре месяце он с тем же ходатайством обратился к Верховому главнокомандующему, предоставившему разрешение вопроса о сформировании легионов главнокомандующему Юго-Западным фронтом, причем генерал-адъютант Иванов, не имея, по-видимому, ничего в принципе против идеи польских Легионов, выразил Горчинскому согласие на создание таковых, разрешив вместе с тем как отпечатание тысячи экземпляров воззваний на польском языке, так равно и сделал распоряжение об отпуске из Брест-Литовского арсенала 3000 винтовок и 80 000 к ним боевых патронов для формирования первого легиона, командиром коего назначил Горчинского. Отпечатанные на польском языке воззвания были расклеены в г. Холме 6 октября, и в тот же день Горчинский выехал в Брест за получением оружия.

Воззвание гласило следующее: «Поляки! С разрешения верховного вождя как один человек должны мы стать в ряды на помощь русской армии, чтобы выгнать пруссаков из пределов Царства Польского. Не допустим мы впредь, чтоб причинялось столь страшное зло нашим братьям в занятых пруссаками местностях. Забирают нашу молодежь и посылают ее в передние ряды в огонь, насилуют

наших матерей, сестер и дочерей, грабят наше имущество и оставляют за собой нищету и разорение.

Польские легионы воюют во Франции — переехало из Америки и высадилось 40 000 польского войска. Мы твердо уверены, что то, что мы намерены создать, будет иметь большое значение для всех трех народов — поднимет дух у слабых духом, разбудит спящих и придаст храбрость и бодрость.

Польский легион будет подчинен польской команде. Оружие, амуницию и фураж Легион получит от правительства, но обмундирование будет на свой счет. Более зажиточные, по силе возможности, могут обмундировать неимущих.

Условия приема: 1) от 18 лет; 2) поляк-католик; 3) не осужденный судом; 4) каждый легионер обязан подчиниться налагаемым наказаниям и дисциплине согласно военным правилам; 5) не разрешается выйти из Легиона до конца войны; 6) каждый обязан подвергнуться медицинскому освидетельствованию и иметь удостоверение врача о состоянии своего здоровья; 7) приняты будут все, без различия политических убеждений; 8) строго воспрещается заниматься в Легионе политикой и какими-либо партийными вопросами.

Обмундирование: пехота: 1 шинель, 1 куртка, 1 брюки, 1 шапка, 2 пары кальсон, 2 ночные рубашки, 2 пары носков, 3 носовых платка, 2 полотенца, мыло и гребень. Было бы желательно иметь револьвер в кобуре с поясом и патронами. Винтовка с патронами будет дана. Кавалерия — то же самое обмундирование. К тому добавляется лошадь с седлом, уздечкой или мундштуком. Кто желает вступить в Легион, должен тотчас начать обмундировываться.

Запись пожертвований принимается господином Леонардом Ниевингловским в Окжове у Холма. Принимаются пожертвования на обмундирование неимущих — лошади, двуколки для обозов. Просят заготовлять корпий и перевязочный материал для польского санитарного отряда.

Главнокомандующий Польским легионом Горчинский».

Когда мне стало это известно, то я был крайне смущен, так как, по моим сведениям, инициатор создания легионов Горчинский представлялся человеком недостаточно основательным, и его предприятие едва ли могло вылиться во что-либо серьезное, так как ни общественным положением, ни особой популярностью Горчинский среди польского населения не пользовался, и насколько удалось установить, он, возбуждая ходатайство перед главнокомандующим Юго-Западным фронтом, даже не заручился небольшим контингентом лиц, желающих вступить в ряды его легиона, а также и источником материальной обеспеченности создания такового. Вот это мне и хотелось доложить генерал-адъютанту Иванову, чтобы как-нибудь парализовать увлечение польскими легионами, которое при неудаче могло только скомпрометировать верховное командование. Генерал

Иванов сочувственно отнесся к моим сомнениям, последствием чего штабом Юго-Западного фронта была принята особая осторожность при разрешении вопросов, связанных с легионами.

Из Холма во Львов путь лежал на Красностав, Замостье и Томашов, Рава Русска по чудной мостовой, гладкой, как паркет из каких-то кубиков, я первый раз видел такое шоссе. Между Томашовым и Равой Русской мы миновали австрийскую границу, на земле лежал скинутый австрийский пограничный столб, разбросанные шлагбаумы валялись тут же. До Львова оставалось немного более 50 верст, которые мы проехали совершенно незаметно. Смеркалось, когда мы въехали в столицу Галиции, после нескольких столетий ставшую опять русским городом. Мы подъехали к гостинице, где были встречены градоначальником полковником Скалоном и начальником Галицийского жандармского управления полковником Мезенцовым, недавно назначенными. Выслушав подробные доклады о положении дел в завоеванных областях Галиции вообще, и в частности в г. Львове, по части гражданского управления, я проехал к генерал-губернатору графу Бобринскому, которого я знал еще в бытность его адъютантом при военном министре. Бобринский принял меня со свойственной ему любезностью и предупредительностью, мы подробно переговорили о порядке организации жандармского надзора в Галиции и жандармского полицейского — на восстановленных железных дорогах в завоеванных областях. Я просил его разрешения объехать все крупные центры и населенные пункты, чтобы урегулировать на местах все возникшие вопросы.

Бобринский произвел на меня впечатление весьма доброжелательного администратора, проникнутого самыми добрыми намерениями, но не отдававшего себе отчета в сложности взятых им на себя обязанностей; у него был большой плюс — благородство и безупречная честность взглядов, но у него не было административных способностей, он не был в состоянии разобраться во всех мелочах управления таким краем и с таким разнообразным населением, как Галиция. Кроме того, он страдал тем, чем страдало большинство лиц, стоявших в то время наверху, а именно — чересчур большой самоуверенностью. Он считал Галицию уже окончательно русской провинцией, которой можно управлять так, как управляют любой губернией России. Кроме того, огромной ошибкой, вернее большой неосторожностью со стороны русской власти явилось посягательство на веру галичан — русин-униатов, стремление наших церковных кругов обратить их в православие, для чего командирован был епископ Евлогий, поведший дело это чересчур резко и энергично. Эти неуместные попытки вмешательства в религию имели пагубные последствия, возбуждая население против русской власти. И много таких ошибок было сделано нами в Галиции.

Власти, управлявшие Галицией, как-то не отдавали себе отчета, что находившаяся в наших руках западная ее часть представляла

собой как бы гордиев узел, обнимавший политически отдельные конституционные группы, как, например, русинов, с подразделом на москалофилов и украинцев, поляков, претендовавших там на господствующее влияние в политической жизни (народовая демократия), униатов и евреев. Последние, несмотря на свое политическое равноправие, в преобладающем количестве мало поднялись по ступеням современной культуры. В особенности это относилось к многочисленной части крайне бедного еврейского населения Галиции. Те из евреев, которые получили надлежащее образование, давали сознательный гражданский материал, преданный австрийскому престолу. В области партийной жизни часть еврейства подпала под влияние народовой демократии, часть же перешла в ряды прогрессивных партий; в виду этого евреи самостоятельной политической величины собою не представляли, если не считать ничтожного числа так называемых сионистов. Связи между галицийскими евреями и евреями Привислинского края почти не было, а в особенности не было связи между первыми и евреями, прибывшими в Польшу из внутренних и других губерний империи, оставшихся нетронутыми русским элементом, жившими совершенно в стороне даже от польских евреев. Взаимное отношение поляков к евреям в Галиции, за исключением тех, которые примкнули к Партии народовой демократии, было недружелюбное.

Возвращаясь к общей целости занятой нами западной части Галиции, приходится невольно остановиться на первых наших административных шагах, предпринятых на началах bona fides *. Мы бросились туда с сердцем полным любви, имея лишь в виду спасти наших собратьев, забывая одновременно о заветах победителя, перед коим лежит неотложная великая задача: «согласовать свои действия и задачи с характером страны и населения». Мы должны были до тонкостей изучить политический и экономический характер Галиции, руководствоваться не столько порывом сердца, сколько холодным государственным рассудком и опытом, смотреть на завоеванный край серьезно, без увлечения в ту или иную сторону. Лишь тогда при объективной оценке мы могли бы увидеть всю трудность нашей задачи и те неотложные меры, которые следовало применить для прочного обеспечения наших политических основ и экономического народного быта в Галиции.

Такая задача требовала весьма опытных государственных деятелей и целого штата подготовленных сотрудников, действующих планомерно, при полном ознакомлении с специфическими чертами страны и ее населения. Наша же администрация в Западной Галиции делала впечатление доброй няни, старавшейся убаюкать любимое и страдающее дитя. Администрация-няня желала материальными затратами успокоить ребенка, чтоб ему было хорошо, но

* Честно, по совести *(лат.)*.

могли ли они достигнуть своей благородной цели, — в этом заключался весь трагизм вопроса.

Сколько бы экономистов не прорыло Галицию, какие бы ни были их цифровые сопоставления о будущих благах этой страны, какие бы ни были розовые оценки политической раскраски Галиции, ее большого государственного значения для России, тем не менее, считаясь в то время с положительными данными завоеванной страны, должны были неминуемо прийти к тому существенному заключению, что Галиция, а в особенности западная ее часть, представляла собою беднейший край, требовавший затраты сотен миллионов рублей, а пестрое его население, состоявшее из воспитанных в конституционном строе лиц, не могло не создать собою весьма трудный гражданский материал для нового государственного режима.

Поляки и другие народности Галиции несомненно ясно видели картину нашей администрации, ее bona fides и ее ошибки, но, считаясь в то время с победоносным штыком и нуждаясь в материальной поддержке, сидели до поры до времени смирно в ожидании дальнейших вещественных благ.

Государственная задача должна была быть исполнена опытными государственными деятелями, а не любителями-администраторами, которые при всей своей доброй воле могли совершить непростительные ошибки в области государственных задач, а в особенности в столь сложном вопросе, какой предстоял нам в разгар войны в Галиции. К такого рода грустным размышлениям я неминуемо пришел после моего объезда завоеванных областей Галиции и ознакомления с работой наших властей во Львове и на местах.

По приезде моем в Ставку я доложил свои впечатления Янушкевичу, но, к сожалению, большого сочувствия не встретил, все осталось по-старому, внесены были только некоторые коррективы в управление и упорядочен был вопрос о назначениях должностных лиц.

В следующий день моего пребывания во Львове я объехал весь город и посетил лазарет Красного Креста от Иверской общины, почетным членом коей я состоял, а также и жандармское управление и градоначальство, знакомясь с делами и личным составом. Во Львове не было никаких следов бомбардировки города, жизнь кипела, как будто и войны не было, улицы были полны народом, извозчики, трамваи, как будто ничего и не произошло. На углах улиц русские городовые, кое-где стражники, порядок образцовый. Проезжая по улицам, я обратил внимание на выставленные на окнах в сторону улиц во многих домах иконы. Мне объяснили, что эти иконы выставлены жителями города из боязни еврейского погрома и что евреи также прибегали к такого рода защите своих квартир.

Из Львова я выехал 7 ноября на автомобиле в Самбор, не доезжая трех верст до наших передовых окопов. По пути во всех

русинских деревнях встречали очень дружелюбно, я останавливался около старинных церквей, осматривал их, заходил и в церковно-приходские школы, где меня радостно, прямо как родного встречали и ученики, и преподавательский персонал. Но страшная беднота меня поражала везде.

В Самборе весь городок был переполнен пленными австрийцами, которые сдавались ежедневно сотнями, приходили иногда целые роты с офицерами и командиром. Погода была плохая, было недалеко от Карпат, шел мокрый снег. Из Самбора я проехал в Станиславов, Галич, Тарнополь, всюду были видны следы недавних боев. В Станиславове я зашел к начальнику 13-й пехотной дивизии генералу Вебелю, которого я хорошо знал по Москве, когда он был начальником штаба округа, отдохнул у него, пообедал, поговорил и поехал дальше. Настроение среди населения в Станиславове мне не понравилось, чувствовалось какое-то затаенное озлобление, что подтвердил мне и Вебель. Галич, прелестный живописный старинный городок, произвел очень хорошее впечатление. Тарнополь уже совсем русифицировался, везде немецкие надписи и названия были заменены русскими и на магазинах, и на углах улиц, и на вокзале. Оставалось нам еще 50 верст до Волочиска.

Когда мы 8-го вечером выехали из города, поднялась страшная снежная метель, снегу навалило так много, что автомобиль продвигался с трудом и на 5 версте застрял в сугробе. Как мы ни пробовали его сдвинуть, ничего не могли сделать, пришлось идти пешком в Тарнополь, откуда послали с веревками несколько человек местной команды, которые и вытащили автомобиль и привезли его на станцию железной дороги. Заказав поезд и погрузив автомобиль, мы добрались к утру 9-го в Волочиск, где меня ждал мой вагон. Через Киев, где я остановился на несколько часов по делам службы, я проехал в Ставку к великому князю доложить о результате своей поездки в Галицию и 12 ноября был в Петербурге.

Среди текущих дел, ожидавших меня в Петрограде, было ходатайство представителей пивоваренной промышленности оказать содействие по существу докладной записки их на имя Председателя Совета Министров по поводу современного положения вопроса о борьбе с пьянством. Ознакомившись с ней, я послал ее председателю Московского столичного попечительства о народной трезвости, прося подвергнуть ее обсуждению в комитете попечительства и дать заключение по существу. В своей записке представители пивоваренной промышленности, подробно доказывая безвредность пивных напитков до 4°, рекомендовали ряд следующих мер: 1) запретить производство пива крепостью свыше 3,2% по весу (4 по объему); 2) пиво крепостью до 4° выделить из числа крепких напитков в категорию слабоалкогольных напитков, на каковые не должно распространяться право запрещения их продажи по приго-

ворам общественных учреждений; 3) существующие права общественных учреждений относительно распивочной торговли оставить в силе; 4) акциз взимать в размере 3 руб. с пуда солода; 5) для детальной разработки вышеуказанных мероприятий образовать в ближайшие дни при Министерстве финансов комиссию с участием пивоваренных заводчиков.

Ревизионная комиссия Попечительства, всесторонне ознакомившись с ее содержанием, представила в комитет подробно мотивированные данные по изложенному в записке вопросу с нижеследующим заключением: «1) пиво всякой крепости должно, по мнению комиссии, определяться не иначе, как «спиртной напиток»; 2) пиво — напиток, вредный для организма; 3) пиво — не питательный напиток, вследствие чего комиссия находит нужным отклонить ходатайство представителей пивоваренной промышленности «об изъятии 4° пива из числа крепких напитков и изъять из действующих законоположений статью 124 Устава о питейном сборе, гласящую, что в селах и деревнях варение пива, браги и меда в корчагах и котлах, собственно для домашнего обихода, дозволяется всем проживающим в оных лицам без акциза, с тем однако же: 1) чтобы для сего не были возводимы никакие особые постоянные постройки и чтобы вывариваемые пиво и мед не были допускаемы для распития в других деревнях; 2) чтобы пиво и медоварение в котлах производилось для храмовых и местных сельских праздников, для свадеб и для так называемых помочей во время полевых работ. Варение пива и браги в корчагах по селам и деревням для домашнего обихода может быть производимо во всякое время. 1861 июля 4 (37197) статьи 113, 178, 179.

Примечание. Варить пиво на собственный домашний обиход дозволяется из еврейских селений только в тех, в коих состоит не менее десяти домов; но кто из евреев поселит на собственной земле десять или более семейств единоверцев, тот получает право на варение пива и меда с платежом акциза, для продажи того и другого местным обывателям. 1861 июль 4 (37197) статья 113, прим».

Заключение это я препроводил И. Л. Горемыкину при письме, на случай, если бы он признал возможным оказать ему внимание при обсуждении ходатайства представителей пивоваренной промышленности в Совете Министров, препроводив для этой цели 25 печатных экземпляров ревизионной комиссии с медицинским отзывом. Я лично согласился с заключением комитета, за исключением пункта об изъятии из Устава о питейном сборе статьи 1.

17 ноября получено было Попечительством о народной трезвости в Москве печальное известие о трагической, но славной кончине сотрудника Попечительства помощника председателя Совета по управлению народными домами капитана А. М. Шостаковского. Он был убит в одном из последних боев на Западном фронте. Это было для меня большим и личным горем, не говоря уже об утрате, понесенной Попечительством, в рядах коего в течение 10 лет

А. М. Шостаковский вложил массу труда, сердца и любви в трудное ответственное дело. Это был и дорогой товарищ, и редкий труженик, чудной души человек.

В Петрограде мне пришлось пробыть недолго, так как 18 ноября назначен был уже отъезд Государя в Ставку, Смоленск, Тулу, Орел, Курск, Харьков, Екатеринодар, Тифлис, действующую армию на Кавказе, Владикавказ, Новочеркасск, Воронеж, Тамбов, Рязань, Москву и на Западный фронт.

В это время вся Россия жила в большом волнении, ожидая исхода происходивших серьезных боев, когда Вильгельм приказал начать новое наступление на Варшаву, и военные операции развились на обширном фронте между Вислой и Вартой. Это наступление было отбито нами после кровопролитных боев, и мы едва не окружили всю германскую армию — ей удалось с трудом пробиться к крепости Торн.

Из Царского Села Государь с лицами свиты выехал в Ставку, куда прибыл 19 числа и в тот же вечер отбыл в г. Смоленск. Я не сопровождал Государя в Ставку, а проехал в Тулу и Смоленск подготовить все к высочайшему приезду. В Смоленске я был в ночь на 20 число, на другой день должен был приехать Государь.

Смоленск, один из красивейших городов центральной России, очень живописно расположенный на берегу Днепра, утопавший весь в зелени, к приезду Государя принарядился, чтобы достойно встретить царя. Императорский поезд прибыл в 2 часа дня. После встречи и рапорта командовавшего тогда Московским военным округом Сандецкого, а также и губернатора, Государь обошел, как всегда, начальствующих лиц и депутации от дворян, земства, города и крестьян, после чего направился в старинный исторический Успенский собор, построенный еще в 1772 г. В этом соборе находилась чудотворная икона Божьей Матери Одигитрии, писанная, по преданию, святым евангелистом Лукою, и которая во время войны 1812 г. находилась при войсках в Бородине (см. мои воспоминания за 1912 г.).

Приложившись к чудотворной иконе и выслушав краткое молебствие, Государь по разукрашенным улицам, среди несметных толп народа, шпалер учащихся и войск, проследовал в госпиталь имени наследника, который был расположен около древней смоленской стены на Армянской улице. В этом госпитале было много раненых в боях под Краковом и Лодзем. Посетив затем небольшой и очень уютно и чудно оборудованный госпиталь княгини Тенишевой, Государь проехал в дворянский госпиталь и лазарет Всероссийского земского союза в доме епархиального женского училища. Среди раненых бросались в глаза рослые бравые молодцы — все солдаты гвардейских полков, много было и родных мне преображенцев. Государь с необыкновенной лаской говорил со всеми ранеными, не позволяя вставать тем, кто хотя и лежал, но был контужен или

ранен, — при этом Государь обыкновенно клал свою руку на плечо раненому, как бы заставляя его сидеть.

Уже совсем стемнело, и весь город зажегся сотнями тысяч огней иллюминации, когда Государь, окончив посещение лазаретов, последовал на вокзал и в 6 часов 45 минут вечера отбыл из Смоленска по направлению г. Тулы, куда прибыл в 9 часов утра 21 ноября.

На вокзале Государя встретили начальник гарнизона, губернатор Тройницкий, высшие военные и гражданские власти и депутации от дворян, земства, города, купечества, мещан, ремесленников, бывших оружейников, хуторян и отрубников и от местного патронного завода. На нужды войны Государю были поднесены собранные дворянами 40 000 руб., городом 10 000 руб. и купечеством 3 000 руб.

Со станции в открытом автомобиле Государь с обер-гофмаршалом графом Бенкендорфом проследовал при восторженных кликах «ура» в церковь Казанской Божьей Матери. По всему пути стояли огромные толпы народа. По случаю Введения во храм Богородицы отслужена была литургия преосвященным Парфением. По окончании оной Государь проехал на знаменитый оружейный завод имени Петра Великого, основанный им в 1712 г. В своем указе великий император писал: «На Тульском заводе оружейного дела мастерам делать ружей в год драгунских и солдатских на 15 000 фузей с ножами *, а для лучшего в том оружейном деле способу, при той оружейной слободе изыскать удобное место и построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, а палаши и ножи точить водою».

С тех пор Тульский оружейный завод работает беспрерывно. В знаменательные дни Отечественной войны император Александр I Благословенный посетил оружейный завод и благодарил оружейников за беззаветную работу их по снабжению армии огнестрельным оружием. Теперь завод посетил Николай II, также в годину величайшей мировой войны. Государь был встречен начальником завода генерал-лейтенантом Куном и депутацией от рабочих с хлебом-солью. Более полутора часов обходил Государь завод, подробно его осматривая; завод, несмотря на праздник, работал полным ходом, рабочие стояли у своих станков. Государь со многими совершенно запросто заговаривал, интересуясь их жизнью и работой. Посетив музей завода, начертав свое имя в книге почетных посетителей и поблагодарив начальника завода и рабочих, Государь проследовал в лазарет, устроенный для раненых рабочими и на их средства в помещении заводской школы. Здесь Государя встретила депутация от рабочих, которая и сопровождала его при обходе раненых.

---

* Фузея (*пол.* fuzyja, от *фр.* fusil — ружье) — кремневое ружье (со штыком-ножом), принятое в конце XVII—XIX вв. на вооружение русской и иностранных армий.

В 1 час дня в императорском поезде состоялся завтрак, к которому были приглашены начальствующие лица, после чего состоялось посещение раненых в доме дворянства, в эвакуационном лазарете № 40, местном военном и железнодорожном (служащих на Московско-Курской ж. д.). В Дворянском собрании Государя встречали с особой торжественностью, дворяне к этому дню съехались в большом числе со всей губернии и из других городов России. Лазарет, устроенный дворянами тут же в залах собрания, исключительно для офицеров, был оборудован по последним методам науки. Государь долго беседовал с ранеными, пил чай у дворян и перед отъездом, окруженный всеми ранеными и персоналом лазарета, снялся с ними в общей группе. В 7 часов вечера, при пении гимна всех собравшихся проводить Государя, царский поезд отошел от станции Тула по направлению к Орлу.

За час до отъезда Государя я выехал в Орел, куда прибыл около 9 часов вечера и успел с губернатором разработать всю программу пребывания Государя в этом городе и отослать ее дворцовому коменданту в Мценск, где императорский поезд имел длительную остановку.

В 8 часов утра 22 ноября Государь прибыл в Орел. При приеме депутаций на вокзале крестьянин, подносивший хлеб-соль, сказал просто и трогательно: «Твои орловские крестьяне готовы отдать на нужды войны хлеб до последнего зерна и все достояние. Спаси тебя Христос», — и поклонился в пояс.

В соборе, выслушав краткое молебствие, Государь приложился к местной святыне — Балыкинской иконе Божьей Матери, в соборе было много раненых офицеров из лазарета, который не вошел в программу высочайших посещений.

Из собора Государь проехал в госпитали Всероссийского земского союза № 21, устроенный в здании Орловского кадетского корпуса, № 16 в доме дворянства и № 28 на средства крестьян Лавровской волости, Орловского уезда. Этот последний лазарет был устроен по постановлению волостного схода 52 деревень, собравшего 6000 руб. и открывшего 14 ноября госпиталь на 40 коек, получив бесплатное помещение, светлое, просторное от некоего Матея. Депутация крестьян сопровождала Государя при обходе раненых в этом лазарете.

В одном из госпиталей среди раненых было много пленных немцев и австрийцев, Государь обошел и палаты, занятые ими, при этом громко сказал главному врачу: «Надеюсь, что не делается никакого различия в содержании раненых, и мы не поступаем так, как наши противники».

Государь отбыл из Орла в 11 часов 30 минут утра и прибыл в Курск в 2 часа 20 минут. Я выехал несколько ранее, так что успел приехать в Курск к часу дня и, таким образом, у меня было в запасе почти 1 1/2 часа до высочайшего приезда, в течение коих я успел

обо всем переговорить с губернатором и губернским предводителем дворянства.

Ко времени приезда Государя станция Курск, весь путь следования в город и все дома приняли нарядный вид, толпы народа, собравшегося не только со всего города, но и с окрестных сел и деревень, наполнили весь путь следования. После краткого молебствия в соборе Государь посетил раненых: в госпитале, устроенном дворянами в чудном помещении Курско-Александровского дворянского пансиона-приюта, в лазарете, устроенном крестьянскими кредитными учреждениями в отделении лечебницы Общества курских врачей, где крестьяне встретили Государя хлебом-солью, в сводном военном эвакуационном госпитале № 77, в Мариинской женской гимназии и в лазарете курского земства в здании губернской земской управы.

В Курске особенно широко была поставлена помощь раненым. Земство ассигновало 1 млн. руб. на 400 кроватей, дворянство — 75 тысяч, крестьяне — 60 тысяч. Государь обходил раненых с удивительным трогательным терпением, не торопясь, не пропуская ни одного тяжело раненного, не выказав ему участия, не обласкав его. Были раненные одновременно и в голову, и в руки, и ноги, были такие, которые тряслись всем телом, дергали головой, особенно подолгу Государь разговаривал с ними. И сколько утешения это доставляло этим несчастным, как трогательно действовало это внимание царя на окружающих. Перед отбытием своим Государь принял на станции Курск депутацию от служащих паровозных бригад и рабочих депо в Курске.

Около 8 часов императорский поезд отошел по направлению на Харьков. Я выехал вслед, обогнав царский поезд на станции Сажная, и приехал в Харьков в 11 часов вечера. Меня встретил губернатор Катеринич и повез к себе, куда приехали также некоторые должностные лица, предводители дворянства, городской голова и др. Обсудив программу высочайшего пребывания, я вернулся в вагон. В 9 часов утра подошел императорский поезд. На вокзале военные и гражданские власти, депутации, среди них и от Совета Съезда горнопромышленников Юга России, от старообрядцев и крестьян, встречали Государя.

С вокзала Государь проехал в кафедральный Успенский собор, основанный в память Отечественной войны при Александре I. Так же сердечно, как и в других городах, встречали Государя по всему пути. Преосвященный Антоний произнес слово, в котором отметил нравственное значение войны и сказал, что навстречу потокам крови на войне идет потоками общественная помощь раненым.

Отстояв обедню, выслушав краткое молебствие, Государь приложился к чудотворным иконам Св. Николая Чудотворца и Елецкой и Озеринской Божьей Матери и затем проследовал в клиники Императорского Харьковского университета, где лазареты для ра-

ненных были устроены на средства профессоров и Общества взаимного кредита, и в лазарет № 1 дамского комитета. В Харькове к этому дню было около сотни лазаретов на 10 000 кроватей, из них было занято 4 000. При посещении госпиталя в клиниках, Государь занес свое имя в особую книгу для почетных посетителей, существовавшую с 1805 г. В этой книге были уже имена: императоров Александра I в 1817 г., Николая I — 1832 г., Александра II в бытность наследником — в 1845 г.

Во втором часу в императорском поезде состоялся завтрак с приглашенными начальствующими лицами. После завтрака Государь посетил лазарет Совета Съезда промышленников Юга России, был встречен представителями горной промышленности во главе с председателем Съезда Фон-Дитмаром, который по окончании обхода раненых доложил Государю, что Съезд в ознаменование высочайшего посещения г. Харькова ассигновал 1 миллион руб. на нужды раненых и их семейств.

Тронутый таким пожертвованием, Государь обратился с следующими словами: «Я очень рад слышать, что в ознаменование моего посещения г. Харькова горнопромышленники сделали сегодня постановление о щедром пожертвовании и выразили этим особые заботы о дорогих для всех нас воинах. Прошу вас принять мою сердечную благодарность».

При громких воодушевленных кликах «ура» Государь простился с представителями промышленности и проследовал в первый распределительный пункт губернского земства, на редкость продуктивно и хорошо устроенный. Осмотрев его, Государь прошел на станцию в поезд пешком. Площадь была наполнена народом, который совсем сплошной массой окружил Государя. Трудно передать восторг этой толпы, когда она очутилась неожиданно совсем рядом с Государем. В 4 часа под звуки гимна и «Славься» оркестра учащихся императорский поезд отошел от Харькова. С пути Государь прислал депешу губернатору: «Сохраню самое лучшее воспоминание о посещении Харькова, столь тепло меня встретившего и оказавшего так много забот о доблестных наших раненых воинах. Николай».

Из Харькова Государь проследовал на Кавказ, нигде по пути не останавливаясь, а так как Кавказ представлял собой самостоятельное наместничество, то моя роль сводилась исключительно к охране железнодорожного пути, находившегося в ведении чинов вверенного мне Корпуса жандармов. Все же посещения Государем городов на Кавказе в мою компетентность не входили. Все распоряжения, выработка программы высочайшего пребывания в районе Кавказа исходили от наместничества. В таком же положении находилась и область Войска Донского, как подчиненная не министру внутренних дел, а военному. Ввиду этого, как только стало известно о предстоящем путешествии Государя на Кавказ, я решил в Тифлисе, где

Государь предполагал пробыть 4 дня, не быть вовсе и в районе Кавказа ограничиться исключительно поверкой охраны по линии железной дороги по пути следования императорского поезда. Но перед самым отъездом из Петрограда я получил приглашение наместника приехать в Тифлис на время высочайшего там пребывания, причем канцелярия наместника, препровождая мне программу пребывания Государя, просила меня от имени наместника приехать в Тифлис заблаговременно. Эта любезность со стороны наместника графа Воронцова-Дашкова меня очень тронула, и я из Харькова выехал вслед за императорским поездом прямо в Тифлис и, чтобы приехать заблаговременно, я, проехав станцию Тихорецкую во время пребывания Государя в Екатеринодаре, чрез Владикавказ, не останавливаясь нигде, на автомобиле по Военно-Грузинской дороге приехал в Тифлис утром 25 ноября.

Граф Воронцов-Дашков был, к сожалению, серьезно болен и не выходил из своей комнаты. Должность наместника исполнял генерал от инфантерии Мышлаевский, с которым я уже имел дело во время моей командировки в Баку. Граф Воронцов, несмотря на свою болезнь, принял меня, был очень любезен, выразив радость моему приезду, и просил меня, в случае, если я найду нужным отдать какие-либо распоряжения по полиции, не стесняться. Его жена графиня Е. А. Воронцова-Дашкова была также очень любезна, насколько она могла быть таковой при ее надменном, необщительном характере.

В Тифлисе я остановился у своего брата, а сопровождавшие меня секретарь Сенько-Поповский и адъютант Штер в гостинице. Я был ужасно рад повидать брата и пожить у него эти несколько дней. Тифлис в ожидании приезда Государя украшался, погода стояла чудная, воздвигнуты были триумфальные ворота, не было ни одного дома во всем городе, даже в отдаленных кварталах, который бы не был украшен. С трогательной заботливостью все, без различия национальностей, одинаково готовились к встрече.

26 ноября с утра на вокзале собрались все тифлисские власти и представители сословий и городские дамы во главе с графиней Воронцовой-Дашковой. Императорский поезд подошел ровно в 11 часов 25 минут утра. Почетный караул был выставлен от Тифлисского военного училища. Приняв почетные рапорты от помощника наместника Петерсона, тифлисских коменданта и губернатора, Государь поздоровался с почетным караулом, обошел его под звуки гимна, пропустил церемониальным маршем. Обойдя начальствующих лиц и дам, Государь подошел к депутациям. Губернский предводитель дворянства обратился [к нему] со следующей речью: «С безграничным чувством преданности приветствует грузинское дворянство ваше благополучное прибытие в древнюю Иверскую землю вашего величества. Настало время, вы повелели, Государь, и сыны грузинского дворянства и народа с великой радостью

отдают жизнь за славу, честь и мощь венценосного своего вождя и за великую державу вашего величества. Земной поклон приношу вам, Государь».

Государь благодарил и высказал удовольствие быть среди грузинского дворянства в такое знаменательное время. Обойдя все другие депутации и выслушав приветствия, поблагодарив всех за высказанные чувства любви и преданности, Государь вышел на подъезд и поздоровался с выстроенным конвоем наместника. Мощное «ура» многотысячной толпы раздалось на площади, оркестры заиграли гимн, в сопровождении конвоя наместника Государь на автомобиле проследовал в Сионский кафедральный собор, рядом с Государем сидел генерал-адъютант граф Бенкендорф.

Разукрашенные улицы были полны народа, ярко светило солнце, было совершенно тепло, перезвон колоколов всех церквей не прекращался, «ура», звуки гимна стояли в воздухе. При входе в собор Государь был встречен экзархом Грузии Питиримом. [...] Выслушав краткое молебствие, Государь приложился к кресту с мощами святых — дар царя Михаила Федоровича, к иконе Сионской Божьей Матери и ко кресту из виноградных лоз, перевязанных волосами св. Нины, после чего, осмотрев древности храма, вышел из собора и, сев в автомобиль, направился в Ванский армяно-грегорианский собор, где был встречен патриархом католикосом всех армян Кеворком V. [...] Выслушав краткое молебствие и побеседовав с католикосом, Государь отбыл из собора и направился в мечети шиитов и суннитов.

По всему пути к мечетям вся мостовая узкой улицы была сплошь покрыта роскошными коврами. В мечети находились шейх-уль-ислам — глава закавказских мусульман-шиитов Ахунда Гуссейн-Заде и муллы. Отдельной группой стояли видные персидские принцы и именитые мусульмане. Когда Государь спустился в мечеть по внутренней лестнице, то шейх-уль-ислам, взойдя на возвышение, произнес на армянском языке молитву [...]. Затем он обратился с приветствием к Государю, переведенным тут же по-русски. Поблагодарив шейх-уль-ислама, Государь вышел из мечети и отбыл в мечеть суннитов. Вся дорога была также покрыта коврами, мечеть разукрашена пальмами и цветами. Государя встретил муфтий Гуссейн Эфенди Гаибов во главе суннитского духовного правления и приветствовал краткой речью, завершив ее молитвословием и многолетием. Осмотрев мечеть, Государь довольно долго говорил с муфтием. Глухой 85-летний старец с большим волнением трогательно говорил с Государем, заявляя, чтобы он был спокоен, что все мусульмане Кавказа безгранично преданы ему. Когда Государь отъезжал от мечети, мусульмане восторженно, по-своему, его приветствовали.

После завтрака во дворце Государь посетил лазареты Армянского благотворительного общества, купеческого и чинов судебного ведомства. Вечером город был чудно иллюминован, улицы, прилега-

ющие ко дворцу, были переполнены народом, всюду слышен был гимн, восторженные возгласы по адресу Государя, а около 10 часов вечера, в разгар народных манифестаций, человек 20 простого народа с несколькими азиатскими музыкантами пошли к городскому голове и просили его пойти с ними к царю бить челом по древнему кавказскому обычаю. Городской голова пошел с ними, и по докладе Государю они были приняты. Старец простолюдин обратился с приветствием, сказав, что простой народ радуется, что любимый царь среди народа своего на Кавказе, затем поднес лоток с кавказскими фруктами. Музыканты заиграли, а пришедшие протанцевали ряд кавказских танцев. Затем Государь вышел на балкон, отвечая на восторженные приветствия народа.

27 ноября, во второй день пребывания Государя, во дворце наместника состоялся высочайший прием чинов военного и гражданского ведомств и сословных депутаций. Удивительно красив был огромный зал, наполненный разнообразными мундирами, среди коих красиво и оригинально выделялись мундиры кавказцев и одежда туземцев. В 10 часов утра Государь вышел к собравшимся в мундире своего 17-го драгунского Нижегородского полка. [...] После завтрака Государь посетил больницы: городскую, Зубалова и Центральный лазарет в губернской тюрьме. Вечер закончился огромной манифестацией учеников средних учебных заведений. Ученики строем, имея впереди свои оркестры, с разноцветными синими, красными и белыми фонарями в руках стали собираться у дворца, кругом стояли густые толпы народа. Обнажились головы, раздались звуки гимна, Государь появился на балконе, тогда на площади произошло нечто неописуемое. «Ура» долго не смолкало, когда оно затихло, гимназический хор исполнил ряд патриотических песен. Пение сменилось опять гимном, после чего шествие двинулось по городу.

28 ноября утром Государь посетил военный собор, был встречен настоятелем, произнесшим приветственное слово. Государь подробно осмотрел собор и отбыл затем в «Храм Славы» при несмолкаемых кликах народа, бежавшего за автомобилем. «Храм Славы» — это кавказский военно-исторический музей. Государь осмотрел все собранные в нем трофеи и реликвии, захваченные в войнах, картины, модели и т. д.

Из музея Государь проехал в 1 мужскую гимназию имени императора Александра I, откуда в Закавказский девичий институт, в котором воспитанницы встретили царя гимном, а воспитанница Мищенко (племянница генерал-адъютанта) приветствовала Государя словами: «Великий Государь, мы бесконечно рады, что на нашу долю выпало счастье видеть ваше императорское величество в нашем институте и самим сказать, как горячо мы любим дорогого царя». Государь был очень тронут, затем прослушал несколько песен, исполненных хором, и проследовал в женское учебное заведе-

ние св. Нины. Воспитанницы и здесь восторженно встретили и проводили Государя. Уезжая, Государь спросил, не пожелают ли они передать привет царице-матушке. Воспитанницы с восторгом просили передать привет, а также и царице, наследнику и великим княжнам.

В 1 часу дня Государь вернулся во дворец к завтраку, после чего им была принята депутация от молокан, прочитавшая с разрешения Государя особую молитву за здравие царя, во время которой молокане стояли на коленях. Затем Государь осматривал склад для помощи раненым имени императрицы, устроенный во дворце графиней Воронцовой-Дашковой. Около трех часов состоялось посещение кадетского корпуса, затем реального училища имени графа И. И. Воронцова-Дашкова. В 5 часов Государь по приглашению дворян прибыл к ним на чашку чая.

Прием грузинские дворяне устроили в доме Сараджевой на Сергиевской улице. Как дом, так и вся Сергиевская улица были украшены флагами, дорогими коврами, вечером красиво иллюминованы. Приглашенных было много, красиво выделялись туземные костюмы и светлые платья дам. Государь обошел все помещение, которое было удивительно красиво убрано по-кавказски, подходил ко многим, беседовал с дворянами и приглашенными, слушал музыку, после чего прошел в комнату, где был накрыт царский стол.

Губернский предводитель князь Абхази поднес Государю огромный турий рог в старинной серебряной оправе с грузинской надписью: «Великому Государю нашему — грузинское дворянство. 28 ноября 1914 г.». Когда было подано кахетинское, князь Абхази провозгласил тост за царя, Государь благодарил и сказал: «Сердечно благодарю вас за ваш радушный прием и от всей души пью за здоровье и процветание тифлисского дворянства и за ваше здоровье, господа».

Оркестр и хор исполнили «мравал жамиер», покрытое восторженными кликами «ура». После этого князь Абхази пригласил Государя пройти в верхний этаж, где был тоже ряд комнат, убранных исключительно в восточном вкусе с удивительным освещением, прямо сказочным. По лестнице, которая вела в верхний этаж, по бокам на каждой ступеньке стояли барышни — грузинки, воспитанницы института, типичные брюнетки с очень красивыми чертами лица, выразительными глазами, все как будто под одно лицо и все в белых совершенно одинаковых платьях. Эта живая картина была очень эффектна. Когда Государь подошел к лестнице, грузинки грациозно все, как одна, присели, Государь несколько смутился и, ответив на их поклон, сказал: «Мне очень совестно, вы меня тут давно ждете», на что среди полнейшей тишины раздался гортанный голос с сильным грузинским акцентом и как-то не соответствовавший нежному облику произнесшей эти слова воспитанницы: «Да, некоторое время». Это было так непосредственно, так наивно, все

и Государь невольно улыбнулись, а произнесшая эти слова грузинка покраснела и, по-видимому, бедная, сконфузилась, почувствовав свою оплошность. Государь, проходя мимо ее и поняв ее смущение, окинул ее добрым ласковым взглядом. Прослушав грузинскую патриотическую «Самшобло» (Родина), «Аллаверды» и другие песни, Государь отбыл во дворец, пробыв у дворян около трех часов.

29 ноября, в последний день высочайшего пребывания в Тифлисе, утром состоялся прием национальных депутаций. Явились депутации от всех сословий населяющих Кавказ народностей: русских, молокан, грузин, пшавов, хевсур, тушинов, осетин, армян, мусульман, горцев, сирийцев православных, римско-католического и лютеранского населения, еврейской общины и горских евреев. Восторженный гул разнесся по зале, когда появился Государь. Каждая депутация приветствовала отдельно, Государь благодарил за выраженные чувства, любовь и преданность. [...] Долго обходил и беседовал Государь со всеми представителями народностей, из коих почти все были в своих древних национальных костюмах. Типичны были очень хевсуры в своих сетчатых металлических рубашках и шлемах.

Окончив прием, Государь посетил Тифлисское епархиальное женское училище и затем прибыл в Тифлисское военное. На училищном плацу был выстроен батальон юнкеров со знаменем и хором музыки. Произведя им смотр, Государь обратился к юнкерам, выпускаемым 1 декабря в офицеры. [...]

В начале 6 часа состоялся прием Государя Тифлисским городским управлением в помещении Артистического общества. Я на этом приеме уже не был, так как выехал в Карс и Саракамыш проверить охрану на железнодорожном пути, ввиду ожидаемого в Саракамыше проезда Государя.

Вечером, в 8 часов 30 минут Государь отбыл из Тифлиса, императорский поезд направился на Александрополь-Карс, куда прибыл 30 ноября в 9.30 утра. Я успел к этому времени проехать до Саракамыша и вернуться в Карс ко времени прихода царского поезда.

Первый раз русский царь посещал эту далекую крепость на окраине нашего Отечества. Карс — очень древний город, цитадель в нем возведена турками еще в 1579 г. Впервые этот город осаждали русские войска в 1807 г. Брали мы его несколько раз — в 1828 г. его взял Паскевич, в 1855 г. — Муравьев, в 1877 г. он был взят кавказской армией великого князя Михаила Николаевича и с тех пор находился в наших руках.

На станции Карс выстроен был почетный караул, тут же находились и военачальствующие лица во главе с генералом Мышлаевским и командующим войсками передовых частей Кавказской армии генерал-лейтенантом Юденичем, а также и депутации с хлебом-солью. Гарнизон и население восторженно приветствовали Государя

по всему пути следования до собора. По окончании литургии и после завтрака в императорском поезде Государь подробно ознакомился с расположением крепости и фортами, выслушал доклад коменданта о ближайших наших позициях вокруг крепости. К сожалению, стоял густой морозный туман, мешавший как следует видеть окружавшую местность. Я не участвовал в поездках Государя по району крепости, так как прямо из собора на автомобиле поехал в Саракамыш и оттуда на нашу границу в Меджингерт чрез Зивинский перевал, условившись с дворцовым комендантом, что я съезжу проверить этот путь и убедиться, возможно ли его совершить без риска, так как Государю страстно хотелось проехать на нашу бывшую границу, чтобы на месте повидать передовые части нашей славной Кавказской армии, и хотел [он] это сделать экспромтом для всех.

По чудному шоссе поехал я из Карса в Саракамыш, приближаясь к которому, приходилось подыматься все выше и выше, мороз все крепчал, дышать становилось временами трудно — Саракамыш лежит на высоте 7 000 футов. Быстро, незаметно проехал я со своими спутниками Сенько-Поповским и Штером в своем автомобиле с моим лихим шофером Мутовкиным 56 верст до Саракамыша и, не останавливаясь, ориентируясь по карте, поехали мы дальше на Хандары, Зивин, Меджингерт. Сначала путь лежал вниз в долину, где опять стало тепло, а затем начался крутой большой подъем на Зивинский перевал. Красота была сказочная, когда мы поднимались, становилось все холоднее, снегу все больше и больше, но шоссе было прекрасно расчищено, двигались все время обозы, которые мы перегоняли, ехать было хорошо. На перевале, кроме снега, ничего не было видно вокруг, только кое-где торчали голые скалы, солнце ярко светило и сказочно освещало местность. Мы стали спускаться, снег быстро стал исчезать, и мы остановились у нашей бывшей границы у селения Меджингерт.

На биваке я увидел пластунов, а внедалеке небольшой домик, где помещался со своим штабом начальник дивизии, полки которой находились в передовой линии в 3 верстах впереди. Как только я вышел из автомобиля и стал вглядываться в стоявших недалеко от шоссе пластунов, я вдруг увидал все знакомые лица. Они тоже меня узнали, офицеры подбежали ко мне. Оказалось, что это как раз те пластунские батальоны, которые были в моем распоряжении в Баку во время моей командировки туда для прекращения забастовки в июле месяце. Они мне устроили целую овацию и сразу стали умолять меня похлопотать, чтоб их вызвали в Саракамыш к Государю, что они только и мечтают, как бы им увидеть царя, которого никогда не видали, что они мигом в одну ночь пройдут весь путь до Саракамыша, лишь бы только им это позволили. Поговорив с ними, пообещав, что я передам их просьбу, я отправился к начальнику дивизии Берхману, попал как раз во время обеда. Начальник

дивизии и все чины штаба были очень заинтересованы моим приездом. Первый вопрос был: «Что, неужели Государь сюда приедет? Вот радость была бы». Я ответил, что ничего не знаю, не думаю, чтоб Государь мог приехать, так как я исключительно для себя приехал, воспользовавшись свободным днем, пока Государь в Карсе, и стал незаметно расспрашивать о положении дел, о том, какие части войск тут стоят, куда направляются пластуны и т. д., чтобы иметь возможность все подробно доложить Государю по возвращении.

Получив все нужные сведения, я поехал обратно, но перед отъездом обошел пластунов, среди которых я знал многих, не только офицеров, но и нижних чинов. Провожаемый ими, я сел в автомобиль и при кликах «на вас только и надеемся» поехал обратно в Карс, торопясь миновать перевал до темноты.

В Карсе я был около 10 часов вечера, Государь был у себя в вагоне. Я зашел к Дрентельну, затем к Воейкову и поделился моими впечатлениями и рассказал, что, дорога чудная, на автомобиле можно доехать до Меджингерта беспрепятственно. Воейков пошел доложить Государю, который меня тотчас принял, и я подробно доложил о своей поездке, показал и составленные мною кроки, рассказал о встрече с пластунами. Государь был в восторге, решил из Саракамыша на другой день проехать в Меджингерт, куда приказал подтянуть и ближайшие к этому пункту войска. Я вернулся к себе в вагон удовлетворенный, особенно я радовался за пластунов, а главное, считал, что такая смелая поездка Государя на фронт не могла не произвести на войска колоссальное впечатление, подбодрить их, а на турок возыметь внушительное действие.

В 7 часов утра императорский поезд отошел от станции Карс и в 9 часов 30 минут утра 1 декабря прибыл в Саракамыш. Я уже был там, и когда я вышел на платформу вокзала за час до подхода царского поезда, несмотря на мороз, как всегда, в одном сюртуке, то встретился с генералом Мышлаевским, который мне сказал: «А вы, однако, очень храбры». Подумав, что он говорит это, видя меня на морозе в одном сюртуке, я ответил, что я привык, всегда так хожу. На это он ответил: «Нет, я не про то, я говорю, что вы очень храбры, не боитесь везти Государя в Меджингерт, а что, если из-за расщелин гор на перевале выскочат курды?» Я несколько смутился этими словами, но ответил, что я никуда не везу Государя, мне только поручено было исследовать дорогу, что я и сделал, что же касается курдов, то я думаю, что кавказские войска такой небольшой путь следования Государя несомненно охранят.

Вскоре подошел царский поезд, вышел Государь в форме 80-го Кабардинского полка и был встречен рапортом коменданта генерал-лейтенанта Тромбицкого и командира бригады ополчения генерал-майора Воронова. Поздоровавшись с почетным караулом кабардинцев, Государь обошел караул и остановился перед знаменщи-

ком, украшенным 3 Георгиевскими крестами. Командир полка доложил, что это подпрапорщик Яковенко, был два раза контужен в бою, командовал ротою за выбытием всех офицеров и, несмотря на тяжелую контузию, оставался в строю всю ночь и пошел в лазарет только после настойчивого приказания командира батальона. Государь, выслушав все это, взял из рук дежурного флигель-адъютанта крест Георгия I степени и лично приколол его на грудь просиявшему Яковенко, после чего обратился к караулу со словами: «За боевую службу спасибо вам, молодцы». Затем обратился к командиру полка: «Я думаю, как рады офицеры, что они прибыли сюда на несколько дней с позиции». — «Так точно, — ответил командир, — мы считаем Саракамыш столицей».

Государь улыбнулся и направился к депутациям. В этом бедном глухом азиатском поселке не было вовсе русских, по пути следования Государя в гарнизонную церковь стояли какие-то люди в чалмах, с головами, закрученными башлыками, много армянских лиц. Из войск стояли шпалерами ополченские части и казачий полк. Два же славных кавказских полка, квартировавших в Саракамыше, находились на позиции.

Выслушав краткое молебствие, Государь вышел из церкви и направился к автомобилю. Все местное небольшое население смешалось с войсками и восторженно приветствовало Государя. Сев в автомобиль, Государь поехал чрез Зивинский перевал в Меджингерт по той самой дороге, по которой я проехал накануне. Двухчасовой путь прошел незаметно, навстречу попадались обозы, повозки Красного Креста, вдоль всей дороги размещены были саперные войска, с неподдельным восторгом встречавшие Государя. Проезжая мимо саперных команд, Государь приказывал замедлять ход автомобиля. Наконец показался конечный пункт высочайшего следования — Меджингерт — русский.

Ко времени приезда Государя по телеграфу тут собраны были представители всех кавказских войск, героев, покрывших уже себя славой в настоящей войне, были и пластуны, которых я видел накануне. Люди были выстроены по трем сторонам. Выйдя из автомобиля, Государь громко и ясно произнес «Здорово, молодцы». Точно из одной груди мощно вырвался ответ тысячи голосов: «Здравия желаем вашему императорскому величеству». И могучее «ура» прямо загудело на обширной равнине. Государь сделал знак рукой, наступила тишина, [и он,] подойдя к правому флангу, лично начал награждать солдат Георгиевскими крестами и медалями.

При этом произошел поразительный случай, высоко характеризующий старого русского солдата. Государь дал крест правофланговому, и тот сказал: «Покорнейше благодарю ваше императорское величество», после чего Государь протянул крест следующему — послышался отчетливый голос этого русского рядового: «Я, ваше императорское величество, не участвовал еще в бою». Государь

быстро взглянул на рядового, положил руку ему на плечо и громко сказал: «Молодец, наверно, скоро заслужишь, хорошо, что по совести заявил мне». Этот честный солдат ясно сознавал, что случайное недоразумение не может послужить к тому, чтоб он, не бывший в бою, мог получить крест Св. Георгия, который дается только за боевые отличия.

На всех этот случай произвел глубокое впечатление. Обход награждаемых продолжался долго, Государь со многими говорил, вникая в подробности боя, ранения. Я никогда не забуду этой трогательной, волнующей картины, когда царь так недалеко от передовых окопов, окруженный свитой, офицерами обходил героев-солдат и с такой простотой, спокойствием говорил с ними, и я счастлив был, что мне выпало на долю быть не только свидетелем этого великого исторического момента, но еще случайно косвенно содействовать ему.

Необычайно красиво и с боевым видом выглядели родные мне пластуны, рассказы об их подвигах были сказочными, они как кошки подползали к неприятелю и сообщали всегда самые ценные сведения о противнике. Они так были счастливы, что Государь приехал, и все время делились со мной своей радостью, говорили, что теперь им ничего уже не страшно, они на всю жизнь счастливы.

Когда Государь обошел всех, то выйдя на средину линии войск, обратился к героям со следующими словами: «Я рад, что мне удалось прибыть сюда, на границу России, и лично поблагодарить и наградить представителей моих доблестных кавказских войск за их геройские подвиги в нынешнюю войну. Уверен, что все части по примеру своих славных предков доблестно послужат России и мне. Всем вам за службу мое сердечное спасибо». В ответ на это снова могучее «ура» огласило равнину и эхом отозвалось в горах. Государь принял затем хлеб-соль от местного населения. На большом деревянном блюде простой местной работы лежали хлеб, местный сыр и пара перчаток из козьего пуха.

Сев в автомобиль, Государь, еще раз простившись и пожелав счастья кавказским героям, приказал тронуться. Столпившись в общую массу, эти герои стали кидать шапки в воздух, другие, навешивая папахи свои на штыки своих ружей, высоко поднимали их вверх, крича при этом с каким-то необыкновенным подъемом «ура». Государь, видимо, был растроган, взволнован, это было видно по его лицу. Когда же автомобиль двинулся, то офицеры и простые кубанские и терские казаки во главе со своим лихим корпусным командиром генералом Баратовым * на конях бросились провожать Государя. Поднялась лихая скачка по сторонам царского пути. Путь был

* Жена Баратова была рожденная Грессер, дочь моего двоюродного брата и племянница старшего брата, бывшего в Петербурге, известного градоначальника. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

крайне опасен — каменистый неровный грунт, рытвины, запорошенные снегом, и только благодаря своей удали и чудным коням, привыкшим скакать по такой поверхности, не произошло ни одного несчастного случая. Картина была потрясающая, казалось, грозной тучей неслись легкие грациозные казаки, окружая царя. Проехав версты три таким образом, Государь остановил автомобиль и, пожав руку Баратову, просил дальше не провожать его, путь по бокам шоссе становился все опаснее. Последнее могучее «ура», и автомобиль Государя быстро покатил вверх на перевал. Уже в темноту Государь приехал в Саракамыш, где посетил еще раненых, подходя к каждому из них и утешая их добрым словом.

Вечером императорский поезд отошел от Саракамыша на Карс и, минуя Тифлис, направился кружным путем во Владикавказ — столицу Терской области. Из Карса Государь, под впечатлением своей поездки на передовые позиции, послал графу Воронцову-Дашкову депешу следующего содержания: «Я провел сегодня памятный для себя день посреди храбрейших представителей доблестных кавказских войск и был счастлив лично раздать им Георгиевские кресты на границе, в нескольких верстах от боевых позиций. С такими войсками можно, уповая на милость Божию, быть уверенным в победе. Впечатления мои самые радостные и светлые. То же и относительно Карса и его гарнизона. Сердечный привет вам и графине. Николай».

Посещение Меджингерта оставило в Государе неизгладимое впечатление. Мне сообщил один из ближайших лиц свиты и мой большой друг Дрентельн, что Государь, делясь с ним впечатлением, произведенным на него этой поездкой, выразился, что от всего пережитого в Меджингерте он почувствовал такой подъем бодрости, как давно не ощущал, и прибавил: «Я никогда не забуду Меджингерта Джунковскому».

Через несколько дней после моего разговора с генералом Мышлаевским на станции Саракамыш, который я привел выше, оказалось, что он был безусловно прав, опасаясь поездки Государя чрез Зивинский перевал. У кавказского командования были сведения, что район к юго-западу от Саракамыша между Меджингертом и Караурганом был переполнен передовыми турецкими частями, производившими при участии немецких офицеров рекогносцировки перед своим наступлением на Саракамыш, и что были и курды. Мышлаевский это знал и, конечно, на его обязанности было об этом доложить, а не говорить о нежелательности поездки Государя в Меджингерт, вследствие плохой дороги чрез перевал, заваленный снегом, — причины, которую я своей поездкой опроверг, так как дорога оказалась прекрасной. Не прошло и двух дней по отъезде Государя, как сильные колонны турок двинулись по направлению к Саракамышу и овладели не только Зивинским перевалом, но и самим Саракамышем. На следующий день подоспевшими свежи-

ми силами наших войск турецкие корпуса с огромными для них потерями были отброшены, захвачено было много пленных и среди них курдов, которые рассказывали, что действительно скрывались в ущельях гор, откуда ясно видели весь царский поезд, следовавший через перевал, и не решились напасть, уверенные, что царя охраняют по дороге многочисленные войска. Известие об этом я получил, подъезжая к Ростову, и жутко стало от одной мысли, какой был бы действительно ужас, если б курды были посмелее. Но Господь хранил своего помазанника, и все обошлось благополучно.

Проводив Государя в Саракамыш, я выехал вслед и в Тифлисе был на другой день 2-го, отдохнув у брата и рассказав графу Воронцову подробности поездки Государя в Меджингерт, я 3-го утром выехал на автомобиле во Владикавказ по Военно-Грузинской дороге. 4-го во Владикавказ прибыл Государь. После торжественной встречи на вокзале Государь проехал на автомобиле в собор, сопровождаемый почетным конвоем лихих сунженцев. По окончании богослужения Государь вошел в войсковой круг, который состоялся у собора. Здесь построены были войсковой старшина, депутаты от отделов области, офицеры, чиновники, запасная сотня, кадеты, терцы, терская семинария и были вынесены войсковые регалии: знамена, трубы, грамоты, насеки, мундир императора Александра II. Когда Государь вошел в круг, наказной атаман генерал Флейшер, имея при себе насеку елизаветинских времен, встретил его и представил старшину, который поднес хлеб-соль от казаков-терцев. Под звуки особого войскового встречного марша Государь обошел круг, знамена салютовали, затем был принят ряд депутаций, после чего при кликах «ура» Государь проследовал в лазареты: городской, военный, хирургический Красного Креста и городской № 1 Всероссийского союза городов. Посетив затем кадетский корпус, Государь отбыл из Владикавказа.

Я выехал за час до отхода императорского поезда, чтоб успеть прибыть заранее на станцию Минеральные Воды для присутствия при представлении Государю ставропольского губернатора и депутаций от этой губернии. Среди них были и депутации от кочующих казаков, калмыков, туркмен и ногайцев, поднесших хлеб-соль и изображение Будды. Туркмены поднесли палатки своего изделия для нужд войны и раненых.

Следующая остановка с приемом должностных лиц была в Ростове-на-Дону, куда я также успел приехать заблаговременно, благодаря длительной остановке царского поезда на станции Крыловской, что дало мне возможность обойти его в этом пункте.

Подъезжая к Ростову и оставляя, таким образом, Кавказ, Государь послал наместнику графу Воронцову следующую милостивую депешу: «Покидая пределы Кавказа, я уношу самые добрые впечатления о войсках и светлые воспоминания о горячем проявлении преданности и любви всеми слоями населения. Сердечно благодарю

Вас, граф Илларион Иванович, и прошу передать мою благодарность доблестной Кавказской армии, начальствующим лицам и разноплеменным народностям вверенного Вам округа. Николай».

Из Ростова императорский поезд проследовал в Новочеркасск. Я выехал вслед прямо в г. Воронеж, куда приехал 5 декабря, накануне высочайшего приезда.

В Воронеже Государь должен был встретиться с императрицей Александрой Федоровной и августейшими дочерьми и провести день своего тезоименитства, поэтому воронежцы еще сильнее старались проявить всю свою любовь и преданность царю и царице. В Воронеже мне пришлось быть впервые, но я успел еще в дороге изучить план города и потому легко ориентировался. Весь вечер накануне приезда Государя я провел у губернатора Петкевича, с которым до того знаком не был. Он произвел на меня странное впечатление, от него с трудом можно было добиться чего-либо, и свое мнение он как бы боялся высказывать. Жена его, наоборот, была боевой дамой и, как я сразу заметил, всецело командовала им, вмешивалась во все дела и управляла, таким образом, губернией, занимаясь при этом усиленно благотворительностью, и довольно нескромно собирала пожертвования: когда у ее мужа были приемы, то она садилась на площадке лестницы перед входом в приемную, принимая таким образом «добровольные» пожертвования. Когда она мне сама рассказывала о своем таком способе, то я позволил себе заметить, что это должно быть очень стеснительно для тех, кто приходит к губернатору по делу или с прошением. За обедом ее муж сидел молча, в нем не чувствовалось хозяина, зато она говорила без умолку. Не досидев до конца обеда, вдруг, ничего не говоря, он встал и ушел. Когда прошло пять минут и он все не возвращался, то жена его обращается ко мне и говорит: «А вы знаете, отчего мой муж ушел? От страха, он сейчас, наверно, гуляет по зале взад и вперед и не решается вернуться, он так боится всякого начальства и сегодня он сам не свой». Я не знал, шутит она или нет. Оказалось, действительно, он гулял по зале, так мы и кончили обедать, а он все прогуливался. «Ну уж и губернатор, — подумал я, — да и губернаторша хороша».

После обеда я предложил губернатору проехаться по городу и заехать в лазареты, назначенные для высочайшего посещения. Без жены он оказался несколько общительнее, но дела он совершенно не знал. На другой день приехал в Воронеж и Маклаков, я рассказал ему оригинальные черты губернатора. После этого он недолго пробыл в Воронеже.

Наступило 6 декабря. Толпы народа заняли сплошной массой все улицы, по которым ожидался проезд их величеств, на вокзале собрались начальствующие лица и депутации. Как только окончился прием депутаций, со стороны Харькова показался императорский поезд с императрицей Александрой Федоровной и великими

княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами. После встречи их величества среди ликующих толп народа проследовали в Митрофаньевский монастырь, где была отслужена литургия и торжественное молебствие. По окончании обедни их величества посетили лазарет епархиального духовенства, содержимый на монастырские средства.

Затем в императорском поезде состоялся парадный завтрак с приглашенными высшими начальствующими лицами. Во время завтрака Государь, вспомнив, что 6 декабря праздник Корпуса жандармов, подняв бокал, поздравил меня с праздником Корпуса и при этом выразил свою благодарность чинам Корпуса, службу которых он видит и ценит. Последние слова мне были особенно приятны. Вечером в тот же день к обеду, который состоялся в пути, Государь пригласил в поезд представителей Корпуса жандармов в Воронеже — подполковника Долгова и полковника Деболи, этим было оказано особое внимание Корпусу жандармов, по сему поводу я отдал приказ по Корпусу от 7 декабря. [...] По окончании завтрака их величества с великими княжнами посетили раненых в госпиталях: офицерском, воронежского дворянства, Всероссийского земского союза, сводного военного и дамского комитета имени наследника.

Из Воронежа Государь отбыл около 6 часов вечера, я не дождался отъезда их величеств, выехав двумя часами ранее, чтобы приехать в Тамбов к вечеру.

В Тамбове губернатором был мой товарищ по корпусу и по полку Салтыков, женатый на дочери известной артистки Императорского Александринского театра Абариновой. Салтыков был хорошим, дельным губернатором и весьма работящим и добросовестным, жена его была премилая женщина, не вмешивавшаяся в дела мужа и державшая себя с большим тактом. В Тамбове губернатору было нелегко, так как ему приходилось считаться с проживавшей там постоянно Александрой Николаевной Нарышкиной, весьма почтенной женщиной, вдовой бывшего обер-гофмаршала, игравшего видную роль при дворе. А. Н. Нарышкина была женщиной очень властной, считала себя как бы шефом Тамбовской губернии и ставила администрации этой губернии всякое лыко в строку, кроме того она была очень умна и остра на язык, и потому ее все боялись и, конечно, администрации приходилось с ней считаться, но не во вред делу, так как она, как честнейшая и благороднейшая по характеру женщина, всегда отстаивала справедливость. Салтыков ей пришелся по вкусу, и отношения между ними были хорошие, поэтому трений никаких не было.

Приехав в Тамбов, я первым делом проехал к преосвященному Кириллу, а затем к А. Н. Нарышкиной. Ко мне она всегда благоволила и потому приняла меня очень радушно. Я очень любил и уважал эту достойную женщину, которая никогда не стеснялась

ни перед кем и всегда резала правду в глаза всем, начиная от Государя и кончая простолюдином, держала себя хотя и властно, но просто и всегда самостоятельно, очень не любила императрицу Александру Федоровну и не скрывала этого, и потому при дворе появлялась редко и жила больше в Тамбове.

Когда я приехал к ней, она сейчас же меня спросила: «А что, Государь, конечно, заедет ко мне?» Я ответил, что об этом был разговор, и полагаю, что Государь не уедет из Тамбова, не посетив ее. На это она мне вдруг сказала: «Я буду очень, очень рада принять Государя и повидать его, но ее (т. е. императрицу) я не хочу видеть, я полагаюсь на вас, вы должны устроить так, чтобы Государь один приехал ко мне». Я стал ее уговаривать, объясняя всю невозможность этого, но она и слышать не хотела, повторяя, что не желает ее видеть. В конце концов ей все же пришлось смириться и принять у себя Государя вместе с императрицей, но насколько она была мила с Государем, настолько же она была сдержанна с императрицей.

Это было последнее мое свидание с нею, только иногда она мне писала, когда ее что-нибудь волновало. Последнее письмо от нее я получил от 3 августа 1915 г., вызванное назначением князя Волконского товарищем министра внутренних дел. Привожу его целиком, так как оно лучше слов характеризует ее. «3 августа. Тамбов. Дорогой Владимир Федорович. Слава Богу, что Вы еще стоите у правой стези и в этой смуте состоите вехой хорошего пути, на которую с надеждою смотрят люди разума. Но с назначением пресловутого Волконского * надежды всякие блекнут. Он у нас целовался с левыми, обманывал духовенство, плясал то в одну, то в другую сторону. Никто ему не доверял... Был всегда обер-карьеристом. И вдруг является лицом, который будет сажать, гнать губернаторов. Ведь это светопреставление. И крушение всего. Я князя Щербатова ** не знаю, он сын, должно быть, Бориса Щербатова — родственника покойного мужа. Но если он будет плясать по указке Криводушина ***, мы наплачемся на его назначение. Барона Медема, конечно, вы теперь будете не гнать, а величать... А Дидрихтон — инспектор народных школ в том же уезде, где и барон Медем. Страшное время! И еще все худшее впереди. Благодарю Вас, мой милый, за племянника Бориса. Его мать теперь у меня и с горячей благодарностью о Вас вспоминает. Да неужели 2-й Гессе **** убит? Я понемногу спускаюсь в могилу и нахожусь в страшно угнетенном духе. Увидимся ли еще? Чту и люблю Вас сердечно. А. Нарышкина».

* Бывший товарищ Председателя Государственной Думы.
** Министр внутренних дел.
*** Кривошеин, министр земледелия.
**** Преображенского полка, были убиты два брата. *(Все примеч. В. Ф. Джунковского.)*

Окончила она свою жизнь трагическим образом. Во время революции больную старуху, которой было уже далеко за семьдесят, вынесли на носилках и повезли на телеге на окраину города, чтобы расстрелять, но ее не успели довезти до места расстрела — она скончалась.

В Тамбов из Воронежа за час до прихода императорского поезда прибыл и Маклаков и по отъезде Государя уехал в Москву.

Около 11 утра их величества прибыли в Тамбов. После торжественной встречи на вокзале, в соборе в присутствии Государя и его семьи отслужена была литургия и краткое молебствие, после чего состоялось посещение 59-го сводного эвакуационного госпиталя в доме Серафимовского духовного училища.

К завтраку, состоявшемуся в императорском поезде, были приглашены министр Маклаков, попечитель учебного округа, губернатор, начальник гарнизона, уездный предводитель дворянства и я. После завтрака их величества посетили раненых в земском лазарете в доме Дворянского и Крестьянского банков, в лазарете тамбовского дворянства и в земском — в здании женской больницы. Перед отъездом их величества посетили А. Н. Нарышкину, о которой я писал выше, и затем напутствуемые восторженными кликами и звуками гимна ученических оркестров отбыли из Тамбова в Рязань.

Я выехал вслед, обойдя императорский поезд во время ночлега на станции Чемодановка, и приехал в Рязань в тот же вечер около 11 часов. Меня встретил губернатор Кисель-Загорянский, бывший богородский уездный предводитель дворянства Московской губернии, о котором я не раз упоминал в своих воспоминаниях, дельный и чрезвычайно добросовестный работник.

В 10 часов утра 8 декабря подошел императорский поезд к станции, красиво убранной живыми цветами и флагами. Улицы были переполнены, говорили, что до 40 000 человек пришло из уездов. На вокзале, как обычно, состоялся прием должностных лиц и депутаций в лице старшины и старосты, стояли и крестьянки в своих старинных русских нарядах — высоких головных уборах и шушпанах, в расшитых яркими цветами рубахах и паневах. Они произвели на их величества трогательное впечатление, кланялись земно, целовали руки императрице и великим княжнам, поднесли произведения своих рук: полотенца, куски холста, кружев и т. д. Государь очень доволен был этой живописной картиной в чисто русском духе и сказал им: «Вот как хорошо, носите всегда свои домашние наряды». Жена председателя Московско-Казанской ж. д. фон Мекк поднесла императрице 2500 подарков для воинов к Рождеству.

В древнем Успенском соборе их величества были встречены преосвященным Дмитрием, который в своем слове сказал: «Рязанцы, памятуя заветы преподобного Феодорита, указавшего России на необходимость избрать Михаила Федоровича Романова на царство,

остаются в эти исторические дни беззаветно преданными самодержавному царю». После краткого молебствия в соборе их величества по особому помосту прошли в древнейшую церковь Михаила Архангела мимо дома князя Олега Рязанского, чтоб поклониться гробнице архиепископа Феодорита, а затем посетили в городе сводный военный лазарет № 46, склад вещей для раненых, оборудованный на средства жены предводителя дворянства Петрово-Соловово, лазарет дворянства (где Государь обратил особое внимание на тяжело раненного при осаде Перемышля унтер-офицера Зеленцова, исполнившего в бою весьма рискованное поручение, и наградил его Георгиевским крестом 3-й степени), лазареты Красного Креста и Всероссийского городского союза [9].

В 2 часа дня императорский поезд отошел в Москву. Так окончилась первая часть высочайшего путешествия. После посещения Москвы предстояла еще поездка Государя на Западный фронт, но уже без посещения попутных городов.

Таким образом, Государь объехал почти всю матушку Россию, везде во всех городах наблюдался такой высокий искренний патриотический подъем, воспоминание о котором до сих пор вызывает в моей душе сильное волнение. Со стороны всего населения, от верхов до низов, проявлено было столько бесконечной любви и преданности к монарху, столько благоговения, что если бы в то время кто-нибудь сказал, что через 2 года будет революция и династия Романовых будет свергнута, никто бы этому не поверил. Увы! Этот необычайный подъем не учли тогда, не сумели им воспользоваться, он затуманил головы тех, которые должны были с особенным вниманием учесть его, а не предаваться беспечности, а помнить, что если народ так неудержимо высказывает свою любовь и преданность, бесконечно верит своему царю, то этим самым он и возлагает на него все свои надежды. Я не считаю себя вправе подвергать критике те или иные решения Николая II, но не могу не чувствовать в душе, что если бы ему не пришла несчастная мысль принять на себя верховное командование армией и как бы этим самым бросить на произвол судьбы внутренние дела России, то, быть может, события внутри не развернулись бы с такой быстротой.

Москва, следившая с напряженным вниманием за путешествием Государя по России и на далекий Кавказ, ждала с нетерпением радостного дня, когда Государь посетит ее. Этот день наконец настал. 8 декабря императорский поезд подошел к Александровскому вокзалу в 6 часов вечера, а за полчаса из Царского Села подошел поезд наследника цесаревича. Наследник прибыл в Москву с двумя младшими великими княжнами Марией и Анастасией Николаевнами. Они были встречены великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая и проводила их в парадные комнаты в ожидании подхода поезда Государя. Когда поезд подошел, в вагон к их величествам

вошла великая княгиня Елизавета Федоровна с наследником и великими княжнами.

Выйдя из вагона, Государь поздоровался с начальствующими лицами, стал обходить почетный караул от Алексеевского военного училища, затем пропустил его мимо себя церемониальным маршем. Войдя в парадные комнаты, их величества стали обходить встречавших и депутации. Первым стоял губернский предводитель А. Д. Самарин. Обойдя должностных лиц, Государь подошел к представителям города. Московский городской голова М. В. Челноков, первый раз по своем утверждении приветствовавший Государя, сказал речь. [...]

Государь благодарил, высказал радость по случаю вторичного приезда в Москву за время войны и сказал, что знает и видит те огромные усилия, которые сделаны городским управлением на пользу раненых. Действительно, помощь раненым в Москве поставлена была необыкновенно широко. Забывши совершенно личную жизнь, ушедшая от мира великая княгиня Елизавета Федоровна была душой всех добрых дел в Москве. К декабрю месяцу 1914 г. в Москве было до 800 лазаретов, которые за 5 первых месяцев облегчили страдания сотням тысяч раненых.

Обойдя всех встречавших, их величества вышли на подъезд. В первый автомобиль сели их величества с наследником и великой княжной Ольгой Николаевной, во второй — великая княгиня Елизавета Федоровна с остальными великими княжнами.

Как только показался царский кортеж, громовое «ура» понеслось по улицам. Энтузиазм был громадный, летели шапки, дамы махали платками, муфтами, все окна, несмотря на мороз, были раскрыты, всюду народ. По остановке у Иверской их величества въехали в Кремль, над дворцом взвился императорский штандарт.

9 декабря в здании городского Манежа состоялся высочайший смотр молодым солдатам. Они представились своему державному вождю в блестящем виде, я был поражен их молодцеватостью, несмотря на краткость обучения. Обойдя стройные ряды, Государь сказал несколько бодрящих ласковых слов молодым солдатам и поблагодарил офицеров, обучавших их, после чего при восторженных кликах «ура» отбыл из Манежа.

Днем состоялось посещение распределительно-эвакуационного пункта Красного Креста в Анненгофской роще. Их величества были встречены главноуполномоченным А. Д. Самариным, поднесшим Государю рапорт. Войдя в первый зал пункта, где принимали раненых, их величества были встречены хором детей при общине «Утоли моя печали», пропевших «Спаси, Господи».

Затем начался обход палат, наполненных ранеными, привезенными в Москву в течение последних дней. Между ними были две женщины-добровольцы. Когда все палаты были обойдены, к эвакуационному пункту подошел только что прибывший поезд имени

императрицы с ранеными солдатами, офицерами и двумя генералами. Их величества обошли весь поезд, не пропустив ни одного раненого, каждому нашлось ласковое слово.

Из распределительного пункта их величества проехали в Марфо-Мариинскую обитель, куда прибыли также наследник с младшими великими княжнами. Обойдя раненых в лазарете обители, их величества пробыли некоторое время у великой княгини и вернулись в Кремль, где Государю удостоились представиться 129-го пехотного Бессарабского полка капитан Иванов и старший унтер-офицер Березин. Ими было взято знамя 31-го австрийского Гонведского полка, которое они и представили Государю, который пожаловал Березину золотые часы, боевые награды они уже получили ранее.

Так как Государю не было никакой возможности объехать все госпитали г. Москвы, то по высочайшему повелению в те госпитали, которые Государь посетить не мог, были командированы лица Свиты — генерал-адъютант Нилов, Гринвальд, Николаев, Свиты генерал-майор князь Долгоруков, граф Граббе, Ресин и я и флигель-адъютанты граф Шереметев и Саблин. На обязанности нашей лежало приветствовать раненых от имени Государя, поблагодарить их за службу и тяжело раненных именем Государя наградить Георгиевскими медалями, для чего нам давался перечень тех лазаретов, кои нам повелевалось посетить, и соответствующее число медалей всех четырех степеней. По исполнении сего повеления, мы обязаны были представить подробный отчет. На мою долю выпало три лазарета, среди них и лазарет, устроенный при Императорской Московской практической академии, попечителем коей я состоял. Об этом посещении лазарета было описано в кратком отчете по ведению лазарета за декабрь 1914 г. [...] Выполнение такой исключительно почетной командировки доставило мне огромное удовлетворение.

10 декабря в городском Манеже опять состоялся высочайший смотр молодым солдатам 2-й очереди, а около 11 часов Государь посетил Александровское военное училище, присутствовал на лекциях артиллерии, уставов и фортификации, беседовал со многими юнкерами, особенное внимание обратил на имевших Георгиевские кресты и поступивших в училище для подготовки на офицера. Их Государь подробно расспрашивал о подвигах, за которые они награждены. Обойдя классы, Государь направился в лазарет для раненых, содержавшийся на средства офицеров и юнкеров. Снявшись в группе с офицерами и юнкерами, Государь, восторженно провожаемый, отбыл из училища.

Днем их величества посетили 7-й передовой отряд Всероссийского земского союза, представлявший собой как бы подвижный врачебно-питательный пункт. Этот отряд должен был на днях отбыть на передовые позиции. Весь персонал отряда состоял из 400 человек. Осмотрев подробно все отделы отряда и снаряжение его, их величе-

ства с семьей отбыли в село Всехсвятское для осмотра Сергиево-Елизаветинского убежища — этого детища великой княгини Елизаветы Федоровны и посетили раненых в лазарете при нем. В этом убежище две палаты содержались исключительно на средства чинов вверенного мне Корпуса жандармов.

Из Всехсвятского их величества проехали в Петровский дворец, где был устроен лазарет императорской фамилии, так же как и в Потешном дворце в Кремле. Около дворца осмотрели отправлявшийся на передовые позиции 28-й летучий санитарный отряд Московского автомобильного общества, а по дороге в Кремль осмотрели еще отряд автомобилей, работавших в Москве по эвакуации раненых.

В 9 часов вечера в Большом Кремлевском дворце состоялся высочайший прием депутаций в Андреевском зале. Первая депутация во главе с преосвященным Дмитрием, епископом Можайским, — от Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по устройству богослужений и собеседований для раненых и команд выздоравливающих, вторая — от управления главноуполномоченного Красного Креста во главе с генералом Мерчанским, от Московской городской организации помощи больным и раненым во главе с М. В. Челноковым, от Московского губернского комитета Земского союза во главе с Ф. М. Шлиппе, от соединенного комитета Биржевого и Купеческого обществ во главе с Г. А. Крестовниковым и т. д., — все от разных организаций помощи раненым. Каждая депутация подробно докладывала Государю о своей организации, о ходе деятельности, представляли статистические данные, демонстрировали картограммы, показывали снимки, образцы и т. д., таким образом перед глазами Государя наглядно обрисовалась вся широкая деятельность всевозможных московских организаций.

Выслушав всех, Государь в самых сердечных выражениях благодарил за плодотворную деятельность, итоги которой он только что видел, и пожелал дальнейшей столь же дружной объединенной работы. При громовых кликах «ура» всех членов депутаций Государь покинул зал и вернулся во внутренние покои.

11 декабря состоялся третий смотр молодым солдатам, после чего Государь поехал в Сокольники в Суворовский кадетский корпус, эвакуированный из Варшавы и устроенный в казармах гренадерского саперного батальона. Государь прибыл в корпус без предупреждения, кадеты находились в столовой за обедом. Государь вошел прямо в столовую и, поздоровавшись с кадетами, приказал им сесть и продолжать обед. Затем состоялся осмотр всех помещений, к этому времени прибыл генерал-инспектор военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович. Пока происходил осмотр помещений, кадеты были выстроены во дворе, и Государь, выйдя из казарм, под звуки гимна обошел ряды счастливых кадет, так неожиданно увидавших у себя Государя.

Днем их величества посетили огромный лазарет Биржевого и Купеческого обществ на Солянке, обход лазарета занял три часа времени, в самом начале Государь и императрица посетили почти умирающего подпоручика 8-го гренадерского полка Жандармова, около него сидела его старушка мать. Он был ранен в руку, и ему было ампутировано плечо. Он страшно, как рассказывала сестра, волновался, что не доживет до посещения Государя. Он не знал, как выразить свое счастье, что видит их величеств. Императрица села к нему на кровать и утешала его, у него лились слезы из глаз, и он все время шептал молитвы.

Утро 12 декабря Государь посвятил военно-учебным заведениям — Алексеевскому военному училищу, Первому кадетскому императрицы Екатерины II, Второму императора Николая I и Третьему императора Александра II корпусам, а днем состоялось посещение раненых в Потешном дворце, в устроенном там лазарете, после чего их величества отправились с великой княгиней Елизаветой Федоровной и детьми на Якиманку в лазарет раненых Коншиной.

Вечером Государь посетил митрополита Макария в Троицком подворье. Я в этот день никуда не сопровождал Государя, так как согласно высочайшего повеления объезжал порученные мне лазареты и раздавал от имени Государя тяжело раненным Георгиевские медали, о чем я говорил выше.

В 9 часов вечера состоялся отъезд их величеств из Москвы при колокольном звоне всех церквей, оглушительных кликах «ура» народа, стоявшего сплошной стеной по всему пути следования их величеств с августейшими детьми от Кремля по Тверской к Александровскому вокзалу. К вокзалу был подан императорский поезд, в который вошла императрица с августейшими детьми, поезд отошел в Царское Село. Затем был подан второй поезд, в котором Государь направился в Ставку к Верховному главнокомандующему.

Я выехал вслед и приехал в Ставку несколькими часами после Государя.

14 декабря в Ставке по случаю воскресного дня отслужена была обедня в присутствии Государя, великого князя, чинов Штаба, Свиты и приехавшего в этот день Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина с докладом к Государю. Затем происходили совещания с Председателем Совета Министров и целым рядом лиц, прибывших для сего в Ставку.

Я пробыл в Ставке сутки, имел большой разговор с Янушкевичем по поводу шпионажа, который очень озабочивал великого князя. Вследствие этого разговора я отдал приказ по Корпусу за № 409: «В переживаемое нашей Родиной время, когда враги, с которыми Россия ведет упорную борьбу, стремятся сокрушить ее мощь, не брезгуя при этом никакими средствами, особое значение приобретает борьба с шпионством. Многие факты указывают на то, что сеть шпионской организации широко раскинулась по нашим при-

граничным губерниям и что осведомительная работа ведется шпионами весьма тщательно.

Хотя Отдельный корпус жандармов не призван непосредственно к борьбе со шпионажем, каковая возложена на существующие при штабах военных округов контрразведывательные, а при штабах армий — разведывательные отделения, но тем не менее чины Корпуса, обязанные оказывать чинам помянутых отделений всяческое содействие, могут, по самому существу своей службы, оказать громадную пользу делу борьбы со шпионством. Немедленное ознакомление чинов контрразведывательных и разведывательных отделений со всеми сведениями, кои дают намеки на шпионство, тщательная разработка поступающих от помянутых чинов данных, широкое содействие в деле раскрытия и ликвидации шпионских организаций могут оказать самое серьезное влияние на достижение наиболее успешных результатов в этой борьбе.

Обращаясь ко всем чинам Корпуса с призывом к дружной и разумной работе по делам о шпионстве, предлагаю особенно внимательно и вдумчиво отнестись к выполнению приказа по Корпусу сего года за № 17, чему я придаю самое серьезное значение в переживаемое военное время».

Получив все нужные указания по поездке Государя к войскам гвардии, сосредоточенным на отдыхе близ Гарволина, я выехал туда. Я знал, что среди войск гвардии находится и родной мне Преображенский полк, и потому ехал с особенно нетерпеливо радостным чувством увидеть своих товарищей, которые пережили ряд крупных боев. Встреча была чрезвычайно радостная.

Проведя весь вечер на биваке Преображенского полка, я вернулся ночевать в свой вагон на станции Гарволин. На следующий день, как только начало рассветать, на огромном поле, покрытом снегом, уже были расставлены полки 1-й гвардейской дивизии во главе с преображенцами, несмотря на 5 месяцев непрерывных кровопролитных боев сохранивших вполне историческую характерную красоту своего строя. В 8 часов подошел императорский поезд. Государь вышел из вагона и направился к своей гвардии. Звуки Преображенского марша, сменившегося гимном, клики «ура», боевые, гордые неслись по полю, пока Государь обходил свои войска.

С волнением и восхищением смотрел я, как преображенцы геройски, с каким-то достоинством, не лишенным в то же время скромности, проходили мимо своего вождя. За преображенцами следовали и другие полки дивизии, затем были вызваны все заслужившие «Георгия», и Государь собственноручно вручал каждому по кресту, расспрашивая о подробностях подвига, какой роты, давно ли в полку и т. д. Словами трудно передать, с каким восторгом отвечали солдаты Государю, какими, можно сказать, влюбленными глазами смотрели они на него.

Из Гарволина Государь проехал в Ново-Минск, там состоялся

смотр гвардейской стрелковой бригады, затем в Седлец — 2-й гвардейской пехотной дивизии и Атаманскому казачьему полку. Окончив смотр войскам гвардии, простившись с ними и сказав на прощание: «Я знал, что вы будете драться геройски, но вы превзошли мои ожидания», Государь принял доклад генерала Рузского в Седлеце и отбыл в Царское Село, куда приехал 19 декабря.

Проводив Государя, я проехал в Варшаву, по делам службы заехал в Радом и вернулся в Петроград 21 декабря.

Во время моего отсутствия из Петрограда скончался министр народного просвещения Кассо. Он умер 49 лет, тяжко проболев в течение 2 месяцев. Перед моим отъездом я его навестил в больнице, он был уже очень плох. Л. А. Кассо был хорошим профессором и отличным директором Лицея цесаревича Николая, когда я с ним и познакомился. Его многие травили, бранили в бытность его министром народного просвещения, но я считаю эти все нападки на него несправедливыми и незаслуженными. Уходя, он оставил, во всяком случае, более легкое наследие, чем то, которое он получил. Не прибегая к крутым мерам, Кассо несомненно достиг порядка в высших учебных заведениях, достиг своей твердостью. Он поддерживал все, что шло на благо просвещения, преступление же против науки из-за каких-то политических веяний оценивал как таковое. Мне лично было очень жаль, что такой безукоризненно честный и весьма благонамеренно настроенный человек так рано ушел в могилу, и было досадно, что многие его не понимали или, вернее, не хотели понять.

Так кончился 1914 г., война была в полном разгаре, мысли всех тянулись туда, где решалась судьба не только России, но и всей Европы.

Глава 11

1915 год

Катастрофа на 6-й версте от Петергофа — столкновение пассажирского поезда на Царскосельской ж. д. с товарным. — Новые меры относительно иностранных подданных воюющих с нами держав. — Приказ Верховного главнокомандующего о прокламациях противника. — Назначение П. В. Игнатьева министром народного просвещения. — Государственная Дума, Бюджетная комиссия. — Открытие Государственной Думы. — Дело о Бурцеве в Особом присутствии Петроградской судебной палаты. — Поездка Государя в действующую армию и по городам на юге России. — Вновь учрежденное Жандармское управление в Галиции. — Отчет по командировке офицера Корпуса жандармов за границу, в пределы враждебной Германии. — Особое присутствие Петроградской судебной палаты по делу членов Государственной Думы Петровского, Бадаева и др. — Уход Тимашева. — Поездка в Гельсингфорс и Торнео. — Поездка в действующую армию. — Взятие Перемышля. — Кончина графа С. Ю. Витте. — Казнь Мясоедова, обвиненного в шпионстве. — Праздник Пасхи, инцидент с князем Андронниковым. — Кончина графа С. С. Татищева. — Посещение Государем Путиловского завода. — Усиление полевых жандармских эскадронов нижними чинами Корпуса жандармов. — Путешествие Государя на юг России и в Галицию. — Взрыв на Охтенском заводе взрывчатых веществ. — Поездка моя в Москву. — Поездка в Ставку. — Назначение князя Юсупова главноначальствующим г. Москвы и главным начальником Московского военного округа. — Кончина командующего Балтийским флотом фон Эссена. — Распутин. — Переписка с Юсуповым и московские беспорядки. — Депеша Челнокова. — Кончина великого князя Константина Константиновича. — Уход Маклакова. — Кончина графа А. В. Олсуфьева. — Донесение Туркестанского охранного отделения и отношение Персии к России. — Спуск на воду броненосного крейсера «Измаил» с верфи Балтийского завода. — Отъезд Государя в Ставку. — Назначение генерала Рузского на место фон дер Флита. — Поездка в Ставку. — Уход Щегловитова и Саблера. — Назначение Хвостова и Самарина. — Назначение Куломзина Председателем Государственного Совета. — Донесения по Департаменту полиции и Корпусу жандармов в связи с военным временем. — Съезд деятелей Всероссийского союза городов в Москве. — Спуск на воду линейного крейсера «Бородино». — Эвакуация Варшавы. — Годовщина со дня объявления войны. — Увольнение Юсупова от должности главноначальствующего. — Оставление Варшавы. — Назначение Верховной следственной комиссии о выяснении деятельности Сухомлинова. — Моя поездка в Курскую губернию. Начавшаяся против меня травля. — Прибытие в Петроград первой партии инвалидов из Германии. — Назначение П. В. Истомина обер-прокурором Синода. — Мой отъезд в Ставку. — Поездка в Ригу за семьей Зейме. — Заседание в Думе; выступление социал-демократической фракции. — Донесения о Распутине. — Мое увольнение от должности.

Новый год Россия встречала при некотором затишье, на фронтах происходили только отдельные случайные атаки с той или с другой стороны. Как всегда при наступлении Нового года у каждого невольно рождался вопрос, что-то принесет он нашей Родине, так же и теперь каждый думал об этом. Ничего определенного сказать нельзя было, но было ясно, что начатая Германией война, невиданная, страшная, беспощадная, не оставит камня на камне в том, что существовало, как казалось, с вечной прочностью в XIX столетии и в начале XX века. Всем казалось, что тогдашние границы государств будут заменены другими. Червонная Русь, как исконное достояние Св. Владимира, была уже воссоединена с Всероссийским государством, и все хотели жить надеждой, верить, что переход от германизма к славянству состоится, что Германия не будет уже ставить себя «über Alles»*. С этими мыслями и встречали все Новый год, хотя отлично сознавали всю трудность выдержать борьбу до конца, сознавали внутренние неурядицы, тормозившие работу на фронтах, и это вызывало немалую тревогу.

В перый день Нового года у меня состоялся завтрак, на который я пригласил всех начальников отдельных частей, подведомственных мне, и моих ближайших сотрудников.

На другой день, 2 января, около 6 часов вечера мне сообщили по телефону с Царскосельского вокзала, что на 6-й версте от Петрограда произошла железнодорожная катастрофа с человеческими жертвами. Получив это известие, я тотчас выехал на место крушения. Приехав на Царскосельский вокзал, я узнал подробности: из Царского Села шел пассажирский поезд пригородного сообщения и, не доезжая 6-й версты, столкнулся с товарным, шедшим ему навстречу. Произошло это благодаря оплошности машиниста, который вышел со своим поездом с товарной станции, не обратив внимания на закрытый семафор, и вследствие этого, пересекая железнодорожные пути, попал навстречу пассажирскому поезду. Увидя приближение его, машинист взял тормоза и соскочил с паровоза, поломав себе при этом обе ноги. При столкновении оба паровоза врезались друг в друга, багажный вагон и два классных разбились в щепы, еще 4 вагона были повреждены. Убито было 4 человека, тяжело раненных 10 и легко — около 40.

Получив эти сведения, я отправился на императорскую ветку, откуда должен был отойти поезд к месту катастрофы. Было уже темно, когда я прибыл на место, горели костры, при свете которых и производились работы. Среди тяжело раненных оказалась А. А. Вырубова [1], которую отнесли в ближайшую будку стрелочника. У нее были переломаны обе ноги, она страшно кричала от нестерпимых болей, так как, кроме того, у нее был измят живот, ее с трудом вытащили из-под обломков. Вскоре из Царского Села по повелению императрицы прибыла женщина-врач княгиня Гедройц,

* Над всеми *(нем.)*.

главный врач Царскосельского лазарета императрицы. Осмотрев Вырубову, она нашла ее состояние настолько тяжелым, что просила немедленно вызвать ее родителей, так как, по ее мнению, Вырубовой осталось жить всего несколько часов, и потому перевозить ее в госпиталь не имело уже смысла.

В этой же сторожке, рядом, в другой каморке, лежал раненый конвоец, тоже очень тяжело. Остальных раненых отправили уже в другие места, больницы и приемный покой.

Родители Вырубовой, Танеевы, приехали при мне, а затем пришел поезд с санитарным вагоном и с повелением императрицы перевезти А. А. Вырубову в Царское Село.

Обозревая место катастрофы и проверяя работу подведомственных мне чинов, я был весьма неприятно поражен отсутствием должной распорядительности с их стороны и не мог не обратить также внимания на полную растерянность со стороны служебного персонала дороги, отсутствие медицинской помощи и медикаментов. [...]

Вырубову перевезли в Царское Село, поместили в госпиталь для раненых имени императрицы, она была обставлена самым внимательным, заботливым уходом, благодаря чему она осталась жива, но проболела все же очень долго, оставшись калекой на всю жизнь: без посторонней помощи и без костылей она обходиться не могла. Длительное ее пребывание в Царскосельском госпитале повлекло за собой почти постоянное присутствие в нем Распутина, который был вызван из Покровского Тамбовской губернии, где он тогда находился. Распутин тотчас выехал и навестил ее в госпитале первый раз 9 января, после чего приезжал к ней почти ежедневно, что вызывало, конечно, разные нежелательные толки, пересуды и являлось большим соблазном для всего госпиталя. Он позволял себе разгуливать и среди палат раненых, помещавшихся в этом же госпитале, что вызывало среди некоторых из них негодование; были случаи, что раненые офицеры просили его удалиться из их палаты. К сожалению, императрица не понимала создавшегося положения или не хотела понять, и Распутин вел себя в госпитале все более и более развязно, благодаря чему среди раненых офицеров началось даже брожение и многие стали просить их выписать.

Такое постоянное пребывание Распутина в Царском Селе явилось причиной еще большего наплыва к нему посетителей, которые являлись к нему за разными благами. В течение месяца, с 9 января до 9 февраля, несмотря на то, что Распутин большую часть времени проводил в Царском, у него на квартире в Петрограде перебывало разных лиц — 53 человека, посещений же было 253. Среди них и такие лица, как генерал-адъютант Ренненкампф и графиня Витте, посетившая Распутина два раза, причем после одного из ее посещений артельщик барона Гинсбурга принес ему 1000 руб., как оказалось, от графа Витте, очевидно за какую-нибудь заслугу, оказанную этому последнему.

Все это было более чем грустно. Вследствие несчастья с Вырубовой дворцовый комендант Воейков ничего не нашел сделать лучшего, как обратиться с предложением к железнодорожному начальству Царскосельской ж. д. изменить порядок состава пригородных поездов между Петроградом и Царским Селом с тем, чтобы вагоны первого класса для безопасности были прицепляемы всегда в конце поезда, а не за багажным вагоном, как это имело место при катастрофе 2 января. Говорили, что он мотивировал это желанием императрицы. До этого времени порядок состава поездов был всегда один. От Петрограда поезда отходили, имея за багажным вагоны третьего класса, затем второго и наконец первого; от Царского же Села тот же состав шел обратным порядком, имея сначала первый, затем второй и в хвосте третий класс. Вследствие заявления Воейкова поезда стали пересоставлять, и вагоны третьего класса в обоих направлениях ставились во главе поезда. Публика, конечно, сразу это заметила, началось недовольство, посыпались разные нежелательные замечания. Некоторые пассажиры первого класса, хотевшие показать себя несолидарными с таким распоряжением, стали демонстративно садиться в вагоны третьего класса. Среди них были и лица ближайшей свиты Государя. Когда мне об этом доложили, я просил министра Н. А. Маклакова возбудить об этом скандальном, с моей точки зрения, распоряжении вопрос в Совете Министров. Совет Министров стал на здравую точку зрения, министру путей сообщения поручено было восстановить старый порядок.

Вся текущая работа по штабу и Департаменту сводилась, главным образом, к переписке по части иностранных подданных воюющих с нами держав. Она отнимала очень много времени и требовала громадного напряжения, разбираться было очень трудно, так как слишком много было хозяев в этом деле.

По Министерству внутренних дел дела об иностранных подданных были сосредоточены в двух департаментах, подведомственных двум разным товарищам министра, что влекло за собой двойственность: дела по переходу в русское подданство разрешались в Департаменте общих дел, по высылкам же — в Департаменте полиции, между тем все они, с принципиальной точки зрения, были тесно связаны друг с другом. Кроме того, как я уже говорил выше в своих воспоминаниях за 1914 г., распоряжения по всем этим делам исходили также и от военного министра, и от Верховного главнокомандующего, и от органов, подведомственных им, причем они часто шли вразрез с таковыми же распоряжениями Министерства внутренних дел. Приходилось прислушиваться и туда, и сюда, лавировать, сглаживать недоразумения. Затем, часто Совет Министров отменял те или иные положения, выработанные уже для иностранных подданных, чем нарушалась последовательность. Все это от-

ражалось на деле. Одним словом, не было твердой программы, которой бы держалось правительство относительно подданных воюющих держав, все носило случайный характер под влиянием минуты или какого-нибудь события, а иногда даже и непроверенных слухов, сплетен.

В своих воспоминаниях за 1914 г. я писал о мерах, кои были приняты мною относительно денег и ценностей, вывозимых за границу подданными воюющих с нами государств, когда я приказал секвестировать обнаруживаемые у них русские деньги и иностранную валюту свыше 150 руб. в общей сумме. Между тем в ноябре месяце обнародован был закон, выработанный Советом Министров, которым разрешалось вывозить за границу денег и ценных бумаг, серебра, золота и платины на сумму не более 500 руб., а серебряных, золотых и иных драгоценных вещей в количестве до трех фунтов на каждое лицо, серебряных, бывших в употреблении, — без ограничения, и галантерейных ценных вещей — по две штуки каждого наименования. Когда я ознакомился с этим, не ожиданным для меня законоположением, то был крайне смущен. Я подумал, что это, быть может, недоразумение или что я не так понимаю смысл этого закона, что он, вероятно, касается вообще выезжающих за границу русских или иностранцев союзных с нами держав, я никак не думал, что подобного рода льготы могли быть предоставлены подданным вражеских государств. Поэтому я вошел к министру с докладом, прося выяснить в Совете Министров, как понимать этот закон. К моему удивлению и сожалению, Совет Министров дал разъяснение, клонившееся в пользу иностранных подданных воюющих с нами держав. Соответственно этому пришлось жандармскому надзору пограничных пунктов дать новые директивы.

В средних числах января последовало распоряжение Верховного главнокомандующего о воспрещении пребывания германским и австрийским подданным в районе 100-верстной прибрежной полосы Рижского, Финского и Ботнического заливов. Район этот был объявлен российским укрепленным местом, и проникновение в него влекло за собой юридические последствия по всей строгости законов военного времени.

Одновременно с этим было предложено всем подданным воюющих держав, за исключением задержанных военнообязанных, выехать в определенный срок из пределов империи, с тем, чтобы те из них, кои не подчинились бы такому требованию, были выселены в определенные пункты по указанию Министерства внутренних дел. Исключение допускалось в нижеследующих случаях: 1) при принадлежности к славянским народностям и доказанном французском или итальянском происхождении, 2) при исповедании православной веры германцами и австро-венграми и одной из христианских религий турками, 3) нахождении в качестве призреваемого в богадельне,

4) возвращении в русское подданство матерей малолетних и несовершеннолетних неприятельских подданных до 18-летнего возраста, а равно проживании последних, не имевших родителей, у родственников из числа подданных России или не воюющих с нами, 5) необходимости в отдельном неприятельском подданном для военных надобностей и 6) нахождении на излечении в больнице или временном на дому заболевании, если невозможность выезда была удостоверена комиссией из трех врачей.

В конце 1914 г. Департаментом полиции было приступлено к обследованию австрийских и германских предприятий в России, причем особенное внимание к себе возбудила фирма «Гергард и Гей». Фирма эта была основана германцем, и во главе всех отделений в России стоял германский подданный Эльснер, успевший выехать за границу перед самым началом войны; фирма эта, как удостоенная высочайшего утверждения, считалась официально русской и стояла даже близко к транспортированию военных грузов по русским железным дорогам, в действительности же обслуживала исключительно германские интересы, являясь предприятием всецело германским. Производя весьма крупные операции по скупке и экспорту русского сырья, фирма совершенно не стеснялась при этом в средствах, черпая таковые, по-видимому, из германских источников, успев захватить в свои руки преобладающую роль в транспортных и экспедиционных операциях в России.

В Петроградском отделении фирмы, являвшемся, по-видимому, главным для многочисленных остальных отделений в России, из общего состава служащих было 60% немцев, а из этого числа 3/4 прибалтийских и 1/4 иностранных — военнообязанных. При этом немцы в этом отделении пользовались со стороны администрации фирмы бóльшими преимуществами и поощрением по сравнению с русскими. В отделении этом, как установлено было, велась даже особо конспиративными способами какая-то совершенно секретная специальная переписка.

Казанское отделение фирмы, поддерживавшее торговые и транспортные сношения с Гамбургом чрез Стокгольм, успело создать себе настолько привилегированное положение, что пользовалось русскими железными дорогами для отправки своих грузов за границу даже тогда, когда наши боевые грузы в этом отношении испытывали затруднения.

Негласным обследованием деятельности Одесского отделения этой фирмы было установлено, что в составе сего отделения находились 9 подданных воюющих с нами держав, в том числе двое привлекавшихся в судебном порядке по 3 и 4 пунктам 124 статьи Уголовного уложения. Независимо от сего было дознано, что отделение это доставляло болгарскому и румынскому правительствам груз, имевший военное значение, и состояло в постоянных сношениях с австрийской фирмой «Шенкер» в Софии, занимавшейся транспор-

тированием германских боевых припасов в Турцию, и даже являлось представителем этой последней. Ставшие во главе этого предприятия взамен немцев евреи тоже не вполне были свободны от подозрений в разведческой деятельности, русские же занимали должности только низшие. Ввиду сего Одесское отделение означенной фирмы, имевшей около 30 отделений в разных местностях, было по постановлению одесского генерал-губернатора от 18 ноября 1914 г. закрыто в порядке «Правил о местностях, объявленных на военном положении», на все время состояния г. Одессы в этом положении.

При этом, однако, генерал-губернатор не мог, конечно, оставить без должного внимания финансовую сторону вышеозначенной репрессивной меры как могущей поставить в тяжелое положение многочисленных ни в чем не повинных клиентов фирмы, крупнейшего в России экспортного и экспедиционного предприятия, и вообще создать пагубные последствия для интересов отечественной торговли и промышленности; устранение же этих последствий связано было с целым рядом сложных юридических вопросов, единообразное разрешение коих для всех в империи отделений являлось настоятельно необходимым.

По сообщению начальника жандармского управления г. Одессы, после принятия генералом от инфантерии Эбеловым означенной меры, от доверенных, служащих, частных лиц, клиентов и Одесского биржевого комитета стали поступать прошения об открытии отделения; при обследовании приводимых просителями утверждений полковник Заварзин установил, что § 1 устава общества представлял собой замаскированное превращение общества из предприятия известного собственника в предприятие анонимное, с ответственностью, ограниченной акционерным капиталом, и что в данном случае фирма «русского» акционерного общества, значительно более удобная для деятельности в России, лишь прикрыла германское предприятие. Хотя правление и состояло из русскоподданных (правда, исключительно немцев по происхождению), но избрано оно было лишь в ноябре 1914 г., и тот факт, что именно в ноябре понадобилось избрать весь состав правления, ясно доказывал, что до того во главе общества стояли исключительно немцы, которых пришлось спешно заменить.

Ввиду учреждения при Министерстве торговли и промышленности, согласно высочайше утвержденному особому журналу Совета Министров от 14 ноября 1914 г., Совещания для обсуждения вопроса об установлении мер наблюдения за поступлением и расходованием денежных сумм по акционерным обществам, образованным в Австро-Венгрии, Германии и Турции, а также обследования австрийских и германских предприятий в России, все сведения о фирме «Гергард и Гей», по надлежащей переработке, я сообщил письмом от 18 минувшего января министру торговли тайному совет-

нику Тимашеву с просьбой внести на рассмотрение Совещания вопрос о полном закрытии всех отделений фирмы, дабы тем пресечь ее безусловно вредную и опасную для России деятельность. Таким образом, фирма эта была ликвидирована.

В это же время вверенный мне пограничный жандармский надзор в Торнео обратил внимание и донес мне о громадном количестве вывозимого из России в Швецию хлеба и других продуктов. Приказав мне присылать ежедневные ведомости о следовании грузов чрез финлядскую границу, я не мог не поразиться крупными цифрами вывоза. За неделю в январе было вывезено муки 195 628 кило, овса — 29 150, сена — 32 472, яиц — 17 280 штук, и это в то время, когда в России начинала чувствоваться острая продовольственная нужда. Все эти цифры я препроводил в Совет Министров, составив памятную записку для министра внутренних дел.

Описывая в своих воспоминаниях за 1914 г. недостойные действия германцев и австрийцев, как бы от имени нашего Государя разбрасовавших прокламации среди наших войск, я приводил и самые тексты этих летучек и листков; и в наступившем году немцы продолжали это гнусное дело. Поэтому Верховный главнокомандующий решил обратиться со следующим приказом к войскам: «Наши противники за последнее время стали прибегать к различного рода прокламациям и обращениям к войскам и населению района военных действий, призывающих к прекращению войны и к миру. Австрийцы перешли в этом отношении всякие пределы наглости и высшей преступности. Из австрийской армии нарочно назначенные нижние чины разбрасывают среди наших войск прокламации, в которых обнаглелые враги дерзают обращаться, якобы от имени священной особы Государя императора и как бы за его подписью, к вам, доблестные сыны России. Всякий верноподданный знает, что в России все беспрекословно повинуются, от Верховного главнокомандующего до каждого солдата, единой священной и державной воле помазанника Божия, нашего горячо обожаемого Государя императора, который един властен вести и прекратить войну. Наш враг, не рассчитывая больше на силу своего оружия и на успех на поле брани, задумал гнуснейший подлог, совершая тем самым преступное дело. Знайте, русские чудо-богатыри, что только полное нравственное разложение и окончательное сознание невозможности дальше бороться в честном бою с оружием могли побудить врагов на такое неслыханное, низкое преступление. Твердо верю, что с Божьей помощью наша победоносная армия своими подвигами в предстоящих боях сумеет дать должный ответ недостойному противнику. Повелеваю: всех лиц, захваченных с подобными прокламациями, предавать немедленно полевому суду для суждения со всей строгостью законов военного времени как государственных преступников. Генерал-адъютант Николай».

9 января на место скончавшегося министра народного просвещения назначен был граф П. Н. Игнатьев. До этого он был товарищем министра земледелия и на этой должности снискал к себе всеобщее уважение, так что его назначение встречено было общим сочувствием. В Совете Министров он оказался самым молодым, ему было всего 44 года. Это был честнейший и благороднейший человек, очень хорошо образованный, доброжелательный и весьма доступный.

12 января в Государственной Думе начались занятия Бюджетной комиссии и продолжались до 16 числа. В первый день шли общие прения, присутствовали представители всех ведомств; мне лично пришлось выступать два раза: по поводу библиотек Вольного экономического общества, предназначенных для отправки в армию и не допущенных к пересылке, и по поводу имевших место случаев овации германским пленным. Я доложил, что библиотеки составлены были тенденциозно, привел перечень книг, находившихся среди них, из коих многие были чисто агитационного характера, и потому безусловно допущены быть не могли; что же касается случаев оваций германским пленным, то таковые, к прискорбию, действительно имели место, но каждый раз они влекли за собой должное возмездие.

27 января состоялось торжественное открытие общих собраний Думы после перерыва. Министр иностранных дел Сазонов произнес длинную обстоятельную речь о международном положении. Как только он появился на трибуне, его наградили шумными овациями и затем несколько раз прерывали его речь знаками одобрения; когда же он, окончив речь, сходил с кафедры, в думском зале раздались такие единодушные аплодисменты, каких Дума давно не слыхала.

После Сазонова выступил ряд ораторов различных фракций, после чего единогласно принята была следующая формула: Государственная Дума преклоняется перед доблестными подвигами наших воинов, посылает горячий привет армии и флоту, шлет нашим союзникам дань искреннего уважения и сочувствия, высказывает твердую уверенность в достижении великих национальных и освободительных задач войны и заявляет о непреклонной решимости русского народа вести войну до тех пор, пока не будут предписаны врагу условия, обеспечивающие мир Европе и восстановление права и справедливости.

20 января в Особом присутствии Петроградской судебной палаты с участием сословных представителей в закрытом судебном заседании слушалось дело о сыне штабс-капитана Владимире Львовиче Бурцеве, обвинявшемся в преступлении, предусмотренном 1 частью 103 статьи Уголовного уложения. Председательствовал сенатор И. С. Крашенинников, обвинял товарищ прокурора Ненарокомов. Владимир Львович Бурцев, будучи в возрасте всего 22-23 лет, проявил уже себя настолько революционером, что в 1886 г. по

исследовании его преступной деятельности был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на четыре года. Учинив в 1888 г. побег из ссылки за границу, он немеленно вступил там в среду русских политических эмигрантов наиболее крайнего направления, причем в дальнейшей своей деятельности, непрерывно продолжавшейся свыше 25 лет, выказал себя непримиримым врагом существовавшего в России государственного строя.

Лично придерживаясь Партии Народной воли [2] , проявившей себя цареубийством 1 марта, Бурцев в 1893 г. организовал в Цюрихе самостоятельный народовольческий кружок, члены коего усиленно занимались тайным водворением в Россию издаваемых за границей брошюр и листовок возмутительного содержания. Скромная, однако, роль руководителя всего лишь одного тайного кружка далеко не удовлетворяла честолюбивых замыслов Бурцева как революционера, и потому он, использовав свойственный ему дар писателя, с 1894 г. выступил в качестве идейного вдохновителя революционного лагеря на поприще широкой политической деятельности, конечной целью коей являлось неустанное стремление к насильственному ниспровержению монархического образа правления в России. В этих видах, предприняв в Лондоне издание русского революционного журнала «Народоволец», он стал в оном настолько открыто и упорно проводить мысль о необходимости осуществления злодейского посягательства на Государя, что в 1898 г. был привлечен в Англии к судебной ответственности по обвинению в подстрекательстве к цареубийству и приговорен Центральным уголовным судом в Лондоне к каторжным работам на 18 месяцев.

По отбытии этого наказания Бурцев не отрешился от прежней своей террористической программы и, переселившись в Швейцарию, продолжал издательскую деятельность в том же направлении, причем в выпускаемых им в свет произведениях печати настаивал на беспощадном применении в России систематического центрального террора как подготовительной меры для возбуждения в стране общей смуты и поднятия всенародного вооруженного восстания. Не ограничиваясь тем, он, с целью преподать революционно настроенным в России элементам технические указания по устройству вооруженных демонстраций, сочинил в этом смысле и издал брошюру под заглавием «К оружию!». Таковая деятельность Бурцева была признана даже в Швейцарии совершенно нетерпимой, вследствие чего он, как автор сочинений, носивших все признаки анархического учения, в 1903 г. по распоряжению местных властей был выслан из пределов этого государства.

Спустя некоторое время, ввиду переезда его в Париж, и правительство Французской республики предполагало подвергнуть Бурцева, как рьяного проповедника анархического учения, высылке из пределов Франции, причем мера эта не была приведена в исполнение только потому, что Бурцев добровольно покинул Францию.

По воспоследовании высочайшего указа Правительствующему Сенату 21 октября 1905 г. Бурцев, узнав, что уголовное преследование против него не могло уже быть возбуждено по поводу прежней его преступной деятельности, прибыл в Россию с намерением личным своим влиянием вызвать оживление в противоправительственных кругах и, войдя в непосредственные сношения с наиболее выдающимися революционными деятелями, направил все свои усилия на подготовление в империи вооруженного восстания. Когда же замысел этот, благодаря принятым чрезвычайным мерам, потерпел полное крушение, то Бурцев, не рассчитывая на возможность далее оставаться безнаказанным в России, поспешил перенести свою деятельность вновь за границу, куда и выбыл в начале 1907 г.

Вслед за тем он принял участие в организации среди эмигрантов кружков с определенным террористическим направлением и независимо от сего проявил в высшей степени энергичную деятельность по обнаружению лиц, содействовавших русскому правительству в деле политического розыска, причем результаты таковой своей разоблачительной деятельности опубликовывал в издававшейся в Париже с октября 1911 г. под его редакцией газете «Будущее» [3].

В то же время он совершал поездки по разным городам Европы, причем, устраивая повсюду публичные лекции, подвергал резкой критике действия русского правительства и дерзко порицал царствующего императора. Такого же характера статьи, автором коих являлся Бурцев, были неоднократно помещаемы и на страницах газеты «Будущее».

С объявлением нынешней войны Бурцев решил прибыть в Россию, причем предварительно в разных заграничных изданиях причиной этого приезда выставил свое стремление содействовать объединению русских общественных сил в борьбе с немцами. Но так как факт напечатания им в газете «Будущее» ряда оскорбительных для Государя статей не мог остаться безнаказанным, Бурцев, по прибытии в пределы империи, был подвергнут задержанию и передан в распоряжение прокурора Петроградской судебной палаты, по предложению которого было возбуждено предварительное следствие по обвинению Бурцева в преступлении, предусмотренном 1 частью 103 статьи Уголовного уложения.

Особым присутствием Петроградской судебной палаты Бурцев признан был виновным в том, что в 1913 г., будучи русским подданным и состоя редактором издававшейся им в Париже газеты под названием «Будущее», в номерах 43 от 4 мая, 44 от 8 июня и 47 от 30 ноября 1913 г., в намерении возбудить неуважение к царствующему Государю, поместил с целью распространения, а затем путем выпуска в свет означенных номеров, продажи и рассылки таковых разным лицам, распространил как за границей, так и в пределах России нижеследующие статьи:

1. В номере 43 означенной газеты: а) статьи под названием

«Николай II и К°» — отец «бессмысленных мечтаний» и «неутомимых борцов», в каковой статье составлявшей, как сказано в заголовке ее, несколько страниц из книги «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора Николая II». Берлин, 1912, между прочим говорилось: «...а Николай, свалившись с трона, сам обратился в плевел, распустившийся при содействии союзников и громил до нынешнего своего печального облика... Михаил не скрывает своего насмешливого и слегка брезгливого отношения к неспособному, запутавшемуся в дрянных делах брату... В самом деле, ничья психология не представляется такой странной и полной противоречия, как Николая II. Внешняя скромность, даже застенчивость, печальные глаза и недобрая усмешка губ, чадолюбие и равнодушие к чужой жизни, домоседство и алкоголь, лень к делам и резкость суждений, подозрительность и вера на слово всякому проходимцу, любовь к преступлениям, огню и крови и живая, невидимая вера в божество, щепетильная обрядность и столоверчение, открытие мощей и выписка Филиппов и Папюсов [4] и т. д., без конца. Здесь не только двойственность — неизменный спутник всякой живой человеческой души, здесь просто анархическая смесь разных наклонностей, неустройство мыслительного аппарата, машина, где одни винты ослаблены, другие перевинчены, третьи растеряны. Словно насмех одарила Немезида этот отпрыск Романовского дома всеми отрицательными чертами его представителей и дала так мало положительных. Все это отразилось от услужливого бюрократического зеркала на управлении государством и внесло во все дела ту же путаницу, анархию, что царили в царской голове»;

б) статью под заголовком «Письмо в редакцию», в которой, между прочим, говорится: «А по части остроумия мне, право, кажется забавнее недавняя выходка известного Анатолия Дурова при каком-то публичном или частном представлении. Перекидывает он из руки в руку серебряный рубль, комкая и тиская его между ладонями, и на вопрос помощника: «Что это вы делаете?» — отвечает: «Пока ничего, так себе, дурака валяю». Если вспомнить, что на рубле красуется курносый лик царскосельского арестанта Николая II, то нельзя не признать, что ответ этот довольно забавен и зол, не говоря уже о его полной исторической справедливости».

2. В номере 4 той же газеты статью под заглавием: «Миллионы оскорблений его величества», в каковой статье, между прочим, говорится: «Черносотенцы клятвенно уверяют, что марки с изображениями монархов придуманы «жидомасонами» с ехиднейшими целями. На самом деле идея печатания этих марок с откровенно династическими целями принадлежит П. А. Столыпину и окончательно принята была с ведома, по желанию и приказу такого истинно «жидомасона», как Николай II».

3. В номере 47 той же газеты статью под заглавием «Протест европейских общественных деятелей против преследования русских

политических», в которой, между прочим, говорится: «В предыдущие годы на совести Николая II, если позволено будет нам говорить о его «совести», — тысячи виселиц, Сибирь, тюрьма... А какая Сибирь и какие тюрьмы! Если бы на «совести» Николая II, прошу помнить, что я условно употребляю слово «совесть» по отношению к нему, была бы одна Орловская тюрьма, то и тогда бы он вошел в историю с проклятиями современников».

Вмененные подсудимому Бурцеву преступления, заключавшиеся в распространении сочинений, оскорбительных для достоинства царствующего императора, с целью возбудить неуважение к нему, предусмотрены каждое 1 частью 103 статьи Уголовного Уложения, карающей каторгой не свыше восьми лет. Обращаясь к определению наказания для подсудимого Бурцева, Особое присутствие судебной палаты по обстоятельствам дела и на основании 53 статьи Уголовного уложения признало возможным вышеуказанное нормальное наказание по 1 части 103 статьи Уголовного уложения заменить наказанием по 17 статье того же уложения, т. е. ссылкой на поселение, каковое наказание и назначило Бурцеву. В июле месяце возбужден был вопрос о помиловании Бурцева. Совет Министров был склонен, что касается меня, то я высказался против, так как не верил в искренность чувств Бурцева.

В двадцатых числах января ожидался отъезд Государя на юг России и в действующую армию, поэтому я выехал 19-го, чтобы предварительно посетить города Екатеринослав, Полтаву и Киев, чтоб переговорить с губернаторами и выработать программы высочайшего пребывания в этих городах. Я выехал на Москву, Курск. На станции Клин ко мне в вагон сел мой сослуживец по Попечительству трезвости Осткевич-Рудницкий и доехал со мной до Тулы. Бедняга, он потерял единственного сына, которого боготворил, и потерял его так ужасно трагически — его сын служил офицером в одном из полков армии, наступавшей в Восточной Пруссии, и был послан перервать телефон у немцев. Выполнив это, он возвратился, а потом ночью пошел опять, желая принести и проволоку. Возвращаясь в самую темноту, наткнулся на передовые посты своего же полка, его окликнули, спрашивая пропуск, он пропуска не знал, крикнул «свой» и имел неосторожность осветить часового карманным фонариком, вместо того, чтобы осветить себя. Часовой выстрелил и убил его наповал. Бедный отец был в ужасном состоянии, я его утешал как мог.

Всю дорогу до самого Екатеринослава пришлось заниматься по очереди с начальниками жандармских отделений, а в городах беседовать с губернаторами, время прошло быстро, незаметно, но я страшно устал, так как только последнюю ночь перед Екатеринославом удалось уснуть.

В Екатеринославе я был первый раз, это был город одной из богатейших губерний России. Помимо чудного глубокого черно-

зема, в недрах земли этой губернии лежали огромные богатства, благодаря чему население было очень зажиточное. Я приехал туда в 7 часов утра, было даже немного совестно, что я все начальство потревожил так рано, но иначе я не мог распорядиться своим временем. Сначала обсудили весь церемониал встречи на вокзале, я дал необходимые указания, после чего поехал с губернатором к нему в дом, где дал разъяснение на все возбужденные вопросы. Губернатор Колобов мне очень понравился, правда, он особенного пороха не выдумал, но это был человек исключительно дела, что для меня было всегда особенно дорого, он был полон добросовестности и преданности к работе. Когда я приехал, у него все уже было готово для доклада, указания мои, изложенные мною в письме к нему, были выполнены им с строгой пунктуальностью. Ему было трудно ладить с губернским предводителем дворянства князем Урусовым, который смотрел на Екатеринославскую губернию как на свою вотчину, имел большое влияние в высших сферах, тогда как Колобов был далеко не светский человек. Урусов на него смотрел скорее как на своего подчиненного и несколько свысока, вернее покровительственно. Вице-губернатором был Татищев, бывший адъютант адмирала Дубасова и женатый на его дочери. Это был очень милый, благовоспитанный и скромный человек, чрезвычайно еще молодой. Я его хорошо знал, так как он приготовлялся к административной деятельности, будучи для сего причислен к Московскому губернскому присутствию в бытность мою губернатором в Москве.

После обсуждения всех дел у губернатора в доме я проехал с ним в собор, к архиерею, в несколько лазаретов и Музей запорожцев имени Поля, во все места, куда мог бы поехать Государь, а на Брянский и Александровский южно-российский завод я командировал сопровождавшего меня Спиридовича, чтобы он мне доложил подробности об этом заводе, так как мне хотелось, чтобы Государь посетил этот завод, который в то время работал почти исключительно для военного ведомства. Сделав еще несколько визитов, я завтракал у губернатора и в 12 часов дня двинулся уже далее, на Полтаву, куда прибыл в 7 часов вечера.

В Полтаве я бывал не раз, приезжая всегда в этот город как в свой родной, состоя в списках потомственных дворян этой губернии. Последний раз я был в Полтаве на торжествах по случаю празднования 200-летия Полтавской победы в 1909 г. В то время губернатором был граф Муравьев, теперь же Багговут, попавший в губернаторы не по своим заслугам, а исключительно по протекции, чрез свою сестру Е. К. Орлову, дружившую с императрицей Александрой Федоровной. Он далеко не был на высоте своего положения как губернатор, зато почтительности у него было сверх меры, в ущерб делу.

По прибытии в Полтаву я осмотрел вокзал и пришел к убеждению, что высочайший прием на вокзале Южных дорог немыслим,

и потому я проехал прямо с губернатором на другой вокзал — Полтава-город. Осмотрев его, решил на нем и остановиться и послал депешу дворцовому коменданту, прося об изменении пункта остановки императорского поезда. Получил очень скоро ответ, что с моим мнением согласились. После обеда у губернатора у него же состоялось краткое совещание, после чего я объехал все те места, куда можно было предположить, что Государь поедет. Так как Государь в Полтаве предполагал пробыть только от 9 до 3-х, то число мест посещения могло быть крайне ограничено.

В 12 часов ночи специальный поезд увез меня в Киев, где в 10 часов утра на вокзале меня встретили власти. Осмотрев вокзал и разрешив все вопросы встречи, я поехал к великой княгине Анастасии Николаевне во дворец, но она еще не была готова и попросила меня приехать в 2 часа дня. Оттуда я поехал к главному начальнику округа генерал-адъютанту Троцкому. Троцкий был человек очень сухой, формалист, и иметь с ним дело было не особенно приятно. Но это был честный прямой солдат, в полном смысле этого слова. И я с ним был знаком еще по Петрограду, когда он служил в Лейб-гвардии Павловском полку и затем командовал этим полком, а с 1905 по 1914 г. занимал должность с.-петербургского коменданта. Я с ним обо всем переговорил и условился встретиться на совещании у губернатора Суковкина. Заехав затем в собор и ознакомившись с некоторыми лечебными заведениями, побывав в лавре на могиле Столыпина, сделав визит архиерею, я проехал в госпиталь, в котором деятельное участие принимала моя близкая знакомая А. В. Жекулина. Она меня и ознакомила с ним во всех деталях. Прекрасное здание, отлично устроенное, но что меня поразило — это отсутствие достаточной дисциплины и уйма врачей, при этом все женщины: и врачи, и фельдшерицы, и сиделки, ни одного мужчины; это было отличительной чертой лазаретов Земского союза. А. В. Жекулина мне созналась, что у них главное зло во всех лазаретах Земского союза — это обилие персонала, и так как им нечего делать, то и начинаются среди них интриги, истории и т. п.

Оттуда я поехал к великой княгине Анастасии Николаевне, которая, как всегда, была более чем любезна и дала письма и поручения к великому князю в Ставку. Она и великая княгиня Милица Николаевна работали в Комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам, дочери же их, княжны Елена Георгиевна, Марина и Надежда Петровны работали в качестве сестер милосердия в лазарете при Киево-Покровском монастыре, который был основан покойной великой княгиней Александрой Петровной — матерью Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и великого князя Петра Николаевича, принявшей монашество с именем Анастасии и скончавшейся в 1900 г.

Из дворца я поехал на совещание к Суковкину. Это был милейший человек, его очень любили, но как губернатор [он] представлял собой отрицательную административную величину. На совещании его несостоятельность сказалась вовсю, он совершенно не был хозяином своего дела, ничего не знал и не отдавал себе отчета в том, что от него требовалось. Правитель его канцелярии — это была сплошная бездарность. Вся надежда была на полицеймейстера.

После совещания я поехал с губернатором в военный госпиталь, где меня поразил кабинет, оборудованный для производства искусственных челюстей и зубов. Громадное отделение было отведено исключительно для раненых с раздробленными челюстями. Чрез какой-нибудь месяц-полтора эти раненые с выбитыми зубами, с сломанными челюстями жевали уже мясо, и лица их принимали благообразный вид.

Оттуда мы проехали в распределительный пункт и лазарет служащих Юго-Западной ж. д. для тяжелораненых. Это тоже было поразительное учреждение во всех отношениях, в нем видна была удивительная сердечная забота и любовь к делу. Сюда приходили поезда с ранеными, их кормили и распределяли по лазаретам, а тяжелых, коих опасно было двинуть, оставляли в образцовом лазарете, устроенном в помещении товарной конторы. Вообще Юго-Западная ж. д. поразительно делала много добра, тратя по 48 тысяч руб. в месяц добровольных даяний служащих.

После осмотров я обедал у Суковкина и выехал в Ставку.

В Ставку я приехал 23 января рано утром и успел до приезда Государя явиться великому князю, который как всегда принял меня очень радушно. Около 12 часов прибыл императорский поезд и, не останавливаясь на станции Барановичи, проследовал по передаточным путям в Ставку. В вагон Государя тотчас вошел Верховный главнокомандующий, а затем был принят главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Иванов. После завтрака Государь принимал с докладом принца Петра Александровича Ольденбургского и флигель-адъютанта Веселкина, вернувшихся из командировок, последний — из заграничной, особой важности. В это время на фронте германо-австрийские армии начали вновь проявлять усиленную деятельность и упорно наступать на Бзуре и Равке, их атаки чередовались с нашими. В Карпатах же мы сдерживали натиск трех германских корпусов.

24 января, по случаю субботнего дня, в походной церкви отслужена была всенощная. Донские казаки, составлявшие охрану, наполнили церковь. Уютно, хорошо было в церкви, прекрасный хор пел стройно, на душе становилось как-то легко и спокойно. По окончании всенощной в императорском поезде состоялся обед, после чего Государь отправился на обычное совещание с Верховным главнокомандующим, а затем принял еще варшавского генерал-губернатора князя Енгалычева, прибывшего в Ставку первый раз по

принятии им должности. Нельзя сказать, чтобы назначение это было из удачных — Енгалычев ничего из себя не представлял и никаких административных способностей у него не было, он был совершеннейший дилетант. И в прошлом у него заслуг никаких не было, так как командование гусарским полком не давало еще данных для назначения на такой крупный пост, как Варшавское генерал-губернаторство. Это был очень милый, весьма воспитанный и доброжелательный человек, неглупый и образованный, но и только.

25 января, в воскресенье, в той же походной церкви состоялась обедня, по окончании которой Государь обходил Лейб-гвардии Казачий его величества полк, прибывший в Ставку после двух месяцев непрерывных боев. Обходя полк, Государь со многими казаками разговаривал совсем запросто, расспрашивая о сражениях, в которых они принимали участие. Словоохотливые казаки, подбадриваемые ласковым обхождением Государя, просто и искренне докладывали о всевозможных эпизодах, имевших место в разных боях, в коих они принимали участие.

На другой день, 26 января, в ясный морозный день Государь выехал из Ставки по направлению Ровно, чтобы навестить свою августейшую сестру Ольгу Александровну и посетить раненых в лазарете, где она была сестрой.

Я выехал вслед и, проводив Государя до лазарета, выехал из Ровно прямо на Киев, чтобы успеть прибыть туда накануне высочайшего приезда. Когда я приехал в Киев, в городе шла лихорадочная работа по приему Государя, укрепляли флаги, мели, прибивали украшения, по улицам шли целыми толпами крестьяне соседних сел и деревень, у Киево-Печерской лавры стояли густые толпы богомольцев.

К 9 часам утра на другой день все улицы по пути следования Государя были заполнены народом, учащимися, войсками. Ровно в 9 часов раздался торжественный звон колоколов, извещавший киевлян о прибытии Государя. В особо сооруженном на вокзале павильоне состоялось представление высших военных и гражданских лиц и депутаций, поднесших Государю хлеб-соль и денежные пожертвования: от купеческого общества 100 000 руб., от Биржевого комитета 50 000, Комитета помощи больным и раненым 25 000 руб. и от еврейского общества 100 000 руб.

По приеме депутаций Государь в автомобиле проследовал в Софийский собор. Мощное «ура» неслось по всему пути навстречу Государю, было удивительно торжественно, красиво; когда автомобиль Государя появился на Софийской площади, восторг толпы слился в один общий гул.

Выслушав краткое молебствие, Государь поклонился мощам св. Макария и посетил гробницу Ярослава Мудрого. По выходе из собора, приняв депутацию совета Киевского Свято-Владимирского братства, Государь сел в автомобиль и проследовал в Покровский

монастырь, где был встречен великими княгинями Милицией и Анастасией Николаевнами. Государь прошел на могилу великой княгини Александры Петровны, основательницы монастыря; простой белый деревянный крест с иконой и лампадой стоял на ее могиле, обложенной дерном.

Затем Государь посетил лазарет для раненых, устроенный при монастыре. В офицерском отделении лазарета обратил на себя внимание раненый капитан Руссен и стоявший рядом с ним с австрийским знаменем в руках подпоручик Бушуев. Это знамя было захвачено Руссеном во время боя, и он просил его оставить у себя, чтобы лично поднести Государю. Он полагал, что сделает это по выздоровлении, и вдруг неожиданно для него сам Государь пришел к нему. Слезы текли у этого героя, когда он передавал знамя Государю, и он с трудом произносил слова от волнения.

В монастыре Государь проследовал в лазарет киевского дворянства для раненых офицеров, откуда вернулся в поезд к завтраку, к которому были приглашены начальствующие лица. После завтрака состоялось посещение Первого Киевского военного училища, затем военного госпиталя, в усадьбе которого Государь посетил лазарет Комитета военных дам; председательницей этого Комитета была жена генерал-адъютанта Рузского. В отдельной палате этого лазарета сосредоточены были, как я уже говорил выше, раненные в полость рта, которым применяли самый новейший способ лечения, ранее бывший неизвестным. Государю были продемонстрированы снимки челюстей до и после лечения. Результаты получались поразительные.

Из госпиталя Государь отбыл в Киево-Печерскую лавру — главнейшую святыню матери русских городов, основанную преподобными Антонием и Феодосием в XI в. Удивительно красиво было в лавре: под чудный звон всех лаврских колоколов шел Государь к залитой огнями свечей церкви, среди выстроенных по пути иноков в своих длинных черных мантиях, низко, почти до земли, кланявшихся своему царю.

Из лавры Государь проехал во дворец к великим княгиням, после чего проследовал на питательный пункт станции Киев-первый. Осмотрев весь пункт, военно-санитарный поезд и лазарет, оборудованные на средства служащих Юго-Западных ж. д., Государь отбыл на вокзал. В царском павильоне представились Государю врачи и сестры милосердия отряда Северо-Американских Штатов, работавшего в Киеве. Здесь же выстроены были юнкера 2-го Киевского военного училища и воспитанники школы прапорщиков. Обратившись с несколькими милостивыми словами к юнкерам и обойдя их, Государь, простившись со всеми начальствующими лицами и великими княгинями, отбыл из Киева в девятом часу вечера для следования в Полтаву.

Я выехал вслед за Государем, обойдя императорский поезд во

время ночной его стоянки, так что в Полтаву я приехал за три часа до высочайшего приезда. Был ясный, слегка морозный день, все деревья были покрыты инеем, солнце ярко светило, было поразительно красиво. В 9 часов утра подошел императорский поезд. По приеме должностных лиц и депутаций, Государь проследовал в кафедральный собор, а затем в лазарет, устроенный на средства крестьян и казаков. Здесь Государя встретили представители сельского населения и казачества, входившие в состав правления лазарета, и непременные члены губернского присутствия и землеустроительных комиссий. Приветственное слово говорил казак с типичным лицом малоросса, в национальном костюме. В своей небольшой речи он, между прочим, высказал, что крестьянское население глубоко ценит распоряжение о запрещении продажи водки и других винных изделий. «Мы уверены, — сказал он, — что наши средства от этого возрастут, и мы с легкостью будем нести все денежные повинности, которые угодно будет правительству потребовать от населения на нужды Родины, по твоему указанию, царь наш, батюшка».

Государь подробно осмотрел лазарет, беседуя почти с каждым раненым. Среди них обратил на себя внимание мальчик 15 лет, сирота Касаган, который с 176-м Переволоченским полком в течение 5 месяцев совершал походы и под конец был ранен в ногу и попал в этот лазарет. Государь очень ласково говорил с ним и прикрепил к его халату Георгиевскую медаль. Перед отъездом из крестьянского лазарета Государь снялся в группе с казаками и крестьянами.

Затем состоялось посещение лазарета, содержавшегося на средства дворянства и земства, после чего Государь посетил кадетский корпус. В одной из зал были собраны раненые офицеры, преимущественно Полтавского гарнизона, их было около 50 человек. Государь обошел их всех и, спрашивая об их здоровье, очень часто указывал, что не следует торопиться уезжать в свою часть, не совсем еще оправившись. «Не делайте этого, — говорил Государь, — вы повредите себе и не поможете своей части». Прощаясь с кадетами, Государь сказал им: «Уверен, что вы в это особенно серьезное время в России будете радовать меня своим прекрасным поведением и прилежными занятиями. Прощайте, кадеты».

Из кадетского корпуса Государь отбыл на вокзал. Толпы народа в это время все прибавлялись, и когда Государь появился на площади, восторг толпы дошел до высшего напряжения, когда же Государь уезжал, толпы бросились к перрону станции, оглашая всю окружавшую местность единодушными кликами «ура».

После завтрака в императорском поезде, к которому приглашены были местные власти, Государь отбыл из Полтавы в Севастополь, куда прибыл 29 января в 10 часов утра. На пристани, куда подошел императорский поезд, к этому времени собрались командовавший

флотом Черного моря адмирал Эбергардт, комендант крепости генерал Ананьин, главный командир порта Маньковский и градоначальник Бурлей. Кроме местных властей встречали также морской министр Григорович и я, приехавший в Севастополь несколькими часами ранее.

Депутация от города приветствовала Государя чрез своего городского голову следующими словами: «Ваше императорское величество. Вся Россия, без различия национальностей, вероисповедания и направления, тесно и дружно соединилась вокруг своего державного вождя на призыв к борьбе с исконным врагом России и всего славянства. Уже шесть месяцев длится титаническая борьба, но несокрушимо единение царя со своим народом. Гневный дух народа не смягчится, доколе враг не будет сломлен окончательно. Мы, мирные граждане Севастополя, не принимающие непосредственного участия в этой борьбе, следим за ней с замиранием сердец и в обстановке мирного труда помогаем всем, чем можем. Но, если Богу угодно будет послать Севастополю испытание, мы все, как один, готовы положить свою жизнь и пожертвовать имущество во славу царя и дорогой Родины. Великую радость приносит всегда счастье лицезреть вас, Государь, в Севастополе, но посещение города державным вождем в эти дни служит нам неистощимым источником крепости и спокойствия в борьбе и укрепляет веру в светлое и прекрасное будущее России».

С Царской пристани Государь на катере отбыл на рейд для осмотра судов и, посетив морской госпиталь, вернулся в поезд, в котором состоялся завтрак. В 3 часа дня Государь произвел смотр молодым матросам, по окончании которого обратился к ним с следующими словами: «Господа офицеры и инструкторы, благодарю вас за успешно исполненную подготовку матросов и за усердную службу. Уверен, молодцы, что вы послужите Отечеству и мне преданно и ревностно, изо всех сил, на славу родного флота и нашего Андреевского флага. Да благославит Господь предстоящую вам морскую службу вашу. За усердие и сегодняшний отличный смотр спасибо вам, молодцы».

После смотра Государь посетил школу юнг и присутствовал на их занятиях. На следующий день Государь посетил батареи фортов крепости, временный крепостной госпиталь, Романовский институт физических методов лечения, Владимирский собор и госпиталь Красного Креста.

Я не сопровождал Государя в этот день, так как ездил в Ялту и Ливадию, чтобы повидать градоначальника Думбадзе и переговорить с ним по служебным делам, и затем проехал прямо на Симферополь, чтобы успеть заблаговременно приехать в Екатеринослав, куда ждали Государя 31 числа.

Ко времени прихода императорского поезда все улицы от вокзала до собора были заполнены густыми толпами народа. Екатери-

нослав, принимавший царя первый раз, особенно горячо готовился к встрече, чувствовалось какое-то нервно-восторженное настроение. Красивый Екатерининский проспект с бульваром на всем шестиверстном расстоянии до собора представлял собой удивительно красивую картину: масса учащихся, шпалеры войск и необычайное количество народа, все как один человек восторженно встречали Государя.

В соборе местный преосвященный Агапит в своей речи сказал между прочим: «Это ваш подвиг, ваше императорское величество, вы трудитесь, наблюдая русскую жизнь, душу православного человека в наши скорбные, но святые дни. Вы лично видите, как Святая Русь вместе со своим царем ничего не жалеет для блага своей Родины».

Из собора Государь проехал в госпиталь, устроенный дворянами в дворянском доме в обширных залах Потемкинского дворца. Старшей сестрой в этом госпитале была Д. Ф. Татищева, жена вице-губернатора. Обойдя всех раненых в сопровождении представителей дворянства и снявшись в общей группе, Государь проследовал в лазарет для раненых имени наследника, устроенный женой губернатора в здании мариинского детского приюта, по пути осмотрев подвижной госпиталь, устроенный по подписке на средства населения губернии. Затем Государь посетил областной Запорожский музей имени Поля.

Музей этот представлял собой собрание всего, что могло представлять интерес о Запорожском крае, о котором в народе имелось столько легенд, сказаний и песен. Богато обставленный музей был переполнен всевозможными и самыми редкими предметами, собранными в Новороссийском крае. Тут были выставлены всевозможные коллекции каменного и бронзового веков, вооружения, одежды и т. д., не исключая и типичных шаровар из красного тонкого сукна, «шириной с Черное море», на которые шло 12 аршин материи. Объяснения давал профессор археологии Эворницкий.

Из музея Государь проехал в Центральный госпиталь Красного Креста.

После завтрака в поезде с приглашенными местными властями Государь посетил Александровский южно-русский завод. Завод этот занимал огромное пространство вне города. Рабочих было около 10 000, имелось 6 доменных печей с общей производительностью 32 миллиона пудов чугуна в год. Большая часть этого чугуна переливалась в сталь, которая шла на изделия, как то: рельсы, балки, проволоку и т. д. Во время высочайшего посещения 90% общей производительности завода шло на заказы военного и морского ведомств и Министерства путей сообщения. При заводе имелись чудные больницы, школы на 4 500 учащихся, мужские и женские гимназии и ряд других учреждений.

Завод работал полным ходом в момент посещения Государем,

все рабочие были на своих местах. Впечатление от осмотра было поистине грандиозное. Государь обошел все решительно отделения и присутствовал при отливке чугуна, когда огненные реки и ручьи этих рек текли к формам и этот расплавленный чугун тут же на глазах превращался в готовые изделия. В следующем отделении чугун перерабатывался в сталь, видно было, как переворачивались огромные котлы с расплавленной массой и вылетало блестящее пламя, на которое нельзя было смотреть простым глазом. Государю и всем сопровождавшим предложены были специальные синие стекла. Далее следовало отделение, где из раскаленного куска стали вытягивались рельсы, затем было удивительно интересно производство проволоки.

Более двух часов обходил Государь завод, останавливаясь и беседуя с мастерами и простыми рабочими. Государя всюду сопровождал неподдельный восторг, вся свободная смена также была на заводе и окружала Государя.

Около 7 часов вечера Государь отбыл из Екатеринослава. В это время весь город и прилегающие к железной дороге поселения были красиво иллюминованы.

Рано утром 2 февраля Государь возвратился в Царское Село.

Я проехал из Екатеринослава в Москву, чтобы в день 10-й годовщины трагической кончины великого князя Сергея Александровича быть в усыпальнице на заупокойном богослужении у его могилы. 5 февраля я был в Петрограде.

Во время этой моей поездки я обратил внимание на большое скопление на некоторых станциях железных дорог нижних чинов, кроме того, и главнокомандующий генерал-адъютант Иванов указал мне на инертность некоторых чинов жандармской полиции в деле поддержания порядка в полосе отчуждения, поэтому я еще в Екатеринославе отдал следующий приказ по Корпусу жандармов:

«С началом военных действий одной из самых существенных обязанностей чинов жандармских полицейских управлений явилось поддержание полного порядка на станциях и в поездах, при воинских перевозках, и оказание в этом полного содействия чинам, заведующим передвижением войск и начальникам военных команд, следующих по железным дорогам.

Высшее военное начальство обратило самое серьезное внимание на принятие мер против самовольных поездок нижних чинов по железным дорогам и присутствия таких чинов в полосе отчуждения. Для борьбы с этим злом были привлечены и чины жандармских полицейских управлений, для чего, по моему приказанию, отдан был руководящий циркуляр от 9 декабря 1914 г. за № 15 015, а затем и приказ от 27 декабря 1914 г. за № 419. Казалось бы, при этих условиях, после отданных мною руководящих указаний, дальнейших напоминаний уже не потребуется и уже начальникам управлений, на обязанности которых всецело лежит руководство жандармско-полицейской службой на железных дорогах и ответственность

по обеспечению полного порядка в полосе отчуждения, надлежит преподать своим офицерам соответствующие указания к наилучшему, сообразно обстоятельствам и местным условиям, их выполнению.

Из поступающих же в штаб донесений я усмотрел, что дело это нашло живой отклик и, видимо, поставлено жизненно лишь в Московско-Рижском жандармском полицейском управлении, а затем в Кременчугском и Жандармском полицейском управлении Закавказских ж. д., начальники же остальных жандармских полицейских управлений не проявили должного почина, видимо, не отдавая себе должного отчета в важности энергичной борьбы с этим злом в армии. Подтверждением высказываемого мною предположения служит недавнее заявление одного из главнокомандующих, указавшего на инертность в этом деле чинов жандармской полиции, особенно заметную в Московско-Киевском жандармском полицейском управлении. С грустью отмечая это указание, обращаю самое серьезное внимание начальников жандармских полицейских управлений железных дорог на недопустимость такого безучастного отношения подведомственных им чинов к этим обязанностям и предлагаю начальникам управлений войти в соглашение с соответствующими чинами Управления военных сообщений для выработки порядка контроля воинских чинов как в поездах, так и на вокзалах; при правильной организации жандармские унтер-офицеры постоянным контролем в поездах имеют возможность задерживать нижних чинов, следующих без документов, сдавать их комендантам или уездным воинским начальникам, а также замечать и наблюдать за теми лицами, которые проявляют особую склонность к агитационному собеседованию с нижними чинами».

3 февраля Верховным главнокомандующим был утвержден временный штат Жандармского управления военного генерал-губернаторства в Галиции, согласно моего представления. [...] Начальником Управления, как я уже говорил в воспоминаниях за 1914 г., когда я описывал свою поездку в Галицию, назначен был полковник Мезенцов, весьма обстоятельный и дельный офицер. Будучи командирован для исправления этой должности тотчас по занятии нами западной части Галиции и учреждения военного генерал-губернаторства, он с большой энергией принялся за работу и ко времени утверждения штата управления представил уже подробный доклад о своей и подведомственных ему офицеров деятельности. Привожу этот доклад целиком.

«Первыми шагами деятельности чинов вверенного мне Управления в пределах Галиции и Буковины я поставил необходимость ясного представления о той работе различных классов и слоев населения, которая касалась «политического» характера и направления до войны и прихода русских войск и занятия Галиции. Отсутствие штата чинов Управления вне Львова, недостаток унтер-

офицерского состава и агентов наружного наблюдения, а главное, то обстоятельство, что внутренней агентуры, в строгом смысле этого слова, здесь ранее, конечно, не было, и единственное лицо, могущее работать в этом направлении, было заагентурено последовательно тремя разными лицами (ротмистрами Белоручевым, Сушковым и чиновником Министерства иностранных дел при генерал-губернаторе г. Олферьевым), вызвало крайне настоятельную потребность обзаведения сейчас же агентурой, что понемногу и достигается, — ныне уже заагентурено 8 лиц. Все эти условия работы, а также серьезный недостаток в организации почтовых сношений (почта находится в хаотическом состоянии и даже казенная корреспонденция пропадает) повлекли за собою некоторое замедление первоначальной работы по сбору, сводке и регистрации всех получаемых сведений, и только ныне я имею возможность представить Вашему превосходительству первые сводки сведений.

Так как разработка сведений здесь должна одновременно вестись по нескольким направлениям (освещение польского, украинского, еврейского, иезуитского вопросов), то ныне мною представляются сведения по более активной в Галиции «Украинской (Мазепинской) группе» и по вопросу организации сокольских дружин и так называемых «Сечовых стрельцов».

А. *Об украинских организациях.* 1. Обзор политического движения в Галиции. 2. Мазепинцы; а) Украинская социал-демократическая партия; б) Украинская радикальная партия; в) Украинская национал-демократическая партия; г) Союз освобождения Украины; д) Роль профессора Грушевского в мазепинском движении в Галичине и в Малороссии.

В. *О «соколах»:* а) «Сечовые» и «Сокольские» мазепинские организации; польские «Сокольские организации» (об этих последних сведения собираются, будут представлены позже).

1. Обзор политического движения в Галиции

Основателем мазепинства в Галиции является австрийский губернатор граф Стадион (1846—1849 гг.) До этого времени жители восточной Галичины чувствовали себя русскими, а поляки и австрийское правительство считали их настоящими русскими. Графу Стадиону в его политике необходимо было иметь противовес против засилья поляков, и таковым он хотел сделать русских галичан.

Для этого он заявил им, что «если они себя считают такими же русскими, как в России, то они совершенно не должны никогда ни в чем рассчитывать на помощь австрийского правительства». Поэтому одна часть галичан испугалась заявления графа и по его желанию и настоянию начала вести политику «русинов», политику якобы особой русинской нации. С этого времени между русскими галичанами начался раскол на «твердо русских» и «русинов», которые в 1860 г. назвали себя «народовцами».

В целях политической пропаганды в 1868 г. «народовцы» учредили просветительное общество — «Товарищество просвіта» и начали издавать свой журнал, так называемый «Правда», а в 1873 г. учредили литературное общество «Товарищество имени Шевченко». И когда в 1876 г. высочайшим указом запрещено было в России издавать журналы и книги на малорусском наречии, малорусские писатели и деятели из России перенесли свою деятельность в Галичину. Писатели: Кулиш, Мырный, Нечуй-Левицкий, Чайченко-Гринченко, Самойленко, деятели: Антонович и Кониский, — стали печатать и издавать свои сочинения во Львове и поддерживать «украинское» движение денежными пособиями. Но вся эта работа имела характер более культурно-этнографический. О «Самостийной Украине» еще не думали.

Со временем австрийское правительство продолжало политику графа Стадиона относительно перемены русских галичан на «русинов» и для поддержки своей идеи основывало в массе народные и средние училища с малорусским преподавательным языком и русинским обществам «Просвіт» и «Шевченко» давало крупные материальные пособия.

Во второй половине восьмидесятых и в начале девяностых годов, главным предводителем русинов был депутат Сейма и Парламента Александр Барвинский. Относительно русинов как особой нации, он делал все по желанию правительства. Вместе с наместником Галичины графом Казимиром Бадени он завел в восточно-галицких училищах фонетическое правописание.

Идею «Самостийной Украины» в Галичине привил российский эмигрант Михаил Петрович Драгоманов. Он написал и издал целый ряд брошюр и книг. Это было в другой половине 70-х и в первой половине 80-х годов. Ближайшими поклонниками его учения были Иван Франко и Михаил Павлик. Но как они, так и другие приверженцы идей Драгоманова тогда его не поняли и основали Социал-демократическую партию и только позже, в конце 90-х и в начале 900-х годов поняли, что Драгоманов хотел в Галичине учредить «Украинскую республику». И вот тогда-то для привлечения и для приспособления крестьянства к «Самостийной Украине» была организована Украинская радикальная партия.

Сначала идея «Самостийной Украины» привилась только в молодежи и у некоторых старейших приверженцев Драгоманова. Предводители же русинов, так называемые «народовцы», совершенно не приняли этой идеи, так как она была предложена социалистом Драгомановым, а «народовецкая» партия, имея в своем составе большинство униатских священников, была противником Драгоманова.

Самой большой партией была тогда «Народовецкая», но австрийское правительство с этой партией, как и вообще с русинами, не считалось. Поэтому русинам приходилось бороться и с поляками в Галичине, и с венским правительством.

В начале 900-х годов в венском парламенте появился депутат буковинских русинов Николай Василько. Своими способностями он скоро приобрел себе огромное влияние не только в парламентских, но и в придворных кругах и сделался информатором престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда в делах внутренней и иностранной политики. Чтобы иметь еще большее влияние, Василько сделался руководителем галицких русинов, и все его начинания проходили с большим успехом. И вот, чтобы окончательно укрепить свое положение, Василько предложил престолонаследнику идею отторжения Украины от России, а затем советовал ему обратить большое внимание на галицких «украинцев».

С этого времени австро-венгерское правительство более начало заниматься украинцами в Галичине. Оно начало давать большие пособия украинским обществам, допустило в Сейм и Парламент значительное число украинских депутатов, и с 1904 г. галицкие русины приняли официальное название «украинцы». В 1907 г. предводителем галицких украинцев стал доктор Кость Левицкий, и он как голова Национал-демократической партии во всем подчинился с движением своей партии правительству. Тогда именно политика украинцев приобрела уже конкретное направление к осуществлению идеи «Самостийной Украины», и с того же времени все украинские партии соединились в этом направлении, и настоящее мазепинское движение стало стремиться к полному своему развитию.

В движении галицких мазепинцев приняли живейшее участие и российские мазепинцы, а именно: М. С. Грушевский, проживавший здесь во Львове, Е. Х. Чикаленко, Л. Жебунев, Н. В. Лисенко в Киеве, Н. Михновский в Полтаве, доктор Луценко в Одессе, А. Крымский в Москве, А. Лотоцкий в Петрограде и другие.

Начиная с 1905 г. все мазепинские партии в Галичине и их отделения в России окончательно осознали идею «Самостийной Украины» и всецело стремились только к тому, чтобы использовав в удобное время переход Австрии через границу в Россию, сейчас же вызвать мятеж и затем отторгнуть Украину от России и под скипетром Габсбургов основать «Украинское королевство». По этому поводу был даже заключен формальный договор между эрцгерцогом Францем-Фердинандом и российскими мазепинцами. Именно в 1910 г. у эрцгерцога на аудиенции в Конопиште из Галиции были: выдающийся мазепинский деятель доктор Евгений Олесницкий и митрополит граф Шептицкий, а из России Е. Х. Чикаленко и Н. В. Лисенко из Киева и Н. Михновский из Полтавы. Все они обещали эрцгерцогу вести пропаганду между малороссами в России в пользу австрийской династии.

Об этом событии знали все предводители всех мазепинских партий, и поэтому, хотя партии эти работали по разным платформам, но стремления их сводились к одному, именно к отторжению

Украины от России, и все они были непримиримыми врагами России. Таким образом, члены всех этих партий, были ли они из партии Национал-демократической, или Социал-демократической или же Радикальной, — были одними и теми же мазепинцами. Все партии составляли одну общую мазепинскую организацию и только разделялись на группы под официальными названиями партий; они разделялись, таким образом, только ролями в работе. Большую роль сыграло в мазепинском движении в последнем десятилетии униатское младшее духовенство, воспитанное графом Шептицким. Руководил им Шептицкий, и оно слепо исполняло его желания. Большими же ревнителями и распространителями мазепинства между галицким крестьянством были униатские монахи-базилионцы. Мазепинство они распространяли и внушали не только живым словом на проповедях, но и печатным способом. Между прочим, они издавали очень популярную газету «Миссионер».

В заключение всего сказанного следует добавить, что все сознательные здешние «украинцы» — священники, учителя, чиновники и проч., были мазепинцами, все они желали, выбиться из-под «польского владычества» и «российского кнута». Однако предводители их не были настолько наивными, они хорошо понимали невозможность осуществления таких мечтаний, но им было выгодно вести к такой цели многочисленных приверженцев, ибо за это они получали лично для себя и своих родных не только деньги, но все, что только желали, от австрийского правительства.

Временем возникновения мазепинских партий следует считать: в 1876 г. основана Социал-демократическая партия; в 1893 г. — Радикальная; в 1900 г. — Национал-демократическая партия.

Мазепинцы

а) Украинская социал-демократическая партия. Главным центром движения этой партии был Львов. Партия существовала как в г. Львове, так и в других городах и местечках, а также деревнях Восточной Галиции среди разных цехов рабочих, крестьян и студентов. В провинции были организованы особые социал-демократические общества, (так называемая «Украинская воля»), в которых группировались члены Социал-демократической партии и где производилась социалистическая работа и пропаганда. Центральный Комитет Социал-демократической партии во Львове издавал партийную литературу и свой орган — еженедельник, так называемый «Земля и Воля», редактором которой был типографский наборщик Порфирий Буняк и главный предводитель украинской галицийской социал-демократии — выдающийся деятель Николай Ганкевич. Кроме того, партия издавала ежемесячник «Наш голос» и так называемый «Теоретический орган Украинской социал-демократии в России и Австрии». Редактором журнала был Дмитрий Донцов, корреспондентом в России был Михаил Меленевский. Контора

редакции «Земли и Воли» и «Нашего голоса» помещалась в квартире на улице Гавснера, № 11.

К Социал-демократической партии принадлежало около 60 студентов-мазепинцев Львовского университета и Политехникума. Первые группировались главным образом в своем студенческом обществе, так называемом «Академична громада» (по улице Зибликевича, № 3), в социал-демократической группе, а вторые — в своем обществе «Основа» по улице Снядецких, № 4.

Украинская социал-демократическая партия во Львове была раздвоена на две главные группы или фракции: интернациональную (за общий пролетариат) и националистическую (только за украинский народ). Предводителем первой фракции был Николай Ганкевич, а второй — Дмитрий Донцов и доктор Владимир Старосольский, последний жил по улице Коперника, № 14 (уехал на войну). И только на этой точке зрения были между обеими группами недоразумения, но, впрочем, во всех других вопросах своей программы эти группы работали совместно и согласно. Как прогрессивная и революционная, Украинская социал-демократическая партия пользовалась в Украинской национал-демократической и Радикальной партиях, а также у большинства университетской молодежи большими симпатиями.

В Украинской социал-демократической партии были организованы особые, следующие секции (группы): 1) социально-общественная, предводителями которой были Николай Ганкевич и Юлиан Бачинский; 2) социально-аграрная, предводители Лев Ганкевич (в Киеве) и Феофил Мелень; 3) террористическая, совершенно «тихая» (конспиративная), предводители Николай Залезняк и Иван Сияк; 4) социально-революционная, предводитель Дмитрий Донцов.

Главным усилием Украинской социал-демократической партии было внушить своим членам враждебное настроение к русскому правительству. Предводители и деятели этой партии убеждали своих членов в том, что самым большим и ужаснейшим врагом и палачом украинского народа и миллионов бедного рабочего народа есть «российский царат», и поэтому каждый честный человек должен поставить себе за главную цель житья борьбу с «царатом» на жизнь и смерть за благо и свободу рабочего народа. Отношение партии к мазепинским другим партиям и организациям (за исключением Социал-христианской), а также к австрийскому центральному правительству было весьма доброжелательно. Но партия стояла в самых лучших и близких отношениях с Центральным Комитетом Социал-демократической партии в России и Царстве Польском, откуда получала большие материальные пособия посредством Парижского комитета. Деньги привозил лично Николай Бачинский. В настоящее время Социал-демократическая партия разбита, организованна лишь террористическая группа, но есть старания побудить к деятельности и прочие группы Украинской социал-демократической партии.

б) *Украинская радикальная партия.* Эта партия обслуживала, как и Украинская национал-демократическая партия, идею «Самостийной Украины», но разница была только в тактике и в том, что Украинская радикальная партия выступала против духовенства и распространяла между крестьянством атеизм и анархизм. Свою деятельность эта партия основывала на социал-демократической программе с добавкой аграрного вопроса. Цель партии была та же, что и Украинской национал-демократической, то есть основание Украинского королевства под скипетром Габсбургов, но с той разницей, что в этом королевстве должны были в его правлении преобладать крестьяне. Это и была ловушка на крестьян в Радикальную партию.

В Сейме и Парламенте и вообще в общественной жизни украинцев-мазепинцев депутаты от Радикальной партии и ее руководители составляли совокупное с представительством других мазепинских партий. В крае, относительно к властвующим полякам, и в Вене к Центральному Комитету, радикальные деятели придерживались иногда строго оппозиционной тактики, но в последние времена эта партия, как и вообще все мазепинские партии, были правительственными, т. е. служили интересам исключительно австро-венгерского и германского правительств.

Большой заслугой Радикальной партии для австро-венгерского правительства является то, что партия организовала так называемых «Сечовых стрельцов», которые несколько последних лет упражнялись в военном искусстве в своих «Сечовых обществах» по деревням и местечкам, и в результате возникновения войны с Россией 20 000 этих «Сечовых стрельцов», получив от австрийской армии оружие, должны были пойти на войну сражаться с Россией под руководством австрийских офицеров.

Организации Украинской радикальной партии развивались главным образом в Южно-Восточных Карпатских горах, на Гуцульщине и по Подкарпатью, в уездах Станиславове, Коломые, Снятыне, Печенегине, Коссове, Демятине, Толмаче, Надворна и на Подоле: Борщове и Гусятине.

Главным предводителем Украинской радикальной партии, основателем «Сечовых обществ» и организатором «Сечовых стрелков» был депутат в Сейме и Парламенте доктор Кирилл Трилевский; он жил в местечке Яблонов около Коломыи. Его товарищи депутаты Василий Стафиняк — в селе Русове Снятынского уезда; доктор Николай Лагодинский — в Делетыне; крестьянин Михаил Лаврук из села Спаса около Коломыи; писатель Михаил Павлик 5 во Львове по Францишканской улице, № 15; депутат доктор Иван Макух в Толмаче и много других. Руководители Украинской радикальной партии были самыми серьезными, фанатически непримиримыми врагами России и внушали такое настроение своим членам крестьянам.

В настоящее время из деятельных членов Радикальной партии во Львове остались только некоторые: писатель Михаил Павлик, студенты Иван Лотоцкий, Магаляс и Рудый. Прочие члены, некоторые живут в провинции, а многие из «Сечовых стрелков» на войне.

Радикальная партия была почти чисто крестьянской, так как интеллигентов в ней было очень мало. Всех членов насчитывала партия около 40 000 человек — преимущественно крестьян, которых руководители старались обратить в социалистов и анархистов. Партия эта стояла в самых тесных связях с партией Социал-демократической и с Партией польских социал-революционеров, сгруппированных в партии польской фракции «Людовцов».

Контора правления Украинской радикальной партии, а также и редакция ее органа — еженедельной газеты «Громадский голос», которой главным редактором был Владимир Заклинский, помещалась во Львове по улице Коперника, дом № 22.

в) Украинская национал-демократическая партия. Самой большой и влиятельной партией в Австрии до войны с Россией была Украинская национал-демократическая партия. Это был главный центр мазепинского движения. Организация этой партии была поставлена прочно и охватывала почти целое политическое, просветительное и экономическое движение русско-галичского народа Восточной и частью Западной Галиции. Партия имела множество уездных организаций, руководителями которых были преимущественно униатские священники-мазепинцы и адвокаты. Правлением и представительством партии был так называемый «Народный комитет» во Львове, председателем которого был главный предводитель мазепинства депутат Сейма и Парламента доктор Константин Левицкий, а секретарем доктор Стефан Баран, действительным же, хотя и неофициальным, руководителем партии был униатский митрополит граф Андрей Шептицкий. Целое мазепинское движение было под его сильным влиянием. Партия издавала во Львове три своих печатных органа: для интеллигенции ежедневник «Діло», для низших слоев ежедневник «Новое слово» и для крестьянства еженедельник «Свобода». Редактором «Діла» был социал-демократ Василий Панейко, его заместителем — анархист Михаил Лозинский, а членом-секретарем редакции — радикал Ярослав Веселовский. Редактором «Свободы» был доктор Стефан Баран, а «Нового слова» — Лонгин Цегельский и Николай Курцеба — оба социалисты-революционеры.

Для достижения целей, нужных Австро-Венгрии и Германии, руководители партии и ее члены-интеллигенты старались создать «украинскую нацию», а затем политика этой партии основывалась на национальных началах, внушая национальный раскол и вражду и раздувая таким образом шовинизм между русским здешним народом. Партия имела очень близкую связь с российскими «украинцами», русскими мазепинскими деятелями, как, например, с Е. Х.

Чикаленком в Киеве, с Н. Михновским в Полтаве и с другими. Партия старалась влиять на малорусское население в Южной России, Волынской, Подольской и Приднепровских губерниях, желая вызвать там национальное мазепинское движение. Делалось это посредством многочисленных брошюр (например таких, как «Звидки взялися і що значать назвы «Русь» и «Украина») и газет, которые перевозились в Россию в огромном количестве — конечно, нелегально. Для пропаганды идеи «Самостийной Украины» партия высылала в Россию своих эмисаров на средства австрийского правительства. Были это преимущественно студенты, которые разъежали по деревням Малороссии и с брошюрами, газетами и живым словом вели свою пропагандистскую работу. В последнее время занимались этой работой следующие члены Украинской национал-демократической партии: 1) Николай Венгржинс, 2) Николай Федюшко, 3) доктор Стефан Баран, 4) Богдан Заклинский и проч.

Из всей русской, галичской интеллигенции (священники, учителя, адвокаты и проч.) и множества крестьян две трети принадлежали к Украинской национал-демократической партии. Эта партия числила в себе до 80 000 человек, но сознательных членов относительно к этому общему числу было немного. Интеллигентов было около 3000 и около 2000 крестьян.

В настоящее время Украинская национал-демократическая партия не функционирует, так как почти все члены партии находятся в австрийской армии, но оставшиеся члены партии не перестали совершенно работать. Работа идет у них, хотя и незначительная, но идет конспиративно. Сходятся на совещания по своим частным квартирам и стараются поддерживать связь с провинциальными организациями. Настроение их к русскому владычеству крайне враждебное, непримиримое, и они решили не уступать русским властям, в случае нужды бороться с русским правительством. Все униатские священники — мазепинцы, это самые деятельные члены этой партии.

г) Союз освобождения Украины. Как прежде центром мазепинского украинского движения был город Львов, так теперь Киев. Одновременно с объявлением австрийской мобилизации группа выдающихся мазепинских деятелей разных партийных убеждений уехала в Киев, увозя с собой огромное количество прокламаций и воззваний к мятежу, под названием «До украинского народа». Выехали тогда в Киев депутаты: доктор Лонгин Цегельский, Вячеслав Будзиновский, социал-демократы: Николай и Лев Ганкевичи, Иван Сияк и социал-революционеры: Федор Королев, Феофил Мелен и доктор Юлиан Бачинский, террорист Юрий Скоропысь-Жолтуховский (литературный псевдоним Лопух) и делегат «Народного комитета» Украинской национал-демократической партии доктор Стефан Баран.

До своего выезда в Киев они побывали у профессора М. С. Грушевского на его даче в Криворовне около Коссова в Карпатских

горах и имели с ним по этому поводу совещания. В Киеве они собирались в украинском клубе «Родина» на Б. Владимирской улице, где присутствовали главные руководители киевских мазепинцев: издатель мазепиского ежедневника «Рада» Евгений Харлампиевич Чикаленко, Леонид Жебунев, Павел Лавров (Юрий Серый), несколько студентов и делегаты из провинции от мазепинских деятелей Полтавы, Харькова, Екатеринослава и Одессы.

На собрании в «Родине», а затем на квартире Чикаленко по Мариино-Благовещенской улице была основана новая мазепинская общая организация под названием «Союз вызволення Украины» (Союз освобождения Украины). Цель этого Союза — взять на себя работу львовских мазепинских организаций, представители которых ушли на войну или выехали в глубь Австрии, а главное — вести мазепинскую пропаганду между населением и войсками российской Украины. Дело это было начато разбрасыванием по целой Южной России прокламаций, которые заранее уже были отпечатаны в Киеве. К этой работе призвала Головна Рада «Союза вызволення Украины» в Киеве все студенческие организации в Петрограде, Москве, Юрьеве, Варшаве, Харькове и в Одессе. Затем студенческими организациями были образованы филиалы киевского Союза, под названием «Комитет Союза вызволення. Украинска головна рада студентив» — например, Петроградского университета и т. д. Полученные же директивы студенческие комитеты передали провинциальным кружкам или «гурткам». Все эти отделения — комитеты, кружки и гуртки должны были всю свою деятельность сосредоточить при Центральном Комитете в Киеве, т. е. в Союзе именно же в Южной России.

Когда Союз со своими отделениями, кружками и проч. начал функционировать, киевские мазепинские главари призвали профессора Грушевского, чтобы он немедленно приехал в Киев и принял руководство Союзом. Грушевский находился тогда в Криворовне в Галичине, из которой выехал через Будапешт в Вену. Он побывал здесь на совещаниях с мазепинскими депутатами и представителями австрийского правительства и через Венецию на Балканы уехал в Киев, где и был арестован, без предварительного соглашения со мною, что весьма повредило делу розыска.

Известный мазепинский украинский патриот Константин (Кость) Паньковский, проживающий по улице Чарнецкого, 26, написал письмо известного содержания, иллюстрирующее современное отношение галицких украинцев к России и войне, но не в Петроград, а в Киев, в Союз. Содержание этого письма, а затем и других писем, переданных частными лицами из Львова в Киев, было сообщено киевским Союзом своим отделениям в Петрограде, Москве и проч.

Главная задача Союза в настоящее время — это создать прочную организацию своих отделений и групп, а затем вызвать в Южной

России, в известный момент, восстание. В Галичине же, именно во Львове, организовать ряд террористических покушений на представителей русской власти.

Ввиду ареста в Киеве главного руководителя крайне левого мазепинского движения профессора М. С. Грушевского, львовскими мазепинцами, без различия партий, 18 декабря 1914 г. на совещании в «Дністрі», в котором участвовали: доктор Владимир Охрымович, доктор Стефан Федак, Николай и Владимир Шухевичи и Николай Заячковский и от молодежи Владимир Дорошенко, был поставлен вопрос: «Что делать?» Большинством голосов было решено пока ожидать «выяснения положения». Представитель же молодежи Владимир Дорошенко от имени ее заявил, что необходимо точно узнать мнение мазепинских деятелей в Вене и уговориться с ними в деле дальнейшего украинского движения в занятой «москалями» Галичине и вообще на Украине. Предложение Владимира Дорошенко было поддержано «стариками», и дело сношения с Веной [было] предоставлено «молодежи», с просьбой принятия особых мер предосторожности в таком серьезном предприятии.

20 декабря 1914 г. в квартире Войнаровского, на площади Св. Юрия, № 5, состоялось совещание молодежи. Присутствовали: Павел Войнаровский, Стафиняк, Николай Курцеба, униатский священник доктор Иван Соболь, Владимир Скокун и Владимир Дорошенко. Было решено послать в Вену Залезняка и Донцова. Последние должны явиться в Вене к доктору Косте Левицкому и представить ему действительное положение «украинского дела» в настоящее время в Галиции и дела «Унии». Поручено просить у него совета, «что делать и как вообще поступать по отношению к русским властям и православному духовенству? Какое занять положение мазепинцам, в частности львовским, — выжидающее, примирительное или революционное? Как бороться с православием? Не последовать ли совету униатского митрополита Андрея Белецкого, который советует всем мазепинцам, вместо перехода в православие, переходить в униатство, и униатским священникам, устраненным от прихода, переходить в латинство (католичество) или распространять штундизм, или вообще атеизм?». На все вопросы Кость Левицкий и австрийские мазепинцы, предводители в Вене, должны дать положительные директивы. В противном случае оставшиеся члены украинских политических партий не будут дальше бездействовать, а начнут работать так, как приказывает им их национальная совесть и как этого требуют обстоятельства. До получения просимых директив из Вены (а если будет возможность, то и материальных пособий) львовские мазепинцы будут находиться в ожидании, ознакомливаясь, однако, с ходом действий русского правительства.

23 декабря 1914 г. Владимир Дорошенко с одним молодым

человеком, с кем, пока неизвестно, отправились на случайно нанятой подводе в Стрый, а оттуда к Залезняку в деревню Корчин, Скольского уезда. Залезняк с Донцовым должны были немедленно отправиться в Вену и Венгрию через Лавочне.

д) Роль профессора Грушевского в мазепинском движении в Галичине и в Малороссии. В мазепинском движении вообще было два главных течения, а именно: одно под руководством предводителя галицких мазепинцев доктора Костя Левицкого, которое было склонно к компромиссам по отношению к австро-венгерскому правительству, другое, под руководством М. С. Грушевского, которое было крайне оппозиционно по отношению к австро-венгерскому правительству. К России же оба течения были крайне враждебны, непримиримы. Как стремления К. Левицкого с его приверженцами, так и М. С. Грушевского со своими, сходились в одном, а именно в отторжении Украины от России и учреждении «Самостийной Украины». Но разница была в том, что партия К. Левицкого желала учредить «Украинское королевство» под скипетром Габсбургов, партия же М. С. Грушевского стремилась к восстановлению «Самостийной Украины», независимой от какого-либо из царствующих домов — «Украинской республики». Поэтому профессор Грушевский всегда публично энергично выступал против «оппортунистической» политики Костя Левицкого в Вене и в крае по отношению к польским властям, призывая мазепинское общество к строгой оппозиционной тактике и к политике дел. Свое политическое кредо Грушевский высказал в изданной им брошюре «Наша политика».

Политическая деятельность партии Костя Левицкого, т. е. Национально-демократической, основывалась, главным образом на крестьянских массах и младшем униатском духовенстве. Движение же Грушевского основывалось преимущественно на мазепинской интеллигенции, главным образом, состоящей из педагогических кругов. Под его влиянием находились мазепинские Социал-демократическая и Радикальная партии. При всем этом Грушевский был духовным отцом мазепинского движения вообще и вдохновителем его, так как в его руках сосредоточена была вся научно-педагогическая работа. Так, он состоял председателем сильно развившейся Украинской Академии Наук, «Наукового товарищества имени Шевченко» во Львове, был председателем «Общества украинских учителей средних учебных заведений», председателем «Украинского школьного союза», главным редактором научных и вообще литературных изданий «Наукового товарищества имени Шевченко», редактором ежемесячника «Литературно-науковый вестник» и проч.

М. С. Грушевский являлся здесь главным звеном, соединявшим галицких мазепинцев с российскими. Чтобы упрочить это соединение, Грушевский частью перенес свою деятельность в Киев, где открыл филию «Наукового товарищества имени Шевченко» — так называемое «Науковое товарищество», перевел туда издательство

и редакцию «Литературно-наукового вестника», открыл в Киеве два украинских книжных магазина (по Большой Владимирской, 28 и по Фундуклеевской улице). В Малороссии у Грушевского очень много приверженцев-мазепинцев. Во Львове и Криворовне Грушевский давал приют убежавшим из России и проживающим нелегально здесь мазепинцам и польским социалистам-революционерам и террористам, а именно: Николаю Залезняку, Владимиру Дорошенко, Павлу Крафту, Юрию Скоропысь-Желтуховскому (литературный псевдоним Лопух), Всеволоду Козловскому (поляк), Николаю Бачинскому, Василию Степаньковскому, Н. Гаврилке, Александру Коваленко, Павлу Лаврову (Юрий Серый), Андрею Жуку и другим. Вообще Грушевский, как в Галичине, так и в Малороссии пользовался огромным авторитетом и имел сильное влияние.

О соколах

а) «Сечовая» и «Сокольская» мазепинские организации. Во многих деревнях, местечках и городах Восточной Галичины существовали официальные «пожарно-гимнастические» организации, так называемые «Січ» и «Сокіл». Первым и главным организатором «сечей» был предводитель мазепинской Радикальной партии, пропагандист анархизма между крестьянства доктор Кирилл Трилевский. Он состоит и теперь главным «атаманом» сечовых организаций. «Сокольские» общества были организованы членами Украинской радикальной партии и были исключительно под ее влиянием. Всех «сечовых» организаций насчитывалось около 5 000 из 60 000 членов, а «сокольских» около 3 000 из 30 000 человек. «Сечи» — это были преимущественно крестьянские организации, состоящие преимущественно из крестьян, живущих по Подкарпатью и в Карпатских горах. «Сокола» же — это организации мещанские и городские, хотя их было очень много и по деревням.

Организации эти сначала не имели политического характера, но позже, после первой австрийской мобилизации против России в 1908 г., в них была введена пропаганда политики на самых крайних радикально-социалистических платформах, так как у мазепинских руководителей возникла тогда идея переменить свои пожарно-гимнастические организации на военные и предложить их для услуг австрийской армии.

С возникновением второй австрийской мобилизации в 1912 г. деятельность организаций теоретически и практически заключалась в обучении своих членов военному искусству, результатом чего было образование в этих организациях особых групп «сечовых и сокольских стрельцов». Эти стрелковые отряды «сечовых» и «сокольских» мазепинских организаций получали от австрийской казны большие пособия, а из армии — вооружение, снаряжение и офицеров в качестве инструкторов. Таким образом, всех сечовых и сокольских стрелков насчитывалось около 90 000 человек. В деревнях и местечках

составлялись стрелецкие отряды, преимущественно из крестьянских парней, а в городах из интеллигентов — студентов университета, политехникума, учеников средних учебных заведений и частью из рабочих. Центром этих организаций был город Львов. Центральным правлением «сечей» был «Сечевой союз» (Львов, по ул. Коперника, № 5), а «Соколов» — «Сокольский батько» (по ул. Русской, № 20).

В июне месяце 1914 г. сечовые и сокольские организации соединились в один союз под командой вновь установленного «сечового старшины», и соединение это произошло на «Сечово-сокольском съезде» во Львове 27 и 28 июня нового стиля 1914 г. По объявлении мобилизации из «сечевиков» и «соколов» были образованы «украинские стрелецкие полки». Часть членов «сечей» или «соколов», подлежащих призыву на военную службу, с разрешения воинских властей были включены в эти «украинские полки» запасными рядовыми и офицерами. И, таким образом, большая часть мазепинских интеллигентов поступила не в полки действующей армии, а в новообразованные полки мазепинских стрельцов. Их было всего до 20 000 человек. Военное ведомство выдало им вооружение и снаряжение устаревшего типа и назначило их в поход против России. Но они оказались совершенно непригодными к военному делу. Имеются точные сведения, что во время отступления австрийской армии из Восточной Галичины в местечке Болехове около 2 000 стрельцов от страха бежало в леса, не имея возможности далее сражаться, а остальных оставшихся в живых стрельцов сами военные власти разогнали как неопытных в военном деле.

Некоторые стрельцы, почему-либо не ушедшие на войну, остались на месте. Они, будучи патриотами, указывали военным австрийским властям решительно на все, что было действительной опасностью для Австрийской империи со стороны «русофилов». Последних по указаниям стрельцов арестовывали и большей частью казнили. В числе оставшихся во Львове значатся следующие видные члены мазепинских стрелецких дружин, а именно: Николай Курцеба, редактор «Нового слова» и инструктор сечовых стрельцов; Николай Войнаровский, сотрудник «Діла», главный интендант и секретарь соединенных стрельцов; Юльян Балицкий, редактор изданий «Просветы» и просветительный организатор стрельцов; Василий Струк, офицер запаса, военный инструктор стрельцов, и много других.

Громадное большинство членов мазепинских партий со своими партийными руководителями вошло из запаса в войска, меньшинство же осталось на местах без должного руководительства и соединилось в «Головную украинскую раду». Эта «Рада» назвала себя именем верховной власти мазепинцев всех партий на время войны. «Головна украинска рада» выпустила издание «Манифеста к украинскому народу». В этом манифесте было объявлено, что наступило

время освободить из-под «кровавого российского царя» Украину при помощи австрийской и прусской армий. Затем манифест взывал к дружному восстанию всех украинцев против России и т. д. Манифест этот подписали предводители партий: Национально-демократической, Радикальной и Социалистической.

Кроме манифеста «Рада» издала большое количество печатных прокламаций на русском и малорусском языках, которые были перевезены в Россию для распространения их между народом и войсками Южной России. Для исполнения этого были высланы в Россию наилучшие агитаторы от всех мазепинских партий, а именно: от партии Национал-демократической — депутат доктор Лонгин Цегельский в Киевскую губернию; от Радикальной — доктор Лев Ганкевич в Харьковскую губернию и от Социал-демократической — Николай Ганкевич в Бессарабскую и Херсонскую губернии. Каждый агитатор отправился со своими помощниками. Задачей их было не только распространить вышеупомянутые прокламации, но также влиять на население и войска Южной России в духе, благоприятном для Австро-Венгрии.

Последующие сведения в виде сводок по отдельным организациям и партиям будут представляться мною Вашему превосходительству дополнительно к настоящему донесению периодически, по мере сбора материалов и сведения их в общие конспекты. При этом докладываю, что вместе с сим настоящие сведения за № 129 мною представлены военному генерал-губернатору Галиции. Полковник Мезенцов».

К сожалению, это было первое и последнее столь подробное донесение, так как вскоре после состоявшейся в апреле высочайшей поездки в Львов и Перемышль, в мае месяце, началось отступление нашей армии из Галиции, и за этот период, с февраля по май, я получал только отдельные донесения по разным случаям и происшествиям.

К этому же времени относится возвращение из служебной командировки в пределы Германии одного из офицеров Корпуса жандармов, фамилию которого я, к сожалению, сейчас не помню и который блестяще выполнил это трудное, рискованное и ответственное поручение, проведя в тылу германской армии, насколько я припоминаю, около двух месяцев. Он смог совершить столь рискованное предприятие и благополучно возвратиться благодаря отличному знанию немецкого языка и удивительной находчивости и отваге. Представленный им доклад гласил следующее:

«Целью моей поездки за границу было: *во-первых*, дать ответы на следующие вопросы: 1) каково истинное экономическое положение Германии, а именно: а) в отношении лошадей и скота, б) в отношении настроения рынков; 2) численность учащихся частей и их возраст; 3) их нравственное настроение, срок окончания учения, их

вооружение; 4) каково общее настроение, а именно: населения, бюрократии; 5) обсуждают ли вопрос мира вообще и сепаратного, каковы их надежды и требования; *во-вторых*, собрать, по возможности, сведения о внутренних беспорядках в Германии, о посевах, о некоторых загадочных проявлениях германской тактики, вроде того, например, что на незначительном участке принимают участие в битве чины 14 разных боевых частей; *в-третьих*, дать известие о политическом настроении познаньских, силезских и прусских поляков.

Отвечая на первую группу вопросов, я одновременно дам ответ на вторую их группу, так как они друг к другу весьма близко прикасаются.

В общем, экономическое положение Германии скверное, но еще не критическое. Kriegsbedarf Gesellschaft * заявило недавно, что Германия, изолированная от подвоза товаров, исчерпывает запасы. Но мы не должны забывать, что в стране, столь благополучно организованной и столь торговой, где в портах имелись всегда в наличности громаднейшие склады всевозможных товаров, предназначенных чуть ли не для всей Европы, запасы эти громадны. Директор Балин на собрании Экономического общества заявил, что окончание войны весьма желательно, так как Германия — страна экспорта, лишенная меновой торговли, сосредоточивает ныне неимоверное количество бумажных денег, которые при том или другом исходе войны причинят Германии верный кризис, который может оказаться для нее безысходно гибельным. Состояние рынков германских, конечно, плачевное, ибо она ничего не продает за границу. Но недостаток золота не может быть при этих условиях гибельным для Германии, ибо она в нем не нуждается, не покупая или покупая весьма мало за границей. У себя же она платит бумагой. Балансы главнейших германских предприятий за 1914 г. еще весьма хороши. Все еще расплачивались они 8—16% прибыли.

Но нынешний год покажет уже экономический кризис, чего доказательством может служить тот факт, что биржевая цена акций таких предприятий, как Deutsche Waffen und Munitionsfabriken, Rheinische Metallwarenfabrik, Ludowig Löwe Gesellschaftlich Kupfer und Messingwerke, Bismarkhütte, Oberschlesische Kokswerke, неимоверно падает. Что касается внутренних займов, то они прошли весьма успешно. В первый раз внутреннее предложение достигло 4,5 миллиарда марок, во второй раз 9,1 миллиарда.

Безработных в Германии нет, так как те, кто остался свободным от воинской повинности, работают для военных надобностей, причем рабочие получают высокую плату, вдвое больше обыкновенного, что составляет меру правительства для задобрения рабочего класса. Фабрики, работавшие раньше для экспорта товаров, завели новое

* Военно-потребительское общество.

оборудование и работают для нужд войны. От высокой платы рабочему, правда, немного пользы, так как цены на все почти предметы повысились, но эффект большой. Для характеристики правительственных предприятий в этом отношении я приведу такой пример. Пленных горнозаводских рабочих заставляют работать в копях, ввиду недостатка рук, по нарицательной цене германских рабочих, чтобы не сбавлять их заработной платы, но выплачивают пленным лишь 25% заработка, остальные же 75% поступают в Фискус *.

В общем цены вздорожали на 20%, но в частности — во многих случаях цены повысились на 100 и 200%. Картофель — с 3 марок 50 пфеннигов за центнер вздорожал до 9 марок. Черный хлеб — с 30 пфеннигов за фунт до 66 пфеннигов. Сало — с 85 пфеннигов на 1 марку 60 пфеннигов, керосин — с 20 пфеннигов на 72 пфеннигов фунт. Оптовая цена картофеля ныне 12—14 марок за 100 кг на станции железных дорог. В Берлине фунт ветчины стоит 2 марки 50 пфеннигов, коровье масло — 3 марки и дороже фунт.

Что касается металлов, особенно меди, то конечно сюда относится прежде всего то, что я сказал выше о положительном недостатке привоза. Но значение этого недостатка привоза меди для количества боевых средств преувеличено по следующим причинам: 1) Германия имела весьма большие запасы готовых снарядов; 2) в Германии имелись громадные склады металлов в частных руках, что целиком перешло во владение армии; 3) громаднейшие запасы меди и других металлов забрали германцы в Бельгии и Франции, где в столь известных богатейших в Европе промышленных районах германцы демонтировали все фабрики, конфискуя всю медь, включая краны и гайки машин; 4) германцы предвидят такое время, когда они будут принуждены отдать для военных надобностей всю имеющуюся в стране медь, включая кастрюли и пуговицы, что в столь зажиточном крае может дать десятки миллионов пудов меди.

Значительно хуже положение Германии относительно бензина, кожи и скота. Частные автомобили и городские почти совсем упразднены. Завелись прежние извозчики, даже в Берлине. Подошва уже стоит 5 марок. Германские интенданты покупают через своих агентов сапоги в Скандинавии. Свиней и рогатого скота большой недостаток. Еще осенью прошлого года, когда из опасения недостатка кормовых средств началось избиение скота и свиней, пало множество коров, что в нынешнем году значительно уменьшит естественную прибыль скота. В Шлезвиге, крае, богатом свиньями, осталось не больше 5% прежней их наличности. В Познанской провинции свиней почти нет. Население Германии питается много мясными консервами из опасения их порчи.

Самое больное место Германии — это, конечно, хлебный вопрос.

* В казну *(нем.)*.

То обстоятельство, что в Германии воспрещено печь пирожные и булки, что хлеб у них с картофельной мукой и что его выдают по порциям, это не значит, что у них давно нет муки. Это доказывает, что они ее берегут. Представители правительства заявили официально в парламенте, что у них прошлогоднего запаса хлеба, при той бережливости, хватит до половины ноября, что казалось весьма правдоподобным, так как германцы забрали в Бельгии и Польше тысячи вагонов зерна. Мне удалось, однако, узнать со всей точностью, что у них ныне всего 900 000 тонн зерна и что его хватит лишь до половины августа. Из Польши германцы увозили 200 поездов в день по 20 вагонов в течение 6 недель в феврале месяце. Весной сего года посевы сделаны в Германии весьма тщательно. Засеяны не только все поля, но все свободные земли, площади, поляны. Воспрещено было сеять свекловицу, хмель. Все огороды, где были плантации спаржи, томата и других, не необходимых для пропитания населения растений, овощей или хлебов, — ныне засеяны рожью и овсом. Занятые германцами польские губернии сплошь засеяны овсом, ячменем, клевером, картофелем. Если у кого не было лошади и рабочих рук, солдаты пахали паровыми плугами. Сотни вагонов зерна были посланы в Польшу для посевов. Были случаи, что германцы расстреливали польских помещиков, отказывавшихся сеять без гарантии, что урожай их опять не увезут в Германию.

Сегодня уже со всей точностью можно сказать, что Германия не в состоянии будет обеспечить хлебом свой будущий год, помимо всех усилий, не имея никакой возможности купить хлеба у своих обыденных поставщиков, как это она делала каждый год, платя за хлеб еще в 1913 г. 370 миллионов Соединенным Штатам и 118 миллионов марок России. Ныне лишь картофеля имеется достаточное количество. Урожай в Германии в нынешнем году обещает быть весьма плохим. Если погода не изменит дела к лучшему, то по ныне существующим официальным сведениям урожай не достигнет 50% обыкновенного и необходимого. Надо прибавить, что в Германии недостаток почти половины необходимых искусственных удобрений, особенно чилийской селитры. По нынешним подсчетам, Германия в этом году получит от нового урожая: 6 миллионов тонн овса, 2 миллиона тонн ячменя, 1 миллион тонн второстепенного зерна, 4 миллиона тонн кукурузы.

Наконец, в отношении лошадей и кормовых средств дело в Германии весьма плохо. Германская армия располагает наличностью 800 000 лошадей, всего же в Германии имеется ныне, кроме военных, два миллиона лошадей. Правительство платит 2100 марок за 1/1 и 1800 за 1/2 крови [5], что вызывает неудовольствие. Корм лошадей до того недостаточен, что лошади падают не только от изнурения похода, но и от недостатка овса. Количество овса, даваемого лошадям, в последнее время опять уменьшено. Лошадей покупает еще

Германия в Венгрии и в Дании. Дания продала Германии от начала войны 120 000 лошадей по цене на 500 марок дороже рыночной цены за штуку, но запас лошадей и в этих краях уже истощился. В настоящее время корма недостает приблизительно для 1/5 количества лошадей и скота, в будущем году недостаток корма превысит 8 миллионов тонн. Недостаток корма чувствуется до такой степени, что в некоторых местах крестьяне начали кормить свой скот зеленым посевом, имеющимся в поле. Правительство обратило на это внимание и приняло строжайшие меры. Таким образом, из вышесказанного явствует, что время есть тот страшный враг, который готовит ей гибель, который ничто не предотвратит. Через год Германия будет полнейшим банкротом во всех отношениях и помимо всех гигантских усилий.

Вторая группа вопросов, по которым я собрал сведения, относится к самой немецкой армии. Во всей Германии уже призваны под оружие все мужчины от 17 до 45 лет. Ландштурм от 35 до 45 лет призывался 29 мая. В скором будущем наступит призыв всех служащих в армии с 45 до 50 лет. Для Берлина делаются исключения ввиду рекламы. Учатся рекруты и запасные во всех городах Германии, а кроме того, много высылается в Польшу, и там они обучаются в Лодзи, Калише, Кутне и т. п. Не все призванные сразу обучаются и не все обученные сразу высылаются на фронт за недостатком офицеров. Берут всех. Освобождают меньше одного процента. Берут одноглазых, берут глухих, берут с переломанной ногой. Глухих посылают копать окопы. Хромых садят на повозки как обозных солдат. Здоровые солдаты, служащие санитарами, конвойными и т. д., полдня исполняют свою службу, а полдня обучаются строевой службе и потом идут в инфантеристы. Настроение солдат на фронте и учащихся — пессимистическое: не верят уже в победу. Офицеров громаднейший недостаток. Офицеры регулярных войск почти все избиты. Командуют запасные. Всех рядовых, так называемых einhöriger вернули с поля и отдали в шестимесячную офицерскую школу. Эти новые офицеры, судя по письмам солдат, — трусы, глупы и не пользуются никаким уважением рядовых. Есть еще трехмесячный офицерский курс для тех, кто раньше служил в армии. Призванных рядовых обучают 6 недель. На русский фронт солдаты вообще идут неохотно. Хотя 17 и 18-летние юноши призваны, но они еще не все в казармах. Вообще, юношей берегут, посылая на фронт запасных. Если в начале войны встречалось много моладеньких солдат, то не надо забывать, что сейчас, после объявления войны, поступило в армию 2 миллиона добровольцев, так что, например, прошлогодние призывные начали обучаться только в феврале месяце, а призывные нынешнего года еще только начинают обучаться. Согласно официальным спискам выбывает из строя ежемесячно четверть миллиона солдат. В действующей армии чувствуется громадное утомление. Раненые офицеры утверждали, что в ско-

ром времени надо ожидать полной перегруппировки фронтов для их сокращения.

На основании вышеозначенных данных легко определить численность немецкой армии. Процент мужского населения от 17 до 45 лет известен. От этого числа надо вычесть: 1) 1% неспособных, 2) % трена, штабов, конвоя и т. д. (известный), 3) выбывших из строя в течение 10 месяцев — 1,5 миллиона. Полученное число будет составлять действующую армию и учащихся.

Вооружение солдат все то же, что было в начале войны.

Что касается загадочного вопроса о неимоверной концентрации четырнадцати полков на небольшом пространстве, то это ничуть не обозначает, что там было 14 полков резерва и что только отдельные части их принимали участие в бою. Это означает, что немцы прибегают к обману, снабжая солдат фиктивной нумерацией для того, чтобы внушить неприятелю понятие о громадных скоплениях сил, между тем как там имеется всего два или четыре полка.

Наконец, хотя это к вопросу непосредственно не относится, но мне удалось узнать, что в течение последних месяцев Германия выслала через Румынию — под видом частей машин — 40 подводных лодок, предназначенных для Турции (20) и для Австрии (20) на Адриатическое море против Италии, и что у Круппа строятся ныне пушки, специально предназначенные для бомбардировки Англии с Кале.

Гинденбург попал в немилость Вильгельма, «Ich will ihn nicht mehr haben» *, — сказал Вильгельм, посылая его в Восточную Пруссию «для реквизиции овса», как выражались немцы. Официально он еще главнокомандующий, но на самом деле Макензен составляет ныне главу Генерального Штаба и пользуется полным доверием кайзера вместе с Фалькенгеймом и Тирпицом, которые составляют настоящий триумвират. Падение Гинденбурга надо приписать тому, что он русскую кампанию считает проигранной, выразив Вильгельму мнение, что всякое дальнейшее наступление в Польше бесполезно и не оплачивает громаднейших потерь, так как со стратегической точки зрения победить Россию нельзя.

Третий вопрос, на который я должен был дать ответ, касается заключения мира. В общем, нужно сказать, что то одушевление и та вера в победу, которые питали германское общество 10 месяцев тому назад, ныне не существуют. Народ изнурен и опечален. Чуть ли не каждая семья в трауре. В этом отношении громадная разница с Россией. В России ядро войск — крестьяне, где смерть воина вовсе не производит того удручающего впечатления, как в Германии, в среде зажиточных городских буржуа, которые там составляют 50% армии. Народ желает мира. Общее настроение не высокой температуры. Говорить о мире воспрещается. Писать начали в пос-

* Он мне больше не нужен *(нем.)*.

леднее время, но, главным образом, в тоне систематического уверения народа, что неприятели ищут у них мира.

В бюрократии и на дворе кайзера существуют два течения. Во главе одного — за войну во что бы то ни стало — стоят сам Вильгельм и его триумвират: Макензен, Тирпиц, Фалькенгейм. Во главе второго — за мир — стоят Бетман Гольвег и Министерство внешних дел. Правая рука канцлера, некто Ганап, прибегает к посредничеству вождя социал-демократии Либкнехту для того, чтобы при помощи его влияния на французских социалистов возбудить в их среде желание мира и инициативу. Бетман Гольвег желает мира, но не с Россией, а с Англией и Францией за цену полной свободы Бельгии. Министерство внешних дел работает в этом направлении, возбуждая одновременно частную инициативу.

В Берлине основалось общество «Bund Neues Vaterland» *. Во главе его стоит кронпринц, вопреки воле отца, видный аристократ фон Теперляски, граф Арко, несколько дипломатов, ряд профессоров с Дельбрюком и Ястрефом во главе, а также парламентские председатели ** социальной демократии. Организация эта пользуется полнейшим содействием министра внешних дел и преследуется военным ведомством.

Немцы знают, что после окончания войны они будут в экономическом отношении не только разорены, но и бойкотированы на всех, доступных раньше для них рынках. Заранее думая об этом, они за всякую цену будут стремиться создать экономическую унию с Голландией, Бельгией, Скандинавией, для того чтобы под их прикрытием наводнять мир своими товарами. С этой целью они намереваются, в их предположении о победе, создать Польское государство, которое было бы их рынком и из которого ввозили бы в Россию свои изделия под именем польских фабрикантов, не говоря о стратегических их целях.

Для ознакомления с настроением польского народа, живущего в Германии, а именно поляков познанских, силезских, части королевской Пруссии, я беседовал с видными политическими представителями общества и могу сказать, что общее настроение в отношении русской армии более чем симпатичное. Они ожидают русских. Гинденбург сказал покойному епископу Ликовскому, что если русские войдут в Познань, то немцы повесят тысячи поляков за «москалефильство». В победу русского оружия они верят, ликуют от всякой русской победы, но были весьма огорчены тем, что русские после занятия Галиции упразднили все проявления вековой польской жизни — Сейм, университет, школы, музеи и пр. Там опасаются также, что с присоединением прусской Польши к остальным ее частям на край прусской Польши обрушится еврейская масса,

* Союз нового отечества *(нем.)*.

** Так в тексте; скорее всего, — представители.

которой ныне там совсем нет и которой устранение стоило обществу громадных долголетних усилий в хозяйственном отношении.

В общем, русскую армию встретят там поляки с открытыми руками. Когда русские перейдут границу — все частное немецкое население удерет. Останутся только поляки, так что они уверены, что отношение новой военной власти к ним будет столь же доброжелательно, сколь их отношение к войскам будет характеризоваться полным сочувствием. Воссоединение прусской Польши с остальными польскими землями поляки познанские не представляют себе иначе, как полностью, т. е. с Силезией и приморской Польшей с Гданьском.

Сюда же я позволю себе отнести еще сведения из Польши, занятой пруссаками. Там крестьяне продолжают относиться в высшей степени враждебно к германским властям. Подводы не дают иначе, как под угрозой пули, и то бывают случаи, что сев на подводу, крестьянин пользуется первым моментом невнимания конвоя (1 солдат на 5 подвод) и удирает в лес с провиантом, нагруженным на телегу. Сеять крестьяне для немцев тоже не хотели. Пруссаки требовали от духовенства повлиять на паству в духе послушания прусской власти. Ксендзы поголовно отвечают, что их дело заботиться о душе прихожанина, а не о его подводах.

Кроме вышесказанного, я считаю нужным еще прибавить некоторые сведения, косвенно касающиеся затронутых вопросов. В течение моей поездки я прочел десятка два брошюр немецких политических деятелей, профессоров, видных журналистов на тему войны и ее задач. Из всей этой политической литературы явственно одно: Германия стремится к одной цели — сделаться всемирной — Weltstaat, Weltmacht *. Для достижения этой цели ей мешают: Россия — в Европе и Англия — вне Европы. Из этого следует: у Германии два врага — Россия и Англия. Франция не враг, а если враг, то ничтожный. Справиться одновременно с Россией и Англией Германии не по силам, это она уже поняла. Поэтому и стремление заключить мир с Англией, конечно, временный, и тогда напрячь все усилия для войны с Россией. Для борьбы с Россией, кроме армии, Германия выставляет грандиозный проект — соединенных государств Средней Европы, в состав которой вошли бы Германия, Австрия, Венгрия, Румыния, Болгария, Дания, Швеция, Норвегия, Польша, которую Германия готова создать из Галиции и Царства Польского. Если Германия пойдет на мирные условия, но не будет разбита, не будет уменьшена Эльзасом и Лотарингией, Гольштином и Польшей, то она не только не перестанет вести милитаристическую и агрессивную политику, но наоборот, увеличит и ускорит ее и лет через 10 готова будет к новой войне, вдвое лучше подготовленная. Богаче опытом, она заготовит припасов не на год, а на пять лет,

* Мировая держава, мировое государство *(нем.)*.

и тогда война с ней будет немыслимой. Вот основная мысль германской политической идеологии. Этим исчерпывается поставленная мне программа».

10 февраля в Особом присутствии Петроградской судебной палаты с участием сословных представителей слушалось дело о членах Государственной Думы Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове, дворянине Яковлеве, Розенфельде и др., обвинявшихся в принадлежности к Социал-демократической партии [6], поставившей себе целью ниспровержение, путем вооруженного народного восстания, установленного в России образа правления и замену его демократической республикой.

Подсудимые были арестованы осенью 1914 г. в Озерках, на одной из дач, причем у них найден был ряд революционных брошюр и прокламаций и телеграмма Эмиля Вандервельде, делегата Бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро к членам Думы — социал-демократам. В телегамме этой указывалось, что демократические республиканцы и социалисты Бельгии и Франции решили использовать во всей полноте свое право на законную оборону родины. Вандервельд призывал членов социал-демократической фракции Государственной Думы стать на общую точку зрения социал-демократов Европы, признававших, что против опасности торжества германского милитаризма настоятельно необходима коалиция всех живых сил Европы. При этой телеграмме оказался и ответ, напечатанный в газете «Социал-демократ» от 1 сентября 1914 г., где говорилось, что русский пролетариат не может идти за правительством, а напротив, должен использовать военный кризис для свержения существующего в России порядка.

Обвинение предъявлено было по 102 статье Уголовного уложения всем обвиняемым, за исключением Гаврилова, на квартире которого происходило совещание и к которому применена была статья 163 того же Уложения. Защитниками были Соколов, Гольдштейн, Муравьев, Бернштейн, Полонский и Керенский (член Думы). Поддерживавший обвинение товарищ прокурора Ненарокомов в заключительной части своей речи сказал: «Подсудимые чрез трупы сражающихся у границы людей намеревались протянуть руку врагам. Когда наши войска вернутся победителями, подсудимым не место среди встречающих».

13 февраля был вынесен приговор — все подсудимые приговорены были к лишению прав состояния и ссылке на поселение, за исключением Козлова, который был оправдан, Антонова и Гаврилова, приговоренных в крепость, первый — на восемь, а второй — на полтора месяца.

По поводу направления этого дела по окончании следствия у меня были большие пререкания с министром юстиции Щегловитовым, который хотел непременно передать дело военному ведомству

для осуждения социал-демократов по законам военного времени. Я же держался обратной точки зрения и находил неправильным и неполитичным передавать это дело военному суду, во-первых, вследствие того, что подсудимые фактически своих намерений в исполнение привести не успели, во-вторых, я находил нежелательным давать повод говорить, что правительство воспользовалось военным временем, чтобы избавиться от «ненавистных» ему депутатов.

Министр Маклаков меня поддержал, и я был уверен, что моя точка зрения одержит верх, тем более что я успел переговорить и с великим князем Николаем Николаевичем, от которого зависело окончательное решение по этому делу, так как без его согласия передача дела военному суду не могла состояться. Великий князь с моими доводами согласился, и я, как помню, уехал отдохнуть немного в Курскую губернию, на этот счет совсем успокоенный. Щегловитову мой отъезд оказался на руку, и, желая, очевидно, спихнуть с себя это дело, он решился чрез Горемыкина обратиться к Верховному главнокомандующему.

Находясь в Курской губернии, я получил длиннейшую шифрованную депешу от великого князя, пересланную мне из Петрограда. В этой депеше великий князь приводил почти целиком ходатайство Председателя Совета Министров Горемыкина о передаче дела социал-демократов военному суду и просил меня телеграфировать ему мой отзыв на выставленные мотивы, повторив в письменной форме все то, что я ему докладывал на словах. Такое доверие великого князя меня глубоко тронуло, я сейчас же составил ответ, зашифровал его, благо у меня был шифр с собой, и послал на телеграф с нарочным. Горемыкин в своем докладе великому князю, прося о передаче дела военному суду, руководился следующими данными: арест депутатов произведен был на территории, объявленной на военном положении; Щегловитов опасался, что гражданский суд оправдает депутатов, и правительство, привлекшее их, очутится в неловком положении — будет скомпрометировано и т. д.

Я ответил прямо, что я вижу в этом деле желание Щегловитова спихнуть с себя это чисто политическо-гражданское дело, что опасения Щегловитова не выдерживают никакой критики, так как факты и улики налицо, и о сомнении в виновности депутатов не может быть и речи, дело совершенно просто и ясно, и что говорить о таких опасениях Щегловитову и совсем не пристало, так как он до сих пор никогда не стеснялся в своих действиях и за время своего управления Министерством юстиции при надобности всегда находил способы оказывать на суд влияние в желательном для себя смысле, обратив даже высшее юридическое установление — Правительствующий Сенат в послушный себе департамент, пользуясь своим влиянием при назначении сенаторов. В заключение я прибавил, что нахожу

весьма неполитичным подать повод говорить, что правительство поступило недостойно, воспользовавшись военным положением, чтобы избавиться от враждебно настроенных к нему депутатов, я находил, что это умалит престиж правительства и укажет на его слабость. К сожалению, у меня не сохранилось подлинных копий этой переписки, и потому, быть может, я передаю все это не совсем точно, но суть ответа моего я помню хорошо.

Чрез два дня я получил от великого князя депешу, в которой он благодарил меня и сообщал, что согласился с моим мнением. Вызвав Горемыкина, великий князь сообщил ему о своем несогласии на передачу дела военному суду и на вопрос о причинах передал ему копию моей депеши, сказав, что он не мог не согласиться с высказанными мною соображениями. Горемыкин, в свою очередь, не нашел ничего лучшего, как показать копию моей депеши Щегловитову, который очень обиженный приехал к Маклакову и стал ему жаловаться на меня, говоря: «За что же это Джунковский так меня ошельмовал перед великим князем, я ведь всегда так хорошо к нему относился».

Все это я узнал от Маклакова. Когда я увидел после этого первый раз Щегловитова, встретившись с ним в Государственном Совете в министерской ложе, то он как ни в чем не бывало встретил меня очень любезно, высказывая сожаление, что давно меня не видел. Я, со своей стороны, тоже не коснулся происшедшего.

17 февраля оставил должность министра торговли Тимашев, на его место назначен был князь Шаховской — начальник водных путей сообщения и шоссейных дорог. Мне было жаль Тимашева, он был не особенно симпатичен, будучи сухим и малообщительным, а благодаря недостаточной самостоятельности, не был чужд вредного влияния окружавших, и не только своих сослуживцев, но и разного рода спекулянтов, в общем же, это был безукоризненно честный, искренний и порядочный человек и большой работоспособности и благожелательный. Говорили, что его отставка была связана с неудовлетворительным состоянием нашей золотой промышленности, что особенно ярко сказалось на последнем съезде золотопромышленников, на котором выяснилась будто бы весьма неудовлетворительная и малая деятельность министерства в этой важной отрасли государственной промышленности. Но главным толчком его отставки послужило, как говорили, единогласное отклонение в Совете Министров многосложного предложения Тимашева по вопросу патентов и привилегий иностранных подданных воюющих с нами держав и принятие взамен этого предложения редакции Крыжановского, содержащей в себе только несколько слов: «Все патенты и привилегии отменяются». Назначенный на его место князь Шаховской как будто не имел никаких данных для занятия должности министра торговли и представлял собой челове-

ка, как мне казалось, приспосабливающегося ко всякого рода обстоятельствам. Почему он был выдвинут на этот пост и кем, для меня осталось тайной.

20 февраля я выехал в Гельсингфорс, ввиду ожидаемого туда чрез несколько дней высочайшего приезда. Надо было повидать генерал-губернатора генерала Зейна, переговорить с ним по всем делам, связанным с пребыванием Государя в Финляндии, ознакомиться с расположением города, местными порядками и мерами охраны.

Я никогда не бывал в Гельсингфорсе, так как дальше Выборга по Финляндии не ездил, и потому для меня все было ново. Я провел в Гельсингфорсе целый день 21 февраля, город мне страшно понравился своей чистотой, благоустройством и дешевизной. Зейн принял меня очень любезно, мы с ним объехали весь город, он меня познакомил со всеми местами высочайших посещений, ознакомил и с местными порядками. Вечером я выехал на шведскую границу в Торнео, проехав, таким образом, всю Финляндию, мне хотелось воспользоваться моим приездом в Гельсингфорс, чтобы посетить наш пограничный пункт на севере Финляндии и произвести ревизию, ознакомиться на месте с порядком осмотра пассажиров и багажа иностранных подданных воюющих с нами держав, отправляющихся на родину через Швецию.

Чем дальше шел поезд к северу, тем все меньше и меньше казалось, что едешь по России, на станциях русские стали попадаться все реже и реже. Помню, как меня поражали названия станций по дороге, особенно одно название не могло не броситься в глаза. Не доезжая до Улеаборга, поезд остановился на 10 минут у небольшой станции, название которой оказалось «Ii». Я вышел на платформу, ко мне подошел начальник станции, оказавшийся женщиной, в форменном пальто черного сукна с серебряными пуговицами и с оригинальным кепи на голове. Ломаным русским языком, коверкая слова, она, приложив как-то неловко руку к козырьку, отрапортовала мне, что на станции «Ii» все обстоит благополучно.

В Улеаборге меня встретил местный губернатор действительный статский советник А. М. ав-Энегельм, старичок лет 70 на вид, и сопровождал меня в пределах своей губернии до Торнео и обратно. Старичок оказался очень милым, говорил он по-русски довольно плохо, но объясняться с ним было все же легко, и на все интересовавшие меня вопросы он отвечал очень охотно. В пределах Улеаборгской губернии стали попадаться северные олени, которые местным жителям заменяли лошадей. Мороз все крепчал, когда мы подъезжали к Торнео, было уже ниже 30°, но воздух был дивный, солнце светило вовсю, и совсем не казалось так холодно, я был в летнем пальто, а губернатор сопровождал меня по Торнео в расстегнутом меховом пальто, несмотря на то, что был в виц-мундирном фраке с крахмальной грудью и без всяких шарфов.

В Торнео я подробно ознакомился со всеми порядками, проехал

в санях чрез границу в Хапаранду и, побывав таким образом в Швеции, вернулся обратно. Уехал я из Торнео под самым лучшим впечатлением всего виденного вообще и, в частности, работы местных властей. На обратном пути я простился со старичком губернатором на станции Улеаборг.

Не останавливаясь в Гельсингфорсе, я возвратился в Петроград 23 февраля утром, поделился всеми впечатлениями о поездке с дворцовым комендантом, доложил министру двора результаты моих переговоров с Зейном и на другой же день утром, 24 февраля, выехал опять в Гельсингфорс, чтоб прибыть к вечеру, так как Государь ожидался туда 25-го утром. По дороге я все время проверял охрану железнодорожного пути, давая соответствующие указания. Начальником жандармско-полицейского управления железной дороги был генерал Фрейберг, человек очень почтенный и в высокой степени порядочный, но страшно бестолковый, почему надо было всегда бояться, как бы он не переборщил.

В Гельсингфорсе я остановился в одной гостинице с морским министром Григоровичем и сразу с поезда попал на парадный обед в той же гостинице, который Григорович давал в честь местных властей и представителей морского ведомства.

На другой день в 9 часов императорский поезд подошел к вокзалу. На станции к этому времени собрались: морской министр генерал-адъютант Григорович, главнокомандующий генерал Фон дер-Флит, командовавший флотом Балтийского моря адмирал Эссен, генерал-губернатор Зейн, губернатор Виднес и др. Приняв рапорт генерала Зейна, обойдя начальствующих лиц, Государь принял почетный караул, пропустил его церемониальным маршем и направился в красиво убранный зал вокзала, где принял представлявшихся высших чинов финляндского самоуправления, сенаторов и др. Затем Государь подошел к депутациям от православного прихода, от г. Гельсингфорса, от представителей сельскохозяйственного населения, гельсингфорской общины, от финской рабочей организации и от еврейской общины. [...]

Поблагодарив депутации, Государь в открытом автомобиле проследовал в православный Успенский собор. Улицы были полны народа, но какая разница была в характере и настроении этой народной толпы по сравнению с русской. Толпа эта в молчаливом спокойствии и неподвижности встречала царя — своего великого князя. Мне объяснили, что это вовсе не было равнодушием толпы и ее холодностью, а что это в характере угрюмого по внешности финна, выросшего среди скал и мхов; его чувствования и переживания происходят внутри, не вырываясь наружу.

В Успенском соборе собрано было все русское общество Гельсингфорса. После краткого молебствия Государь проследовал в Никольский лютеранский собор, где был встречен архиепископом Абоским Иогансоном и епископом Боргосским. Во время молебствия орган

и хоры чередовались, молитвы пелись на финском и шведском языках. Народу было очень много, весь храм был переполнен.

По окончании молебствия Государь отбыл к эскадре, которая стояла во льду на рейде. Было оригинально и красиво, когда автомобили неслись по ровному и гладкому льду залива к кораблям. Вдоль пути были выстроены команды судов, горячо приветствовавшие Государя. Все эти суда совершили уже ряд боевых подвигов и были готовы выйти в открытое море в любую минуту. Для этого впереди эскадры наготове стояло два или три ледокола и на всех судах поддерживались пары. По данному сигналу вся эскадра в течение получаса времени могла свободно выйти из окутывавшего ее льда в море.

Автомобили непосредственно подъехали к сходням одного из броненосцев. Государь подробно осмотрел новые суда и обошел все остальные, лично раздавая по пути Георгиевские кресты матросам, представленным к получению их. Окончив осмотр судов, Государь проехал в свеаборгский Александро-Невский собор, который еще в Крымскую войну пострадал от бомбардировки англичан. После краткого молебствия обошел на плацу гарнизон крепости. После завтрака Государь продолжал осмотр крепости, причем объяснения давал комендант генерал Пашенко, после чего посетил раненых во временном лазарете Императорского финляндского Сената в здании дворца. Снявшись в группе с ранеными, Государь поехал на пароход «Ариадна» Финляндского акционерного общества, обращенный в госпиталь. Государь самым подробным образом осмотрел этот плавучий госпиталь, переполненный ранеными офицерами и нижними чинами. С каждым Государь поговорил, выслушивая доклады врача о тяжелораненых. На баке Государь благодарил команду моряков-санитаров. Могучее «ура» было ответом на слова Государя, и это «ура» подхвачено было на других кораблях эскадры. Под эти крики Государь отбыл на вокзал.

До самого вечера, до минуты отъезда Государя, толпы народа не покидали улиц. К вечеру его стало еще больше, и когда Государь уезжал, то и спокойные финны не выдержали, и громкое «ура», не русское, а какое-то другое неслось по улицам Гельсингфорса. В 10 часов вечера императорский поезд отошел от Гельсингфорса, на другой день, 26 февраля, Государь уже был в Царском Селе, чтобы через день, 28 февраля, отправиться в действующую армию, в Ставку.

Я вернулся в Петроград вслед за Государем и на следующий день, 27-го, выехал в Ставку, проверяя по дороге охрану железнодорожного пути. Явившись великому князю и доложив ему подробности суда и приговора по делу депутатов (см. выше), я на автомобиле вместе с генералом Дубенским, автором книги «Государь император в действующей армии» и сопровождавшим Государя во всех поездках во время войны, выехал из Ставки на театр военных действий

в район Ломжи, где недавно происходили кровопролитные бои, в которых принимала участие гвардия. Мы проехали в Белосток, Остроленку и затем в Ломжу. В этом городе находился штаб армии Плеве, в состав которой входила и гвардия. Штаб гвардейского корпуса находился тут же, полки же верстах в 10-ти впереди.

Покончив со всеми делами, которые у меня были со штабом Плеве по контрразведке, мы отправились в штаб Лейб-гвардии Преображенского полка, где, окруженные трогательным радушием и гостеприимством, провели среди родных мне преображенцев несколько часов. Это было всего в 3 верстах от передовых окопов. Проехав затем ряд мест, где недавно шли упорные бои — Червонный бор, Замбров, Остров, Вышков, мы вернулись в Ставку 3 марта.

В это время в Ставке царило нервное настроение, со дня на день ожидали падения Перемышля, Государь со дня на день откладывал свой отъезд, желая дождаться этого события на фронте. Доложив Янушкевичу о положении контрразведки в Ломже, я выехал еще в Ново-Александрию, Радом и Конск по служебным делам, надо было свидеться с радомским губернатором, у которого были некоторые недочеты, и разобрать поступившие жалобы. К 5-му я был обратно и остался в Ставке, занимаясь текущими делами, которые мне ежедневно привозили из Петрограда. В это время получались с фронта довольно утешительные вести, наши войска, несмотря на глубокий снег и морозы, успешно наступали в Карпатах, и только Перемышль задерживал нас.

Наконец, 9 марта разнеслась радостная весть — Перемышль пал. Я сидел у себя в вагоне, когда мне прислали сказать об этом. Я тотчас побежал к великому князю. Он только что вернулся от Государя радостный, взволнованный, сейчас же меня принял, я хотел поцеловать его в плечо, он меня обнял и расцеловал. Приятно было смотреть на его радостное лицо, оно так и сияло.

В 2 часа дня в походной церкви назначено было молебствие. У входа в церковь прибытия Государя ждали Верховный главнокомандующий, великие князья, бывшие в Ставке, Свита и весь Штаб. Как только показался автомобиль Государя, «ура», дружное, воодушевленное, вырвалось у всех нас. С сияющим, счастливым лицом Государь вошел в храм. Протопресвитер отец Шавельский приветствовал словом, посвященным событию. Трогательно прошло молебствие, все были радостно взволнованны. При пении «вечная память» павшим героям все опустились на колени. По окончании службы Государь пешком вернулся в Ставку среди шпалер воинских частей, восторженно приветствовавших его.

Великий князь Николай Николаевич получил Св. Георгия 2-й степени, командовавший армией, осаждавшей Перемышль, генерал Селиванов — орден Св. Георгия 3-й степени.

В тот же день вечером я выехал в Петроград под свежим впечатлением этого счастливого дня, пережитого в Ставке.

Путь на Карпаты был свободен, нам досталась первоклассная крепость с 35 фортами, в окружности крепость занимала 42 версты, при семиверстном радиусе. В Перемышле нам сдалось 9 генералов, 93 штаб- и 2 500 обер-офицеров и 105 тысяч нижних чинов и огромное количество оружия. [...]

Государь выехал из Ставки 10-го и 11 марта был в Царском Селе.

Во время пребывания Государя в Ставке в Петрограде скончался граф С. Ю. Витте. Он проболел всего 5 дней, заболев инфлуенцией, осложнившейся воспалением уха, перешедшим в область мозга. Накануне своей кончины он еще обедал с семьей, в 10-м часу вечера ему стало плохо, пригласили докторов, которые нашли положение весьма опасным, его успели приобщить святых тайн, в три часа ночи на 28 февраля его не стало. Так быстро, в течение нескольких дней угасла жизнь этого государственного деятеля. Он был крупной и яркой величиной, и я не берусь, не считаю себя вправе оценивать и разбирать его деятельность и заслуги, оказанные им Родине. Нелицеприятный суд истории в свое время произнесет над ним свой приговор. Его отпевали и хоронили в Александро-Невской лавре 2 марта.

На основании полученных сведений о деятельности подполковника Мясоедова, занимавшего должнорсть переводчика при штабе 10-го армейского корпуса, за ним было установлено наблюдение, приведшее к изобличению преступного характера его деятельности, выразившейся в том, что он имел сношения с агентами одной из воюющих с нами держав, а именно Германии. Он был арестован и вместе с ним другие заподозренные лица, но не принадлежавшие к составу армии. Следствие вполне подтвердило его виновность, он был обвинен в шпионстве, мародерстве и приговорен к смертной казни чрез повешение. Приговор был приведен в исполнение, как гласило официальное сообщение от 20 марта.

Мясоедов был офицером Корпуса жандармов и в течение нескольких лет занимал должность начальника Вержболовского отделения жандармского полицейского управления Северо-Западных ж. д. Вержболово — это был наш пограничный пункт с Германией, прямой путь на Берлин. Все поезда прямого направления на Берлин, Париж шли от этой границы, и потому Вержболово представляло собой, если можно так выразиться, аристократическую границу, чрез которую проезжали за границу люди высшего общества и имевшие средства. Мясоедов оказывал им всегда услуги, устраивал купе, задерживал места, не только по направлению к Петрограду, но и за границу, что ему было нетрудно, так как он был в прекрасных отношениях с германскими властями пограничной станции Эйдкунен. Он и с таможенными чиновниками входил в сношения для оказания различных льгот известным пассажирам при осмотре бага-

жа и т. д. Этими разными любезностями, оказываемыми влиятельным лицам и их семьям, Мясоедов приобрел большую популярность среди них, и разные великосветские дамы были в восторге от него. У немцев это тоже был свой человек, его приглашали соседние немецкие помещики на охоту, конечно неспроста, и даже император Вильгельм, приезжая на охоту в свой замок, находившийся недалеко от границы, приглашал его также не раз к завтраку. Конечно, все это делалось с известными целями или чтобы поблагодарить его за какие-нибудь услуги, оказываемые им Германии.

Такого рода сношения его с немцами не могли не обратить внимания его начальства, а тут еще оказалось, что он участвовал в каком-то немецком предприятии, — все это послужило поводом к его удалению с должности. Столыпин на докладе о нем положил резолюцию: «Перевести на Восток не ближе меридиана Самары». Он, кажется, туда не поехал, так как Сухомлинов взял его к себе, и уже потом он был уволен в отставку. Когда я вступил в должность командира Корпуса, Мясоедов был в отставке и имел дерзость явиться ко мне просить о приеме его обратно в Корпус жандармов. Выйдя в зал на общий прием, когда очередь дошла до него, я при всех объявил ему, что никогда он принят обратно в Корпус жандармов не будет и что на все запросы о нем из других ведомств будет дан отрицательный отзыв.

После этого я о нем больше не слышал, первый раз его имя было произнесено после неудачи, постигшей 10-ю армию, которой командовал генерал Сиверс. Я узнал, что в штаб этой армии втерся Мясоедов на должность переводчика, т. е. в контрразведку. Оказалось, что он с самого начала войны все хлопотал о назначении его в одно из контрразведывательных отделений и, кажется даже, заручившись письмом Сухомлинова, явился к начальнику Генерального Штаба, но этот последний наотрез отказал ему в приеме. Тогда Мясоедов отправился к генералу Рузскому, командовавшему Северо-Западным фронтом. Пока он ожидал в приемной, к Рузскому приехал генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (фамилии сейчас не помню), и из разговора его с адъютантом Рузского Мясоедов узнал, что этот генерал в экстренном поезде в тот же день возвращается к себе в штаб. Получив отказ от Рузского, Мясоедов не смутился и отправился на вокзал, и когда генерал-квартирмейстер приехал туда к отходу своего поезда, Мясоедов обратился к нему с просьбой разрешить доехать в его поезде до какой-то станции. Тот разрешил. Какой происходил между ними разговор в вагоне, неизвестно, но поезд дошел до места своего назначения, Мясоедов достиг своего, был назначен переводчиком по контрразведке при штабе 10-й армии без всяких запросов об его прежней службе. Ни начальник штаба, ни командующий армией не поинтересовались, откуда взялся Мясоедов. Оба отнеслись более чем легкомысленно к представлению генерал-квартирмейстера о его назначении,

и только после катастрофы с 10-й армией они спохватились, но было уже поздно, преступное дело было сделано.

Пасха в этом году была ранняя — 24 марта. Я разговлялся вместе со своими у гостеприимных Маклаковых после заутрени и обедни в шефской церкви. На второй день был обычный пасхальный прием в Царском Селе — лица Свиты приносили поздравления их величествам, подходя один за другим, по старшинству, сначала к Государю, который христосовался с каждым, затем к императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне, целовали руку, получая по яйцу императорской гранильной фабрики. Я шел за графом Ферзеном, за мной граф А. Д. Шереметев. На третий день у меня был пасхальный завтрак для сослуживцев на 60 человек.

В тот же день вечером я выехал в Ставку, получив письмо от Янушкевича, что великий князь просит меня в ближайшие дни посетить его. Тотчас по приезде я отправился к великому князю, который меня очень трогательно встретил, поблагодарил, что я так скоро отозвался на его приглашение. Говорили мы до завтрака, потом великий князь повел меня завтракать, после чего был длинный разговор с Янушкевичем, продолжавшийся около трех часов и касавшийся вопросов внутренней политики и контрразведки, кроме того разбирали и разные бумаги и донесения не военного характера. К концу разговора с Янушкевичем пришел великий князь, разговор продолжался при нем, подали чай, по окончании которого великий князь со мной простился, а я с Янушкевичем еще проговорил до 6 часов, когда надо было уже отправляться на поезд, отходивший в 7 часов. На другой день я был в Петрограде.

В мое отсутствие получен был пакет от князя М. Андронникова на мое имя, в этом пакете оказалось пасхальное золотое яйцо художественной работы, размером больше куриного, открывавшееся на две половины, с изображением благословляющего Спасителя. Тут же была приложена и карточка с приветом ко дню Святой Пасхи.

Такого рода приветствие от заведомого негодяя, каким был в моих глазах Андронников, меня весьма неприятно поразило. Андронников был весьма темной личностью, он старался вкрадываться в доверие всех, кто только стоял у власти, и не пренебрегал при этом никакими способами. Пробовал он втереться и ко мне еще в бытность мою губернатором, но ему не удалось, хотя время от времени он ко мне заезжал с разными проектами, а иногда и просто, чтобы сообщить какую-нибудь сплетню. Его посещения оставляли всегда в моей душе гадливое чувство. Одно время он был в большой дружбе с Сухомлиновым, и тогда при содействии последнего во время их совместной поездки в Туркестан он получил 100 тысяч десятин земли в Каршинском бекстве, в Бухаре, под хлопок, в аренду чуть ли не по 1 руб. с десятины. Военное ведомство дало ему деньги на изыскания, эмиру было предложено дать от себя на то же

самое 60 тысяч руб. Генерал-губернатор Самсонов решительно восстал против этого, но когда Андронников с Сухомлиновым приехали в Ташкент, все было устроено в пользу Андронникова. При содействии военных властей, знавших о близости его к Сухомлинову, Андронников также и в Хиве получил под хлопок несколько десятков тысяч лучших десятин, и, как мне передавали, был даже командирован военный инженер из Ташкента. Кроме того, Андронников был постоянным посетителем Распутина, его имя всегда красовалось в ведомостях, присылавшихся мне со списком лиц, посещавших его. Он состоял сверхштатным чиновником при министре внутренних дел, но был отчислен Маклаковым, приобретшим этим в лице Андронникова непримиримого врага. Тогда Андронников обратился к Саблеру — обер-прокурору Синода, который сейчас же пошел ему навстречу, и он был назначен на специально созданную для него, по всеподданнейшему докладу Саблера, должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода, на каковой должности пробыл до назначения А. Д. Самарина, будучи отчислен этим последним.

Я, конечно, принять яйцо не мог и возвратил его обратно при письме, в котором, поблагодарив за внимание, извинился и написал, что не считаю себя вправе принять его, так как принципиально ни от кого подарков не принимаю, а тем более ценных.

В ответ на это я получил от него письмо от 28 марта следующего содержания: «Глубокоуважаемый Владимир Федорович, письмо Ваше с возвращением мне освященного пасхального яйца с изображением благословляющего Спасителя я получил и не скрою от Вас, что три дня ломаю себе голову, чтобы объяснить, чем руководились Вы, совершая такой необычный для православного христианина поступок. Это тем более мне непонятно, что раньше в подобном случае Вы относились совершенно иначе *. Ведь я человек совершенно независимый и Вам неподчиненный. Руководило мной исключительно искреннее и доброе чувство к Вам за время нашего знакомства в течение 19 лет. Считаю нужным оговорить, что их императорские величества, а также и лица, занимающие самое высокое положение, удостоили меня принять такие же освященные яйца и выразили мне сердечную благодарность. Глубоко и незаслуженно обиженный Вами Михаил Андронников. 28 марта 1915 г. Фонтанка, 54, телеф. 132-45».

30 марта скончался граф С. С. Татищев — начальник Главного управления по делам печати. Для меня это было большим личным горем, так как я глубоко уважал и любил покойного. Я уже несколько раз касался его в своих воспоминаниях. Это был убежденный монархист, ревностный поборник закона и порядка, весьма доб-

* Я раз принял от него небольшую икону, которую он мне привез как благословение на новоселье при моем переезде в Петербург. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

рожелательный, умный, талантливый, пользовавшийся исключительной симпатией всех его знавших и имевших с ним дело. 2 апреля его отпевали в Преображенском соборе, похоронили в склепе храма Введения Пресвятой Богородицы на Загородном проспекте.

31 марта состоялось посещение Государем Путиловского завода. В 2 часа дня императорский поезд подошел по Путиловской ветке к заводу. Выйдя из вагона, Государь поздоровался со мной, принял рапорт градоначальника и подошел к членам правления, стоявшим во главе с председателем Путиловым. Тут же был и директор завода, генерал-майор в отставке, Меллер. Как только Государь вошел в главный корпус, громовое единодушное «ура» нескольких тысяч рабочих потрясло воздух. «Ура» это покатилось по всем отделениям и верфям завода.

Государь посетил все мастерские — термическую для обработки шрапнельных стаканов, шрапнельную, пулеметную, шрапнельно-сборочную, пушечную и минных снарядов. В последней Государь присутствовал при испытании с выпуском мины Уайтхеда. Затем следовал осмотр паровозных и башенной мастерских, турбинной и котельной, кузницы и т. д. В течение 3,5 часов обходил Государь завод, останавливаясь и беседуя с мастерами и рабочими, после чего во дворе снялся в общей группе с членами правления и рабочими. Всего рабочих на заводе в это время было до 18 тысяч. Поблагодарив рабочих за их работу и за срочные заказы, исполненные ими в праздник Благовещения и на Пасхе, Государь отбыл с завода, провожаемый несмолкаемыми криками «ура».

Когда я был в Ставке 27 марта, Янушкевич сообщил мне о необходимости пополнить полевые жандармские эскадроны нижними чинами дивизионов вверенного мне Корпуса, срока службы 1911 г. Сделав об этом распоряжение, я обратился со следующим приказом по Корпусу от 31 марта: «По распоряжению Штаба Верховного главнокомандующего нижние чины жандармских дивизионов, срока службы 1911 г., отправляются в распоряжение штаба главнокомандующего армий Северо-Западного фронта на усиление полевых жандармских эскадронов. Отныне строевым нижним чинам высочайше вверенного мне Корпуса выпало счастье стать в ряды нашей геройской действующей армии. Напутствуя этих представителей Корпуса самыми горячими пожеланиями, я ни минуты не сомневаюсь в том, что они поддержат честь того мундира, который носили с достоинством уже четыре года и в котором они явятся на войну. По роду предстоящей им деятельности им придется на войне проявлять кроме храбрости, присущей всем русским солдатам, особенную распорядительность, твердость характера, спокойствие и вести беспощадную борьбу с грабежами и мародерством. Уверен, что все посылаемые нижние чины дивизионов никогда, ни на одну минуту не забудут своей присяги. Помните, братцы, что отныне своей

боевой, по присяге, службой вы поддерживаете славу своих дивизионов, честно прослуживших своим верховным вождям без малого целое столетие. С Богом, на ратные труды!»

В конце Фоминой недели Государь выехал вновь из Царского в Ставку, чтобы оттуда совершить несколько поездок по России и в расположение действующей армии. В это время на фронте после падения Перемышля наши успехи в Галиции продолжали развиваться, и к началу апреля мы продвинулись в Карпатах более чем на сто верст, нанося австрийцам крупные поражения. Только помощь со стороны Германии в числе десятка германских корпусов, посланных Вильгельмом в Галицию, удерживала Австрию от полного развала. На остальных фронтах было затишье.

Внутри империи между тем становилось неладно, росла дороговизна жизни, ощущался недостаток в подвозе продуктов и топлива, не хватало вагонов для перевозки хлеба, семян, скота и т. д. На этой почве легко могли возникнуть всякие внутренние осложнения, и надо было быть начеку, так как внутренние враги не дремали, извлекая из этого положения подходящую почву для своей агитации.

Накануне выезда Государя в Царском Селе состоялось экстренное заседание всего состава Совета Министров под председательством самого Государя для обсуждения всех важнейших вопросов, связанных с внутренними продовольственными осложнениями в России.

4 апреля Государь выехал в Ставку в сопровождении обычных лиц Свиты, но на этот раз Государя сопровождал и министр двора граф Фредерикс, оправившийся от болезни, и начальник канцелярии Министерства двора генерал Мосолов. Этому я был очень рад, так как присутствие Мосолова значительно облегчало разрешение всех вопросов, касавшихся разных распоряжений во время высочайших путешествий, а главное, приемов, высочайших подарков и т. д., все это при Мосолове разрешалось в несколько минут.

Было решено, что Государь посетит Одессу, Николаев, Севастополь, Брянский завод в Орловской губернии и Тверь; возвращение в Царское намечено было на 22 апреля.

Я выехал из Петрограда 3 апреля в 9 часов вечера, чтобы успеть проехать в Седлец к главнокомандующему Северо-Западным фронтом и быть в Ставке ко времени приезда туда Государя, т. е. 4 апреля утром. В Седлеце я был 4-го в 9 часов вечера и в 2 часа ночи, повидав Рузского и его начальника штаба Орановского, переговорив с ними, выехал в Барановичи. Это был воскресный день, в походной церкви шла обедня, к началу которой я как раз приехал. Государь уже был в Ставке, приехав в 9 часов утра. В этот день решилась поездка Государя в Галицию. Кому первому пришла эта мысль, я не знаю. Помню, что когда я пришел к великому князю, то застал его вне себя, от него только что ушел Воейков, с которым у него вышел крупный разговор как раз из-за поездки Государя в Галицию. Я давно не видал великого князя столь раздраженным.

Оказалось, Воейков позволил себе сказать ему, что если он не захочет, то Государь не поедет в Галицию. Это взорвало великого князя, который указал Воейкову его место и напомнил ему, что в Ставке он хозяин и не позволит никому вмешиваться в его распоряжения. Великий князь долго не мог успокоиться и поделился со мной своим возмущением.

Благодаря поездке Государя в Галицию, пришлось изменить весь маршрут. Весь день ушел у меня в переговорах с министром двора, с дворцовым комендантом. Решено было 8 апреля выехать в Галицию на Броды, Львов, Перемышль, Хиров, Самбор, Комарно, Львов и опять чрез Броды на Каменец-Подольск, Одессу, Николаев, Севастополь, Брянский завод, Тверь и Царское Село.

Получив все нужные инструкции и указания от министра двора по поводу посещения городов Одессы и Николаева, я выехал 6 числа в 12 часов дня, чтобы побывать в обоих этих городах и подготовить все к высочайшему приезду и 9-го быть на станции Броды для встречи Государя и сопровождения его по Галиции. Программа пребывания Государя в Галиции, маршрут, все распоряжения по этому путешествию были составлены штабом Верховного главнокомандующего и меня не касались. Я получил от штаба уже все готовое и выработанное для сведения и руководства при моих сношениях с подведомственными мне чинами Корпуса жандармов, находившихся в Галиции, и чинами полиции во Львове. Я лично в душе был настроен против поездки Государя в Галицию. Во-первых, я считал наше положение в Галиции далеко еще не прочным; во-вторых, я знал из донесений чинов Корпуса жандармов о неспокойном состоянии умов австрофильских кругов Галиции и затаенной их злобе, при кажущемся наружном спокойствии, а также и о раздражении некоторой части населения, вследствие бестактного вмешательства в их веру и насильственных действий по переходу их из униатства в православие; в-третьих, я смотрел на эту поездку Государя, в случае даже самого благоприятного исхода ее, как на ненужное дразнение противника, так как при характере Вильгельма, я предчувствовал, что эта торжественная поездка Государя по Галиции как по своей собственной стране выведет окончательно Вильгельма из себя, и он напряжет все свои силы, направит лучшие свои корпуса на Галицию, а тогда неизвестно, удержимся ли мы.

Эти мысли не покидали меня, мучили тем более, что я не мог их высказать — поездка Государя была решена, и говорить было бы бесполезно, изменить ничего нельзя было, можно было только испортить настроение. Когда, чрез месяц после поездки Государя, мы принуждены были отдать неприятелю почти всю Галицию и отступить под натиском лучших германских корпусов, переброшенных с Запада, я почувствовал, как мои опасения были справедливы, и я себя немало упрекал, что не выступил открыто против столь

преждевременной поездки Государя в завоеванную область, не решился тогда вмешаться не в свое дело.

Итак, 6 апреля я выехал из Ставки и 7 числа в 9 часов утра был в Одессе. До 2 часов дня я успел переговорить обо всем с местными военными и гражданскими властями и на ледоколе отправился морем в Николаев. Меня сопровождали, кроме моих всегдашних спутников — секретаря Сенько-Поповского и адъютанта Штера, одесский градоначальник Сосновский и начальник жандармского управления Заварзин. Было очень приятно идти морем, пароход этот представлял собой неуклюжее судно, шедшее очень медленно, но погода была чудная, мы все время сидели на палубе. Близ Очакова пришлось проходить посреди минных заграждений, что представляло некоторую опасность. Ледокол наш был остановлен сторожевым судном, и к нам прибыл лоцман, который и провел его мимо заграждений. В 10 часов вечера наш ледокол остановился у пристани в Николаеве, в заливе, на берегу реки Ингула, впадающей в Буг. Ингул и длинная заводь Буга отличаются своей многоводностью и глубиной, благодаря чему построенные здесь кораблестроительные заводы имели большие выгоды и преимущества, тем более что по дальности расстояния от морских вод они были совершенно неуязвимы для неприятельского флота.

За последние же годы судостроительная деятельность Николаевского порта двинулась вперед гигантскими шагами. В это время в Николаеве работали два судостроительных завода — Русский и Николаевский и два отделения петроградских заводов — Невского и Балтийского. Рабочих было до 20 000 человек. На заводах в то время строились дредноуты самой последней конструкции, кроме того, крейсеры и миноносцы, тут же изготовлялись и артиллерийские снаряды, работались вагоны, платформы и т. д. Со всей этой работой и хотел лично познакомиться Государь и поблагодарить рабочих.

На пристани меня встретил градоначальник вице-адмирал Мязговский, он же и командир порта, очень симпатичный моряк, показавшийся мне дельным, серьезным и не рекламистом. С ним очень легко было обо всем сговориться, я провел у него вечер и на другой день в 9 часов утра с экстренным поездом выехал по железной дороге чрез Знаменку, Бирзулу в Броды навстречу Государю. Когда я приехал в этот бывший австрийский пограничный город, императорский поезд уже стоял у платформы. Государь, в сопровождении Верховного главнокомандующего и великих князей Петра Николаевича, Александра Михайловича и принца П. А. Ольденбургского, уже прибыл и находился в вагоне великого князя Николая Николаевича, выслушивая доклад о положении на театре войны. В час дня Государь выехал из Брод по шоссе на автомобиле по направлению Львова.

Один за другим неслись автомобили по шоссе среди деревень,

местечек, православных храмов, костелов. Население работало в полях, молодежи не было видно, все больше женщины и старики. Местами попадались братские могилы, наши и австрийские. У одной из деревень на полпути Государь остановился, чтобы выслушать доклад о происходивших на этом месте боях, затем прошел к могилам павших русских, читал надписи, преклонял колени.

В 5 часов вечера Государь прибыл в Львов. Все чувствовали необычайное волнение, подъезжая к столице Галиции. Встреча Государя была до того торжественна, как будто этот город всегда был русским. Я сам никак не ожидал увидеть то, что я увидел. При въезде, у городской заставы, Государя встретил генерал-губернатор граф Бобринский. На улицах стояли войска со знаменами и хорами музыки, учащиеся и толпы народа, буквально запрудившие все улицы по пути следования Государя. Казалось, все население вышло приветствовать русского царя. Многие дома были разукрашены, везде были русские национальные флаги. Государь проследовал в гарнизонную церковь, устроенную в австрийском огромном манеже, около которого принял почетный караул. При входе в церковь Государя встретили великие княгини Ксения и Ольга Александровны. Преосвященный Евлогий приветствовал Государя краткой речью.

По окончании молебствия Государь проехал в подвижной Евгениевский госпиталь имени великой княгини Ольги Александровны; обойдя раненых, наградив отличившихся, осмотрев все помещение, Государь в восьмом часу вечера отбыл во дворец генерал-губернатора, где ему было отведено помещение. Перед дворцом к этому времени собралась большая толпа горожан, приветствовавшая Государя чисто русским восторженным «ура!». Лицам свиты и мне отведено было помещение рядом, в доме тут же на площади.

В 8 часов у генерал-губернатора состоялся обед в высочайшем присутствии, приглашены были все лица, сопровождавшие Государя. Меню обеда было: Rossolnik Visconti; Petits patés; Jambon braise au porto; Dindoneau rôti; Salad verte; Glace Margueritte *. Перед обедом Государь поздравил графа Бобринского своим генерал-адъютантом.

На другой день 10 апреля Государь отбыл со всеми сопровождавшими его лицами и Верховным главнокомандующим по железной дороге в Самбор, оттуда на автомобиле в Перемышль, произведя по дороге смотр 3-му Кавказскому корпусу близ Хирова.

Поезд был составлен из австрийских классных вагонов, обслуживался бригадой Юго-Западных ж. д. До Самбора было недалеко, всего 2 часа езды, по дороге на полях в совершенно мирной, казалось, обстановке шли полевые работы, посевы яровых хлебов.

* Рассольник Висконти; пирожки; ветчина, тушенная в портвейне; тушеная индюшка; зеленый салат; мороженое «Маргарита» *(фр.)*.

На станции Комарно встретили санитарный поезд, переполненный ранеными из-под Карпат. Для них встреча с Государем была совершенно неожиданная, надо было видеть их счастье и радость. Как только они узнали, что остановился царский поезд, все стали вылезать из вагонов и теплушек, чтобы увидеть Государя, не пропустить его. Когда Государь вышел из вагона и подошел к санитарному поезду, почти все раненые были уже на платформе и вдоль путей, только не могшие совершенно двинуться остались в вагонах. Раненые стояли в самых разнообразных формах, с подвязанными руками, забинтованными головами, другие опирались на палки, на своих товарищей. Это были все раненные всего 4 дня тому назад; одних тяжелораненых в поезде было до 150 человек. Государь обошел всех, прошел к лежавшим в вагонах. Я никогда не забуду трогательного впечатления, произведенного на меня и на всех окружавших от этой неожиданной встречи раненых с Государем. Их лица сияли счастьем, казалось, они забыли свои страдания. Государь передал 150 Георгиевских медалей главному врачу поезда Таубе для роздачи от его имени всем тяжелораненым, после чего царский поезд двинулся далее при кликах «ура» стоявших вокруг поезда раненых. На станции Самбор Государь был встречен командующим армией генералом Брусиловым. Приняв рапорт Брусилова, Государь обнял его и поцеловал, Брусилов поцеловал руку Государя. Затем Государь подошел к почетному караулу, выставленному от 16-го стрелкового императора Александра III полка, Брусилов при этом доложил, что эта рота под командованием прапорщика Шульгина, участвуя в бою всего два дня назад, отразила ряд атак немцев огнем и штыками, причем на месте боя осталось до 600 трупов противника. Выслушав этот доклад, Государь поздоровался: «Здорово, мои железные стрелки! — и затем прибавил: За славную боевую службу сердечное вам спасибо, молодцы, а за славные последние бои, о которых мне только что доложил командующий армией, жалую всем чинам роты Георгиевские кресты». Прапорщику Шульгину Государь пожаловал сразу три Георгиевских креста: 1-й, 2-й и 3-й степени, так как 4-й у него уже был, и орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость». Когда рота проходила церемониальным маршем, нельзя было не залюбоваться чудным видом этих стрелков.

Затем в помещении штаба армии состоялся завтрак, за которым, кроме сопровождавших Государя лиц и членов штаба армии Брусилова, присутствовало и много офицеров. Государь поздравил Брусилова своим генерал-адъютантом и лично передал ему погоны и аксельбанты.

Около 3 часов дня Государь отбыл из Самбора уже на автомобиле. По дороге в Перемышль на берегу Днестра, близ Хирова, был расположен 3-й Кавказский корпус под командой генерала Ирмана. Государь, остановился, принял от него рапорт и стал обходить

чудные войска этого выдающегося боевого генерала. На правом фланге стояли апшеронцы, которым присвоены были сапоги с красными отворотами в воспоминание того, что когда-то их предки, по преданию, дрались по колено в крови. Затем шли дагестанцы, самурцы, ширванцы — один полк лучше другого. Войска по линии занимали более двух верст, Государь медленно обходил все ряды, всматриваясь в геройские лица, затем, обойдя всех, сел в автомобиль и вновь тихо проехал по линиям расположения корпуса. Несколько раз автомобиль Государя, следуя по линии войск по песчаному берегу Днестра, врезался в сыпучий песок, сотни солдат по знаку великого князя бросались к автомобилю, помогая ему выбраться, они проделывали это с таким воодушевлением, что казалось, они поднимут и понесут машину. Государь все время говорил им: «Тише, тише, не попадите под колеса, осторожнее». — «Ничего», — слышалось в ответ, причем многие солдаты взбирались даже на автомобиль, ловили руками руку Государя, целовали ее. Я этой трогательной картины никогда не забуду, я и сейчас вспоминаю ее с огромным волнением. Описать это воодушевление невозможно.

К вечеру Государь прибыл в Перемышль — в эту твердыню Галиции, проехав прямо в походную церковь, а оттуда в отведенное ему помещение в доме бывшего австрийского коменданта генерала Кусманека. Для всех сопровождавших Государя были предоставлены квартиры, раскинутые по всему городу, все они были соединены телефонами. Мне было отведено помещение в квартире униатского епископа, имени его сейчас не помню, он уступил мне свои парадные комнаты и спальню, у меня был прекрасный, роскошный кабинет, приемная, комната для моего секретаря, в спальне над моей кроватью висел масляный портрет папы Римского. Униатский епископ меня встретил, оказался приветливым, предупредительным и гостеприимным хозяином, говорил он по-русски довольно хорошо, вернее, по-русински. Я просил его оставить мне один кабинет, что я устроюсь отлично на диване, но он и слушать не хотел, и мне пришлось провести ночь на чудной епископской кровати, что меня немало смущало. Около телефона висел список с указанием номеров телефонов лиц, сопровождавших Государя. [...]

Вечером в высочайшем присутствии состоялся обед в помещении, служившем собранием для австрийского гарнизона крепости; помещение это, как и вообще весь город, было в полном порядке. Сервировка вся, посуда, серебро, все это было оставлено австрийцами, собрание сохранилось так, как было у них. В читальном зале остались и газеты, и вся библиотека. Я нашел между прочим и меню последнего обеда австрийцев в гарнизонном собрании накануне вылазки и сдачи. [...]

В 10-м часу Государь возвратился к себе. В городе была полнейшая тишина, кроме солдат, и то редких, на улицах никого не было видно. Ночью только шаги часовых нарушали тишину города.

На другой день, 11 апреля, Государь объезжая позиции, посещая то один, то другой форт, осматривал каждый с большим интересом и под конец объезда поднялся на высокий холм, откуда на десятки верст во все стороны раскрывался чудный вид на всю окружавшую местность. Объезд этот произвел на всех большое впечатление, все так живо свидетельствовало о недавних боях.

После завтрака Государь двинулся обратно во Львов. Попадавшие навстречу крестьяне напоминали наших малороссов, они очень ласково приветствовали Государя. Около 2 часов Государь уже был во Львове. Я вернулся несколько позже, так как из Перемышля проехал несколько кружным путем через Ярослав, чтобы повидать недавно назначенного туда губернатором С. Д. Евреинова и переговорить с ним по некоторым служебным вопросам.

Перед обедом Государь совершил прогулку, проехав в городской сад, прекрасно устроенный и содержавшийся в большом порядке. В 8 часов у генерал-губернатора состоялся обед, довольно многолюдный. [...] После обеда Государь проследовал на вокзал. Толпы народа, еще в несколько раз больше, чем при встрече, наполняли улицы, «ура», аплодисменты (это было в обычае в Австрии) стояли в воздухе.

В воскресенье, 12 апреля, около 10 часов утра императорский поезд остановился у станции Броды. Впечатление от поездки в Галицию было чудное. Государь был бодр и очень остался всем доволен. Верховный главнокомандующий тоже. Осталось впечатление, что Галиция закреплена за нами навсегда, никто не допускал мысли, что мы все это отдадим так скоро.

Простившись с Верховным главнокомандующим, Государь около 2 часов дня отбыл в дальнейшее путешествие, по направлению на Каменец-Подольск.

Я прибыл из Львова в Броды в ночь на 12-е и, не дожидаясь прихода императорского поезда, выехал в 3 часа ночи по железной дороге в Здолбнуво, чтобы успеть побывать в Каменец-Подольске до приезда Государя и передать губернатору утвержденную программу высочайшего пребывания в этом городе. В 11 часов утра 12-го я был в Проскурове и, сев в автомобиль, поехал по шоссе в Каменец-Подольск (около 100 верст). По дороге я останавливался, чтобы выслушивать доклады исправников и давать им необходимые указания. Путь лежал по очень красивой, живописной дороге, на которой расположены были крупные села: Антоновцы, Ярмолинцы, Солобковцы, Дунаевцы и Шатаево. В некоторых из них воздвигнуты были уже арки, украшенные зеленью и национальными флагами. Шоссе захватывало три уезда — Проскуровский, Ново-Утицкий и Подольский.

В Каменце я был в 2 с половиной часа дня, близ города меня встретил губернатор граф А. Н. Игнатьев, очень милый и симпатичнейший человек и хороший администратор. Он прекрасно себя

показал при наступлении австрийцев на Каменец-Подольск, проявив должную инициативу и поддержав население. С ним было очень приятно иметь дело. Я провел с ним несколько часов, в течение коих все вопросы были разрешены благодаря тому, что он мне еще за несколько дней прислал все необходимые сведения на мой запрос, и по ним легко было составить программу высочайшего пребывания.

В Проскуров я вернулся в 9 часов вечера, посетил должностных лиц города и, переночевав в своем вагоне, утром встретил Государя.

Около 10 часов утра подошел императорский поезд. Государь принял должностных лиц и депутации от уезда, после чего сел в автомобиль для следования в Каменец-Подольск, повелев мне ехать впереди для указания дороги и остановок. Во всех селах крестьяне собирались при въезде, восторженно приветствуя Государя, поднося хлеб-соль.

При въезде в город Государь был встречен губернатором и депутациями от города. Приняв их, Государь проследовал далее в собор Казанской Божьей Матери чрез мост на реке Смотриче, мимо башни короля Стефана Батория. У собора были остальные должностные лица и депутации, а также собранные из уездов волостные старшины и сельские старосты.

По окончании приема Государь вошел в собор, построенный еще в начале XII в. и в 1862 г. обращенный из Кармелитского монастыря в православный. В этот собор попало несколько снарядов при обстреле города австрийцами в 1914 г. После краткого молебствия Государь проехал по бульвару до городской стены, откуда отлично видна была старая крепость XIV в. основателей Каменца князей Кариотовичей.

Затем состоялся смотр войскам на плацу возле железнодорожной станции, по окончании которого Государь посетил лазарет, содержавшийся на средства крестьян двух уездов, а также и земскую больницу, где лежал тяжело раненный офицер. Около 2 часов Государь отбыл обратно в Проскуров. По дороге, в лесу, верстах в 20 от города, вблизи шоссе, Государь с ближайшими лицами свиты завтракал. Я, хотя и получил приглашение на этот завтрак, но под предлогом необходимых распоряжений в Проскурове проехал прямо, считая неудобным оставить моего секретаря Сенько-Поповского дожидаться в автомобиле, пока я завтракаю, так как он приглашения не получил.

Проводив Государя в Проскурове, я выехал вслед по железной дороге и, обогнав императорский поезд во время длительной стоянки его на одной из станций ночью, был в Одессе в 5 часов утра 14 апреля. Было чудное ясное утро, в городе уже царило большое оживление, и ко времени прихода императорского поезда красивые широкие разукрашенные улицы были сплошь заполнены народом. По главным улицам размещены были учебные заведения, особенно

красиво выделялись женские; у каждой воспитанницы в руках были цветы, одеты они все были в белые платьица, причем букеты цветов были подобраны по гимназиям, школам, в каждой были одинаковые. Все это было удивительно красиво. По другую сторону стояли войска.

Государь уже не первый раз посещал Одессу, и всегда тот же энтузиазм, тот же восторг охватывал толпу Одессы, этого южного экспансивного города.

Императорский поезд подошел к Одессе в 9 часов утра. Выйдя из вагона, Государь принял представлявшихся и затем, подойдя к депутациям и выслушав речь городского головы Пеликана, сказал: «Сердечно благодарю одесское общественное управление за выражение чувств любви и преданности и поднесенную хлеб-соль, в особенности за щедрые пожертвования, сделанные городом на пользу наших больных и раненых воинов. Передайте населению города мою искреннюю благодарность и чувство радости по поводу сегодняшнего посещения Одессы».

Градоначальник доложил при этом, что городская дума постановила соорудить для раненых и больных воинов лимано-лечебные заведения, ассигновав для сего 150 000 руб. на работы в нынешнем году и миллион — в будущем. Депутация купеческого общества поднесла 100 000 руб. на нужды больных и раненых.

Обойдя всех, Государь проследовал в собор среди переполненных народом улиц, пении «Боже, царя храни», «Спаси, Господи», звоне колоколов, звуков оркестров музыки и несмолкаемых кликов «ура». В Одессе как-то особенно всегда горячо встречали Государя. После обедни и молебствия в соборе Государь произвел смотр войскам, собранным на Куликовом поле: юнкерам военного и артиллерийского училищ, кадетам, школе подпрапорщиков, гвардейскому экипажу под командованием великого князя Кирилла Владимировича, кавказским стрелкам, казакам, саперам и т. д. Гвардейский экипаж уже участвовал в ряде боев и совершил немало подвигов, в Одессе он находился в это время на отдыхе. Вызвав перед середину фронта моряков, представленных к боевым наградам, Государь собственноручно навешивал на каждого Георгиевские кресты. Затем обратился ко всему экипажу со следующими словами: «Я счастлив, что могу напутствовать гвардейский экипаж перед выступлением его во второй для него поход. Когда я уезжал из Петрограда, августейший шеф ваш * просил меня передать свое благословение и привет родному гвардейскому экипажу. Во время последней турецкой войны гвардейский экипаж занимал Константинополь, уверен, что Господь Бог приведет вам и ныне вступить в Царьград во главе наших победоносных войск. Дай Бог вам дальнейших успехов и окончательной славной победы над упорным

* Императрица Мария Федоровна. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

врагом. Господа офицеры, благодарю вас сердечно за первую часть совершенного вами похода, неутомимо ревностную, честную службу, вам, молодцы, за совершенный уже поход, за славную боевую службу сердечное спасибо».

На левом фланге войск были выстроены раненые офицеры, и на костылях, и с перевязанными руками, головами, некоторые были ранены два или три раза. Они себя держали так скромно, так сдержанно отвечали на распросы Государя, что невольно возбуждали к себе самое глубокое уважение, все они смотрели на свои подвиги как на самое обыкновенное явление, не ставя вовсе их себе в заслугу. Государь очень ласково, как всегда, с ними говорил и, обойдя всех, при восторженных кликах войск и народа отбыл в Одесский военный госпиталь и затем в лазарет Красного Креста.

Посетив раненых, Государь проехал в мастерскую шитья белья для раненых, устроенную Новороссийским благотворительным обществом под председательством жены командовавшего 7-й армией Никитиной. Работали жены запасных в числе нескольких тысяч, они поднесли Государю хлеб-соль.

По осмотре мастерских в императорском поезде состоялся завтрак, к которому были приглашены исключительно военные — представители частей, бывших на смотру. За неимением места в столовой поезда многие из лиц ближайшей свиты не присутствовали за завтраком. Я был рад случаю, давшему мне возможность отблагодарить представителей местной власти за их постоянное ко мне радушие и гостеприимство, и пригласил их на завтрак, который дал в честь их в Петроградской гостинице, славившейся своей кухней. На завтраке этом присутствовало 12 человек.

В 3 часа дня императорский поезд отбыл из Одессы под звуки гимна и при несмолкаемых кликах «ура» народа. Я остался в Одессе до вечера и после обеда у градоначальника и его радушной милейшей жены выехал в Николаев на автомобиле и прибыл туда в 11 часов вечера, т. е. накануне высочайшего приезда. В Николаеве уже все было готово к приему Государя, на улицах, несмотря на поздний час, кое-где еще доканчивали работу по украшению домов.

Утром 15 апреля прибыл императорский поезд, и Государь, посетив собор и выслушав краткое молебствие, проследовал на оканчивавшийся в то время постройкой дредноут «Императрица Мария». По пути население, состоявшее главным образом из семейств рабочих николаевских заводов, которых было до 20 000, восторженно встречали царя, были моменты, что народ не выдерживал и бросался бежать за автомобилем Государя с криками «ура». Когда Государь подъезжал к верфи, то и крыши соседних домов, и все мачты, леса, все было покрыто рабочими. Дредноут был почти готов, Государь взошел на него, он должен был в Черноморском флоте заменить старый корабль «Императрица Мария», на котором во время Синопского боя адмирал Нахимов держал свой флаг [7]. 30

июня, через 2,5 месяца после посещения дредноута Государем, в день памяти 60-летия кончины адмирала Нахимова, он вошел в Севастопольскую гавань.

Государь подробно, вникая во все детали, осмотрел новый дредноут, при входе на который принял хлеб-соль и выслушал речь председателя правления Русского завода генерала Иванова и прослушал простое, задушевное слово рабочего Белого, который, между прочим, сказал, что они (т. е. рабочие) уверены, что труды их не пропадут даром, и Россия увидит на Святой Софии в Константинополе православный крест вместо мусульманского полумесяца.

Государь очень ласково поблагодарил его, передал ему в подарок часы и, обратясь к рабочим, высказал, что он очень рад быть у них на заводе и видеть работу русских людей из русского материала для родного флота. Принимая часы, Белый поцеловал руку Государя. Увидя это, директор завода мне сказал: «Вот как люди меняются, в 1905 году это был самый ярый агитатор». Во время обхода мастерских объяснения давал инженер Дмитриев, сын крестьянина, достигший своими способностями и трудами выдающегося положения, изучивший судостроение за границей.

Пройдя в лазарет, устроенный на средства служащих и рабочих, Государь отбыл на вокзал, заехав еще в морской госпиталь. В императорском поезде состоялся завтрак с приглашенными начальствующими лицами, после чего Государь посетил остальные заводы, осматривал строящиеся суда и совершил закладку дредноута «Императрица Екатерина II». После трехчасового обхода заводов Государь отбыл на вокзал, провожаемый совершенно исключительными проявлениями восторга тысяч рабочих.

Я выехал из Николаева за час ранее до выезда Государя служебным поездом, чтобы проверить охрану на пути к Севастополю, куда я приехал в 5 часов дня 16 апреля. Погода резко изменилась, стало холодно и в ночь на 16-е шел местами снег. Подъезжая к Севастополю, все было в цвету, а между тем температура воздуха была не более +5° при резком ветре. Были уже сумерки, когда императорский поезд остановился в Севастополе на пристани.

На другой день Государь с морским министром объезжал суда Черноморского флота, после чего произвел смотр одной из кавказских пластунских бригад. Я воспользовался этим временем и проехал в Ялту повидать градоначальника Думбадзе. В тот же день к вечеру я вернулся обратно.

18 апреля рано утром, в 6 часов, наша эскадра вышла по направлению к Босфору. Я вышел посмотреть: было чудное утро, море тихое, даже зыби не было. Величественно и красиво вышли сначала тральщики для вылавливания плавучих мин, затем стройно, плавно стали выходить крейсера, а за ними серые броненосцы, окруженные миноносцами. Я долго следил за движением судов, пока вся эскадра не скрылась из виду.

Государь в этот день посетил адмиралтейский собор Св. Николая, после чего проследовал в поле за город, где были собраны войска. Тут стояли кубанцы — черноморские пластуны, эти красавцы с смелым, умным взглядом, в характерных рыжих папахах и серых черкесках. Это опять были те же пластуны, которые с таким восторгом встречали Государя в Меджингерте (см. воспоминания за 1914 г.); среди них были и те батальоны, которые были в моем распоряжении в Баку. Я с ними опять радостно встретился. Государь в форме пластунского батальона своего имени обходил ряды кавказцев, и громкое могучее «ура», какое-то особенное, кавказское, сопровождало этот обход. Подойдя к 3-му пластунскому батальону, Государь объявил пластунам, что за молодецкую боевую службу 3-му пластунскому батальону, в память смотра в этот день, он назначает шефом батальона своего сына — наследника цесаревича. Пластуны никак не ожидали этого и не сразу ответили, они как будто оцепенели, но чрез несколько секунд разразилось такое единодушное «ура» — от восторга, какое трудно себе представить. По обходе войск состоялось прохождение церемониальным маршем, после чего Государь снялся в нескольких группах с офицерами и оставался на поле при расхождении войск по квартирам. Они шли с пением и музыкой, чудные песни лихих пластунов, совершенно своеобразные, лились в воздухе.

Поздно вечером Государь отбыл из Севастополя. Я выехал за два часа до отхода императорского поезда, чтобы успеть заранее побывать в Борках, предупредить харьковского губернатора Катеринича о предполагаемой остановке Государя на этой платформе и успеть приехать на Болву, на Брянский завод, накануне приезда туда Государя.

В 12 часов дня на другой день я был в Борках, меня встретил Катеринич, и мы вместе прошли в храм, воздвигнутый на этом месте в память чудесного спасения царской семьи в 1888 г. при крушении императорского поезда. Осмотрев все и отдав нужные распоряжения, я поехал дальше на Харьков, Курск, Орел, откуда с орловским губернатором Андреевским, весьма суетливым человеком, отправился на станцию Болву в особом поезде, на Брянский завод. Мы прибыли туда в 11 часов вечера.

Завод этот Брянского акционерного общества имел три отделения: рельсо-прокатное, железоделательное и механическое. Расположен он был в семи верстах от Брянска на реке Десне, у самой станции Болва, в лесу. Рабочих было около 40 000, одной заработной платы они получали более 13 миллионов руб., налогов общество уплачивало около 2 миллионов, на содержание школ и больниц шло до полумиллиона рублей. Завод и рабочий поселок к приему Государя готовились заранее, и когда я приехал, все имело праздничный вид.

Императорский поезд остановился у разукрашенной платформы

в 10 часов утра. Приняв рапорт губернатора и начальника гарнизона, Государь обошел всех встречавших и депутации и, сопровождаемый могучими криками «ура», проследовал пешком в заводской храм, отстоявший от платформы в расстоянии 500 шагов. По пути следования густыми рядами стояли учащиеся и все окружающее население. После краткого молебствия Государь отправился обратно тем же путем, к заводу. При входе в расположение завода была устроена красивая арка и стояла группа рабочих, прослуживших на заводе более 20 лет, приветствовавших Государя хлебом-солью. [...] Государь поблагодарил рабочих за привет и усердную работу и, передав рабочему, говорившему приветствие, в подарок золотые часы, прошел на завод среди шпалер рабочих.

Государь посвятил осмотру завода время с 10 часов утра до 6 часов вечера, с промежутком времени на завтрак. Завод был осмотрен во всех деталях, Государь часто останавливался, беседуя с мастерами, подходя к самым станкам, беседовал с рабочими, постоянно повторяя им: «Великое спасибо вам за работу». Все население, все рабочие свободно окружали Государя и, по-видимому, были растроганы той лаской и простотой, с которыми он глядел на них, говорил с ними. Когда Государь со свитой переезжал из одной мастерской в другую на открытой платформе, толпы бежали за царем, всюду раздавалось «ура», шапки летели вверх. Проезжая на автомобиле по заводским улицам, Государь приказал неожиданно остановиться и посетил несколько домов, где проживали семьи рабочих, лаская окружавших его ребятишек, расспрашивая хозяек об их житье. Уходя Государь оставлял в квартире какой-нибудь подарок на память своего посещения.

После завтрака Государь осматривал выставку, устроенную во вновь сооруженном здании для изготовления тяжелых машин. Выставка была прекрасно оборудована, представляла собой 14 отделов завода в особых павильонах. Каждый был сооружен средствами отдела, были собраны самые интересные и крупные работы. В отделе снарядов выставлены были все снаряды, начиная от мелких калибров и до самых крупных, самые крупные были в человеческий рост. Большое внимание было отведено на выставке крупному заводскому лесному хозяйству, был и особый павильон, посвященный благотворительной и просветительной деятельности завода.

С выставки Государь прошел в больницу завода, устроенную на 150 коек и оборудованную всеми последними усовершенствованиями. Обойдя раненых, Государь проехал на заводскую хлебопекарню, где все приводилось в действие электричеством. Из хлебопекарни Государь проследовал в заводской госпиталь Земского союза на 100 коек, после чего в 6 часов вечера отбыл со станции Болва, восторженно провожаемый рабочими и всем населением.

Я не сопровождал Государя в госпиталь Земского союза, а проехал на вокзал, чтобы в 4 часа дня выехать непосредственно в Тверь,

куда приехал 21 апреля в 10 часов утра, за 4 часа до прихода императорского поезда. В Твери губернатором был Бюнтинг, мой большой друг. Как губернатор это был выдающийся администратор, каких было немного в то время; единственным недостатком его была нетерпимость, он был недостаточно снисходителен, благодаря чему у него было много недоброжелателей. Работать с ним было очень легко, мы понимали друг друга с полуслова. Трудно было с преосвященным Серафимом, который, будучи не в особенно хороших отношениях с губернатором, стремился идти ему наперекор.

До приезда Государя я успел объехать с Бюнтингом все пути высочайшего следования, переговорить обо всем.

В 2 часа к Твери подошел императорский поезд. Приняв должностных лиц и депутации, Государь проследовал в собор, после чего принял почетный караул от Тверского кавалерийского училища. Затем во дворце состоялся прием начальников отдельных частей, после чего Государь осмотрел помещавшийся там же склад-мастерскую для белья и перевязочного материала для раненых. Во главе склада стояла жена губернатора, очень милая и симпатичная женщина. Затем состоялось посещение лазарета в доме дворянства, где собрались все дворяне Тверской губернии. Обойдя раненых, Государь прошел в гостиную, где пил чай среди дворян и их семей. [...]

От дворян Государь проехал в лазарет Тверской Серебряной общины Красного Креста. Здесь были так же собраны все раненые офицеры, лечившиеся амбулаторно. При обходе Государем раненых находившийся тут же владелец мануфактуры Морозов пожертвовал сто тысяч на нужды раненых и больных воинов. Затем состоялось еще посещение лазарета земства в здании Государственного банка.

В 7 с половиной часов в императорском поезде состоялся обед, к которому были приглашены местные власти, а в 9 с половиной часов Государь отбыл из Твери и 22 апреля возвратился в Царское Село. Я выехал вслед с курьерским поездом.

Так окончилось это путешествие Государя, прошедшее столь блестяще и оставившее в душе каждого, имевшего счастье быть свидетелем той необыкновенной искренности, теплоты и сердечности, с которыми встречали везде царя, самое дорогое неизгладимое впечатление. Это путешествие по России, когда народ соприкасался так близко с царем, было последним, и я счастлив, что я все это видел и переживал минуты того необыкновенного подъема, который так бодрит и украшает жизнь.

Вскоре Государь принял на себя верховное командование, и такие путешествия по России, способствовавшие столь большому единению царя с народом, сделались немыслимыми.

20 апреля произошел колоссальный взрыв на Охтенском заводе взрывчатых веществ в Петрограде. Завод был почти уничтожен, среди рабочих огромное количество жертв, сорока трех человек так и не доискались. Был ли это злой умысел или взрыв произошел

от какой-либо неосторожности, выяснить не удалось, свидетели взрыва погибли.

По возвращении моем в Петроград я в тот же день с начальником штаба посетил место катастрофы. От завода осталось очень небольшое число зданий и небольшое количество готовых снарядов. Действие взрыва было очень странное. Здание, в котором он произошел, представляло развалины, но рядом здание совершенно уцелело и находившиеся тут готовые снаряды остались нетронутыми. Затем следующее здание было разрушено, потом опять несколько зданий остались неповрежденными, а в ста шагах дальше разрушены; очевидно, волна взрыва делала скачки или обходила некоторые здания. Взрыв этот принес огромные убытки военному ведомству и отозвался весьма чувствительно на снабжении армии взрывчатыми веществами.

28 апреля я выехал в Москву на один день, чтобы день рождения покойного великого князя Сергея Александровича быть на заупокойном богослужении в его усыпальнице, кроме того, в этот день в церкви генерал-губернаторского дома устанавливали и освящали художественное распятие, сооруженное в память великого князя бывшими его подчиненными по генерал-губернаторству, среди которых был и я.

4 мая Государь отбыл из Царского Села в Ставку, вследствие тревожных вестей с фронта. Я выехал несколькими часами раньше и приехал в Ставку 5 числа утром, застав великого князя озабоченным. Вести с фронта были весьма неутешительны: германо-австрийские войска перешли реку Сан и стремились окружить Перемышль.

В 5 часов дня императорский поезд остановился на путях царской Ставки. Великий князь и Янушкевич тотчас вошли в вагон с докладом о последних событиях на театре войны. Государь из вагона не выходил, а подойдя к окну, ответил поклоном на общее приветствие лиц, встречавших его, среди которых был и я.

В 6 с половиной часов, по случаю кануна дня рождения Государя, в походной церкви была отслужена всенощная в присутствии Государя, великих князей Николая и Петра Николаевичей, Кирилла Владимировича и Дмитрия Павловича и принца П. А. Ольденбургского, свиты, чинов штаба и казаков конвоя.

После всенощной Государь прошел в штаб, где генерал-квартирмейстер сделал подробный доклад Государю о положении на фронте. Германо-австрийские войска в числе более 30 корпусов теснили нас на всем фронте от Апатова до Коломыи, часть их, перейдя Сан, обходила Перемышль. В ту минуту, когда шел доклад, шли кровопролитные бои, наши подкрепления двигались и с Кавказа, и из Севастополя, и из Одессы, но успеют ли они подойти? На этот вопрос никто ответить не мог. У всех лица были грустные, сосредоточенные, за обедом сидели тихо, только Государь казался спокойным, не показывая вида, что беспокоится.

Наступило 6 мая — день рождения Государя, погода была серая, прохладная, всю ночь шел дождь. До обедни Государь прошел в штаб выслушать доклад о событиях, происшедших за ночь. Неприятель продолжал свой натиск и бомбардировал Перемышль. В 10 часов началась литургия, в 12 с половиной состоялся парадный завтрак на 50 приборов. Государь был со всеми приветлив как всегда, совершенно спокоен, после завтрака долго беседовал с иностранными агентами союзных государств.

Государь оставался в Ставке до 13 мая, я воспользовался этим, чтобы проехать в Варшаву, где настроение было тревожное и поговаривали о возможной эвакуации. Приехав в Варшаву ночью, я не выходил из вагона, мой вагон отцепили и поставили на запасном пути станции. Проснулся я от страшного крика на станции. Прислушавшись, я узнал голос принца Александра Петровича Ольденбургского, который кричал на кого-то на платформе вокзала. Я подошел к окну и увидел его, окруженного своей свитой и разными чинами медицинского ведомства. Принц кричал: «Да подайте же мне этого, ну как его? Как его? Ну, рожденного Рейнбота!».

Рейнбот, бывший градоначальник в Москве, осужденный и затем помилованный, занимал должность по санитарной части в Варшаве. Вследствие повальной болезни, которой страдали в то время многие, носившие немецкие фамилии, Рейнбот переименовался в Резвого, и вот принц Ольденбургский и старался вспомнить его новую фамилию и не мог. Резвого-Рейнбота вскоре отыскали, принц накричал на него и успокоился.

Одевшись, я прошел к принцу в вагон, он меня очень любезно принял и начал мне сейчас же с волнением рассказывать о найденных им то здесь, то там беспорядках, причем и в вагоне все вскакивал и потом опять садился. Он очень был встревожен нашими последними неудачами.

В Варшаве я пробыл день или два, не помню, и вернулся в Ставку к Троицыну дню. Царский поезд был убран березками. Красива была и церковь в своем зеленом убранстве. Известия были как будто более утешительные, ждали со дня на день выступления Италии, и действительно, 12 мая Италия начала военные действия против Австрии. Это известие как-то сразу подбодрило всех, но на следующий день весть о необходимости оставить Перемышль для сокращения фронта вновь опечалила всех.

13 мая в 2 часа дня Государь отбыл из Ставки в Царское Село. Я уехал накануне и 13-го был уже в Петрограде.

Еще до поездки в Ставку я узнал от Маклакова о предстоявшем назначении Юсупова главноначальствующим г. Москвы и главным начальником Московского военного округа. Маклаков, 1 мая приехав от Государя, рассказал мне об этом в полной уверенности, что это известие меня порадует, так как он знал, что я с Юсуповым был

в самых искренних дружеских отношениях. Он был очень удивлен, когда я высказал самое отрицательное отношение к этому назначению. Я его даже стал просить, если не поздно, постараться убедить Государя отказаться от этой мысли, так как считал Юсупова совершенно не подходящим для занятия столь ответственной должности в такое серьезное время. Кроме того, я находил вообще вредным для дела создавать в таком центре как Москва двоевластие, что всегда бывало чревато последствиями, и считал, что если Адрианов слишком слаб как градоначальник, лучше его заменить более способным и энергичным лицом, чем сажать над ним другое. Это не могло прибавить Адрианову энергии, а напротив, или послужило бы возникновению трений между ним и Юсуповым в случае разногласий, или же Адрианов, подавленный знатностью и богатством Юсупова, обратился бы в послушного исполнителя его воли, в человека «что прикажете?». Последнее и случилось и было роковым, так как Юсупов, при полном отсутствии административного опыта и не будучи достаточно умным, конечно, не мог разбираться во всех сложных делах того времени. А при свойствах его характера — некотором упрямстве, большом апломбе и привычке смотреть на все более чем легко («tout ça se sent des bêtises * — любимое его выражение), можно было ожидать, что он наделает таких ошибок, которые не исправить.

Все это я высказал Маклакову, но было уже поздно, приказ был уже подписан и должен был быть опубликован 6 мая. Мне было очень жаль, что все так вышло, я был дружен с Юсуповым и очень любил его, это был очень добрый и хороший человек, и потому мне было просто жаль, что он полез в такую историю, сам не сознавая всей ответственности, какую он брал на себя.

Жена его, милейшая княгиня Зинаида Николаевна, которая всегда была удивительно добра ко мне и внимательна, показалась мне встревоженной этим назначением. Как умная и чуткая женщина она сознавала в душе, что ее мужу не следовало соглашаться принимать столь ответственную в то время должность. Я не мог не высказать ей своих опасений и, приехав к ней, сказал, приехал не поздравить ее, а выразить сочувствие тому, что она, очевидно, переживает в связи с этим высоким назначением ее мужа.

Что касается назначения Юсупова главным начальником военного округа, то это не относилось к моей компетенции как товарища министра внутренних дел, и потому я не касался его, но и этому назначению я сочувствовать не мог, так как оно повлекло увольнение командующего войсками Московского военного округа Сандецкого, человека честнейшего, благороднейшего и глубоко преданного своему делу.

7 мая скончался адмирал Эссен, командовавший Балтийским

---

* Все это пустяки *(фр.)*.

флотом. Это было очень тяжелой утратой для нашего флота, который в его лице потерял талантливого, честнейшего и благороднейшего моряка.

Вернувшись в Петроград, я нашел у себя целый ряд донесений о Распутине за последние месяцы, привожу некоторые из них.

1. Распутин-Новый * послал телеграмму в Покровское сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром возить, когда разрешат рубить».

2. Послал телеграмму: «Царское, Дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой. Хотя телом не был, радуюсь духом, чувство мое — чувство Божие, посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

3. Распутин-Новый принял прошение от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял по 250 руб. и 7 марта посылал их лично в Царское Село, к Вырубовой.

4. Артельщик Гинсбурга — поставщика угля на флот, крестьянин Август Корнилович принес Распутину-Новому 1000 руб. и отдал под расписку в разносной книжке.

5. Симонович принес Распутину-Новому несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина-Нового был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На балу были: супруги Волынские, Шаповальникова, Мария Головина и еще поодиночке пришли 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали, — гулянье затянулось до позднего времени. [...]

6. Распутин-Новый с неизвестной женщиной проведен в дом № 15—17 по Троицкой улице к князю Андронникову, отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин, которые пробыли до 6 часов утра — пели и плясали. Утром Распутин-Новый никого не принимал, так как спал.

7. Распутин-Новый послал телеграмму: «Царское Село, Вырубовой. Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

8. К Распутину-Новому приходила Ежова Евгения Карловна просить его содействия по устройству ей подряда поставки белья для войск миллиона на два рублей. Около 1 часа ночи к Распутину-Новому пришли 7-8 мужчин и женщин во главе с прапорщиком Кирпотиным и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания пила, кричала, пела песни, плясала, стучала, и все, пьяные, вышли вместе с Распутиным-Новым и отправились неизвестно куда, а 11 марта,

* Так в тексте. Правильно: Новых.

в 10 часов 15 утра, Распутин-Новый встречен был один на Гороховой улице и проведен в дом № 8 по Пушкинской улице к проститутке Трегубовой.

9. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина-Нового для сбора пожертвований.

10. В отсутствии Распутина-Нового приходила просить Ниценко Варвара об освобождении ее дяди полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 1000 руб.

11. Распутин-Новый прибыл из Москвы. Послал телеграммы в Москву: 1) «Б. Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой: Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2) Козицкий пер. д. Бахрушина, Джануловой: «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой, целую». [...]

В последнем донесении из Москвы я обратил внимание на недостаточное освещение поведения Распутина в загородном московском ресторане «Яр» и потому приказал Департаменту полиции затребовать от Московского охранного отделения по сему поводу более подробные сведения.

Это, очевидно, встревожило градоначальника Адрианова, который приехал ко мне в Петроград, кажется 15 или 16 мая, чтобы лично доложить о поведении Распутина в ресторане «Яр», не решаясь это изложить письменно. Такое малодушие с его стороны меня крайне неприятно поразило. Выслушав его подробный доклад о возмутительном, непристойном поведении Распутина, и при этом в весьма подозрительной компании, я предложил Адрианову, приехав в Москву, письменно изложить мне все доложенное и прислать при письме. Это ему не особенно понравилось, но возражать он мне не мог и обещал исполнить. После этого прошла неделя, а от Адрианова никакого донесения не поступило. Я послал тогда депешу с предложением немедленно прислать требуемое по делу Распутина. Наконец, я вынужден был командировать в Москву особое лицо с письмом, с тем чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом, и только тогда я получил требуемое. Это было 27 мая. При этом Адрианов все же не решился написать что-либо от себя, а препроводил мне только подлинный рапорт пристава 2 участка Сущевской части подполковника Семенова о происшествии в ресторане «Яр», без номера и без числа. Все это доказывает, как боялись все возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана.

Рапорт подполковника Семенова гласил следующее. «Его превосходительству московскому градоначальнику. Рапорт. В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан «Яр» приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и еще какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского *. Распутин приехал уже выпив-

* Видный корреспондент московских газет. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

ши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставляя плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашая к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя императрицы, говоря: «Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас». Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила сама императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы, он * ...говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например: «Люби бескорыстно» и т. д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семенов».

Получив этот рапорт, я приказал уже лично начальнику охранного отделения в Москве подполковнику Мартынову, помимо градоначальника, подвергнуть его разработке по существу и выяснить участие в этом кутеже всех лиц, окружавших Распутина. Мартынов тотчас же исполнил данное ему поручение и донес следующее.

«Дополнительно собранными секретным путем сведениями выяснились те условия, при каких происходила поездка в марте сего года известного Григория Распутина в московский ресторан «Яр», о каковой поездке было мной донесено ранее особым докладом.

В кругах московских дельцов средней руки, не брезгующих подчас делами сомнительной чистоты, давно вращается дворянин, занимающийся отчасти литературным трудом, Николай Никитич Соедов. Названное лицо, прожив давно имевшийся у него когда-то капитал, уже 25 лет живет в Москве без определенных занятий, занимаясь отчасти комиссионерством, отчасти литературой, и имеет знакомства в самых широких слоях Москвы. За это время круг его афер естественно суживался по мере того, как за ним упрочивалась репутация «темненького» человека, живущего подачками, мелкими займами и кое-какими перепадающими доходами, иногда не совсем из чистых источников. Литературный труд Соедова ограничивается уже давно участием в бульварной прессе и помещением изредка статей в «Петроградских ведомостях» [8] с хроникой из московской жизни; в этих статьях Соедов постоянно не забывал упоминать в самом хвалебном тоне о действиях московской администрации, чем стремился быть, как он полагал, полезным и приятным лицом. В этом смысле он неуклонно пользовался каждым случаем, чтобы напомнить о себе московскому градоначальнику Свиты его величества генерал-майору Адрианову.

---

* Далее полторы строчки зачеркнуто.

Будучи весной сего года в Петрограде, Соедов, рассчитывая на влияние и связи Распутина в высших сферах Петрограда, попал к нему как представитель прессы, познакомился с ним и сумел, видимо, заинтересовать собой последнего. Во время приезда Распутина в Москву в марте месяце сего года Соедов немедленно явился к нему и принялся за проведение чрез Распутина придуманного им за это время плана принять поставку на интендантство солдатского белья в большом размере. Соедов, конечно, в этом деле рассчитывал не на непосредственное участие, а на комиссионерское и привлечение к этому делу лиц из сравнительно денежной среды, которые бы могли этим делом заработать деньги. Видимо, еще в Петрограде Соедов заинтересовал Распутина этим делом и обещал ему известный процент с него, если Распутин выполнит, благодаря своим связям, проведение этого дела в интендантстве. Распутин, обещая поддержку, указывал на несомненное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ.

Самая пирушка у «Яра» была как бы некоторой, необходимой в таких случаях, обычной в московских торговых кругах «вспрыской» предположенного дела. Так как Соедов еще ранее предложил своему хорошему знакомому, также очень известному в московских широких кругах газетному дельцу Кугульскому участие в названном подряде, то он вызвал его к «Яру» на упомянутую пирушку, и Кугульский, в счет ожидаемых благ, дал известную денежную сумму на устройство кутежа.

У «Яра» компания заняла кабинет, куда были приглашены хористки, причем Распутин, вскоре придя в состояние опьянения, стал вести себя более чем развязно и назвал себя.

Немедленно весть о пребывании Распутина в кабинете у «Яра» и его шумное поведение вызвали огласку в ресторане, причем хозяин ресторана Судаков, желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, кто нарочно себя им назвал. Когда, однако, это дошло до Распутина, то он уже стал доказывать, что он настоящий Распутин, и доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым высоким особам.

Что касается самого дела о поставке белья, то судя по тем же данным, оно ожидаемого успеха не имело, так как Соедов выяснил в конце концов, что предложенная им цена не более разнится от цены, предлагаемой интендантством, по крайней мере, копеек на 25 в штуке (что-то вместо ожидавшихся 1 руб. 30 коп. — около 1 руб. с чем-то, точно цифры не удалось установить). Предложенная поставка белья, таким образом, расстроилась».

Все эти факты, собранные о Распутине, показались мне вполне достаточными, чтобы составить на основании их докладную запис-

ку и представить ее Государю, так как не высказать своему монарху правду о Распутине я считал для себя нарушением присяги, и мысль эта меня давно преследовала, я только ждал, когда накопится достаточный материал и представится случай для личного доклада. Материал получился, оставалось ждать удобного случая для доклада, каковой, благодаря возникшим в Москве беспорядкам, представился очень скоро.

Одновременно с перепиской моей с Адриановым по поводу поведения Распутина в Москве пришлось мне постоянно сноситься с Юсуповым, вследствие многочисленных жалоб, поступавших из Москвы по поводу тех или иных распоряжений Юсупова, касавшихся, главным образом, мер, принимавшихся им относительно иностранных подданных воюющих с нами держав.

Казалось бы, нельзя было не приветствовать стремления Юсупова освободить столицу от германских подданных, немецкое засилье в Москве было действительно большое, но причиной этому был ряд распоряжений Совета Министров, а также и Верховного главнокомандующего относительно подданных враждебных нам государств, которые были французского, чехословацкого и итальянского происхождения, не говоря уже о взаимном соглашении с Германией не подвергать высылке неприятельских подданных свыше сорока пяти лет и их семей, если они ни в чем неблагонадежном замечены не были.

Юсупов с этими распоряжениями не считался, и потому приходилось постоянно указывать ему на нарушение закона. Его борьба с немецким засильем доходила в некоторых случаях до комизма, как, например, его распоряжение о переселении имевших право остаться в Москве иностранных подданных в один район, кажется в Яузскую или в какую-то другую часть города. Отдавая такое приказание, он не задумывался над тем, как это фактически осуществить. Конечно, из такого абсурдного распоряжения ничего и не вышло и только взбаламутило всех. Между переселяемыми была, между прочим, старуха 85 лет, Оттилия Стурцель. Когда я получил об этом депешу от ее дочери, русской подданной, и запросил Юсупова, он мне ответил, что она не высылается из Москвы, а переселяется в другой участок.

Вследствие ряда подобного рода жалоб министр Маклаков вынужден был обратиться к Юсупову с нижеследующим письмом от 20 мая.

«Милостивый государь князь Феликс Феликсович. Ввиду последовавшего 5 сего мая высочайшего повеления о назначении Вашего сиятельства главноначальствующим г. Москвы на точном основании статьи 25 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», к Вашему сиятельству перешли все полномочия, перечисленные в статьях 15, 16 и примечаниях к ней, 17 и примечаниях к ней, 20 и 26 того же Положения, коими до

сего времени пользовался московский градоначальник в силу именного высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 11 день июля 1914 г. Вследствие сего мною уже сообщено Свиты его величества генерал-майору Адрианову о прекращении его полномочий, предоставленных ему означенным высочайшим указом. Таким образом, права и обязанности Вашего сиятельства как главноначальствующего точно определены указанными статьями закона.

По вопросу же о высылке из Москвы подданных воюющих с нами держав преподаны руководящие указания в высочайше утвержденном 3 декабря минувшего года «Особом журнале» Совета Министров, в копии при сем прилагаемом. При этом, как видно из означенного журнала, установление отдельных случаев изъятий из общего правила о высылке названных иностранцев предоставлено министру внутренних дел. Поэтому в тех случаях, когда Ваше сиятельство признали бы необходимым оставить какое-то лицо из неприятельских подданных в Москве или выслать кого-либо из них, коему мною ранее разрешено было оставаться в Москве, покорнейше прошу Вас предварительно входить по означенному вопросу в сношение со мною.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что на основании упомянутого выше «Особого журнала» Совета Министров определение местностей для высылки неприятельских подданных предоставлено так же исключительно власти министра внутренних дел и что в настоящее время для указанной цели мною назначена для германских, австрийских и венгерских подданных немецкого происхождения Зауральская часть Пермской губернии, для остальных же категорий подданных этих государств — Уфимская губерния, а для турецких подданных мусульман — Рязанская губерния.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашему сиятельству уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности. Маклаков».

Юсупову, конечно, весьма не нравились вмешательства министра в его распоряжения, это его волновало, сердило, он высказывал это всем приезжавшим к нему, ему поддакивали, чтобы быть ему приятным; конечно, ничего хорошего из этого выйти не могло; а многие, более пронырливые старались вкрасться в его доверие, а он разбираться в людях не мог и подпадал под дурное влияние. Многие стали сводить на этом деле личные счеты.

28 мая я получил донесение начальника Петроградского охранного отделения следующего содержания.

В ночь на 28 сего мая по требованию московского градоначальника от 27 мая за № 289168, обращенному на имя г. петроградского градоначальника, согласно повелению Верховного главнокомандующего, обыскан и арестован председатель Общества фабрикантов и заводчиков Московского района французский гражданин Юлий Петров Гужон, который, согласно того же требования, подлежит

немедленному отправлению с конвоирами в Москву в распоряжение градоначальника. Арестованный Гужон, впредь до отправления в Москву, заключен под стражу в Петроградском доме предварительного заключения и об отправлении его по назначению мною сейчас же после ареста его сообщено начальнику Петроградского губернского жандармского управления, которому одновременно с сим препровождаются протокол обыска и предметы, взятые по обыску у Гужона. Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству».

Считая Гужона вне всяких подозрений, зная его французское происхождение и ненависть ко всему немецкому, я тотчас же снесся по телефону с начальником Генерального Штаба Беляевым, прося его переговорить по прямому проводу с генералом Янушкевичем и просить сообщить мотивы ареста Гужона. Чрез несколько часов я получил ответ, что этот арест вызван представлением князя Юсупова, засвидетельствовавшего подозрительное отношение Гужона к германцам, но если я беру на себя, то Верховный главнокомандующий не имеет ничего против освобождения Гужона, но оставление его в Москве находит нежелательным.

Я понял, что Юсупов это сделал под влиянием кого-либо, сводившего личные счеты с Гужоном, а за неимением достаточных данных для ареста сего последнего обратился к великому князю, в уверенности, что тогда министерство уже не сможет вмешаться.

Получив вышеозначенный ответ от Янушкевича, я приказал, конечно, Гужона освободить и сообщить о воспрещении ему въезда в Москву. Он был освобожден и обратился ко мне с заявлением, которое я в копии препроводил Янушкевичу для доклада великому князю, после чего ограничение с Гужона было снято. [...]

Вся эта недостаточно обдуманная политика Юсупова заставляла невольно тревожиться за Москву тем более, что в Департаменте полиции имелись сведения о далеко не спокойном настроении среди разных слоев населения Москвы, распространении всевозможных слухов, включительно до обвинения великой княгини Елизаветы Федоровны — этой святой, можно сказать, женщины, в германофильстве. Все эти слухи, среди которых были и рассказы о всевозможных бесчинствах и преступлениях немцев внутри России, а также и об отравлении ими рабочих на фабриках Прохоровской мануфактуры и «Богатыре», нервировали массы и возбуждали их. Озлобление против немцев, против каждого, носившего нерусскую фамилию, росло с каждым днем, а князь Юсупов, вместо того, чтобы внести успокоение, стараться объяснить нелепость многих слухов, как бы нарочно своими мерами подливал масло в огонь, и 26 мая в Москве начались беспорядки.

Юсупов же за три дня до начала погрома в письме на имя министра Маклакова, прося о назначении полковника Перцова на должность помощника градоначальника, писал: «Деятельностью

А. А. Адрианова я вполне доволен. Москва понемногу успокаивается, и лишь один вопрос все еще остается острым — это Электрическое общество 1886 г., и волей-неволей он должен быть в скором времени решен. Что касается высылки подданных воюющих с нами держав, то высылаются исключительно лица, заподозренные по агентурным данным в причастности к шпионажу *, так как тут кроется целая систематическая организация. Ввиду озлобленности народа, и в особенности рабочего класса, я считал необходимым это сделать, дабы предотвратить возможность эксцессов, которые были близки к проявлению и могли бы повести к самым печальным результатам».

26 мая в Москве начались беспорядки, как раз в тот день, когда министр получил вышеозначенное письмо Юсупова. Начало активных действий положили рабочие гюбнеровской фабрики, пришедшие на Прохоровскую мануфактуру с национальными флагами. Хотя на фабрику рабочие не были допущены, но полиция, со своей стороны, не приняла мер к рассеянию толпы, ввиду патриотического будто бы настроения рабочих. Однако 27 мая движение рабочих вылилось уже в форму беспорядков, начавшихся на той же фабрике Гюбнера. Градоначальник, не допуская возможности беспорядков в «патриотически» настроенной толпе, не предпринял никаких мер к подавлению их в начале. Рабочие между тем, после вторичного недопущения их на фабрику Прохорова, пошли на фабрику Цинделя, напали на пытавшегося скрыться управляющего этой фабрикой Карлсена, бросили его в реку, а когда он пытался выплыть, избили до смерти камнями. Находившийся на месте пристав Эклон ничего не предпринял, а прибывший полицеймейстер генерал Миткевич-Желток приказал городовым отвезти труп Карлсена на другой берег реки. Тем не менее рабочие вновь нашли труп и бросили в воду.

Затем толпа рабочих направилась к фабрике «Винтер и К⁰» и потребовала выдачи им немцев, получив же указание, что таких на фабрике нет, взяла владельца фабрики и его жену и отвела в полицейский участок.

На фабрике Жиро, принадлежавшей французской фирме, толпа разгромила помещение мастера Гаркера (немца). На фабрике Шрадера, по возникновении беспорядков, толпа стала избивать сына владельца, и когда прибывшему полицеймейстеру удалось с помощью городовых отнять избиваемого и увести, то рабочие толпою кинулись внутрь фабрики, убили четырех русских женщин, приняв их за немок, и трупы их бросили в воду. В 9 часов вечера в места беспорядков прибыли сильные наряды полиции и воинских чинов и стали разгонять буянов нагайками.

* Против этого министерство не возражало никогда. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

В созванном в тот же вечер совещании главноначальствующий г. Москвы Юсупов высказал неудовольствие, что полицией были употреблены в дело нагайки, и не согласился отдать распоряжение, воспрещающее всякие, в том числе и патриотические, манифестации.

28 мая с семи часов утра начался разгром магазинов, принадлежавших немецким фирмам. В самом начале разгром этот имел определенную программу и носил организованный и как будто идейный характер, но по мере его разрастания он принял характер настоящего грабежа, с участием в нем не только подонков населения, но и раненых нижних чинов. Несмотря на то, что после 6 часов вечера этого числа награбленное имущество не только выносилось, но и вывозилось даже на подводах, виновные в грабеже или вовсе не задерживались, или же задерживались единицами. Однако и эти задержанные были освобождены градоначальником по приказанию Юсупова, обратившегося сначала с этим требованием к прокурорскому надзору, который, со своей стороны, уклонился от каких-либо распоряжений, так как задержанные грабители не были еще переданы следственной власти. Кроме того, многие из задержанных были освобождены насильно толпою, а в одном из участков арестованные сами убежали, пользуясь тем, что полицеймейстер Миткевич-Желток допустил толпу проверять камеры арестованных.

Юсупов настолько мало придавал значения этим беспорядкам, что не нашел даже нужным сообщить о них в Петроград, и министерство 26 и 27 ничего не знало, только к вечеру 27-го я случайно узнал, что в Москве что-то неладно. Позвонив Юсупову по телефону, я получил ответ, что ничего серьезного нет.

Между тем на другой день приехавшие из Москвы стали передавать ужасающие подробности погрома. Соединившись с губернатором графом Муравьевым, я уже от него узнал подробности и тотчас же поехал к министру Маклакову доложить о продолжающихся погромах в Москве. Министр предложил мне лично выехать в тот же день в Москву, послав срочно Государю всеподданнейшую докладную записку следующего содержания:

«Сегодня в Москве возникли уличные беспорядки. Большие толпы народа двигались по улицам с национальными флагами и портретом Вашего императорского величества, громили магазины, принадлежащие лицам с нерусскими фамилиями, на Красной площади, Кузнецком мосту, Мясницкой и Большой Лубянке. В настоящее время происходит разгром магазинов по Тверской улице. Сообщений от местных властей ко мне не поступало, вышеуказанные сведения получены частным образом и проверены по телефону Свиты Вашего императорского величества генерал-майором Джунковским, который сегодня же по моему предложению выезжает в Москву для ознакомления с происшедшим. Об изложенном долгом почитаю всеподданнейше доложить Вашему императорскому вели-

честву. Министр внутренних дел гофмейстер Маклаков. 28 мая 1915 г.».

В тот же день я выехал в Москву. На вокзале в Москве меня встретил исправляющий должность помощника градоначальника полицеймейстер генерал-майор Золотарев — благороднейший и честнейший человек. От него я узнал все подробности. Он был крайне сконфужен за полицию, говоря, что она покрыла себя позором, не предупредив беспорядков и не принимая никаких мер к их пресечению не только в самом начале, но и тогда, когда погром охватил весь центр города. Из его слов мне стало ясно, что это было намеренное попустительство. В ту минуту, когда я приехал в Москву, погромы еще продолжались, но уже не с такой ожесточенностью, так как появились одновременно два объявления от главноначальствующего над г. Москвой князя Юсупова и от московского городского головы Челнокова. [...] Эти объявления явились результатом частного совещания гласных, созванного городским головой накануне вечером в городской думе; в этом совещании приняли также участие главноначальствующий князь Юсупов, градоначальник Адрианов, полицеймейстер Севенард и начальник штаба генерал Оболешев.

Казалось бы, инициатива по принятию мер к прекращению погромов должна была бы изойти от главноначальствующего, на деле же оказалось, что городская дума, потеряв веру в представителя высшей власти в Москве, приняла ее на себя. На этом совещании престиж князя Юсупова как носителя высшей власти пал окончательно после произнесенной им речи *. На этом заседании были допущены и объяснения его ближайшего сотрудника Адрианова, а также полицеймейстера Севенарда, которые как бы оправдывались перед гласными. Не обошлось и без личных счетов. Полицеймейстер Севенард позволил себе, в оправдание бездействия полиции, обвинять в грабеже солдат Московского гарнизона, на что начальник штаба резко возразил ему, что он недостойно клевещет на армию и просил его взять слова обратно. Таким образом, между представителями полиции и военного ведомства произошло на глазах гласных столкновение, и все это в присутствии князя Юсупова, роль которого в этом совещании для меня осталась непонятной.

По окончании совещания и отъезде Юсупова и представителей администрации состоялось чрезвычайное собрание думы, на котором единогласно приняты были следующие постановления:

* В свое оправдание он сказал: «Господа, что испорчено было в продолжении 10 месяцев, я не мог исправить в полмесяца. Те события, которые сегодня произошли в Москве, я отчасти предвидел. Я предвидел, что насилия толпы могут угрожать немцам, и я энергично приступил к тому, чтобы поскорее их удалить. Я должен сказать, что осуществление этой меры представляло очень многие затруднения. Можно сказать, что у каждого немца имеется по два защитника: один в Петрограде, один в Москве. Мы были к ним слишком добры. Я на стороне наших рабочих. Их терпение лопнуло. Сейчас я проезжал по улицам Москвы. Я видел народ, который шел по улицам. Они идут с веселыми лицами. [...] *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

«1. Просить городского голову обратиться от имени Московской городской думы к населению г. Москвы с воззванием о немедленном прекращении недостойных Москвы погромов.

2. Обратиться к рабочему и фабричному населению Москвы с просьбой напрячь все силы и не допускать приостановки работ на фабриках и заводах, ибо каждый день промедления в работе есть торжество врага.

3. Представить господину главноначальствующему г. Москвы, что Московская городская дума обращается с самой настоятельной просьбой прекратить погромы, которые, несмотря на поздний час, все более разрастаются, и что Московская городская дума недопускает мысли, что наступающая ночь будет омрачена какими-либо выступлениями толпы».

Одновременно с обнародованием вышеуказанных обращений к населению Москвы, впервые полицией стали приниматься меры к прекращению погромов, и к вечеру 29-го, когда я покидал Москву, все было уже совершенно тихо, и изданное в этот день обязательное постановление главноначальствующего было уже излишне и вызвало в населении одно неудовольствие, как совершенно никому не нужное стеснение, оно было отменено на третий день. [...]

По приезде в Москву я заехал в генерал-губернаторский дом, где всегда останавливался, принял градоначальника, и, выслушав все его объяснения, сводившиеся к одному, что он ничего сделать не мог, так как его действия будто бы парализовались распоряжениями свыше, я поехал к Юсупову.

Меня встретила чрезвычайно расстроенная княгиня Юсупова, она отлично сознавала, что все сделанное ее мужем было не так, и мне от души было жаль ее, я чувствовал все, что она должна была переживать. Сам Юсупов не отдавал себе ясного отчета в том, что произошло, он считал, что это должно было случиться, что иначе быть не могло, что открылся клапан и вырвался народный гнев, что виной этому исключительно высшее правительство, стеснявшееся с немцами, он даже умилялся некоторыми сценами, коих он был свидетелем накануне, когда он где-то наблюдал грабеж и погромы.

Он предложил мне объехать с ним пострадавшие от погрома места. Картина разрушения была ужасающая, мы объехали только центральную часть города. На Мясницкой, у Роберта Кенца, грабеж еще продолжался, на развалинах хозяйничали какие-то подростки и наполняли мешки разным добром, полиции не было. Я показал Юсупову, он велел остановить автомобиль и, встав во весь рост, начал кричать и выгонять из разрушенного помещения этих хулиганов, которые немедленно разбежались. И магазин-то этот принадлежал не иностранцу, а русскому, владельцем его был некто Федоров, и только фирма была прежняя. На Кузнецком мосту ужасное впечатление производил разгром магазина и склада роялей

и других музыкальных инструментов Циммермана. Половина улицы была загромождена изломанными роялями, пианино, которые сбрасывались из окон верхнего этажа на мостовую.

После объезда города я вернулся к себе и принимал представителей города, Биржевого общества и разных организаций. Все они были встревожены, я старался успокоить их и заявил им, что будет произведено самое тщательное расследование причин погрома, виновные понесут должное наказание, и впредь никакие беспорядки допущены не будут ни в коем случае.

Затем у меня были градоначальник, губернатор, начальник жандармского управления и другие лица. Из всех разговоров с ними и докладов я вывел заключение, что ближайшими событиями, послужившими толчком к беспорядкам, была передача Комитетом великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям запасных заказа по шитью белья для нужд действующей армии австрийской фирме Мандль. Фирма эта, хотя и была преобразована в акционерное общество под председательством графа Татищева (председателя правления Соединенного банка), но в народе продолжала считаться иностранной. Хотя фактически передача названной фирме этих заказов состоялась по распоряжению интендантского ведомства, и потому лишение работы жен запасных, в силу этого распоряжения, не было виной Комитета великой княгини, тем не менее среди населения ходили слухи, что все это сделано по повелению великой княгини — немки по происхождению, и что она ничем не лучше всяких цинделей и прочих немцев.

Кроме того, наглое поведение Распутина, имевшее место в Москве еще так недавно, набросило тень на царскую семью и стало рассматриваться как открытое, демонстративное выступление немецкой партии, чувствующей за собой властную поддержку. Все это за последние дни создало весьма сильное негодование против немцев и, к сожалению, весьма антидинастическое настроение. Возникновение холеры на некоторых фабриках, приписанное также немцам, еще более усилило враждебное к ним отношение населения. За несколько часов до погрома заметны были кучки людей, где велись беседы на эти темы.

Со стороны мелких коммерсантов и учащейся молодежи делались указания на то, что полиция сама подготовила погром, были разосланы агенты для возбуждения толпы и даже якобы было организовано самое начало погрома. Так, например, в подтверждение этого указывалось на один факт: в один из магазинов Товарищества «Скороход» явились трое неизвестных и потребовали документы и удаления двух заведующих-немцев, но когда оказалось, что документы в порядке и что немцы еще раньше были сменены, то пришедшие звонили в 5 сыскное отделение, докладывая, что все в порядке, после чего отвели толпу и сами ушли. Полиция делала

указания, где живут немцы, и останавливала толпу там, где хотела. Достаточно было небольшого вмешательства ее и сопротивления, чтобы погрома не было.

Разгул толпы дошел до края, и не стали разбирать русского от немца: громились магазины с просто «подозрительной» иностранной фамилией. Так были разгромлены Эрманс и др. Характерным было то, что при разгроме Эйнем у Ильинских ворот и Динга расхищение конфект было приостановлено благодаря слуху в толпе, что конфекты отравлены. На Никольской, недалеко от склада Циндель, выделялась группа, где горячо ораторствовал загорелый здоровый рабочий. Он резко отзывался о погроме, обвинял во всем полицию и буржуазию и вообще указывал, что «если и действовать, так не немцев, избивать, а вообще все перевернуть». Уходя, он назвался ленским рабочим и на ходу продолжал негодовать. Один студент обратился к нему: «Встречаю за все время погрома одного, который действительно правильно на все смотрит».

Вечером, часов в 10, большая толпа собралась на Страстной площади. Встретились две манифестации. Около флагов произносились речи об избиении немцев и, между прочим, один из ораторов призывал громить магазины Зингера, так как агенты его раскиданы по всей России. Они снабжают немцев всеми сведениями и планами. Толпа направилась на Тверскую, к магазину Зингер, но не стала громить, увидев в окнах бюсты Государя и Государыни. В 1-2 часа ночи у Петровских ворот собралась возбужденная толпа и говорила о столкновениях с полицией. С Петровки толпу теснили и гнали к бульварам. Резко выделялись отдельные протесты, угрозы по адресу полиции.

Тут собрались толпы, и один прилично одетый молодой человек горячо говорил о несправедливости полиции, которая гонит русских людей, толкает, а немцев оберегает. «Вот если я пошел громить, выпивши предварительно, и делаю это просто только потому, что мне подебоширить хочется, а если иду с убеждением, что делаю хорошее дело, бью врагов, помогаю Родине, и меня наш же полицейский или жандарм толкает, колотит нагайкой, — каково мне это сносить и чувствовать из-за немца?!»

Вообще в ночь на 29-е заметна была перемена настроения, был замечен ряд мелких столкновений с полицией; на другой день пришлось уже круче их ликвидировать. В Газетном 29-го, в 11 часов дня, стоял рабочий, у которого был разбит глаз. Он упал, сшибленный полицейскими. Его окружили. Все негодовали, старались разыскать полицейского. Рабочему советовали идти к толпе, которая в это время бушевала на Тверской, чтобы там, показавшись, идти «колотить полицию». «Ребята, запасайся камнями, не дадим себя дуть!»

Патрули у оружейных магазинов также послужили указанием, что, очевидно, боятся, как бы и за них не принялись, так как стали

охранять оружие. Это ничего, что с немцев начали — доберутся и до всех, кому следует «накласть». С этого же и раньше начиналось.

В одном из трактиров в беседе торговца и студента обнаружилось два течения. Торговец уверял, что нам, русским, было бы гораздо лучше, если бы немцы победили, так как у немцев все те свободы и права, которых мы добиваемся, уже есть, и эти права были бы и у нас. Студент, наоборот, указывал, что победа немцев будет хуже: «Тогда нам еще труднее будет бороться за свободу. Немецкое правительство умно и дальновидно. Оно знает, что нужно народу и дает все, что сохраняет его власть и силу; имея иные основания, оно путем уступок сохраняет для себя все, что наше правительство заставит у себя отнять. После войны безусловно нужно ждать движения, которое примет громадные размеры, так как перед народом раскроется и нищета, и все бедствия военные будут на нем. Народ будет много требовать, а наше правительство ничего народу не даст. Тут и можно сказать: «чем хуже, тем лучше».

Раздавались обвинения, что правительство само затеяло этот погром, дабы отвести от себя к немцам негодование и накопившееся недовольство. Такое обвинение поддерживалось решительно во всех слоях и могло быть сформулировано следующим образом.

1. Последние события на войне настолько неблагоприятны для нас, что не находят возможным что-либо сообщать после Перемышля. Между тем для всех это молчание ясно, что у нас громадные потери, отход от всех позиций, к которым шли с таким упорством все это время. Возможно, что Львов взят, так же как и ряд других мест. Настроение, под влиянием слухов с войны, было безусловно у всех приподнятое до крайности. Достаточно было небольшого повода, чтобы оно вылилось в самых резких формах и беспорядках, и безусловно было так же то, что первым виновником было бы поставлено правительство. Все это правительством прекрасно было учтено, и единственным, хотя и временным, клапаном напряженности, куда бы все это было выпущено, и послужили немцы. Почва, как нельзя более благодатная и могущая принести пользу. Разгром немцев не только дал бы возможность вылиться наружу накипевшему настроению и злобе, но и отвлек бы массы от настоящих виновников всех бедствий войны и создал бы настроение обратное; масса почувствовала бы свою виновность. Отдельные моменты разгрома и убийств встали бы перед глазами единиц и вызвали бы угнетенность и раскаяние, которое вылилось бы или в предательство, или в упорное углубление в работу. Вообще возможна была реакция настроения как раз в том направлении, какое желательно было правительству, настроение, при котором не только не было бы желания на новые выступления, но и не было бы желания сопротивляться, когда будут душить и за то, что позволялось сначала, т. е. при расправе за погром.

Все учитывалось соответствующими кругами и на это рассчиты-

валось, и очень во многом это оправдалось. Но считалось, что совершенно было упущено из вида два момента в жизни масс: это, что настроение могло внезапно меняться и перекидываться с такой же силой на другого врага, который внезапно делался открытым, и что такие выступления, хотя и создавали угнетенное состояние, но это состояние было бы лишь временное, за ним последовало бы сознательное отношение, карты раскрылись бы, обнаружилась бы истинная подоплека происшедшего, и вся ненависть и злоба обрушились бы уже сознательно на тех, кто ввел в заблуждение и заставил все пережить. Таким образом, такой взрыв мог оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва.

2. Другое обвинение правительства сводилось к тому, что представителям власти желательно было ввести не только фактически, как теперь, военное положение в Москве, но и юридически. Для этого нужен был серьезный повод. Лучшего, по теперешним временам, повода, как только что происшедшее, подыскать было трудно.

Подводя итоги не только этим данным, но и припоминая все происшедшее, приходилось прийти к выводу, высказанному старыми политическими работниками и просто людьми, присматривавшимися к жизни, просто прогрессивными: 1. Массы были введены в заблуждение правительством, отвлекшим их затаенное недовольство в сторону немцев. 2. Массы проявили зверские инстинкты, за которыми неизбежно должно было явиться раскаяние и угнетение. 3. В дальнейшем все-таки виновные будут найдены, если события выведут их наружу, и гнев толпы обратится на них. 4. Толпа проявила только дух разрушения и обнаружила полную свою несостоятельность при созидании. 5. В массах совершенно отсутствовал дух организации, и буйство ее было ураганно, но бесцельно. 6. Не имея перед собой цели, толпа труслива и неспособна к сопротивлению. 7. Столкновения с полицией могут быть названы самыми обыкновенными столкновениями. 8. Ждать перехода на сознательные выступления масс приходилось только в том случае, если какие-либо неожиданно развернувшиеся события толкнут их на это. 9. В действительном достижении каких-либо результатов необходимо, чтобы войска были согласны или инертны к действиям масс. 10. Без организованности, без вождей массы бессильны пойти дальше простого разрушения. На другой же день они сами пойдут и отдадутся в руки своих врагов. 11. После войны безусловно жизнь поставит все вопросы и потребует их коренного разрешения. 12. Неблагоприятное на войне ускорит ход событий и выдвинет в жизнь такие силы, о которых сейчас трудно предполагать. События совершаются большой важности, и трудно сказать, какие формы они примут.

Вечером я обедал у Юсупова и перед отъездом сообщил ему впечатление, произведенное на меня картиной погрома, и мое мнение о причинах его, причем предупредил его, что считая полицию виновной в том, что беспорядки не были пресечены в самом начале

и им дали разрастись до невиданных размеров, я при докладе министру выскажу мнение о необходимости замены градоначальника Адрианова другим лицом и попрошу командировать одного из членов совета министра с целью подробно расследовать причину погрома и действия чинов полиции для привлечения виновных к ответственности.

Юсупову это, по-видимому, не понравилось, но я сказал, что иначе я поступить не могу. Княгиня же, как мне показалось, ничего не имела против высказанного мною решения, находя Адрианова виновным в попустительстве и малодушии.

30-го я был в Петрограде и доложил все подробно министру, который вполне согласился с моим заключением. Члену совета министра действительному статскому советнику Харламову было предложено отправиться в Москву для всестороннего обследования происшедших там беспорядков, сопровождавшихся разгромом магазинов и частных квартир, выяснения причин их возникновения и всего хода прискорбных событий, а равно пострадавших фирм и частных лиц. Мною при этом посланы были депеши городскому голове, председателю Биржевого комитета, старшине купеческого сословия, председателю губернской земской управы, губернатору и прокурору судебной палаты об оказании Харламову любезного содействия и помощи при выполнении им возложенной на него задачи. [...]

Решившись заменить Адрианова другим лицом, надо было подыскать ему достойного заместителя. Это было не так легко, так как новое лицо должно было удовлетворять ряду требований: во-первых, это должен был быть человек большого административного опыта, умный, самостоятельный и знавший Москву, знакомый со сложными сторонами управления столицей; во-вторых, человек с большим тактом и который бы сумел создать правильные служебные отношения к главноначальствующему; в-третьих, человек, хорошо разбиравшийся в делах политического характера. Министр предоставил мне выбор такого лица, и я остановился на Климовиче — ростовском градоначальнике. Я находил его единственным подходящим лицом и в тот же день послал ему депешу: «Получением сего немедленно приезжайте сюда; возможно Ваше срочное назначение Москву, совершенно доверительно».

Климович не замедлил приехать, я с ним переговорил, много ему объяснять не пришлось, он был очень умен, разбирался быстро во всех самых сложных делах. Получив его согласие, я переговорил с ним и о будущих его помощниках. Кандидатов у него не было, и потому он сразу согласился на кандидатуры предложенных мною: по административной части — Тимофеева, служившего в канцелярии дворцового коменданта, и по полицейской части — полковника Назанского — помощника бакинского градоначальника. Назначение всех их состоялось в течение нескольких дней. Климович оказал-

ся на должной высоте, его помощники так же, и даже Юсупов, который сначала крайне скептически и недоброжелательно отнесся к назначению Климовича, не мог не оценить ума и такта нового градоначальника, совершенно подпав под его влияние, что для дела и было нужно.

31 мая я получил донесение из Москвы, что в Комитете Общегородского союза было постановлено на последнем заседании произвести обследование бывших в Москве погромов и к этому делу привлечь местные рабочие организации чрез их правления, и что это решение энергично проводит Челноков, а на последнем заседании думы по предложению сего последнего было даже постановлено ассигновать 25 тысяч руб. на обследование причин погрома, каковое предположено было поручить местным левым адвокатам. Юсупов же, не понимая подкладки этого постановления, не возражал ему. Меня же это известие крайне встревожило, я находил совершенно недопустимым, чтобы какие бы то ни было организации вмешивались в государственные дела чисто административного характера.

Дабы парализовать это постановление и свести его на нет, мне казалось единственным выходом назначение обследования сенатором по высочайшему повелению. Маклаков вполне согласился с этим моим мнением и решил по сему поводу войти с всеподданнейшим ходатайством. При этом я просил Маклакова одновременно с ходатайством указать и на желательность выбора сенатора, известного своей честностью и прямолинейностью и непременно правого направления и германофоба, так как погромы приписывались правым организациям, и причиной их выставлялась борьба с немецким засильем. Таким сенатором оказался И. С. Крашенникиников, который и был назначен.

31 мая министр получил от Государя записку: «Вернулся ли Джунковский из Москвы, когда вернется, немедленно пришлите его ко мне. Н.». Маклаков тотчас ответил, что я вернулся и жду высочайшего соизволения, в котором часу мне будет повелено явиться. Государь назначил мне явиться 1 июня в 10 часов вечера в Царском Селе.

Как только Маклаков сообщил мне об этом, я спешно стал готовиться к докладу. Всеподданнейшая докладная записка по поводу беспорядков в Москве была уже составлена и подписана Маклаковым, который поручил мне ее доложить Государю лично. [...]

Подготовившись к докладу по поводу беспорядков в Москве и приведя все документы в порядок, я решил воспользоваться представившимся мне случаем личного всеподданнейшего доклада и доложить Государю также весь материал, собранный мною о Распутине. Весь день 1 июня, до самого вечера, я просидел над составлением всеподданнейшей записки, в которой самым подробным образом изложил все добытые факты, перечисленные выше и характеризовавшие Распутина с самой отрицательной стороны,

называя все своими именами. В конце своей записки, в заключение, я написал, что я никогда бы не позволил себе вмешиваться в чисто личную и семейную жизнь Государя, если бы я не считал, что общение царской семьи с таким человеком расшатывает трон и грозит династии, и потому я бы не исполнил своего долга верноподданного, если бы скрыл от Государя хотя бы один из фактов, изложенных в записке.

К 6 часам вечера записка была готова, я ее перечел, исправил и дал моему верному секретарю Сенько-Поповскому лично переписать на машинке, после чего черновик был мною уничтожен — мне не хотелось никого посвящать в это дело и оставлять в делах какой-либо след. Знали об этом только Брюн де Сент-Ипполит — директор Департамента полиции и Никольский — начальник штаба Корпуса жандармов — оба верные и глубоко мне преданные сотрудники. Должен был я ознакомить с этой запиской и министра, так как не считал себя вправе без его разрешения представлять что-либо Государю. Маклаков одобрил мое намерение, расцеловал меня и с большим волнением отпустил. Я сказал ему, что доложу Государю, что эту записку я представляю не как товарищ министра по уполномочию министра, а лично от себя, как лицо Свиты Государя. Помимо этих лиц я еще предупредил мою сестру, так как легко мог ожидать неблагоприятного исхода доклада, и мне хотелось получить от нее нравственную поддержку.

Напутствуемый ею, я выехал в Царское Село и около 10-ти вечера был уже в приемной Государя, где меня встретил дежурный флигель-адъютант Свечин. В 10 часов ровно отворилась дверь в кабинет Государя, и камердинер пригласил меня войти. Государь сделал несколько шагов ко мне навстречу и очень ласково протянул мне руку. Он был в малиновой шелковой рубашке формы стрелков императорской фамилии. Спросив меня, когда я вернулся и сколько дней я пробыл в Москве, Государь занял место у письменного стола и указал мне стул, по правую от себя сторону, у конца письменного стола. Заняв указанное место, я подробно доложил Государю все, касавшееся беспорядков в Москве, высказал и свое личное мнение о причинах погрома, об удалении Адрианова, о назначении на его место Климовича и, наконец, о желательности сенаторского расследования действий должностных лиц. На вопрос Государя, кого бы из сенаторов я бы полагал более полезным назначить, я позволил себе указать на Крашенниникова, мотивируя этот выбор тем, что так как в некоторых кругах Москвы под влиянием Юсупова обвиняют меня, что я будто бы противодействовал ему в его чистке Москвы от немцев и тем возбудил население, то желательно было бы в лице сенатора иметь яркого германофоба, который бы осветил эту сторону во всей подробности и расследовал бы попутно и все распоряжения Министерства внутренних дел по выселению подданных воюющих с нами держав. Государь согласился вполне со всеми моими

доводами — утвердил назначение Климовича на место Адрианова и поручил передать министру юстиции высочайшее повеление о назначении сенатора Крашенниникова для обследования причин беспорядков в Москве и действий должностных лиц.

Затем я, согласно телеграфной просьбе Юсупова, доложил Государю его депешу, посланную им 31 мая на имя министра. [...]

Государь прочел депешу и, сделав на ней отметку «·/.», что означало «читал», передал ее мне обратно, улыбнувшись не без иронии.

Покончив со всеми делами по поводу погрома в Москве, я не без волнения приступил ко второй части моего доклада — о Распутине. Не вынимая из портфеля моей всеподданнейшей записки о нем, я просил милостивого разрешения Государя высказать ему то, что давно меня как верноподданного тревожит и не дает мне покоя. Государь несколько изменился в лице, принял серьезное выражение и, пристально посмотрев на меня, сказал «пожалуйста, говорите».

Сначала, как мне показалось, несвязно, очевидно от волнения, начал я докладывать Государю, как проводит Распутин время вне Царского Села, но потом, мало-по-малу воодушевляясь и видя, что Государь внимательно слушает меня и не останавливает, я все смелее и убедительнее стал доказывать все то зло, которое Распутин приносит династии, а этим самым и России. Государь не проронил ни слова, все время пристально смотрел мне прямо в глаза и очень внимательно слушал, только бледность лица выдавала его волнение. Когда я кончил, Государь тихим голосом меня спросил: «У вас это все изложено, у вас есть памятная записка?» Я ответил утвердительно. «Дайте мне ее». Я открыл портфель и подал составленную мною всеподданнейшую записку. Государь ее взял, открыл средний ящик письменного стола и, положив ее туда, запер ящик на ключ. Наступило небольшое молчание, которое я прервал, сказав Государю, что эту записку я позволил себе составить лично как Джунковский, что она ни в каких делах министерства никогда не будет значиться и копии с нее не имеется, так как черновик мною уничтожен. Государь сказал: «Благодарю вас». Эти слова меня обрадовали и подбодрили — многие до меня, не исключая и лиц императорской фамилии, начинали говорить не раз о Распутине, но я был первый, которому Государь дал все высказать, которому не сказал: «Прошу не вмешиваться в мои личные семейные дела».

Ободренный, я стал высказывать Государю мои предположения, не является ли Распутин объектом, которым пользуются враги государства для гибели России и династии, и потому я прошу разрешения установить строжайшее наблюдение за всеми лицами, посещающими Распутина, и кого он посещает, а особенно за лицами, подающими ему прошения для передачи на высочайшее имя. Государь на это сказал приблизительно следующее: «Я вас даже прошу это выполнить, но все, что вы будете замечать, вы будете говорить

мне непосредственно, это все будет между нами, я вас очень благодарю».

После этого Государь перешел на другие темы, не служебного характера. Была половина первого часа ночи, когда Государь меня отпустил и, прощаясь со мной, поблагодарил меня за мою преданность.

Я вышел от Государя счастливый и довольный. Меня ожидал в приемной Свечин, который был очень заинтригован такой длительной аудиенцией. Я сказал, что доклад касался исключительно московского погрома. Разговорившись с Свечиным, я несколько задержался, вдруг открылась дверь в кабинет Государя, и его величество с фуражкой и палкой в руке вошел в приемную. Увидя меня, Государь опять подал мне руку и, сказав: «Хочу немного пройтись, ночь чудная», — прошел через приемную в переднюю и вышел в сад.

Я зашел еще к Свечину в дежурную комнату, напился у него чаю и на автомобиле вернулся к себе в Петроград, где меня ждала моя сестра и мой секретарь Сенько-Поповский в большом волнении.

После этого в течение двух месяцев Государь не пускал к себе Распутина, а ко мне все время был более милостив, чем когда-либо, очевидно, моя записка произвела впечатление. Но друзья Распутина не дремали и принимали меры, ища виновника такой опале. Как все произошло потом, я буду говорить в свое время.

На другой день, 2 июня, я получил от московского городского головы Челнокова депешу: «Ко мне обращается целый ряд лиц, русских и особенно русских подданных, носящих иностранные фамилии, с просьбой обратиться к Вашему превосходительству: могут ли они спокойно возобновить свои занятия и торгово-промышленную деятельность, прерванную разгромами, имевшими место в Москве 27—29 мая. Не имея твердых гарантий, эти лица не решаются возобновить производство, между тем многими из них приняты совершенно необходимые и неотложные заказы военного ведомства для нужд городского управления, Городского и Земского союзов, в связи с военными обстоятельствами. Убедительно прошу Ваше превосходительство не отказать в срочном ответе, подтверждающем, что повторения погромов не будет допущено и что русские подданные, хотя бы и носящие иностранные фамилии, пользуются защитой закона наравне с коренным населением. Городской голова М. В. Челноков».

Получив эту депешу, я приказал препроводить ее князю Юсупову, который мне ответил: «Все меры к предотвращению погромов приняты; русские подданные, носящие иностранные фамилии, а равно иностранные подданные охраняются наравне с коренным населением, о чем городской голова поставлен в известность. Князь Юсупов». Эта депеша Челнокова явилась ярким доказательством, как пал в Москве престиж Юсупова как главноначальствующего, его авторитет беспорядками был совершенно подорван.

2 июня в Павловске, в своем загородном дворце, скончался великий князь Константин Константинович, президент Академии Наук и главный инспектор всех военно-учебных заведений. Это было большой потерей и для Государя, и для всей царской семьи, потерявших в лице покойного благороднейшего великого князя, преданного и самоотверженного слугу Престола. Все, знавшие его и имевшие счастье общаться с ним, не могли не оплакивать этого великого князя-рыцаря. Имя его оставило глубокий след в русской литературе; первые его произведения появились в печати в 1882 г. в журнале «Вестник Европы» [9]: «Псалмопевец Давид. К. Р.». Затем последовал ряд стихотворений, печатавшихся в разное время, пока не вышло «Полное собрание лирической поэзии К. Р.» в трех томах. Помимо этого, разновременно, появились и его переводы: «Мессинская невеста» Шиллера, трагедия Шекспира «О Гамлете — принце Датском» и «Ифигения в Тавриде» Гете и, наконец, последнее его произведение — драма «Царь Иудейский», о которой я уже говорил, описывая ее постановку в Эрмитажном театре.

Я лично хорошо знал великого князя, который всегда был очень добр и внимателен ко мне; это был редкий семьянин, держал он себя всегда просто, скромности и деликатности был необычайной. Он оставил по себе особенно добрую память среди воспитанников военно-учебных заведений, для которых он был настоящим любящим отцом, очень часто посещал училища и корпуса, проводя целые дни среди воспитанников и интересуясь не только их успехами, но и условиями их семейной жизни, приходя на помощь каждому нуждающемуся.

Хоронили его 8 июня в Петропавловском соборе, в новой усыпальнице, с обычным церемониалом. Очень торжественно прошло перевезение его тела из Павловска в Петроград.

5 июня совершенно неожиданно ушел Маклаков. Для меня это было большой потерей, так как служить с ним было мне очень легко и приятно; за все два с половиной года нашей совместной службы у нас не произошло ни одного недоразумения, он мне доверял решительно во всем.

Маклаков был уволен при следующем рескрипте: «Николай Алексеевич, призванный два года тому назад на ответственный пост министра внутренних дел, Вы с неослабной энергией стремились к осуществлению моих предуказаний, имевших целью установление должного порядка и благоустройства во вверенных Вашему попечению отраслях управления и удовлетворение разнообразных государственных нужд.

Многочисленные и сложные вопросы, возникшие в связи с событиями последнего времени, потребовали от Вас особо напряженных трудов, которые, к сожалению, настолько отозвались на состоянии Вашего здоровья, что вынудили вас ходатайствовать об увольнении от должности министра внутренних дел. Снисходя на эту просьбу,

я, вместе с тем, считаю справедливым за неутомимое и отменно ревностное исполнение возложенных на Вас Ваших обязанностей изъявить Вам искреннюю мою признательность. Пребываю к Вам неизменно благосклонный». Собственной рукой Государя было написано «и благодарный Николай».

Узнал я об его уходе только накануне рескрипта, когда он приехал от Государя и, вызвав меня к себе, сообщил эту печальную для меня новость.

У Маклакова было много врагов, вернее недоброжелателей, которые и постарались все сделать, чтобы его свалить. Может быть, он не был идеалом министра, несомненно, часто впадал в крупные ошибки и под дурное влияние, но у него были неизмеримые качества — это был человек, беззаветно любивший Государя и преданный ему и Родине всеми фибрами своей души; честность убеждений, неподкупность и неумение подлаживаться были спутниками его действий.

На его место назначен был князь Щербатов, бывший полтавский предводитель дворянства, а последнее время занимавший пост главноуправляющего Государственным коннозаводством. Он мне никогда особенно симпатичен не был, так как казался мне неискренним и себе на уме, потому его назначение не доставило мне удовольствия. Он сам приехал ко мне и сообщил о предстоявшем его назначении. Я сразу обратился к нему с просьбой быть со мной совершенно откровенным и сказать мне — подхожу ли я к нему, хочет ли он работать со мной и может ли он оставить меня столь же самостоятельным работником в сфере подведомственных мне учреждений, каким я был при Маклакове? Я ему сказал, что не считаю себя вправе самому поднимать вопрос о своем уходе с должности товарища министра, боясь этим поставить его, как новое лицо, в затруднительное положение, если бы у него не было готового кандидата на мое место, но если только у него кандидат имеется, то я прошу мне это сказать прямо, и я, конечно, не медля, уступлю свое место, вполне понимая, что каждый старается подобрать себе сотрудников, подходящих ему по характеру.

Он очень любезно и горячо ответил мне, что напротив, он боялся, как бы я не отказался работать с ним, что у него никакого кандидата на мое место нет и что он просит меня продолжать работать так же самостоятельно, как я работал при Маклакове. Я его поблагодарил и просил его всегда говорить мне прямо, если какие-либо мои взгляды не будут сходиться с его взглядами, и он не сможет одобрить то или иное мое распоряжение.

9 июня Щербатов вступил в должность, принимал представителей министерства, знакомился с делами. Впечатление осталось у всех неопределенное; мне лично казалось, что он мало интересовался делами Министерства внутренних дел и не старался даже особенно вникать в них. Происходило ли это вследствие того, что он

продолжал одновременно оставаться и главноуправляющим коннозаводством в ожидании заместителя, или же просто дело было ему не по душе, но зачем тогда он согласился занять пост министра? Отношения у меня с Щербатовым за кратковременную нашу совместную службу установились хорошие, он, как и Маклаков, не посягал никогда на мою самостоятельность, но я, тем не менее, постоянно чувствовал с его стороны что-то недоговоренное, он все же не был со мной откровенен. И это было всегда очень неприятно.

По прошествии некоторого времени я узнал от Горемыкина, совершенно для меня неожиданно, что и я имел шансы быть назначенным министром по уходе Маклакова. Горемыкин мне сказал, что Государь, подписав рескрипт Маклакову, сказал ему: «У меня два кандидата — князь Щербатов и Джунковский. Спросите Щербатова, согласен ли он быть министром внутренних дел, если да, то пришлите указ об его назначении; если же Щербатов откажется, то, не спрашивая о согласии Джунковского, заготовьте указ о нем». Таким образом, Щербатов меня спас от этого кошмарного в то время назначения.

1 июня в Москве скончался старик Олсуфьев — муж гофмейстерины великой княгини Елизаветы Федоровны, графини Олсуфьевой. Он умер в преклонном возрасте — 85 лет, но это не мешало ему, лихому старому гусару, почти ежедневно совершать прогулки верхом, ему было только трудно садиться на лошадь, без посторонней помощи он этого сделать не мог. Это был человек весьма образованный, интересный собеседник, но с некоторыми странностями, к которым все привыкли. Он был долгое время почетным опекуном в одном из московских институтов и часто посещал его, смущая институток своей гусарской формой. Начальница института, в заботе о нравственности своих воспитанниц, обратилась к нему с просьбой не ездить в институт в гусарской форме, он с тех пор стал ездить в форме Военного министерства. Начальница успокоилась. Мне очень было жаль, что я не мог попасть в Москву отдать последний долг усопшему, которого очень любил и уважал и был дружен со всей семьей. Его похоронили в Даниловом монастыре, после отпевания во вдовьем доме, где он был почетным опекуном.

В первых числах июня я получил донесение от начальника Охранного отделения в Ташкенте о найденном обширном подземном хранилище, в котором обнаружен был огромный архив революционных организаций Туркестана, относившийся к 1905—1908 гг., 26 чистых паспортов, оружие и патроны. Вслед за тем поступил доклад заведовавшего Асхабадским розыскным пунктом и розыском в Закаспийской области. Доклад этот, характеризовавший в то время отношение Персии к России, привожу целиком.

«Агентура, освещающая настроение мусульман Закаспийской

области и пограничных с областью персидских провинций Хоросана и Астрабада, отмечает в последнее время возрастающее с каждым днем неприязненное и враждебное отношение населения Персии к России, причем враждебное отношение это вызывается широкой агитацией против России агентов германского, австрийского и турецкого правительств. Благодаря близости Закаспийской области к Персии и постоянным сношениям ее мусульманского населения с последней, это враждебное отношение к России передается и мусульманам этой области, преимущественно персам (персидско-подданным) и отчасти кавказским татарам, составляющим большинство жителей городов и населенных мест Закаспийского края.

По указаниям агентуры, приезжие по различным делам в область персы усиленно распространяют слухи, что Россия накануне гибели, что Германия в союзе с Австрией и Турцией нанесла России ряд решительных поражений, от которых уже России не оправиться, что в самом недалеком будущем России и Англии объявит войну Афганистан и что некоторые афганские племена уже воюют с Англией. Персия же готовится тоже к этой войне и выступит одновременно с Афганистаном. Мусульманам, несмотря на их подданство и на то, сунниты ли они или шииты, ввиду объявления священной войны халифом, следует оказать всяческую помощь Турции, и что индийские мусульмане тоже намерены принять участие в священной войне.

По тем же сведениям, персидские пограничные с областью власти имеют от своего правительства какие-то инструкции на случай враждебных с нами отношений и оказывают полное содействие к побегам военнопленных австрийцев, которыми переполнена область. Побегам способствуют проживающие в области персидско-подданные, причем пленные переодеваются в туземный костюм, намазывают лица мазутом, чтобы более походить на персов, и при помощи пограничных курдов и проводников караванов проводятся в Персию по известным проводникам горным путям.

Все это, благодаря неразвитию и темноте мусульманского населения, охотно верящего всему тому, что исходит от единоверцев, не может не влиять, в смысле развития неприязненного отношения к русским со стороны персидско-подданных, проживающих в области, связанных с Персией племенными, родственными, торговыми и другими интересами. Среди местных персов начались разговоры о необходимости оказать помощь Персии и Афганистану в случае их выступления против России. Некоторые же персы, из более фанатичных, поговаривают, что каждый мусульманин должен убить по крайней мере одного или двух христиан, ввиду объявления халифом священной войны «джихада». По тем же сведениям, каких-либо самостоятельных явно враждебных выступлений со стороны персидско-подданных, проживающих в области, в данный момент ожидать нельзя, но таковые выступления вполне возможны при

открыто враждебных выступлениях против русских со стороны Персии и Афганистана.

Враждебное отношение персов к России и агитация подтверждаются и приезжими из Персии лицами, нашими консулами в Мешеде и Астрабаде и отчасти даже самой жизнью. Так, в январе месяце этого года в г. Теджене были задержаны двое мулл, призывавших после вечернего «азана» мусульман к священной войне — «джихаду» (приговором суда в мае месяце оба осуждены в крепость на три года каждый). По донесению старосты Невтоновского поселка Асхабадского уезда местные курды, имющие сношения с поселенцами, передавали, что беглые военнопленные австрийцы курдами проводятся за деньги за границу, а оттуда, переодетыми в штатскую одежду, заготовленную австрийскими и германскими консулами в Персии, водворяются далее в Персию. В апреле месяце в г. Мерве 5 персидско-подданных уличены в пособничестве побегу военнопленных (по обязательному постановлению подвергнуты тюрьме на три месяца и по отбытии наказания будут высланы в Персию). Экономическая забастовка на острове Челекене, на нефтяном промысле Вишау, в мае месяце сего года была проведена по настоянию рабочих персов, чего раньше никогда не замечалось, да и ожидать было нельзя, так как пришлый персидский рабочий элемент, по своему развитию и дорожа заработком, не мог самостоятельно выступать в забастовках. По словам приезжих из Персии офицеров и отчасти купцов, настроение в Персии к нам явно враждебное. Новый персидский военный министр, воспитанник германцев, формирует из персов и курдов полки. Полки эти еще не вооружены, но оружие для них ожидается из Германии. Беглые военнопленные австрийцы в большом почете в Персии и служат инструкторами в персидских войсках. Генеральный консул в Хоросане телеграфировал начальнику области, что в Мешеде накопилось значительное количество военнопленных беглых австрийцев, и что это обстоятельство учитывается персами как слабость России. По сообщению нашего консула в Астрабаде, из Тегерана в апреле месяце германским посольством был послан в Закаспийскую область с прокламациями в целях агитации германский агент Бернарди и какой-то перс-агитатор, тоже везший прокламации. Бернарди по распоряжению астрабадского консула был арестован в персидском г. Шахруде. К сожалению, документы, бывшие у Бернарди, и прокламации были уничтожены, так как о своем аресте и о присланных астрабадским консулом казаках он был предупрежден, как можно предполагать, переводчиком консула. Бернарди препровожден консулом в Ташкент в распоряжение генерал-губернатора. По словам нашего военного агента в Мешеде, персидские власти сделали распоряжение о прекращении вывоза из Персии в Закаспийскую область жизненных продуктов.

Туземное население области — туркмены, по указаниям аген-

туры, мало сочувствуют персидской агитации, что объясняется вековой враждой туркмен к персам. Причем последнее относится в особенности к туркменам Ахал-Текинского оазиса, как завоеванного русскими путем оружия. Лойяльны также в большинстве и туркмены Мервского и Пендинского оазисов, присоединенных к России путем переговоров, но среди мервских и пендинских туркмен, преимущественно ханов и богатых людей — баев, есть некоторые лица, и притом пользующиеся большим влиянием среди населения, которые симпатизируют Афганистану и могут оказать последнему содействие при выступлении против России. Что же касается так называемых кавказских татар, то среди них (купцы и интеллигенция) имеются лица, сочувствующие панисламистским идеям и Турции. Последние, при каких-либо политических осложнениях в области, могут оказать дурное влияние своей агитацией на темную массу местных мусульман, но лица эти известны администрации и в последнее время притихли после ликвидации в 1914 г. Мервского панисламистского комитета».

9 июня утром состоялся на Неве торжественный спуск на воду броненосного крейсера «Измаил» с верфи Балтийского судостроительного завода. Меры охраны были приняты мною по соглашению с морским министром, который всегда с особой любезностью и предупредительностью шел навстречу моим пожеланиям. Так же было и на этот раз. Накануне я получил от начальника Главного морского штаба письмо, что генерал-адъютант Григорович вполне согласен со всеми мерами охраны, изложенными в моем письме к нему, за исключением одного пункта, касательно пристани у царской палатки, предназначенной исключительно для катеров, отваливающих от пристани Главного Адмиралтейства, и потому он находил желательным, чтобы чины моей охраны, назначенные для проверки билетов, находились на пристани, от которой катера будут отваливать. Для наблюдения же, чтобы к царской пристани не подходили катера, не числившиеся в наряде Морского министерства, будет находиться представитель морского ведомства. [...]

Спуск прошел очень торжественно и красиво, погода была чудная, все удалось как нельзя лучше.

В тот же день вечером я выехал в Ставку, так как на другой день назначен был туда высочайший отъезд. В это время с фронта приходили тяжелые вести; после оставления Перемышля, 21 мая, наши войска постепенно отходили, оставив Ярослав, Самбор, почти всю Галицию, а 9 июня получено было известие, что нами оставлен и Львов — столица Галиции.

С этой вестью трудно было примириться, не верилось, что этот город, который казался уже совсем обрусевшим, куда ходили уже прямые поезда из Петрограда и Москвы, перешел опять в руки неприятеля. Вся Россия заволновалась, всколыхнулась, все эти не-

удачи, невозможность удержать напирающего врага, все это было результатом отсутствия снарядов, вернее их недостатка, и хотя внутри России шла напряженная работа по их изготовлению, но это все было недостаточно.

В связи с этими неудачами для улучшения снабжения армии были образованы Военно-промышленный комитет, Всероссийский городской и земский союзы [10]; часть заказов перешла к ним, дело значительно оживилось. Всероссийский земский союз и городской развернули еще шире свою деятельность, и надо отдать им справедливость, сделали очень много по снабжению армии, а главное, им принадлежит крупная заслуга в деле санитарных мероприятий, они сильно способствовали тому, что в войсках, на фронте и в тылу эпидемических заболеваний не было. Говорили, что эти союзы распространяли революцию в войсках, но эти обвинения были часто голословны. Конечно, среди служащих в этих союзах были люди, занимавшиеся пропагандой, но это не было общим явлением.

По оставлении нами большей части Галиции было образовано Особое совещание по обороне под председательством военного министра, в составе членов: начальников главных управлений военного ведомства, начальника Генерального Штаба и Председателя и трех членов Государственной Думы. Управляющим делами назначен был генерал Лукомский.

В Ставку я приехал 10 июня накануне приезда Государя, настроение у всех было сосредоточенное и тревожное. Великий князь, как всегда, очень любезно меня принял и имел со мной продолжительную беседу о внутреннем положении в России и при этом сообщил мне о своем намерении просить Государя об увольнении Сухомлинова и назначении военным министром Поливанова. Великий князь находил невозможным продолжать работать с Сухомлиновым, которого обвинял в легкомысленном отношении к делу, неумении наладить снабжение армии. Кроме того, он находил, что Сухомлинов скомпрометирован и разными слухами в связи с делом Мясоедова, повешенного за шпионство, так как всем было известно, что когда Мясоедов был уволен из Корпуса жандармов со скверной аттестацией, то Сухомлинов нашел возможным приблизить его к себе, взяв в свое распоряжение и поручив ему личную при нем контрразведку.

Одновременно великий князь находил необходимым вообще обновить состав Совета Министров, хотел сказать Государю и о желательности замены Щегловитова и Саблера, которые не пользовались вообще уважением. Но это он считал все же второстепенным, главное, его волновал вопрос о Сухомлинове, он боялся, что Государь, будучи весьма расположен к нему, не согласится на его увольнение.

Как только подошел императорский поезд и остановился на

путях царской Ставки, великий князь вошел в вагон к Государю и долго оттуда не выходил. Я стоял тут же близ поезда в лесу с лицами свиты, приехавшими с Государем. Наконец, открылась дверь из вагона Государя, и великий князь быстро сошел по ступенькам и направился к себе. Проходя мимо меня, великий князь мне шепнул: «Все сделано». Я понял — значит, Государь согласился на замену Сухомлинова Поливановым.

В час дня, как обычно, в императорском поезде состоялся завтрак, к которому и я получил приглашение. Государь казался в духе, никакой тревоги на его лице заметно не было. После завтрака великий князь рассказал мне о своем разговоре с Государем относительно Сухомлинова. В тот же день Государь написал ему письмо, а Поливанов был вызван в Ставку, куда также были вызваны все министры, кроме Щегловитова и Саблера; вызван был и князь Юсупов по вопросу о немецком засилье.

Днем, около 4 часов, обычное время для прогулки, Государь вышел из вагона. В это время я сидел на скамейке в лесу с Орловым и Дрентельном. Увидя меня, Государь подозвал меня и пригласил пройтись с ним по лесу. Я последовал, никого кругом не было, даже ординарец из Конвоя, и тот не следовал за нами. Государь углубился в лес и начал такой разговор со мной. «Я хотел с вами поговорить. Скажите, как Маклаков принял мое предложение об увольнении?» Я отвечал, что, конечно, Маклаков был огорчен, но что принял он это повеление, как подобает верноподданному и как человек религиозный, без малейшего ропота и совершенно спокойно. «Я другого от него не ожидал, — сказал Государь, — мне было жаль с ним расстаться, но это надо было». Потом, помолчав немного, Государь сказал: «Вы знаете, вам говорил великий князь, что я решил расстаться с Сухомлиновым?» — «Да, — ответил я, — великий князь мне сказал, что ваше величество решили заменить его Поливановым». — «Вы тоже находите, что на это надо было решиться, какого вы мнения о Поливанове?» — спросил Государь. «После процесса Мясоедова и имени Сухомлинова, связанного с ним, мне казалось невозможным оставление его на посту военного министра, хотя я и не считаю справедливым обвинение его в бездействии власти, так как за последние 5 лет в Военном министерстве сделано было очень много по всевозможным вопросам, и при бездействии министерства, конечно, не могла бы быть проведена так блестяще мобилизация, как она прошла в 1914 г. А что он не все предусмотрел, то в этом виновны все начальники главных управлений. Его главная вина в страшном легкомыслии и неуменье разбираться в людях, а такого рода свойства характера, особенно в военное время, конечно приводят к печальным результатам. Поливанова я знаю мало, он лично мне не особенно симпатичен, но это человек умный, энергичный и пользующийся полнейшим доверием законодательных учреждений и общественных организаций. Дело

знает отлично, и потому мне кажется, что другого лучшего выбора сейчас сделать нельзя было».

Государь очень внимательно выслушал все эти мои слова и перевел разговор на Щегловитова. «Да, — сказал Государь, — я все хотел вас еще спросить о Щегловитове, что вы знаете о нем? Со всех сторон мне говорят, что его необходимо убрать, заменить другим лицом, а когда я спрашиваю, почему, никто мне толком сказать не может. Вот и Николай Николаевич мне говорит, что Щегловитова необходимо убрать, а когда я его спросил, какие у него имеются для этого данные, он мне сказал: «Спроси Джунковского, он тебе скажет».

Предложенный в таком виде вопрос меня страшно смутил, я не сразу ответил. «Великий князь так сказал вашему величеству, — начал я, — вследствие моего разговора с его высочеством и переписки с ним, имевших место в прошлом году при решении вопроса о порядке придания суду членов Государственной Думы социал-демократической фракции Петровского, Шагова и других, когда Щегловитов настаивал на передаче этого дела для суждения по законам военного времени, я же держался мнения обратного, так как находил недостойным для правительства, уважающего себя, пользоваться военным временем, чтобы освободиться от ненавистных ему депутатов. Это могло бы быть сочтено сознанием правительства в своей слабости. Великий князь согласился с моим мнением и отказал Горемыкину в его ходатайстве о предании депутатов военному суду, и дело рассматривалось в феврале месяце при участии сословных представителей как всякое политическое дело. Депутаты были осуждены на поселение в Сибирь с лишением всех прав».

Рассказав подробно все это дело и роль Щегловитова при этом, о чем я уже говорил выше, в моих воспоминаниях этого же года, я прибавил: «Главным недостатком Щегловитова, как мне кажется, является то, что он как министр юстиции не исполняет главного — не стоит на страже закона, а применяет его и объясняет его, сообразно обстоятельствам и выгоде данной минуты. Никогда не было столь огромного количества самых разноречивых толкований Сената по разным вопросам, однородных по смыслу, как за время управления Министерством юстиции Щегловитовым. Эти разноречивые толкования Сената вносили и вносят большую путаницу при рассмотрении дел в разных присутствиях и справедливо вызывают нарекания в произвольных решениях». Затем я коснулся и первого моего впечатления от встречи со Щегловитовым на процессе Каляева и о том, как он умалил значение Правительствующего Сената, обратив его из самостоятельного учреждения в послушный себе департамент, благодаря подбору сенаторов не по заслугам, а угодных ему.

Когда я окончил, Государь мне сказал: «Вот, наконец, я слышу

настоящий отзыв о Щегловитове, с фактами, а то до сих пор я слышал только одни голословные обвинения».

Я постарался привести весь разговор Государя полностью, как он врезался в моей памяти. По возвращении с прогулки Государь меня пригласил к чаю, после чего отпустил меня, милостиво сказав: «Увидимся за обедом».

На другой день с экстренным поездом в Ставку прибыл срочно вызванный генерал Поливанов и тотчас был принят Верховным главнокомандующим и затем Государем, который лично объявил ему о назначении его военным министром. В этот же день во главе Главного артиллерийского управления стал энергичный генерал Маниковский, заменивший безвольного Кузьмина-Караваева, а начальником Главного технического управления назначен был талантливый Милеакст. Таким образом, военное ведомство обновилось, законодательные учреждения были очень довольны, работа в Особом совещании по обороне государства пошла быстрым темпом.

Вслед за Поливановым в тот же день в Ставку прибыл Кривошеин. Поливанов старался делать вид, что ему тяжело брать на себя такую страшную обузу, как Военное министерство, но это ему не удавалось, видно было и чувствовалось, как он счастлив, что опала над ним кончилась и он опять у власти.

13 июня прибыли остальные министры с Горемыкиным во главе, в Ставке царило необыкновенное оживление, все запасные железнодорожные пути были заняты министерскими вагонами. До высочайшего завтрака министры имели совещание между собой, потом были приняты Государем и Верховным главнокомандующим. Прибыл и князь Юсупов из Москвы. Он был очень недоволен назначением сенаторского расследования, которое, как оказалось, уже началось — Крашенинников приехал в Москву и приступил к делу, Харламов со своим штатом поступил в его распоряжение. Юсупов считал, что назначение сенатора Крашенинникова для обследования направлено лично против него, и благодаря такому предположению он, а главное его милейшая жена, сразу резко изменили ко мне свое отношение, заняв непримиримую позицию, что мне было очень больно. Они не понимали, что я, инициатор этого сенаторского обследования, спас их от той травли, которая поднялась бы против них, если бы только городская дума с другими общественными организациями приступила при помощи левой группы адвокатов к обследованию причин погрома и действий должностных лиц, с благосклонного разрешения, вернее попустительства, Юсупова. Этого они не понимали.

Только благодаря Крашенинникову дело кончилось приличным образом, все группы должны были умолкнуть перед авторитетностью сенатора, и главный виновник погрома избежал скандала, должность главноначальствующего, как оказавшаяся совершенно

излишней, была упразднена 19 июля, и декорум вокруг имени Юсупова наружно соблюден.

13-го вечером состоялось заседание в высочайшем присутствии, в котором приняли участие все министры и князь Юсупов, доложивший совещанию свое мнение о причинах погрома. Я на это совещание, вероятно умышленно, приглашен не был, и потому не знаю подробностей, но разговоров по этому поводу было много.

14 июня утром по случаю воскресного дня в походной церкви отслужена была обедня, присутствовали все министры. В 12 1/2 часов в тенистом сосновом лесу состоялся высочайший завтрак, к которому на этот раз было приглашено до 50 человек. Днем состоялось историческое заседание Совета Министров под личным председательство Государя императора, в котором приняли участие и великий князь Николай Николаевич, и его начальник штаба Янушкевич. Обсуждались вопросы по совместной работе правительства со всеми организациями, призванными помочь снабжению армии, и разобран был ряд неотложных вопросов, связанных с войной.

В этот день опубликован был рескрипт на имя Председателя Совета Министров: «Иван Логгинович. Со всех концов родной земли доходят до меня обращения, свидетельствующие о горячем стремлении русских людей приложить свои силы к делу снабжения армии. В этом единодушии народном я почерпаю непоколебимую уверенность в светлом будущем.

Затянувшаяся война требует все нового напряжения. Но в одолении возрастающих трудностей и в неизбежных превратностях военного счастья крепнет и закаляется в наших сердцах решимость вести борьбу до полного, с Божьей помощью, торжества русского оружия. Враг должен быть сломлен. До того не может быть мира.

С твердой верой в неиссякаемые силы России я ожидаю от правительственных и общественных учреждений, от русской промышленности и от всех верных сынов Родины, без различия взглядов и положений, сплоченной дружной работы для нужд доблестной нашей армии. На этой, единой отныне, всенародной задаче должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой в своем единстве России.

Образовав по вопросам снабжения армии Особое совещание с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, я признаю необходимым приблизить и время созыва самих законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли Русской. Предрешив поэтому возобновление занятий Государственного Совета и Государственной Думы не позднее августа сего года, я поручаю Совету Министров разработать по моим указаниям законопроекты, вызванные потребностями военного времени. Николай. Ставка. 14 июня 1915 г.».

Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и В. Ф. Джунковский
в Ставке Верховного главнокомандующего. 1915 г.

Как раз перед началом заседания я уехал из Ставки, чтобы побывать в штабе Северо-Западного фронта в Седлеце, вернулся я 16 июня и, узнав, что Государь думает пробыть до конца июня, выехал в Петроград, где меня ждали текущие дела.

В 20-х числах июня в Петроград командующим 6-й Отдельной армии и главным начальником Петроградского военного округа назначен был генерал-адъютант Рузский, заменивший таким образом фон дер Флита. Это совпало с разделением Северо-Западного фронта на Северный и Западный. Главнокомандующим Западным фронтом назначен был генерал Эверт — благороднейший и честнейший человек. Я приветствовал назначение Рузского в Петроград, но по мере того, что приходилось с ним сталкиваться по разным вопросам, преимущественно политическим, я стал разочаровываться в нем, так как договориться до чего-нибудь с ним всегда было трудно.

22 июня я опять выехал в Ставку, чтобы проверить охрану по пути, ввиду возвращения Государя из Ставки, намеченного на 27 число. Кроме того, надо было провести в Ставке новое положение о контрразведке, касавшееся чинов Корпуса жандармов, и переговорить о замене начальника Контрразведывательного отделения при отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба Ерандакова.

Я был очень рад, что наконец Главное управление Генерального Штаба решило расстаться с этим офицером, о котором я уже писал в моих воспоминаниях за 1914 г.

Я рекомендовал на его место Леонтовича, очень дельного и честного офицера, представил и его аттестацию, данную мне о нем генерал-квартирмейстером штаба Северо-Западного фронта. Аттестация была следующая: «Прибыв к штабу Северо-Западного фронта 1 января 1915 г., подполковник Леонтович в кратчайший срок сформировал личный и наблюдательный состав Контрразведывательного отделения, объединил работу по контрразведке на всей территории фронта и умелым, энергичным и настойчивым ее руководством поставил таковую на прочную почву. Опыт, энергия и знание дела розыска подполковника Леонтовича дали возможность разработки и ликвидации наиболее серьезных и обширных шпионских организаций противника, причем розыск, руководимый названным штаб-офицером, дал во всех случаях положительные результаты. Работая в тесной связи с Разведывательным отделением штаба фронта, подполковник Леонтович оказал ценные услуги по организации и разведке в глубоком тылу противника. Генерал-майор Пустовойтенко».

К сожалению, моя кандидатура, которая действительно могла бы очистить дурную атмосферу, царившую в вышеупомянутом отделе Главного управления Генерального Штаба, не прошла. Думаю, что этому причиной был генерал Беляев — начальник управления, который под влиянием чинов Контрразведывательного отдела не

решился на коренную перемену и хотел непременно назначить на место Ерандакова одного из офицеров того же состава.

В этом я убедился из следующего письма Беляева: «Милостивый государь Владимир Федорович. В бытность в Ставке Верховного главнокомандующего я имел возможность совместно с генералом от инфантерии Янушкевичем обсудить вопрос о замене начальника Контрразведывательного отделения при отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба полковника Ерандакова другим лицом. Признавая своевременным ныне же произвести означенную замену, начальник Штаба Верховного главнокомандующего, основываясь на всей совокупности имеющихся в его распоряжении данных о подполковнике Леонтовиче, находит нежелательным перемещать названного штаб-офицера на упомянутую выше должность.

Вместе с тем генерал от инфантерии Янушкевич признал соответствующими кандитатами на должность начальника Контрразведывательного отделения при отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба Отдельного корпуса жандармов подполковников Якубова (Владимира) и князя Туркестанова, полезная деятельность коих по контрразведке известна названному Главному управлению, и начальника Бессарабского губернского жандармского управления полковника Нордберга.

Сообщая об изложенном Вашему превосходительству, прошу не отказать меня уведомить, кого из упомянутых трех кандидатов будет признано Вами возможным предназначить для ведения контрразведки при отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и преданности. М. Беляев».

Получив это письмо, я отлично понял подкладку всего этого дела. Янушкевич, конечно, был ни при чем. Беляев же, под влиянием своих чинов, как я говорил выше, постарался опорочить мою рекомендацию, дабы не допустить «свежего и неиспорченного человека» в царивший при Ерандакове беспорядок в отделении по контрразведке, и потому и предложил мне на выбор двух офицеров из старого состава и Нордберга, которого, он отлично понимал, я отпустить не мог. Вследствие сего я решился отказаться от какой-либо новой рекомендации и не брать на себя ответственность. Я ответил следующим письмом: «Милостивый государь Михаил Алексеевич, вследствие письма от 2 сего августа за № 2242 имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что, имея в виду мой первоначальный выбор находящегося в командировке в распоряжении начальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта начальника Жандармского управления Лодзинского и Ласского уездов подполковника Леонтовича, я не считаю возможным в настоящее время высказывать что-либо относительно замещения должнос-

ти по контрразведке, вообще и в частности, одним из трех кандидатов, которые указаны в письме Вашего превосходительства от 2 сего августа за № 2242, тем более что подполковник Якубов (Владимир) и князь Туркестанов, как служащие по контрразведке значительное время, давно уже ушли из непосредственного моего ведения. Что же касается до начальника Бессарабского губернского жандармского управления полковника Нордберга, то я решительно высказываюсь против назначения его на эту должность, так как он, занимая одну из высших должностей в Отдельном корпусе жандармов, с назначением на нештатную должность в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, не приобретая никаких служебных преимуществ, вместе с тем теряет все выслуженные им по занимаемой ныне должности начальника управления права в отношении пенсионного своего обеспечения и лишается права систематического продвижения в высочайше вверенном мне Корпусе, что и имело уже место в течение настоящей войны, когда по просьбе генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, в видах плодотворной его деятельности по контрразведке в Бессарабии, пришлось его отставить от назначения на должность начальника управления, высшего, по сравнению с кишиневским, разряда, и тем лишить его связанного с этим назначением улучшения его материального положения. Уважающий Вас, Ваш покорный слуга В. Джунковский».

В результате назначен был временно помощник Ерандакова Якубов, и дело все, конечно, осталось по-старому. Я скоро был уволен, и что было дальше, я не знаю.

В Ставке я оставался 24—26 июня. В течение этих 2 дней окончательно было утверждено «Наставление по контрразведке в военное время», все мои пожелания при этом приняты были в соображение. [...]

27 июня я выехал обратно в Петроград за несколько часов до выезда Государя, поверяя по пути охрану, и встретил Государя в императорском павильоне Царского Села.

Как только Государь возвратился в Царское Село, произошли новые перемены в составе министров. Щегловитов был заменен Александром Алексеевичем Хвостовым, Саблер — А. Д. Самариным. Все любящие Россию единодушно приветствовали эти оба назначения. Хвостов был светлой личностью, честнейшим, благороднейшим человеком, прекрасным юристом и стоявшим на страже закона; о Самарине и говорить нечего, во всех слоях он пользовался огромным уважением. Все верующие радостно вздохнули — после Саблера, этого явного распутинца, иезуита в душе, во главе церковного управления стала такая светлая личность как Самарин.

Я лично был страшно обрадован этому назначению, хотя отлично сознавал всю трудность, предстоявшую Самарину во взятом им на себя, можно сказать, подвиге на пользу нашей Церкви. С волне-

нием следил я за первыми шагами его деятельности, принимая близко к сердцу каждый шаг его в этой новой для него сфере.

17 июля состоялось первое заседание Святейшего Синода, в котором принял участие новый обер-прокурор Самарин.

По открытии заседания он обратился к членам Синода со следующими словами: «Ваши святейшества, милостивые архипастыри и отцы. Призванный державной волей Государя императора к высокому и ответственному служению, одинаково важному и для Церкви, и для государства, прежде всего испрашиваю вашего святительского благословения на предстоящую мне трудную работу. Дело это, при всяких обстоятельствах и для всякого, не легко. Но для меня, и при тех исключительных условиях, которые мы переживаем, оно особенно трудно. Вся моя предшествующая служба проходила в совершенно иных условиях, и здесь я являюсь человеком совершенно новым.

Быть может, мне при самом приступе к делу следовало изложить точнее, как я понимаю обязанности обер-прокурора и каким образом я бы полагал действовать. Но, с одной стороны, совершенная неожиданность для меня моего назначения лишает меня возможности выступить теперь с какой-либо программой, с другой — обстоятельства, переживаемые русским народом, не позволяют думать о проведении теперь же в жизнь крупных церковно-правительственных мер и о реформе учреждений. В настоящую минуту все силы русского народа, как материальные, так и духовные, должны быть направлены к одной цели — к борьбе за осуществление наших вековых народных обязанностей. Для достижения этой единой цели необходимо избегать всего, что могло бы помешать объединению всех в громадной работе настоящей минуты. Это не значит, однако, что следует забыть о тех коренных реформах, которые необходимы для оживления соборного и приходского начал. К ним нужно быть готовыми, чтобы при первой возможности дать им движение. Нельзя также делать вывода, что церковные учреждения обрекаются в настоящее время на бездействие. Нет, Церковь жива, и потому ни на одну минуту не должна забывать о внутреннем устроении своих дел. Если теперь несвоевременны крупные реформы законодательные, то это не слагает с высших церковно-правительственных учреждений священных обязанностей постоянно заботиться о том, чтобы действиями церковной власти, насколько возможно, устранялось из жизни Церкви все то, что может смущать и соблазнять православных людей, все, что способно порождать какие-либо недоумения, смуты и тем более распри. Нужно поддерживать дух православных людей, надо идти навстречу тому высокому настроению, которым охвачен весь русский народ, готовый по призыву царя положить свою жизнь в настоящей беспримерной борьбе. Нужно не словами, а делом стремиться к тому, чтобы православный народ проникся верой в силу и действенность свободно выражаемых велений церковной

власти. Сознаю, что один совершенно бессилен осуществить все это, но твердо надеюсь, что, говоря все это, выражаю вашу мысль и ваши задушевные чувства. Поэтому смело обращаюсь к вашей помощи и прошу ваших архипастырских молитв и благословения на предстоящее великое и святое дело. Господь да поможет нам его совершить».

К этому же времени относится и назначение статс-секретаря Куломзина Председателем Государственного Совета. Принадлежа к беспартийным, Куломзин пользовался уважением всех партий как человек строго справедливый и стоявший всегда на страже закона.

По возвращении моем из Ставки в Петроград я окунулся всецело в текущие дела, все они касались главным образом вопросов, связанных с войной. Среди них было одно донесение, которому с трудом можно было поверить, если бы к этому донесению не был приложен документ, не подлежавший сомнению.

В Никополе Екатеринославской губернии у нотариуса Мазанкова местным дворянином Б. А. Нечаевым, обладавшим огромным состоянием, составлено было духовное завещание, один из пунктов которого был в пользу подданных воюющей с нами Германии. Представленная мне официальная справка гласила: «пункт 9 духовного завещания дворянина Бориса Андреевича Нечаева. Все серебро и гобеленовую мебель, находящиеся в моей берлинской квартире, завещаю Офицерскому собранию гвардейского запасного кавалерийского полка в память об оказанном мне широком гостеприимстве, а всю остальную мебель и имущество, находящиеся в той же берлинской квартире, завещаю жене моего товарища, обер-лейтенанта германской службы, Виолетте фон Лангерке, рожденной Диксон (великобританской подданной), ей же завещаю пять тысяч германских марок. Десять тысяч германских марок я завещаю на учреждение койки в каком-нибудь госпитале или благотворительном учреждении в Германии в память двух убитых моих друзей: обер-лейтенанта Ганса-Хенига фон дер Шуленбург и Франца Шмид-Алетхера. Эти деньги должны быть выплачены по назначению после моей смерти, но не ранее окончания войны.

Духовное завещание совершено 28 апреля 1915 г. у никопольского нотариуса Геннадия Мазанкова. Актовая книга, с. 6 об., № 17».

Прочтя эту справку, я не верил своим глазам. Признать это духовное завещание недействительным нельзя было, так как оно было составлено правоспособным человеком, свободно распоряжавшимся своим имуществом (правда, до этого времени он состоял под опекой по расточительности, но как раз незадолго до составления этого завещания опека была снята). Затем, в завещании было предусмотрено исполнение его не ранее окончания войны, поэтому юридически все было правильно. Не была соблюдена этика, и только общество, узнавши об этом, могло заклеймить его поступок. Официально никаких репрессий по отношению к Нечаеву я принять не мог, как ни чудовищен казался мне его проступок. Я доложил

министру, прося его о поступке Нечаева написать екатеринославскому губернскому предводителю дворянства.

В это же время я стал все чаще получать неутешительные вести, преимущественно с окраин, о неспокойном настроении населения в связи с нашими неудачами на фронте.

Начальник Подольского губернского жандармского управления доносил, что настроение умов приграничного с Подольской губернией галицийского сельского населения после отхода наших войск из-под Львова резко изменилось против России. Крестьяне в огромном большинстве крайне озлобленно стали говорить, что русские в Галиции принесли им одно лишь разорение и что крестьяне-галичане не желают уходить в Россию в качестве беженцев, так как русским они теперь совершенно не верят.

Такое настроение в крестьянской галицийской среде усиленно поддерживалось австрийскими агентами, распространявшими тревожные слухи о повсеместном якобы поражении наших войск, о бесполезности сопротивления, о недостатке у русских артиллерии и других военных средств и о предстоящем завоевании австро-германцами всего Юго-Западного края. В пределы Подольской губернии слухи эти заносились почти исключительно беженцами из Галиции и евреями, но в то время еще не находили себе почвы, несмотря на то, что приграничное крестьянское население Подольской губернии, ввиду происходивших военных событий, было настроено тревожно-выжидательно.

Русское крестьянское население поддерживало себя надеждою, что наши войска не допустят вторжения австро-германцев в пределы губернии, но многие не скрывали, что в случае перенесения войны на Русскую землю население окончательно потеряет веру в наше военное могущество, и возможно было ожидать всяких печальных неожиданностей.

Одновременно из Германии от командированного туда для разведки офицера вверенного мне Корпуса жандармов я получил копию следующего его донесения в Главное управление Генерального Штаба.

«Настроение умов в Германии продолжает быть спокойным: большинство населения, особенно в Берлине, уверено в полной победе; отступление русских, о котором, конечно, очень много говорят, укрепляет эту уверенность. Состояние умов толпы довольно сложное, но уверенность в окончательной победе во всех слоях общества еще не поколеблена. Богатые классы общества сохранили свою гордую осанку; торговцы жалуются на застой в делах как в Берлине, так и во Франкфурте и особенно в Гамбурге, что, однако, им не мешает быть первыми подписчиками на военные займы и постоянно кричать: «Deutschland über Alles» *. Что же касается бедного класса, то он смиренно страдает и вовсе не думает бунто-

* Германия превыше всего *(нем.)*.

вать, потому что его прельщают блестящей перспективой эры благоденствия, которая наступит после войны.

Тем не менее, по сведениям из самого достоверного источника, в последнее время происходили небольшие волнения, в коих участвовали преимущественно женщины с детьми, но они быстро были подавляемы в Берлине, так же как и самая серьезная и бурная из манифестаций, происшедшая 15 июня в Лейпциге, которая была организована рабочими и женщинами в виде протеста против вздорожания продуктов первой необходимости. Эта манифестация была разогнана войсками, причем большое число манифестантов было ранено. Немецкие газеты не обмолвились ни словом об этом инциденте, так как цензура весьма строга в Германии, и нарушение ее правил влечет заключение в тюрьму.

Уличная жизнь течет, по-видимому, своим обычным порядком, трудно подметить какую-либо в этом отношении перемену в Берлине: кафе и концерты битком набиты публикой, и темой разговоров весьма часто служит война. Рестораны достаточно снабжены съестными припасами, и цены те же, что до войны, но порции уменьшились; много едят свежей зелени, которая в изобилии, особенно спаржа; консервов больше не приготовляют за недостатком металла для коробок, и это обстоятельство объясняет дешевизну свежей зелени.

Экономическое положение, по-видимому, улучшилось в течение последних двух месяцев. Два месяца тому назад народ боялся сильного вздорожания продуктов первой необходимости. В настоящее же время оказалось, что до нового урожая имеются белее чем достаточные запасы ржи, картофеля и зелени; более редкими сделались сухие овощи, макароны, вермишель и другие мучные продукты, растительное масло, сало, солод; мясо имеется в достаточном количестве, но оно дорого.

Кожа, селитра, медь — очень редки; большие запасы необработанного каучука находятся в Берлине, благодаря сильно развитой контрабанде; в алюминии тоже недостатка нет — его имеются большие запасы.

Хлеб стал белее и лучшего качества, чем два месяца тому назад; «боны» на хлеб еще существуют, и булочники снова получили разрешение печь маленькие белые хлеба; мука даже подешевела, и урожай обещает быть хорошим.

О ценах на разные продукты я составил много заметок, но так как на обратном пути, в пограничном городе Готмандинген, я со многими другими лицами был задержан и интернирован, то, ввиду тревожившего меня усиленного наблюдения за всеми путешественниками, я уничтожил мои заметки; впрочем, все нижеуказанные цены, которые я хорошо запомнил, вполне точные: хлеб — 80 пфеннигов килограмм, хлеб К.К. — 60 пфеннигов килограмм, суточный паек хлеба теперь в 160 граммов на человека. Яйца — от 20 до 25 пфеннигов за яйцо. Макароны и прочие мучные продукты от 2 марок до 20 марок 20 пфеннигов за килограмм. Разного рода

сосиски 4-5 марок. Говядина от 2 марок 80 пфеннигов до 3 марок. Телятина 3 марки. Свинина 3 марки 60 пфеннигов. Лимоны 20 пфеннигов за штуку. Кухонное масло 4 марки 50 пфеннигов. Сало столь же дорого, как и масло, — от 4 до 5 марок за килограмм.

До сего времени, вследствие неприготовления консервов, свежей зелени было достаточно, но количество ее стало уменьшаться по случаю засухи, которая выжгла ее в большей части Германии. В Северной Баварии, Саксонии, Центральной Пруссии и Мекленбурге, странах плодородных, дожди с 27 апреля были весьма редки.

Поиски за золотой монетой в Германии усиленно продолжаются. Театры дают даровые билеты в марки тем посетителям, которые меняют в их кассе золотую монету в 10 марок, и даровое место в 4 марки тем, которые меняют золотой в 20 марок. В Лейпциге один театр собрал таким образом 30 000 марок золотом. Солдат, меняющий монету в 20 марок, пользуется четырехдневным отпуском.

За исключением легкой критики поведения кронпринца, публика не жалуется на правительство. Последнее не лишилось ни авторитета, ни того уважения и боязни, которые всегда имел к нему народ. Никакого неудовольствия не проявляется, по крайней мере явно. Большинство публики убеждено, что Россия будет побеждена и она должна будет подчиниться условиям победителя, затем останется победить только лишь Францию и принудить ее к пассивному нейтралитету для того, чтобы Германия могла, под конец, разбить Англию — самого ненавистного ее врага. Недавно вышло запрещение носить на виду брошки и другие вещи с надписью: «Боже, покарай Англию».

Носится слух, что между Болгарией и Германией заключен тайный договор. Что же касается Италии как военной силы, то к ней относятся с пренебрежением и говорят, что одной Австрии достаточно, чтобы ее победить.

Во Франкфурте и в особенности в Гамбурге состояние умов то же, что и в Берлине, повсюду и во всех классах общества господствует уверенность в победе.

Нигде никаких нареканий против правительства по случаю войны не слышится даже от людей, имеющих обыкновение говорить свободно; жалуются немного баварцы на то, что их войска слишком приносятся в жертву для сбережения прусских солдат, но сепаратистских стремлений пока на замечается.

По словам немецких офицеров, в Австрии высоко ценят немцев, на германских офицеров смотрят как на каких-то богов-спасителей и присутствие их всюду служит поводом к шовинистским манифестациям. Напротив того, немцы невысокого мнения об австрийских офицерах, но о солдатах отзываются с похвалой. Немцы утверждают, что если бы они могли с самого начала командовать, как теперь, австрийскими войсками, то русским никогда не удалось бы вступить в Галицию, а Сербия была бы покорена, как ныне Бельгия.

Во всей Германии население питается иллюзиями: оно надеется заключить почетный мир с Францией и, соединившись вместе с нею, победить Англию. Оно также надеется, что французы сблизятся с Германией, потому что Франция единственная страна, которая подходит к Германии по интеллектуальному развитию. Германское правительство распространяет в народе слух, что во время Русско-японской войны Англия предоставила свободу Германии напасть на Францию, но что Германия от этого отказалась.

Немецко-швейцарская граница была закрыта по случаю большого передвижения германских войск. 24 июня нового стиля из Франкфурта и Висбадена отправлено 10 000 человек в Сен-Кентен, а 26 и 27 июня — 12 000 человек ландштурма направилось из Берлина также во Францию. Из Франкфурта в Россию отправлено два поезда, нагруженных автомобилями-грузовиками, около шестидесяти таких же грузовиков приготовлены были к отправке во Францию. В Оффенбурге 20 июня приготовлены были для Франции 14 груженных грузовиков. 18 июня из Берлина отправлены 6 скомплектованных полков новейшего состава, без обозначения номеров полков. В Берлине в настоящее время находятся приблизительно 60 000 человек, из них 20 000 еще обучаются, но встречаются на улицах солдаты, хромые и одноглазые, которые прежде были признаны негодными, а теперь будут отправлены на фронт, как только их обучение закончится. В Гамбурге находится 13, 72, 73 и 201-й пехотные полки из Ландвера. Во Франкфурте-на-Майне находятся 81, 63 и 42-й пехотные полки и, кроме того, артиллерия. Говорят, что во время закрытия швейцарско-немецкой границы во Францию были направлены 105 поездов с пехотой и артиллерией.

Все, касающееся всякого рода продовольствия, явно или тайно идущего из Швейцарии в Германию, поручено германским правительством некоему Людвигу Шварцу, который постоянно проживает в Берне, в отеле Бельвю, и, говорят, состоит в очень хороших отношениях с некоторыми членами Федерального Совета. Бюро Шварца находится на германской границе в Сингене (Singen), Кейзерштрассе, 2 и управляется некиим Георгием Презентом (Präsent)».

В последних числах мая начальник Петроградского отделения Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог подполковник Плетенев, будучи в кладовой прибытия багажа, обратил внимание на находившиеся там ящики, сходные по упаковке с ящиками, в которых пересылаются ценные металлы Государственного банка. Негласным путем было выяснено, что подобного рода ящики пересылались, до объявления войны, через Ревель и Вержблово посредством немецкой конторы «Гергард Гей» (Невский, д. Зингера). За получением этих ящиков явился представитель транспортной конторы Андерсон (Николаевская, д. № 7), исполня-

ющий поручения Кыштымских горных заводов, крестьянин Борис Тихонов Савельев, который, отозвавшись незнанием того, что содержится в ящиках, объяснил, что по распоряжению фирмы эти ящики он должен переотправить через Торнео в Лондон.

Из оказавшихся в кладовой 16 ящиков были вскрыты два, взятых на выдержку. По произведенной экспертизе содержимое этих ящиков представляет собой очень мелкий, темный порошок, дающий при растирании между пальцами налет с металлическим блеском. Этот порошок, по заключению эксперта-химика инженера-технолога Василия Сергеевича Коровина, представляет из себя электролитический шлам, загрязненный прибавлением песка и глины. Шлам снят с анодов электролитической ванны, так как содержит в себе растворенные в воде серно-медные соли, увлеченные из ванны. Шлам весьма богат благородными металлами, а именно: серебра в нем от 44,3 до 49,7%, золота — от 4,3 до 4,5%, а платиновых металлов имеются только следы.

Груз задержанных 16 ящиков оценен в сумме свыше 270 000 рублей, считая стоимость фунта серебра в 25 руб. и золотника золота в 5 руб. Переработка шлама весьма проста и легко осуществима в России, почему вывоз такого материала, особенно в настоящее время, когда все государства стремятся сосредоточить у себя возможно большее количество золота, является крайне нежелательным.

По моему докладу об этом Маклаков обратился к министру финансов Барку, который не раз высказывал пожелание о том, чтобы был воспрещен вывоз из пределов России золота в каком бы то ни было количестве, чтобы не ослаблять наших золотых запасов и не способствовать увеличению запаса неприятельских государств. Ввиду сего министр полагал, что если по этим же соображениям не представлялось нужным этот груз задержать в России, то казалось бы необходимым потребовать от фирмы Андерсон удостоверения английского посольства или консульства о том, что все эти ящики будут отправлены именно в Англию, причем для полной уверенности представлялось желательным направить этот груз не через Торнео, в через Архангельск.

Груз в то время был задержан по моему приказанию частью на станции Петроград Николаевской ж. д., а частью в Торнео. Уведомляя об этом Барка, Маклаков просил его не отказать в сообщении, по возможности в самом непродолжительном времени его заключения по существу настоящего дела.

Но прошло около месяца, а никакого ответа от Барка не последовало, поэтому уже князь Щербатов, заменивший Маклакова, вновь обратился к нему и, получив, наконец, от него ответ, вошел в Совет Министров с представлением. [...]

Совет Министров замедлил с разрешением этого вопроса, почему пришлось прибегнуть к Верховному главнокомандующему. 13

июля вопрос, тянувшийся полтора месяца, был, наконец, разрешен депешей начальника его штаба Янушкевича на мое имя: «Верховный главнокомандующий повелел воспретить вывоз шлама с Кыштымских заводов за границу, повеление передано по телеграфу Председателю Совета Министров».

В июле месяце в Москве состоялся разрешенный правительством съезд деятелей Всероссийского союза городов, имевший целью объединение всех классов русского общества на национальной обороне. К сожалению, съезд этот далеко уклонился в сторону от прямых своих задач и посвятил большую часть времени на политические темы, до изменения государственного строя включительно, и многие из собравшихся выявили действительные свои физиономии.

11 июля в 11 часов утра в помещении Экономического отдела Всероссийского союза городов состоялось экстренное собрание членов Бюро рабочей группы, с участием членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова, а также членов Чупровского общества Милютина, кондитера Абентума, виленского кандидата Гинзбурга и витебского делегата-еврея, фамилия коего оказалась невыясненной. Собрание это должно было выработать декларацию рабочей группы, но в действительности таковой не выработало, а приняло, с незначительными поправками, декларацию, выработанную уже ранее «четверткой». Окончательная редакция декларации была такова.

«Так как настоящий съезд, по мысли его инициаторов, должен демонстрировать объединение всех классов русского общества на единственной очередной задаче — национальной обороне, мы указываем, что такого объединения в действительности не существует. Большинство этого съезда, как и его инициаторы, стоят на буржуазно-национальной точке зрения, мы же, как и раньше, стоим на пролетарской классовой позиции, которая является ее точкой зрения — пролетарского интернационала. Наше знамя — знамя объединения пролетариата всех стран. Организация ведения войны не наша задача. Наша цель путем упрочения международного пролетарского объединения и ведения последовательной классовой борьбы осуществить мир.

Явившись на съезд, мы считаем нужным заявить, что участвуем в его работах исключительно в целях освещения с точки зрения интересов пролетариата и широких слоев демократии вопросов дороговизны и борьбы с ней. Только в этих пределах мы принимаем участие в работах съезда».

Затем было решено, во избежание невольного участия в выражении верноподданнических чувств членов съезда, не присутствовать на открытии съезда во время вступительной речи Челнокова, командировав на открытие только двух членов группы для внеочередных заявлений: Давыдова (тульский металлист) для прочтения деклара-

ции и Токарева (московский портной) для внесения предложения о приглашении на съезд членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова. Кроме того было постановлено принять участие в общих прениях. На этом собрание и закончилось в начале второго часа дня.

В 2 часа дня в здании городской думы открылось совещание по борьбе с дороговизной. На совещание прибыло свыше 900 делегатов. При открытии совещания рабочая группа, за исключением Давыдова и Токарева, отсутствовала, хотя, как потом оказалось, на съезде вопрос о выражении верноподданнических чувств не поднимался. После вступительной речи Челнокова слово было предоставлено рабочему делегату Давыдову, который и начал чтение вышеуказанной декларации; однако после слов: «...такого объединения в действительности не существует», был лишен слова. Предложение рабочего делегата Токарева о приглашении на съезд членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова было единогласно принято.

Затем началось чтение докладов, к началу которых явились и рабочие делегаты. Доклады Астрова и Некрасова касались исключительно вопросов снабжения армии предметами снаряжения и продовольствия и составлены были в патриотическом духе. Доклад Мануйлова касался общих причин дороговизны, в числе коих отмечены были спекуляция и расстройство транспорта. Следующий, значившийся по программе доклад Шингарева, за отсутствием его не состоялся. Ввиду сего с очередным докладом выступил Литошенко, говоривший о нуждах и потребностях городов и их мероприятиях по борьбе с дороговизной. После этого был объявлен перерыв до 8 часов вечера.

На докладе Литошенко рабочая группа отсутствовала, так как было решено устроить собрание для ознакомления вновь прибывших делегатов (3 из Петрограда, 1 из Самары, 1 из Вильны, 1 из Харькова и 1 из Брянска) с постановлениями группы, пополнить состав Бюро, наметить план работ в секциях и обсудить вопрос о приглашении сведущих лиц. Собрание было устроено в здании же думы в особо отведенном для рабочей группы помещении. В качестве сведущих лиц, но с правом решающего голоса, было решено пригласить членов Чупровского общества Череванина, Маслова и Милютина, членов Государственной Думы Скобелева, Хаустова и вновь приехавшего Керенского. Всем этим лицам были немедленно переданы приглашения, после чего они приняли участие в обсуждении различных вопросов.

С приглашением Керенского произошел инцидент. Воспользовавшись тем, что он был приглашен в группу только как представитель оппозиции в Государственной Думе, народник Карасев внес предложение о признании рабочей группы представительницей пролетариата и трудового крестьянства. Предложение это, однако,

подавляющим большинством голосов было отвергнуто. Керенский обиделся и заявил, что он, как представитель трудового крестьянства, после этого не может оставаться на собрании, и ушел, а за ним ушел и Карасев, остальные же народники остались. Только тогда участники собрания сообразили, что поступили необдуманно, и решили на следующий же день уладить инцидент.

Потом возникли горячие споры из-за принятой уже и даже частью прочитанной декларации. При этом новые члены группы, а также и часть прежних заявили, что они не участвовали в принятии декларации и что она не соответствует их взглядам. Вследствие сего вопрос о декларации вновь был поставлен на голосование, и она вторично была принята огромным большинством голосов. Результатами голосования остался недоволен представитель Общества взаимопомощи коммерческих служащих народник Иосифов и, заявив о выходе своем из состава группы, покинул собрание.

Не соглашались первоначально новые члены группы и с постановлением безусловного подчинения Бюро, однако вопрос этот вскоре за тем был улажен в утвердительном смысле.

Затем были приглашены (без избрания) в Бюро с правом решающего голоса Гинзбург (Вильна), Садуков (Петроград), неизвестный по фамилии из Харькова, члены Государственной Думы Скобелев и Хаустов и члены Чупровского общества Черреванин, Маслов и Милютин.

Так как первоначальные прения затянулись, то наметить план работ в секциях не представилось возможным, и потому этот вопрос был отложен до следующего собрания.

После перерыва, в 8 часов вечера, возобновились занятия съезда и были прочитаны Масловым и Громаном доклады об исследовании современной дороговизны, доклад же Прокоповича по этому вопросу, а также и другие доклады перенесены на следующий день, оставшееся же время было посвящено прениям по состоявшимся уже докладам. При этом, ввиду сравнительно позднего времени, продолжительность речей была ограничена пятью минутами.

Прения носили весьма страстный характер, причем Давыдову, получившему слово по вопросу о дороговизне, все-таки удалось прочесть до конца декларацию рабочей группы, несмотря на звонки Челнокова, на которые под конец собрания ораторы совсем перестали обращать внимание. Затем было произнесено несколько деловых речей, исключительно по вопросу о дороговизне, и, наконец, была произнесена довольно яркая, чисто политического характера, речь членом Государственной Думы Родичевым. Родичев говорил с большим подъемом и призывал все общественные силы к объединению для отпора врагу; закончил же он свою речь обращением к группе рабочих, которых призывал забыть прошлое и, хотя временно объединившись с остальным обществом, оказать свою помощь в таком важном деле, как одоление врага.

Речь Родичева была покрыта довольно шумными аплодисментами, но затем произведенное им на присутствовавших впечатление было несколько ослаблено весьма яркой речью рабочего делегата Карасева, который в ответ на обращенный Родичевым к рабочим призыв предать забвению всякие распри и дружно взяться за работу, направленную к достижению победы над врагом, с цифровыми данными в руках доказал, что из-за войны жизнь вздорожала на 40—45%, а заработок рабочих понизился примерно на 10%, в результате чего в кармане у рабочего вместо прежнего рубля оказалось теперь всего 45 копеек. Свою речь Карасев, обратившись к Родичеву, закончил так: «Что же вы, господин Родичев, хотите у нас отнять и эти последние 45 копеек? Нет, вы лучше оставьте рабочих в покое». Речь Карасева, видимо, произвела большое впечатление, и он был награжден шумными аплодисментами.

Из других речей заслуживают быть отмеченными речи Керенского и в особенности кавказского делегата, говоривших весьма страстно. Оба они призывали общественные силы к объединению для достижения победы над врагом, но доказывали, что победа может быть достигнута только при том условии, если дело обороны страны перейдет в руки самого народа, так как безответственное правительство совершенно не может справиться с этой трудной задачей.

В общем, настроение участников съезда было безусловно патриотическое, но в то же время недоброжелательное по отношению к существовавшему «безответственному правительству». Что же касается рабочей группы, то она совершенно была незаметна, держала себя весьма скромно и ни о каких-либо демонстративных выступлениях не думала. Таким образом, центр тяжести был не в рабочей группе, выступления которой бледнели перед ярко оппозиционными речами иных участников съезда.

Хотя председатель съезда Челноков отнюдь не являлся сторонником резких выступлений, но противостоять общему, в этом именно направлении, течению он безусловно не мог: тщетно звонил он и лишал ораторов слова, но его почти никто не слушал; при этих условиях выполнение обязанностей председателя было для него непосильным бременем.

12 июля, в начале 11-го часа утра, в здании городской думы состоялось собрание рабочей группы, пополненной еще двумя вновь приехавшими делегатами (из Николаева и Твери), для выработки общих положений по предстоящей работе в секциях.

Член Государственной Думы Скобелев доложил, что первая половина заседания будет посвящена не работам в секциях, а заслушанию на общем собрании двух коллективных докладов: 1) Лузина, Федорова и Голубкова и 2) Шингарева и Астрова. Ввиду этого было решено поднять на общем собрании вопросы о заработной плате и рабочих организациях, а также участвовать в прениях и по другим

вопросам, кои будут затронуты докладчиками, положив в основу этих выступлений тезисы декларации, прочитанной на первом общем собрании. Кроме того, было решено вынести соответственную резолюцию, составление которой и было поручено Череванину, Милютину и Сурину. На этом означенное собрание и закончилось.

В 11 часов утра под председательством Кишкина открылось общее собрание членов совещания по борьбе с дороговизной. Лузиным, Федоровым и Голубковым были сделаны доклады по организации закупок и продажи городскими управлениями продуктов первой необходимости и о деятельности московского и петроградского городских самоуправлений. Доклады эти оказались настолько длительными, что были приняты рабочими как стремление обструкционистов затянуть съезд.

Затем выступил с речью член Государственной Думы Шингарев. В своем докладе он прежде всего отметил полную дезорганизацию власти и хаос, царящий в нашем тылу; хаос этот, по его словам, начался с первых же дней войны, когда проявилась тенденция правительства всячески мешать общественным силам, стремившимся изменить создавшееся положение; вместе с рядом призывов к единению правительство, по мнению оратора, неуклонно проявляло недоверие к общественным начинаниям и силам. Затем он нарисовал картину хаоса, царящего в среде местной администрации, а также тех затруднений, которые чинила местная администрация общественным начинаниям; указал на дезорганизацию железнодорожного движения и на установившиеся в виде системы хищения на железных дорогах. «Этой дезорганизации власти, — говорил он, — мы должны противопоставить сверху донизу организацию общественных сил». В заключительной части своей речи Шингарев предложил следующую систему для борьбы с дороговизной: «создание центрального органа, в который бы вошли представители Городского и Земского союзов, представители более крупных городских центров, видные общественные деятели, представители кооперативов и прочих рабочих организаций. Эта организация, — по словам Шингарева, — должна войти как полноправное звено в Совет Министров».

Затем с докладом выступил Астров, начавший свою речь так: «Сейчас мы отдаем Ригу и Варшаву, но мы не знаем, что дальше мы должны отдать; мы в положении лежачего, с которого можно все взять; что немцы хотят, то они у нас и возьмут». Констатировав дальше, со ссылками на факты, полное разложение в тылу армии, Астров, как бы в противовес предложению Шингарева о создании центрального органа, настаивал лишь на необходимости немедленного привлечения в состав городских общественных управлений представителей от кооперативов и рабочих союзов. При этом он выразил пожелание обратиться в Государственную Думу с ходатайством об изменении в этом смысле в законодательном порядке Городового положения.

Возможно было предполагать, что Астров и группировавшиеся около него лица преследовали скрытую цель введения радикальных элементов также и в земские учреждения, и в Центральный продовольственный комитет.

После этих докладов был объявлен перерыв на 10 минут, во время которого вторично состоялось собрание рабочей группы для выработки резолюции, так как, ввиду ярко оппозиционного выступления Шингарева, была признана слишком бледной заранее составленная Череваниным, Милютиным и Суриным резолюция.

Новая резолюция была тут же составлена и без прений принята. Оглашение резолюции на общем собрании было поручено члену Государственной Думы Хаустову. В этой резолюции были выставлены требования: свободы слова, собраний и союзов; демократизация метных самоуправлений с представительством в них широких народных масс и рабочих; полновластного народного представительства; создание центрального и местных продовольственных комитетов с широкими полномочиями и участием в них представителей рабочих профессиональных организаций и кооперативов; полной амнистии по политическим делам и немедленного освобождения осужденных рабочих депутатов.

После перерыва на общем собрании совещания начались прения по докладам Шингарева и Астрова, во время которых и была прочитана Хаустовым резолюция рабочей группы, причем при чтении ее он ни разу не был остановлен председателем собрания Кишкиным. Вообще, на означенном общем собрании никто из выступавших ораторов не останавливался председателем, что даже было отмечено некоторыми из них как отрадное явление. «Не слышно, — говорили они, — председательского колокольчика, что следует только приветствовать».

Далее состоялось резкое выступление члена Петроградской городской управы Новикова, который приблизительно высказал следующее: «Нельзя вливать вино в старые мехи; соединиться с настоящей властью — это значит соединиться с мертвецом; оглядываясь вокруг, мне кажется, я нахожусь в доме сумасшедших; кто говорит о том, что можно что-то делать с настоящим правительством, предлагает играть в бирюльки; все крадут сверху донизу, нет контроля, власть безответственна и ведет Россию в пропасть. Выход один: немедленное создание ответственного коалиционного министерства, куда в самом широком объеме вошли бы представители оппозиционных элементов страны. Только такая власть может спасти Россию, иначе — гибель».

Затем выступил с речью рабочий Нещеренко, высказавший: «Сейчас происходят две войны: одна с врагом внешним, другая с врагом внутренним. В годину тяжелых испытаний Родины правительство не нашло ничего лучшего, как повести безжалостную и упорную войну с рабочими. Вы не видите, что происходит, так мы

здесь кричим, что с нами делают. Последние остатки профессиональных организаций разрушаются, десятки сотен рабочих заключаются в тюрьмы и высылаются в Туруханский край. Сейчас, когда дороговизна достигла предельных размеров, положение рабочих становится безвыходным: заработная плата уменьшилась». Следуют примеры.

Далее выступил князь Дмитрий Иванович Шаховской (принадлежавший к кадетской партии) со следующей речью: «Что мы сейчас будем толковать о каком-то новом правительстве, когда нет надежды и нельзя осуществить полную перемену власти, нам некем заменить существующее правительство». Отрешившись, таким образом, от требования немедленных и полных перемен в составе правительственного механизма и выказав себя «постепеновцем», Шаховской предлагал пополнить городские общественные управления демократическим элементом, а Всероссийский городской союз — представителями кооперативов и рабочими профессиональных организаций.

После них говорил Керенский, который прежде всего заявил, что «Отечество в опасности. Перед нами стоит картина полного паралича власти, полного бесправия обывателя». Затем он перечислил высылки, закрытия профессиональных организаций, расправу с депутатами Государственной Думы. Он требовал, в общем, ответственного коалиционного министерства и амнистии. Он говорил при этом, что «это министерство должно ставить себе задачей борьбу с тем органом в государстве, который служит источником гнили в государстве. Нам нужно, — говорил он, обращаясь к кадетам, — выяснить, насколько осуществимо для вас такое министерство, если же мы останемся одинокими, перед нами вырисовывается задача создания общественного комитета, который взял бы на себя задачу спасения государства». Закончил свою речь он так: «Вы за постепенность, но постепенность хороша в другие моменты, а сейчас момент, когда властные требования должны быть завоеваны прыжком барса».

Затем выступил крестьянин Зимин, который жаловался на угнетение крестьян земскими начальниками и дворянством; он требовал амнистии и отмены закона 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную Думу.

Заключительную речь сказал Шингарев. Как бы стремясь рассеять установившееся на съезде митинговое настроение, он произнес «примирительного» характера следующую речь: «Я понимаю чувства, которые разделяют предшествующие ораторы, но в такие минуты, когда речь идет о спасении Родины, нельзя жить одними чувствами, а надо базироваться на трезвых реальных фактах и давать себе ясный отчет о реальном соотношении сил. Требовать, господа, мы можем все, но от требования «не станется». Говорить сейчас об ответственном и коалиционном министерстве, где пред-

ставлены были бы в полной мере оппозиционные элементы, это значит ставить себе задачу, которая в данный момент не имеет шансов на осуществление». Отвечая Керенскому, он сказал: «История не знает удачных прыжков барса, необходимо ставить задачи, которые являются приемлемыми и имеют шансы на осуществление».

Затем был объявлен перерыв до 7 часов, когда открылись собрания в секциях.

В секции хозяйственных мероприятий городских управлений происходили прения по докладам Лузина, Федорова и Голубкова. Из произнесенных при этом речей следует отметить речь Карасева, говорившего, собственно, не по вопросам, затронутым докладами, а в связи с постановлениями происходившего в Петрограде, при Министерстве торговли и промышленности, совещания фабрикантов, заводчиков и фабричных инспекторов. В своей речи Карасев указал, что в то время как в Москве, на происходящем ныне совещании общественных деятелей и пролетариата России, видят спасение Родины в организации общественных сил страны и в переустройстве строя на широких демократических началах, в Петрограде, на совещании капиталистов и представителей правительства, выносятся совершенно обратные и даже враждебные по отношению рабочих решения. Закончил свою речь Карасев так: «Как же после этого можно говорить о совместной дружной работе пролетариата с буржуазией?» Речь эта имела большой успех.

Речи других ораторов были преимущественно делового характера. Прения по этим докладам за поздним временем не состоялись.

13 июля в 10 часов утра в помещении Юридического отдела Всероссийского союза городов состоялось предварительное совещание рабочей группы для выработки резолюции по вопросам, затронутым на съезде, и по еврейскому вопросу. Для составления общей резолюции была избрана комиссия из трех лиц: Череванина, Милютина и Сурина; составление же резолюции по еврейскому вопросу было поручено виленскому делегату Гинзбургу.

В двенадцатом часу дня начались работы в секциях совещания по борьбе с дороговизной. В секции хозяйственных мероприятий под председательством Шингарева происходили прения по сделанным накануне докладам. В прениях из рабочей группы приняли участие Киселенко (из Петрограда) и Давыдов (из Тулы). Киселенко говорил по вопросу о заработной плате и профессиональных организациях, о кооперативах же упомянул только вскользь, что последние не являются до настоящего времени рабочими организациями, и выражал пожелание о создании чисто рабочих кооперативов. Говоря о заработной плате, он доказывал, что таковая за время войны не повысилась, а понизилась, и в подтверждение своих слов указал на больничные кассы, материальные средства которых сократились до того, что некоторые кассы даже обанкротились. По

мнению оратора, это не могло бы случиться, если бы заработная плата увеличилась, как утверждают фабриканты и заводчики.

Давыдов, также по вопросу о заработной плате, произнес очень сильную речь, но это было сплошное искажение истины, для эффекта он очень ловко вставлял прямо небылицы. Он говорил, главным образом, о положении рабочих Тульского патронного завода, на котором в настоящее время работает очень много женщин — жен призванных на войну рабочих, получающих прямо нищенское вознаграждение, в общем не свыше девяти рублей в месяц, на которое никоим образом нельзя прожить. И вот, когда эти труженицы, вынужденные к тому голодом, обратились к заведующему заводом с просьбой об увеличении заработной платы, то в ответ получили от него только «добрый» совет: «Вы еще молоды и можете зарабатывать и другим способом». Затем Давыдов говорил о том, что когда в Туле в истекшем месяце возникла экономическая забастовка, то вместо того, чтобы законные требования рабочих были удовлетворены, были призваны на завод жандармы и стражники, произведшие избиение не только рабочих, но и женщин.

После речи Давыдова 13 человек из рабочей группы, исключительно социал-демократы, отправились в Юридический отдел Всероссийского союза городов, где вслед за тем под председательством Давыдова состоялось собрание для выяснения партийной работы на местах и отношения к войне.

Докладчиком от Москвы выступил Милютин, который сообщил, что в Москве существовала литературная социал-демократическая группа и партийные организации в Лефортовском, Симоновском, Городском и Даниловском районах, причем во главе районных организаций, за исключением Даниловского, стояли особые коллективы, объединенные в один общегородской коллектив. По словам докладчика, в Москве в недалеком будущем должна была состояться общегородская конференция для избрания Московского комитета. Что же касается деятельности общегородского коллектива, то она выразилась в последнее время в выпуске нескольких листовок.

Далее от Петрограда выступил Киселенко. По его словам, в Петрограде существовали три организации: большевистская, меньшевистская и примиренческая, но благодаря недавним провалам в то время все они бездействовали. До провала же эти организации проявляли широкую деятельность: имелась типография, выпускались листовки, устраивались собрания, митинги и т. д. Затем Давыдов доложил собранию о положении дел в Туле. По его словам, там существовали две марксистских организации: большевистская и меньшевистская, насчитывавшие до 200 человек, и сверх того одна народническая в составе около 70 человек. Деятельность этих организаций выражалась в устройстве партийных собраний и в руководстве выступлениями рабочих.

После этого Гинзбург сообщил, что в Витебске оформленной

социал-демократической организации не было, а имелось только несколько бундовских групп; тем не менее уже намечалось создание партийной социал-демократической организации.

В Самаре, по словам местного делегата, существовали две организации, большевистская и меньшевистская, периодически выпускавшие листовки, печатавшиеся в легальных типографиях; устраивались собрания; обсуждалось отношение к войне и т. п.

Затем член Государственной Думы Скобелев говорил о положении партийной работы на Кавказе. По его словам, Кавказ, за исключением Баку, организован был хорошо. Почти всюду имелись оформленные партийные организации, в особенности хорошо организованы были грузины. Во всех организациях техническая часть оборудована была хорошо, благодаря чему выпускали в большом количестве листовки; постоянно устраивались собрания и сходки; было несколько местных конференций для выяснения отношения к войне.

Член Государственной Думы Хаустов доложил, что в поволжских городах существовали партийные ячейки и налаживалась партийная работа, хотя и слабее, чем на Урале.

Кассиоров сделал доклад о Киеве, где существовала хорошо оформленная социал-демократическая организация, в которую входили как большевики, так и меньшевики. По словам докладчика, в Киеве партийная работа велась в широких размерах: постоянно выпускались листовки, печатаемые в собственной типографии, устраивались рефераты, собрания, митинги и т. п.

После докладов был поднят вопрос об отношении социал-демократической фракции Государственной Думы к войне в настоящее время. Оба вышеуказанных депутата заявили, что отношение фракции к войне — прежнее, и что об этом будет заявлено с трибуны Государственной Думы. Вслед за тем Милютин, резюмируя сделанные сообщения с мест и выяснившееся отношение представителей пяти городов и членов фракции к войне, предложил принять резолюцию, составленную московской литературной группой от имени московских марксистов. Резолюция эта была принята единогласно и тут же вручена Хаустову.

После некоторго перерыва устроенное рабочей группой заседание возобновилось, причем на нем присутствовал неизвестный интеллигент из Польши (по-видимому, из г. Люблина), сделавший доклад о положении поляков и об отношении их к войне. По его словам, изданное в начале войны воззвание Верховного главнокомандующего было встречено поляками с неподдельным энтузиазмом, и ни у кого первоначально не было ни тени сомнения в неискренности слов воззвания; однако вскоре пришлось горько разочароваться. В то время как в оккупированных немцами и австрийцами польских провинциях, немедленно по их занятии, вводились местные самоуправления и открывались польские школы, в русской

Польше по-прежнему преследовалось все польское. Такое явное нарушение возвещенных воззванием принципов равенства и свободы поляки первоначально склонны были объяснить непониманием низшей администрацией, по своему недоразвитию, смысла и значения воззвания; однако после занятия русскими войсками Галиции и назначения на пост генерал-губернатора графа Бобринского, деятельность которого также шла явно вразрез с воззванием, всякие сомнения поляков относительно искренности русского правительства рассеялись. Вот почему, собственно, с этого времени в рядах немецких войск стали появляться польские легионеры из русской Польши, чего раньше не было и быть не могло. Доклад этот произвел тягостное впечатление, но никаких резолюций в связи с этим докладом вынесено не было.

Затем была заслушана составленная делегатом Гинзбургом резолюция по еврейскому вопросу. Составлена она была неудовлетворительно, почему было решено ее несколько видоизменить, что и поручено сделать Череванину, Сурину и тому же Гинзбургу. Измененная резолюция по еврейскому вопросу, за поздним временем, не рассматривалась группой и была передана Милютиным президиуму.

На этом частное собрание закончилось и рабочие отправились на общее собрание съезда.

Общее собрание открылось под председательством Челнокова и при участии 327 делегатов в 10 часов вечера и продолжалось 2 часа.

Прежде всего Шингарев огласил резолюцию о необходимости, в целях борьбы с дороговизной, создания правительственного центрального продовольственного органа, в который вошли бы представители Городского и Земского союзов, представители более крупных городских центров, видные общественные деятели, а также представители кооперативов и рабочих организаций. Резолюция съездом была принята.

Затем Астровым была прочитана резолюция о необходимости введения земских учреждений на окраинах России. Резолюция принята в следующей редакции: «Признавая дело введения земских учреждений в губерниях и областях Кавказа, Сибири и Степного края совершенно неотложным, причем земская реформа ни в коем случае не может быть отложена до окончания войны, так как успешный исход таковой зависит от мобилизации общественных сил и прочной организации тыла на всем пространстве империи, совещание признает необходимым довести об этом до сведения правительства и просит членов Государственной Думы, присутствующих на совещании, а также всех депутатов от означенных местностей принять, со своей стороны, меры к немедленному проведению в Государственной Думе соответствующих законопроектов».

Далее была принята резолюция о реализации урожая в следующем изложении: «Поручить Комитету городов позаботиться об учете

всего урожая, признать неудовлетворительной деятельность Центрального продовольственного комитета и выработать способ реализации урожая».

После этого была принята резолюция о необходимости борьбы со спекулятивными операциями банков, а также был оглашен ряд пожеланий съезда, как, например, о созыве при Министерстве торговли и промышленности съезда представителей больничных касс, об объединении деятельности городских управлений и кооперативов и т. п.

Затем были приняты резолюции по вопросу о финансировании городов, о таксах (таксы признаны вообще не достигающими цели и, во всяком случае, введение их должно быть возложено на особые комиссии из представителей кооперативов, профессиональных организаций, городских управлений и земств); о запрещении вывоза из отдельных губерний (подобные распоряжения признаны несоответствующими интересам государства), об урегулировании транспорта (необходимо напрячь все усилия к усилению перевозок внутри страны) и о реквизициях (необходимо организовать такие же комиссии, как по введению такс).

Вслед за тем была оглашена следующая, выработанная кадетами, резолюция с требованиями политического характера: «Год войны поставил страну перед великим испытанием. Совершая подвиги и принося неисчислимые жертвы, русская доблестная армия оказалась недостаточно снабженной боевым снаряжением, для изготовления которого не были приняты своевременно должные меры со стороны безответственных перед страной органов власти. Великий труд и жертва нашей армии отягчается условиями дезорганизации внутри страны в деле продовольствия и связанных с ним товарообмена и транспорта. Армия и население готовы ко всяким испытаниям и великим жертвам, чтобы оборонить страну и победить врага, вторгшегося в наши пределы. В начале войны все слои населения сливались в общем сознании своего исторического долга перед Родиной и ее будущим, в стремлении к победе, но дружный порыв одушевления и напряжения сил народа не нашел условий для своего выражения; надежды, возлагавшиеся на обновление, не оправдались.

1. Для успеха борьбы необходимо единение всех сил страны и быстрое приспособление всей жизни страны к состоянию войны.

2. В минуты опасности факт примирения и забвения старой политической борьбы должен поднять дух населения и вернуть к работе и общественной деятельности на пользу Родине граждан, теперь по политическим причинам отозванных от этой работы.

3. В целях объединения всех сил страны должны быть уничтожены все различия в правах для всех национальностей и вероисповеданий, входящих в состав Русского государства.

4. В тех же целях и для успешной борьбы с явлениями дороговиз-

ны, а также для обеспечения правильной, непрерывной работы на заводах и фабриках, необходимо незамедлительно предоставить свободу образования профессиональных организаций и союзов, дать свободу печати и слова.

5. Не предрешая дальнейших форм организации народного представительства, представляющихся различными отдельными политическими течениями и партиями, совещание признает, что в настоящее время для успеха борьбы необходимо по крайней мере, чтобы правительство состояло из лиц, пользующихся доверием страны. Только такой состав сделает правительство сильным, добрым и способным повести великую страну к победе».

Означенная резолюция была принята большинством 101 голоса против 77 (против резолюции голосовали марксисты, народники и кооператоры). Остальные же участники съезда от голосования воздержались. После принятия съездом кадетской резолюции член Государственной Думы Скобелев сделал от имени рабочей группы следующее заявление: «Сейчас правительство старается отвлечь народный гнев туда, куда оно всегда его отвлекало — по линии наименьшего сопротивления — на головы евреев, но ему не удастся отвлечь гнев народной руки от тех, кто является первоисточником всех зол нашей Родины».

Затем Анисимов, от имени кооперативной группы, внес на рассмотрение съезда некоторые поправки, которые, однако, в результате голосования приняты не были. После этого Челноков, обратившись к делегатам с кратким приветствием, объявил съезд закрытым.

Съезд этот оставил тягостное впечатление, а меня лично заставил сильно призадуматься, он не предвещал ничего хорошего.

18 июля в Петрограде в высочайшем присутствии состоялась церемония спуска на воду с верфи Адмиралтейского судостроительного завода линейного крейсера «Бородино». Порядок церемонии был такой же, как и во время спуска «Измаила» в июне месяце.

В этот же день получено было известие о том, что варшавская администрация, во главе с генерал-губернатором, покинула Варшаву. Оно произвело весьма удручающее впечатление, тем более, что еще надобности в этом не было, и такое преждевременное покинутие Варшавы только ускорило события. Это было крупной ошибкой князя Енгалычева, проявившего в данном случае большое малодушие, если не сказать другого слова. После его отхода со всей администрацией Варшава оставалась в наших руках еще 10 дней. Я получил по сему поводу следующее донесение от старшего цензора *, остававшегося со своими чинами в Варшаве по отъезде князя Енгалычева.

---

* Ведавшего перлюстрацией писем и находившегося в ведении Департамента полиции. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

«По совершенно непонятным никому причинам вся варшавская администрация, во главе с генерал-губернатором, покинула Варшаву. Военное ведомство и все население недоумевают, так как в столь спешной эвакуации абсолютно никакой надобности не было. Хотя нашу цензуру тоже пугали, что рискуем попасть в плен немцам, но мы, переживая второй раз столь тревожное время, отнеслись к этим запугиваниям довольно спокойно. Военные власти, находящиеся в Варшаве, во главе со штабом самой главной действующей здесь армии, об эвакуации совершенно не думают. Ввиду того, что Комитет внутренней цензуры по распоряжению генерал-губернатора тоже оставил Варшаву, военные власти мобилизовали нас и для несения службы по внутренней цензуре. На нас возложили просмотр всей выходящей здесь литературы на русском и польском языках. Читаем днем и ночью, но справляемся хорошо и с честью выходим из этого тяжелого ответственного положения, и даже лица из штаба армии действуют согласно нашим указаниям.

Каждый день путешествую на Прагу, куда переведена часть почты, и жду момента, когда явится возможность приступить к нашим специальным занятиям. Имея каждый день близкое и даже непосредственное общение с военным ведомством, я теперь вполне убедился, что вся паника создана нашим гражданским начальством. Дела военные далеко не так плохи, как об этом стараются трубить некоторые лица. Напротив, здесь, в армии, царит полная уверенность, что Варшаву немцам не отдадут и что ее удастся отстоять. В штабе нас благодарят каждый день, что мы их выручили в критический момент. Тяжело только работать ночью. Оказывается, как даже выразились все представители местной печати, мы с Кургановым справляемся с нашей сложной задачей не хуже 14 бежавших из Варшавы цензоров местного Комитета по делам печати. Как только явится возможность приступить к специальным занятиям, донесу шифрованной телеграммой.

Все население Варшавы держит себя мужественно, выше всякой похвалы. Все верят, что в критический момент местный обывательский комитет, который уже организован, поддержит полный порядок. Полицию здесь страшно не любят, так как всякое распоряжение, изданное в связи с нынешними событиями, она немедленно использует для своих корыстных целей, и обыватели Варшавы превратились в подданных полиции. Все говорят: уж пусть лучше придут немцы, а то репрессии полиции стали населению невмоготу. Нужно отдать справедливость населению Варшавы — оно сделало для русских все, что могло, а корыстные побуждения полиции создали очень нехорошее настроение против русских. Теперь, не без умысла, конечно, разносятся разные нелепые слухи о русских. Так, например, все стараются обвинить русских в том, что именно они бросают бомбы в мирное население Варшавы, а не немцы. И даже интеллигентные поляки рассказывают такой вздор. Поляки сильно

настроены против русских за то, что они при отступлении уничтожают все имущество поляков. Беженцы из покинутых по случаю нашествия неприятеля мест действительно терпят страшную нужду. Это усиливает недоброжелательное отношение поляков к русским.

Политические организации особой деятельности не проявляют, появившиеся же здесь прокламации социал-демократов успехом не пользуются, так как все видят, что это «дейтшес фабрикат» *; да оно так и есть, так как слишком хорошо и бережно эти воззвания напечатаны.

Вчера в газетах появилась выдержка из обращения главнокомандующего генерала Рузского к петроградским рабочим **. Так как это было официальное сообщение, то пришлось пропустить в местной печати. А между тем это сообщение дало повод ко многим нежелательным толкам и произвело весьма скверное впечатление. Но общее настроение спокойное, и о каком-либо выступлении каких-либо партий не может быть и речи. Беда только, что поляки начинают склонять свои симпатии в пользу немцев, и это, конечно, в ущерб интересам русских. Этому виною сама наша администрация».

19 июля, в день годовщины великой борьбы России с Германией и ее союзниками, Государь отдал следующий приказ армии и флоту:

«Год тому назад Германия и Австро-Венгрия, а затем и Турция подняли оружие против России и направили полчища свои в пределы Отечества нашего.

Доблестные войска армии и флота! Ровно год вы призваны к защите чести России и благосостояния мирного населения Родины нашей. В течение этого года вы явили издревле присущие вам доблесть и мужество, покрыли знамена свои новою славою, и многие тысячи лучших сынов Родины запечатлели жизнью своею преданность правому делу России. Подготовлявшиеся в течение десятилетий к вторжению в Отечество наше враги не сокрушили мощи вашей и, попирая существующие законы войны, разбивают полки свои о гранитную твердость русского солдата.

С гордостью и умилением взирает на вас все Отечество наше, и с глубокой благодарностью к подвигам вашим относятся верные союзники России.

Несмотря, однако, на всю проявленную вами беспримерную доблесть, силы врага не сокрушены, и много усилий и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть России блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падет дух ваш перед

* Немецкое изделие *(нем.)*.

** Это было действительно большой ошибкой со стороны Рузского, так как достаточных оснований для сего не было; если и были беспорядки, то они вызывались провокацией со стороны агентов начальника штаба Рузского. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

предстоящими новыми испытаниями и новыми жертвами. В неисповедимой мудрости своей Господу Богу неоднократно угодно было ниспослать Отечеству нашему тяжкие испытания, и каждый раз выходило оно из борьбы с новою силою и с новою мощью.

Верные долгу своему и охваченные одним общим чувством, все истинные сыны России встали ныне, чтобы в духовной связи с вами содействовать достижению предстоящей задачи и облегчить вам помощью своею трудное дело одоления врага.

С непоколебимою верою и твердою надеждою в благоприятный исход тяжкой борьбы взирает на вас вместе со мною вся Россия и призывает благословение Божие на предстоящие вам многие тяжелые, но и славные ратные подвиги. Николай. Царское Село. 19 июля 1915 г.».

В этот же день состоялось открытие Государственного Совета и Государственной Думы. Настроение среди членов обоих законодательных учреждений было повышенно патриотическое. В Думе, по избрании товарищей Председателя — Варун-Секрета и Протопопова, состоялось заседание, посвященное годовщине мировой войны. Все формулы соединились в одну: «Враг должен быть сокрушен, мы должны победить и ради этого не остановимся ни перед какими жертвами». Выступали члены правительства, выступали и представители разных фракций, причем не было заметно на этот раз розни, никто не нападал друг на друга, заседание было исключительное, и члены правительства, и члены Думы безболезненно и твердо определили всю исключительную серьезность переживаемого момента, было сказано много горького, но все глядели правде прямо в глаза, сознавая свои прошлые ошибки и заблуждения.

20 июля должность главноначальствующего в Москве была упразднена, и Юсупов остался только главным начальником Московского военного округа, права главноначальствующего перешли к градоначальнику Климовичу. Спрашивается, к чему была вся эта затея с Юсуповым на два с половиной месяца?

24 июля мы оставили Варшаву. Как ни были мы подготовлены к этому, но эта весть тяжело отозвалась в душе каждого. О порядке очищения Варшавы я получил следующий доклад от варшавского обер-полицеймейстера:

«Хотя к очищению г. Варшавы от русских войск население города и было совершенно подготовлено, тем не менее большинство этого населения продолжало рассчитывать до последних дней на сохранение Варшавы за нами. Только после выезда генерал-губернатора и его управления оно пришло к убеждению в том, что решение оставить Варшаву бесповоротно. С этого времени настроение большинства было тревожное, нервное и угнетенное. Как нервность, так и угнетенность росли параллельно с приближением неприятеля, которое было для всех очевидным ввиду повторяющихся частых налетов неприятельских аэропланов, приближающейся к го-

роду канонаде и безостановочного передвижения обозов 2 разряда и тыловых учреждений через варшавские мосты на правый берег реки Вислы, а еще более по усиленным реквизициям и лихорадочной вывозке из Варшавы всего реквизированного и всего неподлежащего оставлению в неприятельских руках.

Следует отметить, что со стороны как организаций и лиц, руководящих общественным мнением и настроением, так и местной печати были приняты все меры к поддержанию спокойствия среди населения и сохранению корректных отношений к русским властям. Невзирая на нервность фабричных рабочих, вызванную эвакуацией ряда крупных фабрик и заводов, случаев выступления рабочих и проявлений протеста с их стороны не было, несмотря на усиленную агитацию путем распространения среди них большого количества прокламаций, выпущенных Польской социалистической партией, социал-демократией Королевства Польского и Литвы и «Бундом» [11], что следует отнести всецело к влиянию на эту среду общественных деятелей, принимавших, со своей стороны, все меры к успокоению и умиротворению общественных масс.

19 июля ко мне, как единственному в то время старшему представителю гражданской администрации, прибыли председатель Городского обывательского комитета князь Любомирский и член того же комитета директор Промышленного общества Вержбицкий, с целью засвидетельствовать чувство уважения и признательности обывателей города. То же выражение внимания в неофициальной форме имело место со стороны ряда лиц из местного высшего польского общества и местных общественных деятелей, посетивших меня в эти последние дни. Несомненно, этим путем они желали подчеркнуть свою лойяльность в отношении представителей русской правительственной власти. Но несомненно также и то, что те же руководители общества вели широкую агитацию с целью внушить населению необходимость проявить полную корректность и к неприятельским войскам при их вступлении в Варшаву и отнестись к этому вступлению так же внешне спокойно, как и к отходу русских войск. Можно быть уверенным в том, что в этих руководящих кругах хорошо было известно, что германские власти стремятся заручиться расположением местного населения.

Агитация руководителей общественного мнения увенчалась полным успехом. В городе сохранялось все время внешнее спокойствие, и ни единичных, ни массовых случаев нарушения порядка не было. Лишь в последний перед эвакуацией день, 22 июля, некоторый непорядок в городе внесло разрешение железнодорожных властей обывателям города разобрать по рукам бесплатно дрова и уголь на железнодорожных станциях. Эта бесплатная раздача привлекла толпы народа, которые, не удовольствовавшись дровами, стали разносить заборы и деревянные здания вблизи полотна дороги, что

вызвало необходимость высылки конной полиции и казаков, при содействии которых порядок был восстановлен.

Направление деятельности полиции в эти последние дни перед окончательной эвакуацией города составило весьма трудную для правильного разрешения задачу. Вследствие эвакуации всех правительственных учреждений и необходимости заблаговременно эвакуировать значительную часть штата управления обер-полицеймейстера, на долю оставшихся чинов наружной полиции выпала обязанность поддерживать нормальную и спокойную жизнь в городе исключительно своими мерами, выполняя во многих случаях функции эвакуированных учреждений, не исключая судебных. В то же время в задачу полиции входило сохранение дружелюбных отношений к населению, одновременно с самыми энергичными мерами по отобранию от населения кормовых и продовольственных запасов, орудий труда (станков и машин на фабриках и заводах), большого числа лошадей и повозок и т. п. Поведение населения в минуты отхода полиции показало, что задача эта была выполнена удовлетворительно, ибо население провожало полицию в общем дружелюбно и без проявления чем-либо озлобления и неприязни.

В период, непосредственно предшествовавший окончательной эвакуации Варшавы, деятельность варшавской городской полиции была направлена главным образом на поддержание порядка в городе, на обеспечение вывоза всего того, что представлялось наиболее необходимым, и в особенности, на охрану мостов на Висле. Чины полиции не только вели розыск подлежащего реквизиции, но участвовали в шести реквизиционных комиссиях, состоявших под председательством особо назначенных генерал-губернатором лиц, и своим непосредственным распоряжением доставляли все реквизированное на вокзалы, заведуя также отправкой реквизированных предметов по местам назначений. Груз, взятый по реквизициям, состоял преимущественно из меди в листах и в изделиях, медного лома, машин с тех заводов, которые работали на оборону или могли бы быть использованными для ее целей. Одновременно усиленно производилась реквизиция лошадей и подвод как для нужд 2-й армии, так и для крепостей Новогеоргиевска и Бреста. 21 июля реквизиционные комиссии закончили свою деятельность, и господа председатели этих комиссий выехали с составом последних из г. Варшавы.

Того же 21 июля пригородная земская стража двух левобережных отделений сняла свои посты и выбыла в г. Ново-Минск. Чины же городской полиции продолжали деятельность по отправкам реквизированного на вокзалы в течение всего дня 22 июля.

Одновременно, как 21, так и 22 июля велись под прикрытием полиции работы саперов по снятию проводов электрических трамваев, выполненному почти полностью в Праге, в районе двух пражских полицейских участков, с погрузкой снятого на станциях железных дорог на Праге. 21 же июля была закончена вывозка всего

внутреннего убранства Александро-Невского собора, в том числе всего медного иконостаса и 9 соборных колоколов, причем главный соборный колокол к 22 июля был в большей своей части расколот, но остался невывезенным вследствие выезда к тому времени техников и руководителя работ по снятию колоколов, архитектора-строителя Феддерса.

После перехода войск на последнюю перед Варшавой позицию по линии крепостных фортов с утра 22 июля на окраины города долетали неприятельские снаряды (на Дворскую улицу близ еврейской больницы и вблизи железнодорожного проезда на Воле). При разрывах этих снарядов было несколько случаев поранения людей. Между другими был тяжело ранен при разрыве шрапнели один из нижних чинов команды саперной роты, командированной для перевозки реквизированных машин с фабрики на Воле. К 5 часам вечера 22 июля канонада со стороны Чернякова и Вилянова еще более усилилась, и с вала Гроховской улицы на Праге были отчетливо видны грибообразные дымки взрывов неприятельских снарядов.

Так как отступление из Варшавы могло произойти в течение ближайших нескольких часов, то мною было отдано приказание выехать в 8 часов вечера казначею канцелярии с денежными суммами в г. Седлец и отправить на Прагу к Алексеевскому ветеринарному институту остававшуюся еще в полицейских участках часть обоза с текущей перепиской и провиантом (обоз с вещами нижних чинов был выслан на Прагу ранним утром). В 10 часов 30 минут вечера всему обозу приказано было следовать к Ново-Минску. Обоз состоял из 5 повозок от каждого участка и из 16 от резерва и моей канцелярии. Повозки были набраны деревенского легкого типа, могущие следовать и по проселочным дорогам. Кроме того, в обоз были включены 2 грузовых автомобиля «Бюссинг» с прицепными вагонами, полученные от магистрата г. Варшавы, в коих возможна перевозка одновременно до 300 человек со скоростью 10 верст в час.

В 10 часов 55 минут вечера комендант города передал мне по телефону, что войскам отдано приказание отходить с линии фортов на правый берег Вислы. Немедленно мною сделано было по телеграфу распоряжение о снятии постов, сборе участковых команд и отходе на правый берег Вислы к месту сбора команд у Алексеевского ветеринарного института на Гроховской улице, с одновременной сдачей охранения города обывательской страже.

В 11 часов 35 минут ночи, сдав охранение города представителю обывательской стражи присяжному повереному Поповскому, я вместе с моими помощниками выехал верхом во главе конной стражи из ратуши через Александровский мост на Прагу.

В 1 час 30 минут ночи, когда последние эвакуационные поезда отошли, оставив лишь поезд с подрывной командой, и порча железнодорожных сооружений уже началась, к Алексеевскому институту

собрались все участки и вслед за отошедшим обозом выступили по Гроховскому шоссе при зареве пожара на станции Прага-Привислинская, охватившего северо-восточную часть небосклона, тогда как на западе и юге алели зарева потухавших уже пожарищ, а на востоке разгоралось пламя горевшего вокзала станции Вавер.

Чины полиции следовали пешим строем по участкам, во главе с приставами, с переброской части команд на грузовиках. Вместе с полицией выступили под общим моими начальством прикомандированные к ней чины земской стражи, охранное отделение и жандармский дивизион (всего свыше 4 тысяч человек). Первый привал на полчаса был сделан в лесу у Милосны, вблизи охваченного огнем вокзала на станции Вавер.

23 июля в 10 часов утра полицейский отряд прибыл в Ново-Минск (в 35 верстах от Варшавы), из коего началась уже эвакуация, и, расположившись на бивуаке, пробыл здесь до 8 часов вечера. В течение этого времени люди отдохнули, получив горячую пищу, сваренную во взятых из участковых казарм котлах, находившихся в обозе (хлеб, крупа, сало и прочие продукты были взяты с собой на 3 дня).

Следующий переход совершен был в тот же день в Калушин (16 верст), куда отряд прибыл в 1 час 30 минут ночи 24 июля, сделав, таким образом, в первые сутки похода переход в 51 версту. Пробыв на бивуаке до 8 часов 30 минут утра 25 июля, отряд двинулся в г. Седлец (в 30 верстах), которого достиг около 5 часов вечера. Из Седлеца охранное отделение и жандармский дивизион отбыли по железной дороге в Минск, а полицейский отряд, пробыв в деревне Игане под Седлецом на бивуаке до утра 26 июля, получил от штаба армии дальнейший маршрут на Высоколитовск — до Лосиц (31 верста по шоссе), а затем по проселочным дорогам через Сарнаки и Турно (27 верст) по шоссе до Высоколитовска (37 верст). Чины же земской стражи отправились из Игане, согласно полученной мною телеграмме, в распоряжение генерала Данилова, и для сего заведующим передвижением были направлены по железной дороге в г. Минск.

Автомобили и автобусы, служившие для перевозки грузов и отсталых, были мною направлены в Высоколитовск через Соколов по шоссе, а весь отряд с обозом сделал 26 июля с 8 часов утра до 8 часов вечера переход в посад Лосицы. После ночлега отряд вышел на Сарнаки и Турно 27 июля, в 8 часов утра, и прибыл в Турно того же числа в 4 часа дня. Переход из Лосиц в Турно был наиболее трудным, особенно для обоза, вследствие песчаной дороги и переправы вброд через речку в Турне. 28 июля отряд вышел в 1 час дня по шоссе в Токары, в 10 верстах от Высоколитовска, и остановился там на ночлег в 6 часов вечера, а затем 29 июля в 10 часов утра направился в деревню Долбнево, в 5 верстах на восток от города, где и расположился бивуаком.

В Высоколитовске мною была получена телеграмма от штаба 2-й армии о том, что по распоряжению Вашего превосходительства варшавская полиция поступает в распоряжение минского губернатора, а земская стража — гродненского. Вследствие сего мною послана телеграмма по пути минскому губернатору о дальнейшем направлении земской стражи, согласно полученному распоряжению.

Ввиду переброски войск, посадка полиции в вагоны на станции Высоколитовск замедлилась до 1 августа и могла быть произведена лишь командами в составе 1-2 участков; конная же стража и обоз были направлены в Брест-Литовск походным порядком. Из Брест-Литовска полиция прибыла в г. Минск, откуда, по распоряжению губернатора, без высадки, в тех же вагонах командирована в Барановичи, Бобруйск и на станцию Старые Дороги для урегулирования движения беженцев; конная сотня и 5 приставов поступили в распоряжение генерал-лейтенанта Фреймана для направления гуртов скота и ускорения приемки скота от беженцев.

Таким образом, варшавская полиция прошла походным порядком 175 верст, а конная стража и обозы 218, причем во время пребывания полиции в Седлеце на этот город был произведен налет неприятельским цеппелином, несколько бомб с коего разорвались вблизи полицейского бивуака (на Седлецком вокзале бомбами было в то же время ранено и убито до 90 человек).

Над Брест-Литовском, по прибытии туда эшелонов варшавской полиции, дважды в один день появлялся неприятельский аэроплан. Утром бомбами с него был сожжен на вокзале санитарный вагон с 7 людьми, а вечером при обстреле аэроплана несколько снарядов, выпущенных из наших орудий, разорвались вблизи вагонов, занятых одним из эшелонов варшавской полиции. Потерь людьми и отсталых за время похода не было. Трое заболевших в пути городовых (один рожистый, один желудочный и один простудный) оставлены в попутных воинских госпиталях. Генерал-майор Мейер».

29 июля последовало высочайшее повеление о назначении Верховной следственной комиссии о всестороннем выяснении деятельности ведомства, во главе которого стоял Сухомлинов [12]. Во главе Комиссии поставлен был инженер-генерал Петров. В Думе это известие встречено было бурей восторга, но я лично, несмотря на то, что был всегда сторонником выяснения подобного рода дел, считал, что начинать такое громкое дело во время разгара войны не следует, лучше было бы в то время только удалить Сухомлинова из столицы, чтобы он не дразнил никого своим присутствием, и подождать окончания войны для решения вопроса о предании его суду. Кроме того, в то время трудно было быть беспристрастным судьей в деле Сухомлинова, слишком много толков и пересудов, и справедливых, и несправедливых, окружали это имя, и только время могло бы

помочь в них разобраться. Предание суду военного министра во время войны должно было разлагающе повлиять на армию, и с этим также нельзя было не считаться.

В течение июля месяца я ездил отдохнуть на неделю в Курскую губернию. Моим отъездом воспользовались мои противники, чтобы усилить кампанию против меня. Юсуповы, и он, и она, к моему глубокому прискорбию, присоединились к этой недостойной группе и всячески поощряли эту травлю, в которой главную роль играли Хвостов * со своими единомышленниками и Белецкий. Они не брезгали ничем, агенты последнего не только собирали всевозможные сплетни, но и сочиняли всякие небылицы. Белецкий приблизился и к Распутину. Одним словом, велась недостойная игра за моей спиной.

Щербатов мне несколько раз намекал о разных слухах, распускавшихся не в мою пользу и в правых кругах Думы, и Государственного Совета, спрашивая меня, почему я не реагирую на них. А как же я мог реагировать, когда прямо никто против меня не выступал, когда все тщательно от меня скрывалось. А кроме того, я считал и унизительным для себя обращать внимание на все эти недостойные махинации против меня и, не чувствуя за собой никакой вины, решил предоставить все собственному течению.

Щербатов, передавая мне, производил странное впечатление. Я не мог понять, сочувствует ли он тому, что меня травят, или возмущается этим. Вообще я не чувствовал в нем искренности в отношении себя, и при докладах ему мне всегда было не по себе.

В последних числах июля я узнал, что в Думе небольшой группой, во главе с Хвостовым, готовится выступление с резкой критикой моих действий, что для этого все уже подготовлено, что Хвостов решился меня «свалить», представив против меня «ужасающие» факты моей якобы германофильской политики. День, намеченный для этого выступления, называли между 1 и 5 августа. Хотя меня это нисколько не пугало, так как никаких «ужасающих» фактов, кроме голословных обвинений, Хвостов привести не мог, тем не менее мне следовало подготовиться для отражения удара, и я стал усиленно собирать материалы, если бы мне пришлось выступить в защиту, так как на Щербатова, который как министр должен был бы выступить в защиту своего товарища, я рассчитывать не мог. Собрав все материалы по всем своим распоряжениям относительно германских подданных и все циркуляры и постановления Совета Министров и распоряжения министерства и Верховного главнокомандующего, я приготовился встретить ожидаемые нападки во всеоружии. Директор Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполит и мой секретарь Сенько-Поповский оказали мне при этом колоссальные услуги,

* Член Государственной Думы, бывший нижегородский губернатор, племянник министра юстиции. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

приняв очень близко к сердцу травлю, направленную против меня.

1 августа я получил сведения, что Хвостов выступит со своей речью по поводу немецкого засилья и неправильных действий правительства вообще, и в частности меня, третьего августа в общем собрании Думы. Я доложил об этом князю Щербатову, который, переговорив с Горемыкиным и другими министрами, сказал мне, что весь состав Совета Министров будет в Думе в этот день, и потому я беспокоиться не должен; если признается нужным, будут отвечать министры, а мне только надо быть в Думе со всеми справками, которые могут понадобиться.

2 августа вечером Щербатов мне передал по телефону, что Совет Министров решил не присутствовать вовсе в Думе при выступлении Хвостова, и что потому и мне быть в Думе не надо. Я успокоился, хотя находил такое решение неправильным. Вдруг на другой день за четверть часа до начала заседания в Думе ко мне позвонил Щербатов и совершенно неожиданно для меня передал, что Совет Министров находит необходимым, чтобы я присутствовал на общем собрании Думы при выступлении Хвостова, и что он сам приедет, но несколько запоздает, и потому просит меня немедленно ехать и представляет мне решить самому, сообразно обстоятельствам, отвечать ли Хвостову на его нападки или нет.

Я понял, что Совет Министров, вернее Горемыкин со Щербатовым, посылают меня на заклание. Захватив с собой все документы, я выехал в Думу не без волнения, так как был совершенно неподготовлен к выступлению вследствие полученного накануне от министра извещения, что в Думе быть не следует. Приехал я в Думу, немного опоздав к началу заседания, но Хвостов еще не выступал. Как всегда при поездках в Думу, я был в жандармской форме. Когда я вошел в министерскую ложу, там уже сидел директор Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполит, больше никого не было.

Вскоре на трибуну вошел член Думы Хвостов и сделал заявление, что фракция правых поручила ему поддержать заявление фракции о необходимости образовать две новых комиссии: комиссию по вопросу о борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни и комиссию о прекращении ненормального вздорожания предметов первой необходимости.

Первая половина его речи была посвящена немецкому землевладению в России, промышленным немецким предприятиям, деятельности банков, вторая же половина речи была исключительно по моему адресу. Привожу стенографически эту часть речи Хвостова и мой ответ:

Хвостов: «...Я говорил о капитале, мне придется теперь коснуться лиц немецкого подданства и происхождения. Ведь, господа, во Франции и в Англии, там было поступлено очень просто. Государст-

во, над которым стряслась война, которое вступает в войну, не может руководствоваться исключительно гуманитарными правилами. Так, пока разберутся, лиц иностранного подданства заключили в особые лагери, и в Англии и во Франции германцы были заключены в концентрационных лагерях, а там, господа, есть отлично осведомленная полиция, там осведомительные органы поставлены на громадную высоту, и все-таки там государство, в этот решающий, в этот страшный час войны, не взяло на себя ответственности за свои осведомительные органы, оно сказало, что эти осведомительные органы, может быть, хороши для мирного времени, но в военное время они могут ошибиться, и надо для счастья государства, для его целости сделать концентрационные лагери.

Что же у нас, господа, какие осведомительные органы мы видим у нас? Эти осведомительные органы, спустя некоторое время после начала войны, недавно допустили разгром собственной столицы государства. *(Рукоплескания справа, в центре и на отдельных местах слева.)* Вот та высота, на которой они стояли. Господа, ведь они не знали, что готовится этот разгром, а если они знали, то значит, они проглядели его начало и не сумели справиться и подавить его так, как это нужно было власти, государственной власти. Власть только зарегистрировала разгром Москвы, разгром столицы государства, и Совет Министров, кажется, очень доволен своими осведомительными органами и, может быть, даже желает, чтобы они продолжали действовать в том же духе. Но, господа, мы, народные представители, не можем с этим мириться, мы не можем жить под тем ужасом, что над нами висит, быть может, разгром городов, разгром наших усадеб, разгром селений. Мы должны сказать открыто, что наши осведомительные органы стоят не на высоте своего положения *(голоса справа: браво)*. И вот, господа, такие осведомительные органы берут на себя смелость в такую минуту, страшную для государства, определять, кого из немецких подданных можно оставить, кого выселить в прогулку в г. Вологду, что, собственно говоря, ничему не мешает — ни шпионажу, ничему. Они берут на себя эту смелость, причем сразу же, чуть ли не через пять дней после войны, товарищ министра, генерал-майор Джунковский телеграфирует в Москву о том, чтобы объявить всем задержанным иностранным подданным, что они имеют право подавать ходатайства о приеме их в русское подданство, и что эти ходатайства, господа, будут уважены *. Естественно, те стали подавать эти прошения; пока эти прошения стали рассматривать, их выпустили на свободу, и они проживали так же, как и все русские подданные, в Москве, совершенно спокойно.

И вот получается, что у нас во время войны начинают сотнями

---

* На это я даже не отвечал, так как на такую глупость считал унизительным обратить внимание. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

и даже в большем количестве поступать ходатайства о перемене подданства, и Министерство внутренних дел в ускоренном порядке, испрашивая различные разрешения, начинает их принимать. И вы не думайте, что принимали только исключительно каких-нибудь старых старух, пенсионерок или бонн, случайно оставшихся в немецком подданстве. Нет, тут по большей части владельцы торговых предприятий, тут служащие различных банков *(рукоплескания справа и в центре)*, тут же военный министр Сухомлинов ходатайствует об Альтшиллере *(движение справа, в центре и слева)*. И в то время, когда каждый высокопоставленный человек имеет одного или двух немцев, за которых он ходатайствует, товарищ министра Джунковский уже ходатайствует за десятки *(рукоплескания справа и на отдельных местах в центре и слева)*.

А в это время, господа, часть из немецких подданных высылается в Вологодскую губернию. В Вологодской губернии, господа, были, в высшей степени возмущены некоторыми фактами, которые случайно дошли до меня, например, поручик запаса венгерских войск — я его фамилии не буду называть по понятным соображениям — высылается в Вологодскую губернию, потому что разведочное бюро дало сведения, что он прикосновенен к шпионству; но начинаются ходатайства; ему разрешают ехать на собственный счет в Вологодскую губернию самому. Или он прикосновенен, или нет, но, господа, если он прикосновенен, то нельзя ему на собственный счет ехать в Вологодскую губернию. Мало того, он приезжает туда, ему там, видимо, климат не подошел, и оттуда начинаются ходатайства. Посылается ходатайство на заключение московского градоначальника, тот отказывает категорически, а через несколько времени, без всякого сношения с Москвой, по распоряжению товарища министра Джунковского такой-то поручик запаса венгерских войск возвращается в Москву. Говорят, что он якобы славянского происхождения, этот поручик, но ведь, господа, тут важно то, что ведь сказано, что он прикосновенен к шпионству.

В разных губерниях немцы начинают ходатайствовать об оставлении, местные власти дают заключения, говорят: нет, нам они не нужны, они прикосновенны к шпионству и т. д. Из Петрограда им разрешают, и что же видит население, господа? Население видит, что в конце концов те же самые немцы, которых только что держали взаперти, которых высылали, являются опять на свои фабрики, на свои промышленные заведения в г. Москве и в других городах, являются русскими подданными, с которых снимается всякий надзор, и опять совершенно спокойно начинают там действовать. А в это время население и рабочие видят, что немецкие фабрики и торговопромышленные заведения начинают сокращать работы, например, по производительности фабрики или завода немецкого можно прокатывать 21 000 пудов железа, а они прокатывают 5 000 пудов и объясняют это — то топлива нет, то машины испортились,

начинают производить ненужный ремонт. *(Рукоплескания справа.)* И рядом с этим, господа, начинают ходатайствовать об оставлении немецких мастеров, якобы им необходимых. А в тех случаях, господа, когда власть, местная власть посылала инженеров проверять эти заявления, как, например, на заводе Гужона в Москве, действительно ли на этих фабриках необходимы эти немцы, всякий раз инженеры давали такое заключение, что в них надобности никакой нет. Господа, народ ведь это видит, население это видит, и оно стало разочаровываться, оно стало волноваться, оно стало бояться и перестало верить власти.

И в это время, господа, наступили для нас тяжелые времена: падение Перемышля, падение Львова. А эти самые немцы подняли головы, они стали очень дерзки — у меня есть документальные доказательства: мастер-немец выкидывает грязные тряпки и говорит рабочим: вот ваш русский флаг, мы его выкинули из Перемышля. Они начинают отказывать русским офицерам в продаже электрических карманных фонариков и говорят, что мы русским офицерам не продаем. В это самое время, что же удивляться, что терпение переполнилось и произошло самое тяжелое, самое гнусное и тяжелое явление. Этим именем я могу назвать всякие погромы, самосуд толпы. Я думаю, господа члены Государственной Думы, что вы согласитесь со мною, что тяжелее, отвратительнее явления, как самосуд толпы, нет ничего. Мы должны это сказать открыто, и Россия должна слышать этот голос от Государственной Думы. *(Бурные рукоплескания справа, в центре и на отдельных местах слева.)* И господа, в то время некоторые немцы, которых в это время мы так быстро стали принимать в подданство, несмотря на институт двойного подданства в Германии, начали подавать в Министерство внутренних дел прошения о том, что они не желают принимать присягу, потому что наши дела стали плохи на войне. Вот за кого хлопотали наши петроградские власти. *(Голоса: «Позор!»)*

Господа, обратите внимание на двойственность мировоззрения, на двойственность психологии в России. Если здесь, в Петрограде, где-нибудь в уютной гостиной Нового или Английского клуба люди после сытного обеда начнут говорить о политике, они ограничатся или остротами, или прочтут какое-нибудь стихотворение Мятлева, или скажут: бывший министр внутренних дел, конечно, не мог внести какой-нибудь хороший проект, потому что это человек несерьезный. И этим ограничатся. Или они скажут: что же вы хотите от нашего правительства? Ведь оно вообще такое равнодушное. Может быть, они правы, потому что вы видите равнодушие правительства при рассмотрении вопроса о немецком засилии. Их здесь *(указывая на места правительства)* никого нет. *(Бурные рукоплескания справа, в центре и слева.)*

Председатель (звонит): Прошу соблюдать тишину.

Хвостов: Может быть, где-нибудь в петроградском клубе скажут:

что же вы хотите — когда им скажешь об этом возмутительном законе, оставившем немецкие промышленные предприятия работать на нашу государственную оборону, — что же вы хотите от министра финансов Барка? Где могло выработаться его государственное мировоззрение? Он банковский служащий, он вырос в этих банках, все его мировоззрение воспиталось этими банками. *(Рукоплескания справа, в центре и на отдельных местах слева.)* Он может со спокойной душой сказать, что хотя интересы России говорят одно, но во имя интересов банковских кругов, ввиду тесной связи их с германскими и австрийскими предприятиями, надо внести этот позорный законопроект. *(Голоса справа: «Браво!»)* Там, может быть, скажут с мягким укором о слишком широких взглядах товарища министра внутренних дел Джунковского на вопрос о перемене подданства немцами.

Но народ не так говорит, народ, к нашему ужасу, иначе говорит. Народ не так даже, как мы, относится к этому: он болеет душою, у него сердце кровью обливается *(голоса: «Правильно!»)*, он говорит, несправедливо, может быть, говорит, говорит ошибочно — я это утверждаю, но он говорит так: продались и предались. *(Справа, в центре и слева рукоплескания и голоса: «Правильно, браво!»)*

Господа, опять я повторяю, нам нужны эти комиссии для того, чтобы русский народ перестал это говорить, для того, чтобы он увидал, что та Государственная Дума, которой он верит, что она взяла в свои руки вопросы о немецком засилии и о дороговизне жизни, и только тогда, когда мы возьмем эти вопросы в свои руки, и когда русский народ будет видеть, что мы их держим в руках, только тогда наступит то спокойствие, которого мы все желаем, господа.

В заключение, господа, я уже не от фракции, а от себя хочу ответить лидеру правых Государственного Совета Петру Николаевичу Дурново. Господа, он провозгласил формулу управления, сказав, что надо уметь только приказывать в настоящее время, а я отвечу ему, в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас всех немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы, наконец, интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть перестала быть виноватой, и только тогда она может приказывать, и народ пойдет за ней. *(Бурные и продолжительные рукоплескания справа, в центре и слева.)*

Председатель: Внесено предложение о прекращении записи ораторов; записано 16 человек. Ставлю это предложение на голосование. *(Баллотировка.)* Принято. Господин товарищ министра внутренних дел желает дать разъяснение.

Я: Господа члены Государственной Думы! Прежде всего я должен заявить, что со стороны Министерства внутренних дел, которое было осведомлено относительно ожидаемых беспорядков в Москве, по этому поводу было написано московскому градоначальнику

письмо от имени министра внутренних дел. В начале содержатся разные подробности, а письмо кончается такими словами: «Вследствие сего я считаю себя вынужденным обратить внимание Вашего превосходительства на безусловную недопустимость подобных явлений, присовокупляя, что в случае таковых ответственность за них падет всецело на местную административную власть». *(Голоса слева: «Какое число?»)*. Это письмо было написано 21 октября, т. е. после первого разгрома торговых лавок. *(Шум.)*

Председатель: Прошу не прерывать представителя правительства.

Я: Что касается погрома, который был в мае месяце, то, действительно, Министерство внутренних дел узнало это на третий день, так как московские власти не сообщили, и только по моему запросу по телефону я узнал, что там происходит. *(Голоса слева: «Газетам даже было известно!».)*

Председатель: Покорнейше прошу не прерывать.

Я: Это и было причиной тому, что московскому градоначальнику было предложено немедленно покинуть его пост, а затем для всестороннего расследования по высочайшему повелению назначена сенаторская ревизия. *(Керенский: «Судья над депутатами!».)*

Председатель: Член Государственной Думы Керенский, прошу вас не шуметь.

Я: Теперь я буду иметь честь доложить членам Государственной Думы некоторые разъяснения по вопросу о высылке подданных враждебных нам государств. Я очень жалею, что докладчик по вопросу о немецком засильи не ознакомился с тем обширным материалом, который имеется в Министерстве внутренних дел, так как я уверен, что после ознакомления с этим материалом обвинять меня в германофильстве и в каких-нибудь поблажках немцам докладчик бы не стал. Все, кто только меня мало-мальски знает по моей прежней деятельности московского губернатора и по настоящей, кто относится без предубеждения, безусловно знает, что германофильство и я — два понятия совершенно несовместимые. Я думаю, что эти нападки вызваны были тем обстоятельством, что я имею привычку в приемные дни у себя принимать всех, кто бы ко мне не обратился. В эти приемные дни я принимал также и подданных враждебных стран, принимал от них и прошения, которые рассматривал со вниманием и вникал действительно в существо каждого из них. Я считаю такое отношение к делу единственно достойным для России, и потому и впредь я буду поступать так же. *(Голоса в центре и слева: «Правильно!».)*

Что касается московских событий, то они в настоящее время являются предметом всестороннего расследования сенаторской ревизии, которое, очевидно, осветит это дело со всех сторон. Скажу только, что указание на то, что Министерство внутренних дел парализовало распоряжения местных властей по высылке немцев,

неверно. Оно только контролировало, так как по постановлению Совета Министров урегулирование этого вопроса было поручено министру внутренних дел, который был обязан руководиться нижеследующими постановлениями. Угодно, господа, я вам их прочту? *(Голоса: «Просим».)*

«С открытием военных действий именным высочайшим указом 28 июля 1914 г., между прочим, повелено предоставить подлежащим властям высылать подданных враждебных государств как из пределов России, так и из пределов ее отдельных местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области».

В развитие этого указа Совет Министров в журнале от 1 августа отметил, что «высылка из мест поселения всех без разбора враждебных подданных не должна иметь места и что льготы в этом отношении могут быть допускаемы, между прочим, для мирных неприятельских подданных по личному ходатайству о принятии в российское подданство и заслуживающих по своей лойяльности доверия». Засим, Совет Министров в означенном журнале указал, чтобы «административные органы для высылки неприятельских подданных не усугубляли тяжелого положения женщин и детей». В то же время Совет Министров отметил, что «общественное и имущественное положение неприятельских подданных не должно быть принимаемо в соображение при высылке этих подданных в отдаленные местности». Высочайше одобренным журналом Совета Министров от 3 октября 1914 г. постановлено: «Предложить неприятельским подданным, за исключением военнообязанных, выехать из России по определению местных властей», причем исключение из этого общего правила предоставить министру внутренних дел. Вместе с сим, в этом же журнале Совет Министров высказал следующие соображения руководящего характера. «Предъявление нами суровых требований, касающихся в России германских и австрийских подданных непризывного возраста, т. е. к детям, женщинам и старикам, вызвало бы ответное распоряжение со стороны германского и австро-венгерского правительств и повлекло бы за собою ухудшение положения русских путешественников и рабочего люда, оставшихся в Германии.

Высылка из местожительства неприятельских подданных не должна распространяться на: 1) лиц славянского происхождения, французов и итальянцев, 2) православного вероисповедания, 3) призреваемых в богадельнях и приютах, 4) состоящих на излечении в больницах, 5) малолетних и несовершеннолетних до 18-летнего возраста, не имеющих родителей и проживающих у родственников из числа как русских подданных, так и подданных невоюющих с Россией государств, а равно малолетних и несовершеннолетних, матери которых возвратились в российское подданство, 6) больных, хотя и не находящихся в больницах или лечебницах, 7) лиц, оставле-

ние коих на месте будет признано необходимым для военных надобностей, 8) лиц, прошения коих о принятии в русское подданство находятся на рассмотрении Министерства внутренних дел и признаны подлежащими решению Совета Министров, 9) родившихся в России и проживающих в ней более 25 лет, 10) ближайшие родственники коих состоят на службе в рядах русской армии и во флоте и, наконец, 11) германские и австрийские уроженцы, живущие и занимающиеся более 25 лет в России педагогической деятельностью, либо иным трудом».

Вместе с тем Совет Министров отметил, что, «во-первых, все вышеперечисленные изъятия отнюдь не создают для соответствующих категорий неприятельских подданных безусловного права на освобождение от высылки и являются только руководящим основанием, наличие которого может служить для подлежащего распоряжающегося водворением начальства поводом к оставлению в месте постоянного жительства того или иного достойного доверия лица, удовлетворяющего указанном требованиям на получение льготы; во-вторых, что в столь сложном, связанном с многообразными интересами вопросе, каковым является допущение пребывания в наших пределах неприятельских подданных, немыслимо предусмотреть все отдельные особенности условий; в-третьих, что должно допускать применение к тому или иному лицу отступления от руководящих начал, смягчая и усугубляя последние, в зависимости от обстоятельств каждого данного случая; в-четвертых, полномочия было бы осторожнее, во избежание нежелательных злоупотреблений и несогласованности их с практикой, сосредоточить в руках центральной власти».

Что же касается распространения ограничений, изложенных в этом журнале, на германцев и австрийцев, проживающих вне пределов военного положения, то Совет Министров, признавая такое применение в принципе необходимым, находит полезным подвергать этот вопрос, в отдельных подробностях, обсуждению, с точки зрения порядка применения вышеприведенных начал в местностях, жизнь которых за отдаленностью от войны протекает более спокойно и где скопление неприятельских подданных не столь сильно, как в пограничных губерниях.

В соответствии с приведенными именным высочайшим указом и журналами Совета Министров, Министерство внутренних дел, по соглашению с военным ведомством, установило, чтобы задержанные в империи австрийские и германские подданные, в возрасте от 18 до 45 лет, а также все остальные лица, подозреваемые в шпионаже, подлежали высылке под надзор полиции в точно определенные местности, удаленные от театра военных действий. Всем остальным, мирно занимающимся, находящимся вне всяких подозрений, разрешено остаться на своих местах или выехать за границу, кроме признанных военнообязанными, коим выезд из России воспрещен.

Задержанию и высылке не подлежали заведомо больные, не способные носить оружие, если не подозревались в шпионстве. Семьям арестованных разрешалось следовать за своими главами. Задержанные направлялись в места водворения за свой счет под стражей. Неимущие или нежелающие следовать за свой счет водворялись этапным порядком. По прибытии в места назначения они водворялись по усмотрению подлежащей губернской власти под надзор полиции, на общих основаниях, в те сельские и городские местности, где полицейский надзор за ними наиболее обеспечен. Проживать они должны за свой счет, помещаться по возможности группами. В смысле жизненных удобств им предоставляется пользоваться лишь самым необходимым, так как всякий комфорт для них был признан неуместным. От действия сих правил были изъяты лица, принадлежащие к итальянской национальности, уроженцы Эльзаса и Лотарингии, чехи, галичане и вообще все славяне. Для водворения австрийских, венгерских и германских подданных назначены были сначала Вологодская, Вятская, Оренбургская, заволжская часть Казанской губернии, кроме местностей, прилегающих к Волге и Каме; восточные уезды Олонецкой губернии, северные уезды Тобольской губернии — для высылки из Омского военного округа, и для остальной Сибири — Якутская область. Однако наплыв высылаемых германских и других неприятельских подданных в эти местности заставил Министерство внутренних дел расширить район мест водворения включением в него губерний: Иркутской, Енисейской (вдали от железных дорог), Уральской области, Астраханской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Воронежской, Самарской, Уфимской, зауральской части Пермской губернии и Тургайской области. Необходимость расширения района пребывания диктовалась соображениями чисто экономическими, дабы предоставить возможность высылаемым лицам добывать себе пропитание личным трудом, не расходуя на пропитание казенных средств, и полицейскими, ибо переполнение немцами каких-либо губерний могло вызвать вполне естественное против них озлобление на почве вздорожания продуктов первой необходимости, последствием чего могли возникнуть беспорядки. Тем не менее многим из неприятельских подданных, не имеющим собственных средств, приходилось выдавать вспомоществование на пропитание, которое министерством было установлено не свыше, чем для поднадзорных, т. е. от 7—12 коп. в день, в зависимости от местности; главным образом пособием на пропитание пользовались женщины, дети и старики, т. е. лица не военнообязанного возраста, высылаемые военными властями из местностей, расположенных на театре войны. Кроме того, Министерством внутренних дел, в целях охранения заводов, изготовляющих предметы военного снаряжения, было сделано распоряжение по выселению всех без исключения неприятельских подданных из района этих заводов, а равно, ввиду предупреждения шпионажа, об ограничении прав

всех неприятельских подданных и в случаях особо уважительных. Помимо указанных распоряжений общего характера в отношении высылки австро-венгерских и германских подданных, Министерством внутренних дел разновременно были принимаемы те или иные меры для ограничения вредной деятельности подданных названных государств, а также обращалось внимание и производилось расследование по отдельным случаям, ставшим известными Министерству внутренних дел из полученных сообщений или газетных известий.

Что касается замечания члена Государственной Думы А. Н. Хвостова о том, что в Министерстве внутренних дел имеется много случаев, что перешедшие в русское подданство иностранцы отказывались приносить присягу, то, хотя переход в подданство и не находится в моем ведении, я знаю, действительно, два таких случая; такие два случая были в г. Киеве. К сожалению, эти два случая были с чехами; они были переведены в русское подданство, затем им было предложено явиться в Киевское губернское правление для принятия присяги. Эти два чеха заявили, что ввиду того, что чехов не высылают, им незачем переходить в подданство, и так как у них имущество находится в Австрии, то они присяги принимать не желают и желают вернуться обратно в австрийское подданство. Губернатор донес мне об этом случае, и мною было сделано распоряжение: немедленно этапным порядком отправить их в Якутскую область. Других таких случаев я не знаю.

Теперь переходя к личным моим распоряжениям: за все время, т. е. в течение целого года, мною получено всего 199 прошений от германских и австрийских подданных. Все эти 199 прошений за весь год, со всей России, были мною лично и разобраны. Эти прошения разделяются на следующие категории. 50 лиц просили об ускорении рассмотрения их прошений о переходе в русское подданство — все эти прошения мною переданы были, по принадлежности, в Департамент общих дел с просьбой об ускорении их рассмотрения. Затем мною было удовлетворено 14 ходатайств об оставлении в г. Москве 14 лиц, и затем по Департаменту полиции еще 26. Переходя к категориям этих лиц, почему мною было сделано распоряжение об оставлении, скажу следующее. Подавших о переходе в русское подданство и подлежавших вследствие отзывов соответствующих местных властей удовлетворению — шесть лиц; стариков и больных — два, славян — три, остальные — один человек, которому до 45-летнего возраста не хватало десяти дней, затем два, которые имели сыновей, находящихся в действующей армии; по Департаменту полиции: славян, итальянцев, румын и т. д. — восемь человек, православных — пять, ходатайствующих о разрешении перехода в подданство — три, больных — шесть, и затем Комитет Красного Креста по снабжению протезами просил за четырех лиц оставить их временно в г. Москве. В других городах ходатайства об

оставлении, считая все города, которые находятся вне театра военных действий, — 28, которые лично ко мне обращались, и 62 по Департаменту полиции. По 53 ходатайствам наводились только справки о положении дела, никакого результата не было сделано. 36 ходатайств, направленных не по моему адресу, были направлены на распоряжение по принадлежности, 30 ходатайств были отклонены, и затем 21 лицу разрешено было возвратиться из-за границы. Это лица, которые никакой связи с Германией не имели, тесно связаны с русскими семьями. Вот все распоряжения, которые были сделаны мною.

Теперь перехожу опять к Москве. После объявленного князем Юсуповым, по приезде его в Москву, поголовного выселения всех немцев депешей министра внутренних дел за моей подписью было отменено шесть высылок: 1) Адольф Бекман — больной, женат на русской, живет в России безвыездно с пятилетнего возраста, 2) Гельцер — мать — русская подданная, сам австрийский подданный — поляк, 3) чех Ольшаник, 25 лет, преподающий гимнастику во многих учебных заведениях Москвы, 4) словак Ропрет, — старший сын которого сражается в русской армии, в первой роте Чешской дружины, 5) 85-летняя старуха Стурцель — больная, жившая в русской семье, и 6) дочери известного галицийского деятеля Дудыкевича. *(Голоса: «Правильно, конечно, правильно».)»*

Мне было очень жаль, что я не мог ответить Хвостову на его обвинения по поводу моего распоряжения о возвращении из Вологды «поручика запаса венгерских войск, прикосновенного к шпионажу», так как Хвостов не назвал его фамилии, и я, конечно, не мог припомнить этого случая. Потом уже я получил справку в Департаменте — действительно я распорядился его вернуть. Это был барон Букович — серб, женатый на француженке. О нем ходатайствовал сербский митрополит, ручались за него Ф. И. Тютчев и член Московской губернской земской управы Родионов. При обыске у него, как только началась война, найдено ничего не было. Наблюдение за ним за 2 года ничего не дало, и контрразведывательное отделение мне сообщило, что есть основание подозревать в нем военного разведчика, но оснований объяснить мне не могло. Что он офицер запаса, также не вполне было установлено.

Ко всему мною сказанному я бы мог еще перечислить всех лиц, которые обращались ко мне с ходатайствами за немцев, но я этого не сделал, так как, несмотря на то, что я знал, что Хвостов почерпал свои небылицы у Юсупова, мне все же не хотелось нарушить свое корректное к нему отношение, которого я держался, а цитируя список лиц, подававших мне ходатайства об оставлении немцев, пришлось бы упомянуть Юсупова, стоявшего во главе списка, как ходатайствовавшего четыре раза, причем в двух случаях мною было ему отказано, другие два удовлетворены.

После моей речи объявлен был перерыв, после которого заседание продолжалось, выступил ряд ораторов. В это время приехал

князь Щербатов и произнес небольшую речь по поводу немецкого землевладения и в заключение сказал слово в защиту лиц, носивших немецкие фамилии. Он сказал: «Я думаю, господа, что во многом, несомненно, виновата политика правительства, но надо прямо и откровенно сознаться, что виновато в этом не только правительство, но виновата и русская наука, литература и русское общество, которые долгие годы раболепствовали перед всем германским. Относясь, таким образом, с большой осторожностью и опаской ко всем проявлениям немецкого засилья в России, я должен, господа, обратиться к вам с просьбой помочь прекратить эту, извините за выражение, травлю всех лиц, носящих немецкую фамилию. Если массы немцев, особенно немцев-колонистов, поддавались туго ассимиляции, то за последние 200 с лишком лет многие семейства, носящие немецкие фамилии, сделались совершенно русскими, многие из них жили и живут совершенно общей жизнью с нами, многие, имена их известны и в русской науке как имена совершенно русские, и верность многих из них России вне всякого сомнения. Вспомните имя адмирала Эссена, память которого вы почтили вставанием, вспомним многих офицеров, которые пали смертью храбрых на поле брани в настоящую войну. Я из чувства такта, как русский человек и бывший офицер, не позволю себе говорить по поводу того, что было сказано сегодня относительно офицерства некоторых частей нашей армии. В этом деле правительство имеет право рассчитывать на помощь Государственной Думы и будет стараться, надеюсь, с вашей помощью, внушить народной массе неосновательность и недопустимость подобного отношения к коренным уже русским, имеющим лишь несчастье носить германские или иные иностранные фамилии. Вспомните, господа, что не только есть русские с германскими фамилиями, но таких очень много между поляками и чехами».

Только к вечеру я приехал из Думы, совершенно разбитый.

На другой день я поехал в Государственный Совет, где также ожидалось выступление одного из членов правого крыла по вопросу о немецком засилье с критикой деятельности Министерства внутренних дел, и в частности моей, по этому вопросу. Но оказалось, что мое опасение не оправдалось, никакого выступления не было, а большинство членов Совета весьма сочувственно отнеслись ко мне, по поводу выступления Хвостова, особенную сердечность проявил при этом А. Ф. Кони, что меня очень тронуло.

В следующем заседании Думы был принят запрос по поводу возмещения потерь лицам, пострадавшим от беспорядков, происшедших в Москве 27—29 мая сего года. [...]

4 августа в Петроград прибыл первый поезд с инвалидами из Германии — 4 офицера и 245 нижних чинов. На Финляндском вокзале состоялась торжественная встреча. Весь вокзал был разукрашен флагами, встречали: принц А. П. Ольденбургский, генерал-

адъютант барон Мейендорф, приветствовавший инвалидов от имени Государя, и много других лиц высшей администрации и военных. Как только подошел поезд, громкое «ура» приветствовало несчастных героев. Они были перенесены в большой зал приемного распределительного пункта, где был отслужен молебен, после которого состоялся обед. За обедом, после тоста за Государя, барон Мейендорф произнес здравицу героям-инвалидам, приветствуя их от имени Государя. На этот тост отвечал инвалид полковник Мигулевский — Георгиевский кавалер. Во время обеда прибыла также великая княгиня Мария Павловна.

Трогательно было видеть радость и счастье, озарявшие лица этих инвалидов, попавших наконец к себе на родину. Их всех отвезли в автомобилях в клинику имени великой княгини Елены Павловны, откуда часть была затем отправлена на родину, другая же распределена по госпиталям.

10 августа состоялось назначение П. В. Истомина товарищем обер-прокурора Синода. Я уже не раз писал о нем в своих воспоминаниях. Это назначение его меня весьма порадовало, я рад был за Самарина, приобретавшего в его лице верного и надежного талантливого помощника.

5 августа я выехал в Москву и оттуда в Могилев, куда переведена была Ставка Верховного главнокомандующего. Надо было ознакомиться с городом ввиду ожидаемых приездов туда Государя, переговорить с губернатором, осмотреть окружающую местность, выработать меры охраны. В городе все это было сложнее. К счастью, губернатором там был Пильц, на редкость хороший, честнейший человек, понимавший отлично дело и мой единомышленник, так что с ним сговориться мне было очень легко. Начальник губернского жандармского управления принадлежал также к числу серьезных дельных офицеров.

В Могилеве я пробыл два дня, успев обо всем переговорить, великий князь был озабочен положением дел на войне, и переезд его из Барановичей в Могилев был ему неприятен, но оставаться так близко к театру войны Ставке было немыслимо. Уезжая из Ставки, я не думал, что это моя последняя туда поездка, что скоро произойдет ряд перемен, и великий князь покинет пост Верховного главнокомандующего.

8 августа я выехал по железной дороге на Минск, Барановичи, откуда на автомобиле проехал в Волковыск, Слоним, Альбертин, Несвиж. В этом последнем городе мне надо было побывать в штабе 2-й армии по делам контрразведки, после чего я проехал чрез Молодечно в Вильно, чтобы посетить свой родной Преображенский полк, стоявший бивуаком под городом. Остановился я у губернатора Веревкина провел у него два дня, и от него ездил на бивуак полка, где отдохнул душой от всех петроградских неприятностей.

В Вильно я получил депешу от моего друга Зейме, который просил моего содействия к благополучному выезду его семьи из

имения под Ригой, ввиду наступления противника в Митавском направлении, угрожавшего Риге. Я ему ответил, что он может быть совершенно спокоен — я проеду сам к семье, помогу выехать и привезу их в Петроград. Чтобы это осуществить, я выехал из Вильно по железной дороге на Псков, откуда в Ригу вело прекрасное шоссе. Так как моего одного автомобиля было недостаточно для перевозки всей семьи Зейме, то я в Пскове заехал к командиру автомобильной роты, который любезно предоставил мне один военный автомобиль. Мы двинулись по шоссе, я — впереди, в своем автомобиле с моим неизменным шофером Мутовкиным (Сенько-Поповского я оставил в Пскове ожидать моего возвращения), за моим же автомобилем шел другой с шофером и помощником.

Выехав из города, я обратил внимание на беспорядочное управление машиной шофером автомобильной роты, причем он все время отставал от моей машины, так что приходилось останавливаться и дожидаться, пока он не подъедет. Моему Мутовкину это очень не нравилось, и он все время говорил: «Что вы беспокоитесь? Они приедут». Но меня тревожило такое неумелое управление машиной, тем более, что шоссе было узкое и скользкое после дождя, а навстречу двигалось много возов. Под влиянием Мутовкина я перестал следить ежеминутно за машиной, следовавшей за нами, а Мутовкин, не выносивший тихой езды, припустил машину, и мы скоро потеряли из виду наших спутников. Въехав на гору, я обернулся и, не видя сзади автомобиля, приказал остановиться. Прождав с четверть часа, я стал тревожиться и решил повернуть обратно и поехать навстречу. Проехав верст пять, я, к ужасу своему, увидел на обочине автомобиль, перевернутый колесами вверх, кругом ни души. Жутко стало. Остановив машину, я вместе с Мутовкиным подбежал к перевернутому автомобилю, из-под которого раздавались неопределенные хрипы и стоны. Стали мы пробовать поднять машину, но ничего не могли сделать. К счастью, на шоссе показалось двое крестьян, которые нам помогли приподнять машину настолько, что представилось возможным вытащить одного из шоферов, затем, с неимоверными усилиями, другого. Они были живы, один не мог совсем двигаться, другой же встал. Вид у них был ужасный, лица залиты машинным маслом, жаловались они на боль всех членов. Скоро пришел в себя и наиболее пострадавший. Я не знал, как благодарить Бога за такое чудесное их спасение! Усадив, вернее, уложив обоих, я приказал ехать обратно в Псков и отвез их прямо в госпиталь Красного Креста Евгеньевской общины, где старшей сестрой была великая княгиня Мария Павловна младшая. Она приняла близкое участие в пострадавших, которых сейчас же осмотрели, омыли и уложили на койки. Оказалось, у них даже никаких переломов не было, только ушибы и сотрясение — чрез 5 дней они уже выписались.

Было уже 12 ночи, когда я отправился к командиру автомобильной роты заявить о случившемся. Он принял это за самое обыкно-

венное происшествие, распорядился, чтобы сейчас же мне дали другой автомобиль, а за потерпевшим крушение послал грузовик.

Около 3-х ночи я выехал опять по направлению к Риге, прибыл утром в имение барона Вольфа, где проживала семья Зейме. Обойдя всю усадьбу кругом, я никого не встретил, везде было пусто, наконец, я наткнулся на старушку, которая мне сказала, что господа, не дождавшись меня, уехали в г. Валк на поезд. Ужасно мне стало досадно, но делать было нечего, и, сев в автомобиль, я двинулся обратно в Псков; 14-го утром я был в Петрограде.

В этот день в Государственной Думе было очень бурное заседание — социал-демократическая фракция устроила целый скандал, выступив с резкими речами весьма вызывающего характера по поводу процесса депутатов их фракции, сосланных уже в Сибирь. Я был очень рад, что мое отсутствие избавило меня от обязанности присутствовать на нем.

По возвращении в Петроград я нашел у себя несколько донесений о Распутине.

«Темный» 9 сего августа, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту, и в 11 часов утра пароход отбыл в село Покровское. Около 1 часа дня «Темный» вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем, дав им на чай 25 руб., заставил их петь песни; прослушав несколько песен, «Темный» удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут, дал солдатам еще 100 руб. Пение песен усилилось, и в хоре участвовал сам «Темный», пение продолжалось около 1 часу, после чего «Темный» забрал всех солдат, провел их во 2 класс, разместил за столы и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во 2 классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время «Темный» опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посреди, и все пели хором, пением руководил сам «Темный» и был в очень веселом настроении, дал солдатам еще 25 руб. и заказал им обед, стоимостью в 15 руб., а затем «Темный» удалился в каюту.

Через несколько минут было слышно, что «Темный» заявлял о пропаже у него 3 000 руб., после чего опять удалился в каюту и минут через 20 снова вышел, пьянее прежнего, зашел в 3 класс и там поссорился с некиим Разумовским (из Тюмени), последний хотел отколотить «Темного», но дело кончилось миром, а затем там же он поссорился с тюменским купцом Михалевым.

Ссора началась по поводу вызывающих действий тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел от «Темного». «Темный» после этого в 1 классе встретил официанта парохода, которого назвал жуликом, и сказал, что он украл у него 3 000 руб.

Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол. После этого инцидента «Темный» опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики были слышны слова: «Распутин, вечная тебе память, как святому человеку», другие говорили: «Надо его обрить или машинкой бороду снять». По просьбе агентов в каюте окно было закрыто.

Часа за два до прибытия парохода в село Покровское «Темный» со столика свалился на пол и лежал на полу до самого села Покровского.

В 8 часов вечера прибыли в село Покровское; агенты попросили капитана парохода дать им двух человек, помочь вывести «Темного» с парохода на берег, и они вчетвером мертвецки пьяного вытащили его. Встречать его приехали проживающие в селе Покровском Распопов, две дочери «Темного» Дуня и Катя, ввалили «Темного» на телегу и поехали к нему домой.

10 августа в 10 часов утра «Темный» вышел из дома во двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий и все время ахал и удивлялся, что он так скоро напился, выпив всего лишь 3 бутылки вина, и добавлял: «Ах парень, как нехорошо вышло».

В разговоре с ними он, между прочим, сказал, что «Джунковского со службы уволят, а он, может быть, будет думать, что уволили его через меня, я его не знаю, кто он такой». Еще «Темный» говорил, что и «вашего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого, графа Адлерберга?» — «Нет, я не знаю, как его зовут», — а затем начал говорить о другом, кой о чем)».

Среди бумаг была и копия письма священника отца Восторгова на имя митрополита Московского Макария: «Ваше высокопреосвященство милостивый архипастырь и отец! Глубокая скорбь от лютых бед нашей Родины и моя совесть обязывают сказать Вам дерзновенное слово, простите.

Россия на краю ужасной пропасти. Злой развратник, хлыст — Распутин докапывает России могилу. Соблазн от его мерзостей вырос до невероятных размеров. С точки зрения православно-христианской, мерзости Распутина давно заслужили решительного, гласного осуждения, но и с точки зрения монархистов, все еще проповедующих молчание о Распутине и о прочих соблазнах, не бороться с хлыстом, вмешивающимся в государственную жизнь, думаю, есть преступление. Распутин давно оскорбляет Церковь, он же своим темным покровительством разным искательным бездарностям и преступникам разрушает государственную жизнь, подкапывается под священный престиж русского царя. Он открыто растлевает женщин и волнует соблазняющийся его безнаказанностью народ. Сейчас он, кроме того, всячески играет в руку немцев; значит, является злым предателем Отечества, как его совершенно справед-

ливо, еще два года назад печатно назвал преосвященный Андрей, епископ Уфимский.

Сам отец Восторгов до сих пор, несмотря на свое звание синодального миссионера, красноречиво молчавший о всех мерзостях Распутина, недавно, в собственноручном его письме ко мне, назвал Распутина «злой силой», но быть у власти в наше время и молчать против «злой силы», с ее влиянием на жизнь церковно-государственную, не значит ли уподобиться робкому часовому, который, завидя со своего поста врага, подползавшего уже к пороховому погребу, чтобы взрывом его залить все и всех огнем, стоит бездейственный или убегает? Так, по крайней мере, начинают серьезно думать русские люди о носящих власть и попустительствующих Распутину.

Новый обер-прокурор Святейшего Синода прекрасно сказал в своей вступительной речи: все, соблазняющее народ, должно быть немедленно искореняемо. Члены Святейшего Синода ответили ему, что и их одушевляют мысли и чувства, им выраженные. Все доброе и честное в стране облегченно вздохнуло от прекрасных слов, но ждет воплощения их в дело. Если же и после столь торжественного, ясного заявления церковной иерархии о борьбе с накопившимися церковными соблазнами распутинское зло останется в прежней силе, при молчании о нем церковной власти, то народ в праве будет назвать такую власть лицемерною, а это ведь ужасно! Что может быть грешнее и разрушительнее лицемерия!

Вот почему, Владыко, в глубокой горести душевной принял я на себя смелость горячо умолять, неотступно умолять Вас от скорбящих многих добрых и верующих русских людей: немедленно скажите слово осуждения развратному хлысту, злому предателю России Григорию Распутину, требуйте предания его церковному суду до отлучения от святой Церкви включительно. Все данные к тому есть для тех, кто не хочет закрывать глаза на распутинские преступления или кто не хочет робеть пред его темными влияниями...

Ради Бога снимите, наконец, черное пятно молчания с Русской Церкви против явного, многолетнего, безнаказанного преступления, иначе это пятно несмываемое на позор вольется в страницу русской истории, а самому Распутину дальнейшее молчание церковной власти развяжет руки докопать могилу России.

Два года тому назад я писал духовнику их величеств отцу Васильеву об ужасных для России последствиях распутинского влияния, и он в своем ответе, называя мои письма серьезными, сказал мне, что отвечать на них нужно не только словом, но и делом. Между тем преступные распутинские щупальцы все глубже впиваются в несчастную страну, сейчас, по крайней мере, он снова на зените своего влияния.

Вот почему, Владыко, опять и опять хочется умолять Вас всех, власть имущих: «Удалите нечестивого от царя и Престол его цельным сохраните при помощи Всевышнего».

Вы, Владыко, — инок, Вам некого, кроме Бога, бояться, Вам нечего терять и достигать. Все земное Вы уже заслужили, заслужите же подвигом спасения Отечества славу небесную вечную. Ради спасения души своей, ради страха пред Судом Божиим, ради блага царя и Родины, которые Вам более чем кому-либо дали земного благополучия, пронесите по стране свой мужественный, правдивый, святительский глас против Распутина и всех распутинцев, невзирая на лица их, станьте достойным подражателем св. Филиппа, самоотверженного обличителя опричнины, и Господь Вас благословит, Россия будет Вам вечно благодарна!

Вы, Владыко, промыслом Божиим возведены на самую высоту свещницы церковной, и от Вас страждущая страна ждет защиты. Воины, миряне, все ныне самую жизнь отдают на защиту Родины от врага внешнего, имеем ли мы, воины царя небесного, духовные лица, право молчать против врага лютого внутреннего, более вредного ныне, чем все сектанты и агитаторы революции, взятые вместе. Ведь наше робкое молчание ныне равно измене Церкви, царю и Отечеству».

Это были последние донесения, касавшиеся Распутина. На другой день слова его о моем уходе сбылись.

15 августа я получил по телефону приглашение от князя Щербатова приехать к нему. Он жил в это время на даче на Аптекарском острове. Захватив с собой накопившиеся для доклада бумаги, я отправился. Щербатов сконфуженно меня встретил и молча передал мне записку Государя. Я прочел собственноручно написанные Государем строки: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай».

Хотя за последнее время атмосфера вокруг меня и сгущалась, тем не менее, ехавши к Щербатову, я никак не ожидал такого финала. Я несколько раз перечел строки Государя и возвратил записку министру; мне стало ясно, что на Государя было оказано влияние, и сама записка, слова «настаиваю на отчислении», звучали так странно, не подходили Государю, очевидно, эта записка была ему продиктована императрицей, иначе быть не могло.

Я ничего не сказал Щербатову, попросил только его разрешения считать себя свободным от обязанностей товарища министра и по возвращении домой все дела по Департаменту полиции передать директору Департамента, что касается должности командира Корпуса жандармов, я сказал, что буду продолжать исполнять ее до обнародования приказа о моем увольнении, как того требует закон. Затем я просил Щербатова принять мой последний доклад по должности товарища министра.

Среди бумаг, доложенных мною, была одна совершенно исключительного значения. Это был доклад о характере деятельности члена Государственной Думы Керенского, стремившегося к изменению существовавшего образа правления в России. В докладе была описана подробно его поездка по России, главным образом по приволжским городам, с целью образования в этих городах советов

рабочих депутатов, причем во многих городах негласно были произведены и выборы в эти советы. Признавая деятельность его вредной и опасной для династии и этим самым для России, особенно в связи с переживаемыми военными событиями, я высказывал в докладе мнение о необходимости принятия против него мер, включительно до ареста, дабы парализовать его деятельность по подготовке революции, но при этом я рекомендовал ранее приведения в исполнение моего предложения тщательно обсудить этот вопрос совместно с министрами юстиции и военным, дабы обсудить все могущие быть последствия.

По окончании доклада, прощаясь со мной, Щербатов выказал мне большое сочувствие и очень сердечно простился со мной, сказав, что, вероятно, и он недолго пробудет министром.

Сев в автомобиль, чтобы ехать домой, я обдумывал создавшееся положение. Чувство обиды постепенно сглаживалось под влиянием сознания, что сразу тяжелая ответственность, сопряженная с должностью товарища министра, свалилась с моей души и что я наконец смогу осуществить свое заветное желание и отправиться в действующую армию, удалиться от всех интриг, с которыми я по своему характеру бороться был не в состоянии.

Мои близкие приняли известие о моем увольнении с твердостью и покорностью воле Божией. Я попросил мою сестру на другой же день заняться подысканием квартиры, чтоб как только выйдет приказ, немедленно оставить казенную. Чрез два дня на Каменноостровском проспекте удалось найти прекрасную небольшую квартиру, и по окончании в ней небольшого ремонта мы стали постепенно перевозить туда наши вещи.

Вызвав к себе начальника штаба, директора Департамента полиции, начальника Главного управления почт и телеграфов и директора Института гражданских инженеров, я объявил им о последовавшем высочайшем повелении и очень благодарил их за сотрудничество, за дружную работу. Мне было от души жаль расстаться с ними — это все были неоценимые работники и глубоко преданные мне.

В тот же вечер о постигшей перемене в моей службе я сообщил и лично состоявшим при мне секретарям: Сенько-Поповскому и князю Шаховскому и адъютанту Штеру. Они никто не пожелали перейти к будущему моему заместителю. Сенько-Поповского, этого совершенно исключительного по преданности [человека], мне удалось устроить в Оренбурге на должность вице-губернатора, а затем уже великий князь, назначенный наместником на Кавказе, взял его вице-губернатором в Черноморскую губернию. Князь Шаховской назначен был управляющим двором великой княгини Елизаветы Маврикиевны, а капитана Штера удалось устроить полицеймейстером императорских московских театров.

Брюна де Сент-Ипполита, который тоже не пожелал оставаться

директором Департамента полиции, удалось без всяких затруднений устроить сенатором, так как он пользовался огромным уважением министра юстиции.

На другой день весть о моем уходе разнеслась уже по всему городу, я стал получать со всех сторон выражения сочувствия, и даже многие из недавно нападавших на меня выражали сожаление о моем уходе.

В этот день я написал Государю письмо следующего содержания: «Ваше императорское величество, с сердечной болью прочел я вчера предъявленный мне управляющим Министерством внутренних дел суровый приговор Вашего величества.

Тяжел, конечно, самый факт отчисления без прошения от ответственных должностей в такое серьезное время, переживаемое Россией, но еще тяжелее полная неизвестность своей вины, невозможность ничего сказать в свое оправдание, невозможность узнать, какой проступок с моей стороны нарушил внезапно то доверие, которым я всю свою долголетнюю службу пользовался со стороны Вашего величества, которым я так гордился, которое так облегчало тяжелые минуты, которые мне приходилось переживать по роду своей службы.

Ваше императорское величество сообщили князю Щербатову об отчислении меня от должностей, но с оставлением в Свите Вашей. Простите, Государь, но позвольте мне с полной присущей мне откровенностью высказать Вам, Ваше величество. Ведь, оставляя меня в Свите Вашей, Вы это делаете исключительно по Вашей доброте, Вашему величеству не может быть приятным, чтобы человек, к которому Вы потеряли доверие, находился бы в рядах Вашей Свиты, а мне было бы очень тяжело быть в Свите с сознанием потерянного доверия. Как я буду себя чувствовать среди товарищей по Свите? Это будет пыткой. Не усиливайте же, Ваше величество, мои нравственные страдания; за всю мою долголетнюю службу ведь принес я хоть долю пользы, иначе Ваше величество не отличали бы меня так исключительно, особенно последние годы.

Разрешите мне подать в отставку, несмотря на военное время. Прошу Вас, Ваше величество, поверьте, это будет лучше, будет легче Вам и мне. А когда я несколько оправлюсь от пережитого, поправлю свое здоровье, разрешите мне вернуться на службу, но уже в действующую армию, в передовую линию — сделайте мне эту великую милость.

Мне очень тяжело писать, простите, если пишу нескладно. Я ухожу и передаю обе свои должности с полным сознанием исполненного долга, моя совесть чиста, так как я смело могу сказать, что никогда не преследовал личных целей, а всегда старался делать все для блага Вашего величества и нашей великой Родины. Вот почему особенно тяжела неизвестность своей вины.

Простите, Ваше величество, за мое откровенное письмо. Верьте, Государь, что по оставлении, во исполнение державной воли Вашей,

настоящей моей службы Ваше величество всегда будете иметь во мне того же верноподданного, каким я был до сих пор.

Вашего императорского величества верноподданнейший слуга Владимир Джунковский. Петроград. 16 августа 1915 г.».

Написав письмо, я поехал к графу Фредериксу, министру двора, который в это время жил у себя на даче близ станции Сиверской. Он ничего не знал о моем увольнении и был страшно поражен сообщенным ему известием. Отнесся он ко мне чрезвычайно участливо и сердечно, письмо мое одобрил, но отказался его передать Государю, так как находил неудобным передавать письмо, в котором я прошу уволить меня из Свиты, и рекомендовал просить Щербатова передать письмо Государю. Я так и сделал. Государь написал на письме: «В Свите оставить, на отправление в действующую армию согласен».

Одновременно я написал письмо и великому князю Николаю Николаевичу следующего содержания: «Ваше императорское высочество, Вы всегда были так милостивы ко мне, так исключительно ко мне относились, что мне бы не хотелось, чтобы Вы со стороны узнали о постигшем меня несчастье, и потому я решаюсь беспокоить Вас этим своим письмом.

15 августа управляющий Министерством внутренних дел пригласил меня и передал мне для прочтения высочайшую записку, где его величеству благоугодно повелеть отчислить меня от должностей с оставлением в Свите. Вы легко можете себе представить, до чего невыносимо больно, обидно было прочесть такую резолюцию, так неожиданно, без указания вины. До сих пор ни князь Щербатов, никто не знают причины. Вчера я был у графа Фредерикса — он был поражен не менее меня, отнесся ко мне более чем участливо.

Воля Государя для меня священна, очевидно, у его величества имеется серьезная причина, но больно, невыносимо больно ее не знать; завтра князь Щербатов везет указ о моем отчислении и мое письмо. Я прошу в этом письме Государя не оставлять меня в Свите, я пишу, что раз его величество потерял ко мне свое доверие, то каково же мое положение будет в рядах Свиты. [...]

Вот часть моего письма, я нарочно привел ее целиком Вашему высочеству, так как это самое больное место письма, и оно могло бы дойти до Вас в искаженном виде.

Графу Фредериксу я читал письмо, и он одобрил. Тут, конечно, поражает, почему я прошусь в отставку, я бы мог быть произведенным в генерал-лейтенанты и перевестись в действующую армию в резерв чинов, если бы последовало Ваше милостивое согласие, но тогда я материально стал бы в невозможное положение. Выйдя же в отставку, я получу пенсию, которая мне по закону полагается как командиру Отдельного корпуса, по особому докладу военного министра. Получив пенсию, я могу просить об оказании мне милости прикомандироваться к штабу 1-й Гвардейской пехотной дивизии для изучения строя, без всякого ущерба для казны и, по подготовке,

быть может, иметь счастье получить какое-нибудь назначение на фронте. Я очень надеюсь, что Ваше высочество не откажете мне в свое время в Вашей дорогой для меня поддержке. Простите, Ваше высочество, что отнял у Вас столько времени, но Вы так всегда были добры ко мне, что я не мог не написать Вам все откровенно.

Тяжело, невыносимо тяжело на душе, но легче, когда выскажешься. Господь да хранит Вас, да пошлет Вам свое благословение. Спасибо Вашему высочеству от всего сердца за все Ваше исключительное внимательное отношение ко мне.

Вашего императорского высочества всепреданнейший слуга В. Джунковский».

17 августа ко мне заехал товарищ Председателя Государственной Думы Протопопов и, не застав меня дома, оставил карточку, передав, что заезжал от имени более двухсот членов Думы выразить мне сочувствие, что они все хотели заехать, но боялись, чтоб это не было принято за демонстрацию. А затем я получил от А. И. Гучкова письмо, содержание которого меня сильно смутило. Привожу его текст:

«С.-Петербург, Фурштадтская, 36. 17 августа 1915 г.

Дорогой Владимир Федорович, всей душой с Вами. Знаю, что Вы переживаете. Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите, «они» — обреченные, их никто спасти не может. Пытался спасти их Петр Аркадьевич. Вы знаете, кто и как с ним расправился. Пытался и я спасти. Но затем махнул рукой. Пытались сделать и Вы, но на Вас махнули рукой. Но кто нуждается в спасении, так это Россия. И она от Вас не отмахнется. Она нуждается в таких людях, как Вы. Послужите ей.

Крепко жму Вашу руку. Глубоко уважающий Вас и искренне преданный А. Гучков».

Заехав к нему и не застав его дома, я ответил ему письменно: «Многоуважаемый Александр Иванович, заезжал, чтобы лично Вас поблагодарить за выраженные Вами чувства и дорогое участие, поверьте, я очень ценю Ваше участие и оно меня очень тронуло. Жалею, что не удалось застать Вас, хотел сказать, что часть письма вызвала у меня недоумение. Вы меня знаете хорошо, Вы знаете мои идеалы и всю мою службу, и что бы со мной ни было, что бы ни случилось, какие бы испытания ни выпали еще на мою долю, я не изменю тем идеалам и завету, с которыми начал свою службу Монарху и России. Простите за откровенность, но я не считал себя вправе скрыть от Вас свои чувства. Еще раз благодарю Вас, что вспомнили меня в моем испытании.

Искренне преданный и уважающий Вас В. Джунковский. 19/VIII 1915 г.».

Вообще мое увольнение, как оно ни было мне тяжело, дало мне огромное удовлетворение — я получил такую массу сочувственных писем и депеш со всех концов России, что сторицей вознагражден был за все пережитое в эти дни.

Удостоверение

Предъявитель сего командир 3 Сибирского армейского корпуса (Владимир Федорович Джунковский), что подписью и приложением печати удостоверяется.

г. Петроград «15» января 1918 г.

Главный Петроградский комендант

Удостоверение В. Ф. Джунковского как командира 3-го Сибирского армейского корпуса. 15 января 1918 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 12987

Бывший командир 3-го Сибирского армейского корпуса гражданин /б. генерал-лейтенант/ Владимир Федорович ДЖУНКОВСКИЙ приказом Армии и флоту 17 декабря 1917 года уволен от службы с мундиром и пенсией.

Пенсия ему назначена из казны по три тысячи двести семьдесят руб. (3270 р. – к.)

и из эмеритальной кассы по одной тысяче двести восемьдесят восемь руб. (1288 р. – к.) в год.

Настоящее удостоверение выдано Главным Штабом отставному генерал-лейтенанту ДЖУНКОВСКОМУ впредь до выдачи ему указа об отставке и аттестата об окончательном удовлетворении на службе содержанием, на предмет получения пенсии.

По получении указа об отставке удостоверение это подлежит возвращ. в Главн. Штаб.

Изложенное подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

Петроград, апреля 26/13 дня 1918 года

Начальник Пенсионного Отдела Главного Штаба

Начальник 8-го Отделения

Пенсионное удостоверение В. Ф. Джунковского. 26 апреля 1918 г.

В. Ф. Джунковский. 1920 г.

Примечания

Глава 8. 1912 год (продолжение)

[8] *...направлявшихся в Японию на похороны японского императора.* — Речь идет об императоре Муцухито (1852—1912), вступившем на престол в 1867 г. С его именем связаны коренные социально-экономические преобразования в Японии.

[9] *...полковник Генерального Штаба В. Е. Скалон, столь трагически погибший семь лет спустя в Бресте, куда он был командирован большевиками... при заключении мирного договора между Германией и Советской Россией.* — Первый этап переговоров о мире между Советской Россией и странами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией) происходил 1—15 (15—28) ноября в Брест-Литовске. Генерал-майор В. Е. Скалон (1872—1917), с 14 (27) сентября 1917 г. являвшийся начальником 2-го отдела при Управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего русской армии, присутствовал на переговорах в качестве представителя Ставки. На следующий день после их окончания 16 (29) ноября он застрелился. Многолюдные похороны В. Е. Скалона состоялись там же, в Брест-Литовске.

[10] *...скончался П. И. Бартенев — основатель первого в России исторического журнала «Русский архив».* — «Русский архив» — ежемесячный исторический журнал, издавался в Москве в 1863-1917 гг., публиковал документы и материалы по истории России.

[11] *...положили Голубеву направо.* — Речь идет о тайном голосовании при выборах в Государственную Думу. Голосование осуществлялось, как обычно при выборах, с помощью закрытого ящика, разделенного внутри на правую и левую половину. В ящике имелось небольшое отверстие для руки. Положить бюллетень «направо» означало проголосовать «за», налево — «против».

Глава 9. 1913 год

[1] *«Гражданин»* — русская политическая и литературная газета консервативного, монархического направления. Издавалась в Петербурге в 1872—1914 гг. под редакцией князя В. П. Мещерского.

[2] *Институт гражданских инженеров* — высшее учебное заведение, созданное в Петербурге в 1882 г. в результате переименования ранее существовавшего Строительного училища. Институт готовил специалистов по гражданскому и дорожному строительству. В 1892 г. Институту было присвоено имя императора Николая I. В Институт гражданских инженеров принимались выпускники гимназий и реальных училищ, выдержавшие экзамен по математике и рисованию. Обучение продолжалось 5 лет. Всем учащимся полагалась стипендия, наиболее отличившихся посылали за границу с целью повышения квалификации.

[3] *«Утро России»* — ежедневная общественно-политическая газета, основанная крупным финансистом П. П. Рябушинским; официальный редактор — И. Ф. Родионов. Издавалась в Москве в сентябре-октябре 1907 г. и с ноября 1909 по апрель 1918 г. (в апреле 1918 г. под названием «Заря России») на средства крупных московских капиталистов. В редакционный совет входили: П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, С. И. Четвериков, П. А. Бурышкин, С. Н. Третьяков и др. Накануне 1917 г. газета призывала к созданию «ответственного правительства народного доверия». Закрыта в 1918 г.

[4] *...бывшее в Азовском походе Петра I...* — Речь идет о походах русских войск и флота во главе с Петром I в устье Дона в 1695—1698 гг. во время Русско-турецкой войны 1686—1700 гг. Взятие Азова 19 июля 1696 г. было первой крупной победой русских войск.

[5] *...губернские жандармские управления.* — Первые губернские жандармские управления, подчиненные Министерству внутренних дел, были созданы в 1867 г. Их назначением был политический розыск и «производство дознаний по государственным преступлениям». С организацией охранных отделений за ними осталось лишь производство дознаний по политическим делам.

[6] *Жандармские полицейские управления железных дорог* были созданы в 1861 г. для обеспечения порядка на железнодорожном транспорте и должны были исполнять обязанности общей полиции, пользуясь всеми присвоенными ей правами. До революции 1905—1907 гг. жандармские полицейские управления железных дорог не занимались политическим розыском и не проводили дознаний по государственным преступлениям. Активное участие в революции железнодорожников побудило правительство издать приказ по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г., по которому на чинов жандармских полицейских управлений были возложены обязанности производства дознаний о «всех преступлениях политического характера».

[7] *Главное управление почт и телеграфов* — одно из центральных учреждений в системе Министерства внутренних дел, управлявшее почтовым, телеграфным и телефонным сообщением. Образовано 22 мая 1884 г. в результате соединения Почтового и Телеграфного департаментов. Имело в подчинении 35 почтово-телеграфных округов на территории России, осуществляло контроль за их развитием и совершенствованием, а также выполняло некоторые фискальные функции. С 1889 г. почтово-телеграфное ведомство стало осуществлять операции государственных сберегательных касс. В 1912 г. при

Главном управлении почт и телеграфов был создан Межведомственный радиотелефонный комитет. Главное управление почт и телеграфов было ликвидировано распоряжением Временного правительства 5 мая 1917 г. и на его базе было создано Министерство почт и телеграфа.

[8] *Канцелярия товарища министра внутренних дел* — секретарская часть в структуре Министерства внутренних дел, существовала с 25 января 1913 г. по 15 августа 1915 г., т. е. во время занятия В. Ф. Джунковским поста товарища министра внутренних дел. В ведении канцелярии находились дела по Департаменту полиции, Техническо-строительному комитету, Институту гражданских инженеров.

[9] *Временное положение о полиции 1863 г.* — Речь идет о Временных правилах об устройстве полиции, введенных 25 декабря 1862 г. Согласно этим правилам, уездная и городская полиция были объединены в общую уездную полицию, в губернских и крупных городах были образованы отдельные городские полицейские управления. Земский суд был заменен общим присутствием уездного полицейского управления.

[10] *«История России под скипетром Романовых».* — Речь идет о книге: Под скипетром Романовых. Исторические очерки. 1613—1913 гг. Под редакцией П. Н. Жуковича. СПб. 1912.

[11] *Русская национальная фракция в IV Государственной Думе* принадлежала к правой части Думы и составляла 20% от общего числа депутатов и 58% от числа правых.

[12] *«Сатирикон»* — еженедельный сатирический журнал, выходил в Петербурге с 1908 по 1914 гг. Издатель — М. Г. Корнфельд, редактор — А. А. Радаков, затем А. Т. Аверченко. В 1913 г. часть сотрудников стала издавать «Новый Сатирикон» под редакцией А. Т. Аверченко.

[13] *...Совет съездов.* — Советы съездов предпринимателей России — постоянные исполнительные органы представительных организаций крупного капитала дореволюционной России. В последней четверти XIX — начале XX в. действовали всероссийские, районные, отраслевые съезды представителей промышленности и торговли, коммерческих банков, металлообрабатывающей промышленности, нефтепромышленников, горнопромышленников Юга России и Урала. Советы избирались на съездах предпринимательских организаций, действовавших на основе утвержденных правительством уставов. Деятельность Советов съездов усилилась в годы первой мировой войны и прекратилась с установлением советской власти.

[14] *белопашцы* — крестьяне, потомки Ивана Сусанина и его зятя Сабинина, навечно освобожденные от государственных податей.

[15] *...откуда св. Стефан, будущий епископ Пермский, пошел просвещать зырян.* — Стефан Пермский (1340—1396) — православный миссионер и просветитель в землях коми с 1379 г., первый епископ Пермской епархии. Составил азбуку языка коми и перевел на древний коми язык ряд церковных сочинений.

Глава 10. 1914 год

[1] *Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.* было издано в рамках Земской реформы 1864 г. Распорядительными органами земских учреждений в 1864—1917 гг. были земские собрания, которые проводили раз в три года выборы земских управ и контролировали их работу, утверждали земский бюджет, ведали раскладкой земских повинностей. Председателями земских собраний были предводители дворянства (уездный — для уездных земских собраний, губернский — для губернских). Земские собрания собирались один раз в год, губернские — на срок не свыше 20 дней, уездные — не свыше 10 дней. Гласные губернских собраний избирались на уездных земских собраниях на основе имущественного ценза и куриальной системы, которая обеспечивала преобладание в земских собраниях дворян. Положением 1890 г. в уездах были введены два сословных избирательных собрания (съезда): первый — для дворян, второй — для прочих избирателей уезда (кроме крестьян), обладающих установленным цензом. Крестьяне выбирали кандидатов от волостных сходов, из которых губернатор, по представлению земского начальника, отбирал крестьянских гласных. Такой порядок существовал до 1906 г., когда крестьяне, обладавшие установленным цензом, получили право участвовать во вторых избирательных съездах *(см. примеч. 14 к гл. 2)*.

[2] *Лейпцигская битва 1813 г.* — решающее сражение 16—19 октября 1813 г. около г. Лейпцига во время военной кампании России, Австрии, Пруссии и Швеции против наполеоновской Франции. Разгром наполеоновской армии решил исход войны и привел к освобождению германских государств и Голландии.

[3] *Закопанский съезд в Галиции...* — Имеется в виду съезд 1912 г. ППС-фракции — правого фланга Польской партии социалистов. Польская партия социалистов (Польская социалистическая партия, ППС) была основана на съезде польских социалистов в ноябре 1892 г. и действовала, главным образом, на территории губерний Королевства Польского. Внутри партии было несколько направлений, каждое из которых предлагало свои методы борьбы за национальное освобождение Польши. Объединившись, отдельные группировки партии образовали в 1906 г. ППС-левицу и ППС-фракцию. Накануне первой мировой войны главные лидеры партии находились в Галиции, где по инициативе Ю. Пилсудского ППС-фракция призывала к участию Польши в войне на стороне Австро-Венгрии против России под лозунгом независимости Польши. ППС-фракция сформировала полувоенные организации (Союз активной борьбы, «Стшелец» и др.) и заключила союз с мелкобуржуазными партиями в этом регионе, что привело к образованию в 1912 г. на ее Закопанском съезде ППС-оппозиции. В состав ППС-левицы вошли сторонники сотрудничества с российскими революционными партиями: М. Хорвиц, М. Кошутская, П. Левинсон, Ю. Чишевский и др.

[4] *«Русское собрание* — черносотенная монархическая организация, возникла в Петербурге в ноябре-декабре 1905 г. Объединяла представителей

реакционной интеллигенции, чиновников, духовенства и помещиков — поборников «русского начала» прежде всего в культурной, духовной и бытовой жизни общества. Управлялось Советом из 18 человек под председательством князя Д. Голицына. Имело отделения в Харькове, Казани, Одессе и других городах. В программе «Русского собрания» указывалось, что самодержавие является залогом исполнения русским народом его всемирного христианского призвания, провозглашались единство и неделимость Российской империи, необходимость подчинения интересов всех населяющих ее народов интересам русского народа и его первенствующая роль в государстве.

Киевское отделение «Всероссийского национального союза». — Речь идет о «Киевском клубе русских националистов» — одном из отделений всероссийской организации, созданной в Петербурге весной-летом 1908 г. Председателем Совета «Союза» сначала был избран С. В. Рухлов, затем князь Урусов. В Совет входило 7 депутатов Государственной Думы, 2 члена Государственного Совета, председатель Петербургской городской думы и др. Целью «Союза» объявлялось содействие господству русской народности в пределах Российской империи, развитие русской культуры, а также упрочение государственности на началах самодержавия в единении правительства с законодательным народным представительством. В 1912 г. Всероссийский национальный союз насчитывал свыше 70 отделов в 30 губерниях и областях России. «Киевский клуб русских националистов» испытывал культурное и политическое давление со стороны местных национальных организаций.

[5] *...начальник штаба был ее ктитором.* — Ктитор *(греч.)* — строитель, создатель. В России должность ктитора сохранялась только в военных церквях. Ктитор назначался из офицеров полка или классных чиновников части командиром полка или начальником того управления, которому принадлежала церковь. В обязанности ктитора входили заведование доходами церкви, забота об ее благоустройстве, ведение приходно-расходных книг и т. п.

[6] *...памятник освободителя Бессарабии от турецкого ига...* — Речь идет о событиях, связанных с Русско-турецкой войной 1806—1812 гг. Развязала войну Турция, воспользовавшись поражением России под Аустерлицем. После победы в 1811 г. русских войск под командованием М. И. Кутузова был подписан Бухарестский мирный договор 1812 г., по которому к России отошли Бессарабия и Западная Грузия.

[7] *Бакинская стачка 1914 г.* началась 28 мая и длилась два месяца. В ней участвовало около 50 тысяч рабочих, требовавших восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы, устройства рабочих поселков вне промыслов, учреждения больничных страховых касс и проч. Правительство прибегло к арестам, выселению бастующих из квартир, принудительной высылке. Рабочие ответили массовыми демонстрациями; в Петербурге, Москве и других городах проходил сбор средств в помощь бакинским рабочим. В июле стачка была прекращена.

[8] *...где на «немом» заседании 1795 г. был предрешен 3-й раздел Польши.* —

После подавления восстания Костюшко (1794 г.) и взятия Варшавы русскими войсками под командованием А. В. Суворова в 1795 г. состоялся третий раздел Польши, в результате которого она перестала существовать как самостоятельное государство. К России отошли Литва и Курляндия, к Австрии — земли по Средней Висле (Малая Польша и Краков), к Пруссии — Варшава, Белосток, земли к северу от нижнего течения Западного Буга.

[9] *Всероссийский союз городов* (Всероссийский городской союз) был организован на съезде представителей органов городского самоуправления в Москве 8—9 августа 1914 г. Возглавил его московский городской голова М. В. Челноков. Союз городов образовал уездные, губернские, фронтовые и областные комитеты. 10 июля 1915 г., когда боевое снабжение русской армии переживало острый кризис, Всероссийский союз городов вместе с созданным ранее Земским союзом сформировали единую организацию — Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союза (Земгор). Вначале Земгор имел двух председателей: князя Г. Е. Львова — от Земского союза и М. В. Челнокова — от Союза городов. Вскоре М. В. Челноков отошел от деятельности в Земгоре, и князь Г. Е. Львов остался единственным председателем. Цель Земгора была взять в свои руки снабжение армии, но правительство разрабатывало свой проект перестройки военной экономики и создало «Особые совещания», оставив на долю Земгора лишь посреднические функции.

Глава 11. 1915 год

[1] *Вырубова* (урожденная Танеева) Анна Александровна (1884—1960) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, служила посредницей в ее отношениях с Распутиным. В результате карастрофы 2 января 1915 г., о которой пишет В. Ф. Джунковский, была тяжело ранена и осталась хромой на всю жизнь.

[2] *Партия Народной воли* — революционная организация, возникла в Петербурге в августе 1879 г. после раскола тайного революционного общества народников «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел». Учредители «Народной воли» стояли за уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, передачу земли крестьянам и т. п. В Исполнительный комитет организации входили: А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов и др. В начали 1880-х гг. народовольческие группы имелись почти в 50 городах России, большей частью на Украине и в Поволжье. Они занимались агитацией и пропагандой революционных идей, организацией террористических актов. Народовольцами было подготовлено семь покушений на Александра II. Его убийство 1 марта 1881 г. привело к идейному и организационному кризису организации и ее распаду. В 1890-е гг. сохранились лишь отдельные ее группы в Петербурге и в эмиграции, которые примкнули к либеральному движению.

[3] *«Будущее»* («L' Avenir») — еженедельная либеральная газета. Выходила в Париже с октября 1911 г. на русском языке под редакцией В. Л.

Бурцева, народовольца, впоследствие близкого к партии эсеров. Некоторые материалы печатались по-французски.

[4] *Папюс и Филипп* — французские авантюристы, которые в начале 1900-х гг. через княгинь «черногорок» втерлись в доверие царской семьи и придворных кругов. Занимались спиритизмом и предсказаниями и нажили значительное состояние. Так, лионский колбасник Филипп в 1902 г. предсказал императрице Александре Федоровне рождение сына (при ложной беременности императрицы), за что был произведен в статс-секретари и получил диплом доктора медицины honoris causa; когда обнаружилась ошибка, «доктор» благополучно «ушел в тень».

[5] *...Правительство платит 2100 марок за 1/1 и 1800 за 1/2 крови...* — Речь идет о покупке немецкими правительственными учреждениями лошадей для армии и о соответствующей плате за чистокровных лошадей и полукровок.

[6] *..дело о членах Государственной Думы... обвинявшихся в принадлежности к Социал-демократической партии...* — Речь идет о заседании Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения о государственных преступлениях и противозаконных сообществах, где 10—13 февраля 1915 г. было рассмотрено дело лишенных депутатской неприкосновенности депутатов-большевиков социал-демократической фракции IV Государственной Думы — Г. И. Петровского, А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова, обвинявшихся в принадлежности к РСДРП, «поставившей целью ниспровержение путем вооруженного восстания существующего строя». Поводом к арестам депутатов послужил их отказ голосовать за военные кредиты, а также антивоенная агитация, в частности, распространение Манифеста РСДРП, направелнного против войны. Депутаты были осуждены к вечному поселению в Туруханском крае в Сибири.

[7] *... старый корабль «Императрица Мария», на котором во время Синопского боя адмирал Нахимов держал свой флаг.* — Речь идет о морском сражении 18 ноября 1853 г. в Синопской бухте Черного моря между русскими и турецкими эскадрами во время Крымской войны. Эскадра адмирала П. С. Нахимова начала бой, имея три линейных корабля, в их числе флагманский — «Императрица Мария». С прибытием в помощь Нахимову еще шести линейных кораблей и двух фрегатов преимущество оказалось у русских, и после четырехчасового сражения турецкий флот был уничтожен.

[8] *«Петроградские ведомости»* — измененное с № 187 за 1914 г., после переименования Петербурга в Петроград, название газеты «Санкт-Петербургские ведомости», официального органа правительства. Издавалась в Петербурге с 1728 г. два раза в неделю, с 1800 до конца 1917г. — ежедневно. Закрыта советской властью.

[9] *«Вестник Европы»* — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Выходил с 1866 г. по начало 1918 г. в С.-Петербурге под ред. М. М. Стасюлевича (по 1908 г.).

[10] *В связи с этими неудачами для улучшения снабжения армии были образованы Военно-промышленный комитет, Всероссийский городской и Земский союзы...* — Речь идет о неудачах на фронте в связи с отступлением русской армии из Галиции летом 1915 г. В это время были созданы военно-промышленные

комитеты во главе с Центральным военно-промышленным комитетом, в который вошли А. И. Гучков, А. И. Коновалов и другие видные деятели. Учредительный съезд военно-промышленных комитетов состоялся в июле 1915 г., а к началу 1916 их насчитывалось не менее 220 в 33 губерниях и областях России. Главный по снабжению армии комитет Всероссийского Земского и Городского союза (Земгор) был образован 10 июля 1915 г. *(см. примеч. 9 к гл. 10)*.

[11] *...прокламации, выпущенные Польской социалистической партией, социал-демократией Королевства Польского и Литвы и Бунда* — прокламации, которые выпускались от имени ППС-левицы *(см. примеч. 4 к гл. 10)*, партии социал-демократов Королевства Польского и Литвы (СДКП и Л), созданной в 1890-1893 гг. из студентов, обучавшихся в Цюрихе (Р. Люксембург, Я. Тышка, А. Варский, Ю. Мархлевский и др.), а также Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве Польше и России (Бунда), сформированного в 1897 г. на учредительном съезде в Вильно представителями еврейских социал-демократических групп (Л. Гольдман, А. Кремер, М. Левинсон и др.). Эти партии и ранее выступали в блоке (например, ППС-левица с Бундом на выборах в Государственную Думу четвертого созыва). После объявления всеобщей мобилизации в Варшаве состоялось их совместное собрание, где 2 августа 1914 г. была принята антивоенная декларация. 5 августа 1914 г. было опубликовано их обращение о координации революционных сил. После оккупации немцами Варшавы в 1915 г. ППС-левица, СДКП и Л и Бунд активизировали свою деятельность.

[12] *...о назначении Верховной следственной комиссии о всестороннем выяснении деятельности ведомства, во главе которого стоял Сухомлинов.* — В. А. Сухомлинов (1848—1926), генерал от кавалерии, начальник Генерального Штаба в 1908—1909 гг., военный министр с марта 1909 г. по июнь 1915 г. 13 июня 1915 г., после неудач на фронте он был снят с должности под давлением общественного мнения. Назначенная в связи с этим Верховная следственная комиссия выявила ряд злоупотреблений в военном ведомстве, а некоторые лица из окружения военного министра (С. Мясоедов, А. Альтшулер) были обвинены в шпионаже в пользу Германии. По окончании следствия в марте 1916 г. В. А. Сухомлинов был арестован, но через шесть месяцев освобожден за недостаточностью улик и переведен под домашний арест. После Февральской революции он был вновь арестован. Новый суд над ним состоялся в августе-сентябре 1917 г., но обвинения в измене и причастности к шпионажу снова не подтвердились. Несмотря на это В. А. Сухомлинов был признан виновным в недостаточной подготовленности армии к войне и вновь заключен в тюрьму. 1 мая 1918 г. семидесятилетний В. А. Сухомлинов был освобожден по амнистии, эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию, где и умер в 1926 г.

Указатель имен

Содержание

Владимир Федорович **Джунковский**

ВОСПОМИНАНИЯ

Том второй

Записи Прошлого

Редактор *А. Панина*
Художественно-технический редактор
З. Теплякова
Корректор *Б. Тумян*

Лицензия № 060446 от 03.12.91

Подписано в печать 23.05.97. Формат 60 × 90[1] / 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль».
Усл. печ. л. 43. Уч.-изд. л. 47,5.
Тираж 5100 экз. Заказ № 2737.

Издательство имени Сабашниковых
119146 Москва, Фрунзенская наб., 38/1
Тел.: 242-59-63

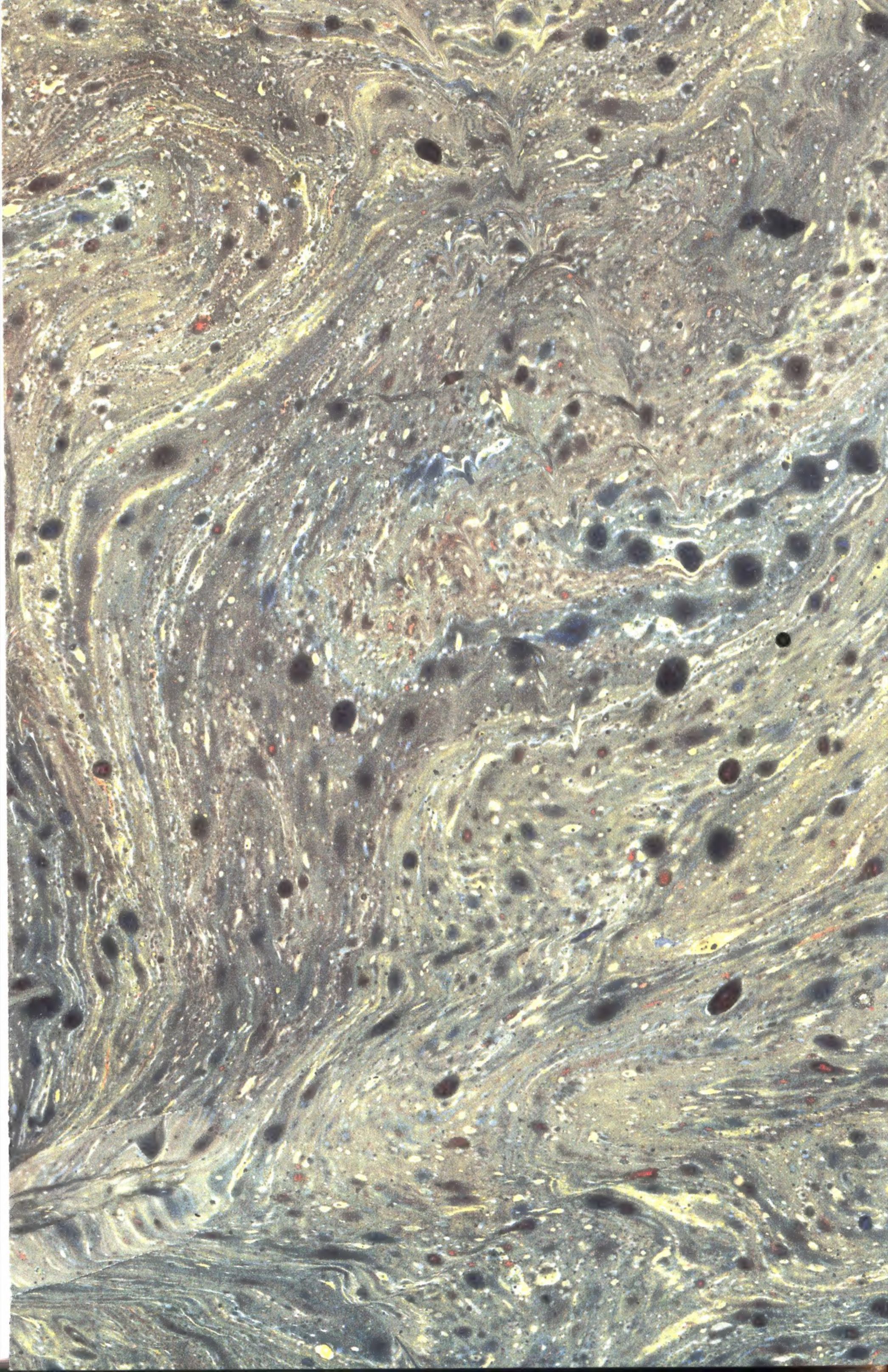
Отпечатано с готовых диапозитивов
на ПФ «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

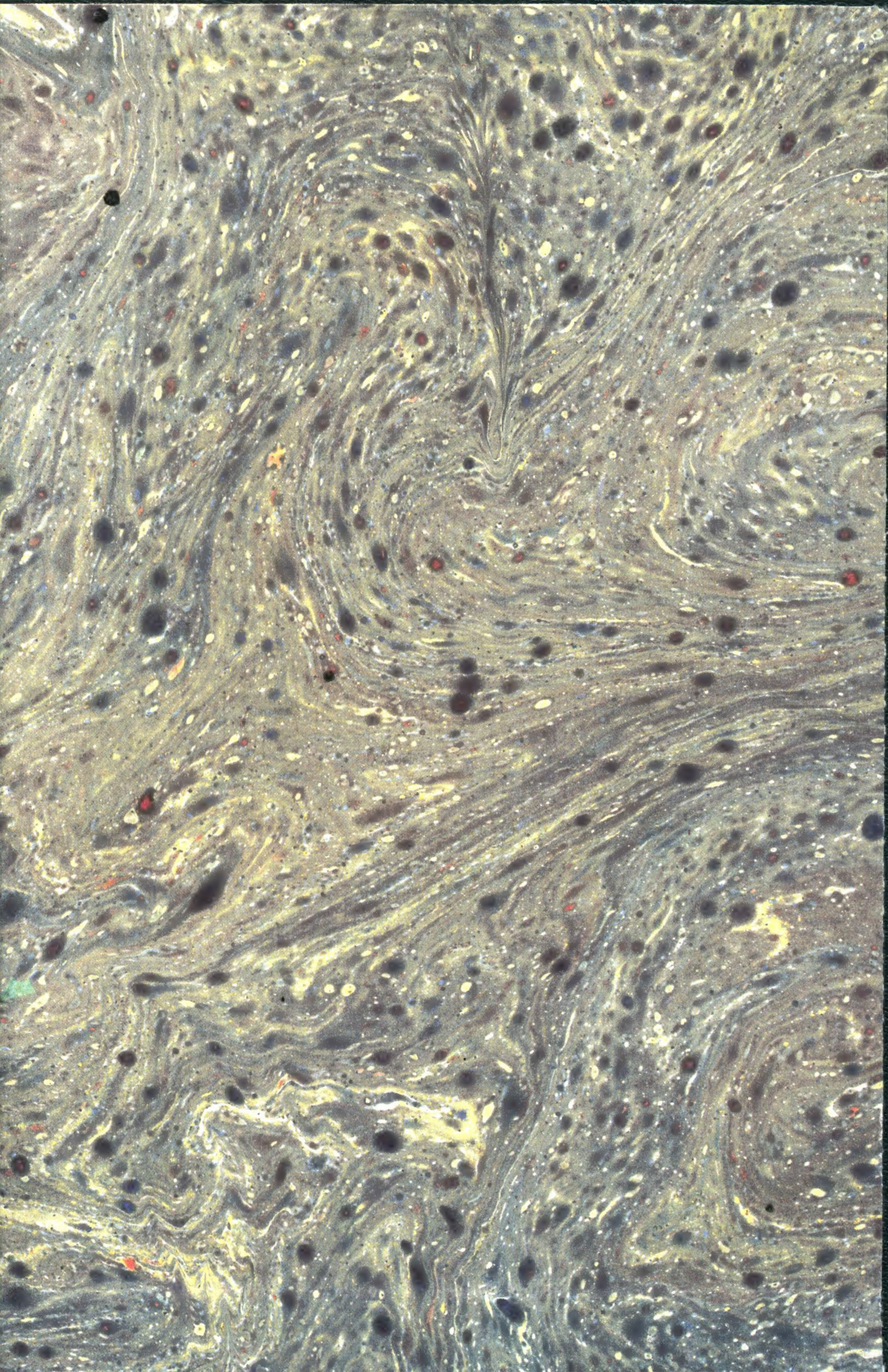
Джунковский Владимир Федорович
Д42 Воспоминания: В 2 т. Т. 2. Под общей ред. А. Л. Паниной; предисловие и примеч. И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Археограф. подготовка текста А. Л. Паниной. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 688 с.: ил. — (Записи Прошлого).
ISBN 5-8242-0044-00

Во втором томе издания продолжается рассказ о главном событии 1912 года — праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. В трех остальных главах центральное место занимают Романовские торжества 1913 г., забастовка на Бакинских нефтяных промыслах 1914 г., начало I мировой войны, Г. Распутин и связанная с ним отставка В. Ф. Джунковского.

и-
И.
и-
—

ии
ны
ие
г.,
В.

II В. Ф. Джунковский ВОСПОМИНАНИЯ